

Sborník příspěvků
z mezinárodní konference

XXII. OLMOUCKÉ DNY RUSISTŮ

04.–06. 09. 2013

ROSSICA OLOMUCENSIA

Sborník příspěvků
z mezinárodní konference

XXII. OLOMOUCKÉ DNY RUSISTŮ

04.–06. 09. 2013

Konferenci XXII. Olomoucké dny rusistů organizovala katedra slavistiky Filozofické fakulty univerzity Palackého v Olomouci v prostorách Filozofické fakulty ve dnech 04.-06.09.2013. Hlavním organizátorem konference je PhDr. Ladislav Vobořil, Ph.D.

Recenzovali: PhDr. Marta Vágnerová, Ph.D.
PhDr. Simona Koryčánková, Ph.D.

Za jazykovou, stylistickou a obsahovou správnost odpovídají autoři příspěvků.

© Ladislav Vobořil, 2014

ISBN 978-80-244-4077-4

СОДЕРЖАНИЕ

Доклады пленарного заседания

Воборил, Л.: Синкретизм в грамматической системе русского языка	09
Пехал, З.: Николай Васильевич Гоголь на перекрестке миров, реальностей и времен ...	15
Степанова, Л.: Новое издание словаря Вацлава Флайшганса «Česká přísloví»	21

Доклады лингвистической и переводческой секции

Арсеньева, Т. Е.: Просветительский дискурс о русском языке в интернет-пространстве и городской среде России	29
Баранова, О.: Новый словарный запас в журнале «Cosmopolitan», издаваемом на русском и чешском языках	35
Белошапкива, Т. В.: Категория аспектуальности и явление нейтрализации	41
Богуславова, Л.: Лексическое отрицание в русском и чешском языках: слова с элементом <i>не-</i>	45
Борек, М.: Картина художника в петербургских повестях Гоголя – языковые средства и приемы	49
Брагина, Н. Г.: Что нового можно сказать на языке рейтинга?	53
Бранднер, А.: Чешский элатив и его соответствия в русском языке	59
Будняк, Д. В.: О текстовом подходе к сопоставлению близкородственных языков	65
Войтишкова, С.: Структура заголовка на материале русских и чешских рекламных текстов ..	69
Грегор, Я., Коростенки, И.: Иноязычный словарный состав – типология (потенциальных) интерференционных отношений (на материале чешского и русского языков) ...	75
Желонкина, Т. П.: Двусмысленность в рекламных текстах	81
Закревская, В.: Функциональный диапазон глаголов совершенного вида в русской диалектной речи	85
Злобина, Н. Ф.: Принципы семасиологического анализа в исследованиях академика Ф. И. Буслаева	89
Конечны, Я.: Сопоставление фонетических систем как средство обучения звучащей речи на уроке РКИ	95
Корычанкова, С.: Идейные предпосылки языкового оформления образов красоты в произведениях русских и чешских символистов (на материале поэзии В. С. Соловьева и О. Бржезины)	99
Коряковцева, Е. И.: Экспрессивные неологизмы с интернациональными формантами в русском, польском и чешском языках	105
Крылова, Л. К.: Древнерусская церковная публицистика и формирование публицистического стиля русского языка	109

Крылосова, С. Г., Томашпольский, В. И.: Синкретичные колористические неологизмы в русском языке	113
Кубова, Н.: Порядок слов в русском и чешском языке в публицистическом стиле	119
Кузнецова, Н.: Сочетание «конечно наверно(е)»: аномалия или норма?	123
Куприева, И.: Вербализация ментальных структур психических процессов в свете компаративного анализа (на материале русского и английского языков)	129
Лебедева, М. Ю.: Стереотипы детства в частотных сочетаниях с наречием <i>по-детски</i> ...	133
Лихачева, О. О.: «Я пел к утешению братьев, их радостью счастлив...» Из опыта новых переводов поэзии Отокара Бжезины	137
Мазур-Межва, Л.: К вопросу о переводе экономических текстов	145
Мирзоева, Л. Ю.: Взаимодействие аксиологической и функционально-стилистической характеристики слова в диахронии	149
Нойманнова, К.: Характеристика словарного состава экологических текстов в русско-чешском сопоставительном плане	155
Нуррадильов, С.: К вопросу о литературном переводе имён собственных на славянские языки (на примере «Алисы в Стране Чудес» Л. Кэрролла)	159
Радченко, М.: О некоторых приемах словообразовательной игры в современных российских и хорватских СМИ	163
Рацибурская, Л. В.: Функции словообразовательных неологизмов в текстах современных российских масс-медиа	167
Ровинская, М. М.: Глагольные префиксы со значением циркулярной локализации в русском и других восточнославянских языках	173
Рудык, А.: Обращения к близким людям в польском и русском языках	177
Трофимова, О. В.: Параметры российских пространств: тексты Н. В. Гоголя на фоне научно-административных топографических описаний России	181
Флидрова, Г.: К инфинитивному предикату в русском языке в сопоставлении с чешским ..	187
Халидов, А.: Залоговые и внезалоговые диатезы в русском и других языках	193
Чумак-Жунь, А. А.: Этноним как маркер национальных приоритетов в ранних произведениях Н. В. Гоголя	199
Шаронов, И. А.: Роль коммуникативов в диалоге	205
Ярыгина, Е. С.: Бифункциональность компонентов конструкций вывода-обоснования ...	211
ДОКЛАДЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКОЙ СЕКЦИИ	
Васильева, Е. А.: О месте повести «Вий» в гоголевском наследии и современных интерпретациях в кино	219
Васильева, И. В.: Традиции сказа в русской литературе первой трети XX века	225
Житеев, А.: Анекдот и гротеск в прозе И. Холина («Московские шутки»)	229
Карташова, Е. П.: В. В. Розанов о роли Н. В. Гоголя в русской истории, литературе, литературном языке	233
Кондрашова, А.: Городской текст Рима и Петербурга в творчестве Н. В. Гоголя	239
Костинцова, Я.: Суживающееся пространство, нарастающий страх: визуализация незримого в повести Гоголя «Вий»	247
Косых, Г.: Генезис «художественной проповеди» в творчестве Н. С. Лескова	251
Млчохова, М.: Традиции Н. В. Гоголя в произведениях В. В. Маяковского	259
Моклецова, И.: Свообразие жанра исповеди в творчестве Н. В. Гоголя (1842–1852 гг.) ..	265
Мухина, А. С.: Поэтические дефиниции М. Цветаевой: вариации и трансформации	271
Решетникова, Е. В.: Жанровые трансгрессии в книге Линор Горалик «Библийский зоопарк» .	277
Сганелова, Г.: «Сорочинская ярмарка» Н. В. Гоголя в опере М. П. Мусоргского	281

Сужаефф, Н.: «Рука» в русских и французских фразеологизмах	285
ХАБИБУЛИНА, М.: «Китайский текст» в романе Д. А. Пригова «Катя китайская»	291
ШЕВЕНЛУ, Е. В.: Ситуация преодоления границ в лирической книге В. Павловой «Вездесь» ..	297
ШУЛЬЖЕНКО, В. И.: Южная православная дуга в геокультурной концепции Гоголя	301
Элиаш, А.: Н. В. Гоголь в интерпретации А. В. Исаченко	307

ДОКЛАДЫ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СЕКЦИИ

АРТЕМОВА, О. А.: Пространственная картина мира белорусов и англичан	315
БАБЕНКО, И.: Дискурсивные формулы концепта как единицы лингвокреативной деятельности школьников (на примере концепта <i>малая родина</i>)	321
БАЖУРА, Е. А., ХОРОЩАВИНА, А. Г.: Исследования фразеологии как источник исторической реконструкции: к постановке проблемы	325
БОРИСОВСКИ, Д.: Теоретико-практические аспекты анализа битекста (в работе лексикографов) ...	331
ВЕНЖИНОВИЧ, Н.: Мовна актуалізація концепту <i>материнство</i> у фразеологізмах української мови	337
ИВАНЧУК, И. А.: Трансформация фразеологизмов и языковая игра в современном пространстве России (на материале публичных дискурсов носителей высокой речевой культуры) ...	343
КНЯЗЬ, Т. М.: Реалізація поняття «матеріальний надлишок» засобами фразеології української мови	349
ЛЯБОХА, М.: Потерянное в лексикографии (?): фразеологическая картина мира в переводных словарях общего типа	355
ОРЛОВА, О. В.: Мифологема нефти в современном российском поэтическом дискурсе ..	361
ОСАДЧАЯ, М. Н.: Фразеосемантика в прагматическом фокусе художественного дискурса О. Мандельштама	367
ПАВЛАСОВА, М.: Frazeosémantická skupina „výraz tváře“ v ruských a v českých biblických frazeologizmech s křestními jmény	371
ПЕТКАУ, А. Ю.: О моделировании концепта <i>здоровье</i> в советскую эпоху (на материале паремий)	377
ПИКУЛЕВА, Ю. Б.: Фразеология в рекламе: к проблеме многозначности коммерческого дискурса ...	383
ПОЛИЩУК, А.: Интенсификация признака ГЛУПОСТЬ в системе русских народных сравнений или Почему гусак глупее курицы	389
ПШИШЛЯК, А.: Национальные и интернациональные крылатые единицы, восходящие к кинематографу, в польском и русском языках	393
РОМАШИНА, О.: Фразеологическая объективация синестетических конструктов в русском и английском языках	399
СВАШКОВА, М.: «Красота» и «уродливость» во фразеологической картине мира русских, чехов и испанцев	405
ХОРОЩАВИНА, А. Г.: Русские сложные фразеологизированные конструкции как отражение ценностно-характеризующего аспекта национальной языковой картины мира ..	409
СНАКА, О.: Legal English Idioms and Problems of Rendition into Ukrainian	415
ЧЕКУЛАЙ, И., ПРОХОВА, О.: Деятельностная основа в образовании фразеологических единиц с компонентом «стихия» во фразеологических картинах славянских и германских языков	419
ЧУМАКОВА, С. Ю.: Концепт «цвет» (черный, белый; fekete, feher) в русской и венгерской фразеологии	423

ДОКЛАДЫ
ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ

ЛАДИСЛАВ ВОБОРИЛ

Чехия, Оломоуц

СИНКРЕТИЗМ В ГРАММАТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

ABSTRACT:

Syncretism in the Grammar Structures in Russian

The aim of the paper is to define the term of syncretism, to compare it with other terms such as polyfunctionality, polysemy, contamination etc., to outline the main notions of syncretism in special literature and to give some examples of syncretic phenomena in Russian. In linguistics syncretism is usually understood as the identity of form of distinct forms of a word as a result of merging of two or more originally different inflectional forms or rarely as the synthesis of differential structural or semantic features of language units. A short historical outline of research on syncretism is given as well. Syncretism is then analyzed within a broader theory of transitivity/transition worked out by V. V. Babaytseva. The terms of 'zone of syncretism' or 'scale of transition' are briefly defined. In the last part particular examples of syncretic phenomena in Russian are given (syncretism of parts of speech, sentence members).

KEY WORDS:

Syncretism – polyfunctionality – polysemy – homonymy – contamination – Russian language – identity of distinct forms – language units – theory of transitivity – V. V. Babaytseva – zone of syncretisms – scale of transition – parts of speech – substantivized adjectives.

Целью нашего доклада ставим: во-первых, определить термин синкретизм и отграничить его от смежных терминов, как, напр., полифункциональность, полисемия, многозначность, переходность, контаминация и др., во-вторых, очертить основные контуры состояния изученности данной проблематики в научной литературе, и, в-третьих, продемонстрировать выбранные примеры синкретичных явлений морфологического уровня языка.

Термин **синкретизм** (от греч. *συνκρητισμός*, *synkretismos* 'соединение', 'объединение') в своем нынешнем значении далек от первоначального его толкования 'собрание граждан острова Крит', обозначая: 1) нерасчленённость, характеризующую неразвитое состояние какого-либо явления (напр., искусства на первоначальных стадиях человеческой культуры; нерасчленённость психических функций на ранних ступенях развития ребёнка и т.п.). 2) смещение, неорганическое слияние разнородных элементов, напр.,

различных культов и религиозных систем в поздней античности; в философии – разновидность эклектики [СФС 1974].

В лингвистике термин **синкретизм**, как правило, определяется, исходя из дефиниции Лингвистического энциклопедического словаря, как: 1) совпадение в процессе развития языка функционально различных грамматических категорий и форм в одной форме, напр., падежный синкретизм (одно окончание имеет значение разных падежей); 2) совмещение (синтез) дифференциальных структурных и семантических признаков единиц языка (некоторых разрядов слов, значений, предложений, членов предложений и др.), противопоставленных друг другу в системе языка и связанных явлениями переходности. [ЛЭС]

В лингвистику, полагают, термин синкретизм введен Л. Ельмслевым [Плунгян 2003: 120], считавшим синкретизм общим свойством языка, рассматривая синкретизм как на уровне языка, так и речи. Явление синкретизма упоминается и в работах А. М. Пешковского по синтаксису русского языка, в трудах В. В. Виноградова, обратившего внимание на совмещение признаков разных членов предложения в пределах одной словоформы; о синкретизме падежных форм, совпадении падежей пишет и Р. О. Якобсон [Колесникова]. Многие русские языковеды занимались определением сущности, природы, характера синкретизма как явления, изучением его разновидностей. Для русского языкознания характерно смещение акцентов в сторону изучения синкретизма на уровне синтаксиса (напр., Н. А. Кобрина (2007), Т. Е. Аношкина (1981), В. В. Бабайцева (1984, 1997), З. В. Валюсинская (1992), П. В. Чесноков (1992), Л. Д. Чеснокова (1988) и др.) [Павлоковец 2009], между тем как зарубежные исследования устремлены в область синкретизма на морфологическом уровне.

«Проблема синкретизма связана и с философской, общелингвистической проблемой соотношения означаемого и означающего, содержания и формы языкового знака, его асимметрии» [Высоцкая 2006]. Актуальность исследования синкретизма и переходных явлений состоит в том, что снимаются противопоставления «системных» и «а-системных» явлений, выходящих за рамки детальных классификаций. Изучение синкретизма и переходности в работах В. В. Бабайцевой, на которые мы будем опираться в дальнейшем изложении, представив основные тезисы ее теории, положившей начало современным исследованиям переходности и синкретизма в грамматическом строе русского языка, обусловлено двойственной природой языка, сочетанием в нем статики и динамики [Штайн 2001: 11].

Теория переходности В. В. Бабайцевой (напр., *Явления переходности в грамматике русского языка* (2000 г.) или *Переходные конструкции в синтаксисе* (1967 г.)) как раз намерена фиксировать моменты нестабильности системы и ее самоорганизации, делая акцент на взаимодействиях языковых единиц, — их динамике, внутренней работе языка, т. е. системы систем. «Она [переходность] изучается как универсальное свойство языка, которое скрепляет языковые факты в целостную систему, отражая синхронные связи и взаимодействие между ними, обуславливая возможность диахронных преобразова-

ний [...] синкретизм – это свойство языковых и речевых явлений, одно из проявлений и следствий явлений переходности» [Бабайцева 2000: 15, 595].

Шкала переходности, введенная В. В. Бабайцевой, позволяет определить место зоны синкретизма, характер синкретичных явлений. «Зона синкретизма – курсив мой Л. В. – это область переходных образований, характеризующихся синтезом (совмещением дифференциальных признаков взаимодействующих явлений, как в синхронном, так и в диахронном плане» (Бабайцева 2000 цит. по [Штайн 2001: 15]).

Зону синкретизма В. В. Бабайцева представляет с помощью наложения одного круга на другой. Центр (ядро) – символы *A* и *B* – включают элементы, типичные для данной части речи с полным набором дифференциальных признаков сопоставляемого полярного типа. Зону синкретизма образуют звенья *Ab*, *AB*, *aB*, которые делятся на периферийные (*Ab* и *aB*) и промежуточные *AB*. Языковые явления, отражающие эти звенья, синкретичны. Промежуточная зона лишь часть зоны синкретизма. Ось $A \rightarrow Ab \rightarrow AB \rightarrow aB \rightarrow B$ называется *шкалой переходности*. Синкретичные образования (и периферийные, и промежуточные) в СРЯ являются следствием диахронных и синхронных переходов. [...] характеризуются более богатой семантикой, чем ядерные слова; более разнообразной валентностью и синтаксическими функциями [Бабайцева 1983: 36–38].

Как справедливо отмечает В. В. Бабайцева, явление переходности имеет универсальный характер и прослеживается на всех языковых уровнях.

На морфолого-синтаксическом уровне наблюдается целый ряд переходных явлений, отличающихся синкретизмом. Остановимся лишь на выбранных примерах. Одним из спорных, до сих пор окончательно нерешенных вопросов лингвистической теории является классификация частей речи, определения ее принципов. Одной из попыток усовершенствования данной теоретической разработки является классификация частей речи с учетом явлений переходности, зоны синкретизма. Как пишет В. В. Бабайцева, «Игнорировать зону синкретизма – значит обеднять и сокращать объект исследования [...] Части речи находятся в постоянном взаимодействии, одним из следствий которого является образование новых слов с помощью разных средств, в том числе транспозиций. При этом образуются не только функциональные омонимы, но и гибридные слова, характеризующиеся синкретизмом свойств» [Бабайцева 2000: 305, 306].

С учетом набора дифференциальных признаков В. В. Бабайцева представляет схему упорядочения полнозначенательных частей речи; к I ступени относит образования с полным набором дифференциальных признаков, ко II и III ступеням синкретичные явления, совмещающие признаки предыдущих ступеней; образования II ступени совмещают признаки I ступени, образования III ступени признаки I и II ступеней [Бабайцева 2000: 319].

В сфере вспомогательных частей речи зону синкретизма образуют союзы и частицы; их функции нередко пересекаются. Знаменательные и служебные части речи тоже образуют зоны синкретизма, в которой отражается взаимодей-

стве данных классов слов, вследствие чего налицо ряд гибридных (синкретичных) слов и функциональных омонимов. [Бабайцева 2000: 341].

Зоны синкретизма в области синтаксиса наблюдаются, напр., в оппозициях двусоставных и односоставных + нечленяемых предложений, в оппозиции полных и неполных предложений, в невозможности точной, однозначной квалификации некоторых членов предложения, в совмещении ими дифференциальных признаков разных членов предложения, разных функций, и в системе сложного предложения (в оппозициях сложносочиненных // сложноподчиненных предложений // бессоюзных предложений).

В зоне синкретизма между полным и неполным предложением налицо ряд переходных случаев. Рассмотрим случай семантически полного предложения, но с неполной структурой, стационарного предложения типа *С праздником!*, распределим данные формы их на шкале переходности.

А – *(Я) поздравляю вас с защитой диссертации!*

Аб – *(Я) поздравляю (вас) (с защитой диссертации)!*

АБ – *С защитой вас!*

аБ – *С защитой!*

Б – ---

Семантическая структура данного предложения включает четыре компонента, которым соответствуют четыре члена предложения; в скобки включены факультативные для данного звена члены предложения. Сосуществование всех членов данного ряда не позволяет рассматривать конструкции типа *С защитой!* как Б, так как до сих пор имеется системная связь с другими членами ряда. Такие конструкции являются неполной реализацией исходной структурной схемы (N_1) + Vf + N_4 + N_7 .

В оппозиции простое – сложное предложение имеются следующие типы предложений: с обособленными членами предложения, предложения с однородными членами, с вводными и вставными конструкциями, с обращением [Бабайцева 2000: 517]. В переходной зоне между простым и сложным предложением, в сфере обособления располагаются полупредикативные построения типа причастных, деепричастных, адъективных, инфинитивных, субстантивных оборотов с разной мерой предикативности. Все они содержат скрытую, неполную предикацию, которая может развернуться в полную, и оборот становится предложением. Рассмотрим на шкале переходности причастные обороты:

А – *Я не люблю начитанных людей.*

Аб – *Я не люблю начитанных до учености людей.*

АБ – *Я не люблю людей, начитанных до учености.*

аБ – *Я не люблю людей, которые начитаны до учености.*

Б – *Некоторые люди начитаны до учености. Не люблю таких людей.*

Осложненные предложения занимают промежуточное положение между простым (А) и сложным (аБ) предложениями, а также сочетанием самостоятельных предложений (Б). Степень предикативности в данных конструкциях разная. Минимальная – у конструкций с определениями-причастиями в пре-

позиции; средняя – у постпозитивных оборотов; максимальная – у постпозитивных оборотов с вводными словами. Степень предикативности зависит от распространенности, от лексико-грамматического характера глагола [Бабайцева 2000: 518–519].

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- БАБАЙЦЕВА, В. В. (1967): *Переходные конструкции в синтаксисе*. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство. – 392 с.
- БАБАЙЦЕВА, В. В. (1983): *Зона синкретизма в системе частей речи современного русского языка* // «Научные доклады высшей школы. Филологические науки», № 5.
- БАБАЙЦЕВА, В. В. (2000): *Явления переходности в грамматике русского языка*: Монография. М.: Дрофа – 640 с.
- ВЫСОЦКАЯ, И. В. (2006): *Синкретизм в системе частей речи современного русского языка* : автореферат дис. ... доктора филологических наук : 10.02.01 / Моск. пед. гос. ун-т. М.
- ЛАПИНА, Е. В. (2013): *К вопросу о синкретизме второстепенных членов предложения*. // Гуманитарные научные исследования. – № 4 (20) Апрель 2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://human.snauka.ru/2013/04/2727>.
- Лингвистический энциклопедический словарь*. (1990) Под. ред. В. Н. Ярцевой. М.: «Советская энциклопедия».
- ПАВЛЮКОВЕЦ, М. А. (2007): *Определение понятия синкретизм в сопоставлении с понятиями полисемия и контаминация*. [Текст] / М.А. Павлюковец // Материалы XIV Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2007». – Том III. – М.: Изд-во МГУ, 2007. – С. 122.
- Советский философский словарь*. М. 1974.
- ШТАЙН, К. Э: *Переходность и синкретизм в свете деятельностной концепции языка* // Языковая деятельность: Переходность и синкретизм: Сб. статей научно-методического семинара «Textus». М. – Ставрополь: СГУ, 2001. – 516 с.

ЗДЕНЕК ПЕХАЛ

Чехия, Оломоуц

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ГОГОЛЬ НА ПЕРЕКРЕСТКЕ МИРОВ, РЕАЛЬНОСТЕЙ И ВРЕМЕН

ABSTRACT:

Nikolay Vasilevic Gogol on the Crossroads of Worlds, Realities and Times

The aim of the present article is to give the view of the problems of interpretation of Nikolay Gogol's artistic text. Gogol's text is understood as the unclosed meaning unit. The movement and transformation of meaning and open semantic structure is given by artistic structural exposure. This exposure is based on the blending of fantasy, reality, illusion, paradox, grotesque, absurdity, imagination, laugh and dream. Especially, we focus on various aspects of the question of the hierarchy of Gogol's text and context of the hierarchy and the existential interpretation of the text .

KEY WORDS:

Nikolai Gogol – narrator – hierarchy – movement and trasformation of meaning – open semantic exposure and structure.

Темой литературоведческой части нашей конференции является Николай Васильевич Гоголь. Мои сотрудники уговаривали меня дать другую тему. Ведь совсем недавно по всему миру прошли научные встречи в связи с двухсотлетней годовщиной со дня рождения Н. В. Гоголя. Были изданы книги, которые в репрезентативном виде представили современный взгляд на творчество и художественную личность Н. В. Гоголя. Материалы Юбилейной международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения Н. В. Гоголя, были собраны в книгу *Феномен Гоголя*, которая была напечатана при сотрудничестве Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН и Санкт-Петербургского государственного университета.¹ Сборник представляет собой совокупность проблем, связанных с современной интерпретацией художественной личности Н. В. Гоголя. В публикуемых статьях рассматриваются вопросы творческой биогра-

¹ *Феномен Гоголя: Материалы Юбилейной международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения Н. В. Гоголя* / Под ред. М. Н. Виролайнен и А. А. Карпова. СПб.: Петрополис, 2011. – 850 с.

фии Гоголя, его связи с предшествующей литературной традицией и влияние на авторов XIX–XX вв., проблемы осмысления гоголевского художественного мира. В сборнике в хронологическом порядке помещены статьи, обращенные к отдельным периодам творчества писателя и отдельным его произведениям. В книгу вошли статьи, в которых освещены различные аспекты рецепции творчества Гоголя и его исследовательская интерпретация такими учеными, как Ю. Н. Тынянов, Д. И. Чижевский и Ю. М. Лотман.

Коллеги из Екатеринбурга издали коллективную монографию *Н. В. Гоголь как герменевтическая проблема*², в которой коснулись всех ключевых проблем, связанных с современным прочтением Н. В. Гоголя. Таким образом, по всему миру возникли публикации по гоголевской теме. И в Чехии был создан сборник статей, посвященный гоголевскому наследию. Международная конференция и сборник были организованы институтом славистики Университета им. Масарика в Брно³. Но все-таки мне кажется, что диалог с Гоголем надо вести постоянно, нужно видеть тексты Н. В. Гоголя как составную часть современной литературы. Хотя о Гоголе были написаны сотни страниц, он все равно остается неизвестным. Наивысшей точкой его искусства является то, что ему удалось создать тексты с постоянно разворачивающимися значениями. Гоголевские тексты в своих значениях не завершены, они постоянно способны рождать новые и новые образы и представления, новые реальности с бессчетным множеством интерпретаций.

Конечно, сказать новое слово о Гоголе почти невозможно, но все-таки, как мне кажется, нужно постоянно стремиться ко все новой и новой трактовке метафоры художественного мира Н. В. Гоголя. Нас прежде всего будет интересовать, каким образом, какими формальными средствами организована гоголевская метафора. В связи с Гоголем мы предлагаем обсудить на нашей конференции такие темы, как: фантастика, гротеск, парадокс, карикатура, сказ, визуальная мимика, действительность и иллюзия действительности, фольклорный комизм, трагикомизм, безумие, портретная типизация, идея фикс, экзистенциальные колебания, тема заколдованного места, сатира, тема бюрократии, иерархии, маленького человека, случайности, мошенничества и трюка, сна.

Сейчас позвольте мне высказать несколько мыслей, касающихся вышеприведенных проблем. Разрешите взять маленький отрывок текста Н. В. Гоголя, остановиться на некоторых его поэтических гранях и посмотреть, как эти грани связаны друг с другом.

Прекрасный человек Иван Иванович! Какой у него дом в Миргороде! Вокруг него со всех сторон навес на дубовых столбах, под навесом везде скамейки. Иван Иванович, когда делается слишком жарко, скинет с себя и бекешу и исподнее, сам останется в одной рубашке и отдыхает под навесом и глядит, что делается во дворе и на улице. Какие у него яблони и груши под самыми окнами! Отворите только окно – так ветви и врываются в комнату. Это все перед домом; а посмотрели бы, что у него в саду! Чего там нет! Сливы, вишни, черешни, огороди-

² *Н. В. Гоголь как герменевтическая проблема: к 200-летию со дня рождения писателя*. Под общ. ред. О. В. Зырянова; Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета (УрГУ), 2009. – 346 с.

³ *Litteraria Humanitas XV. N.V. Gogol: Bytí díla v prostoru a čase (studie o živém dědictví)*. Eds. Dohnal, J. Pospíšil, I. Brno : Tribun EU, 2010.

на всякая, подсолнечники, огурцы, дыни, стручья, даже гумно и кузница. Прекрасный человек Иван Иванович! Он очень любит дыни.

Очень хороший также человек Иван Никифорович. Его двор возле двора Ивана Ивановича. Они такие между собою приятели, какие свет не производил. Антон Прокофьевич Пупуз, который до сих пор еще ходит в коричневом сюртуке с голубыми рукавами и обедает по воскресным дням у судьи, обыкновенно говорил, что Ивана Никифоровича и Ивана Ивановича сам черт связал веревочкой. Куда один, туда и другой плетется.

Иван Никифорович никогда не был женат. Хотя проговаривали, что он женился, но это совершенная ложь. Я очень хорошо знаю Ивана Никифоровича и могу сказать, что он даже не имел намерения жениться. Откуда выходят все эти сплетни? Так, как пронесли было, что Иван Никифорович родился с хвостом назад. Но эта выдумка так нелепа и вместе гнусна и неприлична, что я даже не почитаю нужным опровергать пред просвещенными читателями, которым, без всякого сомнения, известно, что у одних только ведьм, и то у весьма немногих, есть назад хвост, которые, впрочем, принадлежат более к женскому полу, нежели к мужескому.

Иван Иванович худощав и высокого роста; Иван Никифорович немного ниже, но зато распространяется в толщину. Голова у Ивана Ивановича похожа на редьку хвостом вниз; голова Ивана Никифоровича на редьку хвостом вверх. Иван Иванович только после обеда лежит в одной рубашке под навесом; ввечеру же надевает бекешу и идет куда-нибудь - или к городовому магазину, куда он поставляет муку, или в поле ловить перепелов. Иван Никифорович лежит весь день на крыльце, - если не слишком жаркий день, то обыкновенно выставив спину на солнце, - и никуда не хочет идти. Если вздумается утром, то пройдет по двору, осмотрит хозяйство, и опять на покой.

Иван Иванович чрезвычайно тонкий человек и в порядочном разговоре никогда не скажет неприличного слова и тотчас обидится, если услышит его. /.../ Иван Иванович очень сердится, если ему попадется в борщ муха: он тогда выходит из себя - и тарелку кинет, и хозяину достанется. Иван Никифорович чрезвычайно любит купаться и, когда сядет по горло в воду, велит поставить также в воду стол и самовар, и очень любит пить чай в такой прохладе.

Иван Иванович бреет бороду в неделю два раза; Иван Никифорович один раз.⁴ [II, 185–189]

Перед нами образ украинского быта. Но его ценность заключается не в точности его описания, в физиологическом очерке, а прежде всего в лице сказителя. Интереснее всего поиск лица рассказчика или того, кто пересказывает колорит украинской среды. Так и хочется сказать: не сказитель, а исполнитель. Перед нами сказ, как это было выражено словами Эйхенбаума, – а за сказом скрывается актер, так что сказ приобретает характер игры и композиция определяется не простым сцеплением шуток, а некоторой системой разнообразных мимико-артикуляционных жестов. Прежде всего хочется узнать, какое лицо, какая перспектива находится за текстом.

На первый план выступает смех, потому что смешивается возвышенное, торжественное, серьезное и сниженное, обыденное. Торжественное дается в рамках обыденного. Сказовое смешивание дается на основе неожиданности анекдотической концовки в связи с жанром анекдота. Жест торжественности и духовности предполагает торжественную концовку, которая сказителем замечена неожиданным стиливым снижением.

⁴ Тексты Гоголя цитируются по изданию: Гоголь Н. В.: *Собрание сочинений*. Москва: Государственное издательство художественной литературы: 1949 (ссылки на него даются в тексте, с указанием тома римской цифрой и страниц – арабской).

Быт здесь выступает не как образ психологической мотивировки, а, как заметил почти сто лет тому назад Эйхенбаум⁵, как образ замкнутого в себе мира, совсем отгороженного от действительного мира, от большой реальности, полноты душевной жизни. Некоторые черты неожиданно преувеличены и преувеличение контрастно сталкивается с неожиданным сокращением, снижением значения.

Перед нами определенная иерархия. Высокое и низкое. Возвышенные человеческие намерения, предполагаемые и традиционно ожидаемые цели прекрасного человека – и на том же уровне ценностей приводится, что он любит дыни. Мы имеем дело с ситуацией, когда торжественный образ прекрасного человека предполагает продолжение в духе классицизма, как нечто достойное. Но концовка с дыней или вообще низменные черты портретной характеристики вызывают крах ожидаемого продолжения торжественности и все воспринимается как контраст, несоответствие, вызывающее смех.

Вопрос иерархии можно прямолинейно понимать в связи с сюжетом *Ревизора*, который построен именно на предпосылке бюрократической иерархии. Чувствуется, что где-то существует всевластная вершина пирамиды и подчиненные ей бюрократические слои. Прекрасным примером этой гротескной иерархии является просьба Бобчинского, которая представляет собой не просто портретную карикатуру, а синекдохический образ духовного уровня среды провинциального города:

Бобчинский. Как же, имею очень низжайшую просьбу.

Хлестаков. А что, о чем?

Бобчинский. Я прошу вас покорнейше, как поедете в Петербург, скажите всем там вельможам разным: сенаторам и адмиралам, что вот, ваше сиятельство, живет в таком-то городе Петр Иванович Бобчинский. Так и скажите: живет Петр Иванович Бобчинский.

Хлестаков. Очень хорошо.

Бобчинский. Да если этак и государю придется, то скажите и государю, что вот, мол, ваше императорское величество, в таком-то городе живет Петр Иванович Бобчинский.

Но в гоголевском мире можно обнаружить иерархию и совсем другого рода, вытекающую из гоголевской антропологии, которая воспринимает человека как центр бытия и единственную ценность целостности бытия. Жизнь Акакия Акакиевича из повести *Шинель* ограничена департаментом и переписыванием документов. Переписывание приносит ему чрезвычайное наслаждение. Но вдруг он вынужден покинуть мир переписывания и защититься от врага всех мелких чиновников – сильного петербургского мороза. Все это можно считать жестом человека, который сопротивлялся ожидаемой подчиненности, которая предполагает, что человек не может уйти в сторону от предназначенного ему пути и уклониться от своей судьбы. С одной стороны, выступает постоянная человеческая жизненная деятельность, которая стремится преодолеть моменты детерминации человека, с другой стороны, властвует принцип всеобщей детерминации человека, подчиненность его жизненным обстоятельствам, безжизненному механизму и бюрократическому однообразию. Эти две жизненные тенденции человека, деятельность и стремление к преодолению предна-

⁵ Эйхенбаум, Б. М. (1969): *О прозе*. Ленинград, с. 306–326.

значенности и, с другой стороны, подчиненность – вызывают все-таки иллюзию, что можно открыть окошко в мир настоящей жизненной деятельности, найти вид деятельности, с которой можно отождествиться как с индивидуальным человеческим делом и над которой нельзя так легко смеяться. Это момент, когда Акакий Акакиевич решил приобрести новую шинель.

И вдруг все разбилось, сломалось, близость людей вокруг него оказалась только обманом и восхождение по лестнице общественных отношений оказался мнимым, иллюзорным. Сама амбиция подъема по иерархической лестнице оказалась бесценной. С одной стороны, постоянно подчеркивается уважение к иерархии, с другой стороны – иерархия исчезает словами конца повести *Шинель*:

Акакия Акакиевича свезли и похоронили. И Петербург остался без Акакия Акакиевича, как будто бы в нем его и никогда не было. Исчезло и скрылось существо никем не защищенное, никому не дорогое, ни для кого не интересное, даже не обратившее на себя внимание и естество наблюдателя, не пропускающего посадить на булавку обыкновенную муху и рассмотреть ее в микроскоп; — существо, переносившее покорно канцелярские насмешки и без всякого чрезвычайного дела сошедшее в могилу, но для которого всё же таки, хотя перед самым концом жизни, мелькнул светлый гость в виде шинели, ожививший на миг бедную жизнь, и на которое так же потом нестерпимо обрушилось несчастье, как обрушивалось на царей и повелителей мира. [III,149]

Таким образом, мы бы хотели подчеркнуть в поэтике Н. В. Гоголя постоянное наличие двух или нескольких перспектив восприятия созданного им художественного мира. Читателю дается возможность восприятия действительности глазами героя и его личных переживаний и, с другой стороны, выдвигается перспектива безучастия, даже равнодушия с точки зрения всеобщего и равнодушного течения времени и безучастного движения материи. С одной стороны, подчеркивается гоголевская антропология и ее иллюзия, с другой стороны, выдвигается представление, что никакой антропологической иерархии нет и существует только безучастное перемещение материи. Роман *Защита Лужина* Владимира Набокова закончен подобными словами:

Дверь выбили. «Александр Иванович, Александр Иванович!» -- заревело несколько голосов. Но никакого Александра Ивановича не было.

Быт с помощью сказового повествователя, его мимики и визуальности пересказывания надевает своеобразную маску: то карикатуры, то гротеска, то иллюзии непосредственной естественной действительности. Присутствует и интимное сопереживание жизни героя посредством рассказчика и абсолютно безучастное движение и метаморфозы времени и материи, в которых личное не замечено, потеряно и растворено в безжизненном механизме. Пространство имеет ограниченный статус, оно отделено от естественной реальности и иногда выступает как заколдованное место.⁶ Перед нами не быт или естественная действительность, а гоголевская метафора. То, что составной частью этой метафоры является карнавальная ситуация, освобожденная от всяких

⁶ Ср. МАНН, Ю.В. (2007): *Творчество Гоголя: смысл и форма*. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, с. 20–21. БОЧАРОВ, С.Г. (2011): *Заколдованное дело*. In Феномен Гоголя: Материалы Юбилейной международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения Н. В. Гоголя / Под ред. М. Н. Виролайнен и А. А. Карпова. СПб.: Петрополис, с. 60–70.

норм, или фантастика – олицетворенная или неоллицетворенная – это уже стало общепринятыми чертами гоголевской эстетики и поэтики. То же самое касается всеобъемлющего смеха и комизма ситуаций, в которых переплетается высокое и низкое, традиционная и ожидаемая серьезность или торжественность стиля классицизма и снижение высокой торжественности точкой зрения низкого стиля или контрастных низменных деталей с анекдотической концовкой. Чрезмерное преувеличение и карикатурное искажение вызывают разного рода несоответствия, и образы, традиционно воспринимаемые как серьезные, стремительно обрушиваются в плоскость смешного и в то же время ужасного. И все вышеприведенное взятое вместе представляет собой художественную действительность, созданную не с какой-то предназначенной целью, а прежде всего с целью открыть простор для свободного движения реальности, свободного перемещения значений и отщепления значений от их традиционной предназначенной устойчивости. Таким образом художественная действительность дается не в ее усовершенствованном виде, а в процессе постоянного становления и движения – длительности как *процесса постоянного развития*, как это понятие определил Бергсон⁷. Это новое пространство основано лишь на предпосылке своеобразной гоголевской поэтики. На мимике сказа, театральной визуальности, карикатурном искажении, гиперболизации гротеска, постоянного присутствия многоликой смысловой перспективы, приеме слуха и амбивалентности традиционно иерархически воспринимаемых единиц, амбивалентности противоположных значений. Дело в том, что гоголевская поэтика основана на действительности амбивалентности, на участии разных значений в действительности амбивалентности. Амбивалентность мы понимаем в смысле одновременного да и нет и так, что она выступает не только в смысле полярных контрастов и несоответствий как черты двупланной действительности, а как постоянная переменчивая шкала разнообразных значений, т.е. амбивалентность, которая способна вызвать никаким авторитетом не ограниченное действие. Мне кажется, гоголевская метафора направлена в свободное, ничем и никем неограниченное пространство, в котором протекает действие в его стихийной неустойчивости, стихийной незавершенности и стихийной длительности, стихийном становлении и перемещении.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- БОЧАРОВ, С. Г. (2011): Заколдованное дело. In *Феномен Гоголя: Материалы Юбилейной международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения Н. В. Гоголя* / Под ред. М. Н. Виролайнен и А. А. Карпова. СПб.: Петрополис, с. 60–70.
- ГОГОЛЬ, Н. В. (1949): Собрание сочинений. М.: Государственное издательство художественной литературы *Феномен Гоголя: Материалы Юбилейной международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения Н. В. Гоголя* / Под ред. М. Н. Виролайнен и А. А. Карпова. СПб.: Петрополис, 2011. — 850 с.
- Н. В. Гоголь как герменевтическая проблема: к 200-летию со дня рождения писателя*. Под общ. ред. О. В. Зырянова; Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета (УрГУ), 2009. – 346 с.
- МАНН, Ю. В. (2007): *Творчество Гоголя: смысл и форма*. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, с. 20–21.
- ЭЙХЕНБАУМ, Б. М. (1969): *О прозе*. Ленинград, с. 306–326.
- BERGSON, H. (2003): *Myšlení a pohyb*. Praha: Mladá fronta, 2003.
- Litteraria Humanitas XV. N.V. Gogol: Bytí díla v prostoru a čase (studie o živém dědictví)*. Eds. Dohnal, J. Pospíšil, I. Brno : Tribun EU, 2010.

⁷ BERGSON, H. (2003): *Myšlení a pohyb*. Praha: Mladá fronta.

Людмила Степанова

Чехия, Оломоуц

НОВОЕ ИЗДАНИЕ СЛОВАРЯ ВАЦЛАВА ФЛАЙШГАНСА «ČESKÁ PŘÍSLOVÍ»

ABSTRACT:

The Reedition of Václav Flajšhans's Dictionary "Czech Idioms"

The paper deals with reedition of Václav Flajšhans's dictionary "Czech Idioms". The dictionary contents Czech idioms up to 16th century with their equivalents in European languages. The reedition of the dictionary will help in research of Slavonic phraseology.

KEY WORDS:

Václav Flajšhans – dictionary – Czech idioms – equivalents – European languages – Slavonic phraseology.

В этом году исполнилось 100 лет со дня выхода в свет словаря Вацлава Флайшганса *Česká přísloví. Sbíрка přísloví, průřovědí a pořekadel lidu českého v Čechách, na Moravě a v Slezsku*.

В. Флайшганс (1866–1950), автор целого ряда книг, статей, очерков и т.п., был выпускником кафедры чешской и классической филологии Карлова университета. Став учеником Я. Гебауэра, инициатора словаря древнечешского языка, он занимался исторической лексикографией, исследовал язык древних рукописей и посвятил им много своих публикаций, напр., языку Яна Гуса, Далмиловой хронике и т.д. Читая источники, он постоянно сталкивался также с пословицами и поговорками, что в конце концов привело его к идее создания фундаментального паремиологического словаря, в котором бы были собраны устойчивые выражения древних памятников с начала чешской письменности до начала XVI столетия. Планировалось и издание второй части – с XVI века до современности, но этот проект, к сожалению, остался неосуществленным.

С паремиологической проблематикой В. Флайшганс был знаком уже благодаря своей диссертационной работе, посвященной началам литературной деятельности Йозефа Добровского. Й. Добровский, как и многие другие деятели эпохи чешского Национального возрождения, считал собирание пословиц чрезвычайно важным делом для развития национального языка, сам собирал

пословицы, в 1804 г. он издал, напр., *Českých přísloví sbírku*. Издание словаря чешских пословиц было чешским вкладом в изучение славянских пословиц, которое в начале XIX в. было начато в славянских странах. В пословицах и поговорках он, как и остальные просветители, видел языковое воплощение национального, народного духа. Эта «национальная идея» и вдохновляла большинство составителей словарей пословиц того времени.

Приступая к составлению словаря, В. Флайшганс тщательно изучил опыт предшественников. Наиболее признаваемым паремиологическим словарем был в то время словарь Ф. Л. Челаковского «*Mudrosloví národa slovanského v příslovích*» (1852), который содержал 15 000 разделенных по тематическому принципу славянских пословиц, призванных отражать жизненную философию славян. К русским, украинским, сербским и др. пословицам давался буквальный перевод. Ф. Л. Челаковский последовательно указывал происхождение пословиц с помощью аббревиатуры, однако впоследствии многие невнимательные лингвисты ссылались на его словарь как на сборник чешских пословиц, некоторые писатели – в соответствии с возрожденческими тенденциями и панславистским направлением той эпохи – старались внедрить приведенные в словаре пословицы в чешский язык.

В. Флайшганс, который прекрасно знал древнечешские тексты и владел многими европейскими языками, не мог согласиться с тем, что в чешских пословицах и поговорках проявляется только славянское начало, как это декларировалось будителями и панславистами. Поэтому он взялся за гигантский труд – за составление словаря чешских пословиц и поговорок с указанием их происхождения: из классической литературы, из Библии, из немецкого, из английского и т.д. Многие фразеологизмы были снабжены эквивалентами из других европейских языков, здесь представлены параллели из немецкого, французского, английского и латыни, а также из многих славянских языков.

Сам Флайшганс пишет об этом: «Vidíme-li tak, že česká přísloví i obsahem i svou formou hlásí se na západ, není divno, že nalézáme veliké množství *prísloví cizích*» [Flajšhans 1911, 1: XX]. И далее он излагает цель своего словаря: «*Úkol sbírky nynější* podává se <...> sám sebou. Má sněti všechnu látku moudrosti lidové, uloženou v památkách (knižních, písemnostech i v tradici) a ve sbírkách staročeských. <...> paralely mají ukazovati souvislost jednak s příslovími národů západních (tu látka byla <...> omezena na přísloví latinskogermánská) a jednak s ostatními slovanskými (tu opět, podle hořejšího výkladu, látka omezena na přísloví polská, slovenská a lužickosrbská) [Там же, XXV]. Так, например, приводя пословицу *blížší košile než sukně (kabát)* он дает следующие иноязычные параллели: *tunica propior palliost PLAUTUS*; špan., dán., holl., italsky, angl. *close sits my shirt, but closer is my skin*; franc., *la chemise est plus proche, que le pourpoint*; něm. *das hembd ligt eim näher dann der rock FRANCK W, Hemd, 3 atd.* Také rusky, srbsky, polsky *blizsza koszula niż kabát (kaftan, suknia)*; *blizsza koszula ciała aniżeli suknia atd. A, koszula, I*; slc. *blížšia kosela ako kabát Z VIII, 4*; i madar. *közelebb az ing a csuhánál Z. t. atd.* [Там же, 599–600].

Благодаря данным комментариям фразеологи-слависты найдут в словаре много важных сведений, касающихся не только чешской фразеологии, но и оборотов, присутствующих в других славянских языках, напр., подтверждение классического происхождения русского оборота *Москва не сразу строилась* (и подобных ему в иных языках) мы найдем в примерах: *Ne za jeden rok Praha ustavena; ne jeden den Praha ustavena* – 15 в.; *Není Řím ani Praha jednoho roku vystavena* – 1582 г.; классического происхождения: *Alta die solo non est exstructa Corinthus*, нем. *Rom ward ynn einem iar nicht erbawet* [Flajšhans 1913, 2: 243–244].

Таким образом, словарь демонстрирует принадлежность чешской народной культуры к общему европейскому культурному наследию, её древнюю связь с фольклором многих народов Европы. Благодаря европейским параллелям словарь Флайшганса превзошел многие славянские словари, которые ориентировались исключительно на демонстрацию национальной специфики фразеологии и паремиологии.

Итак, в этом году словарю В. Флайшганса исполнилось 100 лет. Он имеется далеко не во всех библиотеках Чешской Республики, а с этого года его – по правилам для столетних публикаций – перестали выдавать на руки. Выдающиеся качества этого словаря уже давно вызывали у проф. В. М. Мокиенко желание переиздать этот исключительный труд. И вот в этом году – к столетнему юбилею выхода обоих томов словаря эта мечта осуществилась – в издательстве Университета им. Палацкого вышло новое издание словаря с комментариями эдиторов и обширным предисловием В. М. Мокиенко. В издании словаря помогло и руководство Университета, и директор издательства д-р Г. Дзиковва, которая стала горячей сторонницей этой идеи, а также полученный нами грант Министерства культуры ЧР, предназначенный на издание исключительно ценной публикации.

Словарь предваряет обширное – более 30 страниц – предисловие, в котором анализируются творческие методы В. Флайшганса и, кроме прочего, ставится вопрос, почему такой ценнейший источник для славянской исторической фразеологии не был ни разу переиздан, в то время как, например, словарь славянских пословиц Челаковского переиздавался много раз тысячными тиражами. Прочитав вывод В. М. Мокиенко: «... без преувеличения можно сказать, что Вацлав Флайшганс выступил <...> как флагман Европейского паремиологического Союза. Он попытался дифференцировать «Свое» и «Чужое» и <...> признал «Чужое» также частью своего. И отважно сделал это в начале XX века, когда европейские народы готовились к войнам, революциям и держали идеологический курс на разъединение и создание стран, организованных по национальному признаку, а не объединённых по принципу имперского глобализма. Курс В. Флайшганса на объединённую паремиологическую Европу противоречил исторической линии того времени» [Flajšhans 2013, 2: XII].

В конце второго тома приводятся комментарии В. М. Мокиенко и Л. Степановой, касающиеся избранных пословиц и поговорок, которые представляются нам важными для диахронических и синхронических исследований чеш-

ской и общеславянской фразеологии (это, напр., выражения: *v jedno brdo tkaní, Bóh naděl, dobrý druh, dát hrdlo za co, z komára velblúda dělati* и др.). Они разны по величине и по типу – от нескольких строк до нескольких страниц.

В качестве примера приведу комментарий к фразеологизму *pověsit co na hřebík*:

Точная хронология и указание контекстов помогает проследить и изменение многих фразем во времени. Так, в чешском языке есть фразеологизм *pověsit na hřebík co*, который сравнительно недавно (прослеживается с начала нашего тысячелетия) появился и в русском языке: *повесить что-л. на гвоздь*.

В русском языке оборот является калькой англ. *hang up one's boots* и ощущается как неологизм (заметим, что значение 'перестать заниматься чем-л.' имеет в английском языке уже сам глагол *hang up*). В спортивных сообщениях это выражение явно относится к модным, им пестреют и страницы Интернета. Ср.:

Евгений Плющенко: Летом мне хотелось повесить коньки на гвоздь, но потом я понял, что это самое легкое. www.kp.ru

Сначала в состав фразеологизма обычно входили названия спортивной обуви (бутсы, кеды, кроссовки, туфли и т.п.), но затем этот компонент стал меняться и другими атрибутами спортивной жизни.

Итак, в русском языке данное выражение является неологизмом, заимствованным из английского языка, из области спорта.

Но в чешском языке, по данным словаря В. Флайшганса, оборот *pověsit něco na hřebík (hřebíček)* имеет давнюю историю – ср. контекст 1561 г.:

siceť to ledakdes na hřebík pověsíte a od svého povolání utečete – 1561 (иногда мы это на гвоздь вешаем и от своей профессии убегаем),

или контекст XVI в. без уточнения даты:

školní kapsu na hřebík pověsiti (школьную сумку на гвоздь повесить).

Более того, Вацлав Флайшганс дает у этой статьи помету «заимствованное и освоенное выражение» и этимологическую справку: из немецкого: *etwas an den Nagel hängen [Flajšhans 1: 344]*.

Таким образом, перед нами фразеологизм, который был заимствован чешским языком из немецкого не позднее середины XVI века.

Интересно, что чешские контексты предыдущих веков не содержат наименований спортивного инвентаря, в них мы читаем: повесил школьную сумку на гвоздь, повесил грамматику, филологию, беспокойную работу и т.п. на гвоздь.

Однако современные чешские контексты тоже включают наименования спортивного инвентаря: *повесить перчатки на гвоздь* – о вратаре, *повесить скейтборды на гвоздь* и т.п. (*pověsit brankářské rukavice na hřebík, skejtáci mohou svá prkýnka s kolečky pověsit na hřebík* и т.п.).

Итак, чешский германизм, существовавший в чешском языке веками, явно переживает «модернизацию» под влиянием английского языка. Эта калька немецкого происхождения приобрела статус интернациональной благодаря тому, что в русском и других языках появляются новые заимствования из ан-

глийского языка, которые приносят сюда образы, давно известные западнославянским языкам.

Новое издание словаря В. Флайшганса вызвало интерес чешской (и не только чешской) филологической общественности: 9 мая 2013 г. состоялась презентация словаря в Национальной библиотеке в Праге, репортаж о ней был опубликован в газете «Право», затем в «Литературной газете», уже появилось несколько рецензий. Мы верим, что спасенный от забвения уникальный словарь послужит еще многим поколениям филологов и станет новым импульсом к фразеологическим исследованиям в Чешской Республике и других славянских странах.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

FLAJŠHANS, V. (1911–1913): *Česká přísloví. Sbíрка přísloví, průpovědí a pořekadel lidu českého v Čechách, na Moravě a v Slezsku*. D. 1–2. Praha.

FLAJŠHANS, V. (2013): *Česká přísloví. Sbíрка přísloví, průpovědí a pořekadel lidu českého v Čechách, na Moravě a v Slezsku*. D. 1–2 / Editoři V. Mokienko, L. Stěpanova. Olomouc.

ДОКЛАДЫ
ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ
И ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ СЕКЦИИ

ТАТЬЯНА ЕВГЕНЬЕВНА АРСЕНЬЕВА

Россия, Томск

ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ДИСКУРС О РУССКОМ ЯЗЫКЕ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ И ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ РОССИИ*

ABSTRACT:

Educational Discourse about the Russian Language in the Internet and Urban Environment

Educational discourse about Russian develops today very actively. Projects about the Russian language and its standards of speech appear in the Internet and urban environment. The below article deals with research of educational discourse about Russian language as a modern communicative phenomenon.

KEY WORDS:

Educational discourse about Russian language – Internet – education.

Современная просветительская деятельность является одним из важнейших направлений деятельности различных государственных и негосударственных структур, сферой приложения усилий многочисленных общественных движений и инициатив, средством использования свободного времени различными группами населения. Просвещение становится объектом изучения исследователей и специалистов разных областей знания. Основное внимание в последнее время уделяется религиозному и духовно-нравственному просвещению, в связи с введением в перечень общеобразовательных предметов «Основы религиозных культур и светской этики» (см. работы Т. А. Сериковой, Т. И. Шукшиной, А. Л. Вишневого) и экологическому образованию и просвещению (работы С. В. Афанасьевой, Н. С. Матвеевой). Стратегия просвещения в лингвистическом аспекте рассматривается на материале медицинского дискурса (Ю. В. Рудова, В. В. Жура), на материале газетного текста (Р. И. Павленко).

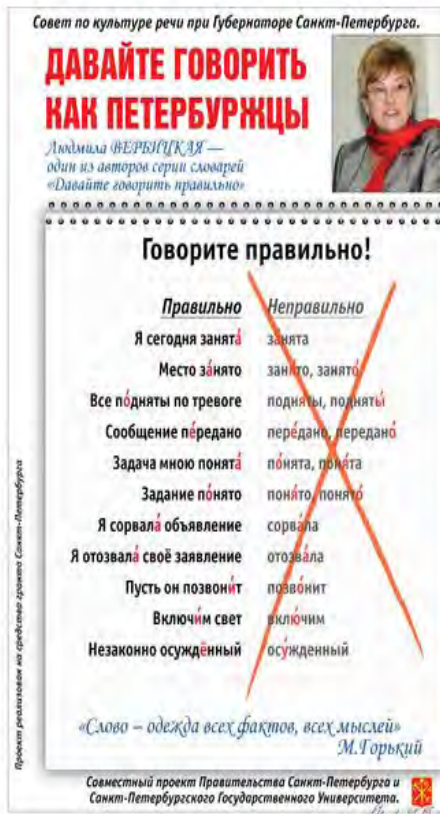
В последние годы в России активно обсуждается проблема, связанная с ухудшением культурно-речевой ситуации. К числу ее негативных проявлений относят пренебрежение нормами русского литературного языка, расшатывание системы тематических табу, существующих в русском коммуникативном поведении, агрессивность речевого поведения участников коммуникации, рост

вульгарного и нецензурного словоупотребления, жаргонизацию речи, тиражирование ошибок и др. (см. работы В. Г. Костомарова, Ю. Н. Караулова, И. А. Стернина, Л. П. Крысина, М. А. Кронгауза, О. Б. Сиротининой, Г. Н. Скляревской, Н. Г. Нестеровой и др.). Причиной лингвистических изменений принято считать значительные социокультурные перемены, происходившие на протяжении двух последних десятилетий в России, которые и отразились на языковом сознании, в речевом поведении носителей языка, повлияли на язык художественной литературы и культуры, на язык средств массовой информации. Однако, как справедливо замечает Е. А. Земская, этот процесс имеет гораздо более давнюю историю: «Люди не стали говорить хуже, просто мы услышали, как говорят прежде только читавшие и молчавшие. И обнаружилась давным-давно упавшая культура речи» [Земская 1996: 12].

В России реакция на «всеобщее бескультурье» последовала «снизу». Специалисты и люди, радеющие за сохранение уникальности и чистоты русского языка, стали предпринимать собственные, часто не зависящие от государства, меры. Так, свою работу начал фонд «Русский мир», основной целью которого является сохранение русского языка не только в России, но и в других странах, где есть носители русского языка. Фонд реализует грантовые проекты, оказывает финансовую поддержку идей, направленных на укрепление позиций русского языка. Кроме того, «Русский мир» стал учредителем сетевой радиостанции, которая транслирует радиопрограмму «Слово правит миром», а также несколько радиопроектов, посвященных тенденциям развития русского языка в ближнем и дальнем зарубежье.

В городах России активно развиваются акции и проекты, направленные на укрепление норм русского языка. В инициировании просветительских и образовательных проектов принимают участие как специалисты, так и чиновники. К примеру, в метро Санкт-Петербурга размещены «листовки» с призывом «Давайте говорить как петербуржцы» (рис. 1) – так был реализован совместный проект Совета по культуре речи при губернаторе Санкт-Петербурга, Правительства Санкт-Петербурга и Санкт-Петербургского государственного университета (президент СПбГУ профессор Л. А. Вербицкая является сопредседателем совета по культуре речи при губернаторе города). «Листовки» призваны помочь справиться с орфоэпическими трудностями русского языка, закрепить нормы правописания, словоупотребления и др. Успешным решением инициаторов идеи является также актуализация особого самосознания жителей Санкт-Петербурга, выраженная в побудительном названии проекта «Давайте говорить как петербуржцы» – Северная столица всегда считалась одним из культурных и интеллектуальных центров России.

Рис. 1. Примеры реализации социального проекта
«Давайте говорить как петербуржцы»

Начинание петербуржцев было поддержано москвичами: в 2012 году стартовала столичная акция «Москва – город грамотных людей», которая проводится МГГУ им. М. А. Шолохова при поддержке Департамента образования Москвы. Участникам предлагается фотографировать ошибки на улицах города и публиковать фото на сайте mosgram.mggu-sh.ru с указанием социального объекта и его адреса.

Просветительские проекты реализуются и в сибирских городах – Омске, Томске, Новосибирске и других, где идет постоянная борьба за чистоту «языка улиц»: общественные организации привлекают внимание к ошибкам в рекламе и стараются добиться их исправления. В интернет-среде создаются популярные брошюры, карманные справочники и электронные пособия, в которых доступно и популярно разъясняется суть ошибки и даются алгоритмы ее предупреждения (рис. 2).

Рис. 2. Примеры популярных интернет-пособий по русскому языку
а) Пособия, обыгрывающие конкретные ситуации

б) Интернет-пособия, которые состоят из вопроса и ответа

[Куда ударение?]
ШампУр, шампУры — тонкий металлический или обтесанный деревянный стержень для жарения шашлыка.
Словарь «Русское словесное ударение»

[Как правильно?]
Поистине — в самом деле, действительно, в точном смысле слова.
Полковый словарь Ушакова

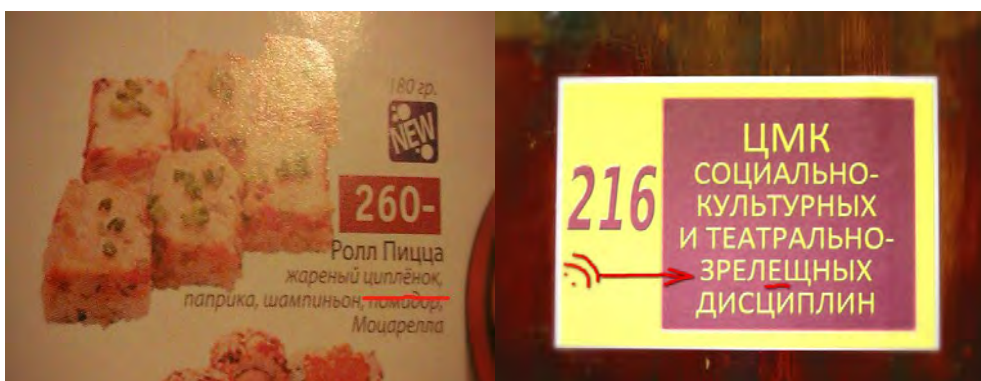
в) Юмористические интернет-пособия, основанные на многозначности слов

г) Интернет-пособия со ссылкой на авторитетный источник

д) Фотофиксация ошибок в рекламе или городской среде и тиражирование их через Интернет (выделение авторов фото)

В обсуждаемом контексте важно отметить реализованный в 2012–2013 гг. в Томском государственном университете проект просветительских лекций для горожан «Открытый университет», в расписание которого входят лекции по русскому языку и литературе, которые ведут профессора и доценты от преподавателей филологического факультета. Лекции пользуются огромной популярностью среди томичей разного возраста и оциального статуса, что свидетельствует о потребности аудитории в получении качественной просветительской информации о языке и культуре. В 2013 году проект был поддержан грантом Общественной палаты РФ, и его география расширилась до районов Томской области.

Названные выше проекты свидетельствуют о развитии в России современного просветительского дискурса, направленного на сохранение русского языка. Все представленные примеры просветительских проектов объединяют следующие особенности: они далеки от формализма, их авторы стараются го-

ворить с аудиторией на понятном языке, не опускаясь при этом до примитивного уровня. Приведенные в качестве примера материалы решают конкретные вопросы, с которыми люди сталкиваются в повседневной жизни. Подобную подачу материала удачно охарактеризовал И. А. Стернин, заметив, что людей «надо учить бытийно» [Стернин 2002: электронный ресурс], в контексте просветительского дискурса это предполагает использование коммуникативно-прагматического подхода при реализации подобных идей. Указанный подход логично использовать и при анализе современных просветительских проектов о русском языке.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что вопрос о положении русского языка в России относится к числу важнейших, а также о планомерном развитии в России современного просветительского дискурса о русском языке в интернет-пространстве и городской среде.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

ЗЕМСКАЯ, Е. А. (1996): *Введение к коллективной монографии «Русский язык конца XX столетия (1985–1995)»*, М.: Языки русской культуры. С. 9–29.

СТЕРНИН, И. А. (1998–2008): *Можно ли культурно формировать культуру в современной России?* [Электронный ресурс]. – И. А. Стернин // Персональный сайт. Электрон. дан. [1998–2008]. URL: http://sternin.adeptis.ru/articles_rus.html (дата обращения: 10.08.2013).

*Тема разрабатывается в рамках проекта РГНФ № 11-34-00365а2

ОКСАНА БАРАНОВА

Чехия, Оломоуц

НОВЫЙ СЛОВАРНЫЙ ЗАПАС В ЖУРНАЛЕ «COSMOPOLITAN», ИЗДАВАЕМОМ НА РУССКОМ И ЧЕШСКОМ ЯЗЫКАХ

ABSTRACT:

The New Wordage in the Cosmopolitan Magazine Published in Russian and Czech Languages

This conference paper is dealing with the new wordage in the Cosmopolitan magazine published in Russian and Czech languages. There are described ongoing processes which occur in the current Russian and Czech languages and how these processes have developed in the researched texts. Moreover, the loan words in these magazines, their origin and the areas of occurrence are being examined.

KEY WORDS:

Neologisms – loanwords – women's magazines – Russian language – Czech language.

Цель данного доклада состоит в сопоставительном анализе новых слов и словосочетаний в журнале «Cosmopolitan», издаваемом на русском и чешском языках. Данный журнал был избран в связи с тем, что это популярное среди женщин издание выходит в более чем ста странах мира на 34 языках и дает таким образом ценный материал для сопоставительных исследований. Вначале дадим более подробную характеристику журнала.

Журнал «Cosmopolitan» является международным женским журналом. «Название журнала происходит от слова «космополит», что в переводе с греческого означает «гражданин мира». Полный смысл космополитизма – это осознание единства человеческого рода, благодаря чему интересы отдельных государств и народов подчиняются всеобщему благу человечества как единого целого» [<http://www.pinform.spb.ru>]. Впервые журнал был выпущен в США в 1886 году, в России и Чешской Республике он издается с 1994 года. Первоначально данный журнал не был исключительно женским, а был предназначен для всей семьи. Журнал скоро начал пользоваться большой популярностью. В 1889 г. новый редактор начал помещать в нем цветные иллюстрации и рецензии на новые литературные произведения, а также беллетристику, напр., *Тео-*

дор Драйзер, Редьярд Киплинг, Эрнест Хемингуэй, Джек Лондон и др. С 1905 г. журнал стал не только литературным, но и общественно-политическим журналом. С начала XX в. на обложке журнала появился женский портрет, что связано с именем легендарного иллюстратора Харрисона Фишера, который прославился как художник «американской красоты». В 1965 г. главным редактором журнала стала Хелен Герли Браун, автор книги «Секс и одинокая женщина», решившая превратить издание в журнал для молодых и целеустремленных женщин. При ней журнал проник на международный рынок и стал таким, каким читатели его знают в настоящее время [Там же]. Итак, в журнале печатаются статьи о знаменитостях, взаимоотношениях и сексе, карьере, здоровье, самосовершенствовании, красоте и моде. Таким образом, журнал прошел большой путь от семейного издания до литературного сборника, затем от общественно-политического журнала до всемирно известного женского журнала. В настоящее время журнал «Cosmopolitan» можно читать также в электронной форме, т.е. на сайте данного журнала.

В текстах журнала «Cosmopolitan» можно найти большое количество неологизмов. В настоящее время неологизмы занимают значительное место в лексике как русского, так и чешского языков, они активно пополняют словарный состав указанных языков. Неологизмы возникают как посредством внутреннего заимствования (жаргонизация современного языка), так и посредством внешнего заимствования (интернационализация современного языка). Новые слова и словосочетания из других языков проникают не только в разговорную речь, но также в современные журналы, газеты, телевидение, радио и т.п. Данный процесс обусловлен расширением международных связей, налаживанием контактов между странами, сотрудничеством предприятий из разных стран мира, развитием экономики и культуры, модной промышленности, возникновением новых видов спорта, услуг, продуктов, напитков и др. Говоря о внешних (иноязычных) заимствованиях, следует отметить, что в современном русском и чешском языках заимствуется лексика в основном из английского языка (прежде всего его американского варианта), что обусловлено ролью английского языка как языка международного общения. Англицизмы распространены не только среди молодежи, но и среди населения разного возраста, профессий, интересов и т.д.

Поскольку наша статья посвящена неологизмам, приведем их дефиницию. Под *неологизмами* мы понимаем – «незафиксированные в словарях новые слова и фразеологизмы, а также слова и словосочетания с новыми значениями, которые появились в языке в результате заимствования, калькирования, словосложения и т.п., переноса значения (метафора и метонимия), расширения или сужения значения» [Мокиенко 2003: 11].

Ныне мы приведем извлеченные нами примеры новых слов и словосочетаний из журнала «Cosmopolitan», издаваемого на русском языке (CosmPЯ). Самое большое количество англицизмов происходит из:

– области компьютерной и мобильной техники, например, *iPAD-версия* (журнал можно скачать в iPAD и читать его в электронной форме) [CosmPЯ

2013/9: 19], *смайл/смайл* (символ, изображающий эмоцию, которую хочет выразить пользователь ноутбука, мобильного...) [Там же: 26], *хэштег* (слово или словосочетание с решеткой # – употребляется для выделения тем в Twitter, например: #длямилыхдам и др.) [CosmPЯ 2013/8: 16], *гаджет* (это, например, внешние GPS на смартфонах) [Там же: 16], далее *ноутбук* [CosmPЯ 2013/9: 19], *онлайн* [Там же: 119], *флешка* [CosmPЯ 2013/8: 36], *файл* [Там же], *блог* [Там же: 26], *лайк* [Там же: 16], *смартфон* [Там же], *скайп* [CosmPЯ 2013/6: 149] и другие;

– области моды, напр.: *флип-флопы* (очень удобная летняя обувь, по-русски они известны под названием вьетнамки) [CosmPЯ 2013/7: 56], *легинсы* (брюки обтягивающего фасона, одноцветные или с разными узорами) [CosmPЯ 2013/9: 66], *кардиган* (вязаный шерстяной жакет с глубоким вырезом, на пуговицах, без воротника) [Там же: 68], *тренч* (двубортный плащ с погонами и отложным воротником, поясом и манжетами) [Там же: 66], *лук* (внешность, вид) [CosmPЯ 2013/5: 24], далее *дресс-код* [CosmPЯ 2013/9: 36], *фешн-отдел* [Там же: 28], *дизайн-проект* [CosmPЯ 2013/7: 74], *топ* [Там же: 16] и др.;

– области наименований лиц, напр., *бойфренд-технар* (бойфренд, слушающий музыку техно и одевающийся в стиле техно) [CosmPЯ 2013/7: 18], *бойфренд-регбист* (бойфренд, играющий регби) [CosmPЯ 2013/6: 36], *коуч* (это тренер успеха; помогает людям стать успешными в карьере и в личной жизни) [CosmPЯ 2013/9: 36], *поп-дива* (популярная певица, которая поет в стиле поп) [CosmPЯ 2013/7: 28], *costo-девушка* (девушка, читающая журнал «Cosmopolitan») [CosmPЯ 2013/8: 16], *шеф-редактор* [CosmPЯ 2013/9: 28], *дизайнер* [Там же] и так далее;

– области косметологии, напр., *хайлайтер* (высветление и выделение отдельных частей лица, получение свежего вида) [CosmPЯ 2013/7: 16], *крем-бестселлер* (самый популярный крем для лица) [CosmPЯ 2013/8: 15], *лифтинг-эффект* (эффект подтянутой кожи/лица) [Там же: 19], *бьюти-совет* [CosmPЯ 2013/9: 68], *бьюти-секреты* [Там же: 74], *face-гимнастика* [CosmPЯ 2013/7: 46] и т.д.;

– области фильмографии, напр.: *спин-офф* (художественные произведения: фильм, книга, компьютерная игра и др.) [CosmPЯ 2013/8: 32], *трейлер* (небольшой видеоролик для рекламы фильма) [Там же], *шоу-бизнес* [CosmPЯ 2013/7: 30] и т.п.;

– области спорта, напр., *аквааэробика* (аэробика в воде, упражнения без снарядов или с легкими снарядами) [CosmPЯ 2013/6: 36], *хип-хоп* (танец, объединяющий многие танцевальные стили, можно танцевать одному или в группе под музыку хип-хоп) [CosmPЯ 2013/9: 44];

– разных областей, напр.: *опен-спейс* (открытый офис, в котором работает большое количество сотрудников) [CosmPЯ 2013/7: 18], *пиар* (PR: контакт с обществом) [CosmPЯ 2013/5: 24], *френд-лента* (список друзей в социальных сетях) [Там же], *уик-энд* [CosmPЯ 2013/9: 36] и др.

Кроме слов, написанных кириллицей, используются также слова и выражения, написанные латиницей, напр.: *iPhone* (соединение функциональности

плеера iPod, коммуникатора и интернета) [CosmPЯ 2013/7: 48], *iPAD* (интернет-планшет, издаваемый компанией Apple) [CosmPЯ 2013/9: 19], *honeymoon* (медовый месяц) [CosmPЯ 2013/7: 28], *apartmoon* (празднование покупки квартиры) [Там же], *jobmoon* (празднование получения новой отличной работы) [Там же], *babyboom* (рождение большого количества детей) [Там же], *Wi-fi* [CosmPЯ 2013/8: 16], *shopping* [CosmPЯ 2013/9: 84] и многие другие.

В данном журнале также находятся заимствования из французского языка, напр., такие слова, как *ботильоны* (женские туфли на каблучке, похожие на короткие сапожки немного выше лодыжки) [CosmPЯ 2013/9: 68], *эффект-деграде* (у одежды переливание одних цветов ткани в другие) [CosmPЯ 2013/7: 28], *ombré* (у волос переливание одних цветов волос в другие) [Там же: 55] и др. Помимо названных примеров, нам здесь повстречалось также слово из японского языка: *караоке* (бар, клуб – здесь можно петь под музыку популярны песни) [CosmPЯ 2013/9: 36] и слово греческого происхождения: *аэрофобия* (устойчивый страх полетов) [CosmPЯ 2013/6: 96] и т.д.

Далее мы укажем примеры новых слов и словосочетаний, находящихся в журнале «Cosmopolitan», издаваемом на чешском языке (CosmЧЯ). Большинство слов и выражений в чешском издании данного журнала заимствуется из:

– области моды, напр., *board šortky* (модные пляжные шорты из быстро сохнущего материала) [CosmЧЯ 2012/7: 29], *outfit* (сочетание одежды с аксессуарами, украшениями и обувью) [Там же: 13], *trenčkot* [CosmЧЯ 2012/2: 25], *top* [CosmЧЯ 2013/7: 80], *look* [Там же: 143], *styling* [Там же: 80], *být IN* (быть в курсе, напр., модно одеваться и т.п.) [CosmЧЯ 2011/9: 14];

– области компьютерной и мобильной техники, напр.: *iPod* (плеер торговой марки Apple, носитель данных, использующих флеш-память или жесткий диск) [CosmЧЯ 2013/7: 111], *googlovat* (искать информацию в поисковой системе Google) [Там же: 72], *HD displej* (дисплей с высокой четкостью) [CosmЧЯ 2012/7: 35], *showroom* (комната для показа и демонстрации своего товара) [CosmЧЯ 2012/2: 9], *multitasking* (способность компьютера выполнять одновременно несколько задач; в переносном значении так говорят о человеке, способном одновременно выполнять много задач) [CosmЧЯ 2011/9: 35], *on-line* [CosmЧЯ 2011/4: 61] и др.;

– области спорта, напр.: *paddle boarding* (серфинг с веслом) [CosmЧЯ 2011/9: 104], *jogging* (медленная пробежка, которая длится 20-30 минут, идеальная для снижения веса) [CosmЧЯ 2011/4: 103], *nordic walking* (вид ходьбы с использованием специальных палок для эффективной аэробной тренировки) [CosmЧЯ 2013/7: 139], *yachting* [Там же: 41] и т.д.;

– области наименований лиц, напр., *koučka* [CosmЧЯ 2013/7: 72], *fotoeditorka* [Там же: 47], *PR manažerka* [Там же: 60], *showman* [Там же: 15] и т.п.;

– области работы, напр.: *pay gap* (разница в зарплате: мужчины X женщины) [Там же: 106], *teambuilding* (активный отдых, направленный на сплочение коллектива фирмы) [Там же: 64], *workshop* [CosmЧЯ 2011/9: 41] и многие другие;

– области косметологии, напр., *roll-on* (дезодорант с шариком) [CosmЧЯ 2011/4: 100], *bronzer* (минеральная пудра, с помощью которой можно стать загорелой) [CosmЧЯ 2013/7: 46], *peeling* [CosmЧЯ 2012/7: 34] и др.

В упомянутом журнале имеются, кроме заимствований из английского языка, также слова из французского языка, напр., *balejáč* (*balayage* – эффект выгоревших волос) [Там же: 32], японского языка, напр., *Kawaii* (забавные японские картинки или стиль одежды) [CosmЧЯ 2012/2: 12], испанского языка, напр., *chimichurri* (зеленый соус, который подается в Аргентине к жареному мясу) [CosmЧЯ 2011/9: 68] и других языков.

Итак, анализ текстов журнала «Cosmopolitan» показал, что в журналах, издаваемых на русском языке, большинство заимствованных слов и словосочетаний происходит из английского языка, далее здесь есть слова из французского и японского языков и выражение греческого происхождения. А наибольшее количество заимствований в русском издании данного журнала относится к области компьютерной и мобильной техники, далее к области моды, наименований лиц, косметологии и др. В журналах «Cosmopolitan», издаваемых на чешском языке, большинство также составляют слова и словосочетания, заимствованные из английского языка, далее слова из французского, японского, испанского и других языков. Самое большое количество иноязычных заимствований относится к области моды, далее к области компьютерной и мобильной техники, спорта, наименований лиц и др. Можно также отметить интересное явление: в наше время в русский и чешский языки посредством английского языка попадают слова и выражения, которые были английским языком заимствованы из других языков, напр., выражения из французского языка: *ваучер/voucher*, *барбекю/barbecue*, *barbeque*, *ау наур/aupair*, *ау-PAIR*, *ау PAIR* и др. Следует отметить, что новые заимствования (слова и выражения) как в русском, так и в чешском издании указанного журнала отличаются сходными характеристиками, а именно: наибольшее количество слов относится к англицизмам и американизмам, области их происхождения совпадают, что, вероятно, обусловлено тем, что нами были исследованы тексты женских журналов, обсуждающие близкие темы.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Костомаров, В. Г. (1994): *Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа*. М.: Педагогика-Пресс.
- Мокненко, В. М. (2003): *Новая русская фразеология*. Ополе.
- Розенталь, Д. Э., Голуб, И. Б., Теленкова, М. А. (1991): *Современный русский язык: Учеб. пособие для студентов-филологов заочного обучения*. М.: Высш. шк.
- Степанова, Л. (2011): *Современный русский язык: праздник вербальной свободы*. Оломоуц: UP.
- Фомина, М. И. (2001): *Современный русский язык. Лексикология*. М.: «Высшая школа».
- Šmejrková, S., Daneš, F., Kraus, J., Svobodová, I. (1996): *Čeština, jak ji znáte i neznáte*. Praha: Academia.
- Dvořáček, P. (1999): *Česko-ruský slovník nové a problémové ruštiny*. Praha: Linde.
- Holub, J., Lye, S. (1978): *Stručný etymologický slovník jazyka českého se zvláštním zřetelem k slovům kulturním a cizím*. Praha: Státní pedagogické nakladatelství.
- Martincová a kol. (2005): *Mravínacová, J., Opavská, Z., Kochová, P.: Neologizmy v dnešní češtině*. Ústav pro jazyk český Akademie věd České republiky. Praha.
- Martincová, O. a kol. (1998): *Nová slova v češtině 1. Slovník neologizmů*. Svazek 1. Praha: Academia.
- Martincová, O. a kol. (2004): *Nová slova v češtině 2. Slovník neologizmů*. Svazek 2. Praha: Academia.

ЖУРНАЛЫ

Cosmopolitan 2011/4
Cosmopolitan 2011/9
Cosmopolitan 2012/2
Cosmopolitan 2012/7
Cosmopolitan 2013/5
Cosmopolitan 2013/6
Cosmopolitan 2013/7
Cosmopolitan 2013/8
Cosmopolitan 2013/9

Источники

<http://cs.wikipedia.org/wiki/>
<http://marcipan.in.ua/interesnoe/kyhonnie-pomochshniki/1120-istorija-proiskhozhdenija-i-etimologija-barbjekju.html>
<http://ru.wikipedia.org/>
<http://ru.wikipedia.org/wiki/Cosmopolitan>
<http://www.aupair-village.com/cz/aupair/chces-se-stat-au-pair/co-je-to-au-pair>
<http://www.google.cz/>
<http://www.pinform.spb.ru/about/news/245/>
<http://www.rambler.ru/>
<http://www.slovník-cizích-slov.com/20/puvod-slova-voucher/>
<http://www.yandex.ru/>

ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА БЕЛОШАПКОВА

Россия, Москва

КАТЕГОРИЯ АСПЕКТУАЛЬНОСТИ И ЯВЛЕНИЕ НЕЙТРАЛИЗАЦИИ

ABSTRACT:

The Category of Aspectuality and the Phenomenon of Neutralization

The phenomenon of lexical neutralization for the transference of the category of aspectuality (the concept resultativity is a variant of incomplete result) is considered in the article. Neutralization is understood in the frame of M. V. Panov's conception as "indistinction in a certain position of those language units, which are distinct in other positions". The idea of lexical neutralization is connected with I. A. Melchuk's idea about the existence of lexical functions in the language.

KEY WORDS:

Aspectuality – concept – syncretism – neutralization – lexical neutralization – lexical function – isotopian law – semantic element "grad".

Современная русская аспектология представляет собой результат более чем двухвековой деятельности научного сообщества. Несмотря на более чем двухсотлетнюю историю изучения аспектуальности, семантическая сторона изучаемого объекта понимается разными исследователями по-разному: можно сказать, что сложилось широкое и узкое понимание аспектуальности. Русская грамматика – 80 [РГ–80] и Русская грамматика – 79 (Прага) [РГ–79] отражают широкое понимание, а Теория функциональной грамматики [Бондарко 1996] и В. А. Плу́нган [Плу́нган 2000] – узкое. Широкое понимание включает в себя следующие категориальные характеристики: интенсивность, длительность, фазовость, результативность, повторяемость (в Русской Грамматике – 79 к ним добавляется категория соотношение с нормой). Узкое понимание включает в себя кратность, длительность, фазовость, ограниченность/неограниченность пределом, наличие/отсутствие внутреннего предела, представление действия как протекающего процесса или как ограниченного пределом целостного факта. Данное исследование строится на широком понимании аспектуальности.

В рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы лингвистического знания, предложенной в России Е. С. Кубряковой (подробнее см. [Кубрякова

2004]) в качестве варианта когнитивных исследований, категория аспектуальности определяется как набор девяти концептов-примитивов, служащих для модификации ситуации и передающихся в языке тремя типами фреймов: поверхностным синтаксическим, поверхностным семантическим и тематическим, – осмысление которых происходит с помощью трех когнитивных моделей: пропозициональной, образно-схематической, метафорической. Перечислим эти концепты: **единичность, длительность, начало**, продолжение, конец, результативность, повторяемость, степень проявления, соотношение с нормой. Выделяемые концепты получили обозначение концептов-примитивов, потому что, во-первых, они обозначают не ситуацию, а лишь ее модификаторов, во-вторых, они обладают свойством семантических примитивов, выделяемых А. Вежбицкой [Вежбицкая 1996, 1999] – обозначаются абстрактными словами (подобнее см. [Белошапкова 2007]).

В процессе изучения этой категории было обнаружено, что при передаче аспектуальных концептов: наблюдается явление нейтрализации. В чем суть этого явления?

Нейтрализация – это термин во многом идентичный термину синкретизм. Л. Ельмслев писал: «Мы сможем теперь остановиться на явлении, известном в традиционной грамматике под именем синкретизма, а в современной морфемике под названием нейтрализации. Оно заключается в том, что коммутация между двумя инвариантами в некоторых условиях пропадает. Известными примерами являются синкретизм именительного и винительного падежа среднего рода (и в некоторых других случаях) в латинском языке. А также нейтрализация между датскими **p** и **b** в конце слога (таким образом, слово может произноситься либо с **p**, либо с **b**)» [Ельмслев 1999: 210–211]. Для Л. Ельмслева явление синкретизма – это одно из проявлений общих свойств языка как системы.

Синкретизм как явление привлекал достаточно пристальное внимание ученых. Так, среди работ российских ученых широкую известность приобрели работы В. В. Бабайцевой и ее учеников, среди которых нужно указать исследование И. В. Высоцкой «Синкретизм в системе частей речи» [Высоцкая 2006]. Но это не единственный путь осмысления явления синкретизма и идей Л. Ельмслева. Его идея получила определенное развитие в работе М. В. Панова «Позиционная морфология русского языка» [Панов 1999], где он описывает грамматические единицы языка, исходя из их позиционного поведения. В описание он вводит понятие нейтрализации – «неразличение в определенной позиции таких языковых единиц, которые в других позициях различаются» [Панов 1999: 228]. М. В. Панов видит явление нейтрализации на всех уровнях языка: в фонетике, лексике, словообразовании, морфологии и синтаксисе.

Для нас наибольший интерес представляет явление нейтрализации в лексике. М. В. Панов считает, что лексическая нейтрализация – это атрибут парадигматики, основанной «на словах, которые в разных позициях могут менять свое лексическое значение» [Панов 1999: 248].

Им анализируются два глагола *везти* и *тащить* (о лошади). В качестве иллюстрации он приводит следующие примеры: *Лошадь с трудом везла телегу* и *Лошадь с трудом тащила телегу*. М. В. Панов указывает, что во втором примере «лексическое значение вынесено в контекст. То, что по смыслу отличает эти глаголы, отдельно обозначено в окружающих словах. И в том и в другом предложении. Этим различие погашено. Лексемы уравнились по смыслу, стали взаимозаменяемыми, нейтрализованными» [Панов 1999: 248]. В результате он приходит к выводу, что «у двух слов или «зачеркивается» признак в определенных условиях, или вносится из контекста» [Панов 1999: 248].

Идея лексической нейтрализации во многом созвучна с идеями И. А. Мельчука о наличии в языке лексических функций (ЛФ): «ЛФ есть определенное смысловое соотношение, например, 'равенство по смыслу' (Syn), 'противоположность по смыслу' (Anti), высокая степень (Magn)» [Мельчук 1974: 101].

С понятием ЛФ тесно связаны вводимые И.А. Мельчуком понятия ключевого слова и лексического коррелята, находящегося в определенном лексической функцией смысловом соотношении с ключевым словом. Лексические корреляты подразделяются на «парадигматические варианты, или замены» и «синтагматические партнеры, или параметры ключевого слова». «Лексические корреляты-замены употребляются в тексте, как правило, вместо своих ключевых слов, а лексические корреляты-параметры употребляются в тексте, как правило, вместе со своими ключевыми словами» [Мельчук 1974: 81]. То есть Сказать несколько раз – это то же самое, что Повторить. Приведем еще несколько примеров: *Он продолжал быть дома в этот день – Он оставался дома в этот день; Он начал бежать домой со всех ног – Он бросился домой со всех ног; Солнце светило ярко – Солнце сияло; Он шел не торопясь к метро – он плелся к метро*.

Интересные наблюдения были получены при описании концепта результативность параметр неполный результат. Этот вариант является семантически неоднородным, он объединяет в себе два подтипа: недостижение предела (недостроить; почти построить) и малую интенсивность (*побаиваться*; немного/несколько/слегка/чуть бояться). Следует указать на то, что существуют условия, в которых различия между этими подтипами нейтрализуются и выражается недифференцированное значение неполного результата: например: *призадуматься* – «не до конца задуматься, совершая это действие неинтенсивно». Это наблюдается у такого класса глаголов, которые в своей семантике несут идею качественной и количественной градации, например: *мерзнуть* – «превращаться в лед, а также застывать, коченеть от холода»; *крепить* – «укреплять, делать, прочным, сильным»; *стыдить* – «укорять, чтобы вызвать в ком-нибудь чувство стыда, раскаяния». Рассмотрим следующий пример: *А следующие приходящие подкрепляли слухи* (А. Солженицын «Март 17-го»); *Командир полка попытался подкрепить его (батальон)* (В. Быков «Его батальон»). *Подкрепить* – означает «не до конца укрепить, совершая это действие неинтенсивно» (Подробнее см. [Белашапкина 1990]).

Явление лексической нейтрализации позволяет обратить внимание на закон изотопии, писанный А. Греймасом, согласно которому два слова составляют правильное сочетание только тогда, когда они имеют, кроме специфических различающих их сем, и общую сему. Но иногда общая сема существует в нескольких вариантах, тогда в определенных условиях выступает либо один из вариантов, либо происходит явление нейтрализации.

Проанализированный материал показал, что свойство слов со значением признака получать определение, характеризующее признак со стороны меры или степени, связано с наличием в значении этого слова семантического элемента «grad». Семантический элемент 'grad' впервые был выделен в работе И. Червенковой [Червенкова 1977], но само понятие градуирования исходит из работы Э. Сепира [Сепир 1985]. Однако понимание количественной характеристики строится на идее И. А. Бодуэна де Куртене, согласно которому количественные характеристики понимаются как «с одной стороны, количественность числа, количественность размеров в пространстве и времени, а с другой стороны, – разные степени энергизации, интенсивности, напряжения» [Бодуэн де Куртене 1963: 319]. Все вышесказанное позволяет говорить о том, что явление синкретизма в языке многообразно и многопланово.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- БЕЛОШАПКОВА, Т. В. (1990): *Неполнота действия и способы ее выражения в современном русском языке*. Дис. ... к-та филол. наук. М.
- БЕЛОШАПКОВА, Т. В. (2007): *Когнитивно – дискурсивное описание категории аспектуальности в современном русском языке*. М.
- БОДУЭН ДЕ КУРТЕНЕ, И.А. (1963): *Избранные труды по языкознанию*. М. Т. 2.
- БОНДАРКО, А. В. (1996): *Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность*. Спб.
- ВЕЖБИЦКАЯ, А. (1999): *Семантические универсалии и описание языков*. М.
- ВЕЖБИЦКАЯ, А. (1996): *Язык. Культура. Познание*. М.
- ВЫСОЦКАЯ, И. В. (2006): *Синкретизм в системе частей речи современного русского языка*. М.
- ЕЛЬМСЛЕВ, Л. (1999): *Пролегомены к теории языка*. In: *Зарубежная лингвистика I*. М. С. 131–256.
- КУБРЯКОВА, Е. С. (2004): *Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики*. In: *Известия АН. Серия литературы и языка*. Т. 63, N 3, с. 3–12.
- МЕЛЬЧУК, И. А. (1974): *Опыт теории лингвистических моделей «СМЫСЛ ↔ ТЕКСТ»*. М.
- ПАНОВ, М. В. (1999): *Позиционная морфология русского языка*. М.
- ПЛУНГЯН, В. А. (2000): *Общая морфология: Введение в проблематику*. М.
- РУССКАЯ ГРАММАТИКА (1980): *Русская грамматика*. М.
- РУССКАЯ ГРАММАТИКА (1979): *Русская грамматика*. Прага.
- СЕПИР, Э. (1985): *Градуирование. Семантическое исследование*. In: *Новое в зарубежной лингвистике*. М. Вып. XVI. С. 43–79.
- ЧЕРВЕНКОВА, И. (1977): *Адвербиальные показатели степени признака в русском языке*. In: *Годишник на Софийския университет*. София. Т. 69. С. 123–168.

Людмила Богуславова

Чехия, Прага

ЛЕКСИЧЕСКОЕ ОТРИЦАНИЕ В РУССКОМ И ЧЕШСКОМ ЯЗЫКАХ: СЛОВА С ЭЛЕМЕНТОМ НЕ-

ABSTRACT:

Lexical Negation in Russian and Czech: Words with не-

This article deals with differences in lexical negation in Russian and Czech. Lexical negation is used more often in Russian than in Czech. In Czech, sentence negation is preferred in many cases. A great amount of new nouns with negative meaning have appeared in both languages, mostly terminology or newly coined words describing new social phenomena. There is some discrepancy between Russian expressions with prefixes без- and недо- and their Czech equivalents.

KEY WORDS:

Lexical negation – negative nouns – negative prefixes без-, недо-.

В настоящей статье мы хотим уделить внимание выражению лексического отрицания в русском и чешском языках, конкретно группе с элементом не- и некоторым явлениям, в которых наблюдаются различия между русским и чешским языками. Анализируемый в статье материал собран из русско-чешского электронного словаря, который создается в Славянском институте Академии наук Чешской Республики (Rusko-česká elektronická slovníková databáze, Slovanský ústav Akademie věd).

У многих слов отрицательное значение в обоих языках выражено словом с префиксом не-, ср. напр.: *невежливый nezdořilý*, *невероятно neuvěřitelně*, *неблагодарность nevděčnost* и т.д. В таких случаях возможно также использование противоположного по значению слова без отрицания; в чешском языке ему даже часто отдается предпочтение, ср. напр.: *невеселый neveselý*, *smutný*; *нелегкий nelehký*, *obtížný*; *нехороший nepěkný*, *nehezký*, *ošklivý*, *špatný*. Лексическое отрицание используется как эвфемистическое средство, ср. напр. *nevidomý* и *slepý* [Němec 1969: 344].

Очень часто русское отрицательное прилагательное или наречие переводится на чешский язык при помощи положительного выражения и квантифи-

каторов *docela, dost, celkem, poměrně* или *nepříliš, nijak zvlášť, ne zrovna*, ср. напр.: *неглупый docela chytrý; нередкий poměrně častý / obvyklý, нередкое явление poměrně častý jev; нелегкий dost těžký; неглубо docela chytře / rozumně, целкем chytře / rozumně; небогатый nijak zvlášť bohatý.*

Илек обращает внимание на то, что у отрицательных прилагательных наблюдается асимметрия – в чешском языке существует слово *nehezký*, однако не существует слово *neškaredý* [Пек 1954: 31]. В русском языке часто можно составить словообразовательную цепочку из четырех слов в тех случаях, где в чешском будут только три слова, что значит, что в русском языке есть более возможностей выражать разные степени проявления признака (*хороший – нехороший – неплохой – плохой*). В русском языке существует большая группа слов, которые выражают не собственно отрицание, а часто лишь степень проявления признака или качества, например: *негромкий tichý, polohlasný, неглубокий mělký; (выглядеть) нетрезво opile, přiorpile; незамысловатость jednoduchost* и т.д.

В некоторых случаях при переводе на чешский язык используется элатив, напр., немолодой мужчина *starší muž*.

Описательно надо переводить и другие выражения и сочетания, напр., *не-летняя погода počasí nevhodné k létání; непосильный (груз) těžký, nad či síly, (труд, задача) přetěžký, přesahující či síly, neúnosný, nadlidský; неприбыльно (торговать) bez zisku; неравнодушно (слушать) se zájmem; относиться неравнодушно к чему nebýt lhostejný k čemu, projevovat zájem o so; несвоевременно v nevhodnou dobu.*

В некоторых случаях надо несуществующую форму перевести описательно, напр., *немногочисленность malý / nízký počet, немногочисленность гостей málo hostů, nízký počet hostů; несвоевременность špatné/ nevhodné načasování; несчётность velké množství*. В многих случаях бывает трудно найти чешский однословный эквивалент (*незанятость, непродолжительность*).

Отрицаемым членом предложением чаще всего бывает прилагательное или наречие. Реже встречается также отрицание существительного. В последнее время становится все более продуктивным наименование типа *neplatič*. Этот тип наименования выражает определенный признак, принадлежность или непринадлежность к определенной группе, отношение между выделенной частью и целым [Buzzásyová 2011: 180–181]. Буззасыова считает, что, «наименования типа *neplatič (nájemného)* возникли из общественной необходимости назвать лицо, которое не выполняет какую-то нужную деятельность» и они являются «языковыми средствами, которые чувствительно реагируют на жизнь данного языкового сообщества, на внеязыковые импульсы к возникновению лексических значений» [Buzzásyová 2011: 181]. Буззасыова дальше замечает, что надо различать между лексикализованными (или терминологизованными) единицами словарного запаса и единицами, которые возникают из наименовательной потребности конкретного текста и которые не являются лексика-

лизованными [Буззасыова 2011: 181]. Однако лексикализованные и нелексикализованные единицы часто нелегко различить.

В словаре *Slovník spisovného jazyka českého* 1971 г. приводятся такие наименования, как, например, *Nečech, nečlen, nečlověk, nehudebník, nekněz, nekatolík, nekatolička, nekuřák, nekuřačka, neláska, neplavec, nepravda, nestraník, nesvoboda, nevoják, nevolič*.

В словаре *Nová slova v češtině* есть отрицательные существительные *neamatér, nečtenář, neobčan, Nerom* (первый том, 1998 г.) и *nesena, neekonom, neklient, neobčanství, nerezident, Neromka, neznačka* (второй том, 2004 г.).

Наименования *nekuřák/nekuřačka, neplavec, nestraník, nevoják* можно считать лексикализованными. Другие выражения все таки воспринимаются как окказиональные наименования лиц (*nevolič, neobčan, neklient*), подчеркивающие их отличие от целого. Некоторые из этих наименований обозначают отрицательные явления (*nesvoboda, neláska*).

В русском языке также, как правило, идет речь о стилистически маркированных словах или окказионализмах. В *Толковом словаре русского языка* Шведовой 2008 г. присутствуют только выражения *недруг* и *нелюди*. Оба выражения являются стилистически маркированными – слово *недруг* словарь характеризует как книжное, вместе с синонимом *враг* и контекстом лютый *недруг lítý nepřítel*; выражение *нелюди zřůdu, stvůry (что же мы, нелюди разве? sopak jsme nějaké stvůry?)* характеризуется как нелитературное.

В *Толковом словаре русского языка начала XXI века* Складневской 2006 г. мы находим слова *негражданин* – лицо, лишенное прав гражданства в стране проживания по политическим или другим мотивам; *недемократ* – 1) политический деятель, не являющийся членом демократической партии; 2) лицо, не разделяющее демократических идей; *нельготник* лицо, не имеющее льгот; *нерезидент* лицо, имеющее постоянное местожительство за пределами страны.

В русском языке довольно распространены прилагательные, образованные при помощи двух последовательно расположенных префиксов *не-* и *-без-*, для которых в чешском языке не существует однословного эквивалента и они переводятся опять при помощи словосочетаний с выражениями, как например, *celkem, poměrně, docela, dost*, или, наоборот, *ne zcela*, ср., напр.: *небезвыгодный celkem výhodný; небезопасный poměrně dost nebezpečný; небезупречный ne zcela bezúhonný; небезызвестный poměrně dobře známý; небезынтересный celkem/poměrně zajímavý*. В многих случаях необходим описательный перевод, ср., напр.: *небезразличный (слушатель) zainteresovaný, проjevující zájem, их судьба нам безразлична jejich osud nám není lhostejný; безрезультатный tající určitý výsledek*. В русском языке этот словообразовательный тип двойного отрицания *небез-* встречается довольно часто, однако в чешском языке этого типа не существует.

В чешском языке в таком случае используется сочетание общего и частного отрицания, например, *tato otázka není nezajímavá*.

Особую группу слов составляют слова с префиксом *недо-*. Они обозначают недостаточную степень или количество. В чешском языке употребляются пре-

фиксы *nedo-* и *pod-* (*nedozrálý*, *podmírák*), однако данные выражения переводятся, как правило описательно. Далее мы приводим некоторые примеры:

1) существительные

недолив (пива) *podmírák*; *недомерок*: *пальто-недомерок kabát velmi malé velikosti* (jako opak k nadměrné velikosti); *рыба-недомерок podměrečná ryba*

2) прилагательные

недоспелый (персик) *nedozrálý*

3) глаголы

недолюбливать nemít příliš v lásce; *недополучить/недополучать nedostat/ nedostávat celou částku* (při výplatě, placení); *недопонять/недопонимать nerochopit/nychápat dobře/plně co, nerochopit/nychápat všechno*; *недопоставить/недопоставлять* (товар) *dodat/dodávat v neúplném množství*; *недосолить/недосаливать* (суп) *nedostatečně osolit/solit*; *недоспать/недосыпать málo se vyspat, nevyspat se pořádně/málo spát*; *недоучить/недоучивать* (урок) *nedostatečně se naučit*; (кого мастерству) *nedoučit, nedostatečně naučit*

4) отглагольные существительные

недоедание hladovění, uskrovnování se v jídle; *недооценивание nedoseňování, podseňování*; *недопонимание* (задачи) *neúplné pochopení*; *недоплачивание nevyplácení čeho v plné výši*; *недосыпание nevyspěání se, хроническое недосыпание chronický nedostatek spánku*

Лишь у части данных слов существует положительная форма, напр., *спелый, дополучить/дополучать, досолить/досаливать, доспать/досыпать, доучить/доучивать, доплачивание.*

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

BUZZÁSYOVÁ, K. (2011): *K aspektom tvorenia antonymných lexém s prefixom ne(nominácia, lexikalizácia, pragmatické komponenty)*. In: J. Světlá, A. Jarošová, A. Rangelová, A. (eds.): *Česká a slovenská výkladová lexikografia na začiatku 21. storočia. Súbor príspevkov v rámci medzinárodného projektu Princípy a metódy tvorby výkladového slovníka*, Praha, s. 175–191.

ПЛЕК, В. (1954): *O některých zvláštních rysech ruského záporu ve srovnání s českým*. In: V. Křístek (ed.): *Sborník vysoké školy pedagogické v Olomouci. Jazyk a literatura*, Praha, s. 27–43.

НЁМЕС, И. (1969): *O lexikálním záporu v češtině*. SaS, s. 337–346.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ СЛОВАРИ:

HAVRÁNEK, В. (ed.) (1971): *Slovník spisovného jazyka českého, 2. díl (N-Q)*, Praha. MARTINCOVÁ, О. (ed.) (1998): *Nová slova v češtině. Slovník neologizmů*. Praha.

MARTINCOVÁ, О. (ed.) (2004): *Nová slova v češtině. Slovník neologizmů 2*. Praha.

СКЛЯРЕВСКАЯ, Г. Н. (ed.) (2006): *Толковый словарь русского языка начала XXI века*. М.

ШВЕДОВА, Н. Ю. (ed.) (2008): *Толковый словарь русского языка*. М.

МАЛГОЖАТА БОРЕК

Польша, Сосновец

КАРТИНА ХУДОЖНИКА В ПЕТЕРБУРГСКИХ ПОВЕСТЯХ ГОГОЛЯ – ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА И ПРИЁМЫ

ABSTRACT:

Image of an Artist-Painter in Gogol's Petersburg Stories – Linguistic Means and Techniques

“Nevsky Prospect” and “The Portrait” belong to the most interesting and the most important Gogol's writings. The author describes the environment of artists-painters in a specific manner. The writer deals with the problem of true art – where its limits are and what its place and role of art in society is. The article aims to analyse the variety of linguistic techniques used by Gogol, which he uses in order to achieve vividly and expressiveness characteristic for mentioned works.

KEY WORDS:

Story – Gogol – artist-painter – art – linguistic register – narration – metaphor.

Среди петербургских повестей Н. Гоголя своеобразными произведениями можно назвать «Невский проспект» и «Портрет». Они изобилуют такими деталями художнического бытия, «которые не могли быть ниоткуда заимствованы Гоголем и являются результатом его личных, непосредственных наблюдений» [Машковцев 1955: 8]. Легко можно обнаружить факты, свидетельствующие о непосредственном прикосновении писателя с миром художников. Сам Гоголь занимался рисованием, какое-то время посещал Академию художеств и признавался: «Я всегда чувствовал маленькую страсть к живописи» [Машковцев 1955: 9]. И хотя его рисунки не выходят за рамки неопытного любительства, эта страсть оказалась настолько сильной, что позволила создать очень убедительные и впечатляющие образы художников, типичных для своего времени. Описываемые в повестях события напоминают прежде всего некоторые факты из биографии Л. Плахова, А. Венецианова и А. Иванова [Машковцев 1955: 40, 56].

Главные герои повестей в большой степени родственны друг другу. Они оба кончили Академию художеств и начинают самостоятельную жизнь. Они

ровесники, их объединяет общая профессия и общая среда. Но их характеры и судьба оказываются совершенно противоположными. Герой «Невского проспекта», Пискарев, это художник мечтатель и идеалист. Однажды он встречает на улице красавицу, которую считает *прелестным существом*, похожим на *Перуджинову Бианку*. Это событие изменяет всю его жизнь. Повествование о встрече Пискарева с красавицей построено между прочим на использовании глаголов движения: *Молодой человек во фраке и плаще робким и трепетным шагом пошёл в ту сторону, где развеялся вдали пёстрый плащ [...]. Сердце его билось, и он невольно ускорял шаг свой. [...] ему хотелось только видеть дом, заметить, где имеет жилище это прелестное существо, которое, казалось, слетело с неба прямо на Невский проспект и, верно, улетит неизвестно куда. Он летел так скоро, что сталкивал беспрестанно с тротуара солидных господ с седьми бакенбардами. [...] Он взлетел на лестницу.*

Исследователи подчёркивают, что «связи между словом и текстом в структуре гоголевского повествования многообразны и многочисленны» [Еремина 1987: 5]. Действия, совершаемые Пискаревым, описываются с помощью глаголов *пошёл, ускорял шаг, летел, сталкивал* и реализуются в блоке изобразительного регистра¹. Повторяется глагол *лететь*, который касается тоже прекрасной незнакомки: *прелестное существо слетело с неба на Невский проспект и улетит неизвестно куда; он видел, как незнакомка летела по лестнице*. Как видно, глагол *лететь* употребляется и в буквальном и в переносном значении. С помощью изобразительного регистра автор воспроизводит наблюдаемую картину его хронотопа. При описании внешности персонажей Гоголь обычно употребляет сложные субстантивные словосочетания с согласованными определениями и несогласованными в форме предложно-падежных сочетаний (*молодой человек во фраке и плаще, солидные господа с седьми бакенбардами*). На этом фоне автор знакомит нас ближе с главным героем: *Это был художник. Не правда ли, странное явление? Художник петербургский! Художник в земле снегов, художник в стране финнов, где всё мокро, гладко, ровно, бледно, серо, туманно. Эти художники вовсе не похожи на художников итальянских, гордых, горячих, как Италия и её небо*. Это блок информативного регистра, для которого характерны предложения логически опосредованного ранга, сообщающие о результатах мыслительной, анализирующей и обобщающей деятельности [Золотова 1998: 394]. В нём используются эмоционально-вопросительные и восклицательные предложения и слова с оценивающим значением.

Описание комнаты Пискарева как художника реализуется с помощью изобразительно-описательного регистра, основой которого служат сложные

¹ Коммуникативные типы, или регистры речи – это «понятие, абстрагированное от множества предикативных единиц или их объединений, употреблённых в однородных текстах, сопоставленных по их общественно-коммуникативным функциям и противопоставленных по способу отражения действительности, что получает выражение в совокупности их лингвистических признаков» (Золотова 1982: 349). Авторы *Коммуникативной грамматики русского языка* выделяют пять коммуникативных регистров: репродуктивный (изобразительный), информативный, генеритивный, волонтивный, реактивный.

субстантивные словосочетания: *Он рисует перспективу своей комнаты, в которой является всякий художественный вздор: гипсовые руки и ноги, сделавшиеся кофейными от времени и пыли, изломанные живописные станки, опрокинутая палитра, приятель, играющий на гитаре, стены запачканные красками, с растворенным окном, сквозь которое мелькает бледная Нева и бедные рыбаки в красных рубашках.* Похожее описание комнаты художника, с таким же бедным оборудованием, можно найти в повести «Портрет». Жизнь героев связана с определёнными местами Петербурга, повторяются собственные названия, например, *Невский проспект, Нева, Щукин двор, Васильевский остров.*

Информативный регистр, который служит для обобщения и оценки описываемых событий, часто содержит сравнения и метафоры: *Они часто питают в себе истинный талант, и если бы только дунул на них свежий воздух Италии, он бы, верно, развился так же вольно, широко и ярко, как растение, которое выносят наконец из комнаты на чистый воздух.* Таким образом русские художники оцениваются Гоголем как существа талантливые, но неспособные развить полностью свой талант из-за неблагоприятных условий. Обобщающая информация о среде художников – это как будто увертюра для того, чтобы ввести на сцену главного героя: *К такому роду принадлежал описанный нами молодой человек, художник Пискарев, застенчивый, робкий, но в душе своей носивший искры чувства, готовые при удобном случае превратиться в пламя.* Гоголь любит употреблять метафоры, связывающие чувства и талант с огнём, они повторяются в обеих повестях. Выявляется позиция рассказчика-наблюдателя с помощью слов *описанный нами.*

С героем повести «Портрет» Чартковым мы знакомимся перед картинной лавкой на Щукином дворе: *В это время невольно остановился перед лавкою проходивший мимо молодой художник Чартков. Старая шинель и нещегольское платье показывали в нём того человека, который с самоотвержением предан был своему труду и не имел времени заботиться о своём наряде, всегда имеющем таинственную привлекательность для молодости.* Первое предложение принадлежит изобразительному регистру, второе обозначает переход к информативному регистру. Разновидностью информативного регистра можно считать генеритивный регистр, которому принадлежит обобщающее предложение *Наряд всегда имеет таинственную привлекательность для молодости.* Коммуникативная функция генеритивного регистра заключается в обобщении, осмыслении информации, соотносящего её жизненным опытом [Золотова 1998: 205].

Лексические повторы могут выполнять также сюжетобразующую роль [Еремина 1987: 55]. В начале повести профессор, который учил Чарткова, предостерегает его следующим образом: *Смотри, чтоб из тебя не вышел модный живописец.* Опасения и предостережения профессора сбываются, и через некоторое время мы узнаём, что *Чартков сделался модным живописцем во всех отношениях.* Как видно, предостережение в форме отрицательной конструкции реализуется в форме утвердительной конструкции. Экспрессивность

высказывания профессора насчёт сохранения таланта повышается благодаря введению элементов волюнтивного регистра, который заключается в волеизъявлении говорящего, побуждении адресата к действию: *смотри, берегись, терпи, обдумывай всякую работу, брось щегольство.*

Незрелость обоих героев описывается с помощью сравнений с ребёнком: *Он был чрезвычайно смешон и прост, как дитя; Он радовался, как ребёнок.* Характерным для Гоголя является употребление метонимии «кисть вместо художника»: *вспышками и мгновеньями его кисть отзывалась наблюдательностью, соображением [...]; кисть его хладела и тупела; демонское чувство зависти водило мою кистью; кисть его послужила дьявольским оружием; высшая сила водила твоею кистью.* «Повтор у Гоголя – стилевой фон, данный в росписи других фигур речи» [Еремина 1987: 53].

Важнейшие компоненты поэтики Гоголя – это также цвет и описание пейзажа сквозь призму восприятия персонажа [Еремина 1987: 152]. В повести «Портрет» интересно то, что художник Чартков, который с особенной остротой и тонкостью воспринимает все краски природы, определяет авторское повествование лишь до тех пор, пока не теряет таланта: *Уже художник начинал мало-помалу заглядываться на небо, озарённое каким-то прозрачным, тонким, сомнительным светом [...].*

Считается, что в живописи Гоголь нашёл поддержку своему зреющему реализму [Машковцев 1955: 132]. В петербургских повестях он создал картину художника-мечтателя, художника-карьериста, художника-монаха и художника-реалиста. Два первых погибают как жертвы безумной страсти, страсти к прекрасной женщине, славе и деньгам, хотя они носили в себе *искру таланта, быть может со временем бы вспыхнувшего широко и ярко.* Художник-монах даёт совет своему сыну, тоже художнику: *Кто заключил в себе талант, тот чище всех должен быть душою. Другому простится многое, но ему не простится* (генеритивный регистр). По мнению Гоголя, художник должен не только воспроизводить, но и оценивать действительность, эта оценка заключена в его картинах.

Благодаря применению разных речевых регистров, тщательному воспроизведению деталей из жизни художников, живому языку, обогащённому повторами, сравнениями и метафорами, Гоголю удалось создать впечатляющую картину русского художника, которая западает в память и душу читателя.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- ВИНОГРАДОВ, В. В. (1980): *О языке художественной прозы.* М.
 ГОГОЛЬ, Н. В. (1973): *Сочинения в двух томах. Т. 1. Повести.* М. С. 427–535.
 ЕРЕМИНА, Л. И. (1987): *О языке художественной прозы Н.В. Гоголя.* М.
 ЕРМИЛОВ, В. В. (1959): *Гений Гоголя.* М.
 ЗОЛотова, Г. А. (1982): *Коммуникативные аспекты русского синтаксиса.* М.
 ЗОЛотова, Г. А., ОНИПЕНКО, Н. К., СИДОРОВА, М. Ю. (1998): *Коммуникативная грамматика русского языка.* М.
 МАШКОВЦЕВ, Н. Г. (1955): *Гоголь в кругу художников. Очерки.* М.
Энциклопедия мировой литературы (2001), ред. С. В. Стахорский. М.

НАТАЛЬЯ ГЕОРГИЕВНА БРАГИНА

Россия, Москва

ЧТО НОВОГО МОЖНО СКАЗАТЬ НА ЯЗЫКЕ РЕЙТИНГА? ¹

ABSTRACT:

What New One May Say in the Language of Rating?

The paper deals with a new type of culture, which was named *rating culture* (*rejtingovaja kul'tura*). It describes the general points of *the rating culture*, its lexicon in the Russian language, and some of its key lexical units, such as: complex Russian words with the borrowed components: *top-*, *super-*, *mega-* etc.; word combinations and clichés like: *ключевой специалист* (*key specialist*), *человек года* (*Person of the Year*), *мисс мира* (*miss of the world*), *индекс популярности* (*popularity index*) etc. The paper focuses on the way of their conceptualization in modern Russian.

KEY WORDS:

The rating culture – lexicon of the rating culture – conceptualization – complex words – word combinations – clichés.

Рейтинг и рейтинговая культура: общие положения

Современная культура говорит с массовым адресатом на языке рейтинга.

Рейтинг задает шкалу оценки. Наш социальный организм (мы и наши чувства) приспособился к такому способу обозначения содержания как рейтинг. Он выступает как «мера организованности системы», точнее, как социальный регулятор.

Становясь регулятором поведения, рейтинг формирует свою, т.е. рейтинговую иерархию ценностей, образуя при этом разветвленную структуру: *рейтинг по версии журнала, блога, форума, ФИДЕ, жюри, газеты, пользователей*.

Отношения между рейтингом, авторитетом и властью, в принципе, достаточно прозрачные. Неслучайно, например, Медведев (к слову сказать, позиционирующий себя как носитель нового мышления, инициатор инновационных процессов) объяснил свой отказ баллотироваться на второй срок тем, что У Пу-

¹ Работа подготовлена при поддержке «Программы стратегического развития РГГУ».

тина более высокий рейтинг и он – самый авторитетный политик России. Приведу еще один пример, доказывающий власть рейтинга, его отношение к репутации уже в европейском контексте:

Узнав о том, что **рейтинг его заведения опустился на два пункта** в списке грандов ресторанного дела, Бернар Луазо **покончил с собой** (Э. Гусейнов. «Чисто французское самоубийство. Покончил с собой один из самых известных кулинаров страны». // «Известия», 2003.02.25).

Рейтинг имеет прямое отношение ко времени: он фиксирует «здесь и сейчас»-ситуации. Он соотносится с настоящим временем в большей степени, чем с прошедшим и будущим. Высокий рейтинг (чего-л. или чей-л.) становится показателем актуальности, востребованности и успешности (чего-л. или чьей-л.). Он выступает как символический капитал по П. Бурдьё, который выделяет: «социальный и культурный капитал», «капитал академической власти», «капитал (научного) престижа», «капитал интеллектуального реноме», «капитал политической и экономической власти».

Культуру, в которой ценностная структура формируется на основе рейтинга, можно назвать *рейтинговой культурой*. (Поскольку культура определяется системой ценностей и ценностных установок).

Ценности определяются как: «сложные, определенным образом сгруппированные принципы, придающие стройность и направленность разнообразным мотивам человеческого мышления и деятельности в ходе решения общих человеческих проблем» [Kluckhohn & Strodtbeck 1961].

Современная культура все в большей степени приобретает черты рейтинговой культуры. В некотором смысле идея высокой, элитарной культуры (культуры избранных) заместила идею рейтинговой культуры, культурой шкалирования, в которой акцент делается на массмедийной влиятельности и успешности.

Одним из следствий становится формирование и развитие лексикона рейтинговой культуры в некоторых современных языках, в частности, в русском языке.

Слово *рейтинг* в современном русском языке

Слово *рейтинг*, заимствованное из английского языка: *rating* (оценка, класс, разряд), появилось в русском языке недавно. В толковых словарях, изданных до середины 80-х годов, оно отсутствует. СУШ и МАС, например, его не фиксируют. СОШ 95 – уже отмечает *рейтинг* в значении: «Показатель популярности какого-н. лица, а также фильма, представления, периодического издания; степень такой популярности».

Национальный корпус русского языка на запрос об употреблении слова *рейтинг* во всех его словоформах фиксирует 1433 документа и 3335 вхождений. Рост показателя употребительности слова начинается в 1990 г. и продолжается до сих пор. Максимальное число употреблений согласно данным корпуса приходится на 2003 год. Сфера употребления по количеству найденных словоформ (СФ) распределяется следующим образом: на первом месте публицистика (2524 СФ), на втором – учебно-научная литература (555 СФ), на тре-

тьем – художественная литература (88 СФ). Тип текста: статья (2231 СФ); заметка (284 СФ); интервью (265 СФ). Тематика текста: политика и общественная жизнь (1171 СФ); наука и техника, бизнес, коммерция, экономика, финансы (317 СФ); спорт (306 СФ); искусство и культура (201 СФ).

В употребление вошли также дериваты слова *рейтинг*².

Рейтинговать: *р. учреждения по каким-л. параметрам; р. компании по объему продаж.*

Рейтингование: *индексы р.; методы р.*

Рейтинговый: *р. баллы; р. шансы; р. агентство; р. сайт; р. графики; р. обобщающие показатели; р. успех какого-л. канала; р. шоу, р. голосование.*

Рейтинговость: *р. и популярность программы.*

Рейтингово: *Говорил он красиво, проникновенно и р.*

Анализ словоупотреблений слова *рейтинг* позволяет судить о характере его концептуализации, проявляя следующие характеристики.

- Вертикальная ориентация вверх-вниз: *р. растет, падает, поднялся.*
- Выраженность в количественных показателях, цифрах: *р. колеблется на уровне скольких-л. процентов.*
- Внутренняя динамика: *с рейтингом чего-л. (партии, газеты) происходит что-л.; что-л. как-л. сказалось, отразилось на рейтинге.*
- (Главный) критерий оценки чего-л.: *рейтинги подтверждают что-л., свидетельствуют о чем-л.*
- Является объектом наблюдения и публичного внимания: *отслеживание рейтинга; опубликовать р.*
- Распространяется на самые разные области: *р. популярности, доверия У народа, продаж, успеваемости.*
- Имеет своих субъектов: *лидер, лауреат какого-л. рейтинга; рейтинг-фаворит.*

Анализ наивных толкований, проводившийся на основе тех данных, которые были получены по запросу в Яндексе, проявляет некоторый набор амбивалентных характеристик рейтинга.

Рейтинг – это...

- репутация (политическая и др.); инструмент влияния: *отражение доверия, а не влияния; политическое оружие, как галстук в обществе; репутация; не более чем инструмент политического влияния на электорат; капитал, который политик должен тратить; индикатор, а не инструмент для административных действий; огромный плюс; круто;*
- несерьезная/ хитрая игра: *бесстыдное лукавство; игрушка модераторов, игрушкой был и игрушкой остался, средство утверждения игрушечной власти; всего лишь цифра, минутный слепок;*
- то, что можно по-разному оценивать, в зависимости от контекста: *3D вещь, на которую можно смотреть с разных точек – и видеть что-то*

² Словосочетания взяты из примеров, приводимых в НКРЯ.

особенное; метафора, которая наполняется смыслом в той или иной ситуации;

- *разное: счастье; диагноз; оценка; отражение в зеркале; повседневная реальность; способ выразить свое мнение.*

Последняя группа показывает, что у слова *рейтинг* расширяется коннотативное поле, причем расширение идет очень активно, если принять во внимание тот факт, что первые фиксации этого слова в словарях русского языка относятся к началу девяностых.

Лексикон рейтинговой культуры: общая характеристика

Рейтинговая культура создает свою систему символов и свой язык. Она основывается на селекции, которая выделяет из общего множества избранные имена и профилирует списки как градации, т.е. структурирует вертикаль. При этом дифференцированно описывается «верх», «сверх чего-л.», т.е. нечто, являющееся либо вершиной чего-л., либо чем-то, оцениваемым как предельная степень положительной оценки.

Рейтинговая культура в большей мере, чем предшествующая, выражается при помощи вертикали. Значимой и знаковой является ее верхняя точка: *возглавлять р.; высокий р.; быть в верхней строчке рейтинга*. Важную роль играет также оценка: «хороший сверх меры, лучший». Эти показатели определяют лексикон рейтинговой культуры.

Следует при этом отметить, что нижняя точка вертикали фиксируется с помощью словосочетаний: *р. упал; невысокий, низкий, нулевой р.* В этой системе координат «плохой сверх меры, худший» также может способствовать расширению лексикона рейтинговой культуры.

Срединная часть вертикали (невысокий и низкий рейтинг) вербально выражается крайне эпизодически. Это еще раз подчеркивает специфику рейтинговой культуры, которая связана с массмедийными, масскультурными практиками, а также с разными формами рекламы/антирекламы.

К лексикону рейтинговой культуры относятся:

- **Сложные слова с компонентами *топ-, супер-, мега-, хит-, гипер-, вип-***, а также образованные от них прилагательные: ***топовый, виповый, хитовый***. Например: *топ-десятка видеопродаж, европейские топ-лиги, топ-лист, топовые клубы*.
- **Клише, образованные с помощью числительных/количественных существительных и превосходной степени прилагательных:** *десятка, двадцатка, пятьдесят, сотня ... самых лучших, влиятельных, крупных, богатых, популярных, известных, успешных, красивых, кассовых, дорогих, смешных, страшных, распространенных, опасных, загадочных, интересных, неудачных, модных, неперспективных, непонятных, маленьких, вредных, жестоких*.
- **Прилагательные: *ключевой, влиятельный, знаковый, культовый, востребованный***. Например, *ключевой: клиент, специалист, сотрудник, фигура, фактор успеха, решение, момент;*

самый влиятельный: человек/люди, политик, интеллектуал, деловая женщина, журнал; знаковый: момент, проект, запрет, визит, событие...; культовый: актер, автор, режиссер, фигура, фильм, книга; культовые имена и символы.

- **Клише, образованные по модели: X (человек, событие) и существительное в род. п., обозначающее временной отрезок (месяц, сезон, год, последнее десятилетие, столетие)**, например: человек, спортсмен, политик, актер, фильм... года.
- **Клише со словами мисс и миссис**, например: мисс мира, мисс Вселенная, мисс Россия, мисс Украина, мисс Харьков, мисс Сибирь, мисс фитнес, мисс интернет, мисс грация, мисс Русское Радио, мисс февраль 2010, мисс риэлтор, мисс академия 2010.
- **Клише со словами призер, номинант(ка), победитель(ница), финалист(ка)**, например: номинант(ка), призер/победитель какого-л. конкурса.
- **Заемствованные сложные слова с компонентом -лист, а также их кальки**, например: топ-лист какой-л. премии, шорт-лист какой-л. премии / короткий список какой-л. премии, лонг-лист какой-л. премии/ длинный список какой-л. премии.
- **Слово индекс**, имеющий в современных словоупотреблениях прямое отношение к градации. Индексируются очень разные объекты, ср.: индекс популярности, известности, цитируемости, потребительской активности, стоимости жизни, реалистичности, предсказуемости, радости, счастья, несчастья, любви, ненависти, страха и др. В некоторых контекстах индекс и рейтинг могут взаимозаменяться, например: высокий индекс популярности и высокий рейтинг популярности; низкий индекс активности и низкий рейтинг активности. Интересно, что название главной русской интернет-компании Яндекс этимологически близко слову индекс (yet another indexer > yandex > Яндекс).

Что нового можно сказать на языке рейтинга?

Рейтинговая культура оказывается посредником между массовой (массмедийной) и элитарной культурами. В рамках рейтинговой культуры активно развиваются те смыслы, которые могут градуироваться и шкалироваться. Если проанализировать с этой точки зрения пары: *интеллигент – интеллектуал; современный – актуальный*, то окажется, что первые члены пары не относятся к рейтинговой культуре, а вторые – относятся, т.к. они шкалируются. Ср.: *Десятка самых влиятельных интеллектуалов – нормально, ??десять самых влиятельных интеллигентов – проблематично; десятка самых актуальных художников – нормально, ??десять самых современных художников – проблематично*. Противоречие во втором случае снимается, если добавить шкалируемый признак, например: *десятка самых богатых, успешных, продаваемых ... современных художников*.

Заключение

Лексикон рейтинговой культуры сравнительно невелик, однако, его единицы частотно используются в текстах. Влиятельность рейтинга в современных социокультурных практиках позволяет говорить о нем как об одном из мощных регуляторов социального поведения и социальной активности. Это обстоятельство позволяет предположить, что дальнейшее исследование рейтинговой культуры и форм ее лексического воплощения в современном русском языке может привести к нетривиальным результатам, позволяющим более детально рассмотреть работу социокультурных механизмов в современном языке.

Использованная литература:

- СУШ – *Толковый словарь русского языка* (1935–1940): Т. 1-4. / Гл. ред. Д. Н. Ушаков. М.
МАС – *Словарь русского языка*: В 4 т. (1981–1984): Гл. ред. А. П. Евгеньева. М.
СОШ 95 – ОЖЕГОВ, С. И., ШВЕДОВА, Н. Ю. (1995): *Толковый словарь русского языка*. М.
KLUCKHOHN, FLORENCE, R., & FRED L. STRODTBECK (1961): *Variations in Value Orientations*. Evanston, IL: Row, Peterson.

АЛЕШ БРАНДНЕР

Чехия, Брно

ЧЕШСКИЙ ЭЛАТИВ И ЕГО СООТВЕТСТВИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

ABSTRACT:

Czech Elative Forms and Their Equivalents in Russian

The paper analyses the ways the elative form of Czech adjectives is expressed; the system is then confronted with Russian. In Czech the elative is expressed by the comparative form of an adjective (although it is possible to use some of synonymic expressions, too). In order to determine the equivalents of Czech Elative expressions the autor exploited the linguistic material taken from lexicographic sources, normative grammars and he, too, taken from Czech fiction which have been translated to Russian.

KEY WORDS:

Adjective – qualitative adjectives – adjective degrees – high level of quality – elative – outer limit – intensified form adjectives (adverbs) – parallels to Czech Elative in Russian.

Формы сравнительной степени прилагательных служат прежде всего для выражения предмета сравнения. Однако в чешском языке они могут иметь также другое значение, чем сравнительное. В тех случаях, в которых употребляется форма сравнительной степени без обозначения предмета сравнения, данная форма приобретает другое значение; речь идет об абсолютном выражении качества (ср.: *starší člověk, lepší společnost, vyšší postavení, větší zkušenost*). Такой компаратив в чешской лингвистике называют абсолютным. Языковое средство называется элатив [Trávníček II 1949: 1094; Karlík, Nekula, Rusínová 1996: 85]. Элатив выражает высокую меру качества без сравнения с другими предметами. В русском языке выражается при помощи превосходной степени сравнения прилагательного [Виноградов, Истрина, Бархударов 1953: 299; Leška 2003: 41; 301], а также с помощью разных синонимичных оборотов с элативным значением: усилительными префиксами, суффиксами и другими словообразующими и лексическими средствами [Норáлек 1979: 641–643; Шведова 1980: 305–312], между тем как в чешском языке элатив представлен прежде всего формой прилагательного в сравнительной степени.

В обоих языках можно употребить формы компаратива также для выражения **ограниченной меры качества без сравнения с другими предметами**. Русский язык в таких случаях употребляет простую форму сравнительной степени с приставкой **по-**. Ср.: *Bydlí zde nějaký **starší** rán* × *Здесь проживает какой-то мужчина **постарше***; *Mají **menší** byt* × *У них квартира **поменьше***.

При переводе на русский язык можно иногда встретиться с прилагательным в форме сравнительной степени без элативного значения. Ср.: *...využíval každé příležitosti, aby do rozhovoru vsunul **důvěrnější** poznámku* (Кун 1970, 180) × *...при любой возможности вставлял в разговор **более интимные** намёки* (Кун 2006, 200); *Dva tři **podnikavější** skipovali po okolí husy...* (Puj 1963, 87) × *Двое-трое **более предприимчивых** скупали в округе гусей...* (Пуй 1961, 69).

Русский язык нередко пользуется также другими средствами – или словообразующими, или лексическими [Наврѓánek 1976: 376]. Эквивалентом чешского элатива часто бывает положительная форма русского прилагательного. Чешская форма сравнительной степени в данном случае только ограничивает качество, выраженное формой положительной степени. Ср.: *Naše sekretářka je **starší** žena* × *Наша секретарша **пожилая** женщина*; *Je to už **starší** oblek* × *Это уже **поношенный** костюм*. Иногда эквивалентом чешского элатива является антоним с приставкой **не-**. Ср.: *Je to **horší** druh* × *Это **неважный** сорт*; *Postavili si **menší** domek* × *Они построили себе **небольшой** домик*.

Параллелью чешского элатива в русском языке бывает зачастую прилагательное в **положительной степени** с наречием «довольно». Ср.: *Použili jsme **lepší** materiál* × *Мы использовали **довольно хороший** материал*; *Můj otec pracuje ve **větším** podniku* × *Мой отец работает в **довольно большом** предприятии*.

Эквивалентом чешского элатива, выраженного формой сравнительной степени сложного прилагательного, первой частью которого является **sebe-**, могут быть в русском языке формы превосходной степени также с элативным значением. Ср.: *Každý člověk tu vytváří dílo, byť **sebeskromnější*** (Кун 1970, 74) × *Каждый человек создаёт в своей жизни нечто, пусть даже **скромнейшее*** (Кун 2006, 137); *...ničili za sebou kdejaký místek přes **sebemenší** strouhu...* (Puj 1955, 288) × *...разрушали за собой каждый мостик, даже через **крохотнейшие** канавки* (Пуй 1961, 704).

Авторы «Энциклопедического словаря чешского языка» считают элативом только такое языковое средство, которое выражено формой компаратива, и полагают, что форма суперлатива элатив не образует. На примере *nejkrásnější léta mého života* указывают на то, что речь идет об эллипсисе сравнительной конструкции; та часть, которая остается невыраженной, вытекает из контекста, т.е. «ze všech let mého života» [Karlík, Nekula, Pleskalová 2002: 122]. Наоборот, в академической грамматике чешского языка подчеркивается, что конструкция данного типа может употребляться абсолютно без сравнения [Petr 1986: 80]. Подобно и Ф. Травничек в своей грамматике допускает усиливающее значение суперлатива в тех случаях, когда намерение сравнения отступа-

ет на задний план, т.е. сравнение не происходит [Trávníček II 1949: 1093]. В нашем докладе мы будем придерживаться этой концепции.

Русским эквивалентом чешского элатива, выраженного формой **суперлатива**, могут быть синтетические формы превосходной степени. Ср.: *Míťa žil nejúžasnější den svého chlapeckého života* (Puj 1955: 348) × *Митя пережил удивительнейший день своей жизни* (Пуш 1961, 787); *Přílišná víra je ten nejhorší spojenc...* (Kun 1970, 55) × *Излишняя вера – найхудший союзник...* (Кун 2006, 61). В русском языке можно также встретиться с **аналитической формой превосходной степени** адъектива. Ср.: *Nejbezprostřednější nebezpečí Eduard odvrátil* (Kun 1970, 199) × *...самую непосредственную опасность Эдуард предотвратил* (Кун 2006, 199); *Jsou to nejkrásnější verše o Kavkazu* (Puj 1955, 222) × *Это самые красивые стихи о Кавказе* (Пуш 1961, 690). Из приведенных примеров следует, что русскими эквивалентами чешского элатива, выраженного с помощью суперлатива, могут быть и простые, и сложные формы превосходной степени прилагательных.

Элативного значения можно в чешском языке достичь также при помощи **приставок**. Усилительное качество выражают сложные адъективы с приставкой **pra-**. Ср.: *...vdova, která pochovala prastarého muže...* (Puj 1963, 32) × *...вдова, похоронившая престарелого мужа...* (Пуш 1961, 26); *Před třiceti lety pracovala v praubohé tkalcovněse...* (Puj 1963, 88) × *Тридцать лет назад она работала на преубогой текстильной фабрике* (Пуш 1961, 70); *Naši chlapi měli srdce lví, ale pražádné zkušenosti* (Puj 1955, 336) × *У наших парней были львиные сердца, но абсолютно никакого военного опыта* (Пуш 1961, 778). *...za pradávných časů, kdy bratři za mrtvého otce rozhodovali o sestřích...* (Puj 1963, 296) × *...в те древнейшие времена, когда после смерти отца судьбу сестёр решили братья...* (Пуш 1961, 234). Чешские прилагательные с префиксом **pra-** можно перевести на русский язык с префиксом **пре-**, или с помощью **элативного выражения**; чтобы достичь этого значения, следует иногда употребить подходящее **усилительное наречие** в сочетании с **положительной степенью** прилагательного.

Усилительное значение выражают также чешские адъективы с приставкой **pře-**. Ср.: *Praha je překrásná* (Puj 1955, 159) × *Прага прекрасная* (Пуш 1961, 640); *Oba milenci vystoupili z přeplněné tramvaje* (Puj 1955, 17) × *...влюблённые вышли из переполненного трамвая* (Пуш 1961, 531). Из указанных примеров следует, что чешские производные адъективы с префиксом **pře-** имеют в русском языке сходные соответствия с приставкой **пре-**. Таким образом, в русском переводе сохраняется элативное значение.

В единичных случаях встречаются в чешском языке прилагательные в форме сравнительной степени с префиксом **po-**. Они выражают небольшую меру качества данного адъектива. В русском языке им соответствуют, как правило, прилагательные в **положительной степени** (нередко это выражения с **противоположным** значением с приставкой **не-**). Ср.: *muž poslabší postavy* × *мужчина слабого телосложения*; *romenší sál* × *небольшой зал*; *mít poslabší hlas* × *обладать (довольно) слабым голосом*.

Большую меру качества с усилительным или с ослабленным значением выражают в чешском языке производные прилагательные с суффиксами **-ičk(ý)**, **-ink(ý)**; наряду с признаком ослабления качества они могут приобретать также признак экспрессивности. Ср.: *kratičká* // *kratinká sukně* × коротенькая // очень короткая юбка; *mladičků* // *mladinký houslista* × молоденький // очень молодой скрипач. Приведенные примеры указывают на то, что русскими эквивалентами чешских адъективов с **уменьшительными** суффиксами являются также уменьшительные суффиксы. Иногда можно пользоваться описательным выражением с **усилительным наречием** в сочетании с положительной степенью.

Элативное значение можно выразить в чешском языке также с помощью производных прилагательных с суффиксами **-oučk(ý)**, **-ounk(ý)**. Ср.: *běloučké plátno* × **беленькое** полотно, *hezoučká* // *hezounká holčička* × **хорошенька** девочка. *Mlad'oučký jsi, řekla Ondřejovi...* (Пуј 1963, 139) × **Очень ты молоденький**, сказала она... (Пуј 1961, 110); *...zdvihla se z nizouнкé stoličky...* (Пуј 1963, 273) × ...она поднялась из-за **низенького** столика... (Пуј 1961, 159). Эквивалентами в русском языке являются, как правило, производные прилагательные с суффиксом **-еньк(иѳ)**; иногда можно пользоваться еще усилительным наречием в сочетании с прилагательным.

Ослабительное значение придает чешским прилагательным суффикс **-av(ý)**, который выражает ограниченное обозначение оттенков. Ср.: *bělavá mlha* × **беловатый** туман; *modravý kouř* × **голубоватый** дым; *žlutavý odstín* × **желтоватый** оттенок.

Чешские производные слова с суффиксами **-ánsk(ý)**, **-atánsk(ý)** имеют усилительный, экспрессивный (скорее отрицательный) признак. Ср.: *...v duchu se objevil velikánský bílý naftojet* (Пуј 1955, 146) × ...в памяти его возникло **огромное** белое нефтехранилище (Пуј 1961, 631); *Jeden dlouhatánský SS rozhodil ruce...* (Пуј 1955, 291) × Один **долговязый** эсэсовец взмахнул руками... (Пуј 1961, 743). В данных примерах русские эквиваленты правильны. Однако их **положительная** форма не имеет элативного значения. В следующих примерах чешским прилагательным с усилительными суффиксами **-ánsk(ý)**, **-atánsk(ý)** отвечают в русском языке прилагательные также с усилительным суффиксом, а именно **-уц(иѳ)** // **-юц(иѳ)**. Ср.: *...dva pokoje na jih, velikánská okna jako v jídelním voze...* (Пуј 1963, 311) × две комнаты с окнами на юг с **большуцими** окнами, как в вагоне-ресторане... (Пуј 1961, 246); *...dělová věž s dlouhatánskou hlavní...* (Пуј 1955, 199) × ...орудийная башня с **длиннюцим** стволом... (Пуј 1961, 673).

Чешские элативные конструкции могут быть также образованы с помощью **усилительных наречий**. В русском языке наблюдаются подобные выражения, соблюдающие элативное значение. Ср.: *Byla to vysoká žena, velice vysoká* (Пуј 1963, 35) × Это была высокая, **очень высокая** женщина (Пуј 1961, 39); *...byli bychom vám velice vděční* (Пуј 1963, 54) × ...мы были бы вам **премного благодарны** (Пуј 1961, 59).

Элатию можно выразить также посредством **редупликации**. Чешским конструкциям в нами собранном материале соответствуют в русском языке выражения с элативным значением. Ср.: *Mířa byl sám a sám v cířu zahrady* (Пуї 1955, 57) × *Митя был один-одинок в конце сада* (Пуї 1961, 628); *Pravda pravdoucí, láskou rozkvétáš* (Пуї 1955, 200) × *Самая истинная правда – человек от любви расцветает* (Пуї 1961, 73).

Источники:

Kun 1970 = KUNDERA, M. (1970): *Směšné lásky*. Československý spisovatel, Praha.

Puj 1955 = PUJMANOVÁ, M. (1955): *Život proti smrti*. Československý spisovatel, Praha.

Slovník spisovného jazyka českého I-IV (1960-1970). Nakladatelství Československé akademie věd, Praha.

Kun 2006 = КУНДЕРА, М. (2006): *Смешные любви*. Перевод Н. Шульгиной. Санкт-Петербург, «Азбука-классика».

Пуї 1961 = ПУЙМАНОВА, М. (1961): *Жизнь против смерти*. Перевод Т. Акселя и В. Чехиной. Киев, «Держлитвыдав».

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

ВИНОГРАДОВ, В. В., ИСТРИНА, Е. С., БАРХУДАРОВ, С. Г. [ред.] (1953): *Грамматика русского языка I. Фонетика и морфология*. Москва, Издательство Академии наук СССР.

ШВЕДОВА, Н. Ю. [ред.] (1980): *Русская грамматика I*. Москва, Наука.

HA VRÁNEK, V. [ред.] (1976): *Příruční mluvnice ruštiny pro Čechy. Hláskosloví a tvarosloví*. SPN, Praha.

HA VRÁNEK, V., JEDLIČKA, A. (1981): *Česká mluvnice*. SPN, Praha.

HORÁLEK, K. [ред.] (1979): *Русская грамматика 1*. Academia, Praha.

KARLÍK, P., NEKULA, M., PLESKALOVÁ, J. [ред.] (2002): *Encyklopedický slovník češtiny*. LN, Praha.

KARLÍK, P., NEKULA, M., RUŠÍNOVÁ, Z. [ред.] (2002): *Příruční mluvnice češtiny*. LN, Praha.

LEŠKA, O. (2003): *Jazyk v strukturním pojetí. Kapitoly ze synchronní a diachronní analýzy ruštiny*. Euroslavica, Praha.

PETR, J. [ред.] (1986): *Mluvnice češtiny 2. Tvarosloví*. Academia, Praha.

TRÁVNÍČEK, F. (1949): *Mluvnice spisovné češtiny I-II*. Melantrich, Praha.

ДАНУТА ВЛАДИМИРОВНА БУДНЯК

Польша, Седльце

О ТЕКСТОВОМ ПОДХОДЕ К СОПОСТАВЛЕНИЮ БЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ

ABSTRACT:

Aspects of Comparison of Related Languages in Text Structures

In this paper functioning and role of lexical-semantic group of verbs of related languages are analyzed. Semantic structure of text is also taken into consideration and analysis of their functioning in the area of Russian, Polish and Ukrainian languages has been carried out. Correlation of the function of the predicate and the meaning of the sentence when introducing the new word into the structure was shown. Relationships occurring between “reality – meaning – text” are universal for each text.

KEY WORDS:

Association – spatial orientation – the realization of content – expression – syntactic functions of the verb – lexical-semantic group.

Исследование в области русского, польского и украинского языков базируется на теории, что любой естественный язык сам по себе представляет семантическую вселенную и отражает культуру (и мировосприятие) людей, которые говорят на этом языке. Слышимое слово, всегда являясь чьим-то, то есть, обладая «авторством», произносится по определённому поводу и в связи с определёнными обстоятельствами. «Слова языка ничьи, но в то же время мы слышим их только в определённых индивидуальных высказываниях, читаем в определённых индивидуальных произведениях, и когда мы выбираем слова в процессе построения высказывания, мы далеко не всегда берём их из системы языка в их словарной форме; мы берём их обычно из других высказываний, родственных нашему жанру» [Бахтин 268].

Здесь появляется важное для М. М. Бахтина утверждение, что усвоение форм языка происходит в формах высказываний и вместе с теми формами, под которыми понимаются определённые речевые жанры – типовые модели построения речевого целого в текстовом подходе к сопоставлению близкородственных языков. При этом подчёркиваются адресные слова в процессе овладения чужим языком, что возвращает нас к важности роли «другого» на этот раз как

источника, автора слова. Так проходит путь слова – сначала чужого, наполненного чужой экспрессией, через многократный процесс опробования его в различных ситуациях в качестве «моего» слова, проникнутого «моей» экспрессией, в ходе многократных повторений утрачивающего авторство.

На современном этапе развития общества необходимо последовательно различать речевое общение (речевую коммуникацию) и так называемую «интеракцию» (социальное взаимодействие) общающихся; такое различие важно, например, при изучении социального фона речи, который решающим образом влияет на форму речи. Текстовые явления в функционировании слов могут терять связи с условиями, с которыми они соединены в своём возникновении, служить основой для своеобразных ассоциаций. Идущие от текста сравнения вызывают у читателя ассоциацию непредсказуемости: «Уже и так по заводам страшно пройтись – по ним будто орда прокатилась...» [День №164: 1]. Ситуативно в тексте может получить иной смысл и слово, существующее в литературном языке. Сочетания слов, заданность их в тексте, не всегда совпадающая с лексико-системной предначертанностью этих связей, заслуживают большого внимания при работе над текстом.

Так, в тексте романа Болеслава Пруса «Кукла» выделенное слово «смерть» становится семантически обогащённым глаголами с целью употребления их для подчёркивания духовного состояния человека:

«В сердце его закипало глухое бешенство. Он чувствовал, что руки его становятся твёрдыми, как железо, а тело приобретает такую необыкновенную упругость, что, пожалуй, ни одна пуля не пробьёт его. В голове его мелькнуло слово «смерть», и он усмехнулся. Он знал, что смерть не бросается на смелых, а только останавливается против них, как злая собака, и смотрит зелёными глазами: не зажмурится ли человек» [Прус 1990: 256].

В текстовом подходе к сопоставлению близкородственных языков явления внутритекстовой мотивированности в отборе и использовании слов, как подсказывают наблюдения, достаточно многообразны и представлены не только в художественных текстах, но и в газетных. Ср.: «Компенсацию оstarбайтерам всё ещё обещают. Но, по данным польской газеты «Gazeta Wyborcza», в Украине проживает 595 тысяч оstarбайтеров, в Польше – 600 тысяч, в России – 324 тысячи, а в Беларуси – 172 тысячи, в Чешской республике – 57 тысяч» [День 1999: 3].

Это противопоставление, отражение в типах свободно-номинативного значения, связанного с синтаксически обусловленным значением глаголов, также участвует в параметризации говорящего в тексте.

Так, ориентация глаголов лексико-семантической группы в их свободно-номинативных значениях на мир реальных, физических действий обуславливает не только их скопление в особо острых, динамических ситуациях, но и обилие среди этих глаголов тех, которые обладают количественной и качественной экспрессией, отражая видение повествователя, как бы его причастность к событиям: «Малолетние брат и сестра, которые по желанию своей матери должны были из Луганска отправиться к бабушке в рай-

он, договорились пока в село не ехать, а два – три дня побродяжничать по центру. В тот злополучный день дети стояли возле магазина «Глобус», на центральном рынке, когда к ним подошла молодая пара. Обратив всё своё внимание на Веру, женщина спросила девочку, не хотела бы та заработать немного денег. Труд, дескать, предстоит несложный – мытьё посуды и полов. Предложение было достаточно заманчивым, ведь речь шла о деньгах, поэтому брат посоветовал от него не отказываться. Подвыпившие взрослые, получив согласие девочки, тут же остановили такси и запихнули в него ребёнка» [День: 1999: 6] «Жутко было смотреть на них...» [Тургенев 1968: 34].

В вышеприведённом фрагменте нагнетаются глаголы свободно-номинативного значения в описании экстрамаркальных условий. В этих случаях используется максимально прозрачная понятийная отнесённость свободно-номинативных значений. С точки зрения социологии речи бывают следующие типы создателей словесных произведений:

а) индивидуальный речедеятель, б) коллегиальный речедеятель, в) коллегиально-кооперативный речедеятель, г) коллективный речедеятель» [Рождественский 1979: 13].

В иных случаях количество различий может быть ещё большим, может даже принимать формы межъязыковой энантиосемии. Последнее может касаться не только имён конкретных реалий объективной действительности, но прежде всего имён сферы так называемых «культурных концептов» [Арутюнова 1991: 74]. Более того, семантические коннотации аксиологического характера могут меняться на прямо противоположные даже в одном языке в зависимости от социально-политических изменений в обществе:

«Треба звільнитися від звичних, сірих однотипних, одшліфованих думок, аксіом, переконань і традицій. Треба бути полум'яним. Помилятися, падати, вставати і шукати, шукати, шукати, шукати нових стежок і проходів до таємниці буття» [Олесь Бердник 2002: 15].

«Сказали, світе, і тобі.

А ви, немов би остовпіли:

Та, як це так? Та ...як!...це!!так!!!

І вірити не захотіли».

Сочетания модальных и фазовых глаголов с инфинитивом рассматриваются традиционной грамматикой в связи с изучением составного глагольного сказуемого, понимаемого как «аналогическое обозначение одного процессуального признака» (действия, охарактеризованного в модальном (*искать... – шукати... – szukać...*) или аспектуальном (*сказать... – сказати... – powiedzieć...*) плане, либо и в модальном, и в аспектуальном плане одновременно (*не захотели верить..., не захотіли вірити..., nie chcieli uwierzyć...*), т.е. как аналог глагола, разделившего своё значение (основное и дополнительное) между двумя (или тремя) словоформами [Белашапкина 1977: 70]. В процессе введения в предложение модальных или фазовых глаголов структура не меняется, т.е. количество и качество членов предложения остаётся прежним. Однако меняются синтаксические функции сказуемого, а значит и всего предложения в целом. На синтаксическом же уровне происходит лишь усложнение формальной

организации сказуемого. Так, если в предложениях: *Ребёнок начал плакать – Дитина почала плакати – Dziecko zaczęło płakać* – сочетание фазового глагола и инфинитива выражает два элементарных смысла: «состояние» плюс «фазовость», то в предложениях с модальными глаголами и предикатами наблюдается то же самое: Ср.:

Я рисую – Я рисую – Ja rysuję и Я умею рисовать – Я umięm rysować – Ja umiem rysować; Он уходит – Він виходить – On wychodzi и Ему надо (необходимо) уйти – Йому треба (необхідно) вийти – On musi (koniecznie) wyjść.

Следует также подчеркнуть, что если предложения с модальными фазовыми глаголами характеризуются наличием в их семантической структуре нескольких элементарных смыслов, данные построения относятся к одному из типов конструкций с предикативными актантами. Особого внимания заслуживает вопрос об употреблении местоимений в составе конструкций с модальными глаголами, ибо употребление местоименного эквивалента в ряде случаев помогает выявлению функционального тождества глагольных и неглагольных лексем в роли предикативного актанта. Например:

«От кого – щит? Для кого – меч? Но тихая речь, напрочь лишённая эмоций, оставляет смешанные чувства. Может, это просто привычка, может осознание того, что слушаю не того, кто брызжет слюной, а того, кто говорит тихо и знает о чём?»

«Від кого – щит? Для кого – меч? Однак тиха мова, зовсім позбавлена емоцій, викликає змішані почуття. Може, це просто звичка, може, усвідомлення того, що слухають не того, хто порскає слиною, а того, хто розмовляє тихо й знає про що?»

«Gdy siedem lat temu nasi kamieniarze przyjechali na cmentarz, przeżyli szok. To, co zobaczyli, przerosło najczarniejszy scenariusz. – To był jeden wieli śmietnik. Od tego zaczęła się renowacja cmentarza, na którą Ukraińcy nie dali oficjalnej zgody, ale też nie zabraniali jej».

Модальность каждого конкретного высказывания состоит, таким образом, из нескольких уровней, слоёв, представляя как бы вертикальный разрез этого модального высказывания. Подводя итоги, следует сказать, что в текстовом подходе к сопоставлению близкородственных языков исследование ориентировано на взаимодействие смысловых полей реципиента и текста. Для любого текста универсальной является формула «действительность – смысл – текст». Структуру плана содержания передают слова и словоформы как реализации конкретно-смыслового содержания. Текст как некое организованное множество единиц-знаков приобретает смысл лишь в процессе коммуникации.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- АРУТЮНОВА, Н. Д. (1991): *Логический анализ языка. Культурные концепты*. М., с. 74.
БАХТИН, М. М. (1952): *Проблема речевых жанров*, М., с. 268.
БЕЛОШАПКОВА, В. А. (1977): *Современный русский язык. Синтаксис*, М.
БЕРДНИК, О. (2002) : *Гомін Дрогобиччини. Де б таки діватися нам?* № 5 с. 1.
ПРУС, (1990): *Кукла*. Крайова. Агенція Видавнича. Варшава. Перевод с польского Н. Модзалевской. Примечания Е. З. Цыбенко, с. 256.
ДЕНЬ. ЕЖЕДНЕВНАЯ ВСЕУКРАИНСКАЯ ГАЗЕТА. (1999): *Жаль, что вы этого не видели...* № 164 (701), с. 1.
ДЕНЬ. ЕЖЕДНЕВНАЯ ВСЕУКРАИНСКАЯ ГАЗЕТА. (1999): *Компенсацию оstarбайтерам всё обещают*. № 164 (701), с. 3.
ДЕНЬ. ЕЖЕДНЕВНАЯ ВСЕУКРАИНСКАЯ ГАЗЕТА. (1999): *Объектом садистских «развлечений» стал ребёнок*. № 164 (701), с. 6.
МОИСЕЕВА, И. (1982): *Летний сад*. Ж. Аврора, № 3, с. 40.
РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Ю. В. (1979): *Введение в общую филологию*. Высшая Сборник статей, посвящённых исследованию семантики имён «культурных концептов»: – М.: Высшая школа, с. 13.
ТУРГЕНЕВ, И. (1968): *Рудин*. Ленинград.

СТАНИСЛАВА ВОЙТИШКОВА

Чехия, Оломоуц

СТРУКТУРА ЗАГОЛОВКА НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ И ЧЕШСКИХ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ

ABSTRACT:

Structure of the Advertising Title in Russian Compared to Czech

This article deals with the structure of advertising title in the field of spa and wellness in Russian-Czech comparison. Practical examples for given analysis have been found in Russian and Czech printed materials and the Internet. The article discusses the characteristics of an advertising title. The main part of the research captures differences and correspondences of the advertising title on a phonetic, graphic, grammatical, lexical and textual level.

KEY WORDS:

Advertising – title – spa – wellness – rhyme – graphical game – comparative form – superlative form – metaphor – professionalism – colloquial expression – allusion – comparison – recipient.

Настоящая статья посвящена анализу заголовка на материале русских и чешских рекламных текстов из сферы спа и велнес. Статья ставит своей задачей проанализировать русские и чешские заголовки на уровне всех языковых планов, начиная с фонетического или графического плана и заканчивая анализом на уровне текста. Для анализа были выбраны наиболее важные и, с точки зрения противопоставления, наиболее интересные явления, встречающиеся в наших материалах. Явления продемонстрированы на основе практических примеров, найденных в русском и чешском Интернете, а также в печатных рекламных материалах. Для данной статьи было просмотрено приблизительно двести языковых единиц.

В начале статьи коротко охарактеризуем сам газетный заголовок, его форму и основные требования к нему. Газетный заголовок определяется П. Горняком как «надпись или название конкретного газетного, искусственного, научного, пропагандистского и другого материала» [см. Horňák 2010: 268, překlad S. Vojtíšková]. Заголовок знакомит читателя с текстом, поэтому к его основным свойствам относится ясность, краткость и однозначность. По статистике П. Горняка, заголовок читается в пять раз чаще, чем сама статья [там же]. По-

этому в нем более всего используются механизмы влияния на потенциально-го читателя, преимущественно разные формы визуального влияния, из которых на первом месте стоит специфическое использование образа в рекламе. Конкретная форма рекламного заголовка определяется, особенно, целевой группой, на которую реклама рассчитана. Чем шире целевая аудитория, тем больше используется различных стилистических средств, сленговых выражений или выражений терминологического характера. Если же, наоборот, выбирается узкая целевая аудитория, возможно появление терминологических или сленговых выражений [см. Hirschová 2006].

После описания общих основных черт заголовка перейдем к анализу заголовков из области спа и велнес на отдельных языковых уровнях.

На уровне фонетики и графики часто встречается игра, которая делает заголовки шутливыми, чем притягивается внимание читателя. Из самых частых средств языковой игры на данном уровне можно назвать рифму и графические элементы.

По данным С. Чмейрковой, в заголовках рекламных текстов рифма выполняет три основных функции. Это, во-первых, функция ритмическая. Рифма служит сигналом необычности коммуниката в рамках коммуникации. Во-вторых, это функция эвфоническая. Повторением одних и тех же звуков возникает аккорд. В-третьих, это функция на уровне значения. Рифма создает представление о соотношении значения приведенных реплик, благодаря их звуковым тождествам [см. Hořák 2010]. Приведем некоторые примеры употребления рифмы: *Спа-массаж – как не **ошибиться** с выбором **массажиста**?, Радует **себя** массажем **лица**!, Кто в Анапе **не бывал**, тот курорта **не видал**!*, *Lázně Teplice nad Bečvou – dopřejte si **pěči**, která léčí!*, *Zkuste **havajské masáže**, pískem z **pláže** vás nikdo **nezaháže**!* Из анализируемого нами материала следует, что рифма употребляется относительно часто как в русских, так в чешских рекламных заголовках, именно с целью привлечения внимания реципиента. В чешской теоретической литературе встречаемся даже с точкой зрения, согласно которой авторы слоганов подсознательно считают, что рекламный заголовок должен быть рифмированным. Данный стереотип возник, по мнению З. Кржижка и И. Срхи, во время так называемой «Первой Республики». По данным авторов, однако, использование рифмы подходит, чаще всего, для детской рекламы [см. Křížek, Srha 2003].

Цель использования графических элементов заключается в привлечении и удержании внимания читателя. Игра на уровне данных элементов наблюдается в использовании больших и маленьких букв: ***SPA**сение для ног.*, *Салон «**НА МАССАЖ**».*, ***NEJEN KŮŽI**, ale i duši hýčká medovo-mléčný zábal.*, *Masáže „Na dosah ruky“: **POZOR POZOR!!! AKCE – JARNÍ DETOXIKACE!!!*** Благодаря использованию больших и маленьких букв, русский и чешский заголовки становятся более эффективным. Игра на уровне графических элементов возникает также в использовании разных символов, как правило, математических, буквенных и специальных: *Тандем-массаж в **4** руки.*, *Lázeňský pobyt = cílený léčebný postup.*, *Relaxační program Víkend **XXL**.*, *Beauty & masáže v Al-*

rách. В обоих языках символы употребляются реже, чем рифма, но зато относительно регулярно. Они служат оживлению текста и, главным образом, языковой экономии, типичной для русского и чешского публицистического стиля.

Фонетический и графический уровень заголовка является для его восприятия читателем ключевым, поэтому ему уделяется больше всего внимания со стороны создателей текстов. Остальные уровни, о которых будем говорить дальше, являются для нашей статьи менее центральными.

На грамматическом уровне языка можно выделить несколько форм, использование которых в рекламных заголовках доминирует. Из нашего материала мы выбрали компаратив и суперлатив имен прилагательных, так как данные формы встречались чаще всего в нашем материале, и вербономинальные выражения, которые, из сопоставительного анализа русского и чешского заголовка, считаем интересными.

Компаратив служит сравнению в смысле относительной степени. В наших русских материалах встречается не только аналитическая форма компаратива (*Красивый курортный отель с более тихим пляжем*), но и синтетическая форма компаратива (*Курорт в Ейске должен быть лучше и красивее*). В чешских материалах – лишь один тип компаратива (*Lázně Bělohrad jsou stále krásnější*). Суперлатив – это средство оценки и выражения значения в смысле абсолютного качества. В чешском рекламном заголовке встречается только один тип суперлатива (*Vřídlo je nejteplejším pramenem u nás, Karlova Studánka je nejčistší*). Русский рекламный заголовок обладает двойным типом суперлатива – аналитическим (*Самые фешенебельные горнолыжные курорты мира*) и синтетическим (*Евпатория – лучший курорт Крыма*), который возможно использовать в смысле элатива, выражающего максимальную меру данного явления. Элатив обладает более сильной эмоционально-экспрессивной окраской.

Вербономинальные выражения, находящиеся на границе морфологии и синтаксиса, представляются одними из самых важных и самых распространенных средств русского публицистического стиля. Высокая степень использования вербономинальных конструкций объясняется ключевой позицией существительных и глаголов, которые являются одними из важнейших частей речи. В русском языке наблюдается тенденция к именному выражению, поэтому вербономинальные конструкции являются очень частым компонентом русского рекламного заголовка (*На что еще следует обращать внимание во время массажа шарами?, Банная процедура оказывает влияние на сердечно-сосудистую систему человека.*). В чешских рекламных заголовках вербономинальных конструкций в собранном нами материале практически не было (*Lázeňskou léčbu podstoupilo 364 945 dospělých pacientů*), что связано и с преобладающей тенденцией чешского языка к вербальному выражению.

На лексическом уровне самыми частыми средствами влияния на читателя являются, как вытекает из анализа нашего корпуса, метафора, профессионализмы и разговорная лексика.

Использование метафоры вызвано, чаще всего, сильной имплицитностью газетного заголовка. Как пишет уже цитированная нами автор С. Чмейркова, чем ниже эксплицитность какого-то высказывания, тем выше вероятность, что в нем появится метафора. В качестве примеров, которые встречались в нашем корпусе, можем назвать такие заголовки, как *Спа-программа «Баный коктейль»*, *SPA-программа «Роман с камнем»*, *Luhačovice – lázně oděné do zeleně, Lázeňský trojúhelník – kraj proupený vřídly*. Приведенные языковые средства в русском и чешском заголовке обладают не только функцией сообщения, но и сильной ориентацией на эмотивную сторону реципиента.

Несмотря на замечание некоторых авторов о том, что использование профессионализмов в тексте рекламы должно быть ограничено в связи с непониманием содержания непрофессиональным читателем, в нашем русском и чешском материале они встречались довольно часто (*Оксигенотерапия поможет выглядеть на десять лет моложе.*, *Proč využoušet oxygenoterapii?*). Употребление профессионализмов в заголовках найденных нами рекламных текстов вызвано, главным образом, тенденцией русского и чешского языка заимствовать иноязычные элементы.

В анализируемом нами материале встречаются часто разговорные элементы. Цель использования разговорных элементов – создание фамилиарной атмосферы и впечатления, что автор заголовка интересуется самим читателем [см. Šechová, Krčmová, Minářová 2008]. Приведем примеры: *Расслабляющий массаж: и для спортсмена, и для домоседа!*, *Хотите красивые ножки и ручки? Рыбки Гарра Руфа исполнят ваше желание!*, *Havaj v lázních – nechte se hýčkat a starosti nechte plavat!*, *Vykašlete se na všechno – lázně jsou teď za hubičku*. Данные элементы характеризуются сильным экономическим потенциалом, поэтому в наших материалах их удалось найти много. Разговорные элементы встречаются в материале настолько часто, что некоторые лингвисты опасаются того, что они станут нормой [см. Křížek, Srha 2003].

На уровне текста следует отметить тенденцию рекламного заголовка к т.н. интертекстуальности. Воспользование интертекстуальности мотивировано, прежде всего, стремлением авторов рекламных сообщений сослаться на общеизвестный опыт. Они ссылаются на прецедентные тексты, которые известны практически каждому читателю. Поэтому самыми интересными явлениями, которые встречались в наших материалах на уровне текста, являются аллюзии на названия фильмов: *Утомленные массажем* (мотивирующее название: *Утомленные солнцем*), *Což takhle dát si Regenerační pobyt v Mariánských lázních?* (мотивирующее название: *Což takhle dát si špenát?*), аллюзии на сказочные мотивы (*SPA – программа «Волшебный эликсир»*, *Masáž „ŠehereZáda“ – šije a záda*), аллюзии на исторические лица (*SPA – программа «Секрет Клеопатры»*, *Objevte sílu termálních pramenů – stejně jako kdysi Karel IV.!*), фразеологизмы и пословицы (*Здоров как бык, красив как тигр!* *СПА – 120 минут для 1 участника!*, *Naberte druhý dech v Karlově Studánce – léčebně relaxační pobyt zaměřený na ozdravení dýchacích cest*). Текстовой

план позволяет включить заголовок в более широкий контекст, вложить в него максимальное количество информации используя минимальное пространство диалога.

В данной статье был кратко проанализирован заголовок рекламного сообщения из сферы спа и велнес на уровне фонетики и графики, грамматики, лексики и текста. Можно сказать, что русский и чешский материал является подобным, языковые тенденции в нем проявляются в сходной мере. Некоторые явления характерны лишь для русского заголовка, такие как два типа компаратива, два типа суперлатива, элатив и вербономинальные конструкции. Данное объясняется самим характером русского языка. Подводя итоги, мы хотели бы заметить, что заголовок рекламного текста в русском и чешском языках является очень важным компонентом рекламного сообщения, так как читатель уделяет заголовку более внимания, чем самой статье. Заголовок быстро реагирует на современные тенденции в языке, к которым относится, прежде всего, открытость русского и чешского языка иноязычным элементам и языковая экономия.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- BAUER, J., MRÁZEK, R., ŽAŽA, S. (1960): *Příruční mluvnice ruštiny pro Čechy II*. Praha: Státní pedagogické nakladatelství.
- ČECHOVÁ, M., KRČMOVÁ, M., MINÁŘOVÁ, E. (2008): *Současná stylistika*. Praha: Lidové noviny.
- ČMEJRKOVÁ, S. (2000): *Reklama v češtině*. Voznice: Leda.
- GREPL, M. a kol. (1995): *Příruční mluvnice češtiny*. Praha: Lidové noviny.
- HORNÁK, P. (2010): *Reklama: teoreticko-historické aspekty reklamy a marketingovej komunikácie*. Zlín: VeRBuM.
- HIRSCHOVÁ, M. (2006): *Pragmatika v češtině*. Olomouc: Univerzita Palackého.
- KŘÍŽEK, Z., CRHA, I. (2003): *Jak psát reklamní text*. Praha: Grada Publishing.
- ВАЛГИНА, Н. С. (2003): *Активные процессы в современном русском языке*. Москва: Логос.
- ГОЛУБ, И. Б. (2004): *Русский язык и культура речи*. Москва: Логос.
- ШКОЛЬНИК, Л. С. (2008): *Словарь рекламных образов*. Москва: Р. Валент.

Ян ГРЕГОР, Иржи КОРОСТЕНСКИ

Чехия, Ческе Будеёвице

ИНОЯЗЫЧНЫЙ СЛОВАРНЫЙ СОСТАВ – ТИПОЛОГИЯ (ПОТЕНЦИАЛЬНЫХ) ИНТЕРФЕРЕНЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ЧЕШСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

ABSTRACT:

Foreign Vocabulary – Typology of (Potential) Interference Relations (on the Material of Czech and Russian Languages)

The paper deals with the comparative analysis of using foreign vocabulary and its equivalents in the Czech-Russian point of view. A basic typologization of considerably different lexical relations structured in a transparent chart is carried out. The results of the research are usable not only in teaching Russian.

KEY WORDS:

Contrastive analysis – domestic and borrowed vocabulary – mutual relations of Russian and Czech vocabulary.

1. ВВЕДЕНИЕ И ЦЕЛЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

В сопоставительном изучении словарного состава чешского (ЧЯ) и русского (РЯ) языков всегда нуждались не только филологи, но и методисты языка. Чрезвычайная сложность связей в словарном составе одного языка усложняется сопоставительными аспектами в отношении другого языка. Проблема заключается в том, что на начальных этапах изучения РКИ учащиеся предпочитают освоение заимствованной лексики через простое приурочивание к лексике ЧЯ. Между тем естественная организация лексики заключается в линейно-парадигматических связях, которые нередко нарушают принцип простого приравнивания и уводят сопоставляемые пары лексем в совсем другие области представлений.

Цель нашей статьи – представить основную оригинальную типологию чешско-русских лексико-семантических отношений в тех областях словарного состава обоих языков, которые связаны с заимствованной лексикой, и ука-

зять возможные проблемы, возникающие в процессе изучения РЯ. По нашим наблюдениям, такое сопоставительное исследование было до сих пор проведено лишь частично [ср., напр., Žaža 1999: 30–35].

2. МЕТОДИКА

В качестве слов иностранного происхождения (**заимствованная** лексика, далее «З») в дидактических целях в данную классификацию вошли все лексемы, корень которых иностранного происхождения. В противовес к словам иностранного происхождения выделяем по тем же принципам лексемы с корнем славянского происхождения (**исконная** лексика, далее «И»).

Для включения синонимичных членов ниже приведенных модельных рядов в таблички определены следующие **критерии** в качестве общего знаменателя в рамках каждого из языков:

1. возможность симметрической синонимичной замены всех членов модельного ряда (цепи) в определенном привычном контексте;
2. точное количество (ни один член ряда не отсутствует и не является лишним, так как это был бы уже другой модельный ряд);
3. однозначное определение происхождения включенных лексем (заимствованного/исконного происхождения);
4. включение стилистически нейтрального, симметрического, современного и общепонятного словарного состава.

Наглядная многоуровневая структура ниже указанных таблиц, представляющих собой сопоставительную типологию связей модельных лексических рядов ЧЯ и РЯ с точки зрения происхождения словарного состава, дает возможность методически четко не только сопоставить и выявить все необходимые качественные и количественные взаимоотношения у членов модельных рядов в рамках одного или обоих языков (горизонтальное сопоставление), но и сопоставить в количественном отношении перечисленные типы моделей (восходящее вертикальное сопоставление).

Выписки из словарей для анализа сделаны из целого ряда переводных словарей, прежде всего из Большого чешско-русского словаря (2005).

3. АНАЛИЗ МАТЕРИАЛА

Путем моделирования выделено 33 модельных ряда в разнородных комбинациях. С методической точки зрения необходимо обращать внимание на те случаи, в которых пользователям нельзя опереться на аналогию с ЧЯ. Таким образом, в разработанной типологии можно, в общем и целом, выделить две крайние группы относительно степени сложности освоения чешскоговорящими приведенных лексем во время изучения РКИ и, таким образом, проявления отрицательной интерференции. В первую относительно легкую для освоения группу выражений можно, безусловно, отнести соотношения И-И, З-З с тем же корнем (положительная интерференция). С другой стороны, в противоположную группу трудных для освоения случаев употреблений следует включить модели типа И-З, З-И, лексические соответствия которых в одном из исследуемых языков относятся к разнокорневым словам, принад-

лежащим к заимствованной, часто интернациональной лексике (отрицательная интерференция). Осложнения в этих группах сопоставлений увеличиваются еще и тем моментом, что эквивалент другого языка иногда не входит в сферу представлений сопоставляемого языка, ср., напр., *пьеса идет с аншлагом – divadelní představení je stále vyprodané*.

Довольно высокая частота употребления наблюдается у типов, члены которых (И и З) находятся в симметрических взаимоотношениях, ср. *výhoda* (+ *přednost*) – *выгода* (+ *преимущество*), (*prvek* +) *element* – *элемент*, (*podnebí* +) *klima* – *климат* и др.

Таб. № 1: Сопоставительная типология – двусоставные модели.

Тип	Чешский язык				Русский язык			
	И	И	З	З	И	И	З	З
1	<i>sestra</i>	•	•	•	<i>сестра</i>	•	•	•
2	<i>obor</i>	•	•	•	•	•	<i>специальность</i>	•
3	•	•	<i>absolvent</i>	•	<i>выпускник</i>	•	•	•
4	•	•	<i>tablet</i>	•	•	•	<i>планшет</i>	•

Двусоставные модели встречаются довольно часто. Выше приведенные типы могут чехами иногда осваиваться или образовываться с трудом или совсем неправильно, ср. *významový* – *смысловой* (№ 1); *obor* – *специальность* (№ 2); *aplikovaný* – *прикладной*; *inspirace* – *вдохновение* (№ 3); *klimatizace* – *кондиционер* (№ 4), но, наоборот, легко в случае соответствий с тем же корнем: *bratr* – *брат* (№ 1); *restaurace* – *ресторан* (№ 4).

Таб. № 2: Сопоставительная типология – трехсоставные модели.

5	<i>silnice</i>	•	•	•	<i>дорога</i>	•	<i>шоссе</i>	•
6	<i>půjčka</i>	•	•	•	<i>ссуда</i>	<i>заём</i>	•	•
7	<i>průvodce</i>	•	•	•	•	•	<i>гид</i>	<i>экскурсовод</i>
8	•	•	<i>investice</i>	•	<i>вложение</i>	•	<i>инвестиция</i>	•
9	•	•	<i>studium</i>	•	<i>учёба</i>	<i>обучение</i>	•	•
10	•	•	<i>radiátor</i>	•	•	•	<i>радиатор</i>	<i>батарея</i>
11	<i>současný</i>	•	<i>moderní</i>	•	<i>современный</i>	•	•	•
12	<i>skot</i>	<i>dobytek</i>	•	•	<i>скот(ина)</i>	•	•	•
13	•	•	<i>sanitka</i>	<i>ambulance</i>	<i>скорая (помощь)</i>	•	•	•
14	<i>prvek</i>	•	<i>element</i>	•	•	•	<i>элемент</i>	•
15	<i>posádka</i>	<i>osazenstvo</i>	•	•	•	•	<i>экипаж</i>	•
16	•	•	<i>džiny</i>	<i>rifle</i>	•	•	<i>джинсы</i>	•

Трехсоставные модели встречаются менее часто с учетом большего количества лексических единиц в составе модельного ряда, ср. *pojistka* – *страховка* + (*страховой*) *полис* (№ 5). Необычными и, следовательно, трудными для носителя ЧЯ являются типы, русскими эквивалентами в которых

выступают только заимствованные лексемы, ср. **rajče** – помидор + томат (№ 7), или те, в которых исконный вариант в РЯ употребляется чаще, ср. **motor** – двигатель + мотор (№ 8), или заимствованный или исконный член ряда в РЯ отсутствует (асимметрия эквивалентов), ср. **lukrativní** – прибыльный + выгодный (№ 9); **velvyslanectví** + **ambasáda** – посольство (№ 11); **průvodce** – гид + экскурсовод (№ 7); **posádka** + **osazenstvo** – экипаж (№ 15). Модельные ряды №№ 8, 10, 14, 16, ср. **servis** – обслуживание + сервис; **automobil** – автомобиль + машина; **podnebí** + **klima** – климат; **kontrolor** + **revident** – контролёр, осваиваются, наоборот, сравнительно легко, так как в РЯ можно употребить интернационализм с тем же корнем.

Таб. № 3: Сопоставительная типология – четырехсоставные модели.

17	výhoda	přednost	•	•	выгода	преимущество	•	•
18	nepřetržitost	•	permanence	•	непрерывность	постоянство	•	•
19	•	•	parcelace	delimitace	размежевание	разграничение	•	•
20	hra	čínohra	•	•	•	•	драма	пьеса
21	kohout	•	ventil	•	•	•	вентиль	клапан
22	•	•	dotace	subvence	•	•	дотация	субвенция
23	účetní	účtař	•	•	счетовод (уст.)	•	бухгалтер	•
24	•	•	mobil	(mobilní) telefon	сотовый (телефон)	•	мобильник	•
25	pokyn	•	instrukce	•	указание	•	инструкция	•
26	pás	•	•	•	пояс	полоса	лента	•
27	razítko	•	•	•	печать	•	штампель	штамп
28	posunovat	strkat	šoupat	•	продвигать	•	•	•
29	účast	•	angažovanost	participace	участие	•	•	•
30	•	•	manažer	•	заведующий	управляющий	менеджер	•
31	•	•	atentát	•	покушение	•	теракт	атака
32	čára	rýha	linie	•	•	•	линия	•
33	rypadlo	•	exkavátor	bagr	•	•	экскаватор	•

Четырехсоставные модели встречаются еще менее часто. Можно даже сказать, что подыскать более менее подходящие примеры удастся лишь с трудом (нередко только условно). Причина заключается и в более сложных синонимических взаимоотношениях членов модели. Тем не менее, их присутствие свидетельствует о разнообразии лексических отношений как в рамках одного языка, так и в межъязыковом сопоставлении.

Как и у предыдущих групп, в данном случае также могут возникать трудности из-за отсутствия заимствованного или исконного члена ряда в РЯ (асимметрия эквивалентов), ср., напр., **parcelace** + **delimitace** – **размежевание** + **разграничение** (№ 19); **hra** + **čínohra** – **драма** + **пьеса** (№ 20), или присутствия лексемы исконного происхождения с другим корнем, ср. **schválení** + **potvrzení** – **одобрение** + **утверждение** (№ 17). Наоборот, тип № 22 с точ-

ки зрения освоения очень прост, ср. **norma** + **standard** – норма + стандарт, то же относится, в сущности, и к типу № 25, ср. **přívlastek** + **atribut** – определение + атрибут.

За пределами проведенного анализа четырехсоставных моделей находятся типы с даже тремя заимствованными или исконными членами в одном из исследуемых языков, зато без заимствованных или исконных соответствий того же количества в другом языке, как, напр., **přísaha** – присяга + клятва + зарок; **dálnice** – автомагистраль + автострада + автобан.

Таб. № 4: Сопоставительная типология – многосоставные модели (≥ 5 членов).

<i>odborník</i>	•	<i>specialista</i>	<i>expert</i>	•	•	<i>специалист</i>	<i>эксперт</i>
<i>družstvo</i>	<i>skupina</i>	<i>tým</i>	•	•	•	<i>команда</i>	<i>группа</i>
<i>vůdce</i>	•	<i>lídr</i>	•	<i>вождь</i>	<i>глава</i>	<i>лидер</i>	
<i>souběžný</i>	•	<i>synchronní</i>	<i>simultánní</i>	<i>одновременный</i>	•	<i>синхронный</i>	•
<i>osvědčení</i>	•	<i>certifikát</i>	<i>atestace</i>	<i>свидетельство</i>	•	<i>сертификат</i>	<i>аттестация</i>
<i>příživník</i>	<i>darmožrout</i>	<i>parazit</i>	•	<i>приживальщик</i>	<i>туняедец</i>	<i>паразит</i>	•
<i>obnova</i>	•	<i>renovace</i>	<i>restaurování</i>	<i>возобновление</i>	<i>восстановление</i>	<i>реновация</i>	<i>реставрация</i>
<i>odvětví</i>	<i>oblast</i>	<i>sféra</i>	<i>branže</i>	<i>отрасль</i>	<i>область</i>	<i>сфера</i>	•

Многосоставные модели (многочленные ряды лексем) обладают наибольшим количеством членов. Они представляют в обоих языках трудность для освоения также потому, что в них сталкиваются разнородные отношения полисемии, синонимии, паронимии или заставляют чешских говорящих на РЯ учитывать стилистическую характеристику лексических единиц, ср. **pastevec** + **salašník** + **bača** – пастух + чабан.

В данном случае в вышеприведенной табличке № 5 не представляется исчерпывающийся перечень моделей, так как ввиду большого количества возможных комбинаций речь идет об обширном списке, превышающем цели данной статьи. Поэтому мы ограничились лишь несколькими примерами, наглядно показывающими их разнообразие. Такие модельные ряды могут быть действительно многочисленны все еще при возможности их взаимозаменяемости в рамках того же контекста, ср., напр., **odvětví** + **oblast** + **sféra** + **branže** – отрасль + область + сфера.

В этой группе как и в предыдущей за пределами проведенного анализа многосоставных моделей находятся типы с даже тремя заимствованными или исконными членами в одном из исследуемых языков, зато без заимствованных или исконных соответствий того же количества в другом языке, как, напр., **majetek** + **vlastnictví** + **jmění** – имущество + собственность; **průkopník** + **pionýr** + **novátor** + **iniciátor** – застрельщик + начинатель + зачинатель + пионер + новатор + инициатор (в обоих языках даже три заимствованных лексем).

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Можно согласиться с выводом С. Жажы [Žaža 1999: 31–32], что РЯ тяготеет к заимствованию интернационализмов (ср. **herec** – актёр). С другой стороны,

в РЯ отсутствует много интернационализмов, встречающихся в ЧЯ (ср. **gene-race** – поколение). Данные факты прослеживаются и в указанной выше типологии: заимствованная лексика играет в одном (типы №№ 2, 3, 7, 8, 9, 13, 14, 15, 19, 20, 21, 24, 30, 31, 32, 33) или даже в обоих языках одновременно (4, 10, 16, 22) незаменимую роль (ср. № 22: **norma** + **standard** – норма + стандарт).

Возможное влияние отрицательной интерференции проявляется, прежде всего у типов №№ 2, 3, 7, 9, 13, 15, 19, 20 (ср. **studium** – учёба + обучение), но и у других типов (ср. № 4: частично: **senzibil** – экстрасенс; **paraglider** – пароплан; № 8: **preventivní** – предохранительный + профилактический; ср. № 4: полностью: **digitální** – цифровой; **motorkář** – байкер; **rolba** – ратрак; **animovaný** – мультипликационный; **klášter** – монастырь и др.). Именно таким типам модельных рядов надо, по нашему мнению, уделять во время изучения РКИ бóльшее внимание на основе подходящих упражнений. Вышеприведенная типология применима, по нашему мнению, и к другим парам языков.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- CÍCHA, V. et al. (1981, 1982): *Metodika ruského jazyka*. (1., 2.) Praha.
GAZDA, J. (2002): *Dynamika a internacionalizace slovní zásoby současné ruštiny*. Brno.
KOROSTENSKI, J. (2007): *Česká a ruská slovní zásoba (neologické aspekty)*. České Budějovice.
SVOBODOVÁ, D. (2007): *Internacionalizace současné české slovní zásoby*. Ostrava.
Velký česko-ruský slovník (2005). Praha.
VESELÝ, J. (1985): *Problematika vyučování ruštině jako blízkce příbuznému jazyku*. Praha.
ŽAŽA, S. (1999): *Ruština a čeština v porovnávacím pohledu*. Brno.
ЧЕРНЫХ, П.Я. (2004): *Историко-этимологический словарь современного русского языка, т.т. 1-2*. Москва.

ТАМАРА ПЕТРОВНА ЖЕЛОНКИНА

Россия, Калининград

ДВУСМЫСЛЕННОСТЬ В РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ

ABSTRACT:

Ambiguity in Advertisements

This article deals with ambiguity in advertisements. Ambiguity is based on the predetermined polysemy which copy-writers make use of in the advertisement texts. The combination of the picture being used as the background and of the text is supposed to make the idea more perceptible for the potential ad user. But intentional, predetermined polysemy, which is exploited in ads just to hook the reader, produces another effect. Since a referent of the advertised product has no explicit connections to the image or vice versa, it creates ambiguity effect. Such referential anomaly is a key point in advertisements.

KEY WORDS:

Ambiguity – advertisements – referent – referential anomaly – antecedent – predetermined polysemy.

Языку рекламы уделяется значительное внимание в лингвистических исследованиях последних лет. Исследователей привлекают формы языковой игры в рекламе [Пономарева 2009], проблема креолизованных текстов [Ша-рафутдинова 2012].

Цель данной статьи – исследование механизма двусмысленности в рекламных текстах. Двусмысленность представляет собой наличие у слова более одного значения, при этом между ними отсутствует семантическая связь [Елисеева 2003: 23]. Это допускает различные толкования смысла, возможность двойного понимания. Например, реклама хлеба.

1) *Русский хлеб. Печемся о вас.*

Лексема «печем(ся)» кроме основного значения «изготавливаем хлеб» имеет и еще одно «заботимся, проявляем заботу». Использование намеренной многозначности [Пименова 2011: 27] очень частотно в рекламе. Ее цель – привлечь внимание к рекламному тексту, расширить аудиторию желающих приобрести рекламируемый продукт. Двусмысленность значения обыгрывается и в следующем рекламном тексте:

2) **ПОСЕТИТЕ РОДИНУ** и мелким шрифтом добавлено «ул. Киевская, 51».

По этому адресу расположен кинотеатр «Родина», открывающийся после капитального ремонта. Двусмысленность в этой рекламе достигается за счет использования омонимов – слов, обладающих сходством формы при различном содержании каждого из них. Некоторые авторы [Амири 2007: 11] считают, что двусмысленность в рекламе может служить причиной коммуникативной неудачи, если автор рекламного текста не учел, как возможная двусмысленность может сказаться на восприятии текста.

Двусмысленность за счет использования омонимов имеет место в последующем английском рекламном тексте.

3) *He **ran** the race for London.*

Предложение может интерпретироваться по-разному в зависимости от того, какое значение принадлежит глаголу *run*, а именно: значение «принимать участие в гонках», либо значение «проводить, организовать это мероприятие»

4) ***Spring** to life with Banana Republic.*

Реклама может использовать конверсию, т.к. глагол *spring* означает «приводить в действие, пружинить, возникать», а существительное – имеет значение «весна». В рекламе уместны оба значения, первое отражается местоположением моделей (они изображены на заборе), и создается впечатление, что девушки «спружинило» вверх. Второе значение представлено яркой весенней коллекцией одежды.

5) *Tons of teenage girls are still **tanning** even though it's super bad for them. Have you ditched the fake 'n' bake yet?* –

Текст под фотографией загорелой девушки. Двусмысленность реализуется в значениях лексемы *tan* – первое значение «дубить кожу (животных)», второе значение «загорать быстро».

Сочетание вербальной и невербальной информации в рекламе создает смысловое поле с целью комплексного воздействия на адресата. Неотъемлемый компонент рекламы – изображение играет очень важную роль: оно эксплицирует предмет референции. Но не всегда. Иногда рекламный текст может не напрямую отсылать к рекламируемому продукту, как в нижеследующем примере – рекламе обуви фирмы Aerosoles. Изображен мужчина, несущий на закорках/на спине женщину, на ее ногах обувь этой фирмы. Но текст рекламы гласит:

6) *He was **committed**, but she was just along for the ride.*

В тексте – намек на то, что он связан обязательствами, а женщина – она здесь просто между делом и потому, что она носит такую обувь. Присутствие такой женщины обяжет и мужчину носить обувь фирмы Aerosoles. В тексте рекламы нет упоминания о рекламируемом продукте. И двусмысленность описываемой рекламы – в употреблении *committed*. В отличие от вышеприведенных примеров рекламных текстов, где имел место синкретизм, возникающий при одновременной реализации двух значений многозначного слова, здесь мы встречаемся с синкретизмом двух смыслов [Пименова 2011: 29].

Поскольку у людей не много времени для знакомства с рекламой, копирайтеры используют изображение как средство привлечения внимания потенци-

ального покупателя. А текст рекламы стремятся сделать максимально лаконичным, информативно насыщенным, чтобы он остался в памяти и мог стать поводом для размышлений или стать источником информации.

Референт в тексте рекламы может быть понятен, если зрительный ряд отображает предмет референции; референт может отсутствовать в тексте рекламы, но быть представленным на картинке. Часто в рекламах используются тексты, содержащие несколько возможных референтов, и элемент рекламы, которому предназначено быть референтом, не всегда отчетливо различим. Такая двусмысленность не допускается нормами языка в устной и письменной речи, но часто используется в рекламных текстах. Нарушение языковых норм – еще одно средство привлечения внимания потребителя рекламы.

6) *New Toyota Rav 4 Turbo Diesel. In the 4X4 corners of the town.*

В рекламе (пример 6) изображена женщина в вечернем платье на фоне здания и части улицы, но изображение автомобиля отсутствует. Кроме указания модификации автомобиля первое предложение содержит его характеристику. Отсутствие референта во втором предложении не препятствует пониманию смысла, поскольку оба предложения воспринимаются как единый текст.

7) *You think that a river is not a road. And that a road is not a river. Don't think so anymore.*

В примере 7 – реклама «Джипа – Чероки». На переднем плане изображен автомобиль, стоящий на каменистой поверхности; возможно, это высохшее русло реки. В тексте рекламы упоминаются река и дорога, но их изображение отсутствует. Хотя в тексте нет никаких упоминаний о том, какое средство передвижения имеется в виду, после его прочтения невольно напрашивается мысль, что только такой автомобиль как «Джип – Чероки» может легко передвигаться и по каменистой поверхности, и по высохшему руслу реки. Интересно то, что в этой рекламе в тексте имеется референция при отсутствии antecedента и одновременно, на снимке изображен возможный antecedent, но в тексте на него нет ссылки. Своеобразная двойственность. Хотя референтом может служить изображенный автомобиль.

Таким образом, сложное взаимодействие рекламного текста и изображения имеет целью сделать рекламу не только информативной, но и интригующей. Комбинируя смыслы языковых единиц и отношения между ними, создатели рекламы ловко используют референцию в тексте или в изображении рекламируемого продукта, Намеренное использование лексической двусмысленности в рекламных текстах имеет своей целью привлечь внимание потребителя, заставить его задуматься и, как результат, запомнить рекламу. И двусмысленность достигает своей цели: она помогает увеличивать количество потенциальных покупателей рекламируемого продукта.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- АМИРИ, Л. П. (2007): *Языковая игра в российской и американской рекламе*. Автореф... канд. дис. Ростов-на-Дону.
- ЕЛИСЕЕВА, В. В. (2003): *Лексикология английского языка*: СПб изд-во СПбГУ.
- ПИМЕНОВА, М. Вас. (2011): *Лексико-семантический синкретизм как проявление формально-содержательной языковой асимметрии*. In: Вопросы языкознания, №3, с. 19–48.

- ПОНОМАРЕВА, Г. В. (2009): *Каламбур как форма реализации языковой игры в англоязычной персудазивной коммуникации в аспекте перевода*. Автореф... канд. дис. Краснодар.
- ШАРАФУТДИНОВА, Л. Ф. (2012): *Проблемы интерпретации креолизованных рекламных текстов*. In: Коммуникация как предмет междисциплинарных исследований. Сборник научных трудов. Калининград, изд-во БФУ. С. 256–261.
- KUSUMAWATI, D. (2001): *The Study of Ambiguity in the Articles of "Hello English" magazine*. Universitas Kristen Petra. [САЙТ] URL: http://dewey.petra.ac.id/jiunkpe_dg_752. (дата обращения 13.04.2013).
- LEACH, S. C. (2001): *Rule-breaking in the Language of Advertising* [САЙТ] URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/> (дата обращения 05.05.2013).

ВАЛЕНТИНА ЗАКРЕВСКАЯ

Россия, Тюмень

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ДИАПАЗОН ГЛАГОЛОВ СОВЕРШЕННОГО ВИДА В РУССКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ РЕЧИ

ABSTRACT:

Functional Range of Verbs of Perfective Aspect in Russian Dialect Speech

The article deals with features of the use of verbs of perfective aspect as the fact of oral speech based on Arkhangelsk dialects, pulling together them with West Slavic languages

KEY WORDS:

Perfective aspect – lexisichesky combination – repeatability – duration – integrity of action.

Материалом к статье послужили записи диалектной речи, сделанные автором в Каргопольском районе Архангельской области летом 2013 года, хотя нужно отметить, что типы употребления глаголов совершенного вида характерны для всех архангельских говоров и, как нам кажется, для устной речи как таковой.

Чем можно объяснить обращение именно к совершенному виду? Дело в том, что, наблюдая в течение многих лет над функционированием глагольных форм в архангельских говорах, мы обнаружили значительное преобладание глаголов совершенного вида над глаголами несовершенного вида [Закревская 2002: 12]. При этом противопоставление по виду, безусловно, сохраняется, но возникает вопрос о причинах подобного «дисбаланса».

Как известно, прототипическим значением глаголов совершенного вида является конкретно-фактический тип употребления в ситуации единичного действия. Однако в условиях соответствующего контекста глаголам совершенного вида не чуждо употребление и в ситуации повторяющегося и длительного (конкретно-процессного) действия. О каких условиях идет речь? Исследователи литературного языка, в частности А. В. Бондарко [Бондарко 2005: 239–241], указывают на возможность употребления глаголов совершенного вида в ситуа-

циях повторяющегося действия в повествовании о прошлом (так называемые наглядно-примерное или потенциальное значения): *Буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя; то, как зверь, она завоет, то заплачет, как дитя, то по кровле обветшалой вдруг соломой зашумит, то, как путник запоздалый, к нам в окошко застучит* (А. Пушкин). *Чужим умом не скопишь дом* (пословица).

В говорах глагол совершенного вида более активен в выражении этих значений. Приведем примеры (иллюстративный материал подается в упрощенной транскрипции, принятой для Архангельского областного словаря, ред. О. Г. Гецова, вып. 1–14, Москва, 1980–2012 (издание продолжается), ударные звуки обозначаются прописными буквами.).

У неё глаза в лАпти обуты (у снохи), *она и не спрОсит. ДругИ и посадят и не заглянут* (в огород), *сорнеки Эки выросли. НикакОй не скаЗывал, што ты, бапка, така-сяка, никто не огорчит. БывАло, маМа лежАла, к ней никто не придёт. НаклонЮсь – опять вроде завИжу. ИнОгды погОда-то налетит. БывАйед, забУду, а ночью да выпАмниваю, вЫпомню ночью; помню-помню (= вспоминаю), чё-то и вЫпомню. Тут вот наразУ дак фсё забУду. ФсЯко и обзовёт.*

В подобных контекстах глагол совершенного вида как бы «берет на себя» функции, свойственные в письменной форме языку глаголам несовершенного вида, что приводит к необычной (с точки зрения носителей литературного языка) сочетаемости глаголов совершенного вида:

1) с количественно-именными группами (*Он сто рАс пришОл. У меня дЕфки два рАза окУчили. Ванька Идакин скОлько рас прибежЫт. Каждый рас и сУнут дЕнёк. ИнОгды по два дня схожУ фподрят. Семьдесят рас на день уронит. Четыре рАза на абОрт сходиЛа. И сама ф кажну субОту истоплю. Не один рас онО там склИт. СкОлько рас я тудЫ сходиЛа. Бапка, я тебе двацать рас сказаЛа: дай намОю в ванне*);

2) с наречием *всё* в значении «постоянно, все время» (*Валя фсё хлЕба принесёт. Я фсё забУду спросить. Фсё ф пятницу вЕчером и придут ко мне. Я фсё им подарю, они фсё и спасибоют. ДЕфки фсё скажут: у тебя што много прИскаскоф?*);

3) с наречием *никогда* (*ХлЕба-то никогда не хватит. ДЕвок тут не трОнула никогдЫ*);

4) со словами, указывающими на разную степень длительности действия (*Я дУмала, она ходь гОт посЕрдица. Недолго полежАла*).

Частотно представлено в говорах удвоение глаголов совершенного вида, создающее значение длительности и тщательности действия: *ВЫругала, ВЫругала. Он ушОл да ушОл – я сижУ одва не одва. Мы нашчётАлись, нашчётАлись (= наговорились). ПожалЕю, пожалЕю, а што здЕлаш. НезамОг да не замОк и Умер*.

Заметим, что семантика повторяемости в наших говорах такая же, как у глаголов несовершенного вида, то есть речь идет об изолированных, а не следующих друг за другом цепочкой действиях, что было бы более естественно для глаголов совершенного вида [Шатуновский 2007: 202–203]. В этом отноше-

нии интересен пример с употреблением в одном контексте глаголов совершенного и несовершенного вида в качестве однородных сказуемых, что совсем не редкость в наших материалах [Закревская 2012: 42–44]: *СосЕт приносИл, два раза мне принЁс* (грибов).

Может создаться впечатление, что значение кратности и процессности действия выражается исключительно средствами контекста (*сколько раз, зачастую, недолго* и т.д.). Однако в зависимости от лексического значения самого глагола или значения префикса ситуацию можно рассматривать по-разному. Так, если удваивается глагол с кратной основой (например, глагол движения), ситуация воспринимается как повторяющаяся: *Как нОги-то заболЕли, закидАло да закидАло. ШтО попереворАчивался на мотоцЫклах, отнеслИ здорОвья*. Если удваивается глагол со значением состояния, можно говорить о значении длительности: *ВрОде с вЕчера заснУ, заснУ, потОм потскочЮ – дЕдушка-то проспалА. БывАд, зачястУю запьЁт*. В последнем примере проявляются и кратность, и длительность действия.

Интересно употребление глаголов с приставкой *по-*. В литературном языке одно из значений этой приставки – оттенок неполноты действия. В говорах в сочетании с наречиями длительности в сопровождении соответствующей интонации формируется семантика длительности: *Долго пОжыл. ГрЕзи-то похлѣбАла лАдно. Ой, штО я на негО пошумЕла*. Таким образом, роль контекста хотя и важна при выражении аспектуальных смыслов, но нельзя игнорировать и саму глагольную лексему, поскольку именно она позволяет воспринимать ситуацию так или иначе.

Итак, более широкий диапазон глаголов совершенного вида объясняется, на наш взгляд, присущей им семантикой **целостности** действия [Бондарко 2005: 235], которая в свою очередь формирует полную, емкую, наглядную картину происходящего (или происходившего): здесь и приступ к действию, и его продолжение, и завершение. Говорящий стремится малыми средствами добиться большей семантической развернутости фразы. А это особенность устной речи, так как говорящий хочет быть услышанным и понятым, а более длинным высказыванием вряд ли можно добиться подобного эффекта. Так, во фразе «*ОткрЫла учебник, понашлА* (ответ на вопрос)» действие, выраженное глагольной формой *понашлА* с префиксом *по-*, воспринимается как длительное, процессное, равное по значению высказыванию «*Долго искала и в конце концов нашла*». *НезамОг да незамОк и Умер* = «*Долго и тяжело болел*».

Подобная смысловая свернутость проявляется и в устной недиалектной речи на разных уровнях, например, синтаксическом: те же слова-предложения *да* и *нет* или модальные слова типа *конечно* в ответе на вопрос. И глагол здесь не исключение. Приведем примеры из устной недиалектной речи (из устных СМИ, речи носителей литературного языка):

Я каждый день пойду в зал. И он никогда от нее не отказался. Я все это помню и не забыл все это время. Больше полутора лет ногу не отпустило. Муслим очень любил гостей. Несколько раз он услышал, что жена непочтительно, с раздражением что-то ответила своему мужу. Я ему сто раз ска-

зала: приобрети какую-нибудь профессию. Когда есть возможность долго-долго понаблюдать за пользователем. Действительно, такое название появилось; появилось оно уже год. Гете посетил Карловы Вары неоднократно. Ни разу замок не пал. Карл IV несколько раз упал с лошади.

По употреблению глаголов совершенного вида русский язык сближается с другими славянскими языками, хотя чаще пишут о различиях, потому что сравнивают литературные языки. В частности, в работах Е. В. Петрухиной [Петрухина 1998: 356–363], Л. Л. Смирнова [Смирнов 1971: 239], А. Г. Широковой [Широкова 1998: 24–29] более свободное употребление глаголов совершенного вида с аспектуальными показателями длительности и кратности действия рассматривается как специфическая черта чешского и словацкого языков (в отличие от русского). Обращение к диалектной речи позволяет увидеть, насколько близки славянские языки друг к другу грамматически, а следовательно, способствует большему взаимопониманию и успешному обучению тому или иному языку.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- БОНДАРКО, А. В. (2005): *Теория морфологических категорий и аспектологические исследования*. М.: Языки славянских культур. С. 239–241.
- БОНДАРКО, А. В. (2005): *Теория морфологических категорий и аспектологические исследования*. М.: Языки славянских культур. С. 235.
- ЗАКРЕВСКАЯ, В. А. (2002): *Употребление приставочных глаголов совершенного и несовершенного видов в диалектной речи (на материале архангельских народных говоров)*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 24 с.
- ЗАКРЕВСКАЯ, В. А. (2012): *Глаголы разных видов в одном контексте (на материале архангельских говоров)*. In: Актуальные проблемы русской диалектологии. Тезисы докладов Международной конференции 27–28 октября 2012г. Москва: Институт русского языка имени В.В. Виноградова РАН. С. 42–44.
- ПЕТРУХИНА, Е. В. (1998): *Сопоставительная типология глагольного вида в современных славянских языках*. In: Типология вида. Москва. С. 356–363.
- СМИРНОВ, Л. Л. (1971): *Об одной особенности функционирования глаголов совершенного вида в словацком языке*. In: Исследования по славянскому языкознанию. М., С. 239.
- ШАТУНОВСКИЙ, И. Б. (2007): *Повторяемость и вид*. In: Русский язык: исторические судьбы и современность. III Международный конгресс исследователей русского языка. Москва. С. 202–203.
- ШИРОКОВА, А. Г. (1998): *Методы, принципы и условия сопоставительного изучения грамматического строя генетически родственных славянских языков*. In: Сопоставительные исследования грамматики и лексики русского и западнославянских языков. Москва. С. 24–29.

НАДЕЖДА ФЕДОРОВНА ЗЛОБИНА

Россия, Москва

ПРИНЦИПЫ СЕМАСИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА В ИССЛЕДОВАНИЯХ АКАДЕМИКА Ф. И. БУСЛАЕВА

ABSTRACT:

Principles of Semasiological Analysis in Buslaev's Research Work

Buslaev did research on semantic process forming of constant epithet, metaphor, metonymy, synonym and reflecting there specifics to grammar, syntax. Changes in reality, conditions of life, spiritual values of people and system of language have influence on alteration of word's meaning. Lexical and semantic development of language are connected with word as phonetic complex, member of grammatical and semantic paradigms, definite word-combinations.

KEY WORDS:

Linguistics – semasiology – semantic development – process – reasons of semantic alteration – aesthetics – ethics – constant epithet – metaphor – metonymy – synonym – verb's govern.

Ф. И. Буслаев работал как в области исторической, так и описательной семасиологии, раскрывая причины семантических изменений и подлинную природу существующих между значениями различий. Исследуя специфику смысловой структуры языка и менталитет его носителей, Ф. И. Буслаев показывал, что значения слов в разных языках [Буслаев 2013: 64]¹ и даже диалектах одного языка редко полностью совпадают, отрезки действительности неодинаково членятся лексикой [Буслаев 2013: 59]², слова называют не только материальную, но и духовную реальность.

¹ «Например, французы соединяют с понятием о счастье представление о хорошем и добром часе (bon-heur); а русские не только о времени, напр., безвременье – несчастье, но и особенно об уделе, доле или части (с-част-ие). Один язык называет основание горы подошвою горы, другой – ногою горы, третий – корнем горы и проч.» «Как славяне считают года по теплой погоде или по летам, так другие народы – по зимам (готы и скандинавы), по дождям или дождливым временам, т.е. по осеням (напр., индусы).»

² Например, пространство и время может измеряться количеством песен, песков, рыков, пряжей, водой и т.д. «Такое разнообразие в разделении времени произошло от различия в быте. И земледелец, и пастух, и житель приморский – каждый заполняет для себя общее понятие времени свойственной своей жизни воззрениями.»

Семасиологический анализ, рассматривающий влияние внеязыковой действительности [Буслаев 2013: 41]³, условий жизни общества, в том числе и ценностных ориентиров носителей языка, а также собственно языковых процессов, характеризует труды ученого как лингвистического, так и литературоведческого направлений. Анализ всех аспектов семасиологии в концепции исследователя – дело будущего, мне же позвольте остановиться на взглядах Ф. И. Буслаева на семантический процесс, связанных с речевой образностью (метафорой, метонимией, синекдохой, постоянным эпитетом, синонимом). В процессе рождения слова большое значение ученый придает «живому воззрению», отражающему древнее мировоззрение, и поэтому активно привлекает в исследовательскую парадигму диалекты, «областные речения», язык фольклора, отражающий этот взгляд на мир.

Для семасиологических разысканий ученого, например, постоянный эпитет устной художественной словесности тем и ценен, что в свернутом виде донес до современности «живое воззрение, проникнутое верованием» из далекой первобытности. Именно постоянный эпитет в фольклоре фиксирует и подкрепляет наименование предмета по первоначальному впечатлению, произведенному им на человека. Исследование постоянного эпитета Ф. И. Буслаев предпринимал, чтобы понять, какая реальность стоит за образным словосочетанием и одновременно оценивал, анализировал вбираемое словом отношение к этой действительности, раскрывал значение определяемого слова во всех его исторических смыслах. Примерами исторической семасиологии являются его разыскания в области первоначальных наименований предметов по его постоянному эпитету, например, таких выражений, как белая лебедь, красная девушка [Буслаев 1848: 45; 1861: 22], сине море, ясный сокол и др. Ученый признает накопительный характер внутренней формы народного слова, в котором достоверность, этика и эстетика находятся в гармоническом единстве. Ф. И. Буслаев посредством предварительного разворачивания смыслов слова говорить, включающего такие значения как думать, делать, петь, чародействовать, судить, рядить, спорить, драться, клясться, лечить, видеть, знать, ведать, решать, управлять, подчеркивает силу эпического повествования, мощь его воздействия на слушателей [Буслаев 1861].

Аккумулирующиеся и хранящиеся в слове смыслы, при восприятии могут реализовываться как все вместе одновременно, так и по отдельности в зависимости от разных лексических и синтаксических контекстов и грамматических конструкций, эмоциональных оценок и уровня развития слушающего. Например, слово яркий включало в себя значения: яркий свет, резкий звук, быстрое и сильное впечатление. На основании того, что определения яркий и яс-

³ «Так, напр., франц. слова *mercî, payer, quite* объясняется воинским бытом средних времен. *Avoir mercî de son ennemi* (= *habere mercedem de inimico*) – получать плату или цену за кровь, виру (*wehrgeld*); отсюда выражение: *être a la mercî du vainqueur*; равномерно *payer* (от лат. *pacare*) собственно значит «усмирить (*pacifier*), заплатить цену» (*mercî, merces*); так же и *quite* (от лат. *quietus*) – спокойный, мирный. – *Valet* (т.е. уменьшительное от *vassal*), *vassalus* – *vassalettus*, откуда *vaslet*, сократившееся в форму *valet*, собственно «воин», в этом значении употребляется и доселе в названии фигуры в картах (т.е. *Hector, Lancelot, Lahire*)».

ный являются синонимами, а также по результатам сравнительного анализа значения слова в разных языках (нижнелуж. ясно (jessno) – быстро, ясность (jessnosc) – быстрота и др.), ученый приходит к выводу, что значение постоянного эпитета в русском фольклоре в словосочетании ясный сокол включает в себя смысл не только красивая, но и быстрая, мощная птица [Буслаев 2013: 46]. Ф. И. Буслаеву близка мысль, что слово при разворачивании его значений может открывать смысл всего обряда или целого произведения. Это идея будет развернута уже в концепции А. А. Потебни.

Одним из важных направлений в развитии языка ученый называл движение языка от «живых впечатлений» к «общим понятиям» и разбирал семантику слов, образованных как посредством живых впечатлений, так и общим понятием. Семантический процесс «от более конкретного к более абстрактному, действительно, характеризует семантическое развитие многих слов» [Шмелев 1964: 127], – подтверждает современный ученый. Впрочем, оба ученых привели примеры и обратного движения.

Действительно, семантические истории слов складываются по-разному.⁴ Если происходит сдвиг в общем понятии, то, несмотря на разные первоначальные смыслы, слово втягивается в орбиту нового значения. Почему прил. прелестный стало означать прекрасный? Почему прелестный и прекрасный стали синонимами? Изменились духовные ценности, и это стало причиной того, что слово прельстить (обмануть) вошло в круг общего понятия хороший. «Не обращающая внимания на то, что прилаг. прекрасный означает превосходную степень от слова красный (т.е. хороший) и что прилаг. прелестный происходит от гл. прельстить (обмануть), эти речения мы употребляем одно вместо другого на том основании, что подвели их под одно общее понятие о том, что нравится вообще» [Буслаев 2013: 44]. При этом понятно, что семантика глагола «прельстить» не тавтологична значению глагола «обмануть», хотя и имеет его доминантой. Прельстить означает привлечь внимание, «обаять» красивыми, но лживыми обещаниями. Определенно Ф. И. Буслаев указывает на то, что, сближаясь с эпитетом «прекрасный», «прелестный» оставляет лишь значения внешней привлекательности, опуская «обманность», «лесть» такой «красоты».

Так, синонимическая парадигма влияет на управление глаголов, т.е. «глагол, заимствуя переносный смысл от синонимов, с которыми поставляется в один разряд, получает то же самое управление, как и прочие глаголы, которыми выражаются синонимы». Так, «надеяться, становясь синонимом глаголу ожидать, требует родительного падежа так же, как и этот последний глагол (*ожидать чего = надеяться чего*)... глагол наблюдать собственно требует вин. пад.: наблюдать что, блюсти что (= хранить что); но будучи сближен с понятием: следить за кем, смотреть за кем, управляет, как и эти глаголы, творитель-

⁴ Так, Ф. И. Буслаев приводит из французского языка историю изменения слова *etonner* от смысла быть огулушенным до значения *удивляться*. «Франц. *etonner* (древнефр. *estonner*) собственно значит – быть огулушену громом (итал. *attonito*, от лат. *tonitrus* – гром); напр., в Песне о Роланде XI в. «*Granz fu li colps; li duc en estonat*» (велик был удар, герцог им был огулушен); потом *etonner* стало употребляться в значении «удивляться», т.е. поражаться чем-либо» [Буслаев 2013: 44–45].

ным падежом с предлогом за (*наблюдать за кем*); будучи сближен с понятием: делать опыт над чем, получает управление, одинаковое с этим описательным выражением, принимая после себя творительный падеж с предлогом *над* (*наблюдать над чем, наблюдение над чем*)» [Буслаев 2013: 65].

Одни метафорические названия ученый относит «к природе вещественной», другие – «к природе умственной», т.е. как при образовании слов первой группы, так и второй, язык использует метафору. При этом Ф. И. Буслаев подчеркивает, что первоначальное значение всегда является «вещественным», «природы физической» и лишь позже начинает указывать на «понятия отвлеченные и предметы умственные». С помощью метафорического переноса оформились такие отвлеченные понятия, считает он, как: *цель, стремление, отношение, препятствовать, пецись, тужить, сокрушаться, надеяться, воскресить, грешить, кривда, правда, кручина; погибель и др.* [Буслаев 2013: 48]. Причиной разных форм употребления одного и того же слова становилась эволюция его значения от наглядного к переносному. Напр., *следовать*, в значении первоначальном, наглядном, требует творительного падежа с предлогом за (*следовать за кем*), а в переносном – дательного (*следовать кому*) [Буслаев 2013: 65]. Метафорический перенос может осуществляться при названии действий (понять перенос от значения взять к разуместь), свойств (темный: слепота – незнание), самих предметов (дух: дыхание – бесплотное существо), отношений (предлог на в выражении положить на что-нибудь – имеет значение наглядное, а в выражении надеяться на кого-нибудь – умственное или отвлеченное) [Буслаев 2013: 46].

Метафора одушевляет природу, поэтому она оказала влияние на грамматический род и личное местоимение. Так, понятие действующее, мощное и самостоятельное означает родом мужеским; понятие, подлежащее действию, слабейшее и зависимое – женским или средним; напр., Бог и природа, Творец и творение, дух и душа; огонь, ветер и железо, золото и проч. [Буслаев 2013: 50].

Метонимические переносы являются средствами передачи пространственного и временного мышления. Причем в словообразовании присутствует перенос от пространства на время, а не наоборот. Это, в свою очередь, говорит, что представление о пространстве сформировалось ранее, чем о времени. Подобный переход ученый рассматривал, например, в формировании слова «сутки». «Это слово сложное, с предлогом су-, от гл. ткнуть, тыкать, как это ясно из наречия, суточь или сутычь (во влад., олон.), означающего соприкосновенность предметов; напр., «доски положены суточь»; в олон. былин. «ударил сутычь по шее-то», Рыбн., I, 83. Потому сутки в волог. и вятск. «передний угол», «место под образами»; потом, в вятск. же сутучек – простенок между двумя окнами; а в новг. сутки – сени, в украинск. – коридор, проход; сутычка – в волог., костр. – передний угол, в костр. – место в избе, где у печи сомкнуты два столба, и, наконец, в нижег. – сумерки, т.е. время, когда сходится день с ночью: откуда – сутки – день и ночь вместе» [Буслаев 2013: 48]. Изменения смысла слова, связанного с синекдохой, ученый показывает на примере слов поляне, древляне, северяне, исполин, велет или волот, обр, троица, седмица и др.

Все грани семасиологических разысканий Ф. И. Буслаева перечислить в кратком обзоре сложно, но уже данные примеры говорят о серьезности и основательности его позиций.

Развернутые семасиологические экскурсы Ф. И. Буслаева – богатая почва для современных исследований. Ю. И. Минералов, один из ведущих ученых XX–XXI вв., убежден, что «современная теория стиля не может строиться без учета достижений семантической теории стиля прежних эпох» [Минералов 1999: 241]. Значение трудов Ф. И. Буслаева «особенно велико в силу того, что в XX–XXI вв. семасиологический подход, ..., вряд ли проявлял себя в филологической науке в достаточной мере» [Минералов 2013: 12]. В отличие от структурализма семасиология позволяет постичь многие функциональные различия и достичь филологической точности, и исследования, вписывающиеся в концепцию языковой личности и антропологическую лингвистику с такими ее понятиями как национальный дух, национальный характер, язык народа, культура, ментальность, становятся как никогда востребованными. Все это настоятельно требует подготовки и публикации Полного собрания сочинений Ф. И. Буслаева.

Использованная литература:

- БУСЛАЕВ, Ф. И. (1848): *О влиянии христианства на славянский язык. Опыт истории языка по Остромирову Евангелию*. М.
- БУСЛАЕВ, Ф. И. (1861): *Эпическая поэзия*. In: Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. 1. СПб. С. 1–77.
- БУСЛАЕВ, Ф. И. (2013): *Историческая грамматика русского языка. Синтаксис*. М.
- МИНЕРАЛОВ, Ю. И. (1999): *Теория художественной словесности*. М.
- МИНЕРАЛОВ, Ю. И. (2013): *Федор Иванович Буслаев – ученый-филолог, историк литературы и искусствовед*. In: *Сила слова: история литературы, стиль, художественная практика*. М. С. 11–28.
- ШМЕЛЕВ, Д.Н. (1964): *Очерки по семасиологии русского языка*. М.

ЯКУБ КОНЕЧНЫ

Чехия, Градец Кралове

СОПОСТАВЛЕНИЕ ФОНЕТИЧЕСКИХ СИСТЕМ КАК СРЕДСТВО ОБУЧЕНИЯ ЗВУЧАЩЕЙ РЕЧИ НА УРО- КЕ РКИ¹

АБСТРАКТ:

Comparison of Phonetic Systems as a Means of Oral Speech Teaching in Russian as a Foreign Language

Attention paid to work with the phonetic aspect of language is an important moment in the process of learning Russian as a foreign language. Our paper deals with the comparison of the phonetic systems of mother tongue and foreign language as one of the means of practise segmental and suprasegmental features of phonetic aspect of Russian language at Czech secondary schools.

KEY WORDS:

Mother Tongue – Foreign Language – Phonetic System – Oral Speech – Comparison – Phonetic Literacy – Methodology of Teaching Russian as a Foreign Language

Мотто:

И самое опасное при изучении языков –
это найти «похожее» и принять его за «то же».

В процессе обучения иностранному языку (в том числе и русскому) в чешской школе необходимо уделять внимание работе над отдельными уровнями языка и развитию всех видов речевой деятельности. По мнению Й. Веселого, всё обучение ведёт к тому, чтобы учащийся освоил язык как средство общения, т.е. чтобы он выработал способность понимать устную речь, читать, говорить и письменно выражать свои мысли. Знание фонетики, лексики, грамматики является всего лишь предпосылкой (хотя и очень важной), ведущей к достижению поставленной цели [ср. Veselý 1980: 3].

Согласно этому, доминирующим методом обучения иностранным языкам является коммуникативный метод, который «предполагает организацию про-

¹ Работа выполнена в рамках проекта GA UK 253–450 «Fonetická gramotnost českých žáků v ruském jazyce», разработанного на Педагогическом факультете Карлова Университета в Праге.

цесса обучения речи как модели процесса коммуникации. <...> Подготовка учащихся к процессу коммуникации должна происходить в условиях, приближенных к условиям реального речевого общения» [Пассов 1977: 3–4].

Данная концепция, как правильна бы она ни была, в основном ориентирована на развитие коммуникативной компетенции во всех четырёх видах речевой деятельности, оставляя позади систематичную и сознательную работу над отдельными уровнями языка. В данной статье обратим внимание на работу над звучащей речью, которая, по-нашему, является «золушкой» процесса обучения любому иностранному языку, включая русский.

«Звуковые средства в системе языка в сравнении с грамматическим строем и словарным составом занимают особое место. <...> Звуковой строй нельзя рассматривать как элемент языка, стоящий в одном ряду с лексикой и грамматикой (морфологией и синтаксисом)» [Галеева 1964: 3]. Из этого вытекает необходимость подходить к работе над звучащей речью на занятиях, основываясь не только на принципах коммуникативного, но и других методов. Нам кажется целесообразным обратить внимание на возможности, заключающиеся в фонетическом методе, чьи основы заложены ещё в 20-ых годах прошлого столетия Л. В. Щербой. Дидактически разработал фонетический или же артикуляционно-акустический метод изучения произношения С. И. Бернштейн. «Задача артикуляторного обучения состоит 1) в том, чтобы научить учащихся осознать произносительные работы и расчленять целостные артикуляции на их составные элементы, синтетизировать эти элементы в новые, непривычные сочетания, и 2) в том, чтобы подвергнуть произносительный аппарат тренировке, которая позволит ему осуществлять усвоенные артикуляции автоматически. <...> Артикуляции иностранного языка должны изучаться в постоянном соотношении с произносительными навыками родной речи» [Бернштейн 1937: 20].

Исходя из утверждения С. И. Бернштейна, сопоставление фонетических систем родного и изучаемого языков и последующую дидактическую адаптацию результатов данного процесса можно считать одним из средств работы над звучащей речью. Внимание нужно обратить также на факт, что речь идёт о близкородственных языках, что, по мнению Я. А. Коменского, процесс обучения языку скорее осложняет, чем упрощает (особенно в области звучащей речи) [ср. Jelínek 1973: 93]. Эту позицию занимает также А. А. Реформатский, утверждая, что «Есть мнение, что произношение близкородственного языка легче усваивать, чем далекородственного или совсем неродственного, т.к. в родственных языках есть много «похожего». Однако, эта сходность – явление мнимое и в значительной мере провокационное. Даже в очень близкородственных языках соотношения тех же по происхождению фонем уже не те, что были в их общем праязыке; могут изменяться и ритмические условия, и место ударения, и количество различающихся и противопоставленных гласных и согласных, ведь система каждого языка идиоматична и даже «похожие» элементы систем не то же самое. Близкость родственных языков таит в себе много соблазнов и опасностей, т.к. можно просто сформулировать: «если похоже,

то можно произнести по-своему» – а это и есть как раз произношение с акцентом!» [Реформатский 1970: 513–514]

Чтобы данный приём действительно послужил достижению цели, т.е. формированию фонетической грамотности, надо хорошо понимать, что и зачем сравнивается. По мнению Н. А. Федяниной, «сопоставлению подлежат фонологические системы в целом, все уровни фонетического яруса: фонемный, вариативный (фонетический), просодический (акцентный)» [Федянина 1979: 16].

В процессе сопоставления сегментного уровня звуковых систем языка можно выделить три функциональные группы: 1) состав фонем и характеризующие их признаки; 2) артикуляционная база звуков и их артикуляционное образование в родном и иностранном языках; 3) функционирование звуковых единиц.

В рамках первой из указанных выше групп А. А. Реформатский выделяет две основные тенденции. «Первая – подгонка разного чужого под одно своё, когда меньший фонемный репертуар своего языка накладывается на больший фонемный материал чужого языка. <...> Вторая тенденция вызвана обратным соотношением, когда фонемный репертуар своего языка шире, чем фонемный репертуар чужого языка на аналогичном участке фонетической системы» [Реформатский 1959: 147–148].

В рамках второй группы можно выделить четыре группы звуков: а) звуки, более или менее сходные в обоих языках; б) звуки мнимо сходные; в) звуки, которые есть в изучаемом языке, но нет их в родном языке; г) звуки, которые есть в родном языке, но нет их в изучаемом. Самой проблемной группой, на наш взгляд, вторая группа, т.к. как раз такие звуки, при неправильном произношении, создают иностранный акцент (см. выше слова А. А. Реформатского). Если мы можем себе, основываясь на приёме дидактического упрощения, позволить не обращать внимания на незначительную разницу в образовании (и, соответственно, произношении) звуков первой группы, то ни в коем случае нельзя этот подход применять к звукам второй группы. Кроме того, что учитель с самого начала процесса обучения обращает внимание учащихся на соответствующий способ произношения отдельных звуков, он должен также работать над развитием фонетического слуха учащихся, ибо «главное условие устранения иностранного акцента – постановка правильного фонематического слуха. Как только говорящий начинает слышать собственный акцент, он приобретает возможность устранить его» [Бархударова 2012: 58].

В рамках третьей группы внимание уделяется сходствам и различиям в процессе функционирования звукового строя обоих языков. Одной из областей такого функционирования бесспорно являются позиционные закономерности звукового строя языков. «Позиционные закономерности звукового строя языка могут определяться как наличием позиционной мены звуковых единиц, так и ограничениями на их употребление в конкретных позициях» [Бархударова 2011: 40].

Звуковой строй языка состоит не только из элементов сегментного уровня, но и явлений супraseгментного (просодического). К ним принадлежат ударе-

ние и интонация, представляющие собой не только фонетические признаки, но и средство выражения смысла, т.е. средство реализации коммуникации. Из этого вытекает необходимость включения в процесс сопоставления и этих элементов.

В связи с ударением речь идёт, в основном, о его характере и роли. Очень тесно с ним связаны также вопросы ритмического строения высказываний и т.н. фонетических слов.

Важным средством, играющим в процессе коммуникации роль различения смысла или модального (эмоционального) оттенка высказывания, является интонация. Неправильное интонационное оформление высказывания может не только изменить (или же полностью исказить) его смысл, но и обидеть собеседника и прервать коммуникацию.

Итак, учитывая характер и особую роль звукового строя языка, мы глубоко убеждены в том, что формирование фонетической грамотности не должно происходить только в русле коммуникативного метода. К работе над этой областью языка необходимо применить приёмы и принципы фонетического метода, т.к. только сознательная работа, основанная на результатах сопоставления фонетических систем родного и изучаемого языков, позволит учителю и учащимся с самого начала обучения минимизировать интерференцию со стороны родного языка, предупреждать закрепление неправильных навыков произношения, создающих иностранный акцент и развивать фонематический слух.

Использованная литература:

- БАРХУДАРОВА, Е. Л. (2011): *Парадигматика и синтагматика звуковых единиц в контексте обучения русскому произношению*. In: Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. N 4, с. 39–50.
- БАРХУДАРОВА, Е. Л. (2012): *Методологические проблемы анализа иностранного акцента в русской речи*. In: Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. N 6, с. 57–70.
- БЕРНШТЕЙН, С. И. (1937): *Вопросы обучения произношению. Применительно к преподаванию русского языка иностранцам*. М.
- ГАЛЕЕВА, М. М. (1964): *Некоторые общие вопросы обучения иностранцев русскому произношению*. In: М. М. Галеева (сост.), Вопросы обучения студентов-иностранцев русскому произношению: сборник статей. «УДН», М., с. 3–10.
- ПАССОВ, Е. И. (1977): *Основы методики обучения иностранным языкам*. «Русский язык», М.
- РЕФОРМАТСКИЙ, А. А. (1959): *Обучение произношению и фонология*. In: Филологические науки, N 2, с. 145–156.
- РЕФОРМАТСКИЙ, А. А. (1970): *Фонология на службе обучения произношению неродного языка*. In: Из истории отечественной фонологии. Очерк. Хрестоматия. М.
- ФЕДЯНИНА, Н. А. (1979): *Проблемы сопоставления фонологических систем родного и изучаемого языков*. In: Русский язык за рубежом, N 1, с. 16–17.
- JELÍNEK, S. (1973): *O didaktických aspektech konfrontace ruštiny s češtinou*. In: Filologické studie IV: Sborník pedagogické fakulty University Karlovy v Praze 1973. Praha.
- VESELÝ, J. (1980): *Hlavní rysy současného pojetí vyučování cizím jazykům*. In: Cizí jazyky ve škole, N 1, s. 2–13.

СИМОНА КОРЫЧАНКОВА

Чехия, Брно

ИДЕЙНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ЯЗЫКОВОГО ОФОРМЛЕНИЯ ОБРАЗОВ КРАСОТЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ РУССКИХ И ЧЕШСКИХ СИМВОЛИСТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭЗИИ В. С. СОЛОВЬЕВА И О. БРЖЕЗИНЫ)

ABSTRACT:

Ideological Premises of Linguistic Expression of Beauty in the Works of Russian and Czech Symbolists (Based on V. S. Soloviev's and O. Brezina's Poetry)

The author analyzes V. S. Soloviev's and O. Brezina's philosophical and aesthetic views and compares them with poetic expression of beauty in his poetic creation. The projection of beauty in each author's poetry is based on lexical representation that corresponds to their idea of ugliness and beauty, to their interaction and compliance. The metaphor of nature and natural phenomena is becoming a main tool of expression of inner experiences of the philosophical and spiritual conception of the world. Despite substantial formal differences in expression of beauty in the poetry of the both authors, the essence of the concept of terrestrial and celestial world remains practically the same.

KEY WORDS:

Philosophy – aesthetics – poetry – beauty – image – lexeme.

Эстетическая категория красоты и ее лексико-семантическое осмысление занимает значительное место в произведениях поэтов-символистов. Анализируя образы красоты в поэтическом творчестве В. С. Соловьева и О. Бржезины, необходимо отметить, что философская мысль этих писателей всегда сопровождалась поэтической обработкой. Как нам представляется, строгая рационально изложенная форма была для них недостаточно совершенна, чтобы выразить всю проблематику глубокой философской идеи. Для исследователей творчества обоих поэтов представляется уникальная возможность анализировать не только рациональный подход к важнейшим проблемам философской мысли, но также сопроводить такое изложение поэтическими образами стихотворений. Основной тематический акцент сосредоточен на изображении

противопоставления и переплетения двух мировых планов – плана Дольнего, земного, и плана Горнего, небесного. Их взаимное содействие образует в стихах символистов неповторимую картину хаоса и красоты, безобразного и отвратительного, положительного и отрицательного. Изображение Дольнего мира связано с образами хаотической реальности человеческого существования. Лексическое оформление такого мира сводится к употреблению лексем, семантически связанных с образами природных явлений и земной стихии. По мысли Владимира Соловьева: «мы знаем, что и положительное безобразие начинается только там, где начинается жизнь» [Соловьев 1994: 232]. Для изображения Дольнего Соловьев употребляет мотив тех природных стихий, которые, затемняя землю, наполняют ее хаосом и холодом:

В стране **морозных выюг**, среди **седых туманов**
 Явилась ты на свет,
 И, бедное дитя, меж двух враждебных станов
 Тебе приюта нет.
 (В стране морозных выюг...)

Как утверждает Соловьев: «Хаос, т.е. само безобразие, есть необходимый фон всякой земной красоты, и эстетическая ценность таких явлений, как бурное море, зависит именно от того, что под ними хаос шевелится» [Соловьев 1994: 367]. Такой взгляд на земную реальность и ее существование вытекает из идеи Всеединства, которую Соловьев считал основной идеей своей философской системы. Красота и хаос суть одного высшего начала, одно не может существовать без другого, они взаимопроницаемы и взаимообусловлены. Красота в философской мысли Соловьева, является идеальной идеей, которая воплощена в материальном теле. Он считает, что: «мы должны определить красоту как преобразование материи чрез воплощение в ней другого, сверхматериального начала» [Соловьев 1994: 212]. Таким образом, красота становится неотделимой частью земного мира, она просветляет и одухотворяет земную реальность, способствуя таким образом ее вознесению к Горнему. Воплощенное идеальное начало в земной красоте является первой ступенью к постижению Идеи, ее субстанции, которая единственная, по мнению Соловьева, заслуживает существования.

И вдруг посыпались зарей вечерней розы,
 Душа почуяла два легкие крыла,
 И в новую страну неистощимой грезы
 Любовь-волшебница меня перенесла.
 Поляна чистая луною серебрится,
 Деревья стройные недвижимо стоят,
 И нежных эльфов рой мелькает и кружится,
 И феи бледные задумчиво скользят.
 (Был труден долгий путь...)

Наряду с совершенной красотой божественной природы, только Творец лирической поэзии может сотворить подобный образ небесного мира. Однако для этого он должен подняться на высший божественный уровень, когда может услышать *нездешние звуки, песни стройные и прекрасные*, переданные

ему сверхматериальным миром. Воплощая Идею в свое творение, он может вознести творчество к божественному совершенству:

Высшую силу в себе созная,
Что ж толковать о ребяческих снах?
Жизнь только подвиг, – и правда живая
Светит бессмертьем в истлевших гробах.
(Если желанья бегут, словно тени)

Соловьев определил два основных начала искусства, воплощающего идею красоты. Материальное искусство изображает красоту в украшениях, т.е. оно становится утилитарным искусством, «техническим искусством». Идеальный же образ красоты, эстетическое совершенство, т.е. «изящное искусство» может быть воплощено только в сфере музыки и поэзии. Идеальная проявленная красота не может, по словам поэта, проявляться даже в изящном искусстве, так как способность передать такое совершенство может только мистика. Проявление истинной красоты, следовательно, возможно только в идеальном мире, в мире сверхприродном и сверхчеловеческом. «В истинной же, абсолютной красоте содержание должно быть столь же определенным, необходимым и вечным, как и форма; но такой красоты мы в нашем мире не имеем: все прекрасные предметы и явления в нем суть лишь случайные отражения самой красоты, а не органическая ее часть» [Соловьев 1988].

Великий чешский поэт-символист Отокар Бржезина видит в познании красоты прежде всего скрытые воспоминания человека о мире идей, отражение которого мы можем найти в нашей душе. Бржезина видел смысл своей работы в познании красоты мира, в реализации синтеза жгучей мечты познания души и человеческого разума. Сборник эссе *Hudba pramenů* посвящен эстетическим проблемам, которые у Бржезины связаны с духовными поисками идеального мира, смысла человеческого бытия и творческого пути художника. В эссе *Krásy světa* в тезисе «*Krásy světa je skrytá*» отражается основная идея Бржезины, т.е. невозможность постичь красоту мира прямо, так как она пока не является глазам человека, а только проблескивает в пригодных для этого моментах. Красота мира скрыта, она проявляется в полутонах, в полутени, в молчании и уединении. Так Бржезина соединяет материальный мир с запредельным миром, с непроявленным планом нездешней реальности. Поэт любит скрытые стороны бытия: «*Nemám rád, když někdo příliš těsně přistupuje k člověku. Mám rád polotóny a zastřenost. Polostíny, uzavřenost, distanc, mlčení a úcta jsou krásnější*» [Lakomá 1992: 226]. Только соединение идеального мира с миром материальным, проявленным способствует пониманию и проникновению в Творение. Семантически значимые слова (*hudba, nástroj, sluch, hlubina, světlo, ráz, šum, vznik, zápas*) и эпитеты (*lidský, skrytý, tajemné, hvězdný, tichý, tajný*) способствуют развитию основной смысловой и динамической структуры стихотворения и, одновременно, показывают богатство его лексического оформления:

A silou zvýšenou můj obdař lidský sluch,
ať v rezonanční nástroj se mi promění,
jímž přelévání šťáv a vzrůstu skrytý ruch
jak hudby tajemné ať slyším vinění;

ať cítím rostlin puls i hudbu hvězdných drah,
 paprsků světla lom a vzduchu ráz a šum,
 motýlů tichý let a v duši hlubinách
 myšlenek tajný vznik a zápas, vír a tlum.
 (Modlitba večerní)

Бржезина является поэтом красоты природы, которую он предпочитает красоте человеческого материального прогресса. Красота, как и у Соловьева, заключается и в органической и неорганической природе. Красота присуща жизни – камням и алмазам, растениям и животным. Образы природы в поэзии Бржезины являются символом восхождения от материального к духовному. Посредством многослойной метафоры мы можем приблизиться к созерцанию внутреннего мира человека, к познанию собственной души. Душа природы – это душа самого человека. В природе Бржезина созерцал свою собственную душу как отблеск невидимого вечного мира. Природа представляла соединяющее звено между таинством человеческой души и небесного мира, между земным переживанием и божественной любовью:

Hudbou hrály ukryté prameny a den můj k ní zpíval svou píseň
 na březích melancholických.
 Smutek dávného žití, z něhož jsem vyšel, dechl mi z vůní
 a z hovoru stromů a z těžkého zvonění hmyzu nad vodami,
 a celá staletí ležela mezi mou rukou, jež trhala květy, a jimi,
 mezi mým zrakem a tajemným světem,
 jenž tisíce tázavých pohledů v duši mou němý se díval.
 (Příroda)

Посредством природы Бржезина созерцал самого Бога. По его мнению, однако, материальная природа подлежит распаду, искажению, следовательно, она должна быть заменена искусством, которое сотворит ее заново. Вечная красота искусства отражена и в сборнике стихотворений *Tajemné dálky*. Метафора Бржезины выстроена на образах с лексическим оформлением световых и эфирных явлений. Достижение состояния глубокого понимания и высшего познания духовного начала связано с лексическими единицами, обозначающими созерцание, динамику и отражение в человеке символики звезд, вселенной, Солнца и Земли посредством таких лексем, как *vesmír*, *zrak*, *síla*, *světlo*, *odražený*, *kosmos*, *střetnout*:

Zář grandiosní vesmíru když v zrak mi padla
 Síla věčných tajemství a osnovami světla,
 V mou duši odražená kosmu od zrcadla
 V ohnisko palčivé a krvavé se střetla.
 (Ó, sílo extasí a snů)

Бржезина, также как и Соловьев, считал, что все живые существа стремятся к единству, совершая посредством веры путь от хаоса к красоте духовного бытия. «Všechno chce žítí, všechno chce Boha, neboť chtějí žítí jest tolik jako cítiti Boha» [Lakomá 1992: 21].

Общие идейные корни стихотворений Соловьева и Бржезины, основанные на образах-символах, несут отпечаток индивидуально-авторского оформления метафорической передачи скрытого смысла, который вырастает из

религиозно-исторической, культурной и литературной традиции. Несмотря на универсальность образов природы, авторское оформление идеи красоты и ее символическое отражение в поэзии раскрывает богатые возможности подхода к лексическому и формальному выстраиванию философского содержания. В стихотворениях каждого из представленных поэтов можно увидеть сложный образ скрытого, запредельного, божественного мира, однако метафора, посредством которой передана идейная структура стихотворений, формально выстраивается на иных основах. Поэзия Соловьева играет светом и красками, она проникнута звуками и движением. За простой структурой переносных значений слов, за общепринятым лексическим оформлением, скрывается глубокий, религиозно-мистический смысл стихотворений. Лексика, использованная поэтом для изображения безобразия Дольнего и красоты Горнего, употребляется поэтом с дополнительной семантической нагрузкой. Анализ лексического состава стихотворений и сочетание свето-цветовых образов помогает раскрыть их глубокий духовный и мистический смысл. [Корычанкова 2008: 128]

Внутренне сложная формальная структура метафоры Отокара Бржезины выстроена на богатом лексическом оформлении философских идей поэта. Наплавание внутренне связанных смыслов посредством образов природы представляет богатую лексическую и образную палитру, отражающую авторское понимание реального и скрытого мира. Световые и цветовые явления, звуковые и динамические элементы дополняют картину запредельных миров и способствуют развитию многомерного образа.

Философия природы и человека, понимание функции искусства и его преобразующей роли в процессе одухотворения Дольнего представляют исходные элементы, раскрытие которых может способствовать лучшему восприятию религиозно-философской поэзии эпохи символизма.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- КОРЫЧАНКОВА, С. (2008): *Концепт «свет» и его номинанты в поэтическом творчестве В. С. Соловьева*. In: Мир русского слова и русское слово в мире, Varna, Heron Press Sofia, С. 125–132.
- СОЛОВЬЕВ, В. С. (1988): *Философские начала цельного знания*. In: Сочинения в 2-х т. М., «Мысль», Т. 2, С. 140–288. См: <http://www.rodon.org/svs/fncz.htm>
- СОЛОВЬЕВ, В. С. (1994): *Чтения о Богочеловечестве. Статьи. Стихотворения и поэма. Из «Трех разговоров»*. СПб, «Художественная литература», 528 С.
- BŘEZINA, O. (1989): *Hudba pramenů a jiné eseje*. Praha, Odeon, 245 s.
- BŘEZINA, O. (1975): *Básnické spisy*. Praha, Čs. spisovatel, 252 s.
- LAKOMÁ, E. (1992): *Úlomky hovorů Otokara Březiny*. Brno, Jota & Arca Jimfa, 451 s.

ЕЛЕНА И. КОРЯКОВЦЕВА

Польша, Седльце

ЭКСПРЕССИВНЫЕ НЕОЛОГИЗМЫ С ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫМИ ФОРМАНТАМИ В РУССКОМ, ПОЛЬСКОМ И ЧЕШСКОМ ЯЗЫКАХ

ABSTRACT:

Expressive Neologisms with International Formants in Russian, Polish and Czech Languages

This paper is an analysis of word formation in the colloquial style of Russian, Polish and Czech languages, particularly in relation to expressivity. It studies the procedures of word creation used by the native speakers to stress their emotional attitude. The author shows that the semi-affixes suggest the amplification of lexical units and strengthening of analytical and expressive tendencies in modern Russian, Polish and Czech. Nomination activity caused by changes in the material and cultural life generates new word-building models in accordance with the rules of analytical and expressive nomination.

KEY WORDS:

Word formation – expressive nomination – semi-affixes – word-building models.

В современную эпоху экспрессивность стала одной из важнейших движущих сил языковой эволюции ввиду глобального снижения публичного общения и официальной коммуникации, ориентирующейся на звучащую речь средств массовой информации. Экспрессивность способствует созданию новых языковых средств ёмкой передачи мыслей и чувств: стилистических, лексических, словообразовательных. Создание новых экспрессивных словообразовательных средств, а также изменение семантики, прагматико-стилистических свойств и статуса уже существующих морфем происходит при сознательном словотворчестве. В этой связи в качестве материала исследования в данной статье были избраны экспрессивные неодериваты с трансформированными семантически интернациональными формантами *-оголик/-oholic*, *-оуд/-oid*, *-завр/-zaur*, созданные активными рефлектирующими языковыми личностями – российскими, польскими и чешскими журналистами, а также читателями общероссийских, польских и чешских газет, имеющих свои сайты в Интернете.

Интернациональный структурный компонент *-oholic* вычленился из структуры существительного *workoholic*, появившегося, по данным «Merriam-Webster Dictionary», в американском варианте английского языка в 1968 году (см.: [Wyrwas 2006]). «The American Heritage® Dictionary of the English Language» характеризует компонент *-oholic* как суффикс со значением 'лицо, испытывающее патологическую зависимость от чего-либо' ('one that is addicted or compulsively in need of'). С помощью структурного компонента *-oholic* в этом значении в русском, польском и чешском языках уже к началу 90-х гг. XX века были созданы существительные, обозначающие лиц, испытывающих патологическую привязанность к чему- или кому-либо: польск. *mlekoholik, naukoholik, pracoholik, seksoholic, sklepoaholic, slodyczoholik, zakupoholik*; русск. *трудоголик*; чеш. *čokoládoholic/čokoholic, jablkoholic, jídloaholic, nákupoholic, netholic, sexoholic, stresholic, surfholic*.

К 10-ым годам XXI века в русском и польском языках словообразовательная база модели с суффиксоидом *-oholic/ -оголик* расширилась за счет т.н. «ключевых онимов эпохи». В текстах польских и российских СМИ появились пейоративные *nomina pertinentia* на *-oholic/-оголик*, имеющие категориальное значение «лицо, испытывающее патологическую зависимость от политических деятелей и партий»: *kaczoroholic, kaczkoholic* (← *Kaczor, Kaczka = Kaczyński*, 'о стороннике Я. Качиньского, председателя партии *Prawo i Sprawiedliwość*'), *PISoholic* (← *PIS=Prawo i Sprawiedliwość*, 'о стороннике данной партии'), *tuskoholic* (← *Tusk*, 'о стороннике Д. Туска, премьер-министра Польши'); ср.: русск. *путиноголик* – пейоративное наименование сторонников президента РФ В. В. Путина. В чешских текстах, размещенных в Интернете, отонимические неодериваты с формантом *-oholic* нами не обнаружены.

В дискурсе современных российских и польских СМИ неожиданной новизной отличается использование аффиксоидных терминоэлементов греческого происхождения при создании отонимических неодериватов, обладающих повышенной социальной экспрессивностью, граничащей с инвективой. Так, набирает продуктивность структурный компонент *-завр* (из греч. *σαῖρος* «ящер»), выделившийся на русской почве из состава сложных слов – названий ископаемых рептилий, ср. *динозавр, лесотозавр, тираннозавр, целурозавр* и др. С помощью структурного компонента *-завр*, употребленного в измененном, метафорическом значении «отсталый, примитивно мыслящий человек», журналисты и посетители интернет-форумов общероссийских газет образовали следующие пейоративные названия сторонников политических деятелей и политических партий: *ельцинозавр* (← *Ельцин*, первый президент РФ), *зюганозавр* (← *Зюганов*, председатель Коммунистической партии Российской Федерации), *жиринозавр* (← *Жириновский*, председатель ЛДПР, т.е. Либерально-демократической партии России), *ЛДПРозавр* (← *ЛДПР*), *праводелозавр* (← партия «Правое дело»), *путинозавр* (← *Путин*, президент РФ), *яблокозавр* (← *Яблоко*, т.е. Российская объединённая демократическая партия «Яблоко»).

С недавнего времени структурный компонент *-завр* стал активно использоваться русскоязычными реципиентами текстов российских СМИ при создании инвектив, обозначающих недостатки умственного развития и внешности человека, его асоциальное поведение, отрицательные черты характера, ср.: *быдлозавр* «примитивный человек, не имеющий моральных принципов», *глухозавр* «глупый человек», *дерьмозавр* «подлый, гнусный человек», *дурозавр* «очень глупый человек», *жирнозавр* «очень толстый человек», *колхозавр* «умственно ограниченный человек из района, деревни, села», *лохозавр* «глупый, наивно-доверчивый человек», *психозавр* «психически ненормальный человек», *толстозавр* «толстый человек», *тупозавр* «тупой, примитивный человек», *шизозавр* «психически ненормальный, деградировавший человек», *шлюхозавр* «развратный мужчина» и др. (см.: <http://lurkmore.to>).

В польских медиатекстах изофонный структурный компонент *-заур* в метафорическом значении «отсталый, примитивно мыслящий человек» был использован для создания единичных пейоративных *nomina pertinentia*, обозначающих **сторонников общественного деятеля, названного мотивирующим словом**: *giertychozaur* (← *Giertych*, председатель партии «Лига польских семей»), *kaczkozaur* (← *Kaczka* ← *Kaczyński* – Я. Качиньски), *lepperozaur* (← *Lepper* – А. Леппер, председатель партии «Самооборона»), *rydzykozaur* (← *Rydzik* – Т. Рыздик, ксёндз, директор радиостанции «Мария»), *tuskozaur* (← *Tusk* – Д. Туск). Ср.: «*Tuskozaur prowadzi nas do Parku Jurajskiego*» // www.polskaprasa2.pl/352605; «*Ten sejmowy kaczkozaur jest taki rozdrażniony*» // wiadomosci.onet.pl.

С помощью изофонных формантов *-оид/-оид*, которые этимологически представляют собой адаптированную основу греческого слова εἶδος (*eidōs*) [ˈidɔs] «вид, образ», в текстах российских, польских и чешских СМИ достаточно часто образуются пейоративные названия сторонников государственных и политических деятелей: русск. *ельциноид* (← *Ельцин*), *жириноид* (← *Жириновский*), *зюгановид* (← *Зюганов*), *медведовид* (← *Медведев*, президент РФ в 2008–2012 гг.), *путинид* (← *Путин*), *чубайсовид* (← *Чубайс*); польск. *balceroid* (← *Balcerowicz*), *giertychoid* (← *Giertych*), *kaczoroid* (← *Kaczor* = *Kaczyński*), *kwasoid* (← *Kwaśniewski*), *lepperoid* (← *Lepper*), *micchnikoid* (← *Michnik*), *rydzykoid* (← *Rydzik*), *tuskoid* (← *Tusk*), *urbanoid* (← *Urban*), *walęsoid* (← *Wałęsa*). Ср. также чешск. *havloid* (← *Havel*, «о стороннике Вацлава Гавела, президента Чехии в 1993–2003 гг.»), *klausoid* (← *Klaus*, «о стороннике Вацлава Клауса, президента Чехии в 2008–2013 гг.»), *zemanoid* «о стороннике Милоша Земана, социал-демократа, президента Чехии, выбранного в январе 2013 года»).

Структурные элементы *-оид*, *-оид* являются новыми регулярными суффиксоидами, так как: 1) со значением ‘умственно недоразвитый сторонник лица, названного производящей основой’, они повторяются в достаточно большом количестве неодериватов; 2) их метафорическое значение в составе экспрессивных *nomina pertinentia* отличается как от значения исходной греческой корневой морфемы εἶδος (‘вид, образ’), так и от значения ‘подобие’, передаваемого изофонными суффиксами. Созданию пейоративных отонимических

nomina pertinentia с суффиксоидами *-oid*, *-oid* сопутствует т.н. «формально-семантическая конденсация».

В контекстах, где появляются пейоративные отонимические nomina pertinentia на *-oid/-oid*, присутствуют обычно оценочные предикативы, nomina qualificativa с суффиксами субъективной оценки, а также инвективы, ср.: «**Коммуняки** и *жириноиды* в Думе...» //gazeta.spb.ru>653064-0/; «На «Эхе Москвы» Сванидзе, *путиноид тупорылый*, заявил недавно, что всё, что делается в стране, всё это по желанию народа» //teenslang.su/id/9211; «A że *kaczoroid* wcześniej krytykował poznańskich za to? **Drobiazg**» //republika.pl; «Pisowiec **jest jeszcze człowiekiem. Tuskoид już nie**» //damasiewicz.salon24.pl/; «...*zemanoid* či *zemanista* – definován jako příznivec M. Zemana...; – No, předně – je **ubohé** někoho nazývat *havloid*, *klausoid*, *zemanoid*...»; «*Havloid* je duševním **mrzákem**, vesměs živen z veřejných peněz...» //www.pojednanicko.cz/clanky/1-kauzy/136-kdy-prijde-okamzik-pravdy).

Переосмысление значения терминоэлементов *-zavr/-zaur*, *-оголик/-oholik*, *-oid/-oid*, изменение их прагматико-стилистических функций стимулировало словообразовательные процессы, которые привели к возникновению новых словообразовательных типов, объединяющих пейоративные отонимические nomina pertinentia на основании общих формально-структурных и семантических признаков. Пейоративные отонимические названия сторонников политических деятелей, созданные с помощью суффиксоидов *-zavr/-zaur*, *-оголик/-oholik*, *-oid/-oid*, обладают свойством «сгущения» смыслов и стилистической полифункциональностью, так как выражают не только аффективно-эмоциональную, но и социально-экспрессивную оценку номинируемых объектов, давая представление о «среде», обстановке, обстоятельствах, где данные экспрессивизмы употребляются наиболее естественно и часто. Актуализация пейоративных отонимических nomina pertinentia в массовой коммуникации свидетельствует о ценностном отношении коммуникантов к первым лицам государства, к фактам и событиям общественной жизни.

Появление пейоративных отонимических nomina pertinentia в медийных текстах обусловлено разрушением стилистических барьеров, усилением тенденций антропоцентризма, повышенной степенью эмоционально-волевого состояния социума, его терпимостью к вульгарному и бранному словоупотреблению, а также стратегией близости к адресату, характерной для большинства постсоциалистических СМИ.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА, ИСТОЧНИКИ МАТЕРИАЛА:

Национальный корпус русского языка – <http://www.ruscorpora.ru>

Český národní **korpus** – <http://korpus.cz>

Databáze heslářů slovníků Ústavu pro jazyk český Akademie věd České republiky. –<http://lexiko.ujc.cas.cz/heslare/search.php>

<http://lurkmore.to>

Merriam-Webster Dictionary – www.m-w.com

Mifflin Company 2000 – www.bartleby.com

Narodowy Korpus Języka Polskiego – <http://www.nkjp.pl>

The American Heritage® Dictionary of the English Language. Fourth Edition. Houghton.

Wyrrwas, K. (2006): *Rywingate i pracoholik – derywaty sufiksalne czy złożenia?* – http://www.poradniajezykowa.us.edu.pl/artykuly/KW_rywingate.pdf

ЛЮБОВЬ КОНСТАНТИНОВНА КРЫЛОВА

Россия, Нижний Новгород

ДРЕВНЕРУССКАЯ ЦЕРКОВНАЯ ПУБЛИЦИСТИКА И ФОРМИРОВАНИЕ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО СТИЛЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

ABSTRACT:

Old Russian Church Reading and the Development of Russian Publicistic Style

The article deals with one of the most topical issues of historical Russian studies – the problem of development of the style system. The attempt is made here to determine the genetic relationship between modern publicistic style and XI–XVII Old Russian Church Reading.

KEY WORDS:

Historical stylistics – style – reading – genre – function.

В настоящее время отечественная лингвистика располагает большим количеством фундаментальных исследований по истории русского языка. Так, например, в значительной степени изучен грамматический строй языка древнерусского и старорусского периодов. В последние десятилетия одним из новых направлений в историко-лингвистических исследованиях становится функциональное изучение языковой системы; в отдельную область науки об истории русского языка выделяется историческая стилистика. Сегодня исследования в этой области приобретают все большую актуальность. Продолжается теоретическая разработка наиболее сложных и дискуссионных проблем в сфере исторической стилистики: функционально-стилевая дифференциация древнерусского и старорусского языка (речи), возможность и правомерность выделения в литературном языке донационального периода различных стилей, сложное соотношение жанров (как функционально обусловленных форм) и стилей. Однако до сих пор в исторической стилистике остается нерешенным вопрос о том, как происходило в русском языке формирование отдельных функциональных стилей, какие жанрово-функциональные разновидности предшествовали последующему выделению того или иного стиля.

В данной статье рассматривается функциональная направленность памятников отечественной церковной публицистики XI–XVI вв. («Слова» и «Поучения» Феодосия Печерского, Кирилла Туровского, Серапиона Владимирского, «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона, «Послания» Нила Сорского, «Слова» Иосифа Волоцкого, митрополита Даниила, Максима Грека), на основе данных морфологического анализа определяется собственно лингвистическое значение этих текстов для последующего формирования публицистического стиля русского языка.

Начало формирования системы функциональных стилей в русском языке относится ко второй половине XVII в. Этот процесс был непосредственно связан с постепенным образованием языка русской нации. Возникновение самостоятельных структурно-функциональных разновидностей, каждая из которых была отмечена специфичной речевой структурой, особой организацией языковых средств различных уровней, происходило на основе единого литературного языка. Всеми исследователями по истории русского литературного языка признается, что оформление публицистического стиля в его основных чертах приходится главным образом на XIX в. Однако признавая стиль исторически изменчивым явлением, «исторически сложившейся разновидностью литературного языка» [Ефимов 1961: 15], многие лингвисты предлагают искать истоки становления стилей и «ряда их основных специфических стилистико-функциональных черт и соответствующих значений у некоторых языковых единиц» [Кожина 2008: 175] в более раннюю эпоху, т.е. в донациональный период истории русского литературного языка. Так, некоторые исследователи (Ефимов А. И., Ковалевская Е. Г., Михайлов М. М., Будовниц И. У.) считают, что у истоков формирования публицистического стиля стоят первые образцы светской публицистики XV–XVI вв. Например, А. И. Ефимов, указывая на этот факт, говорит о том, что в связи с формированием и развитием публицистики в XV–XVI вв. начинают оформляться и складываться элементы публицистического стиля [Ефимов 1961: 61]. Характеризуя языковые особенности этих текстов, ученые отмечают, что светская публицистика совмещает в себе церковно-книжную лексику с переносно-метафорическим значением, традиционные риторические приемы (сравнения, яркая образная система, риторические вопросы), общественно-политическую и бытовую лексику. Что касается функциональной направленности памятников *светской* публицистики, то следует отметить, что полемические произведения Ивана Пересветова, Андрея Курбского, Ивана Грозного, Максима Грека, Зиновия Отенского появились как своеобразный отклик на события, происходящие в государстве, они должны были не только оценивать те или иные факты, но и убеждать читателя (слушателя), воздействовать на него. В целом эти сочинения вполне отвечали духу своего времени, эпохе, отмеченной политической борьбой, идеологическими противоречиями, острыми социальными проблемами, которые, по мнению многих исследователей, впервые нашли свое отражение в публицистике. Однако идентичные функции выполняли и произведения *церковной* публицистики: древнерусские проповедники также апеллировали к предполагаемому адре-

ту, полемизировали, убеждали, а главное – эмоционально воздействовали на читателя (слушателя). Функция воздействия проявлялась при этом не только в дидактических «словах» и «беседах», но и в текстах торжественного красноречия, где автор, прославляя Бога, Богородицу или святого, всегда (иногда – прямо, иногда – опосредованно) проповедовал, утверждал истинность правой веры, аргументировано доказывал (прежде всего путем использования цитат и ссылок на наиболее авторитетные источники) и отстаивал если не свое личное мнение, то мнение Церкви. Отметим также, что уже ранняя церковная публицистика XI–XIV вв. нередко выходила за пределы собственно религиозной или духовной проблематики: поводом для поучения, пастырского наставления могли служить важнейшие вопросы общественной и политической жизни (татаро-монгольское нашествие, междоусобицы, деятельность князя как политика и просветителя и пр.). Естественно, что в период XV–XVI вв. не только светская, но и церковная публицистика начинает отвечать новым требованиям общества – борьбе с ересями, сохранению традиций Православия, укреплению государства и т.п. Уже первые древнерусские памятники торжественного и учительного красноречия характеризовались особыми риторическими приемами (сравнениями, метафоричностью, образованием контекстных синонимов и антонимических пар, использованием риторических вопросов и цитат, ритмической организацией текста и т.д.), которые способствовали успешному выполнению основных коммуникативных задач текста. Многие из этих приемов унаследовала светская публицистика, впоследствии они стали характерным признаком публицистического стиля. Таким образом, уже в памятниках торжественного и учительного красноречия XI–XIV вв., а затем и XV–XVI вв., впервые вырабатываются предпосылки для формирования публицистического стиля, о чем свидетельствует общая *функциональная направленность* таких текстов.

Одним из важнейших вопросов в области исторической стилистики является вопрос о том, на какой языковой базе формировались отдельные стили, как происходило становление и развитие стилистических средств различных языковых уровней, какие стилевые категории участвовали в этом сложном процессе. Зачастую историко-стилистический анализ сводится лишь к исследованию «лексики и фразеологии с образной семантикой» [Тарланов 1990: 11]. Однако очевидно, что употребление единиц самых разных языковых уровней может определять жанрово-стилевую специфику того или иного текста. Так, например, различные грамматические формы в их количественном соотношении, в их частотности, регулярности или эпизодичности способны выступать в качестве стилистического маркера. В ходе морфологического анализа памятников церковной публицистики XI–XVI вв. были установлены определенные закономерности в области количественного распределения грамматических форм и категорий имени существительного. Рассмотренные тексты в целом характеризуются достаточно высокой активностью слов среднего рода; большой долей существительных, употребленных в единственном числе, среди которых широко представлены слова *singularia tantum*; частотностью именительного и (или) винительного падежей, сохранением большого количества исконных форм в большинстве древнейших

словоизменительных типов. Выявленные количественные закономерности позволяют определить общий характер функционирования имени существительного во всех обследованных памятниках церковной публицистики. Различные группы церковно-публицистических произведений, характеризующихся особой функциональной и коммуникативной направленностью, спецификой темы и содержания, обнаруживают существенные расхождения в функционировании грамматических единиц. Определенная грамматическая «подвижность», выявленная в ходе количественного анализа, проявляется прежде всего в употреблении категорий рода и падежа. Функционирование категории числа в меньшей степени зависит от внутрижанровых и тематических различий памятников торжественного и учительного красноречия. Указанные факторы также не влияют на состояние деклинационной системы существительного в исследованных памятниках церковной публицистики. Сопоставление полученных количественных данных с количественными показателями функционирования имени существительного в иных памятниках (летописно-хроникальных, деловых, канонических и др.) соответствующих хронологических срезов указывает на существенные жанрово-стилевые отличия в употреблении отдельных категорий и форм этой части речи. В большей степени расхождения затрагивают категории рода и падежа, а также ряд падежно-числовых форм, флексии которых варьируются в зависимости от жанрово-стилевой принадлежности текста. Менее выражена жанрово-стилевая обусловленность функционирования грамматической категории числа.

Лингвистический анализ функционирования грамматических категорий имени существительного позволяет увидеть активное действие тенденции формирования морфологической специфики текстов определенной жанрово-стилевой принадлежности. Выявленные закономерности употребления морфологических единиц в памятниках церковной публицистики указывают на то, что для рассмотренных текстов могут быть определены не только традиционно выделяемые лексические и синтаксические средства стилистического употребления, но и морфологические особенности. Полученные результаты в целом доказывают, что становление стилей было длительным и сложным процессом, который сопровождался развитием стилеобразующих функций различных языковых средств.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- БУДОВНИЦ, И. У. (1960): *Общественно-политическая мысль Древней Руси* / И. У. Будовниц. – М. – 460 с.
 БУДОВНИЦ, И. У. (1947): *Русская публицистика XVI века* / И. У. Будовниц. – М.-Л., – 311 с.
 ЕФИМОВ, А. И. (1961): *История русского литературного языка* / А. И. Ефимов. – 3-е изд., испр. – М.: Учпедгиз. – 322 с.
 КОВАЛЕВСКАЯ, Е. Г. (1992): *История русского литературного языка* / Е. Г. Ковалевская. – 2-е изд., перераб. – М.: Просвещение. – 303 с.
 КОЖИНА, М. Н. (2008): *Стилистика русского языка: учебник* / М. Н. Кожина, Л. Р. Дускаева, В. А. Салимовский. – М.: Флинта: Наука. – 464 с.
 МАЧУЛЬСКАЯ, С. А. (2004): *Структура и функции отрицательных высказываний в русской публицистике XVI века*: автореф. дис... канд. филол. наук / С. А. Мачульская. – Петрозаводск. – 22 с.
 МИХАЙЛОВ, М. М. (1968): *Стилистика русской речи* / М. М. Михайлов. – Чебоксары. – 341 с.
 ТАРЛАНОВ, З. К. (1990): *О предмете и задачах исторической стилистики русского языка* / З. К. Тарланов // Историческая стилистика русского языка: межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. З. К. Тарланов. – Петрозаводск. – С. 4–15.

СВЕТЛАНА ГЕННАДЬЕВНА КРЫЛОСОВА, ВАЛЕНТИН ИОСИФОВИЧ ТОМАШПОЛЬСКИЙ
Франция, Париж; Россия, Екатеринбург

СИНКРЕТИЧЕСКИЕ КОЛОРИСТИЧЕСКИЕ НЕОЛОГИЗМЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

ABSTRACT:

Color Syncretic Innovations in Contemporary Russian

The article deals with two types of color syncretic innovation in Russian language: 1) *cveta ajvori / ajvori*, 2) *cveta spelaja višnja / spelaja višnja*. We discuss the potential possibilities of the Russian language in the field of color terms innovation and try to explain the analytical models of new color terms.

KEY WORDS:

Color terms – coloristic innovations – drawing – modern Russian language – syntax identifiers – analytical morphology – invariability.

Введение

Данная статья, в которой рассматриваются некоторые виды синкретических неологизмов, используемых для обозначения цвета, подготовлена по материалам исследования языка современной моды. Источниками послужили так называемые женские журналы, журналы мод и интернет-форумы, посвящённые модным тенденциям в одежде, последних 15 лет.

Перелистывая женские журналы советского времени («Работница», «Крестьянка», «Модели сезона»), легко заметить, что в описаниях одежды используется относительно небольшой набор цветообозначений, практически не оставляющий места для фантазии (*голубой, тёмно-красный, изумрудный и т.п.*). С 1990-х годов XX века ситуация кардинально меняется. На российском рынке появляется множество привозных товаров (одежда, косметика, автомобили и др.). Вместе с товарами импортируются цветообозначения, часто неотделимые от товара и используемые для его описания. Эти способы обозначения цвета, иногда непривычные для русскоязычного потребителя, становятся моделью для создания новых цветоименований.

В современных модных изданиях на русском языке встречается большое число разнообразных неологизмов. Среди них: 1) прямые заимствования (*ультра блю, айвори, шампань*); 2) семантические неологизмы (*долларовый отлив, цвет кока-колы, клубничное мороженое*); 3) словообразовательные неологизмы (*ультрарозовый, суперсиний*); 4) новые синтаксические модели (*цвет баклажан, цвет тёмное пиво*).

Мы рассмотрим два типа колористических инноваций, характерных для конца XX – начала XXI века.

1. Идентификатор «цвет» + несклоняемое имя, или Элегантность цвета айвори

К первому типу относятся цветообозначения, образованные на базе неизменяемых заимствованных колористических терминов (модель «неизменяемое цветное слово»). В русском языке такой тип колористических слов известен довольно давно, но их число до 1990-х годов прошлого века было ограничено. *Беж, бордо, индиго, маренго, сомон, фрез, хаки, электрик* засвидетельствованы словарями русского языка XX в. и упоминаются во многих школьных и вузовских учебниках по русскому языку в качестве примеров частеречной омонимии.

Принято считать, что список таких несклоняемых цветообозначений если не закрыт, то пополняется крайне редко. Считается, что такие цветоименования означают сложные оттенки, для которых не существует семантических аналогов в русском языке. Есть также мнение (не вполне соответствующее действительности), что в языках-источниках многие из этих слов не являются цветообозначениями [Приорова 2012: 27].

Между тем, наше исследование показывает, что в последние два десятилетия число цветообозначений этого типа заметно увеличивается.

Во-первых, на страницы журналов мод возвращаются некоторые французские заимствования, оказавшиеся почти забытыми в советский период. Так, замечательный историк моды Р. М. Кирсанова датирует последнее употребление цветообозначения *перваниш* 1913 годом и связывает его с балом при дворе в честь 300-летия дома Романовых [Кирсанова 1995: 208]. И вот, в начале XXI в., почти через сто лет, словосочетание *цвет перваниш* вновь появляется в модных журналах:

(1) *Лакруа не только искусно перемешал все цвета радуги и их оттенки, но представил редкие, забытые нюансы красок. Что **цвет индиго, айвори, само, пьяной вишни** или **электрик** – дизайнер вспомнил даже **цвет перваниш** (Известия, 2004).*

Во-вторых, в большом количестве появляются действительно новые несклоняемые цветообозначения. Чаще всего мы имеем дело с транслитерацией или транскрипцией английских наименований цвета: *айвори, бургунди, серебря, пинк* и т.д. В некоторых случаях речь идёт о так называемых трансплантах, когда слово сохраняет исходное написание (*джинсы deep blue, платье цвета camel*). Важно отметить, что практически все англицизмы, за исключением терминов, относящихся к цвету джинсовой ткани (*стоун, стоунвош*), имеют эквиваленты в русском языке (что скорее редкость для французских заимствований XIX в.):

(цвет) айвори → цвет слоновой кости, (цвет) кемэл, camel → цвет верблюжьей шерсти, (цвет) милитари → защитный, хаки, (цвет) эмеральд → изумрудный.

Можно, конечно, предположить, что несклоняемые заимствования используются в целях языковой экономии (айвори короче, чем цвет слоновой кости). Однако легко заметить, что, используя эти неологизмы, авторы исследуемых текстов почти всегда считают необходимым сопроводить их небольшим комментарием, переводом. Так, цветообозначение айвори часто в скобках «переводится» как *молочный, цвета топленого молока, кремовый, нежно-кремовый, цвета слоновой кости, цвета шампанского, брызги шампанского* и т.д.). Таким образом, речь тут прежде всего идёт не об экономии, а об оригинальности, свежести, престижности нового заимствования по отношению к русскому или хорошо освоенному русским языком слову или словосочетанию. В следующем примере несклоняемое слово *стоун* (от англ. *stone*, употребляемого в языке-источнике для обозначения цвета обычной джинсовой ткани), равно как и обозначаемый им оттенок неожиданно получают статус «аристократических»:

(2) *Французский дом Hermès как всегда в своём репертуаре. Он предлагает в основном тёмные аристократические тона. От цвета «стоун» (цвет камня) до чёрного* (www.kleo.ru, 2002).

И ещё один любопытный пример из Интернета. Очевидно, используя слово айвори для описания цвета свадебного платья, автор объявления приводит дополнительный аргумент в пользу элегантности и изысканности своего товара:

(3) *Продаю элегантное свадебное платье. Элегантное, без рюшек и оборок, не «баба на самоваре», цвет айвори* (по-другому, *шампань*) (www.modnaya.ru, 2004).

На наш взгляд, именно то, что подобные цветообозначения подчёркивают оригинальность, престижность, определяемого предмета (кстати, идентификатор «цвет» в них часто сопровождается модификаторами *элегантный, благородный, редкий, стильный*, усиливающими мелиоративную семантику заимствования: *актуальный цвет бургунди*), во многом повлияло на возникновение и распространение в языке моды и рекламы второй модели:

2. Идентификатор «цвет» + склоняемое имя в именительном падеже, или
Какие туфли подобрать к платью цвета персик.

Ко второму типу относятся производные адаптированные цветочные слова, образованные от исконных или заимствованных существительных. В словосочетаниях, образованных по модели *цвета вишня* → *вишня*, потенциально изменяемый зависимый компонент, употребляется в именительном падеже.

Цветовые слова второго типа присоединяются к первому типу, т.к. они фактически утрачивают изменяемость (по падежам и по числам). В русском языке такие цветообозначения – относительно новое явление. Они употребляются наряду или вместо более традиционных образований: *вишня / цвета вишня* вместо *вишневого цвета, цвета вишни*¹.

¹ Впрочем, не для всех словосочетаний из нашего материала такая трансформация возможна. Ср.: *цвет дипломат* не превращается ни в **дипломатический цвет*, ни в **цвет дипломата*.

Цветовые слова этого типа, как и в предыдущем случае, могут употребляться (а) с идентификатором (*оттенки, цвет*) или (б) без идентификатора. И для цветового слова, и для идентификатора, допустимо сочетание с модификатором или интенсификатором, например: (а) *цвет баклажан, цвет зелёное яблоко, экзотический цвет «лосось»*, (б) *орех, малахит, нежный изумруд, тёмная бирюза*.

В исследуемом нами материале словосочетания типа *свитер цвет(а) зелёное яблоко* употребляется чаще всего в каталогах (нередко переводных) или в комментариях к фотографиям той или иной модели, где они дополняют изображение и, можно подумать, что зона их употребления невелика. Однако легко заметить, такие конструкции довольно быстро распространились из языка моды и рекламы в язык Интернета:

(4) *Нужен совет. У дочери выпускной, хочет платье цвета персик. Какие туфли к нему пойдут? Бежевые, или коралловые, или коричневые?* (www.eva.ru, 2012)

(5) *Допускается ли сочетание: костюм цвета «мокрый асфальт» + темно-синяя сорочка + белый однотонный галстук?* (www.otvet.mail.ru, 2010)

Одним из принципиальных отличий таких цветовых слов от цветообозначений первого типа, содержащих заимствование, является то, что их первое значение в русском языке – не цветовое. Поэтому для того, чтобы их распознать, нужен сильный идентифицирующий контекст. Так, вполне допустимой кажется фраза *Айвори мне не идёт* и весьма сомнительной – **Вишня мне не идёт*. Ср., однако, допустимое высказывание в идентифицирующем контексте: *Светло-красные оттенки ей к лицу, а вишня совсем не идёт*.

(6) *Адекватная цветовая «десертная» гамма – горячий шоколад, вишневый пирог, клубника со взбитыми сливками, сочный апельсин. Следует присмотреться к этому дизайнеру* (www.lpb.ru, 2004).

(7) *Шоколад плюс вишня – эффектная пара!* (*Лиза*, 2002).

В последнем примере идентификатор отсутствует, что придает заголовку дополнительную экспрессивность, привлекая внимание читателя и потенциального покупателя.

Итоги

Наше исследование позволяет сделать несколько выводов:

1. В языке современной моды и цветообозначений особого внимания заслуживают два типа колористических инноваций.

2. К первому типу, построенному по модели «Идентификатор *цвет* + несклоняемое имя» (туфли цвета *айвори*), относятся преимущественно несклоняемые заимствованные цветообозначения.

3. Ко второму типу, построенному по модели «Идентификатор *цвет* + склоняемое имя в именительном падеже» (платье цвета *персик*), относятся новые несклоняемые цветообозначения, складывающиеся в результате особого употребления потенциально склоняемых существительных. Их употребление в одной и той же падежной форме (в именительном падеже) воспринимается

как неизменяемость, в результате чего они фактически примыкают к первому типу.

3. В современном употреблении несклоняемые цветообозначения обычно дублируют склоняемые, однако выбор нередко делается в пользу несклоняемых, т.е. аналитических цветоименований, поскольку они отличаются особой экспрессивностью, привлекающей внимание читателя и потенциального покупателя.

4. Нарастание аналитизма, наблюдаемое в языке современной моды, вместе с колористическими инновациями проникает в разговорную речь, что приводит к активизации аналитических тенденций в русском языке в целом.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- КИРСАНОВА, Р. М. (1995): *Костюм в русской художественной культуре 18 – первой половины 20 вв.: опыт энциклопедии*. БРЭ, М.
- КРЫСИН, Л. П. (2000): *Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни*. In Русский язык конца XX столетия (1985–1995). «Языки русской культуры», М., с. 142–161.
- ПРИОПОВА, И. В. (2012): *Несклоняемые имена в языке и речи*. «Флинта», М.
- GREIMAS, A. J. (2000) : *La Mode en 1830. Langage et société : écrits de jeunesse*. PUF, Paris.
- KRYLOSOVA, S. (2005) : *Contribution à l'étude lexico-sémantique des dénominations chromatiques en russe et en français*, thèse de doctorat, Nancy.

НАТАЛИЯ КУБОВА

Чехия, Оломоуц

ПОРЯДОК СЛОВ В РУССКОМ И ЧЕШСКОМ ЯЗЫКЕ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ СТИЛЕ

ABSTRACT:

Word Order in Russian and Czech Journalistic Style

The article focuses on the specialities and typical attributes of Russian and Czech journalistic style on syntactic level (subjective word order, segmentation, parcellation of the sentence, interpositional word order, enlargement of the topic etc.). The article reminds the differences in syntactic structure between these languages and shows the most common mistakes made in the journalistic texts.

KEY WORDS:

Word order – journalistic style – segmentation – parcellation – interpositional word order – enlargement of the topic – topic/comment.

Публицистический стиль является довольно сложным явлением, что вызвано неоднородностью его задач. Как чешские, так и русские лингвисты выделяют информационную и воздействующую функции, соотношение которых придает текстам публицистического стиля их специфический характер.

Публицистические тексты отличаются по своему жанру (репортаж, статья, очерк, корреспонденция), определяющему «окрашенность текста личными эмоциями пишущего», выбор лексики и синтаксический строй [Солганик 1970: 20–22], средой своего существования (газеты, журналы, радио, телевидение, интернет), а также индивидуальным стилем автора.

По своей природе публицистический стиль тесно соприкасается с художественным, а также с разговорным стилем. Появление в газетах значительного количества разговорных конструкций стало отличительной чертой публицистики последних десятилетий. Качественные издания подвержены данной тенденции в меньшей степени, однако даже они не способны сопротивляться ей.

Как замечает К. А. Рогова, важной синтаксической чертой современной публицистики является тенденция к сокращению использования сложносочиненных предложений, в то время как «объединение семантически разнопла-

новых предложений в рамках сложносочиненной модели» типично для классической прозы с присущей ей связностью [Рогова 1975: 20]. Наиболее часто парцелляция сложносочиненного предложения наблюдается при союзе *но*, а также у союзов *а*, *и*.

Туроператоры практически прекратили предлагать поездки в Египет. Но много путевок было продано заранее, еще до заявления МИДа.

До конца года единую службу спасения планируют сделать в девяти регионах и крупных городах. А до 2017 года – полностью перевести все службы экстренной помощи на новый порядок работы.

В дивизию «Галичина» набирали только добровольцев. И на 13 с небольшим тысяч мест было подано свыше 82 тысяч заявлений.

Доля рациональности в нас все же есть. Но ею тоже могут манипулировать профессиональные продавцы.

Lékárna se takto rozhodla svést bitvu o zákazníky. A zdaleka není jediná.

Určitou část z nich někdo dokonce vozí do sběrnů. A dost na tom vydělává.

Причину данной тенденции Рогова видит в проявлении принципа актуального членения предложения, аргументируя тем, что актуальное членение сложного предложения выражено менее четко, чем простого, что объясняется большим количеством факторов (синтаксических, стилистических, семантических и других), влияющих на него [Рогова 1975: 21]. Именно четко выраженное актуальное членение предложения является важной чертой публицистического текста, поскольку коммуникативная задача последнего требует выделения ремы, что связано с воздействующей функцией данного типа текста и, в частности, с наличием реального или предполагаемого собеседника.

Для публицистического стиля также типично использование **инверсии**, т.е. **субъективного порядка слов**, при котором рема, являясь носителем экспрессивного ударения, располагается перед темой и, таким образом, может выражать эмоциональную окрашенность текста:

Не понимают они вас.

Похоже, вы за Собянина голосовать будете...

Ta matka jí záměrně doručí?

Данное явление также наиболее типично для простых предложений. По нашим наблюдениям, особенно часто субъективный порядок слов употребляется в жанре интервью, отражая особенности разговорного стиля. Однако субъективный порядок слов в публицистическом стиле далеко не всегда мотивирован эмотивностью. Довольно часто он употребляется в начальных предложениях газетных статей, в телевизионном и радиовещании. Член, перемещенный в начало предложения и являющийся его ремой, также является темой всей новости, его размещение именно в начале сообщения мотивировано стилистически, стремлением поместить акцент на самой важной информации при максимальной краткости и экономии времени. В газетах он бывает напечатан более жирным шрифтом, чем следующая часть предложения:

Новые правила проверки на состояние алкогольного опьянения ждут водителей.

Усыновить детей решила директор школы в деревне Сенное Брянской области, чтобы спасти школу от закрытия.

Более 40 сценариев было представлено на Первом всероссийском открытом конкурсе «Кинопризыв».

Téměř dvě miliardy letáků ročně roznáší největší firma v oboru Česká distribuční.

Venkovní světelné instalace, projekce na historické budovy i noční plavby za světlem po Vltavě nabídnou první festival světla v Praze.

Рогова также считает отличительной чертой публицистического текста (или, по крайней мере, индивидуального стиля некоторых авторов) **сегментацию** – «выделение (синтаксическое, интонационное) части высказывания» [Рогова 1975: 53]. Наиболее часто встречается конструкция с именительным темы, отделенным от основного высказывания:

Иномарки – с ними отдельная история.

Импортные пошлины. Далеко не все они были снижены.

Подобные конструкции сигнализируют о переходе к новой теме или к следующему пункту, вопросу главной темы.

Для чешского языка подобное явление не слишком типично, сегментация проявляется только в заголовках:

Partáči, dárky nebo setkání s ministrem. Začal nový školní rok.

Advokát Němec: poslanec, Sobotkův podřízený i podezřelý místostarosta.

Для публицистического стиля весьма типично размещение **детерминанта**, часто выраженного обстоятельством места или времени, в начале предложения. Для размещения обстоятельства места не существует твердого правила, входя в одну коммуникативную группу с предикатом, оно может располагаться в препозиции или в постпозиции, однако для публицистического стиля более типична препозиция:

В Йемене совершено покушение на премьер-министра.

В Санкт-Петербурге раскрыта старая схема обналичивания денежных средств.

Вчера апелляционная инстанция Мосгорсуда рассмотрела жалобу адвокатов Александра Милушкина.

V neděli dopoledne zasahovali policisté v obci Chotusice na Kutnohorsku.

V Ostravě-Porubě od úterního odpoledne hořel seník s třemi tisíci balíky slámy.

Особенно часто данная тенденция проявляется в начальных предложениях.

Перечисленные явления связывают публицистический стиль с разговорным. Что касается элементов книжных стилей, в публицистике наблюдается тенденция к размещению **деепричастных оборотов**, несущих интонационное ударение, между подлежащим и сказуемым, что, как указывает Рогова, подчеркивает «коммуникативное напряжение внутри высказывания» [Рогова 1975: 65]. Подобное размещение не является правилом, мы можем говорить только о тенденции:

Столкновения и беспорядки, начавшись в столице, быстро распространяются на другие города и районы Египта.

О том, как существующее в России налогообложение нефтегазового комплекса, выполняя сиюминутные фискальные задачи, вынуждает компании оставлять в недрах большую часть нефти, рассказала Наталья Иванова, академик и первый заместитель директора Института мировой экономики и международных отношений РАН.

Следующим элементом книжного стиля является **обмыкание**, довольно часто встречающееся в разных жанрах публицистики:

Пресс-секретарь президента Дмитрий Песков сообщил, что в нем, в частности, примет участие курирующий отрасль вице-премьер Дмитрий Rogozin.

*Вместе со «Звездой» консорциуму может достаться еще несколько **входящих в него предприятий.***

***Возникающая при смене НПФ ситуация** в законопроекте описана не до конца.*

При переводе на чешский язык необходимо помнить, что он отдает предпочтение другому порядку слов:

*Ve **squateru obsazeném vybydleném domě** na Pohořelci má sídlo sto firem.*

***Pro tyto země nová nabídka** oslovila hodně lidí.*

Как указывает Л. Углиржова, в публицистическом стиле нередко встречается явление, при котором **тематическая часть высказывания значительно больше** и, зачастую, информативнее, чем рематическая часть. Важная часть информационного содержания перемещается в тему, в то время как в реме остается общая, неконкретная информация [Uhlířová 1985: 285]. Таким образом, в высказывании сохраняется объективный порядок слов, что помогает высказыванию сохранять деловой, информативный характер. Размер темы также обусловлен ее синтаксической развитостью:

***Программа предоставления материнского капитала семьям, в которых появился второй или последующие дети, по действующему закону** рассчитана до конца 2016 г.*

***22-летнему выпускнику педагогического факультета Белгородского государственного университета, который окончил вуз с красным дипломом,** чиновники предложили должность директора сельской школы.*

***Муž, který do tradičního lídra klasické analogové fotografie přišel s úkolem proměnit jej tak, aby obstál v digitální éře,** neuspěl.*

***Elsner, který v roce 2012 získal titul švýcarský Podnikatel roku mimo jiné za „fascinující práci se zaměstnanci“,** to dokázal.*

Специфичность условий, в которых часто возникает текст публицистического стиля, нередко приводит к появлению ошибок. Так, например, неакцептирование роли актуального членения предложения приводит к неоднозначности высказывания, таким образом, нарушая одну из наиболее главных функций публицистического текста – информативную:

*В Смоленской области произошла авария. Автобус, перевозивший 48 пассажиров, перевернулся после столкновения с грузовым автомобилем. На перекрестке **автобус протаранил камаз.***

Из данного отрывка неясно, кто из упомянутых объектов стал производителем действия.

Таким образом, для синтаксической структуры публицистического стиля в русском и чешском языках характерны определенные специфические особенности, соблюдение которых является весьма важным при создании текстов или при их переводе.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

РОГОВА, К. А. (1975): *Синтаксические особенности публицистической речи.* Л.: Издательство Ленинградского университета.

СОЛГАНИК, Г. Я. (1970): *Стиль репортажа.* М.

UHLÍŘOVÁ, L. (1983): *Aktuální členění a styl jazykových projevů (na materiále z publicistických textů).* In Slovo a slovesnost. R. XLIV. Praha: Nakladatelství československé akademie věd. s. 284–293.

UHLÍŘOVÁ, L. (1987): *Knížka o slovosledu.* Praha: Academia.

Примеры взяты из газет «Аргументы и факты», «Комсомольская правда», «Коммерсант», «Московский комсомолец», «Российская газета», *Hospodářské noviny*, *Lidové noviny*, *Mladá fronta dnes*, *Právo*.

НАТАЛЬЯ КУЗНЕЦОВА

Россия, Тюмень

СОЧЕТАНИЕ «КОНЕЧНО НАВЕРНО(Е)»: АНОМАЛИЯ ИЛИ НОРМА?

ABSTRACT:

The Collocation “Surely Probably”: an Anomaly or a Standard?

The collocation “surely probably” is widely used in modern Russian. The modal words “surely” and “probably” are traditionally treated as markers of different degrees of probability in an utterance, and at first sight the given collocation seems anomalous. The author of the article discusses the factors which enable to spread the collocation in modern Russian.

KEY WORDS:

The collocation “surely probably” – modal words – modality – utterance – likelihood – probability.

В современной русской речи распространено сочетание «конечно наверно(е)». На первый взгляд, это сочетание аномально: модальные слова «конечно» и «навверно(е)» традиционно рассматриваются как показатели разной степени достоверности высказывания. В докладе обсуждаются факторы, способствующие распространению данного сочетания в современной русской речи.

Несколько лет назад на популярном в России интернет-сайте «Ответы@ mail.ru» появился обращенный ко всем посетителям сайта вопрос от пользователя по имени Анна (здесь и далее орфография и пунктуация источников сохранена; в целях экономии места гиперссылки на сайты, на которых обнаружены высказывания, не приводятся): *Самая нелепая фраза в вашем лексиконе? моя – «конечно – навверно»*. Поисковые системы Интернета свидетельствуют, что сочетание *конечно навверно* не является исключительно принадлежностью индивидуального «лексикона» Анны: Яндекс выдает 6 тысяч контекстов употребления этого сочетания, Гугл – ≈155 тысяч. Еще более массовым является употребление сочетания *конечно навверное*: 17 тысяч и ≈484 тысячи соответственно. Сделаем оговорку, что слова *навверно* и *навверное* авторы словарей современного русского языка [Кузнецов 2002: 369; Морковкин 2003: 202; Бурцева 2010: 276; Остроумова, Фрамполь 2009: 207; Пахомов, Свинцов,

Филатова 2013] единодушно считают дублетами. Наши наблюдения не дают оснований усомниться в этом (отметим лишь явное численное преобладание варианта *наверное* над вариантом *наверно*). Поэтому в дальнейшем сочетание, составляющее объект нашего исследования, будет передано как *конечно наверно(е)*. Вот типичные контексты употребления этого сочетания:

(1) Если вы хотите построить стены из глины, то сделать это возможно с помощью трёх способов. **Конечно, наверно** есть ещё много разных нюансов, построения, но суть при этом не меняется;

(2) **Конечно наверно** Вы не раз слышали про остров Крит и про Эгейские острова. Как ни странно, но именно эти два места являются самыми распространенными для дайвинга в Греции;

(3) ...я задержала лечение Супраксом из-за того, что страшно давать антибиотик второй раз за месяц... Глупо, **конечно, наверно**... Ну так вот, сегодня ночью начался жуткий влажный кашель. Ребенок даже спать не мог при таком кашле;

(4) **Конечно наверно** в идеале было замечательно использовать для салата Цезарь оливковое масло уровня – Вирджиния, но это не всегда возможно (будем надеяться, что хотя-бы в лучших ресторанах поступают именно так) и *наверное* не всегда нужно;

(5) Вчера слышал занятный «диалог»: ххх: Я **конечно, наверно**, об этом пожалею... Но, выходи за меня замуж...

Подобные примеры следует отличать от тех, в которых *конечно* и *наверно(е)* разделены точкой либо другим знаком препинания, показывающим, что они входят в разные высказывания, например: *Да да да, конечно! Наверное этот вопрос покажется вам слишком детским и глупым, но... Существует ли Дед Мороз?* Такие примеры в общей массе контекстов занимают незначительную долю. Единичны и случаи, когда эти слова используются в текстах о системе русского языка в качестве примеров лексем (напр.: *Исключения составляют лексемы всеконечно, конечно, наверно, следовательно, следственно, которые в словаре имеют отдельные словарные статьи*) или в опросах в качестве альтернативных вариантов ответа (*ты умный или умная? наверно; конечно; красивый или красивая? конечно; наверно; хочешь со мной дружить? наверно; конечно*). В основном же контексты, выдаваемые поисковыми системами, не оставляют сомнений в том, что следующие подряд *конечно* и *наверно(е)* относятся к одной и той же ситуации и не противопоставлены друг другу. Таких контекстов, как было уже сказано, многие тысячи.

Между тем, в системе русского языка слова *конечно* и *наверно(е)* противопоставлены друг другу по существенному признаку: они указывают на разную степень уверенности говорящего в достоверности высказывания. Если *конечно* указывает на высокую степень уверенности [Морковкин 2003: 172–173; Остроумова, Фрамполь 2009: 188; Бурцева 2010: 230–231], то *наверно(е)* – на неуверенность, предположение [Морковкин 2003: 202; Остроумова, Фрамполь 2009: 208; Бурцева 2010: 277].

Правда, у слова *наверно(е)* в словарях зафиксировано также значение «несомненно, точно», т.е. оно может выражать и уверенность говорящего (и тогда рассматриваемое нами сочетание должно расцениваться как плеонастичное), однако указывается, что это значение устарело [Остроумова, Фрамполь 2009: 208] и встречается в основном в художественной литературе XIX века [Пахо-

мов, Свинцов, Филатова 2013], а в современном употреблении заменяется на *наверняка* [Разлогова 1998: 315, 316]. Среди контекстов, выданных поисковыми системами Интернета, случаи, где *наверно(е)* имеет значение «несомненно, точно», хотя и встречаются (причем в современных текстах, в связи с чем нельзя говорить о том, что значение окончательно устарело), но единичны, ср.: – *И вы думаете, те монахи занесли в город чуму? – Конечно, наверно сказать нельзя, – признал Тургут, – но если в вашей песне говорится о тех же монахах...* (Костова Элизабет. Историк). По нашим наблюдениям, слово *наверно(е)* в значении «несомненно, точно» сейчас имеет ограниченную сочетаемость – только с лексемами, обозначающими обладание знанием (*знать, известно*) либо процесс его передачи (*узнать, сказать* и нек. др.); ср. приведенный выше пример. В большинстве выданных поисковыми системами Интернета контекстов сочетания *конечно наверно* эти лексемы отсутствуют.

Исходя из этих данных, нам ничего не остается, кроме как считать, что в подавляющем большинстве контекстов сочетания *конечно наверно(е)* слово *наверно(е)* является показателем неуверенности говорящего в достоверности высказывания. А значит, между ним и словом *конечно*, показывающим, напротив, высокую степень уверенности говорящего в достоверности высказывания, возникает логическое противоречие. Потому сочетание «конечно наверно» и можно назвать «нелепой фразой», как это сделала Анна, автор вопроса, приведенного нами вначале.

Но почему же эта «нелепая фраза» столь частотна? Безусловно, она является одним из многочисленных свидетельств общей «нежесткости, пластичности мышления человека в момент речетворчества, его языкового мышления» [Гак 1998: 32], что провоцирует ее «осциллирующую интерпретацию», подобно интерпретации сочетания *всегда обычно*, рассмотренного в [Демьянков 2007] или сочетаний *как правило, всегда; обычно каждый, обычно все* в [Байдуж 2008]. Причины приемлемости таких сочетаний исследователи видят в субъективизации первого компонента: *обычно всегда* имеет смысл «мне кажется, всегда» [Демьянков 2007: 488], а *как правило, всегда; обычно каждый, обычно все* отражают «балансирование говорящего между категоричностью обобщающего смысла его высказывания и ответственностью за это обобщение» [Байдуж 2008: 48–49]. Очевидно, подобное «балансирование» имеет место и в сочетании *конечно наверно(е)*. Между какими же смыслами колеблется говорящий в этом случае? Обратимся к описаниям семантики слов, составляющих данное сочетание.

Слово *конечно* принадлежит к единицам, которые говорящий употребляет для того, чтобы 1) выразить собственную уверенность в том, что некая (а не иная) ситуация является реальной («положение вещей **p** рассматривается (...) как имеющее внутреннего гаранта S_0 и тем самым отрицающее **p'**» – альтернативное **p** положение вещей, которое может подразумеваться либо быть представленным в предыдущем контексте или в позиции собеседника [Киселева 1998: 347]); 2) сообщить, что эта уверенность обусловлена некими внешними «гарантами» – нормой, стереотипом [Киселева 1998: 345]. *Конечно*, А означа-

ет: «говорящий сообщает, что А представляет собой проявление (реализацию) некоторого известного ему стереотипа (иначе: говорящий сообщает, что он на основе своих знаний о мире квалифицирует А как типичное явление)» [Яковлева 1994: 260]. Даже многочисленные случаи употребления *конечно* в качестве «слова-паразита» не случайны: «Они свидетельствуют о стремлении говорящих придать вес, солидность, основательность высказыванию, а ссылка на некоторую «внешнюю инстанцию», заложенная в семантике *конечно*, позволяет это сделать» [Киселева 1998: 345]. Итак, основной особенностью семантики слова *конечно* является убежденность говорящего в том, что некое положение дел является закономерным – что иначе быть не может.

Слово *наверно(е)* рассматривается исследователями как показатель достоверности. *Наверно (вероятно, очевидно...)*, А означает: «1) говорящий судит об А на основе нехарактерной (т.е. полученной не с помощью непосредственного восприятия, а выведенной логически – Н. К.) информации с привлечением логического вывода и общих знаний; 2) сообщает, что эта информация не может служить окончательным идентификатором А в силу ее недостаточности; 3) проводит идентификацию (характеризацию) А на основе имеющейся нехарактерной информации (= трактует ситуацию)» [Яковлева 1994: 240]. «*Наверное* употребляется тогда, когда мы выдвигаем некоторое положение, указывая одновременно на то, что существует принципиальная или непринципиальная «помеха», сопутствующая его выдвижению, когда есть повод для неуверенности» [Разлогова 1998: 309].

По нашему предположению, следующие подряд в высказывании слова *конечно наверно(е)* образуют модальные рамки, вложенные друг в друга. При этом получается, что *конечно* относится не собственно к ситуации, представленной в высказывании, а к видению ситуации, уже преломленному через слово *наверно(е)*. В слове *конечно* на первый план выдвигается компонент «стереотипность, закономерность»; слово же *наверно(е)* сохраняет свое значение выразителя неуверенности в том, имеет ли место эта ситуация в реальности (т.к. говорящий не располагает достаточной информацией о ней). Семантику сочетания *конечно наверно(е)* можно сформулировать так: «Закономерно, что есть поводы для сомнений в реальности положения вещей Р».

Так, в примере (1) автор не уверен, что «есть ещё много разных нюансов, построения» стен из глины и полагает закономерными свои сомнения; в примере (2) – не уверен, так ли часто («не раз») слышал читатель «про остров Крит и про Эгейские острова», и считает эту свою неуверенность нормой; в примере (3), в котором наблюдается разговорный порядок слов с вынесенной в начало высказывания ремой, – не уверен, можно ли свой страх давать антибиотик ребенку «второй раз за месяц» назвать глупым, и считает свою неуверенность закономерной. Обратим также внимание, что двойной логический ход, сделанный с помощью сочетания *конечно наверно(е)*, существует, как правило, в ряду других логических ходов, сделанных с помощью союзов, частиц и т.д. Ср. в примере (1): ***Конечно, наверно*** есть ещё много разных нюансов, построения, ***но*** суть при этом не меняется. Пишущий «подстраховывается» от

возможных упреков читающего в том, что он не уверен в существовании «разных нюансов, построения» стен из глины, утверждая, что если даже все-таки эти нюансы есть, то «суть при этом не меняется»; тем самым сомнения (хотя они и закономерны) объявляются несущественными для дальнейшего текста. В примере (4) автор «отмечает» свое закономерное (на его же взгляд) сомнение в том, что «в идеале было замечательно использовать для салата Цезарь оливковое масло уровня Вирджиния» частью «это не всегда возможно (...) и наверно не всегда нужно». В примере (5) отмечаются содержащиеся в предыдущем высказывании сомнения в целесообразности предложения выйти замуж.

Плотную цепочку логических ходов, оформленных соответствующими союзами, частицами, модальными словами, мы видим в следующем примере: *В любом случае, если вам еще в магазине струны показались тонкими, возьмите лучше комплект потолще. Ведь в них хоть и немного меньше гибкость, но зато богаче тембр, громкость выше и т.д. Хотя конечно, наверно, все-таки не стоит ставить комплект 50 – 110 на четырехструнный бас (ну если только Вы не собираетесь играть в пониженном строе).* Здесь конечно наверно встроено в ряд средств выражения уступительности (союза *хотя* и частицы *все-таки*) в высказывании, ограничивающем область действия совета «возьмите лучше комплект потолще» – «не стоит ставить комплект 50–110 на четырехструнный бас»; в свою очередь, это высказывание ограничивается вставной конструкцией, вводимой комплексом из частиц и союза *ну если только* – тем самым область действия совета «возьмите лучше комплект потолще» несколько расширяется.

Таким образом, сочетание *конечно наверно(е)* позволяет говорящему усомниться в чем-либо, при этом показав, что сомнения закономерны. В следующих же высказываниях эти закономерные сомнения могут отмечаться, объявляться несущественными с помощью других языковых средств.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- БАЙДУЖ, Л. М. (2008): «Как правило, всегда» и другие аномальные сочетания показателей повторяемости событий: прагматический аспект. In: Русский язык как фактор стабильности государства и нравственного здоровья нации. Тюмень, с. 42-49.
- БУРЦЕВА, В. В. (сост.) (2010): *Словарь наречий и служебных слов русского языка*. М.
- ГАК, В. Г. (1998): *Языковые преобразования*. М.
- ДЕМЬЯНКОВ, В. З. (2007): *Осциллирующая интерпретация предложений с сочетанием «всегда обычно»*. In: Язык и действительность. М., с. 481–489.
- КИСЕЛЕВА, К. Л. (1998): *Конечно*. In: Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания. М., с. 345–355.
- КУЗНЕЦОВ, С.А. (ред.) (2002): *Современный толковый словарь русского языка*. СПб.
- МОРКОВКИН, В. В. (ред.) (2003): *Объяснительный словарь русского языка*. М.
- ОСТРОУМОВА, О. А., ФРАМПОЛЬ, О. Д. (2009): *Трудности русской пунктуации. Словарь вводных слов, сочетаний и предложений*. М.
- ПАХОМОВ, В. М., СВИНЦОВ, В. В., ФИЛАТОВА, И. В. (2013): *Справочник по пунктуации*. In: Справочно-информационный портал «Грамота.ру». Дата обращения: 22.08.2013.
- РАЗЛОГОВА, Е. Э. (1998): *Наверно*. In: Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания. М., с. 309–316.
- ЯКОВЛЕВА, Е. С. (1994): *Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия)*. М.

ИРИНА КУПРИЕВА

Россия, Белгород

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ МЕНТАЛЬНЫХ СТРУКТУР ПСИХИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В СВЕТЕ КОМПАРАТИВНОГО АНАЛИЗА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

ABSTRACT:

Verbalization of Mental Structures of Psycho Processes from the Point of View of Comparative Analysis of Lexemes of Russian and English

The article deals with the problem of verbalization of mental structures with lexical means of the Russian and the English languages. Psycho processes are seen as universal by modern psychology. That is why linguistic theory postulates the identity of this referent's nomination in different language groups. But a closer study of the verbalizers' in the Russian and the English languages shows some special features of the universals.

KEY WORDS:

Gestalt – psycho process – English – Russian – mental structure – verbalizers – comparative analysis.

Лексемы абстрактной семантики (прежде всего, лексика, номинирующая психические процессы), являясь, преимущественно, вербализаторами универсалий, представляют собой довольно внушительный по размеру пласт единиц, который, если соглашаться с мнением лингвистов-предшественников, условно идентичен по объему и качеству в разных лингвокультурах. Действительно, если говорить об атомарности ментального лексикона, как раз благодаря таким единицам и достигается взаимопонимание между различными нациями, поскольку универсальный набор вербализуемых ментальных структур в рассматриваемых языковых группах можно условно именовать идентичным, но с поправкой на специфический характер следования элементов, а также набор факультативных компонентов. Поэтому, говоря о вербализации ментальных структур психических процессов в разных языковых группах, мы, прежде всего, повинуюсь общей тенденции, опираемся на общие принципы работы таких механизмов и указываем схожие основания, а затем выявляем частно-

сти и специфику вербализации ментальных структур познания для каждой из языковых групп.

Ряд психолингвистических и нейролингвистических экспериментов доказывает, что первичное «знакомство человеческого сознания с лексемой» начинается с ее классификации. Иными словами, независимо от желания субъекта классификационные параметры, или в нашем случае, критерии отбора, позволяют соотнести лексему с пластом вербализаторов соответствующей ментальной структуры. Такой ментальной структурой выступает гештальт или многомерное ментальное образование, включающее такие обязательные компоненты как «Перцепция», «Ментальная деятельность», «Внимание» и т.д., каждый из которых является концептуальным коррелятом экстралингвистических составляющих психических процессов. Заявленные компоненты, то есть критерий способности номинировать психические процессы на системном и функциональном уровне, а также частотность позволяют повторить естественный путь гештальта по отбору вербализаторов. Такие лексемы-вербализаторы называют как само явление, соотносящееся с психическими процессами, так и его результат благодаря своему системному значению или в определенных контекстуальных условиях. Количественный показатель или принцип частотности позволяет условно соотносить лексемы с рассматриваемой ментальной структурой и говорит о первичной ассоциации значения лексемы в сознании с определенным гештальтом. Дальнейшая дифференциация происходит уже внутри самого гештальта, с концептуальным содержанием искомой ментальной структуры, когда лексема на системном и/или функциональном уровне способна актуализировать такие концептуальные составляющие как «Внимание», «Перцепция», «Ментальная деятельность», «Память», «Воображение» и т.д.

Таким образом, получается, что воспринимая лексему в контексте или без него, сознание человека первично ассоциирует ее с гештальтом психических процессов, далее с одной из концептуальных составляющих, соответствующей рассматриваемому процессу (перцепция, ментальная деятельность, память, воображение, внимание). Следующим этапом осуществляется анализ пропозициональной структуры с учетом доминирующего характера глагола как семантического наполнения компонента ПРЕДИКАТ. В последнем случае в пределах определенной синтаксической структуры ситуация познания проявляет себя с различных ракурсов. На концептуальном уровне это предопределяется высвечиванием различных факультативных компонентов, помимо базовых составляющих пропозициональной основы. Например, в предложении: *The mischief in my veins cooled as I saw the fear in his eyes [BNC]* глагол *see* употребляется в его основном значении «видеть». В данном случае речь идет об описании ситуации познания посредством зрительного восприятия. На функциональном уровне, также как и в основном системном значении, лексема *see* актуализирует гештальт психических процессов, его концептуальный компонент «Перцепция», выступает в качестве семантического наполнения компонента ПРЕДИКАТ и позволяет разворачивать в сознании говорящего ситуацию

восприятия при актуализации компонентов СУБЪЕКТ, ОБЪЕКТ, СТИМУЛ. В качестве компонента СУБЪЕКТ в случае с вербализацией рассматриваемой ментальной структуры глаголом see, выступает субъект, который произвольно направляет орган перцепции на объект, который, собственно, обладает основной притягивающей восприятие субъекта силой. Учитывая произвольность процесса, когда субъект проявляет произвольное внимание к объекту как социальный аналог борьбы за существование, на концептуальном уровне происходит наложение компонентов ОБЪЕКТ и СТИМУЛ. Помимо обязательных компонентов на уровне пропозиции в данном случае выдвигается компонент СРЕДСТВА, который акцентирует перцептивный орган восприятия как канал получения информации из внешнего мира.

В следующем примере, где глагол see также выступает в качестве семантического наполнения компонента ПРЕДИКАТ помимо обязательных для воссоздания типичной ситуации психического процесса в сознании говорящего компонентов пропозиции СУБЪЕКТ, ОБЪЕКТ-СТИМУЛ (поскольку речь идет о произвольном процессе), также профилируется компонент СРЕДСТВО, однако в данном случае, в отличие от предыдущего, значение глагола see несколько модифицируется, и на первый план в результате дистрибуции рассматриваемой лексемы выдвигается описание опыта. Иными словами, предложение: *Gennaro saw quite a lot [BNC]* будет переводиться как *Греннaro повидал многоe*. В таком контексте наблюдается сближение концептуальных компонентов «Перцепция» и «Память».

В предложении: *I saw myself leaving the room, packing a suitcase, writing a note [BNC]* помимо базовых для ситуации познания компонентов, а также компонента СРЕДСТВА, происходит функциональная переструктуризация или нарушение порядка следования элементов, то есть сближение компонента «Перцепция» и компонента «Воображение», что позволяет предложению передавать адресату следующий смысл: «Я представлял себе, как покидаю комнату, пакую чемоданы и оставляю записку».

Вербализация ментальных структур познания в славянской группе показывает, что в основном номинативном значении наиболее репрезентативные лексемы русского и украинского языков также продолжают актуализировать обязательный набор элементов пропозиции, а также некоторые факультативные дифференцирующие элементы (СТЕНИЧЕСКИЕ ЭМОЦИИ, АСТЕНИЧЕСКИЕ ЭМОЦИИ) на функциональном и системном уровне, при условии, что эти лексемы выступают в качестве семантического наполнения компонента ПРЕДИКАТ. Такими, как известно, могут, в основном, быть глагольные или ассоциируемые с ними по денотативному статусу глагольно-именные словосочетания, которые, также как и глагольные лексемы, наряду с другими номинирующими ситуацию познания лексемами, своим системным значением номинируют процесс познания, то есть эксплицируют/имплицируют основные элементы гештальта, а также отражают сближение компонентов «Перцепция» и «Интеллектуальная деятельность». Приведем несколько предложений, иллюстрирующих сказанное. Например:

Эраст, менее пронциательный по свойству добрых души, видел в Эдмоне одну только добрую сторону и любил его от чистого сердца, Эдмон любил его потому, что находил в том свои выгоды [НКРЯ].

В представленном предложении глагол «видеть» выступает в своем прямом значении и явно указывает на сближение актуализируемых компонентов «Перцепция» и «Ментальная деятельность», что явно следует из когнитивной интерпретации представленного предложения. Что касается компонентов пропозициональной основы, то в данном случае эксплицируется весь набор обязательных элементов, которые, описывая процесс непроизвольной перцепции, акцентируют ментальную переработку полученных сведений об объекте и на первый план профилируют само отношение объекта, что, в свою очередь указывает на дополнительные коннотативные оттенки значения. Таким образом, компонент ОБЪЕКТ, будучи привлекательным для субъекта ситуации когниции (компонент СУБЪЕКТ), является пусковым механизмом для возникновения восприятия (актуализация компонента СТИМУЛ). Наряду с таким набором обязательных компонентов, ввиду указанной коннотативной грани семантики рассматриваемого глагола профилируется компонент СТЕНИЧЕСКАЯ ЭМОЦИЯ, который явно указывает на положительный модус испытываемого ощущения. В действительности это означает, что ощущение или восприятие, в нашем случае, сближается с чувством любви.

Из вышепредставленного анализа механизмов вербализации ментальных структур познания вытекает закономерность относительно четкого «следования» семантики лексемы ментальной структуре в составе обязательных элементов последней (гештальта) на системном уровне, вне контекста, и набору соответствующих обязательных и факультативных компонентов на уровне пропозиции, то есть на функциональном уровне. Таким образом получается, что механизм вербализации ментальных структур познания в каждой языковой группе условно можно считать идентичным при учете того обстоятельства, что дифференциация семантики лексем обусловлена некоторой спецификой самой графической модели. Данное обстоятельство говорит в пользу наличия общих оснований вербализации ментальных структур в нескольких языковых группах. Тем не менее, мы предполагаем, что «национальный компонент» вербализации ментальных структур в большей степени кроется в семантических особенностях соответствующих фразеологизмов, номинирующих познание.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- НКРЯ (2013): Национальный корпус русского языка. URL: http://search.ruscorpora.ru/search.xml?env=fol1&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%E2%E8%E4%E5%EB.
- BNC (2013): British National Corpus. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/>.

МАРИЯ ЮРЬЕВНА ЛЕБЕДЕВА

Россия, Москва

СТЕРЕОТИПЫ ДЕТСТВА В ЧАСТОТНЫХ СОЧЕТАНИЯХ С НАРЕЧИЕМ *ПО-ДЕТСКИ*

ABSTRACT:

Stereotypes of Childhood through the Collocations with the Adverb *по-детски*

The below article deals collocations with the Russian adverb *по-детски* using software applications for extracting collocations based on the Russian corpora (such as IntelliText, AOT, Sketch Engine). The results allow us to identify adult stereotypes of childhood and children. All these stereotypical views are divided into four groups: 1) about typical childish character; 2) about typical childish action; 3) about typical childish verbal and nonverbal behavior; 4) about typical childish appearance.

KEY WORDS:

Childhood – stereotypes – prototypes – collocations – collocability – software applications for extracting collocations.

Частотная сочетаемость наречия *по-детски* позволяет диагностировать **стереотипные представления взрослых о детстве и детях**: о том, как выглядит стереотипный ребенок, что и как он делает.

Нами были отобраны наиболее частотные устойчивые сочетания, или биграммы, со словом *по-детски* с помощью программных средств выявления коллокаций, использующих статистический аппарат: IntelliText¹ (на основе НКРЯ), AOT² (на основе «Библиотеки Мошкова») и Sketch Engine³ (на основе корпуса русского языка RuTenTen).

В качестве меры ассоциации был выбран **коэффициент взаимной информации** (mutual information – MI), который показывает, насколько неслучайной является совместная встречаемость коллокатов.

Все биграммы мы объединили в таблицу, расширив для некоторых из них контекст:

¹ URL: <http://corpus.leeds.ac.uk>. Автор программы поиска биграмм – Сергей Шаров.

² URL: <http://aot.ru>. Автор программы поиска биграмм – Андрей Аверин.

³ URL: <http://www.sketchengine.co.uk>. Автор программы поиска биграмм – Adam Kilgarriff и Pavel Rychly.

<i>по-детски</i> + V	<i>Радоваться/обрадоваться, смеяться/рассмеяться/засмеяться, всхлипывать/всхлипнуть, воскликнуть, надуть (губы/губки/(пухлые) щеки), шмыгнуть (носом), захныкать, плакать/заплакать, шепелявить, улыбаться/улыбнуться, обижаться, пролепетать, уверить, оттопыривать/оттопырить (губу), восхитить, расстраиваться, лепетать, вздохнуть, приоткрыть (губы, рот), вытянуть (губы), прикрыть (рот ладонью/лицо ладонями), звучать, верить, повторять, надеяться, картавить, показывать (козу/два пальца/язык), спросить, открыть (рот), сидеть, пытаться, любить, сказать, причмокивать</i>
<i>по-детски</i> + Adj	<i>Наивный, чистый, непосредственный, доверчивый, беспомощный, счастливый, хвастливый, незащитный, серьезный, простодушный, бесхитростный, недоуменный, трогательный, искренний, грустный, глупый, простой (о человеке, мысли и рисунке), открытый, невинный, восторженный, обиженный, обидчивый, беззаботный, озорной Пухлый (о человеке, лице, чертах, щеках, губах, рте, руках, ногах), крупный (о слезах, зубах), тонкий (о телосложении, шее, голосе, руках), круглый (о лице, рте, почерке), маленький (о лице, рте, ногах), припухлый (о губах), пухленький (о человеке, лице, щеках, губах, ладонях, руках), полуоткрытый (рот), расслабленный (рот), ясный (о лице, глазах, улыбке, душе)</i>
<i>по-детски</i> + Adv	<i>Наивно, обиженно, открыто, капризно, простодушно, непосредственно, серьезно, упрямо, жестоко, жалобно, радостно, быстро</i>

Таблица 1. Частотные биграммы (MI больше 10) с коллокатом *по-детски*.

Обобщение полученных данных и верификация результатов

Еще раз подчеркнем: нами исследуются **частотные** стереотипные представления **взрослого человека** о детстве и детях, которые выявляются нами на основе «взрослых текстов», составляющих корпус. Очевидно, что подобный анализ детских текстов, так же, как и анализ художественных текстов конкретного автора, даст другие результаты и будет интересен для другого исследования.

(1) Полученные частотные биграммы (коллокации) отражают стереотипные представления взрослых о **чертах, свойственных детям**. Взрослый взгляд приписывает детям, судя по коллокациям, такие свойства, как наивность, чистота, непосредственность, доверчивость, беспомощность, хвастовство, незащитность, серьезность, простодушие, бесхитростность, трогательность, искренность, глупость, простота, открытость, невинность, душевная ясность, восторженность, обидчивость, беззаботность, жестокость, озорство, упрямство, склонность к капризам и т.д.

Можно отметить две антонимичные коллокации: *по-детски серьезный* и *по-детски озорной*. Противоречия, видимо, здесь нет: детям, действительно, присуще озорство, но при этом легко представить себе ребенка, с серьезностью и сосредоточенностью расставляющего игрушки, рисующего или задающего непростой «детский» вопрос. Впрочем, в глазах взрослых то, что серьезно **по-детски**, выглядит не так уж серьезно и значимо; поэтому в сочетании *по-детски серьезный* наречие заметно снижает степень проявления признака и переводит его в разряд иронических: *по-детски серьезное выражение лица* – «серьезное, но забавное». См. пример из корпуса, где *по-детски серьезный* означает прямо противоположное: «Конспирация у них была детская – по-детски серьезная и по-детски наивная» (М. А. Алданов. Убийство Урицкого).

В целом одним из доказательств неслучайности полученных коллокаций является проверка возможности наречия *по-детски* сочетаться с антонимами прилагательных-коллокатов, например:

По-детски наивный – ?*по-детски опытный*

По-детски доверчивый – ?*по-детски подозрительный*

По-детски беспомощный – ?*по-детски самостоятельный*

По-детски искренний – ?*по-детски лицемерный*

По-детски глупый – ?*по-детски умный*

По-детски невинный – ?*по-детски грешный* и т.д.

Можно предположить, что сочетания в правом столбце неестественны; проверка по корпусу подтверждает это: ни одно из правых словосочетаний не встречается ни в НКРЯ, ни в корпусе Университета Лидса. Более того, в НКРЯ обнаружилось два сочетания: *не по-детски умный* и *не по-детски озабоченный*, свидетельствующие о том, что ум и озабоченность (судя по ограничениям на сочетаемость) – совершенно не детские черты, по мнению взрослых.

Подобный эксперимент мы проделали, преобразовав обстоятельственные словосочетания в атрибутивные. Оказалось, что сочетаемость прилагательного *детский* не ограничена так жестко: одинаково возможны *детское хвастовство/детская хвастливость* и *детская скромность*; *детская беззаботность* – *детская озабоченность*, *детская глупость* – *детский ум*, хотя частотность таких сочетаний будет различаться.

(2) Коллокации дают также представление о **типичном поведении ребенка** в глазах взрослых. Как видно, чаще всего наречие *по-детски* образует коллокации с глаголами эмоциональных реакций: *радоваться/обрадоваться, смеяться/рассмеяться/засмеяться, улыбаться/улыбнуться; расстраиваться, плакать/заплакать, всхлипывать/всхлипнуть, шмыгнуть (носом), захныкать, вздохнуть; воскликнуть; обижаться, надуть (губы/губки/пухлые щеки)*); встречаются также атрибутивные словосочетания, указывающие на эмоциональное состояние: *по-детски счастливый, грустный, недоуменный, обиженный*. Детям, таким образом, приписывается повышенная и несвойственная взрослым эмоциональность; при этом существует набор стереотипных проявлений эмоций, как положительных, так и отрицательных. Представление о типичной детской мимике и проявлениях эмоций представлены в коллокациях: со знаком плюс – *по-детски смеяться/улыбаться*, со знаком минус – *по-детски всхлипывать/шмыгать носом/хныкать* и *надувать губы/щеки / оттопыривать губу*. Сюда же можно отнести словосочетание *по-детски крупные слезы*.

Интересно проверить на возможность сочетаемости с наречием *по-детски* ряд синонимов с доминантами *засмеяться* и *заплакать*: *по-детски засмеяться* – *по-детски захохотать* – **по-детски загоготать* – **по-детски хохотнуть* – *по-детски хихикнуть* – **по-детски ухмыльнуться* – **по-детски усмехнуться* – *по-детски расхохотаться* – *по-детски рассмеяться* – **по-детски заржать* – *по-детски фыркнуть* – **по-детски прыснуть* – *по-детски захихикать* – *по-детски заплакать* – **по-детски прослезиться* – *по-детски зарыдать* – **по-детски*

всплакнуть – *по-детски разреваться* – **по-детски завывать* *по-детски всхлипнуть* – *по-детски захныкать* – *по-детски зареветь* – *по-детски разрыдаться* – *по-детски расплакаться* – **по-детски заголосить*.

Можно говорить о следующей закономерности: типично детским, видимо, является яркое проявление эмоций: *по-детски захохотать* – *по-детски разрыдаться*. Запрет на сочетаемость накладывает семантика сдержанности, ср.: **по-детски усмехнуться/ухмыльнуться* – **по-детски всплакнуть/прослезиться*; и в первом, и во втором случае предполагается, что эмоции проявляются неярко, сдерживаются, скрываются. Кроме того, насмешка, ирония, сарказм также социально обусловлены и не свойственны детям (ср.: ?*Ребенок усмехнулся*). Ограничения сочетаемости связаны также с социальными стереотипами: так, глагол *хохотнуть* чаще описывает смех взрослого мужчины; глаголы *завывать* и *заголосить* – плач взрослой женщины в определенных ситуациях.

(3) Частотная сочетаемость описывает стереотипные представления взрослых о **речи ребенка и его невербальном поведении**.

По-детски можно: *шепелявить, картавить, лепетать/пролепетать* (ср. фразеологизм *детский лепет*), *причмокивать, иметь по-детски тонкий голос/голосок*.

Жесты и мимика, типичные для ребенка, описываются коллокациями *по-детски приоткрыть (губы, рот), по-детски открыть (рот), по-детски вытянуть (губы), по-детски прикрыть (рот ладонью/лицо ладонями), по-детски показывать (козу/два пальца/язык), надувать губы/щеки / оттопыривать губу*.

Интересно, что, по этим данным, мимика ребенка сосредотачивается в области рта/губ. Частотные сочетания фиксируют тот факт, что губы и рот – очень выразительные и подвижные части лица ребенка, с помощью которых он с младенческого возраста выражает эмоции и общается с окружающими. Среди устойчивых отмечается только одно словосочетание *по-детски ясный взгляд*, отсылающее нас к окулесике ребенка. В корпусе, впрочем, нередко встречается сочетание *по-детски смотреть*, а также ср. *ребенок смотрит на мир широко раскрыв/распахнув глаза; широко распахнутые глаза ребенка; невинный детский взгляд; не смотри на меня глазами невинного младенца!* и т.д.

(4) Коллокации также дают представления взрослых о **стереотипной внешности ребенка**. Они рисуют стереотипного ребенка пухлым, с круглым лицом, с маленьким полуоткрытым/расслабленным ртом, но пухлыми губами, щеками, пухленькими ручками и ножками (ср. портрет Аленки на шоколадке) или, напротив, тонким телосложением, тонкой шеей и руками (ср. изображение «Девочки на шаре» П. Пикассо).

Итак, анализ частотной сочетаемости наречия *по-детски* позволил выявить стереотипные представления о чертах, свойственных ребенку; о типичном поведении ребенка, его речи и невербальном поведении, а также о (прото) типичной внешности ребенка. Нам представляется, что предложенная в данной статье методика анализа может использоваться при исследовании других стереотипных представлений.

ОКСАНА ОЛЕГОВНА ЛИХАЧЕВА

Россия, Санкт-Петербург

«Я ПЕЛ К УТЕШЕНИЮ БРАТЬЕВ, ИХ РАДОСТЬЮ СЧАСТЛИВ...» ИЗ ОПЫТА НОВЫХ ПЕРЕВОДОВ ПОЭЗИИ ОТОКАРА БРЖЕЗИНЫ

ABSTRACT:

“For Solace of Brethren I chanted, Gladdened by Their Smile...” New Translations of Otokar Brezina’s Poetry

In 2012 in St. Petersburg, after 90 years since the publication of the first Russian translations of O. Brezina’s poetry, the A. I. Novikov’s publishing house under the leadership of O. M. Malevich releases the unique edition – a complete collection of translations of works of outstanding Czech poet and thinker. One of the authors of the translations, the Petersburg poet O. Likhacheva, acquaints with a technique of work and the analysis of the translation of the poem “Birdman” published for the first time.

KEY WORDS:

Otokar Brezina’s works – Russian translations – Petersburg school of poetry.

Творчество Отокара Бржезины (1868–1929), выдающегося чешского поэта-символиста, мыслителя, эссеиста – это, несомненно, достояние не только чешской литературы, не только литератур славянских, но и литературы всемирной. Однако, путь к русскому читателю его поэтических и прозаических строк был крайне неспешным: первые переводы двух стихотворений были сделаны пражским студентом-эмигрантом Сергеем Савиновым в 1926 году, а первые «советские» – только в 1959 году. Поэтому перед нами, современными переводчиками, стояла задача – наверстать упущенное и сделать всё возможное, чтобы литературное наследие «Божественного Мастера» (как назвал его Карел Чапек) в полной мере появилось в «зоне досягаемости» русскоязычного читателя.

Некоторые итоги этой работы мы можем подвести и сегодня. В мае 2013 года, в рамках Международной книжной ярмарки в Праге состоялась презентация уникального издания под названием «Строители храма» – полного собрания творчества Отокара Бржезины, куда вошли русские переводы его пяти

прижизненных поэтических сборников, ряд стихов, в них не вошедших или изданных посмертно, а также два сборника эссе.

И, прежде всего, необходимо отметить, что большинство переводов опубликовано впервые и выпуску подобного издания, которое было высоко оценено как специалистами-литературоведами, так и поклонниками творчества Бржезины, предшествовала длительная и напряженная работа.

В своей статье «Моя дорога к Отокару Бржезине», опубликованной в декабре 2009 года в Бюллетене Общества О. Бржезины (SOB) Олег Михайлович Малевич (1928–2013), известный российский богемист, исследователь и поэт, писал о том, что русское издание Бржезины было задумано им и его женой и соавтором Викторией Каменской еще в начале 80-х, но по ряду причин не осуществилось [Bulletin Společnosti Otokara Březiny 2009]. Однако, работа была продолжена после смерти В. Каменской, когда О. М. Малевич пригласил для участия в подготовке издания молодых петербургских переводчиков – Марию Федорову, Елену Коломийцеву, Оксану Лихачеву.

В качестве предисловия издание «Строители храма» открывает написанная в 1931 году статья одного из виднейших филологов русской эмиграции Альфреда Бема. Она начинается словами искреннего уважения к «выразителю гения чешского народа»: – «Пусть имя Отокара Бржезины ещё недостаточно ценят в Европе, пусть даже в славянском мире его ещё мало знают, но можно с уверенностью сказать, что имя Бржезины скоро займёт одно из первых мест в истории литературы конца XIX и нач. XX века» [Бем 2012: 5]. И далее он приводит строки, принадлежавшие К. Д. Бальмонту о том, что равных О. Бржезине «можно искать лишь среди таких исполинов поэзии, как Эдгар По, Бодлер, Малларме, Уитмен» [Россия и славянство 1929: 5].

Своё восхищение творчеством крупнейшего чешского символиста Константин Бальмонт наиболее полно выразил в очерке «Поэт кристаллический: Отокар Бржезина», который включил в антологию «Душа Чехии в слове и деле. Поэтические оценки и образцы», составленную в 1931 году в Кларентоне во Франции.

«Приобщённый к неукротимости и неутолимости чешской поэтической души» Бальмонт, как никто другой сумел дать глубокую и выразительную оценку творчества Бржезины, написав: – «Отокар Бржезина – целый оркестр духовной музыки в мыслительном природном храме, где строгие изваяния молитвенности построены сталагмитами и сталактитами и высокие свечи выросли прямо из сердец тысяч и тысяч людей, живших сердцем и угасших от сердечной боли» [Valmont 2001: 88].

Прошло уже более десяти лет, как издание этой замечательной книги, подготовленной к выпуску с переводом на чешский язык, комментариями и статьёй профессором Института славистики при Университете им. Масарика в Брно Дануше Кшицовой, поступило в фонды Российской Национальной библиотеки в Санкт-Петербурге, но история находки рукописи, которая долгое время считалась утраченной и была обнаружена в архиве известного чешско-

го политика 20-х годов XX века Карла Крамаржа, по-прежнему вызывает интерес у читателя.

Надо подчеркнуть, что достаточно серьёзное внимание в своей вступительной статье «Бальмонт и чешская поэзия» Кшицова уделила характеристике методических приемов Бальмонта, которыми он пользовался при переводе, и отметила – как поэтическую интуицию переводчика, так и присущую ему вольность в трактовке тех или иных поэтических строк оригинала. Мнение авторитетного исследователя органично вписалось в историю полемики, которая уже длительное время существует вокруг переводческой деятельности К. Д. Бальмонта. Учитывая это обстоятельство, а также и для расширения представления читателей о разнообразии подходов к передаче бржезиновской поэтики, составитель издания «Строители храма» О. М. Малевич счёл необходимым включить в книгу и альтернативные переводы различных авторов.

Опираясь на собственный опыт участия в подготовке переводов поэтической части книги, я хотела бы заметить, что дискуссия, начавшаяся ещё со времён святого Иеронима, о том, что мы понимаем под качественным переводом, интенсивно продолжается и сегодня. И если бы переводчик со всей необходимой ответственностью стал прислушиваться ко всем рекомендациям значимых голосов переводческого мира, он остался бы наедине с чистым листком бумаги на неопределённо продолжительное время. Ибо сакраментальное «Дух или буква?» – звучит по-прежнему как пароль, от которого зависит принадлежность переводчика к «нашим» или «вашим».

Когда-то К. И. Чуковский, излагая принципы художественного перевода в книге «Высокое искусство», в статье о С. Я. Маршаке дал своеобразное определение «непреложной заповеди для мастеров перевода», написав: – «перелагай не всякого иноземного автора, какой случайно попадёт тебе на глаза или будет навязан торопливым редактором, а только того, в которого ты жарко влюблён, который близок тебе по биению сердца, в которого ты хотел бы влюбить соотечественников» [Чуковский 2008]. Об этом часто говорил и сам Маршак (и далее Чуковский цитирует Маршака* прим. авт.) «...Если, – говорит он, – вы внимательно отберёте лучшие из наших стихотворных переводов, вы обнаружите, что все они – дети любви, а не брака по расчёту» [Маршак 1961: 219].

Именно поэтому, прежде чем подойти вплотную к переводам стихотворений Отокара Бжезины, ощутить, прочувствовать эту поэзию, мне понадобилось увидеть старый дом поэта на Высочине, в селе Нова Ржише и пройти той дорогой, по которой он, местный учитель, ходил в богатейшую библиотеку монастыря премонстрантов. Потребовалось вместе с О. М. Малевичем с волнением взять в руки книги из его личной библиотеки, хранящейся в Моравской земской библиотеке в Брно, и увидеть перечень имен, являющихся золотым фондом русской литературы.

Мне было необходимо своими глазами взглянуть на аскетичную обстановку его жилья в Яромнержицах над Рокитной, там, где теперь находится старейший литературный музей Моравы и вместе с членами Общества Отокара Бжезины во главе с его председателем Иржи Гофером постоять в минуту мол-

чания на кладбище у памятника «Творец и его сестра Боль», который замечательный скульптор Франтишек Билек посвятил своему другу.

Нельзя не обратить внимание на то, что географическое пространство поэта в земной реальности было обратно пропорционально тому безграничному пространству, что раскрывалось, распахивалось в его стихах. Все его перемещения из родного селения Початки – учёба в Тельче, первое преподавание в деревушке Йиношове, затем в Нове Ржиши и, наконец, в Яромнержицах – заняли бы меньше ста километров, но свобода его мысли, полёт его духа не имели никаких пределов, никаких ограничений в стремительном движении по просторам Вселенной:

*Пути жизни земной развяжи ты на мысли моей,
пусть со скоростью света взовьётся и сможет лететь
над зелёным, в хрустальном сверкании царством морей,
в глубь вулканов погасших, туда, в раскалённую твердь;
вечный мрак разогнав, я, как молния, в пропасть ворвусь,
где из огненных жерл брызжет лава в потоках густых,
и в пещеры, чьи слёзы впитали столетнюю грусть,
превратились в мечты, балдахинами в камне застыв.*

[Стихотворение «Вечерняя молитва», Бржезина 2012: 48]

Ещё при жизни Отокар Бржезина стал для современников своего рода символом духовности литературы, философом и поэтом, который сумел сказать о том, что никогда не станет устаревшим – о непрерывной созидательной деятельности поколений, сменяющих друг друга, о великой и мощной гармонии Мироздания:

*Замедлю шаги и взгляну – восхищеньем пылая,
душа над простором расстелется благословенным:
и в звуках молитвы услышу – поёт, созревая,
земля в торжествующем хоре, в оркестре Вселенной.
Как тяжёк ваш труд, о, колосья! О, братья без счёта,
стоите, бледнея, к корням наклонила усталость,
но хлеб свой несёте с любовью – и эта работа
вам времени жгучею тайной навеки досталась.*

[Стихотворение «Апофеоз колосьев», Бржезина 2012: 167]

Миссия, обозначенная Бржезиной, как личное, индивидуальное участие в совершенствовании организации людского «братства» по-настоящему, искренне мне близка, как и та внутренняя, духовная установка, о которой он писал почти столетие назад: – «...нашей славянской душе ближе познание, в котором говорит сердце. Покорность, тихий голос ласкового разума, дружеская симпатия ко всем существам и стихиям нашей планеты; сочувствие к чужой боли, радость, доставляемая красотой, которая заключается в самых простых вещах и которая является духу как вознаграждение за жизнь, принесённую в жертву любви» [Břežina 2004: 1375].

Именно это и легло в основу взаимоотношений автор-переводчик, помогло мне понять сложную систему символистских образов, специфику синтаксиса, составить то самое необходимое «целостное восприятие», о котором го-

ворил Иннокентий Анненский, чем руководствовался и он сам, переводя лишь то, что привлекало, что становилось частью его собственного творчества.

Имена И. Анненского, Н. Гумилёва, утверждавшего, что «переводчик поэта должен быть сам поэтом», А. Блока, О. Мандельштама – это сокровищница и петербургской поэтической школы и петербургской школы художественного перевода.

На занятиях литературного семинара под руководством известного современного поэта Александра Кушнера, которые я посещала в течение нескольких лет, нас, петербургских поэтов учили бережному отношению к традициям и сознательной опоре на них, выделяя, прежде всего, регулярность стиха, смысловую точность, точность рифм и предметность.

Сам А. Кушнер, лирический поэт, о котором Иосиф Бродский, говорил, что «его имени суждено стоять в ряду имён, дорогих сердцу каждого, чей родной язык русский» [Бродский 1990], писал, что лирика «играет на повышение всех ценностей, разглядывает, как драгоценность, каждую крупицу жизни» [Кушнер 2003]. Эти слова можно смело отнести и к поэтическому творчеству Отокара Бжезины, чьи строки – пример поэзии особенно важной для души в моменты её смятения, усталости или разочарования. Так звучит начало стихотворения «Милость»:

*Из триумфальных, торжественных арок лазури чистойшей
по окончаны трудов днём таинственным вспыхнет, воскресным;
в пурпур одежд королевских, в багрянец оденет беднейших –
братьям земным не приметен, он ангелам виден небесным.*
[Стихотворение «Милость», Бжезина 2012: 175]

Стихотворение «Птицелов», о переводе которого я хочу рассказать немного подробнее, принадлежит шестому, неоконченному сборнику «Земля», составленному из 13 стихотворений, напечатанных в периодике в 1901–1907 гг.

В оригинале стихотворение называется «Ѕїџба», дословно – «Ловля птиц», но по просьбе О. М. Малевича, я назвала свой перевод «Птицелов». Это стихотворение можно назвать «программным», поскольку его содержание является своего рода квинтэссенцией, наиболее чётко сформулированным авторским взглядом на суть поэтического творчества.

Конечно, это создано с помощью приёмов символистской поэтики, но в отличие от других стихотворных текстов Бжезины, в данном мы сталкиваемся с чередой ярких метафор, которая последовательно и вполне доступно для читателя (по меркам символической поэзии) разворачивается вокруг центрального образа – образа птицелова, с которым и отождествляет себя поэт.

Кратко характеризуя динамику выстраивания стихотворения, можно отметить, что первая, вторая и третья строфы – это своего рода трамплин к стремительному взлёту в четвёртой и заключительной строфах стиха. И, тем не менее, мастерство Бжезины отчётливо видно и в самодостаточности каждого четверостишия, которое могло бы существовать самостоятельно, вне общего замысла.

Насколько удачным получился перевод стихотворения будут судить читатели и знатоки творчества Отокара Бржезины, но, используя предложенный в своё время Михаилом Гаспаровым, крупнейшим отечественным филологом, способ определения коэффициентов «точности» и «вольности» перевода, я, в качестве эксперимента, не претендуя на научную глубину, попробовала сама проанализировать свою работу.

Следует отметить, что Гаспаров, предвзято критические высказывания по поводу предложенного им исследования «подстрочник-перевод» писал: «Нет надобности напоминать: те понятия «точности» и «вольности», о которых здесь идет речь, – понятия исследовательские, а не оценочные: «точный перевод» не значит «хороший перевод», а «вольный перевод» – «плохой перевод». Какой перевод хорош и какой плох, это решает общественный вкус, руководствуясь множеством самых различных факторов» [Гаспаров 2001].

Уточню, что речь идёт о том, какой процент «знаменательных слов» – так Гаспаров обозначает существительные, глаголы, наречия и прилагательные, содержащиеся в оригинале, точно перенесён в текст переводчиком и какой – опущен или добавлен.

Мои старания сохранить каждое слово авторского текста и при необходимости лишь переставить их для ритма, или заменить ради стиля или прояснения, привели к достаточно удовлетворительному результату. Средний показатель точности перевода в этом стихотворении – около 57 % и показатель вольности – 29 %. Естественно, что для каждой отдельной строфы эти показатели различны, поскольку усложнение текста оригинала неизменно вызывало снижение точности перевода и увеличение привнесённых или опущенных слов.

Наиболее удачным интуитивно (что позже было подтверждено моим исследованием) оказался мне перевод четвёртой строфы. Именно в ней наиболее высок показатель точности, превосходящий переводы остальных фрагментов стихотворения. В оригинале это четверостишие звучит так:

*Hvězd jádra sladká, uzrálá, pro rozlet vašich snů
jak zrní ptákům sypal jsem na svého domu práh,
však vaši ptáci, ulekli mé ruky hnutím v tajemnu,
se zdvihli v úzkosti a odlétají v temnotách.*

[Стихотворение «Čižba», Březina 1975: 203]

Здесь впервые появляется образ птицелова – образ, который дал название стихотворению. Птицелов манит птиц (символ человеческих душ) с помощью звёздных зёрен, рассыпанных им на пороге своего дома... Третья строка – кульминация напряжения и его разрешение: птицы пугаются «движения руки» и улетают. Эта строка удивительно притягательна своей метафоричностью и предельной точностью сказанного!

У Бржезины: «...ulekli mé ruky hnutím v tajemnu...» – буквально, «испугались моей руки движения в таинственном», где использована инверсия для усиления акцента. Хотя ради справедливости надо отметить, что сложная метафора и инверсия были для него непременным условием поэтического творчества.

Во многих стихотворениях Бржезина размышляет (если так можно выразиться) о том, какими поистине безграничными возможностями обладает человеческий дух, и сожалеет, видя, как люди пугаются этих возможностей, буквально «не верят в королевскую силу своих взглядов», предпочитая пребывание в невежестве, в темноте. Движение к высотам духа, проникновение в тайны Мироздания, а значит, и своей собственной души, остаются для них непосильной ношей, вызывая лишь беспокойство и страх.

Итак, почувствовав присутствие таинственного, иррационального, птицы-души в стихотворении взлетают в испуге и улетают в темноту.

У Бржезины слово «темнота» употреблено во множественном числе.

В переводе эта строфа выглядит таким образом:

*Для взлёта мечтаний созревшие звёздные ядра сладки,
они, будто зёрна для птиц, на пороге рассыпаны мною,
но птицы в глубинах движенья моей ощутили руки,
вспорхнули в испуге и – прочь, поглощаемы тьмою.*

В заключительном четверостишии Бржезина практически формулирует суть своей творческой миссии, делая это с необыкновенным мастерством и убедительностью.

И с самого начала строки открыто (а я бы употребила слово «откровенно») указывает на свою принадлежность к миру символизма, Заключительная строка наполнена надеждой на преодоление сомнений и ограничений в людских душах, любовью и верой в человечество.

Укрытый в цветении символов, я птицеловом притих,
как в обморок сладкий, хотел бы поймать ваши души в тенёта
и там, укрощённые болью сердца у влюблённых моих,
учил торжествующим песням и звёздной гармонии нотам.
[Стихотворение «Птицелов», Březina 1975: 217]

Кроме того, здесь так же отчетливо видно и то, что «символ природы для Бржезины неразрывно слит с высокой космической идеей будущего человечества, его естественного бытия в природе, слияния с ней», как считал О. М. Малевич [Каменская, Малевич 2012: 458].

Конечно, потребовались время и настойчивый поиск, чтобы отыскать русские соответствия чешскому поэтическому языку, перевести не сами слова, а мысли, образы, символику, потому что Отокар Бржезина достаточно сложен не только своей необыкновенной, великолепной метафоричностью, но и сложен, прежде всего, своей выверенной, детально продуманной системой философских взглядов на устройство мира и человеческого духа.

Поэтому книга переводов «Строители храма», которая была представлена в Праге летом 2013 года – это отчасти и «русский» Отокар Бржезина. Такой, каким его сможет понять или попробовать понять человек, читающий на русском языке. Для него мы открыли этой книгой сокровищницу творчества прекрасного чешского поэта и мыслителя, многолетнего кандидата на Нобелевскую премию, открыли во всей её полноте.

Когда я завершала свою работу над переводами стихотворений для «Строителей храма», то захотела написать своё стихотворение, посвященное Отокару Бржезине – человеку и поэту, который стал мне теперь по-настоящему близок:

*Его душа моей теперь сродни,
и с непривычки я пугаюсь чуда:
когда строкой извне, из ниоткуда
он комментирует мои земные дни...
Ночного неба расстилая гладь,
помощник добровольный высшим силам,
внимательно следит, чтоб всем хватило
звёзд и надежды –
нет, не занимать
ему тепла сердечного для тех,
кто ослабел, кто изнемог в сомнениях:
в садах таинственных,
наполненных цветением
для них сберёг он тишину и смех,
и буйство роз, вплетённых в синеву,
в лазурь мечты без края, без предела,
куда душа всегда взлететь хотела
то, чем живёт,
чем грезит наяву...
сентябрь 2012 г. Санкт-Петербург*

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- БЕМ, А. (2012): *Отокар Бржезина (Выразитель гения чешского народа)*. Цит. по изданию: Бржезина, О. *Строители храма*. С-Петербург: Изд-во им. Н. И. Новикова 2012.
- БРЖЕЗИНА, О. (1975): «ПТИЦЕЛОВ», пер. О. Лихачевой. In: Březina, O. *Básnické spisy. Československý spisovatel. Praha.*
- БРЖЕЗИНА, О. (2012): «Апофеоз колосьев», пер. О. Лихачевой. In: Бржезина, О. *Строители храма*. С-Петербург: Изд-во им. Н. И. Новикова.
- БРЖЕЗИНА, О. (2012): «Вечерняя молитва», пер. О. Лихачевой. In: Бржезина, О. *Строители храма*. С-Петербург: Изд-во им. Н. И. Новикова.
- БРЖЕЗИНА, О. (2012): «Милость». In: Бржезина, О. *Строители храма*. С-Петербург: Изд-во им. Н. И. Новикова.
- БРОДСКИЙ, И. (1990): *Поэзия суть существования души. Из выступления на встрече с А. Кушнером // Литературная газета, 22 августа 1990 г.*
- Газета «Россия и славянство» (1929), 27 июля 1929 г., №35. Цит. по изданию: Бржезина, О. *Строители храма*. С-Петербург: Изд-во им. Н. И. Новикова 2012.
- ГАСПАРОВ, М. Л. (2001): *О русской поэзии. Анализ. Интерпретации. Характеристики*. М.
- КАМЕНСКАЯ, В., МАЛЕВИЧ, О. (2012): *Отокар Бржезина и Россия*. In: Бржезина, О. *Строители храма*. С-Петербург: Изд-во им. Н. И. Новикова.
- КУШНЕР, А. С. (2003): *Волна и камень*. Стихи и проза. Logos.
- МАРШАК, С. Я. (1961): *Воспитание словом*. М.
- ЧУКОВСКИЙ, К. И. (2008): *Высокое искусство*. Азбука.
- VALMONT, K. D. (2001): *Duše českých zemí ve slovech a čínech*. Brno: Masarykova univerzita.
- BŘEZINA, O. (1975): *Čižba*. In: Březina, O. *Básnické spisy. Československý spisovatel. Praha.* Březina, O. (2004): *Korespondence II. (1990-1929)*. Praha.
- Bulletin Společnosti Otokara Březiny* (2009). Jaroměřice nad Rokytnou, prosinec 2009, №51.

Ли́дия МАЗУР-МЕЖВА

Польша, Кельце

К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

ABSTRACT:

On The Issue of Translating Economic Texts

The article deals with some of the problems encountered when translating economic texts from Russian into Polish. The author's focus is on the characteristics of translation of Russian loanwords, mainly words borrowed from the English language as well as from French and Italian. Several examples of Russian terms and their Polish equivalents have been drawn and some aspects of translation strategy have been discussed.

KEY WORDS:

Translation – economic text – loanwords – equivalence – terminology.

В настоящей статье рассматриваются некоторые проблемы перевода русских экономических текстов на польский язык. Несмотря на глобализацию во многих сферах человеческой деятельности, интерес к таким переводам в последние годы растет, что, несомненно, вызвано расширением контактов в области международного бизнеса.

Экономика в настоящее время охватывает широкий спектр разных областей и отображает многообразие взаимоотношений между людьми, сложившееся в результате товарообмена на протяжении столетий. Фондовые биржи и инвестиции, финансы и банковское дело, бизнесинформатика, управленческие системы и многое другое - все это различные аспекты экономической деятельности.

Каждая система с точки зрения лингвистики имеет свою структуру терминов, которая иногда является общей для нескольких систем одновременно. Таким образом, на передний план выступает терминология как особый пласт языка, делающий деловую коммуникацию возможной.

Как показывает анализ, экономические тексты отличаются многими чертами: это прежде всего большое количество экономической лексики, в частности, экономических терминов и фразеологических сочетаний, не выступающих или же редко употребляемых в разговорном и литературном языке; наличие

некоторых стилистических отклонений от литературных норм; употребление оборотов официального стиля в документах, затрагивающих финансовые вопросы; наличие сокращений, большинство из которых используются только в экономических текстах и документах.

Наше внимание сосредоточивается главным образом на особенностях передачи экономических терминов и специальной лексики, чаще всего заимствованных из английского языка, реже французского и итальянского.

Термины достаточно частотны и играют важную смысловую роль. Они так же, как и обычные слова, могут быть многозначны, что создает неясность и подмену одного термина другим, поэтому при переводе важно обращать внимание на контекст.

Следовательно, именно применительно к терминам наиболее остро встает вопрос о возможности достижения эквивалентности при существовании различия кодовых единиц, представляющих, по мнению Р. Якобсона, «кардинальную проблему языка и центральную проблему лингвистики» [Якобсон 1978: 16–24].

Главная цель при переводе экономических текстов заключается в том, чтобы донести наиболее правильный перевод с учетом различий, имеющих в экономических реалиях стран. Она может быть достигнута только в случае обнаружения эквивалентных терминов. Задача, безусловно, не всегда простая, так как многие термины появились в русском и польском языках сравнительно недавно и чаще всего были заимствованы из английского языка, а понятия, которым они соответствуют, либо отсутствуют вовсе, либо только формируются под влиянием российских и польских экономических реалий. В связи с этим можно сказать, что абсолютно точного перевода того или иного термина практически невозможно дать, так как условия осуществления экономической деятельности различны в разных странах. Напрашивается следующий вывод: без глубокого знания вопросов экономики и специфики ее функционирования в данной конкретной стране перевод терминов будет в той или иной мере неадекватен.

Как известно, термином является слово, используемое для выражения понятий и обозначения предметов. Термин может быть определен и имеет свою дефиницию. Дефиниция – это словосочетание, определяющее понятие, обозначаемое тем или иным термином. Отсюда следует вывод: переводим понятия, лежащие в смысловой основе высказывания, а не слова. Этот вывод, несомненно, должны учитывать все профессиональные переводчики. Но трудность перевода экономических текстов как раз в том и состоит, чтобы дать точный перевод конкретным терминам при условии, что понятия в силу различий не всегда совпадают.

Рассмотрим, например, недавно появившееся в русском языке слово хеджировать. *Хеджировать* – *хеджирование* – *хедж* являются словами кальками с английского языка, так как точного эквивалента экономического понятия в русском найдено не было. Слово *хедж* из известной английской пословицы означает живая изгородь, препятствие: *A hedge between keeps friendship*

green. Но совершенно неожиданным образом раскрывается понятие, лежащее в основе использования этого слова в экономическом контексте при переводе: 1) хеджирование; 2) инструмент, используемый для хеджирования (зачет риска) или защиты от инфляции [Федоров 1992: 100]. В польском языке употребляются данные термины с оригинальным написанием на английском языке: *hedger*, *hedging* или употребляется словосочетание: *transakcja zabezpieczająca*. Сопоставим:

Хеджер, покупая фьючерс, страхует себя от потерь, которые они могут понести вследствие изменения курса валют.

Kupując kontrakty terminowe, hedgerzy ubezpieczają się od strat, które mogą ponieść na skutek zmiany kursu walut.

Проанализируем следующие примеры употребления терминов, заимствованных из английского языка, и сопоставим их с польскими эквивалентами. Обратим внимание на слово *джоббер* (англ. *jobber*):

Джобберы специализируются на операциях с определенными ценными бумагами.

Maklerzy kursowi specjalizują się w operacjach z określonymi papierami wartościowymi.

В польском переводе: *makler kursowy będący członkiem giełdy, spekulant giełdowy*. В данном случае в польском языке, в отличие от русского языка, термин *jobber* передается как *makler kursowy, spekulant giełdowy*, то есть объясняется целым выражением.

Многие заимствованные термины в обоих языках звучат точно так же и обозначают то же самое, например: *клиринг – clearing, инкассо – inkasso, листинг – listing, know-how – но-хау, пул – пул, своп – swap, аваль – awal, альпари – al pari*. Сопоставим:

Альпари – это соответствие биржевого рыночного курса ценных бумаг или валюты их номиналу. Al pari to zgodność kursu giełdowego, rynkowego papierów wartościowych lub walut z ich nominałem.

Листинг – это допуск ценных бумаг на биржу. Listing to dopuszczenie papierów wartościowych na giełdę.

Ноу хау - know-how (tajemnica, wiedza i doświadczenie).

Пул (биржевой, торговый, патентный) – pool (wspólny fundusz, wspólne przedsięwzięcie, zwłaszcza dla spekulacji giełdowej).

Свинг (колебания курсов ценных бумаг или цен товаров) – swing

Свитч (спекулятивная перепродажа ценных бумаг на бирже) – switch

Термины, заимствованные из французского и итальянского языков, также звучат одинаково и обозначают то же самое понятие, например:

Авуары (avoiry), картель (kartel), дебет, ретрамма (retrata), фусту (fusti, opust cenowy za zanieczyszczenie towaru), римесса (rymesa) и другие.

Следует обратить внимание на характерное для английского языка явление компрессии, то есть сжатости выражения. В текстах по экономике таких слов довольно много и важно отметить, что и в русском, и в польском языках

они иногда выступают в такой же сжатой форме, но чаще всего объясняются целым выражением, например:

Underwriter – андеррайтер (лицо, берущее на себя обязательство разместить определенное количество вновь выпущенных ценных бумаг путем их покупки для последующей перепродажи инвесторам), на польском: *underwriter, pośrednik giełdowy*.

Late payer – плательщик, нарушивший срок оплаты, на польском: *płatnik niedotrzymujący terminu płatności*.

Cut-price retailer – предприятия розничной торговли по сниженным ценам, на польском: *przedsiębiorstwa handlu detalicznego z obniżonymi cenami*.

В заключение следует отметить, что перевод экономических текстов требует от переводчика высокой ответственности, умения концентрировать внимание, скрупулезности и точности в деталях. Бесспорно, что он предполагает знание предмета перевода, владение экономической терминологией, спецификой представления рассуждений по связанной с ней проблематике и умение точно передать содержание текста.

Известный знаток перевода В. Н. Комиссаров отмечал: «Прежде всего значительно возросли требования к точности перевода. Если переводчики художественной литературы допускали порой, как известно, всевозможные вольности, то это в худшем случае приводило к искаженному представлению о творческой манере автора и о литературных достоинствах произведения. Однако искажения в техническом, коммерческом, дипломатическом преводах могут иметь серьезные последствия - политические конфликты, материальные потери, человеческие жертвы и даже новый Чернобыль. Поэтому свободный перевод в таких областях признается совершенно недопустимым и переводчики стараются как можно точнее передать все детали содержания оригинала, избегая в то же время буквализма, искажающего это содержание или затрудняющего его восприятие» [Комиссаров год 1999: 39].

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- КОМИССАРОВ, В. Н. (1999): *Современное переводоведение*. М.
ЯКОБСОН, Р. (1978): *О лингвистических аспектах перевода*. In: Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М. Международные отношения. С. 16–24.
ФЕДОРОВ, Б. Г. (1992): *Англо-русский толковый словарь валютно-кредитных терминов*. М. Финансы и статистика.
LUBOSHA-KRUGLIK, J., ZOBЕК, T., ZYCH, A. (2001): *Rosyjsko-polski słownik tematyczny. Ekonomia*. Warszawa.

ЛЕЙЛА ЮРЬЕВНА МИРЗОЕВА

Казахстан, Алматы

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ И ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ СЛОВА В ДИАХРОНИИ

ABSTRACT:

Interaction of the Axiological and Stylistic Characteristics of the word in Diachrony

The main idea of the article is related to coordination between emotive meaning and stylistic characteristics of a word due to the process of semantic evolution in diachrony. It is stated here that there are three main types of this coordination such as 1) contradiction between colloquial form and positive meaning; 2) contradiction between bookish style and negative meaning; 3) correspondence of evaluative characteristics with stylistic qualification.

KEY WORDS:

Diachrony – stylistics – evaluation – emotive meaning – positive/negative evaluation – correspondence – contradiction – semantic evolution – coordination – colloquial words – bookish words.

Рассматривая оценочность в диахроническом аспекте, следует особо остановиться на соотносительности функционально-стилистических и оценочных маркеров. Эта проблема системно представлена на диахронической оси, поскольку историческое рассмотрение коннотаций, способных оказать эмоциональное воздействие на воспринимающего субъекта, необходимо для понимания не только особенностей генерирования оценки, но и особенностей ее рецепции. Так, И. А. Стернин [Стернин 1996] противопоставляет функционально-стилистический компонент другим компонентам – эмоциональному, оценочному и экспрессивному, ибо функционально-стилистический компонент характеризует условия общения, в то время как остальные компоненты – определенное отношение говорящего к предмету сообщения. Совпадение компонентов не всегда имеет место, так как присутствие одного из них не гарантирует обязательного присутствия всех остальных, и они могут встречаться в разных комбинациях. Общий же результат – эмоциональное воздействие на реципиента и, соответственно, генерирование оценки – позволя-

ет рассмотреть эти явления как сопредельные, реализующиеся в рамках оценочного континуума. В работах последних лет эта связь прослеживается весьма отчетливо, ср., например: «Во фразеологических именах лиц, выражающих положительную оценку, коннотация представлена экспрессивными, эмоциональными и функционально-стилистическими компонентами (курсив мой – Л. М.): *мастер на все руки* – «человек, умеющий все делать, искусный во всяком деле» [Сайтова 2007: 11]. При изучении же фразеологизмов – наименований лиц со значением отрицательной оценки – отмечено наличие вульгарно-разговорной окраски, эмотивности и экспрессивности [Сайтова 2007: 11]. Конец XVIII – начало XIX в. для истории русского литературного языка является той эпохой, применительно к которой уже можно с достаточной уверенностью заявлять о стилистической характеристике слова (в противовес, например, началу XVIII в., – эпохе, для которой нормой было ее динамическое отсутствие, представлявшее своеобразную «норму переходного периода») [Гайнуллина 1995: 18]. В то же время аксиологическая ориентированность того или иного лексического средства уже в этот период давала возможность определить и стилистическую его характеристику; во всяком случае, уже предпринимаются попытки дать стилистическую оценку с позиции социальной маркированности лексических единиц. Понятия «ядро» и «периферия», а также «социальная маркированность» в имплицитной форме содержатся, в частности, в Рассуждении о старом и новом слоге российского языка А. С. Шишкова. Однако не только «обветшалость» данных слов позволяет дать им негативную оценку как фактам языка; скорее негативно оценены употребляющие их субъекты: «В языке нашем имеются также обветшалые иностранные слова, как например: *авантажиться, манериться, компанию водить, курсы стротить, комедь играть* и проч. Сии прогнаны уже из Большова света и переселились к купцам и купчихам».

Анализ взаимодействия данных характеристик лексических средств выражения оценки в XIX в. производился нами, помимо примеров из охарактеризованного выше корпуса текстов, также по словарю М. И. Михельсона «Русская мысль и речь. Свое и чужое», который изначально ориентирован на отражение экспрессивности тех или иных речевых проявлений.

Литературный язык XIX в. дает богатый материал для того, чтобы проследить связь между сферой употребления и аксиологической характеристикой СВО, которая носит спорадический характер и отличается избирательностью, неоднозначностью: негативная оценка слова (фразеосочетания) как факта речи отнюдь не обязательно связана с наличием сем, индуцирующих негативную оценку, в семантике слова, и наоборот. Наиболее важным является, на наш взгляд, то, что эта взаимосвязь (в особенности – в случае противоречия между оценочным и функционально-стилистическим маркером) может быть выявлена лишь в том случае, когда языковая личность в конкретный период истории языка уже способна к рефлексии как над содержанием прагматически нагруженного высказывания, так и над формой, в которую оно облечено. В то же время важно отметить, что функция компенсации информа-

тивной недостаточности, выявленная В. Г. Гаком у эмоций и оценок, присуща и стилистическим коннотациям слова [Гак 1977: 240]. Так же, как аксиологические характеристики, они прагматически связаны и характеризуют в большей степени субъект оценки, нежели ее объект (у аксиологического компонента значения слова эта информация представлена в виде «рамки» – «то, что оценивающий субъект обладает такой системой оценок, – хорошо (плохо)», у функционально-стилистического маркера эта рамка приобретает вид «то, что субъект оценки избирает такое средство ее выражения, – хорошо (плохо)». В качестве наиболее типичных случаев соотношения аксиологического и функционально-стилистического параметров в аспекте эволюции СВО (как с позиции формы, так и с позиции семантики) следует отметить:

1. Противоречие между формой (грубое просторечие) и оценочными смыслами (мелиоративной оценкой), которое может создать своего рода вторичный оценочный ярус, диссонирующий с аксиологическими коннотациями, ср.: *Прет ему!* – «о счастье, удаче» – *Всякий, кто как мог, охотно постарался бы поправить это попущение Промысла (щадившего Дукача), если бы ему, как на зло, отовсюду незримо не перло счастье...* (Н. С. Лесков. Некрещеный поп). Диссонанс функционально-стилистической закреплённости слова и его аксиологической характеристики сходен с инверсией оценки, т.е. переменной оценочного знака той или иной единицы инвентаря языка в речевой реализации на противоположный.

2. Противоречие обратного характера (встречается несколько реже) – диссонанс мелиоративности с позиций функционально-стилистических характеристик с планом аксиологическим: принадлежность к церковной лексике, стилистическая отмеченность которой (соотнесенность с высоким стилем, «что хорошо») контрастирует с негативной оценочностью лексической единицы, заложенной в ее денотативном значении. Так, в литературном языке XIX в. мы видим отчетливо выраженное функционально-стилистическое снижение и выведение понятия за рамки конфессиональной лексики: торжественно-мрачное *анафема* низводится до понятия бытового ругательства, употребляемого во вполне обыденных ситуациях живого общения, моделируемых в художественных текстах: *Это письмо должен Вам доставить мой ключник Трофим ровно в 8 часов вечера... Если доставит позже то значит в кабак **анафема** заходил.* (А. П. Чехов. Письмо к ученому соседу).

3. Соответствие оценочной и функционально-стилистической характеристик слова. При этом наличие у слова отрицательного функционально-стилистического маркера может послужить в качестве средства интенсификации выражаемой им оценки (иногда даже в большей степени, чем сама семантика слова): *Поздравь: **продулся в пух!** Веришь ли, что никогда в жизни так не **продувался*** (Н. В. Гоголь. Мертвые души). Безусловно, усиление степени интенсивности оценки достигается при соответствии оценочного знака, закреплённого за средством выражения оценки и возникшей в результате осмысления его как факта речи «вторичной» оценки, имплицитно либо эксплицитно присутствующей в слове (фразеосочетании) в качестве сти-

листического маркера и определяющей границы нормативного употребления. Аналогичен случай с таким лексическим СВО, как *рыло* (как в составе ФЕ, так и в случаях изолированного употребления): *У нас тут в городе цыганка живет: **рыло-рылом**, а запоет – **гроб!*** (И. С. Тургенев. Бригадир). Негативная оценка факта с эстетических позиций органично сочетается с пейоративной оценкой самого СВО как факта лексической системы; негативно оценочный колорит накладывается и на последующую часть высказывания, цель которой – мелиоративная оценка («а запоет – *гроб!*»), подчеркивая амбивалентность выделенного далее СВО.

Взаимодействие аксиологических и функционально-стилистических характеристик языковых единиц прослеживается и в репрезентации их оценочных смыслов, т.е. в попытке их эксплицировать посредством словарной дефиниции. Так, достаточно часто негативные оценочные смыслы эксплицируются в процессе дефинирования, инструментом которого служат слова, отрицательно оцениваемые как факт языка (имеющие сниженную стилистическую характеристику [Голуб 2008], а порой – грубо просторечные): «*отвести глаза* – отвести внимание, чтобы *надуть* незаметно»; «*откатать* – больно прибить, *отдубасить, валять*» и т.д. Здесь налицо отражение как собственно языковой, так и метаязыковой стороны оценочности, все более отчетливо проявляющейся в процессе эволюции; так, в русском литературном языке XIX в. расширяется возможность использования функционально-стилистических характеристик с целью выражения позитивного/негативного отношения к характеризуемому объекту. Это, по нашему мнению, может иметь место благодаря тому, что в рамках эволюции категории оценки и категории нормы к определенному моменту на диахронической оси за СВО закрепляется позитивная/негативная стилистическая квалификация.

Отметим также, что прагматическая нагруженность оценочных высказываний в языке XIX в. в результате поступательной эволюции СВО эксплицируется все более отчетливо, что является свидетельством взаимосвязанности исторического развития системы СВО и языковой прагматики. Достаточно типичными становятся случаи восприятия как денотата слова, так и самого слова «не путем считывания словарных определений, а в результате личного социального опыта, опыта предшествующих поколений, традиций социума...» [Карасик 1992: 38], что предполагает скрытую ориентацию не только на негативную аксиологическую, но и на отрицательную функционально-стилистическую характеристику слова.

Можно утверждать, что изучение аксиологических и функционально-стилистических характеристик лексических (фразеологических) единиц в их взаимодействии и взаимопроникновении способствует не только раскрытию механизмов порождения экспрессивности высказывания и текста, но и определению особенностей языковой личности (творящего и воспринимающего субъекта) в конкретный период развития языка. В свою очередь, данная взаимосвязь оценочности и функционально-стилистических характеристик языковых единиц в русском языке XIX в. свидетельствует о развитии новых тенден-

Взаимодействие аксиологической и функционально-стилистической характеристики слова в диахронии ций в области категории оценки, соответственно отражая эволюционные процессы на данном уровне реализации его системы, находящейся в постоянном количественном движении и качественной трансформации.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- Стернин, И. А. (1996): *Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры*. In Этнокультурная специфика языкового созидания. М.: Ин-т языкознания. С. 97–112.
- Арнольд, И. В. (1973): *Стилистика современного английского языка. Стилистика декодирования*. Просвещение, Л.
- Гайнуллина, Н. И. (1995): *Эпистолярное наследие Петра Великого в истории русского литературного языка XVIII века (Историко-лингвистический аспект)*. Алматы.
- Гак, В. Г. (1977): К типологии лингвистических номинаций. In: *Языковая номинация: Общие вопросы*. М. С. 230–293.
- Голуб, И. Б. (2008): *Стилистика русского языка*. «Айрис-Пресс». М.
- Карасик, В. И. (1992): *Язык социального статуса*. Волгогр. гос. пед. ин-т. Волгоград.
- Сайтова, Э. М. (2007): *Имена лиц во фразеологической картине мира (на материале немецкого, русского и башкирского языков)*. Автореф. дисс.канд. филол. наук. Уфа.

КАТЕРЖИНА НОЙМАННОВА

Чехия, Моравска Триебова

ХАРАКТЕРИСТИКА СЛОВАРНОГО СОСТАВА ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ В РУССКО-ЧЕШСКОМ СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ ПЛАНЕ

ABSTRACT:

Characteristics of Vocabulary in Ecological Texts in Russian Compared with the Czech Language

The paper deals with vocabulary of current Russian and Czech ecological texts taken from popular science magazines. The author analyses specific features of the ecological texts, such as terminology, proper names, abbreviations and compounds. Moreover she deals with expressive means which are used in popular science texts to make science accessible to general audience. The interest is focused on common and different features between Russian and Czech language.

KEY WORDS:

Current Russian – current Czech – popular science language – ecological vocabulary – terminology – proper names – abbreviations – compounds – expressive means.

Экологические тексты, характеристика которых дается в настоящей статье, собраны из современных газет и научно-популярных журналов, предназначенных для широкой публики. Следовательно, с точки зрения стилистики, их можно отнести к научно-популярному подстилю как одной из разновидностей научного стиля речи.

Поскольку цель научно-популярного подстиля – «популяризация научных знаний» [СЭСРЯ 2003], т.е. их распространение среди массовой аудитории, являющейся в определенной области неспециалистом, нужно передавать научную информацию в понятной и интересной для читателя форме, однако, не упрощая данное изложение [ср. Баканов 2010: 116]. Итак, в научно-популярных текстах сочетаются компоненты научного и публицистического (или художественного) стилей, что можно наблюдать и в словарном составе изучаемого нами материала. Несмотря на то, что однозначно господствуют черты, присущие научной сфере, обнаруживаются также экспрессивные средства, которые типичны для публицистики и беллетристики.

Самые яркие лексические признаки экологических текстов – термины, частое употребление собственных имен существительных и процессы языковой экономики, что и главные особенности научного стиля.

Терминология экологических текстов тематически очень разнородна. Причиной является, вероятно, тот факт, что экология, как относительно молодая и интенсивно развивающаяся наука, объединяет примерно 150 научных направлений и дисциплин [Ковязина 2005]. Поэтому не удивительно, что в исследуемом (русском и чешском) корпусе встречаются не только термины естественных наук (*марал, радиация, оксид; levandule, energie, polyester*), но и термины технических (*аккумулятор, двигатель; perlátor, spinner*), медицинских (*аллерген, эстроген; hormon, hygiena*), гуманитарных и общественных наук (*общество, пропаганда; legislativa, sankce*)¹.

Хотя экология применяет, главным образом, термины других наук (особенно биологии), причем некоторым из них дает свое специфическое значение (например, *экологическая ниша / ekologická nika*², *колония/kolonie*³ *пингвинов*), пользуется также терминологизированными общеупотребительными словами (*обращение с отходами, загрязнение окружающей среды; orakované použitelný obal, trvale udržitelný rozvoj*).

Разницы между русской и чешской терминологией экотекстов можно видеть прежде всего в понятиях, означающих категории особо охраняемых природных территорий (далее ООПТ). Ибо вследствие не однородных правовых систем русская и чешская категоризации ООПТ отличаются как количеством выделяемых охраняемых областей, так и их иерархией и дефинициями. Между тем как в России различается всего семь ООПТ (*Государственные природные заповедники, в том числе биосферные; Национальные парки; Природные парки; Государственные природные заказники; Памятники природы; Дендрологические парки и ботанические сады; Лечебно-оздоровительные местности и курорты* [ОООПТ 1995]), в Чехии только шесть (*národní parky, chráněné krajinné oblasti, národní přírodní rezervace, přírodní rezervace, národní přírodní památky, přírodní památky* [ООПК 1992]). Кроме того, например, в России природные парки включаются в ООПТ, но чешские «*přírodní parky*» входят в так наз. «общую охрану территорий» («*obecná ochrana území*» [ООПК 1992]). к дальнейшим интересным различиям, несомненно, относятся русские эквиваленты чешских понятий «*rezervace*» (в значении охраняемой области) и «*ekologický*». В русском языке чешскому «**rezervace**» соответствуют три термина: **заповедник** («заповедное место, где оберегаются и сохраняются редкие и ценные растения, животные, уникальные участки природы, куль-

¹ По своему происхождению большинство русских и чешских терминов было заимствовано из других языков (латинского, греческого, французского, английского и др.).

² «Это совокупность экологических факторов, необходимых для существования популяции в экосистеме» [Миркин, Наумова 2011], но, напр., в экономике ниша обозначает некий сегмент рынка, в архитектуре это углубление в стене.

³ «Это крупное групповое поселение оседлых животных, у которых некоторые функции жизни выполняются сообща» [Миркин, Наумова 2011], но, напр., в политологии это страна, находящаяся под властью другой страны.

турные ценности» [ТСРЯ 2001]), **заказник** («род заповедника, где находятся под особой охраной растения и животные» [ТСРЯ 2001]), и **резерват** (заповедник в некоторых зарубежных странах или территория для поселения коренного населения, р. индейцев в США [СИС 1982])⁴; чешское прилагательное «**ekologický**» имеет два эквивалента: **экологический** (относящийся к экологии или к природе, связанный с плохим состоянием природы, направленный на изучение ее состояния [грамота.ру]) или **экологичный** («не оказывающий вредного влияния на природу» [грамота.ру]).

Наряду с терминологией неотъемлемую часть лексики экологических текстов составляют собственные имена существительные. Отмечаются все их основные типы: бионимы, топонимы, хрематонимы и астрономы. Больше всего встречаются топонимы, в частности, названия стран, городов, охраняемых территорий, островов, гор, морей, рек и т.д. (*Хакасия, Сочи, Баргузинский хребт; NP České Švýcarsko, poloostrov Kamčatka, Černé jezero*). Многообразную группу представляют собой хрематонимы, среди которых имеют место названия разных учреждений, экологических движений, конференций, программ и кампаний (*движение «За чистую Родину», конференция «Экологические проблемы исторических парков», ОАО «Электровыпрямитель»; sdružení Arnika, Česká společnost ornitologická, kampaň Člověk a voda*). Бионимы и астрономы, по сравнению с предыдущими типами, появляются в гораздо меньшей степени. В составе бионимов преобладают антропонимы, а именно названия лиц и специалистов, которых автор текста цитирует или ссылается на них (*геоинженер Роб Вуд; Ivo Kropáček z Hnutí DUHA*). Из астрономов наиболее часто встречаются следующие: *Солнце/Slunce, Луна/Měsíc, Земля/Země, Марс/Mars*.

Более того, для словарного состава экотекстов характерна тенденция к языковой экономии, проявляющаяся в использовании инициальных аббревиатур, графических сокращений, сложносокращенных и сложных слов. В материале обоих языков доминируют инициальные аббревиатуры. Однако нужно подчеркнуть, что или применяются те, которые общеизвестны, или приводится их расшифровка, чтобы текст не терял понятности. Речь идет об аббревиатурах специальных институтов и организаций (*ИПЭЭ РАН – Институт проблем экологии и эволюции имени А. Н. Северцова; ČESON – Česká společnost pro ochranu netořůň, NASA*⁵), сокращениях терминов из области биологии, энергетики, охраны природы и т.п. (*ВИЭ – возобновляемый источник энергии, бактерия MRSA / bakterie MRSA – Methicillin Resistant Staphylococcus Aureus, ЧККО – chráněná krajinná oblast*). В рамках графических сокращений наблюдаются в основном сокращения единиц измерения (*МВт – мегаватт; МДж – megajoule*), в русском материале также географических объектов (*р. – река, д. – деревня*). Сложносокращенные слова свойственны исключительно русским текстам, в большинстве случаев это сокращения названий всяких учреждений (*Облкомприроды – Об-*

⁴ В некоторых случаях чешскому выражению «rezervace» отвечает и русское «резервация», но только в значении резервация индейцев или резервация места и т.п.

⁵ В изучаемых русских текстах иностранные сокращения употребляются преимущественно в оригинальной форме, напр., *NASA прогнозирует*.

ластной комитет охраны окружающей среды и природопользования, Роскосмос – Федеральное космическое агентство). Нередким явлением языковой экономии, помимо упомянутых видов сокращений, оказываются сложные слова, первую часть которых образует интернациональный компонент [см. Žaža 1999]. Самыми продуктивными можно считать сложные слова с частью «эко/эко» и «био/био» (*экотехнология; ekozemědělství; биоинформ; biobrambory*), а также «электро-/elektro-, гидро-/hydro-, поли-/poly-» (*электродвигатель, гидроэнергетика, полисахарид; elektroodpad, polykarbonát, hydroelektrárna*).

Однако, чтобы научно-популярные тексты были привлекательными и не отталкивали читателей чрезмерной специальностью, используются для остранения их лексики экспрессивные средства (образные выражения и стилистически окрашенные слова). В рассматриваемых экотекстах применяются особенно метонимия и метафора. Характеристическим метонимическим выражением (в русском и чешском корпусе) является прилагательное зеленый/ zelený, употребляемое в значении экологический или экологичный (напр., «зеленые» активисты, зеленая энергетика; *zelená móda, zelená domácnost*). Наоборот, метафоры, с которыми можно чаще встретиться в русском материале, более разнообразны (*климатическое оружие, страны «золотого миллиарда»; našel se nový bič na černé skládce, dům po zuby vyzbrojený solárními panely*).

Подводя итоги проведенного нами анализа, можно констатировать, что словарные составы русских и чешских экотекстов обладают множеством сходных признаков. Тем не менее, отмечаются различия в терминологии сопоставляемых языков, в степени продуктивности процессов языковой экономии (высшая в русском корпусе, исключая сложные слова с компонентами «эко-/эко-» и «био-/био-») и в частоте использования образных выражений (большая в русском материале).

Источники:

Вестник АсЭКО, РИА Новости – Экология (www.eco.ria.ru), FacePla.net (www.facepla.net), Экология и жизнь, Экологические новости OZEMLE.NET (www.ozemle.net), Bio-info (www.bio-info.cz), Ekolist.cz (www.ekolist.cz), Ekologické listy, Ochrana přírody, Sedmá generace – společensko-ekologický časopis, 3 POL (www.3pol.cz)

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- БАКАНОВ, Р. П. (2010): *Актуальные проблемы современной науки и журналистика*. Казань.
- КОВЯЗИНА, М. А. (2005): *Понятийное поле «экология» в русском языке*. In: Актуальные проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков и культур. Тюмень: Издат-во ТюмГУ. с. 115–119.
- МИРКИН, Б. М., НАУМОВА, Л. Г. (2011): *Краткий курс общей экологии*. Уфа: ВГПУ. 206 с. ISBN 978-5-87978-696-5.
- ОЖЕГОВ, С. И., ШВЕДОВА, Н. Ю. (2001): *Толковый словарь русского языка*. 4-е изд. М.: Азбуковник. 939 с. ISBN 589-2-85-003-X. (ТСРЯ)
- Словарь иностранных слов* (1982). 9-е изд. М.: Русский язык. 606 с. (СИС)
- Справочно-информационный портал Грамота.ру*. [online]. URL: <http://www.gramota.ru/>.
- Федеральный закон от 14 марта 1995 «Об особо охраняемых природных территориях»*. [online]. [cit. 2012-09-10]. URL: http://oopt.info/oopt_statut.html. (ООПТ)
- Зákon č. 114/1992 Sb., о ochraně přírody a krajiny*. [online]. [cit. 2012-09-10]. URL: <http://www.mzp.cz/www/platnalegislativa.nsf/d79c09c54250dfdc1256e8900296e32/58170589e7dc0591c125654b004e91c1>. (ООПК)
- ŽAŽA, S. (1999): *Ruština a čeština v porovnávacím pohledu*. 2. vyd. Brno: Masarykova univerzita. 122 s. ISBN 802-102058-X.

САВАНАЛИ НУРАДИЛОВ

Россия, Москва

К ВОПРОСУ О ЛИТЕРАТУРНОМ ПЕРЕВОДЕ ИМЁН СОБСТВЕННЫХ НА СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ (НА ПРИМЕРЕ «АЛИСЫ В СТРАНЕ ЧУДЕС» Л. КЭРРОЛЛА)

ABSTRACT:

On the literary translation of proper names into Slavic languages (the case of *Alice in Wonderland* by L. Carroll)

This article is supposed to light the problem of transmission of proper names into Slavic languages for literary works which have the rich tradition of translation. For the analysis the Russian, Polish, Czech and some other Slavic versions of Lewis Carroll's *Alice in Wonderland* are used. The article also raises the issue of the correct delivery of a ludic component for that piece of juvenile literature.

KEY WORDS:

Ludic text – ludic function – equivalence – occasional words – nonsense – precedent-setting image – pun – folklore – allusion.

Имя собственное, как известно, является объектом ономастики, самостоятельной лингвистической науки; как следствие, оно хорошо описано. О передаче имен собственных при переводе также много написано, и прежде всего это вопрос о безэквивалентности. В пособиях по переводу указывается, что «имя собственное, как правило, при переводе заимствуется, транскрибируется, но как исключение, может подвергаться переводу» [Влахов, Флорин 1980: 208]. Иногда имена собственные видоизменяются еще более сильно, если это отвечает задачам переводчика.

В переводах «Алисы в Стране Чудес» Льюиса Кэрролла на славянские языки можно проследить самые разнообразные способы передачи англоязычных имен и наименований, используемых в данных текстах. Например, имя героини сказок (в оригинале *Alice*) на русский язык переводилось как *Алиса*, *Аня* (дважды: у Гранстрем, 1908, и Набокова, 1923) и *Соня* (один раз: в самом первом, анонимном переводе на русский язык, 1879); у болгарских и сербских переводчиков это также *Алиса*. Борис Заходер в предисловии к своему пересказу сказки об Алисе

пишет, что предпочел бы назвать главную героиню *Аленка*, *Аля* или *Алька*, но не сделал этого исключительно в силу литературной традиции. В украинской и белорусской переводческой традиции имя главной героини отличается по написанию – *Аліса*; в польской она именуется как *Alicja*, а также по одному разу ее называли *Alinka* (1910) и *Ala* (1927); в чешской – *Alenka*; в словацкой – *Alica*.

Из этого можно видеть, что в долгой переводческой истории Алисы в славянских странах, и в России, в частности, существовала тенденция к адаптации иностранного имени собственного к более привычному для читателя данной страны; имена Софья и Анна являлись гораздо более привычными и употребительными в России, чем Алиса. То обстоятельство, что впоследствии переводчики уже не пытались «транспонировать» весь образный и речевой строй оригинала на российскую почву, можно объяснить как отказом от традиционных подходов к переводу детской литературы, так и актуализировавшимся вниманием к переводу игровых текстов. Нельзя сказать, что оба эти фактора наступили одновременно; при условном разделении всех русских переводов Алисы на 3–4 временных периода (в первый входят традиционные переводы с адаптацией к отечественному быту; во второй – переводы почти буквальные, «технические»; в третий – объективно лучшие переводы, выполненные с бережным отношением к оригиналу и при этом с адекватной передачей языковой игры) мы видим, что, например, Набоков, хотя и в известной степени «русифицировал» сказку, тем не менее, создал полноценный игровой текст, ориентированный на юного читателя. Оленич-Гнененко не превращал Алису в Аню или Сашу, но лишь переводил текст почти без учета его игровой составляющей; поэтому у него персонаж *Mock Turtle* вполне предсказуемо, но совсем неочевидно для ребенка, назван *Мок-Тартлем*.

Очевидно, что при переводе имен собственных в игровом тексте не вполне применимы общие правила, по которым имена людей и названия переходят из одного языка в другой. В силу своей людической природы тексты об Алисе содержат компоненты (и имена собственные здесь не исключение), участвующие в языковой игре; следовательно, они не могут игнорироваться. Сразу отметим, что ряд персонажей практически во всех переводах на любой из указанных выше языков переводится одинаково; в русских переводах это *Белый Кролик*, *Мышь*, *Герцогиня*, *Грифон*, *Король* и *Королева Червей*, а также *Валет Червей* (примем эти варианты как основные). Внутри этого списка Белый Кролик держит безусловное первенство по неизменности своего русского названия, т.к. остальные персонажи все же имеют единичные случаи расхождения с основными: *Мышка* (Рождественская, 1908), *Ее Высочество Герцогиня* (Щербаков, 1977), *Гриф* (Рождественская, Набоков), *Червонная Королева* и т.д. Тем не менее, нетрудно проследить единообразие основных вариантов, которое объясняется, скорее всего, отсутствием аллюзийно-реминисцентной связи, свойственным для других персонажей.

В польских переводах «Алисы в Стране Чудес» список персонажей с устойчивым наименованием уже несколько иной: *Biały Królik*, *Kaczka*, *Pan Gąsienica*, *Księżna*, *Suseł*, *Królowa Kier*, *Walec Kier*, *Król Kier*. Персонажи *Mysz* и *Gryfon* имеют отклонения от основных вариантов: *Myszka* (Ślōmczyński, 1965) и *Smok* (Marianowicz, 1955).

Имена и названия персонажей главы 3 в оригинале несут важную смысловую нагрузку, необходимую при анализе жизненной и творческой биографии

Кэрролла, так как в обозначениях птиц, выплывших из моря слез, были зашифрованы имя автора и близких ему людей. При переводе такая связь неизбежно теряется, что позволяет большинству переводчиков передавать первичное значение имен. Так, в русских переводах Dodo – это *Додо* или *Дронт*, Duck – *Утка*, Lory – *Попугай Лори*, Eaglet – *Орленок*. Но некоторые переводчики и здесь находят способы для воссоздания близких к оригиналу вариантов. Нине Демуровой удалось совершить практически безупречный перевод имен этих персонажей: *Додо* (Доджсон), *Робин Гусь* (Робин Дакворт), *Попугайчик Лори* (Лорина Лидделл) и *Орленок Эд* (Эдит Лидделл). «Так одночленные имена Кэрролла, совмещавшие в себе родовое и личное... стали в нашем переводе двучленами. Первый компонент передавал родовой признак, второй – частный, личный» [Демурова 1978: 319]. Другие переводчики подобной аккуратностью в воссоздании авторского текста не руководствовались, преследуя иные цели; отдельные варианты иногда выделялись на общем фоне основных вариантов. Например, *Ископаемый Дронт* и *Орленок Цып-Цып* (Заходер, 1971), *Древний Дронт* и *Уткогусь* (Яхнин, 1991), *Орленок Игл* и *Утенок Дак* (Старилов, 2000); наиболее оригинальные имена предложил Щербаков: *Додо-Каких-Уже-Больше-Нет*, *Лори-Лорочка*, *Говорунья-Тилли*, *Утя*.

В польских переводах имена этих персонажей слегка варьируются: *Papuzka* и *Papuga*, *Orzeł* и *Orlątko*. (Marianowicz). На примере переводов названия другого персонажа – the Caterpillar – интересно проследить гендерные расхождения, случающиеся в различных переводах. У Кэрролла этот герой сказки среднего рода и обозначается местоимением *it*, что дает интерпретаторам определенную свободу действий. В большинстве русских текстов «Алисы» это *Гусеница*, а также *Сороконожка* (Кононенко, 2000) и *Бабочкина Куколка* (Яхнин), т.е. слова женского рода. Также к нему относятся варианты *Гъсеница* (болг.), *Гуси́нь* (укр.), *Housenka* (чеш.). Этот последний вариант использован в переводе Чисаржа; в более позднем переводе Скоумаловых тот же персонаж уже мужского рода – *Houseňak*. В польских переводах часта «мужская» версия *Pan Gąsienica*; в русских встречается *Червяк* (Заходер) и *Шелкопряд* (Щербаков).

Довольно интересны варианты перевода имен персонажей 6 и 7 глав. Почти все они позаимствованы Кэрроллом из британского народного фольклора и, несмотря на некоторое авторское переосмысление их образов, тесно связаны с английской поэтикой нонсенса; трудность корректного перевода их имен на славянские языки состоит в том, что в русской, польской, чешской и других восточноевропейских культурах отсутствуют соответствующие прецедентные образы, которые можно было бы использовать в переводе. Улыбающийся кот (the Cheshire Cat) традиционно переводится на русский язык как *Чеширский Кот*; другие варианты – *Честерский Кот* (Рождественская) и *Масленичный Кот* (Набоков; ср. *Не все коту масленица*). В польских переводах это также *Kot z Cheshire*, и в одном случае *Kot-Dziwak* (Marianowicz), но и он *rodem z Cheshire*. Не отклоняются от общей тенденции и варианты *Чепгърски котарак* (болг.) и *Чеширський Кім* (укр.). Чешские же переводчики избегают ассоциаций, которые потребовали бы дополнительных разъяснений; *Čínská kočka* (Císař, 1931), вероятно, появилась как вариант в связи с улыбкой, характерной

чертой китайцев; *Kočka Šklíba* (Skoumalovi, 1961) уже исключает все предположительно непонятные читателям коннотации (*Šklíba – škleb*).

Имена персонажей Безумного Чаепития также неизбежно будут носить отпечаток заимствованности по тем же причинам. The March Hare традиционно переводится как *Мартовский Заяц*; акцент на безумии персонажа ставится в вариантах *Очумелый Заяц* (Заходер) и *Полоумный Заяц* (Яхнин); есть также вариант *Заяц* (Щербаков). The Hatter одинаково часто переводится как *Шляпник* и как *Шляпочник*; среди других версий выгодно выделяются *Котелок* (Яхнин; ср. *котелок не варит*), *Шляпа* (Заходер; ср. в значении *растяпа*) и *Болванчик* (Демурова; ср. *болван*). Менее удачным стоит признать вариант *Сапожник* (Кононенко), т.к. он вызывает совсем иные ассоциации. The Dormouse переводится преимущественно как *Соня* и был как мужского, так и женского рода; также неоднократно использовался вариант *Сурок* (ср. *спит как сурок*)

В других славянских переводах также можно увидеть любопытные случаи удачной передачи имен этих персонажей, а следовательно и их природы. Так, например, *Szarak Bez Piątej Klepki* и *Zwariowany Kapelusznik* (пол.), *Шалений Заець* (укр.). Dormouse превращался в соню (чеш. – *Plch*, укр. – *Сонько-Гризун*), суслика (пол. – *Suseł*), белку (болг. – *Катерица*).

Персонажем, побудившим переводчиков к наиболее разнообразным вариантам, является Mock Turtle. Ряд вариантов, предложенных русскими переводчиками, демонстрирует сразу несколько подходов к передаче окказионального имени собственного. Во-первых, перевод непосредственно смысла имени как максимальной приближенности к оригиналу (*Черепаша Квази*, *Якобы Черепаша*, *Мнимая Черепаша*, *Поддельная Черепаша*, *Черепаша-Телячьи-Ножки* и даже *Мок-Тартль Фальшивая Черепаша*; в последних изданиях книги на русском языке встречаются также варианты *Черепаша Как Бы* и *Черевродепаша*). Во-вторых, окказиональное образование, построенное на комичном звучании (*Чепушаха*, *Телешаха*, *Минтакраб*). В-третьих, неокказиональное образование, связанное со значением оригинала (*Рыбный Деликатес*).

На схожих принципах построены варианты и в других славянских переводах. К первому способу можно отнести варианты *Niby-Žółw* (пол.), *Falešná Želva* (чеш.), *Лигавата Костенурка* (болг.), *Казна-Що-Не-Черепаша* (укр.); ко второму – *Žółwiciel* (пол.), *Paželv* (чеш.) Подобное многообразие и поливариантность в передаче столь важного компонента игрового текста, как имен собственных, обусловлена не только характером персонажей – носителей этих имен, но и тем, что данное произведение изначально было ориентировано на детскую аудиторию как самим Кэрроллом, так и переводчиками. Корректный перевод имен собственных, несущих несколько семантических функций, обеспечивает сохранение внутренней целостности игрового текста, его людической функции.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- ВЛАХОВ, С., ФЛЮРИН, С. (1980): *Непереводимое в переводе*. – М.: Международные отношения. – 344 с.
 ДЕДУРОВА, Н. М. (1978): *О переводе сказок Кэрролла*. / Кэрролл Л. Алиса в Стране Чудес и в Зазеркалье. – М.: Наука. – 360 с. – (Литературные памятники)
 РАХИМКУЛОВА, Г. Ф. (2004): *Языковая игра в прозе Владимира Набокова: К проблеме игрового стиля: Дис. ... д-ра филол. наук*. – Ростов н/Д. – 332 с.

МАРИНА РАДЧЕНКО

Хорватия, Задар

О НЕКОТОРЫХ ПРИЕМАХ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ИГРЫ В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ И ХОРВАТСКИХ СМИ

ABSTRACT:

About Some Models Of Word-Formative Language Game Used In Mass Media Texts In Russian And Croatian Language

The article analyses various types of word-formative language game used in mass media texts in Russian and Croatian language. Author describes non-normative models of occasional word forming. The most productive ways by which the occasional words are formed in this two related slavic languages, are determined.

KEY WORDS:

Russian language – Croatian language – mass media texts – word-formative language game – occasional words – non-normative models of word formation.

Словообразовательная языковая игра заключается в создании новых слов – индивидуально-авторских неологизмов или окказионализмов, т.е. новообразований, которые, как правило, создаются для одноразового употребления в определенном контексте и отличаются экспрессивностью и стилистической окрашенностью. Анализ лексических инноваций, встречающихся в современных российских и хорватских СМИ, свидетельствует о том, что в обоих языках большинство окказионализмов создается узуальными способами словообразования, но наибольший интерес, на наш взгляд, представляют те инновации, которые образованы нестандартными, специфическими способами. Новообразования, созданные неузуальными способами, наиболее ярко демонстрируют явление языковой игры. Они отличаются высокой степенью экспрессивности, выражают отношение автора к описываемому явлению, событию, создают комический или иронический эффект, а также нередко являются способом выражения социальной оценки в игровой форме.

К нетрадиционным способам словопроизводства, получившим широкое распространение в русском языке, следует в первую очередь отнести контаминацию. Изучением этого словообразовательного приема занимались многие российские лингвисты, однако единого понимания контаминации до сих пор не существует. В современной русистике используется несколько терминов для обозначения данного способа окказионального словообразования: «контаминация» (см. работы Е. А. Земской, В. З. Санникова, С. В. Ильясовой и др.), «междусловное наложение» [Янко-Триницкая 2001: 471], «междусловное совмещение» [Улуханов 1996: 52], «гибридизация» [Костюков 1986: 94]. В настоящей работе контаминация понимается в широком смысле как образование нового слова путем скрещивания, объединения двух слов или частей слов, когда: «1) формально в новообразовании представлены, хотя бы одной буквой (точнее, фонемой) оба исходных слова; 2) в значении новообразования сложным способом переплетаются значения обоих исходных слов» [Санников 2002: 164]. Анализ окказиональных новообразований, представленных в хорватских СМИ, позволяет сделать вывод о продуктивности контаминации и в хорватском языке, однако в меньшей степени, чем в русском. В зависимости от того, участвуют ли в производстве окказионализма полные или усеченные основы исходных слов, можно выделить несколько разновидностей контаминированных новообразований. В российских и хорватских СМИ встречаются следующие типы контаминации:

1) наложение без усечения основ (на конец основы первого слова накладывается омонимичное начало второго слова): **Олигархитектурный шедевр**. Роман Абрамович хочет иметь самый дорогой дом в Британии (Московский Комсомолец, 29.04.08) [олигарх + архитектурный = олигархитектурный], **Hrvatski torturizam** (Jutarnji list, 19.08.09) [tortura + turizam = torturizam];

2) полная основа первого исходного слова соединяется с усеченной частью второго слова: **Сесть в тюрьму будет алиментарно просто**. Бывших мужей-неплательщиков лишат прав и отправят на нары (Московский Комсомолец, 23.06.09) [алименты + элементарно = алиментарно], **Prisavljotine**: Tarik na čekanju, Kurbaša odbio voditi Milijunaša (Jutarnji list, 30.09.09) [Prisavlje + bljuvotine = Prisavljotine];

3) усеченная часть первой основы соединяется с целым словом: **Культ безразличности**. Граждане не верят ни в выборы, ни в себя (Московский Комсомолец, 16.10.12) [безразличие + (культ) личности = (культ) безразличности]; **Sarkompleks** (Jutarnji list, 07.09.09) [Sarkozy + kompleks = Sarkompleks];

4) соединение усеченных частей обоих исходных слов: **Казино нелояль**. Министры и сенаторы придумают новые ограничения для игорного бизнеса (Российская газета, 16.07.09) [нелояльный + рояль = нелояль]; **Bleisenovac** (Feral Tribune, 09.05.03) [Bleiburg + Jasenovac = Bleisenovac].

В обоих языках встречаются контаминации с графически выделенным сегментом, так называемые графические окказионализмы, возникающие в результате одновременного использования нескольких приемов языковой

игры (словообразовательной и графической). В российских СМИ для выделения сегмента контаминации используются, как правило, прописные буквы, в то время как хорватском языке выделение морфемного или неморфемного сегмента контаминации осуществляется при помощи скобок. Ср.: *Последняя КАЗИНОчь*. В Москве состоялся рейд по закрытию игорных заведений (Московская правда, 02.07.09) [казино + ночь = КАЗИНОчь]; Бич *боМжий*. Бродяги – бич цивилизованных стран (Московская правда, 24.11.08) [божий + бомж = боМжий]. Оценочное окказиональное новообразование *demo(n)kracija* в заголовке *Viva Kroatija i njena demo(n)kracija!* (Danas.hr, 26.05.10) образовано путем соединения узуальных существительных *demon* (демон) и *demokracija* (демократия) в сочетании с парентезисом – заключением одной графемы в скобки. В статье под заголовком *Prekinimo (š)tapkanje u mraku* (Zagreb.hr, 25.10.12) освещаются проблемы, с которыми сталкиваются слепые и слабовидящие люди. Заголовок построен на обыгрывании фразеологического оборота *tapkati u mraku* (бродить, блуждать в потемках). Контаминированное окказиональное новообразование с графическим выделением неморфемного сегмента *(š)tapkanje* образовано в результате соединения отглагольного существительного *tapkanje* и существительного *štap* в значении «трость (для слепых)».

В обоих исследуемых языках представлена также деривация по конкретному образцу (аналогическое словообразование), в результате которого окказионализм создается по аналогии со структурой конкретного слова. При этом ассоциативная связь со словом-образцом отчетливо осознается в новообразовании, а «в качестве форманта, структурирующего окказионализм, часто используется не аффикс, а какой-либо фрагмент слова-прообраза» [Земская 1992: 194]. С. В. Ильясова предлагает называть данный способ «предсказамус-прием». По ее мнению, такое название является более компактным и более наглядно выражает механизм действия и игровой характер данного приема [Ильясова, Амири 2009: 193]. Не всегда можно однозначно определить, создан ли окказионализм по образцу, контаминацией или узуальным способом. Выделение инноваций, созданных по конкретному образцу, не вызывает особых затруднений в тех случаях, когда в тексте приводится слово-прообраз или когда окказионализм возникает на базе одного из компонентов в составе прецедентного текста. Ср.: Доктор *Айплати* (Новые известия, 02.09.10) [*Айплати* ← *Айболит*]; Избирательное право уравнивали *изгонятельным* (Коммерсант, 12.01.13) [*изгонятельное* ← *избирательное*]; *Bundevčinke* – *palačinke od bundeve* (Glo-gija IN, 23.10.10) [*bundevčinke* ← *palačinke*]. В хорватских СМИ подобные окказионализмы нередко создаются с опорой на иноязычное слово-прообраз, при этом в новообразовании в качестве форманта может использоваться иноязычный аффикс. Так, в новообразовании *rasinho* (от узуального хорватского существительного *ras* – собака), построенном по образцу приведенных в тексте прозвищ бразильских футболистов, словообразовательным формантом является уменьшительно-ласкательный суффикс из португальского языка: *Ronaldinho, Juninho, Robinho... svi su oni veliki majstori lopte. Međutim, ono što radi ovaj mali*

pasinho *zaslužuje mjesto, ako ne u Prvoj HNL, a ono bar u nekoj županjskoj ligi* (Net.hr, 20.07.09). Инновация *Zagrebello* воспроизводит формант итальянского слова-прообраза *Milanello* (тренировочная база футбольного клуба «Милан» и сборной Италии): *Invazija na Zagrebello* (Sportske novosti, 21.03.13).

В российской и хорватской прессе представлены окказионализмы, появившиеся в результате заменительного словообразования, т.е. путем замены одной из производящих основ в исходном узуальном сложном слове. Заменительная деривация нередко рассматривается как разновидность аналогического словообразования, однако при деривации по конкретному образцу в роли форманта окказионализма выступает аффикс (аффиксоид) или неморфемная часть слова-прообраза, в то время как в результате заменительной деривации появляются сложные новообразования [Попова, Рацибурская, Гуцунава 2005: 103]. Проиллюстрируем сказанное примерами: **Законоругатели**. *На встрече Владимира Путина с депутатами «акту Магнитского» досталось как следует* (Коммерсант, 14.12.12) [*законоругатели* ← *законодатели*]; *Кэтрин Бигелоу – дважды оскароносная* (Вечерняя Москва, 09.03.10) [*оскароносная* ← *орденоносная*]. В статье, опубликованной под заголовком *Psihoterapija 500, kavoterapija 10 kuna* (Jutarnji list, 20.08.10) [*kavoterapija* ← *psihoterapija*] говорится о том, что общение за чашкой кофе (хорв. *kava*) в кругу друзей – гораздо более эффективный и дешевый способ решения проблем, чем сеансы психотерапии. Шутливый окказионализм *tovaromet* в заголовке *Novi sport: tovaromet* (Slobodna Dalmacija, 12.07.11) образован в результате замены первой части сложного слова *nogomet* (футбол) диалектным существительным *tovar* (осел).

Словообразовательная игра в русском и хорватском языках используется как экспрессивное средство создания юмористической, иронической, сатирической окраски высказывания и свидетельствует о творческом подходе к применению журналистами языковых ресурсов. Анализ языкового материала позволяет сделать вывод о том, что среди неuzuальных способов, при помощи которых создаются окказиональные новообразования с установкой на языковую игру, и в русской и в хорватской публицистике наиболее распространенными являются: контаминация, деривация по конкретному образцу и заменительное словообразование. Однако масштабы использования неuzuальных способов словообразования в двух родственных славянских языках не одинаковы: в русском языке они представлены шире, чем в хорватском, а наиболее продуктивна в языковой игре контаминация.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- ЗЕМСКАЯ, Е. А. (1992): *Словообразование как деятельность*. М.
 ИЛЬЯСОВА, С. В., АМИРИ, Л. П. (2009): *Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы*. М.: «Флинта».
 КОСТЮКОВ, В. М. (1986): *Об одной разновидности индивидуально-авторских слов*. In: *Русский язык в школе*, № 4, с. 93–97.
 ПОПОВА, Т. В., РАЦИБУРСКАЯ, Л. В., ГУЦУНАВА, Д. В. (2005): *Неология и неография современного русского языка*. М.: «Флинта», «Наука».
 САННИКОВ, В. З. (2002): *Русский язык в зеркале языковой игры*. М.
 УЛУХАНОВ, И. С. (1996): *Единицы словообразовательной системы и их лексическая реализация*. М.
 ЯНКО-ТРИНИЦКАЯ, Н. А. (2001): *Словообразование в современном русском языке*. «Индрик», М.

ЛАРИСА ВИКТОРОВНА РАЦИБУРСКАЯ

Россия, Нижний Новгород

ФУНКЦИИ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ НЕОЛОГИЗМОВ В ТЕКСТАХ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ МАСС-МЕДИА

ABSTRACT:

Functions of Word-Formed Neologisms in the Contemporary Mass-media Texts

The article deals with analysis of the functions of word-formed neologisms, such as nominative, compressive, informative ones. Also in the article some kinds of pragmatic function are characterized: expression, evaluation, game.

KEY WORDS:

Word-formation – neologisms – mass-media – functions of neologisms – nominative – compressive – informative – pragmatic functions.

Словообразовательные неологизмы неузуального характера, как и узуальные слова, являются полифункциональными. Новообразования в медийных текстах обладают определенной функциональной спецификой. Дериватологи выделяют такие функции новообразований, как номинативная, компрессивная, информативная, экспрессивно-оценочная, игровая и некоторые другие.

Номинативная функция неузуальных новообразований обычно ослаблена, поскольку, по мнению ученых, окказиональные слова характеризуются номинативной факультативностью: за ними не закреплен какой-то определенный участок, фрагмент действительности и вне контекста они непонятны [Лыков 1976]. О номинативной функции неузуальных новообразований можно, по-видимому, говорить в тех случаях, когда новообразование создается не с экспрессивно-оценочной целью, а с целью номинации какой-либо новой реалии: *Вырастил помидорояблоко <...> швейцарский садовод Маркус Коберт, чтобы получить плод, который снаружи выглядит как яблоко, а изнутри как томат, потратил 20 лет* (Нижегородские новости, 23.07.2010); *Главный редактор журнала «Кавказский*

эксперт» Энвер Кисриев определяет эти кланы как «этнопартии» (Русский репортер, 18–25.06.2009).

Нередко новообразования заменяют неоднословные номинации, номинируя не только отдельные реалии, но и ситуации в целом. Способность ряда новообразований заменять соответствующие неоднословные номинации, выступая смысловым конденсатом, рассматривается учеными как компрессивная функция, которая характерна прежде всего для сложных и гибридных новообразований: *РФПЛ нашла бананометателя <...> Сотрудники Российской футбольной премьер-лиги (РФПЛ) установили личность человека, бросившего банан в футболиста махачкалинского «Анжи» Кристофера Самбу* (Коммерсантъ, 30.03.2012); *ВТОржение чужих <...> Вступление нашей страны во Всемирную торговую организацию (ВТО) вызывало опасение не только у ряда экспертов, но и у работников российских отраслей производства* (Аргументы и факты, 28.03.2012). Вместе с тем компрессивную функцию могут выполнять и префиксальные новообразования: *Такой псевдоспред должен носить имя «молочно-растительный» продукт* (1-й телеканал, 25.08.2009). Тенденция к экономии языковых (речевых) средств регулярно реализуется в процессе создания универбатов с различными суффиксами: *В «казенку» или «автономку»? <...> В казенные ли, бюджетные или автономные учреждения – но до июля все бюджетные организации будут преобразованы* (Нижегородские новости, 15.01.2011). В подобных окказионализмах реализуется компрессивная функция словообразования в целом [Земская 1992: 8].

Что касается информативной функции новообразований, то она обычно проявляется в заголовках, в составе которых находятся авторские неологизмы. В некоторых заголовках новообразования позволяют читателю определить проблемно-тематическую направленность публикации. Особенно это характерно для незуальных слов стандартной словообразовательной структуры: *Олимпиадофобия. Власти Великобритании хоть и рады всем олимпийцам, но очень боятся, что некоторые из них задержатся в гостях и после окончания соревнований. Или завезут какую-нибудь заразу* (Новые известия, 13.04.2012). Достаточной информативностью характеризуются и некоторые нестандартные новообразования, в частности графические гибриды, в которых совмещаются два узуальных слова, одно из которых выделяется графически: *ПарацетамОР. Когда лечить грипп и простуду смертельно опасно* (Аргументы и факты, 2011, №7); *уДАЧное начало сезона. Как готовить участок, посадки и семена к лету* (Аргументы и факты, 21.03.2012). Совмещение нескольких узуальных слов в словообразовательном гибриде также может способствовать информативности новообразования: *Отсрочить драхмагеддон. В Греции победили сторонники экономики* (Русский репортер, 18.06.2012) ← *драхма + Армагеддон*

В связи с возрастанием влияния СМИ на коллективное, массовое сознание носителей языка актуализируется прагматическая функция новообразований, которая связана с их непосредственным воздействием на адресата с целью из-

менения его ценностно-мировоззренческих установок, ментальных и поведенческих актов. Прагматическая функция реализует стремление автора управлять процессом восприятия адресатом медийных текстов.

Прагматическая функция новообразований связана с их ингерентной, внутренне присущей им и не зависящей от контекста экспрессивностью [Лыков 1976: 23]. Авторские неологизмы привлекают внимание читателя новизной и необычностью формы и способствуют деавтоматизации восприятия текста читателем. Деавтоматизирующая функция особенно характерна для новообразований нетиповой структуры, созданных неузвальными способами словообразования, в частности для словообразовательных и графических гибридов: *Установлена причина «мамнезии». Многие будущие матери жалуются на ухудшение кратковременной памяти* (Наша Версия, 06.03.2013) ← *мама + амнезия; СУМАсшествие! Сумка – вещь бесценная: она может изменить наш образ до неузнаваемости* (Телесемь, 03.2012)

Экспрессивность новообразований способствует выразительности текста в целом и также связана со структурой авторских неологизмов: «чем меньше формальных и семантических нарушений правил языкового (социально отстоявшегося) словообразовательного стандарта совершается при образовании окказионального слова, тем меньше окказиональности (а вместе с нею – и экспрессивности) содержится в этом слове, и наоборот» [Лыков 1976: 24]. Соответственно большей экспрессивностью обладают новообразования нестандартной структуры, ср. стандартные новообразования с префиксом *супер- суперурожай* (*Президенту предъявили суперурожай* // Российская газета, 11.08.2011); *суперпраздник* (*В начале года будет Олимпиада в Сочи, в конце – 250 лет Эрмитажу. Но мы стараемся сделать из этого не суперпраздник, а завершить целый ряд проектов* // Российская газета, 07.02.2013) и созданные с отклонением от условий словообразовательного типа новообразования *супердокторская диссертация* (радио «Серебряный дождь», 10.02.2011); *У России был свой суперПиночет – Сталин* (Комсомольская правда, 11.12.2006); *За этой супервазой охотится российский Супер-Джеймс Бонд* (Независимая газета, 15.11.2007); *Ориентировочно мы назвали этот турнир «Супер-шесть»*. *Право участвовать в хоккейной лиге чемпионов получают чемпионы пяти лучших европейских стран согласно рейтингу* (Российская газета, 06.02.2004); *Главной структурой этой операции американского империализма является супер-НАТО* (Независимая газета, 18.01.2008).

Экспрессивный характер неузвальных словообразовательных неологизмов делает их ярким средством и проявлением языковой игры как креативной составляющей современной журналистской практики. Особенно выделяются в этом плане нестандартные новообразования, созданные неузвальными способами словопроизводства: *Сплошная евротрепка*. *Украина обещает гостям футбольного чемпионата Европы-2012 скоростные дороги и дорогие отели* (Московский комсомолец, 30.05.2012), ср. исходное *нервотрепка*, в котором заменяется первая часть на *евро*; *Паспортивный интерес*. На вы-

борах Президента России украинские спецслужбы выявляли лиц с двойным гражданством (Наша Версия, 19.03.2012), ср. паспорт и исходное устойчивое словосочетание *спортивный интерес*; «*Меня заЦЕПИЛ Нижний Новгород*». *Певец исполнил свою детскую мечту...* (Город и Горожане, 31.07–06.08.2013). Ученые рассматривают развлекательность как способ оптимизации воздействия на получателя информации и как одну из ключевых ценностей массовой культуры.

Прагматическая функция новообразований связана и с их оценочным характером. Усиление личностного начала в современных медийных текстах проявляется в активном словотворчестве журналистов, которые используют новообразования как яркое, действенное эмоционально-оценочное средство. Наличие и характер оценки в новом слове зависят от лексико-стилистической характеристики мотивирующего слова, семантики и эмоционально-стилистической окраски аффиксов, степени стандартности словообразовательной структуры неологизма, от контекста. Так, негативная оценочность новообразования **жигололизм** (*жигололизм на потоке* // Нижегородские новости, 07.07.2009) связана с семантикой мотивирующего *жиголо*, называющего альфонса или молодого мужчину, оказывающего за плату интимные услуги женщинам. Оценочные новообразования активно создаются, например, с помощью префиксов со значением отрицания, ложности (*анти-*, *псевдо-*) и аффиксов размерно-оценочной семантики (*супер-*, *-ок*, *-ищ(е)*): *Опера «Князь Игорь» в Большом театре – антисобытие сезона, разочарование сезона* (Радио России, 09.08.2013); ... *сочинения лицедеев от филологии перегружены псевдосмыслом* (Литературная газета, 06–12.06.2012); *Это суперновость, отличная новость!* (радио «Бизнес FM», 05.05.2013); *Вы не замечали, что те, кому дали отставку, кто остался не у дел, много и неистово хорохорятся? Только дай им шансок – изображают из себя многозначительных персонажей* (Собеседник, 2012, №3); *третий моментике в этом матче!* (радио «Маяк», 24.06.2012). – *У нас если уж беда, то беда. – Да, бедница!* (Радио России, 14.08.2013). Ярким экспрессивно-оценочным средством в медийных текстах являются новообразования нестандартной структуры, и прежде всего разного рода гибридные дериваты: **Сколко** *можно? На минувшей неделе грянул очередной скандал вокруг фонда «Сколково»* (Наша Версия, 22.04.2013) ← *сколько* + *Сколково*; *Обыкновенный фальшизм. В Германии показали фильм о советских нацистских, польских антисемитах и украинских садистах* (Российская газета, 08.05.2013) ← *фальшивый* + *фашизм*; *Народ – ПРОтив. В день приезда в Прагу госсекретаря США Кондолизы Райс активисты «Гринпис», протестующие против строительства американского радара в Чехии, развернули на холме над городом большой плакат с надписью «Не делайте нас мишенью»* (Российская газета, 10.07.2008). Демонстрируя собственную оценку, журналист преследует цель не столько самовыражения, сколько активного воздействия на адресата, навязывания ему определенной позиции по тому или иному актуальному социальному вопросу.

Иногда отрицательное отношение автора перерастает в речевую агрессию, т.е. «жесткое, подчеркнутое средствами языка выражение негативного эмоционально-оценочного отношения к кому-, чему-либо, нарушающее представление об этической и эстетической норме» [Петрова 2011: 24]. Как проявление вербальной агрессии можно рассматривать создание неологизмов на базе грубых жаргонных, просторечных и обценных слов и выражений: **Саркозёл отпущения**. *Николя Саркози проиграл президентские выборы во Франции* (Завтра, 2012, №20); *Какова мировая функция Соединенных Штатов? Это мировой потребитель, это – жрала такая, хру-хру-хру. Она вот все жрет* (Огонек, 13.02.2012).

Чрезмерное стремление к экспрессивному «словомейкерству» не всегда уместно и не всегда положительно отражается на впечатлении адресата о статье. При создании нового «эффектного» слова журналисты всегда должны знать меру и считаться не только с юридическими, но и с нравственными законами.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

ЗЕМСКАЯ, Е. А. (1992): *Словообразование как деятельность*. М.

ЛЫКОВ, А. Г. (1976): *Современная русская лексикология (русское окказиональное слово)*. М.

ПЕТРОВА, Н. Е., РАЦИБУРСКАЯ, Л. В. (2011): *Язык современных СМИ: средства речевой агрессии*. М.

МАРИЯ МИХАЙЛОВНА РОВИНСКАЯ

Россия, Москва

ГЛАГОЛЬНЫЕ ПРЕФИКСЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ ЦИРКУЛЯРНОЙ ЛОКАЛИЗАЦИИ В РУССКОМ И ДРУГИХ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

ABSTRACT:

Verbal Prefixes with Circular Location Semantics in Russian and Other East-Slavonic Languages

The paper deals with Eastern Slavic verbal prefixes signifying “around”, analyzing their allomorphy and the grammaticalization of what was originally positional variants as different morphemes. An explanation of this phenomenon by the Church Slavonic influence is proposed.

KEY WORDS:

Verbal prefixes – spatial semantics – grammaticalization – borrowings – Slavic languages.

Глагольные префиксы со значением кругового движения в славянских, а особенно в восточнославянских языках, в частности, в русском, представляют интереснейший объект для исследования, пристальное внимание к которому не ослабевает уже без малого сто лет (из самых ранних работ, посвященных русской приставке *об-* (*о-*, *обо-*) см., например [Карцевский 1927]). Этому есть несколько причин. Во-первых, семантика круговой локализации не так часто бывает выражена именно префиксом, даже в языках с развитой глагольной префиксацией это значение часто выражается лексически. В славянских языках циркулярные префиксы движения продуктивны и имеют весьма развитую систему значений. Во-вторых, в восточнославянских языках, в частности, в русском, описание приставок со значением кругового движения *об-* (с морфонологическими вариантами *обо-*, *о-*) ставит перед исследователем вопрос о количестве таких приставок в языке, причем до сих пор этот вопрос остается вполне актуальным. Действительно, можно считать, что в современном русском языке существует только одна приставка *об-* (*о-*, *обо-*). Такая точка зрения отражена в работах [Зализняк & Шмелев 2000: 83; ГРЯ 1952: 589–592; Исаченко 1960: 148; Roberts 1976, Roberts 1981; Townsend 1968: 127; Timberlake 2004:

404; Барыкина и др. 1989]. Однако такое решение с неизбежностью порождает целый ряд проблем. При таком подходе чрезвычайно трудно объяснить существование в современном русском языке пар однокоренных глагольных пар, отличающихся «морфофонетическими вариантами» приставки *об-* и имеющих различную (слишком различную!) семантику. Это пары типа *осудить* – *обсудить*, *оговорить* – *обговорить*, *оделить* – *обделить*, *огреть* – *обогреть*, *осадить* – *обсадить*, *обжить* – *ожить*, *оставить* – *обставить* и др. Вообще говоря, само по себе существование в языке несинонимичных глагольных пар, которые отличаются только приставкой, является, пожалуй, достаточным аргументом для признания существования в русском языке двух приставок, поскольку алломорфы одной морфемы не могут порождать разных слов. Но и этот аргумент не единственный. В русском языке есть глагольные пары другого типа. Это слова с одним корнем, но с разными «вариантами» приставки *об-*, причем значения у этих глаголов, наоборот, практически идентичны: *обежать* – *оббежать*, *остричь* – *обстричь*, *острогать* – *обстрогать*, *оклеить* – *обклеить* и др. Таким образом, если считать, что в русском языке есть только одна приставка *об-* с алломорфами *о-*, *обо-*, то мы будем вынуждены признать, что в современном русском языке возможно сочетание одного глагола с разными алломорфами этой приставки, причем примеры таких сочетаний насчитывают несколько десятков пар. В одних случаях в результате такого сочетания приставки и глаголы получают префиксальные глаголы с различной семантикой, в других – практически синонимичные, а в некоторых – весьма близкие по значению, синонимичные в некоторых контекстах, как пары квазисинонимов *омывать* – *обмывать*. Добавим в качестве дополнительного штриха, что в современном русском языке разные алломорфы приставки *об-* сочетаются с семантически пустыми корнями, например, обценными, причем два разных варианта (*о-* и *об-*) имеют четко различающуюся семантику: «ударить» (близко по значению глаголу *огреть*) и, например, «разместить что-либо по кругу, вокруг чего-либо» (близко к глаголам *обсадить*, *обставить*, *обложить* и подобным). Презумпция существования единственной приставки *об-* никак не объясняет факт наличия в русском языке такого разнообразия, и признание существования двух различных приставок представляется единственным логичным решением. Такая точка принята, например, в [РГ 1980: §851]. Однако и такое решение рождает ряд проблем. Во-первых, нужно помнить, что есть случаи, когда разные словоформы одного глагола сочетаются с разными «вариантами» (мы используем этот термин вслед за М. А. Кронгаузом, который предложил его в качестве компромиссного для набора *о-*, *об-*, *обо-* в разных позициях и в сочетании с разными глаголами) приставки *об-*. Так, например, ведет себя глагол *обить* (*обо-бью*). Эта проблема решается легко, если допустить существование двух приставок с одинаковым набором алломорфов: *об-* (*о-*, *обо-*) и *о-* (*об-*, *обо-*). Вторая, более сложная, на наш взгляд, проблема, связана с объяснением причин, природы феномена существования в языке двух почти идентичных глагольных префиксов. Следует отметить, что далеко не во всех работах, в которых допускается факт существования в русском языке двух при-

ставок *о-* и *об-* препринимается попытка объяснения причин возникновения такой уникальной ситуации. В тех же работах, где такая попытка делается, самой популярной является так называемая «теория морфологического расщепления» (см. [Марков 1970; Алексеева 1978; Andrews 1984; Кронгауз 1998]), которая постулирует наличие в современном русском языке динамического процесса разделения, расщепления некогда единой праславянской приставки *об-*. Однако это объяснение представляется не вполне убедительным. Во-первых, сложно объяснить причины такого расщепления приставки. Появление таким способом новой морфемы в языке может быть вызвано возникшей необходимостью выражения близкого к существующему, но все же принципиально нового значения. Однако наличие в языке синонимичных однокоренных глагольных пар с разными вариантами приставки опровергает такое объяснение. К тому ж, принимая теорию морфологического расщепления, мы будем вынуждены признать наличие одновременно как минимум трех одинаковых процессов в трех восточнославянских языках.

Не оспаривая факт существования в русском языке двух приставок *об-* (*о-*, *обо-*) и *о-* (*об-*, *обо-*) хотелось бы предложить другое объяснение этого феномена, связанное, скорее, с историей, а не с современным состоянием русского языка.

Известно, что русский язык испытал сильное влияние церковнославянского языка, в процессе взаимодействия с которым обогатился новой лексикой, в том числе и сохранившей особенности церковнославянского словообразования, в частности, специфические глагольные префиксы. Многие церковнославянские префиксы сосуществуют в современном русском языке с аналогичными приставками исконно русского происхождения. Примером такого сосуществования может стать пара префиксов *вы-* (русского происхождения) и *из-* (церковнославянская): *выйти* – *изойти*, *вытечь* – *истечь* и т.д. Эти приставки, совершенно различные по форме, когда-то имели если не идентичное, то очень близкое значение в двух хотя и близкородственных, но тем не менее разных языках. В современном русском языке они могут образовывать префиксальные глаголы от одних и тех же основ, причем значения приставочных глаголов, конечно же, различаются, у них разная сочетаемость и стилистическая принадлежность.

Другим примером сохранения в современном русском языке заимствованной из церковнославянского языка приставки может служить приставка *пре-*, которая в одном из значений синонимична приставке *пере-*. Эти приставки намного формально ближе, но тем не менее ни у кого не вызывает сомнений, что в современном русском языке есть две различные приставки: *пре-* и *пере-*: *преградить*, но *перегородить*; *переступить*, но *преступить* и т.д. Интересно, что встречаются (хотя и редкие) случаи, когда формальная и семантическая близость двух исторически различных приставок рождает в современном языке неожиданные эффекты. Скажем, отглагольное существительное *перерыв* (с приставкой *пере-*) на синхронном уровне, безусловно, образовано от глагола *прервать*, а не *перервать* (*сделать перерыв в заседании* = ***прервать*** за-

седание, а не **перервать** его). Мы видим, что в процессе образования отглагольного существительного глагол неожиданно меняет приставку. Такая путаница, на наш взгляд, объясняется именно формальной и семантической близостью двух исторически различных морфем.

На наш взгляд, вполне допустимо предположить, что по тому же самому принципу и по тем же самым причинам, что и описанные выше две пары приставок, в современном русском языке сосуществуют приставки *об-* древнерусского и церковнославянского происхождения. Но в современном языке они плохо различаются, поскольку они не просто похожи (как *пре-* и *пере-*), а идентичны по форме (имеют одинаковый набор алломорфов) и очень близки по значению. То есть можно предположить, что церковнославянская приставка *об-* была так же заимствована из церковнославянского языка и существует в современном русском языке параллельно со второй, исконно русской, приставкой *об-*. Такая гипотеза, на наш взгляд, объясняет и существование синонимичных или очень близких по значению однокоренных глагольных пар с разными вариантами префикса, и, наоборот, сильно различающихся по смыслу однокоренных глагольных пар с разными алломорфами приставки *об-*.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- АЛЕКСЕЕВА, А. П. (1978): *Из истории приставочного глагольного словопроизводства (на примере образований с об- и о-)*. Автореферат дисс. канд. филол. наук. Ленинград. 1978.
- БАРЫКИНА, А. Н., ДОБРОВОЛЬСКАЯ, В. В., МЕРЗОН, С. Н. (1989): *Изучение глагольных приставок*. М. Грамматика русского языка. (1952) М.
- ЗАЛИЗНЯК, А. А., ШМЕЛЕВ, А. Д. (2000): *Введение в русскую аспектологию*. М.
- ИСАЧЕНКО, А. В. (1960): *Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким*. Морфология. Т. II. Братислава.
- КРОНГАУЗ, М. А. (1998): *Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика*. М.
- МАРКОВ, В. М. (1970): *Проблема формирования морфем на основе противопоставления фонетических вариантов*. In: Вопросы грамматического строя русского языка. Казань.
- РУССКАЯ ГРАММАТИКА (1980): Т. 1. М.
- KARCEVSKI, S. (1927): *Systeme du verber usse. Essai du linguistique synchronique*. Prague.
- ROBERTS, C.B. (1976): *Lexical differentiation of the Russian prefixal allomorphs O-, OB-, OBO-*. In: Zeitschrift für Phonetik Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung. № 29.
- ROBERTS, C.B. (1981): *The origins and development of O(B)- prefixed verbs in Russian with the general meaning "deceive"*. In: Russian Linguistics, 5, № 3.
- TIMBERLAKE, A. (2004): *A reference Grammar of Russian*. Cambridge.
- TOWNSEND, Ch. E. (1968) *Russian word-formation*. London.

АННА РУДЫК

Польша, Жешув

ОБРАЩЕНИЯ К БЛИЗКИМ ЛЮДЯМ В ПОЛЬСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

ABSTRACT:

Addressative Phrases Used Towards Close People in Polish and Russian

The article analyses lexemes appearing as addressative phrases in communication with close people. The examples were extracted from Katarzyna Grochola's books and their translations into Russian. The following forms were distinguished in the gathered data: diminutive forms of family members' names, names of animals, lexemes revealing the speaker's feelings, words and phrases indicating the character traits or appearance of the utterance addressee.

KEY WORDS:

Addressative phrases – affectonyms – feelings – emotions – vocative – Polish language – Russian language.

Обращение – это слово или сочетание слов, называющее лицо или предмет, к которому обращена речь. Оно является социально важным компонентом диалога, так как не только содержит информацию, к кому обращаются с речью, но отражает также отношение к собеседнику, «обусловленное самыми различными факторами – начиная от отношений возрастной и социальной иерархии, которые связывают собеседников, и кончая личными отношениями между ними, эмоциональным состоянием говорящего в данной ситуации, степенью его этической культуры и т.д.» [Скобликова 2009: 280]. Суть обращения составляют языковые формы установления контакта с собеседником при демонстрации взаимных социальных и личностных отношений. В роли обращений чаще всего выступают собственные имена людей, названия лиц по родству, по общественному положению или по профессии. Но с семантической точки зрения это могут быть как названия лиц, так и неодушевленных предметов и животных. Обращение не является средством выражения какого-либо содержания, а специфическим и наиболее характерным приемом обозначения адресата речи.

Особую группу обращений составляют слова и выражения, которые применяются, обращаясь к близким людям. Для их определения некоторые польские лингвисты употребляют термин *afektonimy*, который толкуется как интимные прозвища, которыми люди наделяют своих жизненных партнеров, членов семьи, а также близких друзей.

Несмотря на наличие термина в работах некоторых лингвистов, нельзя считать его общепринятым и распространенным из-за его отсутствия в главнейших лингвистических словарях. Это может казаться странным – ведь его происхождение ясно: лат. *affectus* = чувство + греч. *onymos* = имя. Исследование лексики, непосредственно выражающей человеческие чувства и эмоции, вызывает некие затруднения, которые обусловлены прежде всего недостаточной разработкой как самой проблемы, так и отсутствием единого терминологического аппарата. В русской лингвистической литературе мы вообще не обнаружили соответствующий термин, поэтому мы решили называть анализируемые единицы описательным способом: обращения к близким людям. В словаре лингвистической терминологии мы отметили лишь однокоренное слово *afektywy* (*афффективы*), являющееся термином довольно неопределенным, обозначающим всякое слово или грамматическую форму, которая выражает скорее чувства (аффекты), чем нейтральные понятия. Это прежде всего гипокористические формы, все прилагательные с яркой эмоциональной окраской и междометия. Аффективы однозначно занимают центр единого указательного поля эмотивного дейксиса.

В настоящем очерке мы рассмотрим обращения к близким людям, источником которых являются произведения Катажины Грохоли¹, и их переводы на русский язык. Мы отобрали только те примеры, которые введены в структуру диалога, поэтому исследуемые нами слова и выражения мы будем считать общей частью двух множеств: обращений и аффективов, что графически можно представить с помощью следующей схемы:

Отобранные польские и русские обращения к близким людям мы разделили на несколько групп.

1) Деминутивныe и гипокористические названия членов семьи: *babuniu, córciu, córeczko, córuchno, dziadziu, tatusiu, tatus, tatusiu, бабуля, доченька, дочура, дедуля, мамочка, мамуль, мамуля, папочка, папуль*. Приведен-

¹ Тексты в электронной версии: *Ja wam pokażę! / Я вам покажу!*, *Nigdy w życiu / Никогда в жизни*, *Podanie o miłość / Заявление о любви*, *Serce na temblaku / Сердце в гонце*, *Uroważnienie do szczęścia / Гарантия на счастье*.

ные примеры образованы от терминов родства путем добавления соответствующих суффиксов (прежде всего уменьшительных), а также усечения основы (ср.: *tatusz, mamul*). Особого внимания требует относящаяся к этой группе лексема *dziecko* и производные слова, вступающие в сочетание с прилагательными и местоимениями (ср.: *drogie dziecko, moje dziecko, moje drogie dziecko, dziecino słodka, dziecinko, dziecko drogie, dziecko, детка, деточка, дорогая детка, моя дорогая детка*), так как далеко не всегда применяется по отношению к собственным потомкам (ср.: ***Dziecko drogie*** – *mówi Moja Mama wcale nie do mnie [...]*; ***Деточка***, – *заговорила моя мама, обращаясь на этот раз не ко мне [...]*). В этих формах заключается доброжелательное отношение говорящего к адресату речи, а ситуация, когда термин родства используется при обращении не в соответствии с его значением – это т. наз. прагматический сдвиг.

2) Ласкательные слова, образованные от названий животных: *koteńku, misi*, *misiaczku, pszczołko, szczygiełku*, *зайнька, зайка, зайчик мой, котик, котик мой, котя, ласточка моя, мой зайчонок, моя пчелка*. Некоторые из примеров относятся к тому же животному в обоих языках (ср.: *Bez szczegółów, pszczołko [...]*. *Только без подробностей, моя пчелка.*), другие не совпадают (ср.: *No co ty, misi*, *taki nie w humorze? Ну что ты, зайчик мой, не в настроении?*). Интересной кажется форма *котя*, образованная по образцу уменьшительных форм имен собственных мужского рода (ср.: *Борис* → *Боря*; *котик* → *котя*).

3) Лексемы, связанные с чувством, испытываемым говорящим: *kochana, kochana moja, kochanie, kochany, mój kochany, ukochana istoto, дорогая, дорогая моя, дорогой, дорогуша, любимая, любимое существо, любимый, любимый мой, милая, милый, милый мой*. Большинство примеров – это субстантивированные прилагательные и причастия, в то время как в остальных группах преобладают имена существительные.

4) Слова и выражения, указывающие на черты характера, внешности или другие свойства адресата речи: *figlarzu, głupolku, malutka, mój ciudny, ty głuptasie, беденькая моя, глупышка, дурачок, малышка, чудный, шалун*. Приведенные примеры указывают как на желательные качества, так и на отрицательные черты (ср.: *głupolku, дурачок*).

В потоке речи обращение выделяется особой звательной интонацией. Парадигме польских существительных свойствен звательный падеж, являющийся особым средством выражения обращений (ср.: *tamusiu, dziecinko, koteńku, figlarzu*), иногда совпадающий с формой именительного падежа (ср.: И. *dziecko*, Зв. (о), *dziecko!*). Звательный падеж может внести добавочную эмоциональную окраску высказывания, быть выразителем чувств говорящего. Во всех отобранных польских примерах появилась именно такая форма, хотя обращения, как и в русском языке, могут приобретать форму именительного падежа.

Во всех выделенных группах встречаются выражения, в составе которых имеется притяжательное местоимение *mój / мой* (ср.: *moje dziecko, mój kochany, mój ciudny, моя дорогая детка, мой зайчонок, любимый мой, беденькая моя*), что может отчасти объясняться тем, что данное местоимение соотносит объект любви с любящим.

Обращения к близким людям, определяемые иногда как *afektonimy*, составляют функциональный класс слов и выражений, который, безусловно, нуждается в дальнейших исследованиях. В основе существующих работ, касающихся этого вопроса, лежат прежде всего методы наблюдения и анкетирования. Наряду с анкетами, ценным источником фактографического материала, могут оказаться также литературные тексты (тоже переводы для проведения сравнительного анализа), а также многосерийные фильмы, которые, по-нашему мнению, в большой степени отражают особенности современной речи, представляя повседневную жизнь семей и друзей, наблюдение которой может вызывать некие затруднения ввиду закрытости семейной коммуникации.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- БУРАС, М. М., КРОНГАУЗ, М. А. (2013): *Обращения в русском семейном этикете: семантика и прагматика*. In: Вопросы Языкознания, № 2, с. 121–131.
- ГАЛКИНА-ФЕДУРК, Е. М., ГОРШКОВА, К. В., ШАНСКИЙ, Н. М. (2009): *Современный русский язык. Синтаксис*. М.
- ИСХАКОВА, З. З.: *Эмотивная знаковая система языка*, www.rusnauka.com/27_OINXXI_2011/Philologia/7_92798.doc.htm
- МАРОЧКИН, А. И. (1995): *Эмоциональная лексика молодежного жаргона*. In: Язык и эмоции, Волгоград, с. 69–75.
- РОЗЕНТАЛЬ, Д. Э., ГОЛУБ, И. В., ТЕЛЕНКОВА, М. А. (1998): *Современный русский язык*. М.
- СКОБЛИКОВА, Е. С. (2009): *Современный русский язык. Синтаксис простого предложения*. М.
- BAŃKO, M., ZYGMUNT, A. (2011): *Czule słowa. Słownik afektonimów*. Warszawa.
- CZAPIGA, A. (2008): *Antroponimiczne metafory odzwierzęce w języku polskim, rosyjskim i angielskim*, Rzeszów.
- GOŁĄB, Z., HEINZ, A., POLAŃSKI, K. (1968): *Słownik terminologii językoznawczej*, Warszawa.
- PERLIN, J., MILEWSKA, M. (2000): *Afektonimy w polskim, francuskim, hiszpańskim i niderlandzkim. Analiza morfologiczna i semantyczna*. In: *Język a kultura*. T. 14, Wrocław. С. 165–173.
- POLAŃSKI, K. (1999): *Encyklopedia językoznawstwa ogólnego*, Wrocław.
- ROSIŃSKA-MAMEJ, A. (2007): *Funkcje form adresatywnych towarzyszących aktom próśb we współczesnym języku polskim*. In: *Respectus Philologicus* 11 (16) 2007. С. 42–55.
- TOMCZAK, L. (1991): *Formy adresatywne we współczesnej rodzinie*. In: J. Puzynina, J. Bartmiński (eds.), *Język a kultura*. T.2. Zagadnienia leksykalne i aksjologiczne. Wrocław.
- TOMICZEK, E. (1983): *System adresatywny współczesnego języka polskiego i niemieckiego. Socjolingwistyczne studium konfrontatywne*. Wrocław.
- URBAŃCZYK, S., KUCAŁA, M. (1999): *Encyklopedia języka polskiego*, Wrocław.

ОЛЬГА ВИКТОРОВНА ТРОФИМОВА

Россия, Тюмень

ПАРАМЕТРЫ РОССИЙСКИХ ПРОСТРАНСТВ: ТЕКСТЫ Н. В. ГОГОЛЯ НА ФОНЕ НАУЧНО- АДМИНИСТРАТИВНЫХ ТОПОГРАФИЧЕСКИХ ОПИСАНИЙ РОССИИ

ABSTRACT:

Parameters of Russia's Spaces: Gogol's Texts Against the Background of Administrative Topographical Descriptions of Russia

Literary description of space in the novel "Dead Souls" by N. V. Gogol correlates with topographical descriptions of Eighteenth-Century Russia. The descriptions are provided based on the analysis of surveys by V. N. Tatishchev, M. V. Lomonosov, the Academy of Sciences, and Catherine II's Cabinet. The archival data of the surveys and their descriptions are introduced into the scientific literature by the author of the present article and E. N. Konovalova, Cand. Sc. (History)

KEY WORDS:

Archival source – linguistic analysis of a literary text.

По словам автора «Мёртвых душ», «странный сюжет» произведения «составился в голове нашего героя: <...> ни приди в голову к Чичикову эта мысль, не явилась бы на свет сия поэма» [Гоголь 1967: 280 (далее при цитировании поэмы указаны только страницы)]. Исполнение «вдохновеннейшей мысли» заставило Чичикова «заглянуть в те и другие углы нашего государства», и какую-то часть пути по российским пространствам он проехал в бричке в сопровождении автора и читателей: «Куда ему вздумается, туда и мы должны тащиться» [281].

Любое повествование о путешествии невозможно без указания объектов внешнего мира и определенных параметров административного и географического пространства, нового для путешественника. В «Мёртвых душах» эти объекты или «случайно» встречаются путешествующему герою – безымянному на первых страницах текста господину, приехавшему в город NN в довольно красивой бричке, как «случайно» попадают в поле его зрения *два мужика, ка-*

бак, гостиница, молодой человек в белых канифасовых панталонах, или же специально его интересуют, о чем свидетельствует следующее замечание автора: «Впрочем, приезжий делал всё не пустые вопросы» [12] сначала о людях (значительных чиновниках и помещиках): кто (в городе губернатор, председатель палаты, прокурор?), сколько (имеет душ крестьян?), как далеко (живет от города?), а затем «о состоянии края»: не было ли (каких болезней?). Эти вопросы не что иное как параметры (т.е. запросы о значимых «величинах, характеризующих основные свойства какого-л. предмета, явления» [МАС 1987: 22]), по которым задающий их господин составляет представление о важном для себя административном пространстве губернского города NN. Его внимание пока не направлено на объекты географического пространства.

Мы же обратим внимание на важную деталь: рессорная «бричка, в какой ездят холостяки», позволяет читателю не только предугадать семейное положение её владельца, но и «сориентироваться» на месте: из разговора двух мужиков о технических характеристиках брички читатель делает вывод, что губернский город NN находится ближе к Москве, чем к Казани, куда «колесо не доедет». Но это не Симбирская, не Рязанская, не Пензенская и не Вятская губернии, в коих герою поэмы уже приходилось бывать и рассказывать дамам «множество приятных вещей» [200]. NB! Сведения о расстояниях до смежных и престольных городов запрашивались в первых же пунктах анкет для составления топографических описаний России, начиная со II половины XVIII века, и, например, канцеляристы губернского города Тобольска отвечали на них так: «1. В северной широте 58 градусов 12 минут 30 секунд, долготы 85 градусов 56 минут. 2. Расстоянием от Санктпетербурга 2880 верст, от Москвы 2156 верст, от Перми 884 верст, от Иркутца 2818 верст...» [Топ. описание 1784].

Только «получив» от автора чин, личное имя и статус, коллежский советник Павел Иванович Чичиков, помещик отправляется «посмотреть город» – и делает вывод, позволяющий читателю судить о его (административном / жизненном?) опыте, «что город никак не уступал другим губернским городам». Указанная на лоскутке гостиничной бумажки номинация персонажа «разворачивается» в этот момент в две текстовые линии: Павел Иванович Чичиков видит, что «сильно была в глаза желтая краска на каменных домах и скромно темнела серая на деревянных», а коллежский советник обращает внимание на то, что были и каменные, и деревянные дома. Можно обратить внимание на лексико-морфологическое распределение слов по сферам восприятия «раздвоившегося» Чичикова: качественные прилагательные и наречия, называющие цвет объектов реального мира и его интенсивность, характеризуют субъективированную сферу Чичикова как персонифицированного персонажа, а относительные прилагательные и количественные слова входят в объективированную сферу Чичикова как чиновника, при этом опытного, поднимавшегося и опускавшегося по вертикали административного пространства (см. «резюме» героя в конце I тома: чиновник казенной палаты; повытчик; член комиссии для построения казенного весьма капитального строения, переменив-

ший затем две, три должности; таможенный чиновник; поверенный; колесный советник). В следующем гоголевском предложении уже нет актуализации субъекта восприятия, – «Домы были в один, два и полтора этажа» [13] – конструкция очень напоминает фразы из топографических описаний российских городов, например, того же Тобольска 1784 г.: «Дом архиерейской о трех этажах, генерал губернаторской о трех этажах, губернаторской деревянной на каменном фундаменте, вице губернаторской деревянной об одном этаже на каменном фундаменте, обер коменданской деревянной... Обывательских домов 2247, в том числе каменных 8-мь» [Топ. описание 1784]. (Кстати, где-то в середине I главы Чичиков и Манилов «дошли наконец до площади, где находились присутственные места; большой трехэтажный каменный дом, весь белый, как мел, вероятно для изображения чистоты душ помещавшихся в нем должностей; прочие здания на площади не отвечали огромности каменному дому.» [164]. В тексте Гоголя снова есть цвет, отсутствующий в деловом тексте, и его обыгрывание!)

Дальнейшее описание губернского города NN «преодолевают» авторизацию начальных предложений («Местами эти дома казались затерянными среди широкой, как поле, улицы...»). Мы видим бытийные конструкции с рематической актуализацией предметного постпозитивного подлежащего: «Попадались ... вывески с кренделями и сапогами», «Кое-где просто на улице стояли столы с орехами...», «Чаще же всего заметно было потемневших двуглавых государственных орлов, которые теперь уже заменены лаконической надписью: “Питейный дом”» [там же]. Но последнее предложение вновь возвращает нас к Чичикову – он рассматривает вывески и, как и автор, знает ситуацию в стране: иначе как можно воспринять назначение актуализации времени без актуализации пространства в словах *теперь уже заменены?*

Сколько канцелярских бумаг «сочинил..., написал и переписал» Чичиков в своё время (и «*форменный порядок был ему совершенно известен*» [158])! Возможно, среди них были ответы на многочисленные правительственные анкеты, которые рассылались по России на протяжении XVIII и начала XIX века. Из ответов на них формировались топографические описания, дающие представление о природных и человеческих ресурсах городов, уездов, губерний или наместничеств, – новый для России XVIII века тип текста, научно-административный по функционально-стилистической природе [Трофимова 2010: 93]. Первыми были анкеты В. Н. Татищева 1734 и 1737 гг., затем – М. В. Ломоносова, Сухопутного шляхетского корпуса, Кабинета Екатерины II, Вольного экономического общества... Необходимые для ответа сведения собирали в провинциальных канцеляриях и описывали штатные и внештатные их «сотрудники», в том числе специально обученные геодезисты. Судя по черновым материалам Тюменского архива, составителями ответов были выборные, канцеляристы, представители купечества, монастырские служители – в разной степени владевшие основами письменной, тем более деловой, речи. Но все эти субъекты речи оказались включенными в новую коммуникативную ситуацию создания текстового документа, на основании которого правительственный

адресат мог бы составить представление о неизвестной ему территории. Непосредственным адресатом были академики: рапорты с ответами должно было отправлять «из ближних губерней – во академию наук, а в Сибири – действительному стацкому советнику Татищеву, или объявленному профессором, которые <...> в надлежащем порядке во академию сообщат» [Ведомость 1746]; 2) «опосредованным адресатом» выступали столичные чиновники. Вероятно, так видели ситуацию местные власти, получавшие анкеты в сопровождении указов Правительствующего Сената (указы обязывали местных чиновников не прятать анкеты под сукно, а отвечать на них немедленно). Следовательно, новая коммуникативная ситуация требовала проявления личного начала в деловой коммуникации: важной оказывалась позиция субъекта речи (выборного, воеводы – должности, сопоставимой по чину с чином коллежского советника П. И. Чичикова; по крайней мере, воеводой Тюмени в 1766–1770 гг. был коллежский советник Степан Угримов [Трофимова 2004: 130], и т.д.) в отборе и представлении запрашиваемой информации – т.е. в создании определенной картины мира. И «образ адресата», наряду с другими причинами (доступность запрашиваемого материала, мера ответственности исполнителя, особенности понимания им содержания вопросов анкеты), влиял на содержание «ответствий». Так, вопрос «5. Оные границы явны ль, яко реки, горы, болота, или назначенныя и описанныя урочища, и на какой долготе, хотя по примеру» имеет в черновом источнике два ответа разными почерками, первый вычеркнут: *Город Тюмень внутри Сибири стоит, и со всех сторон границы не имеетя. Роз[о]шлись от города Тюмени границы лесами, лугами, и болоты, и пашенными землями. Или: 101. Кто воеводы или губернаторы своим тщанием и разумом какую пользу городу показали? Например, добрыя порядки ввел и воровство и безпокойство пресек... Ответ единственный: А воеводы всегда воровство пресекают и добрые порядки вводят по силе указов* [Ведомость 1746].

Напомним: сведений о том, в какой цвет окрашены городские дома, в архивных описаниях XVIII века нами не обнаружено. А вот объективно оценить строения как ветхие позволяли себе и сибирские чиновники, и коллежский советник Чичиков. Ср. фрагменты описаний города Тара: *Городское укрепление состоит из двух башен, между которых стоячей тын для взъезду, ворота ззади реки, и все оное от ветхости разваливаетца*; города Томска: *Городоваго укрепления нет, а прежде имелся старинной деревянной кремль с бойницами и с семью башнями, из коих под двумя въезжсия ворота, но оной за ветхостию весь развалился. Казенных домов прежде бывшая воеводская канцелярия 1, ветхая* [Топ. описание 1784]; деревни Плюшкина, в которую приехал Чичиков: *Какую-то особенную ветхость заметил он на всех деревенских строениях: бревно на избах было темно и старо; многие крыши сквозили, как решето <...> Из-за хлебных кладей и ветхих избяных крыш возносились <...> две сельские церкви, одна возле другой: опустевшая деревянная и каменная, с желтенькими стенами, испятнанная, истрескавшаяся* [131] и еще одного делового фрагмента: *В Таболском уезде состоит церквей каменных 5, да каменных же вновь строящихся 3;*

деревянных, в том числе в двух по ветхости и служения не имеют, 27; итого 35 [Топ. описание 1784].

Итак, чиновник Чичиков путешествует по европейской части России, встречается с другими персонажами в сопровождении автора (то рассказчика, то лирического героя), и в их совокупном тексте не могут не быть названы и так или иначе охарактеризованы многие из тех объектов реального пространства, сведения о которых запрашивались в правительственных анкетах. Пространство же помещика Чичикова может быть только на деловой бумаге, которую он способен сочинить по известному образцу: «Я представляю и свидетельство за собственноручным подписанием капитана-исправника». Оно «виртуально»: «Деревню можно назвать Чичикова слободка или по имени, данною при крещении: село Павловское» [280].

Общепризнано, что «Мёртвые души» – «произведение энциклопедическое по широте охвата жизненного материала» [Машинский 1967: 587], в нём отразилось восприятие России людьми разных социальных групп, в том числе чиновниками. Широкий круг читателей узнавал и узнает Россию по «Мёртвым душам» (в письме В. А. Жуковскому 12 ноября 1836 г. Н. В. Гоголь предсказывал: «Вся Русь явится в нём» [http://az.lib.ru/g/gogolx_n_w/text_0140.shtml]), как до «Мёртвых душ» узкий круг столичных чиновников и ученых знакомился с Россией по топографическим описаниям регионов государства, описанных провинциальными канцеляристами. В XVIII – начале XIX века было составлено несколько десятков историко-географических описаний регионов России, из них опубликовано 16, в основном губерний центральной России [Рубинштейн 1953: 87], описания сибирских губерний [Колесников 1982; Вилков 1988] вышли в свет спустя два столетия.

Инспектор гимназии при Академии наук Л. Бакмейстер, издавший часть топографических описаний по материалам анкет 1760–61 гг., писал о провинциальных канцеляристах: «... они, находясь в тех местах, о которых идёт вопрос, могут осведомиться о всем том, чего сами еще не знают. Правда: они могут обмануться; они могут иногда обмануты быть другими... сию суть упражнения необычайныя для канцелярий» [Бакмейстер 1771: 4]. Представляется, что эти слова, написанные более чем за полвека до выхода «Мёртвых душ», могли бы стать одним из эпиграфов к поэме, сохраняющей верность реальности в том числе на уровне конкуренции грамматических форм слова. Интернет-версия поэмы на сайте [http://az.lib.ru/g/gogolx_n_w/text_0140.shtml] подтверждает, что в изданном в 1842 г. тексте есть две формы множественного числа существительного *дом*: 5 – *домы* и 3 – *дома* (дважды – в словосочетании *дома гражданской архитектуры*). В сопоставляемых архивных топографических описаниях XVIII века фиксируем только *домы*. Из материалов НКРЯ [<http://www.ruscorpora.ru/search-main.html>] следует, что в 1842 г. на миллион словоформ приходилось 7 форм *домы* и 16347 форм *дома*, в то время как в 1841 г. – 2 формы *домы* и 104 – *дома*. Кривые графиков указывают на 1822 г. как на переломный в «победе» новой формы. (Судя по тексту поэмы, к этому же примерно году относятся и события в губернском городе NN: сочи-

няемая Чичиковым купчая крепость начиналась «большими буквами: “Тысяча восемьсот такого-то года”» [158], война 1812 г., судя по повести о капитане Копейкине, как и VII ревизия 1816 г. – в прошлом, и Чичикову надо успевать совершить «негоцию» с мертвыми душами до начала следующей. VIII же подушная перепись населения началась в 1836 г., когда Гоголь уже работал над поэмой.)

Один из вопросов анкеты В. Н. Татищева 1737 г., не повторявшийся в других анкетах, касался такого параметра национального пространства, как язык: «198. Наипаче всего нужно каждого народа язык знать, дабы чрез то познать, коего они отродья суть» [Ведомость 1746]. В черновике тюменского ответа вся записанная на нескольких листах информация оказалась вычеркнутой: чиновники не взяли на себя ответственности судить о русском и татарском языке местного населения. В «Мёртвых душах» такую ответственность взял на себя не чиновник Чичиков, но автор – лирический герой: «... всякий народ <...> своеобразно отличился каждый своим собственным словом, которым, выражая какой ни есть предмет, отражает в выраженьи его часть собственного своего характера. <...> Нет слова, которое было бы так замашисто, бойко, так вырвалось бы из-под самого сердца, так бы кипело и животрепещало, как метко сказанное русское слово» [129].

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- БАКМЕЙСТЕР, Л. (1771): *Топографические известия служащая для полного географического описания Российской империи. Тома первого часть первая*. СПб. С. 3–5.
- Ведомость (1738): *Города Тобольска ведомость, сочиненная в Тобольску по имянному ея императорского величества указу, присланному ис кабинета, и по определениям тайного советника господина Татищева, потребныя к сочинению гистории*. In: СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 152. Лл. 1–15 об.
- Ведомость (1746): *Ведомость, учиненная на вопросные пункты геодезии прапорицка Павлуцкого по силе присланного указу из Сибирской губернской канцелярии, о состоянии города Тюмени и о прочем*. In: ГУТО ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 4993. Лл. 2–43.
- ВИЛКОВ, О. Н. и др. (1988): *Описание Иркутского наместничества. 1792*. Новосибирск.
- ГОГОЛЬ, Н. В. (1967): *Мёртвые души. Том первый*. In: Гоголь Н. В. Собрание сочинений в семи томах. Т. 5. М. С. 7–288.
- КОЛЕСНИКОВ, А. Д. (1982): *Описания Тобольского наместничества (1789–1790)*. Новосибирск.
- МАС (1987): *Словарь русского языка: В 4-х т. Т. 3. П–Р*.
- МАШИНСКИЙ, С. И. (1967): *Примечания. «Мёртвые души»*. In: Гоголь Н. В. Собрание сочинений в семи томах. Т. 5. М. С. 573–620.
- Топ. описание (1784): *Топографическое описание Тобольского наместничества. 1784–1785 гг.* In: РГО. Научный архив. Р. 55. Сибирь. Д. 47.
- РУБИНШТЕЙН, Н. Л. (1953): *Топографические описания наместничеств и губерний XVIII в. – памятники географического и экономического изучения России*. In: Вопросы географии. М. Сб. 31. С. 85–97.
- ТРОФИМОВА, О. В. (2010): *Лингвистические исследования топографических описаний Западной Сибири XVIII века*. In: Русский язык: исторические судьбы и современность. М. С. 93–94.
- ТРОФИМОВА, О. В. (2004): *Жизнь тюменцев во времена Екатерины Второй*. In: Тюмень: образ, душа, судьба. Тюмень. С. 130–241.

ГЕЛЕНА ФЛИДРОВА

Чехия, Оломоуц

К ИНФИНИТИВНОМУ ПРЕДИКАТУ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ В СОПОСТАВЛЕНИИ С ЧЕШСКИМ

ABSTRACT:

On Infinitive Functioning as Predicate in Russian in Comparison with Czech

Attention is paid to infinitive used in the syntactic function of predicate both in clauses with subject (i.e. traditionally clauses with two sentence elements – subject and predicate) and in subjectless clauses (i.e. minor clauses). In both structural sentence types, mainly the predicate expressed by means of an independent infinitive form is studied (e.g. *Ona plakat. Rukami ne trogat! Ne zajekhat' li nam k nemu?*). In Czech, the counterparts are finite verbal forms, which is another evidence of a wider scope of functioning of infinitive in Russian in comparison with Czech. The reason is the fact that in Russian, infinitive has been verbalized to a greater extent than in Czech.

KEY WORDS:

Verbal infinitive – predicate – clauses with subject and subjectless clauses – Czech counterpart – finite verbal form – verbalization of infinitive.

Инфинитив традиционно считается наиболее обобщенной глагольной формой с минимальной грамматической нагрузкой. Что касается грамматического характера инфинитива, в русской и чешской лингвистических традициях существует много разных взглядов, о чем свидетельствует и богатая научная литература по этой теме. Причиной является, с одной стороны, происхождение инфинитива (косвенный падеж отглагольного существительного) и, с другой стороны, возможность выполнять в предложении самые разнообразные функции.

В истории русского языкознания велись споры прежде всего насчет глагольного или именного характера инфинитива и из этого вытекающего вопроса о его частеречевой принадлежности [напр., Богородицкий 1935, Шахматов 1941, Буслаев 1958, Потехня 1958], в то время как чешские лингвисты занимались скорее проблематикой семантики инфинитива, а именно, выражает ли он модальность или является модально нейтральным и каково его отношение к производителю инфинитивного действия [напр., Poldauf 1954, Korešný 1958, Svoboda 1962, Hrabě 1964, Řeháček 1966].

В современной русской и чешской традиции в инфинитиве усматриваются как глагольные, так и именные черты. Это проявляется в том, что инфинитив выражает категории вида (*видеть – увидеть*) и залога (*строить – строить-ся, построить – быть построен*), сохраняет глагольное управление (*читать книгу*) и в предложении может выступать в роли предиката (*Он начал петь. Они бежать. Молчать!*), но одновременно он может выполнять синтаксические функции существительного, т.е. функцию подлежащего или дополнения (*Курить воспрещено. Врач ему запретил курить.*). Кроме того, он имеет также функцию обстоятельства цели (*Завтра пойдем купаться.*) и ограничения (*Сегодня холодно купаться.*).

Следовательно, в предложении инфинитив может выступать в синтаксической функции главных и второстепенных членов, причем ни один из членов предложения примарно инфинитивом не выражается.

Здесь обращается внимание на расхождения между русским и чешским языками в области инфинитивного предиката.

Предикат как главный член предложения представляет собой центр предложения, т.е. связывает все конститутивные члены предложения в одно структурное целое. В соответствии с чешской лингвистической традицией мы употребляем общий термин **предикат** для обозначения как сказуемого, соотносительного с подлежащим (в традиционно двусоставных предложениях), так и единого главного члена, не соотносительного с подлежащим, в предложениях без подлежащего (т.е. традиционно односоставных предложениях). Вместо терминов «двусоставные» и «односоставные» предложения мы работаем с терминами **«предложения с подлежащим»** и **«предложения без подлежащего»** [Flídrová, Žaža 2005].

В обоих типах предложений инфинитив полнознаменательного глагола встречается в предикате или в сочетании с модальными или фазовыми модификаторами, или самостоятельно.

В первом случае речь идет о сложном глагольном предикате. Напр.: *Я могу приехать. Следует подождать. Об этом надо будет подумать. Мы стали заниматься математикой. Он продолжал стоять в двери своей комнаты. Я уже кончил читать этот роман.*

Что касается модальных модификаторов, то для русского языка более характерны предикативные наречия, в то время как в чешском языке превалируют модальные глаголы. Фазовые модификаторы, т.е. фазовые глаголы, представлены в русском языке, по сравнению с чешским, в большем количестве и большей разнородности.

С сопоставительной точки зрения здесь интересна также кумуляция инфинитивов в русском языке в отличие от чешского. Напр.: *Она решила продолжать ходить учиться рисовать* (инфинитив *учиться* здесь в роли обстоятельства цели, инфинитив *рисовать* в роли дополнения). Чешским эквивалентом является сложное предложение: *Rozhodla se, že se bude i nadále chodit učit kreslit // že bude i nadále chodit do hodin kreslení.*

В центре нашего внимания будет, однако, самостоятельный инфинитив в предикате, т.е. второй из вышеприведенных случаев.

В предложениях с подлежащим инфинитив бывает в позиции финитной глагольной формы в роли так наз. несогласованного глагольного предиката. Его употребление эмоционально окрашено и ограничено разговорной речью, поэтому он часто встречается и в сказках.

Примеры: *Она плакать. Только что пришел и сразу ругать. А царица хототать, и плечами пожимать. Я за книжку, та – бежать и вприпрыжку под кровать.* Этот инфинитив выражает интенсивное начало действия в прошлом и часто сочетается с частицами, напр., *ну, да, давай, вздумай* и др. Напр.: *А друзья ну обниматься. – A přátelé se hned začali prudce objímat. А он давай колотить его по голове. – A najednou ho začal tlouct po hlavě.*

Кроме интенсивного начала действия инфинитивный предикат выражает также готовность, предрасположенность к действию или строгий приказ. Напр.: *Как! Ты подкупать меня?! – Tak ty mě chceš / budeš podplácet?! А вы жаловаться?! – Tak vy si chcete / budete stěžovat?! А вы стоять и ни с места! – А вы stůjte / stát a ani hnout!*

Как видно из примеров, чешские эквиваленты всегда содержат финитную форму глаголов, эксплицитно выражающих или начало действия, или соответствующее модальное значение. Только в случае строгого приказа и в чешском языке изредка возможен инфинитивный предикат. Напр.: *Vy ne, vy ročkat! А вы stát a ani hnout!*

Однако несогласованный инфинитивный предикат имеет место и в чешском разговорном языке, но в совсем других значениях. Напр.: *Она ani slyšet. – Она и слышать не хотела. Já tančit? – Куда уж мне танцевать!*

В позиции финитной глагольной формы инфинитивный предикат встречается и в некоторых придаточных предложениях, но только после определенных союзов и при определенных условиях, напр.: *Прежде чем уйти, я убрала комнату. – Než jsem odešla, uklidila jsem byt.* В чешском языке здесь используются личные глагольные формы [более подробно см. Г. Флидрова 2007].

Намного чаще, чем в предложениях с подлежащим, инфинитивный предикат бывает в предложениях без подлежащего.

Там он очень часто встречается в русском и в чешском языках в предложениях, выражающих категорические приказы и команды. Напр.: *Молчать! – Mlčet! Закрыть дверь! – Zavřít dveře! Трубку не брать! – Sluchátko nezvedat! Прекратить огонь! – Ukončit palbu!*

Однако в большинстве случаев чешским инфинитивным командам в русском языке соответствуют конструкции с императивом или неглагольные предложения. Напр.: *Zastavit stát! – Стой! Četo, vyrovnat! – Взвод, направо равняйся! Prapore, nasedat! – Батальон, по машинам!*

Если русские инфинитивные приказы содержат дательный субъекта приказываемого действия, их чешскими эквивалентами являются предложения с подлежащим и предикатом в индикативе. Напр.: *Никому не двигаться! – Ni-*

kdo (ať) se nehýbe! Nikdo se nesmí hýbat! Капитану остаться! – Kapitán (ať) zůstane! Kapitán má/musí zůstat!

Кроме категорических приказов и команд, самостоятельный инфинитив может выражать и разные инструкции в массовой коммуникации. В чешском языке здесь также бывает инфинитив, но более частыми являются формы 1 л. мн. ч. индикатива. Напр.: *Перед употреблением взбалтывать! – Před užitím zatřepat! Прибавить квашеную капусту! – Přidáte kyselé zelí.*

Также в опативных и вопросительных предложениях инфинитивный предикат встречается как в русском, так и в чешском языке, в чешском, однако, намного реже.

Опативные предложения.: *Лишь бы уснуть! – Jen to stihnout! Jen abych to stihl/a // abychom to stihli! Ещё раз увидеть его! Ještě jednou ho tak vidět! // Moci ho tak ještě jednou vidět! / /Kdybych ho tak mohl/a // kdybychom ho tak mohli ještě jednou vidět! Не опоздать бы на лекцию! – Jen abych nepřišel/nepřišla // abychom nepřišli pozdě na přednášku!*

Вопросительные предложения: *Что делать? – Co dělat? Co mám/e dělat? Как мне поступить? Jak se zachovat? Jak se mám/e zachovat? Быть, или не быть? – Být, nebo nebýt? Может, в гости сходить к кому-нибудь? Co kdybychom/ co abychom / že bychom šli k někomu na návštěvu? Neměli/nemohli bychom jít k někomu na návštěvu? Не захват ли нам к нему? – Neměli bychom k němu zajet?*

Только в русском языке, в отличие от чешского, инфинитивный предикат встречается в предложениях, выражающих неизбежность действия, абсолютную уверенность в его осуществление. Чешские эквиваленты содержат финитную глагольную форму. Напр.: *Тебе не уснуть на поезд. – Určitě nestihneš vlak. Войне не быть. – Válka určitě nebude. Всем людям умереть. – Všichni lidé musí zemřít. Быть дождю. – Určitě bude pršet.*

Так же только в русском языке инфинитивный предикат (с частицей *бы* или со словом *лучше*) выражает уместность действия, т.е. прежде всего совет. В чешском языке здесь употребляется личная форма модального глагола *mít* в сочетании с инфинитивом. Напр.: *Поехать бы к нему. Měli bychom k němu zajet. Прийти бы вам вчера. – Měl/i jste přijít včera. Тебе лучше не ходить со мной. – Neměl bys/neměla bys raději se mnou chodit.*

На материале инфинитива в функции предиката в русских предложениях с подлежащим и без подлежащего мы попытались показать более широкую область функционирования инфинитива в русском языке по сравнению с чешским. Это одно из существенных отличий между русским и чешским языками. Оно является следствием того, что в русском языке инфинитив вербализовался, т.е. включился в систему форм глагола в большей степени, чем в чешском, и употребляется в роли финитных глагольных форм.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

БОГОРОДИЦКИЙ, В. А. (1935): *Общий курс русской грамматики*. Москва – Ленинград.

БУСЛАЕВ, Ф. И. (1958): *Опыт исторической грамматики русского языка, часть 1*.

Москва.

FLÍDROVÁ, H. (2008): *Придаточные предложения с инфинитивным предикатом в русской научной*

- речи и их чешские эквиваленты*. In: Rossica Olomucensia XLV-II, Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů. Olomouc: Univerzita Palackého, s. 153–157.
- FLÍDROVÁ, H., ŽAŽA, S. (2005): *Синтаксис русского языка в сопоставлении с чешским*. Olomouc: Univerzita Palackého.
- HORÁLEK, K. (1953): *O překládání infinitivních konstrukcí*. In: *Knih o překládání*. Praha, s. 247–257.
- HRABĚ, V. (1964): *Polovětné vazby a kondenzace „druhého sdělení“ v ruštině a češtině*. Praha: ČSAV.
- KOPEČNÝ, F. (1958): *Základy české skladby*. Praha.
- POLDAUF, I. (1954): *Infinitiv v angličtině*. ČMF.
- ПОТЕБНЯ, А. А. (1958): *Из записок по русской грамматике, том 1–2*. Москва.
- ŘEHÁČEK, L. (1966): *Sémantika a syntax infinitivu v současném polském spisovném jazyce*. Praha: UK.
- SVOBODA, K. (1962): *Infinitiv v současné spisovné češtině*. Praha: ČSAV.
- ШАХМАТОВ, А. А. (1941): *Синтаксис русского языка*. Ленинград.

АЙСА ХАЛИДОВ

Россия, Грозный

ЗАЛОГОВЫЕ И ВНЕЗАЛОГОВЫЕ ДИАТЕЗЫ В РУССКОМ И ДРУГИХ ЯЗЫКАХ

ABSTRACT:

Voice and Non-Voice clauses in Russian and Other Languages

The article covers the issue of voice and non-voice clauses differentiation. In the capacity of voice clauses are considered only clauses that are 1) expressed by transitive constructions; 2) contain so much as one actant in it – the object, 3) have two correlating grammar variants of one and the same semantic level units relation – active and passive; passive may have more than one form.

KEY WORDS:

Voice – clause – verb transitivity – verb reflexivity – passive transformation – voice clauses – non-voice clauses.

1. Несмотря на длительную историю исследования залогов и залоговых преобразований, не все вопросы содержания и функционирования этой категории до конца выяснены и в русском языкознании, и в общей грамматике. Это касается и определения того, что это за категория – морфологическая или какая-то иная, и выяснения принадлежности залога только глаголу или предложению в целом, и дифференциации залоговых и внезалоговых диатез, и т.д. С учетом важности продолжения разработки темы предлагаю некоторые соображения, которые, надеюсь, в какой-то степени помогут определиться с подходами к интерпретации категории залога и смежных с ней или связанных с ней явлений.

2. Начну с несогласия с авторами, фактически ставящими знак равенства между понятиями «залог» и «диатеза». Особенно это характерно для словарей лингвистических терминов и лингвистических энциклопедий. На самом же деле залог – лишь одна из множества диатез, вернее – две диатезы с разным представлением объекта в предложении: в активе как грамматического дополнения, в пассиве как грамматического подлежащего. Самих же диатез в языках больше, а их исчисление, которое велось на протяжении длительного

времени школой А. А. Холодовича [Категория 1970], вряд ли можно уверенно считать завершенным.

3. Когда А. А. Холодович говорил о семи теоретически возможных залоговых диатезах [Холодович 1979], он, безусловно, имел в виду возможные варианты морфологической маркировки залоговых отношений и преобразований, а не количество самих залогов, которое, по его же утверждению, в языках мира не превышает число 4 (четыре залога выделили в языке наирори – Филиппины). Но следовало, видимо, четче обозначить различие между синтаксическим (или семантико-синтаксическим) содержанием понятия «залог» и содержанием морфологическим. В синтаксическом отношении залогов, по нашему мнению, больше двух не может быть в принципе, о каком бы языке не шла речь, а вот морфологических вариантов может быть больше: чаще всего это актив и две формы пассива (как, например, в русском языке спрягаемо-глагольная и причастная), возможны три, а может быть, и больше морфологических варианта выражения пассива.

4. В русской грамматике при рассмотрении залога нет системности ни в описании залоговых преобразований, ни в определении круга диатез, которые можно считать залоговыми. Вряд ли правомерно вводить в сферу залога непереходные конструкции типа *Брат идет в школу*. Нельзя вводить сюда, разумеется, безличные предложения. Более того, даже не все переходные глаголы и конструкции предложения реально пассивно преобразуемы: *Я смотрю телевизор* можно, в принципе, трансформировать в *Телевизор смотрится мною*, но понятно, что носители языка этого не делают. В сферу залоговых диатез нельзя вводить и возвратные глаголы: фортуноватская традиция, у которой немало сторонников и сейчас, противоречит представлению о залоге как категории, требующей преобразуемости актива в пассив.

5. В русском языке, в котором, не только с нашей точки зрения, залогов только два, самих способов пассивного преобразования больше, причем обусловлены они и принадлежностью глагольного предиката исходной активной конструкции к тому или иному из трех времен, и грамматическим видом этого предиката. Выстраивая систему залоговых преобразований в русском языке, можно представить ее так:

Актив	Пассив
1. Предикат – спрягаемый глагол наст. вр. несов. в.: <i>Рабочие возводят школу третий год.</i>	Предикат – спрягаемый глагол с частицей -ся: <i>Школа возводится рабочими третий год.</i>
2. Предикат – глагол прош. вр. несов. в.: <i>Рабочие возводили школу три года.</i>	Предикат – глагол прош. вр. несов. в. с частицей -ся: <i>Школа возводилась рабочими три года.</i>
3. Предикат – глагол прош. вр. сов. в.: <i>Рабочие возвели школу за три года.</i>	Предикат – страдат. причастие сов. в. в прош. вр.: <i>Школа возведена рабочими за три года.</i>
4. Предикат – глагол будущ. вр. сов. в.: <i>Рабочие возведут школу за три года.</i>	Предикат – аналитич. будущее со страдат. причастием сов. в.: <i>Школа будет возведена рабочими за три года.</i>
5. Аналитический предикат со вспомог. глаголом будущ. вр. и полнозначным глаголом несов. в.: <i>Рабочие будут возводить школы три года.</i>	Аналитич. предикат со вспомог. глаголом будущ. вр. и полнозначным глаголом несов. в. с частицей -ся: <i>Школа будет возводиться рабочими три года.</i>

6. Может показаться, что приведенная система дает 5 вариантов морфологической маркировки залоговых преобразований. На самом деле в этих 5 вариантах исходные и соответственно производные конструкции в семантико-синтаксическом отношении не складываются в одну парадигму: *Рабочие возводили школу три года* и *Рабочие возвели школу за три года*, конечно, не одно и то же. Вместе с тем мы можем сказать уверенно, что в русском языке пассивное преобразование может быть осуществлено двумя морфологическими способами: 1) образованием от исходного глагола «возвратной» формы с частицей *-ся*; 2) образованием от исходного глагола краткого страдательного причастия.

7. Возвращаясь к различению залоговых и внезалоговых диатез, отметим, что собственно залоговой можно считать только такую «схему соответствия», в которой один из членов оппозиции – конструкция с формально и семантически переходным глаголом (актив), а второй – конструкция с семантически переходным финитным или инфинитным глаголом без выраженных признаков формальной переходности (пассив). Именно поэтому непереходные глаголы и даже абсолютно переходные в непереходном употреблении выносятся за сферу залога. В русском языке, например, глагол *работать* – непереходный (исторически переходный – *мечи работати*), а, следовательно, и внезалоговой: *Отец работает* не трансформируется так, чтобы глагол имел другой грамматический субъект – подлежащее. Однако производные *заработать*, *доработать* и др., становясь переходными, приобретают и потенциальную возможность образования залогово противопоставленных конструкций: *Брат заработал деньги* – *Деньги заработаны братом*. В абсолютно переходном употреблении эти же глаголы теряют свою залоговость: *Брат зарабатывает много*.

8. Такое понимание залога противоречит поддерживаемому многими представлению, что достаточно одного обозначения «направленности действия на самого деятеля», чтобы получить двусторонние (субъектно-объектные) и односторонние (субъектные) «залоговые отношения» [Потебня 1977: 218]. Это представление основано на потебнианском определении залога (кстати, одном из нескольких, часто не согласуемых друг с другом, предложенных А. А. Потебней): «Залог – отношение субъекта к объекту. Отсюда и отсутствие объекта. Оно возможно только через обнаружение субъекта» [Потебня 1977: 250]. Исключение объекта из этого отношения связано с желанием найти среди залогов место для «возвратных» глаголов в предложениях типа *Девочка одевается*. Введение в сферу залога таких глаголов возвращает к фортунатовской многозалоговой системе, осложняющей деление конструкций предложения на активные и пассивные. В русск. *Девочка оделась* и нем. *Das Mädchen hat sich angezogen* общее то, что оба не преобразуемы в залоговый коррелят, так как субъект и объект сосредоточены в одном подлежащем: частица *-ся* и возвратное местоимение *sich* употреблены, чтобы показать это. Залоговых отношений здесь нет, потому что нет участников отношений – необходимых *двух* актантов. Конечно, можно сконструировать предложения

с тем же действием и таким образом, чтобы они были двухактантными со вторым актантом – прямым дополнением: *Das Mädchen zog ihr neues Kleid an* (без *sich*) с глаголом *anziehen* «одеть» – русск. *Девочка одела новое платье*, но это иные конструкции с другими глаголами и другими (не формальными частицами или возвратными местоимениями) объектами. Введение объекта делает эти предложения пассивно преобразуемыми: *Das neues Kleid wird einem Mädchen angezogen* – *Новое платье одето девочкой*. Следовательно, обязательным компонентом исходной активной конструкции является объект – прямое дополнение, пассивной – подлежащее-объект. Наличие субъекта не обязательно ни в первой, ни во второй конструкции, а поскольку субъект в активной конструкции – подлежащее и в пассивной – дополнение, соответственно возможны взаимопреобразуемые бесподлежащая активная конструкция и пассивная без дополнения: *Мальчика побили* – *Мальчик побит*; *Пальто сшили вовремя* – *Пальто сшито вовремя*. Замечание Г. Пауля, что «различие... между действительным и страдательным залогами является с самого начала синтаксическим по своей природе, поскольку залогом не выражают ничего иного, как различное отношение глагола-сказуемого к подлежащему» [Пауль 1960: 334], подчеркивает именно эту особенность структуры залогово противопоставленных конструкций и семантико-синтаксических отношений между их основными компонентами.

9. Итак, многие диатезы внезалоговы. Тем не менее интерпретации, скажем, русск. *Дети идут в школу*, нем. *Die Kinder gehen in die Schule* как конструкций актива редко оспариваются, и не кажется странным, что англ. *John died* «Джон умер» причисляют к активным конструкциям. Совершенно справедливо утверждение А. А. Холодовича, что, «очевидно, нет ни одного языка, в котором хотя бы у одного глагола были бы все диатезы» из теоретически возможных [Холодович 1979: 283], но верно и то, что не в каждом языке диатезы оформляются в категорию залога, тем более определяемого по А. А. Холодовичу: «Залог – это грамматически маркированная в глаголе диатеза» [Холодович 1979: 284]. Такой грамматически маркированной в спрягаемом глаголе диатезы нет, в принципе, даже в русском языке, поскольку в структуре глагола не существует собственно залоговой морфемы. Принимаемую за показатель страдательного залога постфиксальную частицу *-ся* вряд ли можно считать аффиксом страдательности: ср. *Белье стирается матерью* (субъект = дополнение, объект = подлежащее), *Пятно уже стирается* (не входит ни в одну из диатез А. А. Холодовича, поскольку *пятно* однозначно не определимо ни как субъект, ни как объект), *Белье (хорошо) стирается новым порошком «Тайд»* (условно можно причислить к диатезе 2 «субъект = дополнение, объект = подлежащее», хотя *порошком* не исключает включения субъекта-лица), *Белье стирается в новой машине долго* (подлежащее не субъект, объектность тоже не бесспорна). Только в одном случае – *Белье стирается матерью* – мы можем говорить о страдательном залоге, а в остальных случаях тот же глагол с *-ся* залогово неопределим.

Далеко не случайно сделанное в этом контексте предостережение Л. Л. Буланина: «Маркированность пассивных форм не должна наводить на естественную, но по сути своей глубоко ошибочную мысль, будто бы страдат. залог имеет свои собственные, присущие только ему формальные показатели. На самом деле, все вышеперечисленные его приметы могут иметь и другое грамматическое значение...» [Буланин 1986: 4]. Это, правда, не мешает Л. Л. Буланину определять залог как «систему грамматических форм глагола, показывающих направленность глагольного действия на предмет, обозначенный подлежащим» [Буланин 1986: 3] и рассматривать как соотносительные (и даже коррелятивные) формы актива-пассива не только *доставляет – доставляется, доставил – доставлен, доставивший – доставленный* и др., но и *доставляющий – доставляющийся, доставив – будучи доставлен*. Маркированность залога в причастиях очевидна (она суффиксальная), хотя синтаксическая корреляция причастных конструкций по залогу не выходит за рамки: можно преобразовать *доставивший почту почтальон* в *доставленная почтальоном почта*, но не преобразуемо *Доставивший почту почтальон – из нашего села*. В сфере же спрягаемого глагола залог не маркирован, поэтому вне предложения и связи с актантами нам нельзя определить принадлежность глагола к активу или пассиву, за исключением редких случаев, когда некоторые глаголы с -ся ограничены своим употреблением рамками страдательных конструкций. Зная это и в принципе с этим соглашаясь, многие до сих пор подчеркнуто называют русский залог *морфологической* категорией. Участие в пассивном преобразовании глаголов, функционально-синтаксическая «рокировка» актантов, изменение характера и оформления связей между глаголом и его актантами, – достаточное основание, чтобы определять залог как морфолого-синтаксическую категорию уровня предложения и неполнопредикативных пропозиций, или, с учетом преобладания синтаксического компонента, как синтактико-морфологическую категорию, основанную на разном представлении объекта глагольного действия в предложении: в «морфных» языках в исходной активной конструкции объект – дополнение, управляемое переходным глаголом, в производной пассивной конструкции – подлежащего. При этом объект может быть элиминирован, но семантически всегда присутствует (ср. *Занято; Заперто; Допущена решением кафедры...*). Включение в определение субъекта не обязательно, т.к. для пассивного преобразования обязательен только объект и в принципе сама сущность залога определяется тем, в какой форме представлен объект в переходной конструкции. И в исходной, и в производной пассивной конструкциях глагол переходный, но в активе переходность и формальная, и семантическая, в пассиве только семантическая, так как при предикате нет формы зависимого имени (или местоимения), указывающей на его переходность.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:КАТЕГОРИЯ. (1970): *Категория залога*. Ленинград.ХОЛОДОВИЧ, А. А. (1979): *Проблемы грамматической теории*. Ленинград.

- ПОТЕБНЯ, А. А. (1977): *Из записок по русской грамматике*. Том IV. Выпуск II. Глагол. М.
- ПАУЛЬ, Г. (1960): *Принципы истории языка*. М.
- БУЛАНИН, Л. Л. (1986): *Категория залога в современном русском языке*. Л.

ИРИНА ИВАНОВНА ЧУМАК-ЖУНЬ

Россия, Белгород

ЭТНОНИМ КАК МАРКЕР НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРИОРИТЕТОВ В РАННИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Н. В. ГОГОЛЯ

ABSTRACT:

Ethnicon as Marker of National Priorities in N. Gogol's Early Works

The author analyzes based on the early works by N. Gogol collective ideas of one nation about the other nation. Ethnic stereotypes existing in consciousness of the Ukrainians, first of all, are presented in the form of ethnicons and exonyms. The author analyses the nominations of the Ukrainians reflecting their self-assessment

KEY WORDS:

Collective consciousness – ethnicon stereotypes – ethnicons – exonyms.

В контексте исследования гоголевской индивидуально-авторской картины мира, созданной на основе языковой картины мира украинского народа, не вызывает сомнения важность репрезентации коллективных представлений изображаемого народа о другом народе. Изучение этих репрезентаций в художественном тексте позволяет определить характерные для коллективного сознания национальные приоритеты. Устойчивые представления о «своих» и «чужих», существующие в коллективном сознании, позволяют провести четкую границу, не пропускающую чужое как непонятное и неприемлемое. Известно, что национальное самосознание включает в себя не только осознание членами общности своего единства на основе принадлежности к нации, но также систему оценок, суждений, взглядов представителей данной нации на мир и на свою общность как на часть этого мира [Андреева 2006: 106].

Как справедливо отмечает Ю. С. Степанов, «противопоставление 'свои – чужие' пронизывает, в разных видах, всю культуру и является одним из главных» [Степанов 1997: 472].

В первую очередь представление о другом народе передается **этнонимами**, смысловая структура которых достаточно проста и может быть сведена

к инвариантной формуле – «относящийся к данной стране, ее жителям, культуре», и **экзонимами** (прозвищами, данными другими). Как показывают наши наблюдения, этнонимы и экзонимы в ранних повестях Н. В. Гоголя обладают широким набором ассоциативных, когнитивно-оценочных и фоновых признаков, из которых можно составить этнический стереотип определенной нации, существующий в сознании украинцев.

Членение универсума на два мира – «свой» и «чужой» имеет множественную интерпретацию и реализуется в оппозициях типа «мы – они», «этот – тот», «здесь – там», «близкое – далекое» и т.д. По мнению отечественных исследователей, типична также и интерпретация основного (базового) противопоставления в аксиологическом, ценностном плане – в виде оппозиции «хороший – плохой», с резко отрицательной оценкой всего того, что принадлежит «чужому» миру [Лотман 1996: 115].

Рассмотрим детально, каким образом представлен «свой», т.е. житель Украины, в ранних повестях Гоголя.

Примечательно, что в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» не используется не только отрицательно коннотированный экзоним *хохол* (Ср. в словаре В. И. Даля: *Хохол, украинец, малоросс; хохлачка, хохлушка ж. Хохол глупее вороны, а хитрее черта. Хохол не соврет, да и правды не скажет. И по воду хохол, и по мякину хохол*), но и нейтральные этнонимы *украинец, малоросс*. Наблюдения показали, что основным названием украинца (этнонимом «своего») в повестях Н. В. Гоголя можно считать слово **козак**. Использование лексемы **козак** как этнонима украинца в гоголевских текстах имеет некоторые особенности.

Закономерно в свете репрезентации образа Украины использование украинской формы **козак** (с буквой **о**), которая существует и сегодня в литературном украинском языке. Стоит напомнить, что форма эта существовала и в русском языке, где именно в начале XIX века была вытеснена формой **казак**. Так, в произведениях А. С. Пушкина в 1820-е годы форма *козак* встречается лишь трижды в связи с реалиями украинской культуры и истории, а форма *казак* – 315 раз. В украинском языке, в отличие от русского, это слово имеет широкий спектр значений, употребляясь преимущественно с положительной коннотацией: «сословное звание, воен.», «уроженец бывших войсковых областей», «молодой человек, как похвала», «храбрец, фольк., молодец, удалец». Таким образом, в украинской языковой картине мира **козак** – «украинец», «мужественный», «молодец».

Существительное **козак** в цикле «Вечера на хуторе близ Диканьки» самая «популярная» номинация для мужчин разного возраста (106 употреблений). Если учесть, что традиционно Полтавщина не была местом проживания казаков как особого воинского сословия, то, вероятно, что употребляется оно в большинстве повестей в значении, указанном в словаре В. И. Даля: *Малоросийские казаки те же крестьяне и ставят рекрут на своих правах*.

Это подтверждается тем, что в «полтавских» повестях номинация **козак** относится к мужчинам разного возраста, а также разных социальных групп и профессий:

– к батраку Петру Безродному: *В том селе был у одного **козака**, прозвищем Коржа, работник, которого люди звали Петром Безродным <...> «Полно горевать тебе, **козак!**» загремело что-то басом над ним («Вечер накануне Ивана Купала»);*

– к земледельцам: *Я знаю хорошо эту землю: после того нанимали ее у батька под баштан соседние **козаки** (Пропавшая грамота);*

– к мужикам: *Шел ли набожный мужик или дворянин, как называют себя **козаки**, одетый в кобеняк с видлогою, в воскресенье в церковь или, если дурная погода, в шинок, как не зайти к Солохе (Ночь перед Рождеством).*

В текстах Н. В. Гоголя это имя, как и в украинском языке в целом, характеризуется положительной эмоциональной окрашенностью и положительным оценочным знаком. Для характеристики **козаков** Н. В. Гоголь использует качественные прилагательные с сугубо положительной оценочностью. Лексема употребляется с коннотацией «мужественности»: *«Я вижу уже по глазам, что ты **козак** – не баба» (Пропавшая грамота); «Что прикажешь делать? **Козаку сесть с бабами в дурня!** (Пропавшая грамота); «Разве мы не такого роду, как и он? Мы, слава богу, **вольные козаки!** Покажем ему, хлопцы, что мы **вольные козаки!**» (Майская ночь, или Утопленница).*

Кроме того, именно в «полтавских» повестях четко разграничиваются номинации **козак** и **запорожец**. Обитатели Запорожской Сечи (**запорожцы**), образно говоря, «чужие» среди «своих». Запорожцы отличаются от других героев «своего» мира, и это отличие неоднократно подчеркивается в повестях:

– воинственностью: *...дивные речи про давнюю старину, про наезды **запорожцев**, про ляхов (Вечер накануне Ивана Купала); Приехал на гнедом коне своем и **запорожец Микитка** прямо с разгульной попойки с Перешляя поля, где **поил он** семь дней и семь ночей королевских **шляхтичей красным вином** (Страшная месть); Блестела в руке булава; вокруг сердюки; по сторонам шевелилось **красное море запорожцев** (Страшная месть).*

– праздностью, обжорством и пьянством (в мирное время): *Сначала он (Пацюк) жил, как **настоящий запорожец**: ничего **не работал, спал** три четверти дня, **ел** за шестерых косарей и **выпивал** за одним разом почти по целому ведру (Ночь перед Рождеством);*

– щегольством и легкомыслием (в речах и поступках): *Вакула <...> немного ободрился, узнавши **тех самых запорожцев**, которые проезжали через Диканьку, сидевших на шелковых диванах, поджав под себя **намазанные дегтем сапоги**, и куривших **самый крепкий табак**, называемый обыкновенно корешками. (Ночь перед Рождеством); Не успел пройти двадцати шагов – навстречу **запорожец Гуляка**, и по лицу видно! Красные как жар шаровары, синий жупан, яркой цветной пояс, при боку сабля и люлька с медною цепочкою по самые пяты – **запорожец да и только!** Эх народец! станет, вытянется, поведет рукою молодецкие усы, брякнет подковами и – пу-*

стится! да ведь как пустится: ноги отплясывают словно веретено в бабьих руках; что вихорь, дернет рукою по всем струнам бандуры, и тут же, подпершись в боки, несется в присядку; зальется песней – **душа гуляет!** (Пропавшая грамота); **Нашего запорожца раздобар взял страшный.** <...> Откуда что набиралось. Истории и присказки такие диковинные, что дед несколько раз хватался за бока и чуть не надсадил своего живота со смеху (Пропавшая грамота). Чуб выпучил глаза, когда вошел к нему кузнец, и не знал, чему удивиться: тому ли, что кузнец воскрес, тому ли, что кузнец смел к нему прийти, или тому, что он нарядился **таким щеголем и запорожцем** (Ночь перед Рождеством).

Н. В. Гоголь ярко демонстрирует явное отличие запорожцев от других жителей Украины, обусловленное реальными причинами: запорожцы не похожи на остальных украинцев, и объясняется это, скорее, не их особым географическим местоположением, а образом жизни этого военно-служилого сословия, преимущественно, интернационального.

Эта непохожесть подчеркивалась очевидцами. Так, А. Ригельман в «Летописном повествовании о Малой России» подробно перечисляет различия малороссиян (украинцев) и запорожских козаков, подчеркивая воинственность запорожцев и миролюбие малороссов. Следует заметить, что в цикле «Вечера на хуторе близ Диканьки» нет описаний бесчинств, бунтов и разбоев запорожцев, о которых писал А. Ригельман: **«Бунтами и разбоями так имя свое оскардили.** Храбрость оную в **бунтовское свирепство** обратили, ибо у себя самих непрерывные делали смущения междоусобием и часто **себя убивали**, от чего кошевой и старшина в великом страхе всегда были... Они **козаки везде грубы были**». «Напротив того украинские черкасы или малороссийский народ, как-то **шляхетство, козаки и посполитые**, ведут жизнь свою весьма инако. Они имеют **порядочные селения** в городах, местечках, селах и хуторах, **производят хлебопашество**, посев огородный, сады и багчи, делают всякое художество, ремесло и торги. В обхождении **приятны и ласковы**. Сей народ **веселого нрава, любит музыку и прочие веселости**. Они почти все **плясать** по-польски, а паче **по своему черкаскому умеют**».

В повести «Страшная месть» речь же идет именно о козаках как воинском сословии – повесть начинается с рассказа о свадьбе *есаула* Горобца.

Самой распространенной «общей» номинацией украинца в повестях, таким образом, является слово **козак**. В остальных случаях «свой» мир представлен в повестях как мир уникальных, индивидуальных, определённых в своей конкретности и известных в своей определенности героев, имеющих собственные, культурно-значимые номинации. Эти номинации дифференцируют украинцев по возрасту (*хлопец*), полу (*парубок, дивчина*), социальному положению (*голова, сотник*), профессии (*перекупка, шинкарь*), родственным связям (*кум*) и т.д.

Всего лишь несколько раз, в тех случаях, когда необходимо подчеркнуть единство народа против врага, употребляется сочетание *украинский народ*: *Сидит он за тайное предательство, за сговоры с врагами православной рус-*

ской земли продать католикам украинский народ и выжечь христианские церкви (Страшная месть).

Все вышесказанное позволяет утверждать, что идеализированный, приукрашенный образ «своего», украинца (исключая «чужого» запорожца), воплощает в себе, как правило, не только положительное, но и положительное в высшей мере и степени. Именно поэтому писатель использует не «официальные» этнонимы украинцев, а положительно коннотированную в украинском языке лексему **козак**. Данный образ является результатом воздействия на носителей данной национальной культуры со стороны предшествующих поколений и является одним из факторов данной культуры.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- Андреева, Т. Л. (2006): *Религиозная составляющая национального самосознания*. In: Вестн. Томского гос. пед. ун-та, № 4 (55), с. 105–110.
- Степанов, Ю. С. (2001): *Константы: Словарь русской культуры*. М.

ИГОРЬ АЛЕКСЕЕВИЧ ШАРОНОВ

Россия, Москва

РОЛЬ КОММУНИКАТИВОВ В ДИАЛОГЕ

ABSTRACT:

The Role of Communicatives in Dialogue¹

The paper presents an analysis of “communicatives” – expressions which are used in everyday conversation to convey the speaker’s intentions and emotions. These expressions are grammatically unfree and vague utterances, they function in dialog as responses. These expressions have special features which make them important for their usage in discourse.

KEY WORDS:

Dialog – conversational turn-taking – adjacent pairs – communicatives – pragmatics – emotions – interjections – modality – lexicography.

Общеизвестно, что диалог как текст представляет собой результат совместной деятельности двух или более собеседников. Минимальной единицей диалога считается смежная пара фраз обоих говорящих, стимулирующая реплика одного и ответная реплика другого собеседника. Чаще всего отношения между этими репликами неравноправные: вторая реплика и по содержанию, и по структурным особенностям оказывается зависимой от первой. Эти виды зависимости были описаны в работах Н. Ю. Шведовой [Шведова 1960], где выделен особый тип второй реплики, которая не добавляет содержания в разговор, а выражает только какую-либо оценочную и эмоциональную реакцию собеседника на то, что было сказано. Такой тип реакции в диалоге часто шлифуются и стереотипизируются. Реплики, его формирующие, мы называем коммуникативами.

Коммуникативы – это ответные реплики диалога, обладающие рядом формальных и содержательных признаков. Перечислим их:

1) Синтаксическая автономность, использование в диалоге как качестве самостоятельного речевого акта. К коммуникативам относятся речевые акты *подтверждения или отрицания* сказанного собеседником, *согласия или несо-*

¹ Исследование проведено при поддержке Программы стратегического развития РГГУ.

гласия с оценкой, попытки *убедить* в ответ на сомнения, выражение *разочарования, изумления* и т.п.

2) Неполнозначность или десемантизованность слов и идиоматических сочетаний, составляющих реплику. Коммуникативы можно назвать грамматически аморфными словами-предложениями. Вследствие синтаксической и грамматической недостаточности значительную семантическую роль в коммуникативах играют просодические средства.

3) Стереотипность и частотность употребления в диалоге. Коммуникативы – это не окказиональные авторские употребления, а узуальные единицы, хорошо знакомые носителям языка. Последнее свойство делает такого рода единицы интересными для лексикографического описания.

Перечисленным признакам отвечают единицы типа: *Ну дела; Это еще что!; Ой ли; Никаких!; Опять двадцать пять; Естественно; Ни Боже мой!; Подумаешь!; Отчего же?* и т.д.

Класс коммуникативов внутренне негомогенен. Его составляют репликовые частицы, часто в сочетании с другими служебными словами (*Да, Нет, Ну, Так, Что?, Как?; Ну да, Да уж, Да нет же, Э нет, Как же так?* и т.п.); наречия и адвербиальные обороты в качестве ответных реплик (*Конечно, Обязательно, Может быть*); десемантизированные знаменательные слова и сочетания (*Разбежался!, Ну дела!, Мамочки мои!, Вот (еще) новости!, Бог с тобой!, Свежо предание!* и т.п.).

В настоящей статье ввиду ограниченности места мы будем рассматривать диалогические свойства коммуникативов на примере первой группы – репликовых частиц.

Традиционные лингвистические методы плохо приспособлены к анализу коммуникативов. Такого рода единицы при исследовании письменных текстов чаще всего единым чохом относят к междометиям или вообще не принимают во внимание. Ближе к описанию коммуникативов подошли разработчики теорий конверсационного анализа и диалога [Schegloff 1981, Schiffrin 1987 и др.], которые выделили некоторые дискурсивные свойства развития диалога, релевантные для описания рассматриваемых нами единиц, такие как ментальные установки собеседников, устойчивые последовательности реплик при построении диалога, важность невербальных средств и некоторые другие [см. обзор в Paukkeri 2006].

При описании коммуникативов на первый план выходят:

1) «иллокуции» – интенциональные значения этих ответных речевых актов;
2) конкретные дискурсивные установки, определяющие выбор единицы в зависимости от ментальных установок собеседника и формы иницилирующей реплики;

3) эмоционально-оценочный компонент в семантике коммуникатива, реализуемый устойчивым интонационным контуром и поддержанный жестово-мимическим сопровождением.

Рассмотрим перечисленные параметры описания более подробно.

1) Реплики участников диалога согласованы по иллокутивной функции. В ответ на *просьбу* в диалоге следует *давать согласие, обещание выполнить* просьбу или *отказываться, не давать согласия*, обычно сообщая причину отказа; с *предположением, гипотезой* можно *соглашаться* или *не соглашаться*, выражать в ответ *сомнение или недоумение*; *оценку* естественно *одобрять* или *не одобрять*, *предложение – принимать* или *не принимать* [см. Schegloff 1981; Падучева 1982]. Иллокутивное согласование во многом определяет «синтаксис» диалога, формирует структуру коммуникативных тактик.

2) дискурсивные установки, определяющие выбор конкретной единицы из ряда возможных в зависимости от формы иницирующей реплики.

В качестве примера возьмем используемый в бытовом диалоге коммуникатив *А то! (А то как же!; А то нет!)*. Данный коммуникатив имеет значение безусловного подтверждения, а также безоговорочного согласия с предложением. Однако знание этих интенциональных значений для употребления данного коммуникатива недостаточно. Требуется также информация о дискурсивных ограничениях, невыполнение которых приводит к шероховатым, неаккуратным употреблениям, встречающимся в речи скорее необразованных носителей языка.

Безусловное подтверждение, которое передает коммуникатив *А то! (А то как же!; А то нет!)*, оказывается уместным в двух случаях: а) при уличении собеседника или 3-го лица в притворстве, либо б) для убеждения изумленного, сомневающегося собеседника.

А. Подтверждение гипотезы недоумевающего собеседника при уличении его или 3-е лицо в притворстве.

– Ты что, меня тоже фарцовщиком считаешь? – **А то нет?** Ходил же ты с кодрой. (В. Аксенов. Звездный билет).; Педагог выслушал сбивчивую речь и удивился: – Настя Кусакина? У меня была такая? – **А то нет!** – потеряла всякую интеллигентность Инга Федоровна. – Ходила постоянно. (Д. Донцова. Уха из золотой рыбки);

Б. Убеждение изумленного, сомневающегося собеседника.

– Небось, и рябчика из костра вытащить сил не хватает. – Так это ты подбросил?! – **А то как же.** Думал, сам с неба свалился? (В. Бурлак. Хранители древних тайн); – <...> Ну, фашистов. Которые в доте. – А ты их видел? – **А то нет!** Конечно, видел. (Н. Дубов. Мальчик у моря).

Если же стимулирующая реплика – обычный вопрос, использование коммуникатива демонстрирует скорее диалектный или просторечный коммуникативный статус собеседника. Ср.:

– Вы – черноморец? – спросил я своего нового знакомого. – **А то нет?** – ответил он вопросом на вопрос, что было вполне в характере черноморцев (В. П. Катаев. Встреча).

Для второго значения коммуникатива, для безоговорочного согласия с предложением собеседника, характерно иное дискурсивное ограничение: предложение собеседника должно быть косвенным, представлено в форме вопроса,

который, видимо, должен отражать неуверенность говорящего том, что предложение будет поддержано.

– Валентин Юрьевич сегодня заходил и попробовал, ему очень понравилось. Попробуешь? – А **то!** – хмыкнул Юра. (А. Берсенева. Возраст третьей любви).

Жених. Анжелина, уважим общество? Анджела. А **то нет!** (Отдала свою стопку Надежде. (Г. Владимов. Шестой солдат).

При несоблюдении этого ограничения, использовании при побуждении стандартной императивной конструкции, также возникает эффект дискурсивной неаккуратности, характерной для просторечия.

Это я первый сказал, ни с чего, от объятий и восторга «Давай поженимся». Она ответила «А **то нет?**». Ты чего некультурная такая? (А. Найман. Любовный интерес).

3) эмоционально-оценочный компонент семантического представления, реализуемый устойчивым интонационным контуром и поддержанный жестово-мимическим сопровождением.

Основная масса коммуникативов обладает экспрессивной окраской и имеет ненейтральное просодическое оформление. О фиксированности просодических характеристик у дискурсивных слов, таких как интонационный контур, растяжки и т.п. см., например, в [Кобозева 2006]. Автор пишет о важности передачи устойчивой просодической информации при лексикографическом описании такого рода языковых единиц, особенно полезной для неносителей языка. Графические средства письма – пунктуационные знаки и буквенный повтор – способствуют правильной интерпретации произнесения коммуникатива лишь отчасти, поскольку не лишены субъективизма автора художественного произведения. Проблема в том, что пунктуационных правил для передачи коммуникативов в письменном тексте не существует. «Написания в таких парах, как *ню* и *н-но*, *нет* и *н-нет*, *ну* и *н-ну*, *да* и *д-да*, *ладно* и *л-ладно* и т. п., не передают каких-либо различий в произношении, смысле или ситуации» – пишет А. Б. Пеньковский [Пеньковский 1974: 102] и продолжает: «написание может не совпадать с произношением, может решительно противоречить произношению, но может и вполне соответствовать ему» [там же: 113].

С другой стороны, одним пунктуационным знаком могут обозначаться разные интонационные контуры, знание которых определяет семантику единицы. Ср. только два контекста коммуникатива *Да?*

1. Возглас, указывающий на готовность слушать то, что собеседника хочет сказать.

– Ты знаешь, Саша... – **Да?** – Если увидишь Антона... – Что-нибудь передать? – Скажи ему, чтобы позвонил мне. (А. Геласимов. Фокс Малдер похож на свинью);

2. Возглас удивления, недоумения в ответ на сообщение или утверждение собеседника.

Я, например, тракторист, она – доярка. Мы в добрый месяц зашибаем где-то – две, две с лишним сотни. – Да? – удивился конструктор. – Я думал меньше. (В. Шукшин. Печки-лавочки).

В отличие от первого, во втором контексте *Да?* произносится с растяжкой гласного и иным интонационным контуром. Произнесение сопровождается определенным жестово-мимическим представлением: говорящий может расширить глаза и слегка откинуть голову назад. Иногда встречаются и окказиональные, орфографические и пунктуационные варианты: *Да?! и Да-а?* Ср.:

– *Родька что-то заболел... кашляет. – Да?! <...> Вы окна, наверно, открывали. Да? (Р. Сенчин. Елтышевы).*

– *Антон Николаевич вызывает вас к себе в кабинет. – Да-а? <...> С чего б это? Вызов в кабинет начальника института в десять часов вечера в субботу был событием чрезвычайным. (А. Солженицын. В круге первом).*

Коммуникативы – пока мало исследованная и описанная группа языковых единиц. Подробный анализ условий их употребления – очень важная задача как для теоретической лингвистики, так и для практического описания русского языка. Особенно ценным данный материал представляется для иностранной аудитории, для которой значения, условия употребления и способ произнесения таких единиц в устной речи представляют определенную проблему.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- АРУТЮНОВА, Н. Д. (1970): *Некоторые типы диалогических реакций и почему-реплики в русском языке.* НДВШ, ФН, № 3.
- КОБОЗЕВА, И.М. (2006): *Описание означающего дискурсивных слов в словаре: нереализованные возможности* // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2006. № 2. с. 37–56.
- ПАДУЧЕВА, Е.В. (1982): *Прагматические аспекты связности диалога.* Серия литературы и языка том 41, № 4.
- ПЕНЬКОВСКИЙ, А. Б. (1974): *О некоторых неcodифицированных явлениях современной русской орфографии (о написаниях типа иду-у, оч-чень).* В кн.: Нерешенные вопросы русского правописания. М.
- ШВЕДОВА, Н.Ю. (1960): *Очерки по синтаксису русской разговорной речи.* М.
- РАУККЕРИ, Р. (2006): *Реципиент в русском разговоре: о распределении функций между ответами да, ну и так.* // Esitetään Helsingin yliopiston humanistisen tiedekunnan suostumuksella julkisesti tarkastettavaksi Metsätalon salissa 1 perjantaina 26. toukokuuta 2006 klo 12. Helsinki 2006.
- SCHEGLOFF, E. A (1981) *Analyzing Discourse: Text and Talk.* // Georgetown University Round Table on Languages and Linguistics. P. 71–93.
- SCHIFFRIN, D. (1987): *Discourse Markers.* Cambridge: Cambridge University Press.

ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНА ЯРЫГИНА

Россия, Москва

БИФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ КОМПОНЕНТОВ КОНСТРУКЦИЙ ВЫВОДА-ОБОСНОВАНИЯ

ABSTRACT:

Bifunctionality of Components of Conclusion Justification Design

The report is devoted to the designs of a conclusion justification, traditionally assigned to Russian grammar indirectly-causal complex sentences. Semantico-syntactical components – a conclusion and justification – in polynomial polypredicative designs are characterized by polyfunctionality; the bifunctionality is peculiar to also subordinating conjunctions of kauzative semantics connecting the main clause with additional as a part of complex (or complex polynomial) conclusion justification offers.

KEY WORDS:

Conclusion justification designs – conclusion – justification – subordinate conjunctions – complex sentences – polynomial complex sentences – mode.

Непротиворечивым свидетельством в пользу выдвинутого С. О. Карцевским принципа «асимметричного дуализма языкового знака» [Карцевский 1965] является наличие в сложном предложении формально-грамматического средства, маркирующего соответствующую разновидность отношений. Такое формально-грамматическое средство зачастую может неоднозначно декодироваться, поскольку способно передавать различные значения. Наглядной иллюстрацией этого в русском языке служат сложноподчиненные предложения с придаточными причины, присоединяемыми посредством союзов *потому что, ибо, так как* и др. Для русской синтаксической науки было важно показать, что союзы *потому что, ибо, так как* и др. могут выражать причинно-следственные отношения не только между двумя фактами реальной действительности, но и между выводом как результатом мыслительной деятельности говорящего и обоснованием этого вывода. Подобный подход в исследовании сложного предложения принято считать от А. М. Пешковского, который, противопоставляя сложносочиненные и сложноподчиненные предложения по признаку обратимости/необратимости, в качестве иллюстрации сравнивает предложения: *Он не пошел в школу, потому что у него болит голова* и *У него*

болит голова, потому что он не пошел в школу. В отношении последнего предложения А. М. Пешковский проницательно замечает: «... фразу понимаем буквально, а не в смысле *судя по тому, что он не пошел в школу*, что составляет особый вариант в значении союза *потому что*» [Пешковский 2001: 413].

В СПП союз выполняет двойную функцию: он является формальным средством связи предикативных частей и, кроме того, – показателем и выразителем семантико-синтаксических отношений между главным и придаточным предложениями. Тем самым причинным подчинительным союзам свойственно совмещение структурных и семантических признаков языковых единиц, определяемое в лингвистике термином *синкретизм* и проявляющееся в полифункциональности в составе синтаксических конструкций. Именно поэтому «Русская грамматика» среди подчинительных союзов, выражающих причинные отношения, выделяет союзы 1) недифференцированного значения: *потому что, потому как* (прост.), *потому* (прост.), *так как, поскольку, раз что* (устар.), *ибо* (высок.), *ведь* (союз-частица, разг.) и 2) союзы дифференцированных (специализированных) значений: *оттого что, из-за того что, ради того что, благодаря тому что, затем что* (устар.), *благо* (устар.), *как* (устар. и прост.), книжные официальные: *вследствие того что, в результате того что, в силу того что, на основании того что, исходя из того что, по причине того что, по той причине что, в связи с тем что, ввиду того что, под видом того что, под предлогом того что, тем более что*, устар. и ирон. *тем паче что*» [Русская грамматика-80: 577].

Не только отдельные формально-грамматические средства, но и структурно-семантические компоненты сложного предложения характеризуются полифункциональностью.

Объектом исследования в докладе являются несобственно-причинные сложные предложения, которые в настоящей работе обозначены термином **конструкции вывода-обоснования** (далее – КВО). Сущность КВО состоит в том, что в них причинно-следственные отношения выражаются не в сфере объективной действительности, а в сфере модуса, ср.: **я думаю (считаю), что..., потому что вижу (знаю), что...** Именно этим объясняется признак «несобственно-причинности» КВО. Поскольку КВО – это ментальные конструкции, обнаруживающие особую речевую тактику говорящего – от вывода к аргументу, их целесообразно интерпретировать в связи с точкой зрения говорящего. Конструкции вывода-обоснования состоят из двух структурно-семантических компонентов: **вывода**, содержащего мнение, оценку или волю говорящего, и **обоснования**, представляющего логический довод, который служит основанием вывода и помогает коммуникативному партнеру понять, почему говорящий пришел к данному заключению. Точку зрения говорящего терминологически обозначим как **тип модуса**. Компонент вывод базируется на основе модуса мнения, а компонент обоснование реализует перцептивный модус или модус знания. В условиях информативного типа текста любое значение должно быть истинным, но если содержание утверждения соотносе-

но с модусом мнения или модусом воли, то для объективации этой информации необходимо обоснование.

Лингвистически более строгую дефиницию понятия можно представить следующим образом: **конструкции вывода-обоснования** – это соединение двух или более предикативных частей (или предикативных единиц) в результате причинно-следственного взаимодействия модусных компонентов, в котором проявляется особая речевая тактика говорящего: от вывода – к обоснованию. В соответствии с предложенным пониманием, КВО как речемыслительная структура формально может быть представлена как одним предложением (бессоюзным сложным или сложноподчиненным), так и последовательностью двух и более простых или сложных предложений, контактно расположенных либо дистанцированных и отделенных друг от друга пунктуационным знаком точкой. Например: (1) *На террасе мужчины пили ликер и закусывали ягодами; один из них, судебный следователь, толстый пожилой человек, балагур и остряк, должно быть, рассказывал какой-нибудь нецензурный анекдот,*(2) *потому что, увидев хозяйку, он вдруг схватил себя за жирные губы, выпучил глаза и присел* (А. П. Чехов); (1) *Она надеялась, что, будь у Михеича что на уме, он не вытерпит и скажет, а хоть и не скажет, так чем-нибудь выдаст.* (2) *Он человек не скрытный, не хитрый, любит договаривать до конца* (В. Распутин). Все приведенные иллюстрации представляют собой пример КВО, где в компоненте (1) представлен вывод (мнение, точка зрения) говорящего, а в компоненте (2) содержится обоснование вывода.

КВО – это синкретичные конструкции, располагающиеся на границе собственно синтаксических единиц и текстовых структур; интегрирующий характер объекта исследования предполагает описание области взаимодействия конструктивных единиц синтаксиса и текста, соединение системно-языкового и текстового подходов, а также субъективно-модусное (семантико-прагматическое) представление КВО. Из этого, в свою очередь, следует, что лингвистическая интерпретация КВО может быть осуществлена через соотношение содержащихся в них интенций, т.е. модусных рамок и цели высказывания.

Наиболее характерная грамматическая форма КВО – это двухкомпонентные КВО, представляющие собой элементарные структуры, включающие один вывод и его обоснование. Однако встречаются и более сложные в структурно-семантическом отношении построения. Именно в таких конструкциях ярче всего проявляется полифункциональность составляющих их компонентов.

В качестве особой типологической разновидности можно выделить структурно осложненные КВО, представляющие собой цепочку причинно-следственной зависимости объективного и субъективного характера. КВО – это, с одной стороны форма, в которой говорящий предъявляет адресату рефлекссию над своим настоящим ментальным состоянием (в компоненте *вывод* представлена субъективная гипотеза говорящего), а с другой стороны, – это средство выражения интенции говорящего, которая воплощается в обосновании. *Обоснование* – это компонент, имеющий двойственное предназначение: с одной стороны, – это аргумент по отношению к компоненту *вывод* (почему

я так считаю?), реализующий *причину* мнения. С другой стороны, *обоснование* – это аргумент ко всему высказыванию в целом (зачем я это говорю, с какой целью?). Этот функциональный даулизм (интергация «почему?» и «зачем?») определяет специфику компонента *обоснование*.

Осложненные формы КВО являются типичной формой аргументативного дискурса. Используя определение А. Н. Баранова, под аргументацией понимаем «особый тип дискурса, который характеризуется особыми типами коммуникативных и иллокутивных целей, специфическими последовательностями речевых актов, диагностическими лексемами, синтаксическими конструкциями, «аргументативными» значениями языковых выражений и «аргументативным контекстом» реализации обычных значений» [Баранов 1990: 2]. В аргументативном дискурсе при таком подходе предполагается цепочное соединение высказываний различного коммуникативно-смыслового содержания, результатом чего становится функциональная «нагруженность» одного из компонентов, выполняющего одновременно роль **вывода** и **обоснования**. В этой комбинации компонентов возможны такие варианты: 1) обоснование располагается в интерпозиции между двумя выводами, что обуславливает его бифункциональность: по отношению к предшествующему тексту оно является обоснованием, в то время как относительно последующего контекста – это вывод, например: *Но полно прославлять надменных Болтливой лирою своей; Они не стоят ни страстей, Ни песен, ими вдохновенных: Слова и взор волшебниц сих Обманчивы... как ножки их* (А. С. Пушкин); *Он хорошее место выбрал: ни обойти его немцы не могли, ни заметить. А себя открывали, потому что перед его секретом пролешина в березняке шла* (Б. Васильев); 2) одно препозитивное высказывание соединяет два вывода; далее идет бифункциональный компонент, являющийся общим обоснованием и в то же время обладающий своим собственным обоснованием, после которого аргументируется каждый из выводов отдельно «своим собственным» обоснованием; эти обоснования располагаются последовательно друг за другом, например: *Верочка осталась совершенно довольна своими наблюдениями: Привалов в ее глазах оказался вполне достойным занять роль того мифического существа, каким в ее воображении являлся жених Нади. Ведь Надя необыкновенная девушка – красивая, умная, следовательно, и жених Нади должен быть необыкновенным существом. Во-первых, Привалов – миллионер (Верочка была очень практическая особа и хорошо знала цену этому магическому слову); во-вторых, о нем столько говорили, и вдруг он является из скрывавшей его неизвестности... (Д. Н. Мамин-Сибиряк) – вывод 1-й: Привалов достоин быть женихом Нади; вывод 2-й: Надин жених должен быть необыкновенным (мифическим) существом. Компонент, соединяющий функции обоснования и вывода: *Надя – необыкновенная девушка; обоснование бифункционального компонента: жених Нади должен быть необыкновенным существом. Обоснование к выводу 1-му: Привалов – миллионер; обоснование к выводу 2-му: Привалов (как мифическое существо) явился из неизвестности.* 3) Последовательно расположенные друг за другом две КВО, содержатель-*

но связанные друг с другом, например: *Чичиков никак не хотел заговорить с Ноздревым при зяте насчет главного предмета. Все-таки зять был человек посторонний, а предмет требовал уединенного и дружеского разговора. Впрочем, зять вряд ли мог быть человеком опасным, потому что нагрузился, кажется, вдоволь и, сидя на стуле, ежеминутно клевался носом* (Н. В. Гоголь). Как видно из приведенных примеров, сферой употребления осложненных КВО является внутренняя речь, которая, непосредственно не участвуя в развитии событий, «сосредоточивает в себе их мотивировку, вскрывает их причинно-следственные связи и истинные отношения, обнажает их сущность» [Кухаренко 1988: 162]. Будучи формой раскрытия внутреннего мира героя, приемом описания происходящих в нем психологических процессов, внутренняя речь не предназначена для коммуникативного акта, она самонаправлена и, соответственно, лишена фактора адресата: «отправитель и получатель речи, таким образом, совмещены в одном лице» [Кухаренко 1988: 162].

Характерной особенностью таких осложненных КВО является то, что компонент **вывод** в них всегда содержит гипотезу, предположение о возможном положении дел. С грамматической точки зрения представленная гипотеза обладает модально-оценочным значением (ср.: *немцы не могли его ни обойти, ни заметить; Привалов оказался достойным занять роль Надиного жениха; жених Нади должен быть необыкновенным; Чичиков не хотел заговорить; зять вряд ли мог быть человеком опасным*). На содержание обоснования в этом случае запрета нет: аргументация может быть **перцептивной** или **информативной**. Но в случае **информативного обоснования** оно носит **частно-информативный** характер.

Итак, анализ многочленных текстовых построений в рамках аргументативного дискурса позволил выявить два основных типа КВО усложненной структуры – с цепочной и параллельной связью, семантико-синтаксические компоненты которых характеризуются полифункциональностью.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- БАРАНОВ, А. Н. (1990): *Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход)*: АДД. М. С. 2.
 КАРЦЕВСКИЙ, С. О. (1965): *Об асимметричном дуализме лингвистического знака*. In: В.А. Звегинцев: История языкознания XIX–XX в очерках и извлечениях, ч. 2. М.
 КУХАРЕНКО, В.А. (1988): *Интерпретация текста*. М. С. 162.
 ПЕШКОВСКИЙ, А. М. (2011): *Русский синтаксис в научном освещении*. Изд. 8-е. М. С. 413.
 РУССКАЯ ГРАММАТИКА (1980). Т. 2. М. С. 577.

ДОКЛАДЫ
ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКОЙ СЕКЦИИ

ЕЛЕНА АНАТОЛЬЕВНА ВАСИЛЬЕВА

Чехия, Градец Кралове

О МЕСТЕ ПОВЕСТИ «ВИЙ» В ГОГОЛЕВСКОМ НАСЛЕДИИ И СОВРЕМЕННЫХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯХ В КИНО

ABSTRACT:

The Role of the Story “Viy” in Gogols’ Literary Heritage and in the Modern Cinematographic Interpretations

The paper presents the concept of a seminary student character in the “Viy” story by Nikolai Gogol, the social and historical context of the character and its influence on the Russian literature of the XIXth century, and implementation of the character in the modern cinematography.

KEY WORDS:

Gogol – Viy – seminary – seminary student – Seminary Sketches – Pomyalovsky.

К произведению «Вий» не раз обращались в своих исследованиях ученые-литературоведы (Г. А. Гуковский, Ю. В. Манн, Н. И. Либан и т.д.). Рассматривались фантастика, фольклорные начала в этом произведении и т.д. Нам бы хотелось обратить внимание на образ бурсака в этом произведении, а именно обратить внимание на «доминанты творчества писателя» (А. Б. Есин), на авторскую концепцию образа бурсака, на его социально-исторический контекст, и коснуться проекции этого образа на русскую литературу XIX века и его реализации в современном кино.

В своей работе «Реализм Гоголя» Гуковский обращает внимание на двуплановость повествования, выраженную в имени главного героя. Хома (украинский вариант имени Фома) указывает на бытовой характер имени,

в то же время отсылая нас к ассоциациям с библейским Фомой неверующим, фамилия Брут – к реалиям древнего Рима¹. Интересную интерпретацию образа предлагает А. Вершинский², говоря об ассоциациях, которые возникают при анализе данного онима. Хома Брут – Homo Sapiens («человек разумный»), Brutus (лат. глупый, тяжелый, неуклюжий) в переносном смысле – тупой, бессмысленный, глупый. Итак, получается интересное парадоксальное сочетание: Homo Brutus в противовес Homo Sapiens, «человек глупый» в противовес «человеку разумному».

Если обратимся к образу Вия и посмотрим на его описание, то перед нами предстает «человек тяжеловесный» – Homo Brutus. Убивает Хома встреча с самим собой, с глубинами своего подсознания. Человек – мир, космос, непредсказуемый (как не знал себя Хома до встречи со злом), порой ужасный. Тонкая грань (возможно, круг, который очертил Хома), отделяет нас от глубин подсознания, от мира, в который мы не вправе вступать. «Трагическое в самой своей глубокой сути столкновение высокого назначения человека и его «земности», задавившей в нем высокое, дано в «Вие» в фокусе одного центрального действующего лица, Хома Брута, совмещающего и высокое, и земность» [Гуковский 1959: 194].

«Вий» – история человеческой души. В письмах Гоголь отмечал, что в его творчестве отражается «история моей собственной души» [Гоголь 1959, т. 6: 151].

Почему же Гоголь обращается к образу бурсака, и какова проекция этого образа на дальнейшую литературу XIX века?

До появления повести «Вий» образу бурсака было посвящено произведение В. Т. Нарезного «Бурсак» (1824 г.). Через 5 лет после появления романа В. Т. Нарезного «Бурсак» в 1833 году появляется повесть «Вий» Гоголя. Нам бы хотелось обратить внимание на уклад жизни бурсака, на тот характер школы, которая формировала мир духовного пастыря. Если обратить внимание на роль духовного сословия в просвещении России, надо отметить, что в петровские времена дворянин должен был учиться, трудиться, постигать точные науки, образование было нацелено на то, чтобы дворянин мог активно включиться в государственную деятельность, в строительство молодого государства. Однако в екатерининские времена дворянство получило сословные привилегии, благодаря которым дворянин не должен был активно трудиться. Постигание наук, труд над учебником считался несоответствующим дворянскому происхождению. Положение в обществе зависело от количества душ. Однако лечить, учить было необходимо, и из среды поповских детей

¹ В своей статье (ВАСИЛЬЕВА, Е. А. (2011): *К проблеме перевода русских антропонимов на чешский язык*. In: Opera Slavica, Masarykova univerzita Brno, č. 3, s. 11–21) мы уже останавливались подробно на анализе данного онима и обращали внимание на то, что онимами Гоголь часто маркирует пространство, они являются ключом к авторской концепции произведения. Здесь именем героя как бы намечаются два пласта повествования, две личности, живущие в одном герое. Днем Хома (Фома неверующий) живет, «прожигая» жизнь, ночью вступает в боренье с силами зла, обнаруживая в себе самом совершенно иного человека, отличающегося от дневного Хома. Днем – разгульная удалая жизнь бурсака, а ночью – мифическая фантастико-героическая действительность.

² <http://a-vers.narod.ru/vij.htm>

вырастает будущая разночинная интеллигенция, которая прошла бурсу. Бурса становится тем учебным заведением, где формируются духовные наставники народа, учителя для дворян. «Нарежного и Гоголя роднила не столько общность темы, сколько тот угол зрения, под которым оба писателя рассматривают избранного героя. И Гоголь, и Нарежный нарочито подчеркивают комичность характера бурсака, нелепую ученость, академическое «красноречие», крепость головы и кулака, тяжеловесный юмор, внешнюю неопрятность представителя «ученого сословия» и его странное отношение к чужой собственности. В этой шаржировке образа многое шло от анекдота, от бытового представления, где слово «бурсак» было синонимично дикости, тупости, пошлости при внешней учености, да и ученость сама не могла не вызвать иронической усмешки» [Либан 2010: 278].

Н. В. Гоголь и В. Т. Нарежный создали лишь колоритное описание бурсы, представили этот мир как некую экзотику, заключавшую в себе нечто комическое, своеобразное, противопоставленное всему окружающему. Бурсацкую жизнь они изображают лишь с внешней стороны, отчасти идеализируют. Н. Г. Помяловский в 1863 году, после отмены крепостного права, обращается к описанию жизни бурсы в «Очерках бурсы», которым предшествовали рассказы «Махилов», «Вукол», «Данилушка», «Долбня». Это были своеобразные этапы в творчестве писателя, подходы к изображению бурсы в «Очерках бурсы». Н. Г. Помяловский беспощаден и критичен в своих оценках педагогической системы бурсы: *«над всем царила всепоглощающая долбня»* [Помяловский 1988: 273]. Ребенок, попавший в бурсу, пройдя школу розг и наказаний, превращался или в подлеца, или в полудурака, или озлоблялся. Бурса ломала души учеников. Например, брак. За невестой оставалось закрепленное место. И бурсак, чтобы иметь средства к существованию, должен был жениться на закрепленной невесте. Или, например, постриг в монахи. Соловьев в своих «Записках» рассказывает о пострижении в монахи Степана Петербургского: «... Посвящение его в монахи любопытно. Он был хорош собой и счастлив с женщинами; однажды к Платону дошла сильная жалоба на семинарского ловеласа; Платон, любивший вербовать всеми неправдами в монахи, воспользовался случаем и предложил молодому преступнику на выбор: или жестокое наказание, лишение будущности, или пострижение и архиерейство. Степан избрал последнее и превратился в Серафима. После этого события однажды Платон гулял с профессорами Академии по двору Троицкого монастыря и занимался любимую свою забавою: взглянувши на какой-нибудь предмет, он произносил первый стих, относящийся к этому предмету, а спутники должны были подбирать приличный второй стих. Взглянувши на старый царский дворец, Платон произнес: «Чертоги зрю монарши...». Из толпы спутников немедленно послышался второй стих: «Погиб Степан от секретарши!»

Этот Степан, или Серафим, оказался человеком бездарным, несмотря на то, что был после митрополитом московским, а потом петербургским

и первенствующим членом синода, ибо правительство любило смиренные посредственности» [Соловьев 1915: 13–14].

Н. Г. Помяловский пишет, что бурса формировала малое количество действительно верующих людей, затем атеистов, а еще большую категорию «людей, которые, ставши атеистами, прикрывают свое неверие священнической рясой» [Помяловский 1988: 386]. Итак, мы видим, что во всех произведениях В. Т. Нарезного, Н. В. Гоголя, Н. Г. Помяловского стоит вопрос формирования души духовного наставника. У Н. В. Гоголя в произведении представлены как фольклорные, мифологические начала, скрывающие глубокой философский подтекст: борение человека с самим собой, глубина и возможности души человека, так и реалистические картины описания жизни бурсаков, которые в дальнейшем были развиты в произведениях Н. Г. Помяловского. Но резонно возникает вопрос: как человек, духовно неразвитый, может развивать души других? Может ли человек несчастный, убого сформированный, сделать счастливыми остальных? Может ли спасти душу (как в данном произведении показано «спасение души ведьмы-панночки»). Мы видим в дальнейшем решение этого вопроса и в «Братьях Карамазовых» Ф. М. Достоевского, и в произведении А. Платонова «Котлован», где несчастливые строители и их главный инженер Прушевский пытаются построить Дом для счастья и детства. Итак, мы видим проекцию тем, поднятых в творчестве Н. В. Гоголя, на русскую литературу XIX и XX веков.

Как же эти глубокие философские вопросы и темы: пошлости, несовершенства мира, гоголевская ирония, реализованная через оксюморон, «странные» детали и ход событий (Ю. Манн), как же все эти особенности гоголевской поэтики воплощаются в современных интерпретациях произведения «Вий» в кино.

В российском кинематографе как минимум 5 раз была экранизирована повесть «Вий»: в 1909, 1916, 1967, 2006 (фильм «Ведьма»), 2013 гг. Остановимся на последних экранизациях.

«Вий» 1967 год – первый советский фильм ужасов. Сценарий и постановка А. Л. Птушко. В фильме ярко представлена жизнь бурсаков, колоритно показан украинский быт, картину украшают народные песни. А. Л. Птушко придерживается гоголевской интерпретации, не отступает от гоголевского текста. Психология героя представлена игрой талантливого актера Леонида Куравлева. Раскрывая психологию героя, А. Л. Птушко ярко описывает мотив безверия героя. Он должен «спасти душу» ведьмы, но его душа наполнена страхом. Чтобы преодолеть страх, он напивается перед каждой ночью. Пространство его души суживается. Если в начале его душа вмещает в себя и радость жизни, и бурсацкую жизнь, то в конце все переполнено нагнетающимся страхом. Страх – отсутствие любви. Нет в душе Хомы христианской любви и веры. «Совершенная любовь изгоняет страх» [1-е Иоанна 4: 18]. Любовь от Бога – страх от плоти. Человек как сосуд, плоть переполняет страх. И здесь побеждает плоть, показано ее торжество. Нет веры у Хомы, нет и любви, чтобы побороть страх. Конец фильма интересен. Беседуют

Халява и Тиберий Горобец. Вопрос, который звучит в их беседе: «А может там идет Хома?», – указывает на карнавальное начало гоголевского произведения, где все может оказаться мифом, мистификацией.

Фильм «Ведьма» (2006 г.) является современной интерпретацией повести. Действие переносится в европейский городок. Все реалии, события, образы, созданные на экране, мало чем напоминают гоголевских героев. Сохранена лишь фабула произведения. Фильм наполнен спецэффектами, делающими картину зрелищной. Фильм имеет счастливый конец. Хома не гибнет, но выходит победителем из схватки с нечистой силой. Но в чем истоки победы? Где он взял духовные силы? В произведении Н. В. Гоголя сложный подтекст борения плоти и духа. В фильме это, к сожалению, не выражено.

В 2008 г. был создан проект «Вий», где фильм должен был состоять из трех частей. Первый фильм «Вий. Возвращение» вышел на экраны в 2013 г. 80% экранного времени занимают спецэффекты³.

Как мы видим, в большинстве случаев кинематографистов привлекают яркие визуальные возможности, таящиеся в фабуле произведения. Раскрытие психологии образа героя Хомы Брута как столкновение различных начал души человека, как вопроса о возможностях человеческой души, заданного в авторском подтексте, остается за пределами сферы интересов кинематографистов.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

ГОГОЛЬ, Н. В. (1959): *Собрание сочинений в 6 томах*. М.

ГУКОВСКИЙ, Г. А. (1959): *Реализм Гоголя*. М.-Л.

ЛИБАН, Н. И. (2010): *Избранное: Слово о русской литературе: очерки, воспоминания, этюды*. М.

ПОМЯЛОВСКИЙ, Н. Г. (1988): *Мещанское счастье*. Молотов. Очерки бурсы. М.

СОЛОВЬЕВ, С. М. (1915). *Записки*. С.-Пб.

³ <http://www.km.ru/kinomuzyka/2008/10/30/kino/vii-ot-moskovii-do-transilvanii>

ИННА ВЯЧЕСЛАВОВНА ВАСИЛЬЕВА

Россия, Москва

ТРАДИЦИИ СКАЗА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА

ABSTRACT:

Tradition of Tale in Russian Literature of the First Third of the 20th Century

Genre limits of tale are determined with a sophisticated combination of several oppositions: reality and fiction, fairy tale and true story, spoken and written language. The new semantic-stylistic insight into the genre of tale is primarily concerned with the early 20th century's revival of interest in folk culture and traditions. The new apprehension of the Russian classic literature of the 19th century (A. Pushkin, N. Gogol, N. Leskov) also promoted the new understanding of the genre of a tale.

KEY WORDS:

Folk culture – traditions – true story – literature – genre – storyteller – writer – hero – image.

Наиболее емкое понимание жанра сказа дал еще в начале XX столетия Б. Эйхенбаум. С позиций этого исследователя, «сказ существует в двух видах: «повествующий» – характерная, мотивированная манера повествования, отражающая кругозор и характер повествователя, и «воспроизводящий» – игра в различные словесные жесты, в которых повествователь функционирует лишь в качестве актера, носителя языковых масок» [Эйхенбаум 1927: 32]. Именно в этом ключе и стоит рассматривать использование данной художественной манеры в литературном процессе начала XX века. Сказ представляет собой сложное сочетание реальности и вымысла, сказки и были, устной и письменной форм изложения. Новое семантико-стилистическое прочтение жанра сказа связано, прежде всего, с возрождением интереса в начале XX столетия к народной традиции в культуре, а также со сложными процессами переосмысления русской литературы века XIX, традициями А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя и Н. С. Лескова.

Культура начала XX века создала уникальное художественное пространство с точки зрения идеи религиозно-духовного преображения жизни. В основе этой концепции лежит неудовлетворенность представителей новых творче-

ских направлений в созданном Богом мире и желание в противовес «злому» миру и «злому» времени создать свой мир красоты, через который осуществлялась бы попытка прорваться из времени в вечность. В связи с этим неподдельный интерес вызывала у творческой части русского общества первой половины XX столетия вековая народная мудрость. Именно через нее стремятся проникнуть в сущность бытия и найти ключ к разгадке исторической миссии России и М. Пришвин и П. Бажов. Обращение к образам, темам, мотивам, формам народного творчества было связано у писателей с поиском своего особого художественного стиля и желанием постичь истоки национального русского характера, заключающие в себе колыбель истины.

В произведениях этих двух писателей и дети, и взрослые, несмотря на тяжелые социальные условия, сохраняют устойчивое приятие мира, умеют радоваться жизни, ценить красоту природы, получать удовлетворение от каждого мига жизни. Революционный романтический порыв, противоречивое отношение интеллигенции к культуре: распад и разрушение, с одной стороны, и ощущение возрождения, начало нового общественно-культурного пролетарского этапа в творчестве, с другой, а также нарождающийся классовый подход – всё это явилось основой для формирования, развития и становления новой неоромантической литературы и ее новых творческих форм.

В процессе формирования основных творческих жанровых принципов М. М. Пришвин погружается в первозданный, загадочный и сказочный мир русской природы, ставший первоосновой его мировосприятия. Своеобразная форма сказка-быль, гармонично соединяющая орнаментальность и характерность, т.е. две наиболее важные типологические черты сказа, олицетворяет в произведениях писателя нравственно-символическую картину мира, где реальность соседствует с вымыслом, «приходящее» с «уходящим», добро со злом. Черты этой особой жанровой структуры можно увидеть уже в названиях произведений М. М. Пришвина: «За волшебным колобком», «Черный араб», «Кашеева цепь», «Берендеева чаша», «У стен града невидимого», «Кладовая солнца» и др.

М. М. Пришвин свои личные впечатления о поездке в северные края, скитании по «краю непуганых птиц», как он сам его назвал, гармонично соединял в своем творчестве с русской этнокультурной традицией. Тридцать восемь народных сказок, записанных М. М. Пришвиным во время этого путешествия, были впоследствии включены в сборник «Северных сказок» под редакцией Н. Е. Ончукова и одновременно послужили материалом для создания первого большого произведения писателя «В краю непуганых птиц (Очерки Выговского края)». Эта книга не только живо, ярко, образно представляет мир природы и истинных человеческих характеров, но также включает в себе и огромный географический научно-исследовательский материал.

Повесть «У стен града невидимого» («Светлое озеро»), созданная писателем в 1909 г. в жанровом отношении очень близка к сказу, в основе которого лежит интерес к этнокультурным образам, с их потаенной святостью, выраженной в образе «поддонного града Китежа». Китеж (Китеж-град, град Китеж, Большой Китеж) мифический древнерусский город, находившийся, согласно пре-

данию, в северной части Нижегородской области, неподалеку от села Владимирского и города Семёнова на реке Люнде. На месте, где по преданию некогда стоял Большой Китеж, теперь простёрло свои воды озеро Светлояр. Китеж в произведении М. М. Пришвина – народная легенда и реальная основа высокой духовности, хранящейся в образах староверов, подлинных сынов русского народа, «новых» преобразованных людей. Автор в повести выступает в роли сказителя, вводя читателя в мир русских старообрядцев, сохраняя при этом за аудиторией право составить свое личное представление об этих людях. «Люди хорошие, лесные; много белых стариков. Спрашивают, куда я еду. Отвечаю: в Китеж, в город невидимый. Никто не удивляется, здесь это понятно» [Пришвин 1982: 399]. «Светлое озеро – чаша святой воды» [Пришвин 1982: 429], обладающая мистическими силами оживляющей человеческую душу, очищающая мысли, несущая истинную веру. Само название озера заключает в себе глубокий аллегорический смысл: распространяющий солнечный свет, возрождающий силу и храбрость в человеке «Я чувствую, как от каждого из этих странников исходит луч веры и пересекается на берегу озера Светлоярого. ... Я верю в него, Китеж есть» [Пришвин 1982: 431]. Повесть заканчивается наставлением главному герою от «лесных людей» в духе дидактической народной сказовой традиции не «духа не унимайте» [Пришвин 1982: 473].

Не менее самобытен сказ и в творчестве П. П. Бажова, он подчинен и мотивирован образом повествователя, воплощая особую авторскую позицию. Продолжая традиции характерного сказа «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя, а также «Очарованного странника» и «Запечатленного ангела» Н. С. Лескова, П. П. Бажов создает свой собственный мир с широким диапазоном проблем. Обращаясь к прошлому, писатель искал в особых жизненных ситуациях своих героев истинно народные черты, творческий дух, моральную стойкость. Создавая свои произведения в новую эпоху, искренно веря в скорую счастливую жизнь, П. П. Бажов главной своей задачей видел «участное сострадание» и «спасение и сохранение» мира [Бажов 1986: 327].

Сборник сказов «Малахитовая шкатулка», над которым писатель работал почти 15 лет – многогранный творческий труд, одновременно воплощающий увлеченность самого П. П. Бажова революционными преобразованиями и осознания сложного психологического портрета эпохи, в которой прекрасное зачастую отходит на второй план, а главным становится обывательщина. Сказовая форма проста, но особая роль в ней отводится слову, сосредоточенность на которой в творчестве писателя определяется его «стилевым самоощущением», невозможным вне «низовой жизни» – жизни большинства людей, – где все, самое неожиданное и поражающее (имя, характер, случай, судьба), оказывается «необыкновенно простым и естественным» [Бажов 1986: 341]. Главной задачей художника, по словам самого П. П. Бажова, является его способность «перешагнуть в сферу правдоподобной простоты, которая, конечно, гораздо выше сфер напыщенности, пафоса, боковых украшений». Выбор сказовой формы в связи с этим не случаен, она содержит в себе особую жанровую и стилевую остроту, необходимую для изображения сложных психологических про-

цессов, происходящих в душе главного героя «Малахитовой шкатулки» – Степана. Душа его переполнена жаждой познания, он стремится постичь тайные силы природы, овладеть секретами мастерства и обрести истинное счастье. Труд на благо людей, стремление к самопожертвованию через постижение народной мудрости, недаром заветная мечта многих героев П. П. Бажова связана с новым временем, когда «отнимут поди-ка люди у золота его силу» [Бажов 1986: 215].

Яркой характеристикой своеобразного прочтения жанра сказа у П. П. Бажова является невероятно гармоничное сочетание реальной жизненной основы, фантастического начала в образах его героев, а также особой роли творчества в преобразовании действительности.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

БАЖОВ, П. П. (1976): *Сочинения в 3 томах*. М.

ПРИШВИН, М.М.(1982): *Собр соч. в 8 томах*. М. т. 1.

ЭЙХЕНБАУМ, Б. (1927): *Теория, критика, полемика*. Л.

ЭЙХЕНБАУМ, Б. (1969): *О прозе*. Л.

АЛЕКСАНДР ЖИТЕНЕВ

Россия, Воронеж

АНЕКДОТ И ГРОТЕСК В ПРОЗЕ И. ХОЛИНА («МОСКОВСКИЕ ШУТКИ»)

ABSTRACT:

Anecdote and Grotesque in the Prose by I. Choline (“The Moscow Jokes”)

Grotesque in Russian prose of the second half of the XX century is a form of aesthetic assimilation of the Soviet absurdity. The structure of the grotesque is correlated with the genre of political joke in which the comic is the means of overcoming social shock. A typical example of this kind – prose by I. Choline and, in particular, his book “The Moscow jokes”. The main plot of his book – unstoppable rise of evil that destroys any connection between the word and the reality.

KEY WORDS:

Grotesque – anecdote – Russian prose.

Гротескная линия в русской прозе XX века является, как известно, одной из самых продуктивных. При этом во второй половине столетия ее расцвет связывается прежде всего с опытом «неподцензурной» литературы. Гротеск оказывается здесь формой эстетического освоения советского абсурда, средством выявления несоответствий между идеологией и реальностью. Традиционные для гротеска «конфликт разных модусов ментальности в рамках единой картины мира» [Дормидонтова 2008: 5] и поиск «позиции над преодоленным хаосом» [Кобленкова 2006] в этой связи нередко опираются на опыт политического анекдота, в котором комическое оказывается «инструментом, способным противостоять социальному шоку» [Мельниченко 2011: 6]. В оценке В. Кривулина «все лучшее в новейшей русской прозе – от Венедикта Ерофеева и Юза Алешковского до В. Сорокина и В. Пелевина – построено на осмеянии, на абсурде, на анекдоте, иными словами – на распылении целого» [Кривулин 1994].

Характерный пример опытов такого рода – проза И. Холина, одного из самых заметных представителей «второй» культуры. Как уже указывалось исследователями, «рассказы Холина построены аналогично ранним стихотворениям: короткое и внешне бесстрастное описание абсурдного случая» [Кукулин

2000]. Книга «Кремлевские шутки» (1994) является хорошей иллюстрацией этого тезиса. «Пародируя вошедшие с началом перестройки в большую моду байки о “вожде всех народов”» [Кулаков 1998], она ориентирована на анализ мифопорождающих механизмов общественного сознания. В статье будет исследован авторский корпус этого сборника, сохранившийся в архиве Г. Сапгира [Холин 1993].

Холин использует преимущества анекдота как устного жанра, обладающего широким «семантическим диапазоном выражения» и отменяющего стилевые запреты письменной речи [Захаревич 2009: 8]. Но традиционная структура анекдота здесь меняется: разрыв причинно-следственной цепи может иметь место в любой части сюжета, а не только в финале; установка на комический катарсис, как правило, отсутствует; сжатость не является обязательной характеристикой текста; факультативной оказывается и его двухчастная форма. В этом смысле тексты Холина близки не только к анекдотам, но и к фольклорным байкам.

С байками их сближает больший, чем у анекдота, объем, ироническая интонация и конкретная пространственно-временная адресация. Однако и в этом случае жанровая параллель оказывается недостаточной: в фольклорном рассказе жанрообразующую роль имеют «риторические операторы достоверности текста» [Веселова 2006: 54]. У Холина речь идет не о достоверности рассказываемого сюжета, но лишь о достоверности его мифологической «рамки». Правдоподобность в цикле Холина – переменная величина, охватывающая далеко не все фрагменты текста и не во всех «байках» проявляющая себя в равной мере. Сохранение достоверной фабульной детали здесь служит лишь условием создания гротескного эффекта.

Метасюжет книги – самовозрастание зла, перерастающее любые границы правдоподобности. Холин снова и снова в разных регистрах варьирует один и тот же комплекс мотивов, что, учитывая гротескный модус повествования, с каждым разом делает все более и более очевидным вывод об условности любых мотивировок персонажей. Все попытки объяснить зло терпят крах, и это поражение оказывается смысловым центром книги.

Главный герой «Кремлевских шуток» – Сталин – преподнесен в несочетаемом наборе модальностей. И его образ, и все связанные с ним истории принципиально дискретны. Очевидными полюсами развития сюжетов здесь выступают, с одной стороны, стремление сделать образ максимально сниженным и обытовленным, а с другой – попытка поместить его в фантастический контекст. И в том и в другом случае границы достоверности резко смещены. В соответствии с логикой гротеска «образ литературного субъекта строится на переходе границ», «единая перспектива изображения уступает место перспективе обратной», а в стиле «преобладают формы, характеризующиеся “внутренней диалогичностью”» [Тамарченко 2004: 11].

Протяженный ряд трансформаций запускает мотив произвола. Он «отменяет» логику действительности, замещая ее сюжетобразующей волей героя-«шутника». «Шутка» в этом контексте – опыт игрового преобразования действи-

тельности с деструктивной доминантной. «Соль» всех «шуток» героя – переворачивание наизнанку представлений о возможном, нередко с тяжкими для реципиентов последствиями. Герой шутит со страхом окружающих и утверждает себя через насилие – фактически творимое или предвосхищаемое. Характерный пример – «шутка» над Берией в тексте «Желание»: «Боишься ты товарища Сталина. Не меня бойся, в вот этих (кивок в сторону соратников). Знаешь, дурак, что они с тобой сделают после моей смерти? За муде подвешат к потолку! Ладно, дорогой, испугался, в портки наклал? Не унывай, пошутил товарищ Сталин, немножко пошутил!» [Холин 1993: 35].

Демифологизирующее снижение образа кремлевского «шутника» связано в книге с рядом текстов, в которых Сталин вписан в логику советского быта и возрастных проблем разного рода. У него может течь кран, найти замену которому в силу тотального дефицита невозможно («Кран»), он может ходить в «худых поношках» и сетовать на некачественность советских товаров («Дырки»), проблемой для него оказывается поиск квартиры для знакомого («Серьезный вопрос»). С другой стороны, он обрисован как обладающий разного рода телесными немощами: его мучают запоры («Настроение») и геморрой («Геморрой»), он занят ловлей блох («Сапоги») и т.п. Главным персонажем, создающим «профанный» образ «шутника», оказывается «уборщица тетя Маша». Она становится свидетельницей сомнительных развлечений вождя («Личный механик»), судачит о нем с соседками по коммунальной квартире («Свет в окошке»), ругается с ним из-за его нечистоплотности («Ночной горшок»), лечит «шутника» народными средствами («Компресс») и т.п.

Полнос мифологической трансформации образа связан с гротесковым заострением гордыни и жестокости героя. Сталин лучше всех вождей советского государства рубит головы врагов народа («Аплодисменты»), производит отстрел случайных прохожих в Кремле («Меткие выстрелы»), обнаруживает свойства «вурдалака и кровопийцы» («Три отзыва»), оказывается обладателем «хвоста с черной метелкой на конце» («Между строк») и т.п. Экспансия фантастического захватывает и пространство, в котором находится герой: попытка засеять Красную площадь приводит к тому, что на ней вырастают «болты и гайки» («Гениальное решение»), появление дракона в Кремле приводит к номенклатурным перестановкам («Мудрый вождь») и т.п. Фокусом гротеска оказывается смерть героя: по одной версии, у него «от презрения к людям выросли рога и копыта» и он «смылся» («Замкнутое пространство»), по другой – провалился в подземный ход и завис по пути к центру земли («Последняя шутка»), по третьей – умер естественной смертью, но «начал излучать после смерти черный свет» («Горстка пепла»).

Мир холинских «баек» построен на гротескном заострении идеи сакральности власти, в соответствии с которой любое пересечение связанной с ней семантической границы чревато экцессами. В цикле несколько раз повторяется сюжет, в котором вождь поднимает случайного человека до статуса «миньона», и всякий раз это возвышение сопряжено с травестийным изображением экстаза: «После второго стакана поэт полез к вождю целоваться. И как тот ни

отбрыкивался, но все же получил засос-кровосос. <...> “Ты чего кочевряжишься, я же люблю тебя, как отца родного” («Поцелуй засос») [Холин 1993: 30]. Передки в книге и вариации на обратный сюжет, когда Сталин «мимикрирует», является где-то без предупреждения или инкогнито. В этом случае сила мифа работает против героя: «В конце сороковых годов Иосиф Виссарионович Сталин <...> решил посетить один из военных подмосковных заводов, но был арестован как шпион и провокатор. <...> “Не пизди, какой ты Сталин! Не Сталин, а рябая старая калошина”» («Переходящее знамя») [Холин 1993: 42].

Эффект семантического слома, возникающий в сюжетах такого рода, нейтрализуется в книге ссылкой на вмешательство сверхъестественных сил. Любое нарушение статус-кво оказывается беспоследственным, и стремление обнаружить его причину обречено на заведомую неудачу. Так заканчивается попытка вручить знамя бдительным охранникам, задержавшим Сталина на проходной завода: «Когда <...> государственная комиссия приехала вручать это знамя, то никакого завода там не обнаружила, а увидела молодое поле, засеянное овсами и ячменями» [Холин 1993: 43]. Точно так же заканчивается в книге поиск художника-провокатора, приславшего в Кремль пародийный портрет Сталина: «Когда разгневанный сановник явился на Кузнецкий, то узнал, что там уже две недели проходит выставка народного творчества. И портреты вождя здесь не рисовались» [Холин 1993: 146].

Таким образом, необъяснимое в «Кремлевских шутках» оказывается квинтэссенцией советского гротеска, свидетельством тотальности мифопорождающего поля, созданного преступной властью.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- ВЕСЕЛОВА, С. И. (2006): *О степенях достоверности фольклорного рассказа*. In: Фольклор, пост-фольклор, быт, литература. Сборник статей к 60-летию А.Ф. Белоусова. СПб. С. 50–58.
- ДОРМИДОНТОВА, Т. Ю. (2008): *Гротеск как тип художественной образности (от Ренессанса к эпохе авангарда)*: автореф. дис. канд. фил. наук. Тверь.
- ЗАХАРЕВИЧ, Е. В. (2009): *Петербургский анекдот первой трети XX века: типология текстов и специфика жанра*: автореф. дис. канд. фил. наук. СПб.
- КОБЛЕНКОВА, Д. В. (2006): *Проблемы становления теории гротеска*. In: Новый филологический вестник. №1. – URL: http://ifi.rsu.ru/vestnik_2006_2_4.html.
- КРИВУЛИН, В. (1994): *Поэзия и анекдот*. URL: <http://dovlatov.newmail.ru/books/krivulin.html>.
- КУКУЛИН, И. (2000): *Холин прямосмотрящий*. URL: http://www.ng.ru/lit/2000-06-08/2_kholin.html.
- КУЛАКОВ, В. (1998): *О прозе Игоря Холина*. URL: <http://www.aptechka.agava.ru/statyi/periodika/holin1.html>.
- МЕЛЬНИЧЕНКО, М. А. (2011): *Советский политический анекдот 1918–1953 гг. как исторический источник*: автореф. дис. канд. ист. наук. М.
- ТАМАРЧЕНКО, Н. Д. (2004): *Эстетика гротеска и поэтика романа*. In: Гротеск в литературе. М., Тверь. С. 11–14.
- ХОЛИН, И. (1993): *Кремлевские шутки*. Архив Института Восточной Европы при Бременском университете, фонд Г. Сапгира. Archiv FSO, F. 146.

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА КАРТАШОВА

Россия, Йошкар-Ола

В. В. РОЗАНОВ О РОЛИ Н. В. ГОГОЛЯ В РУССКОЙ ИСТОРИИ, ЛИТЕРАТУРЕ, ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

ABSTRACT:

V. V. Rozanov about the Role of N. V. Gogol in Russian History, Literature and Standard Language

The paper deals with and systematizes the views of Rozanov, a famous, philosopher and writer of the XIX century turn, on the role of N. V. Gogol's personality and work in Russian literature, standard language, Russian history. The sources used in this paper are V. V. Rozanov's articles devoted to Gogol and comments about Gogol in other V. V. Rozanov's papers. They are considered as single historical meaningful and stylistic context.

KEY WORDS:

Literary process of the XIX century turn – historical and literary context – historical stylistics – literary language – linguistic analysis of the text.

Русский культурно-религиозный ренессанс, русскую культуру и литературу рубежа XX–XXI веков невозможно представить без замечательно одаренной фигуры философа, публициста, литератора В. В. Розанова – «это был человек с натурой монолитной по духовной структуре, с высочайше развитой интуицией, внутренним пророческим пафосом, что дало ему возможность увидеть гораздо больше содержания в «свершении времен», увидеть гораздо больше многих своих современников в надвигавшемся хаосе века» [Сукач 1990: 10]. Литературно-публицистическая деятельность В. В. Розанова была связана с его глубоким исследовательским интересом к русской классике, к творчеству А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого. Из опубликованных в разное время статей постепенно сформировалась его собственная авторская концепция русской литературы, литературного процесса рубежа XX–XXI веков. Значительный научный интерес для литературоведов и историков русского литературного языка представляет анализ и систематизация взглядов В. В. Розанова на личность и литературное наследие Н. В. Гоголя, так как точка зрения философа оригинальна, «личностна», свободна от мнений официальной литературной критики и может стать еще

одной яркой частью общей картины, объективирующей вопрос о месте Гоголя в литературе, истории России. В библиографии литературно-критического наследия В. В. Розанова статьи о Гоголе занимают одно из главных мест, так как наполнены глубокими интуитивными прозрениями, которые приводят философа к оригинальным провиденциальным открытиям чисто филологического свойства. Анализ творчества Н. В. Гоголя философ посвятил ряд специальных работ и многочисленных авторских комментариев в своих главных произведениях «Уединенное» и «Опавшие листья». Систематизировать взгляды В. В. Розанова на творчество Н. В. Гоголя возможно, если рассматривать их в едином контекстном поле или, точнее, едином содержательном и стилистико-языковом текстовом поле, то есть при изучении всех работ и авторских комментариев о Гоголе как единого исторического контекста. Реализация данного подхода позволяет сделать два интересных наблюдения. Точка зрения В. В. Розанова на сущность гоголевского творчества содержательно принципиально не менялась до 1917 года, но лишь углублялась, детализировалась. При этом значительно эволюционировал в жанровом и стилистико-языковом отношении индивидуально-авторский стиль произведений Розанова о Гоголе: от сложных, пространственных метафорически образных контекстов, тяготеющих к традициям «классического» книжно-литературного изложения, в очерках и статьях, до кратких магических формул афоризмов в «Уединенном» и «Опавших листьях». Точка зрения В. В. Розанова оказалась настолько не соответствующей традиционным консервативным взглядам официальной литературной критики, что вызвала в обществе и периодической печати полемику. В. В. Розанов не побоялся противопоставить свое мнение таким столпам официальной критики, как славянофилы Н. Н. Страхов, Ю. Н. Говоруха-Отрок, академические авторитеты Н. С. Тихонравов, Д. Н. Овсянко-Куликовский. Все оппоненты Розанова придерживались официально принятых положений, которые философ сформулировал как «монументальность гоголевского облика в общепринятых чертах»: самый великий деятель в литературе, великий реалист, бесстрашный гражданин-обличитель, христианин-проповедник. Обобщая эти мнения, Розанов иронизировал: «Все это... должно привести к пониманию «христианского духа Гоголя», «в основе православного», который показал «безумие пустой и безбожной жизни» светского общества, забывшего обязанности перед народом». Можно и сюда повернуть... Но обо всем этом, о христианском духе Гоголя можно только улыбаться» [Розанов 2000: 277]. По мнению философа, такое понимание Гоголя возможно, но это «азбука о Гоголе», в которой истинное постижение гоголевского творчества и не начиналось. В. В. Розанов, признавая историческое величие Гоголя, считает, что истинное постижение «загадки его гения» возможно лишь при постановке новых вопросов и новых ответов на них. Систематизируя взгляды В. В. Розанова, можно выделить три основных критерия, позволяющих сформулировать отношение философа к личности Гоголя и его творчеству: 1) мистицизм, «болезненная» психологическая антиномичность личности писателя, непостижимая для обыденного сознания; 2) содержание творчества, базирующееся на сложном взаимодействии натура-

лизм и фантастики; 3) гениальная языковая интуиция, врожденное «чувствование» национального языка, создающие гениальный гоголевский стиль. Эти три критерия позволяют В. В. Розанову мотивировать собственную точку зрения о месте Гоголя в истории России, литературе, русском литературном языке. Рассмотрим кратко эти системообразующие критерии. Необходимо оговориться, что интерпретировать размышления В. В. Розанова сложно, так как его философские рассуждения совершенно неотделимы от его стиля, именно поэтому без цитирования философа невозможно обойтись. У Розанова о личности Гоголя есть такие удивительно точные высказывания, что они не нуждаются в комментарии: «Биографы гадают и, по всему вероятно, никогда не разгадают Гоголя: Гоголь молчалив и загадочен, как могила; ничего в нем не понимаем. При бесспорной искренности его творений, к которым мы так мало имеем окончательного «ключа», остается думать, что Гоголь принадлежал к тем редким мятущимся и странным натурам, которые и сами от себя не имеют «ключа». «Посланец божий» – вот ему и всем таким имя» [Розанов 1995: 122]. Принимая как данность врожденный литературный талант Гоголя, Розанов считал, что главными особенностями гоголевского мирозерцания стали: мистицизм, антиномизм сознания, сложное отношение к религии: Гоголь «видел иные миры... можно сказать, что центр и направление его лежит в «мирах иных»; «все-таки пугался своего демонизма»; «находился между язычеством и христианством», «болен нравственными заболеваниями от чрезмерных глубин своих»; «знал загробные миры, грех и святое ему были известны не понаслышке»; «болезненное воображение его часто творит второй мир поверх действительного и к этому второму миру силится приспособить первый».

В. В. Розанов утверждал, что рациональное, «объяснительное», «умственное» прочтение Гоголя не будет способствовать постижению истины о писателе, только творческая интуиция позволит увидеть, что мир Гоголя – это не отражение действительности, это ряд карикатур на нее, мастерски нарисованных с помощью схем, восковых фигур, масок, кукол, аллегорий пороков: «Не забудем, что Гоголь чрезвычайно любил абстракции, обобщения, панорамы. Что все его творения, в особенности сатирические, в сущности, есть схемы [Розанов 1995: 122]. Философ, анализируя «Выбранные места из переписки с друзьями», формулирует гоголевский способ создания «всех образов его произведений: 1) они суть выдавленные наружу качества его души, о срисовке их с чего-то внешнего даже не упоминается; 2) определяется и процесс создания: берется единичный недостаток, сущность которого хорошо известна по субъективной жизни, и на него пишется иллюстрация с «моралью» – это и есть сущность карикатуры» [Розанов 1995: 121]. Гениальный стиль гоголевских сочинений настолько довлеет над читателем, что он, читатель, совершенно не замечает бедности, схематизма, примитивизма содержания и сюжета: «Содержания почти нет, или – пустое, ненужное, неинтересное. Не представляющее абсолютно никакой важности. Но Форма, то, как рассказано, – гениальна до степени, недоступной решительно ни одному нашему художнику... У него все состоит из мелочей, за схему мелочей, за инвентарь мелочей он не уме-

ет переступить... Это какая-то безотчетная любовь к формулам, которые так выражают его суть: у него, Гоголя, везде не ошибающийся резец, который режет чудотворную действительность. Но – маленькую, пошлую, миниатюрную» [Розанов 1995: 347]. В. В. Розанов заявлял, что Гоголь является создателем отдельного литературного стиля наряду с Н. М. Карамзиным и А. С. Пушкиным: «Гоголь какой-то кудесник. Он создал третий стиль. Этот стиль назвали «натуральным». Но никто... не создавал таких чудодейственных фантазий, как Гоголь... Рядом с этим могуществом, с этим призыванием к фантастическому Гоголь имел равное могущество и равное призывание и к натуральному, натуралистическому» [Розанов 1995: 121]. Розанову принадлежат удивительно тонкие, талантливые наблюдения за стилевыми особенностями прозы Гоголя. Важнейшая черта, индивидуализирующая гоголевский стиль, по мнению В. В. Розанова, – это «его бесконечный лиризм, (любопытно, что всюду, где он умеет создавать неотрицательные образы, у него эти отступления отсутствуют). К чему же относится лиризм? Только к иронии, с ней связан, без нее не появляется. Лиризм Гоголя – это всегда жалость, скорбь, ... скорбь художника о законе своего творчества... это плач художника над своею душой» [Розанов 1995: 150].

Еще одним важным положением во взглядах В. В. Розанова на творчество писателя является мысль о влиянии Гоголя на судьбу России. Творчество Гоголя, по мнению философа, это «сужение и принижение человека», которое «растлило души и разорвало жизнь, исполнив ее глубочайшего страдания. Неужели мы настолько уже испорчены, что живую жизнь начинаем любить менее, чем игру теней в зеркале... Гениальный безумец бросает свою гениальную и преступную клевету на человеческую природу» [Розанов 1996: 142]. Еще более шокирующие высказывания В. В. Розанова можно найти в «Опавших листьях» и «Последних листьях»: «Ни один политик, ни один политический писатель в мире не произвел в политике так много, как Гоголь. Ничего!!! Нигилизм! Сгинь нечистый! Оборотень проклятый... Веры в душу человеческую, веры в землю, веры в будущее для Гоголя воистину не было» [Розанов 1990: 211]. «Дьявол вдруг помешал палочкой дно: и со дна пошли токи мути, болотных пузырьков... Это пришел Гоголь. За Гоголем все. Тоска. Недоумение. Злоба, много злобы. «Лишние люди» Тоскующие люди. Дурные люди» [Розанов 1990: 261]. «В левой партии: Гоголь, Грибоедов, Фонвизин, Чаадаев, Радищев. Декабристы. Шестидесятые годы... Все звезды... Весь ум и талант Руси... «Душа Руси» – левая. Святые Руси – в могилах». «Радикалы, социалисты – только этапы отчаяния. Гоголь – этап отчаяния» [Розанов 2000, 124]. В. В. Розанов видел в Гоголе и его творчестве основу мировоззренческого переворота в психологии человека, основу революционного нигилизма, которые способствовали совершению государственного переворота в 1917 году. Эта точка зрения В. В. Розанова оставалась неизменной на протяжении всей его творческой жизни. Но вдруг в «Последних листьях» на листке от 3 ноября 1917г. появляется такая многозначительная запись: «Эту ночь представилась мне странная мысль: что, может быть, все мое отношение к России – не верно. Я на все лады

во все времена рассматривал ее с гражданской стороны... У меня был трагический глаз. А, м.б., ее надо рассматривать с комической стороны... Вообще в комедии есть свой смысл. Комедия в сущности добрее. Комедия снисходительнее... Трагическое начало сходно с Молохом: который пожирает. Во мне это было что-то пожирающее свое отечество. В тайне вещей я его ненавидел – и за отсутствие добродетели. **Тогда же оправдывается и Гоголь, которого я всю жизнь так ненавидел?** Но если ошибка: то как до 62-года прожить в ошибке?! О, мойры. Как вы смеетесь над человеком» [Розанов 2000: 252].

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

КАРТАШОВА, Е. П. (2001): *Стилистика прозы В.В. Розанова*. «МГОПУ», М.

РОЗАНОВ, В. В. (1990): *О себе и жизни своей*. «Московский рабочий», М.

РОЗАНОВ, В. В. (1995): *О писателях и писательстве*. «Республика», М.

РОЗАНОВ, В. В. (1996): *Легенда о Великом инквизиторе*. «Республика», М.

РОЗАНОВ, В. В. (2000): *Последние листья*. «Республика», М.

РОЗАНОВ, В. В. (2000): *Литературные изгнанники*. «Аграф», М.

СУКАЧ, В. Г. (1990): *Загадки личности Розанова*. In: В.В. Розанов. *О себе и жизни своей*. М., с.7–30.

АНАСТАСИЯ КОНДРАШЕВА

Италия, Рим

ГОРОДСКОЙ ТЕКСТ РИМА И ПЕТЕРБУРГА В ТВОРЧЕСТВЕ Н. В. ГОГОЛЯ

ABSTRACT:

Rome and St. Petersburg Urban Texts in N. V. Gogol's Works

The concept of "urban text" does not have any sufficient development, although during the recent years there is a growing interest in science to the study of urban texts. In Gogol's works we see the examples of the urban texts. Thus, we see Gogol in St. Petersburg and in Rome, in St. Petersburg, he was a prolific writer, but unhappy and unsatisfied man. In the Eternal City Gogol has found the perfect consonance between man and his environment.

KEY WORDS:

Urban text – urban myth – urban space – architectural images – landscape.

Актуальность данной темы обусловлена прежде всего тем, что понятие «городской текст» не имеет достаточной системной разработки, хотя в последние годы в науке возрос интерес к изучению городских текстов, подтверждением чему служит ряд изданных публикаций, монографий и защищенных диссертаций, посвященных исследованию «петербургского текста», «венецанского текста», «парижского текста» русской литературы и др.

Вместе с тем, отмечая частое упоминания того или иного городского текста, не всегда можно его квалифицировать как понятие «текст» в силу его описательного характера и некой смысловой неопределенности. Не все тексты о городе можно назвать городским текстом. Несмотря на то, что словосочетание «городской текст» прослеживается во многих работах, его смысл предстает пока довольно размытым, возможно, причиной является большое разнообразие локальных текстов, которые представляют собой разные пласты одного контекста. Тем не менее, такой солидный массив исследовательских работ о городских текстах послужил толчком к изучению ряда вопросов, остающихся и сегодня открытыми, о том, что такое городской текст, что вызывает ряд споров и противоречий в современной науке.

В конце XX века в литературоведении появляется интерес к исследованию образа города и городского текста в работах Ю. М. Лотмана, Б. М. Гаспарова, Вяч. Вс. Иванова, В. Н. Топорова и др.

Так в 1984 г. В. Н. Топоров в своей работе «Петербургский текст русской литературы» вводит в научный обиход понятие «петербургский текст», тем самым заложив основу для дальнейших исследований городских текстов.

В своем исследовании В. Н. Топоров приходит к выводу о том, что «как и всякий другой город, Петербург имеет свой «язык». Он говорит нам своими улицами, площадями, водами, островами, садами, зданиями, памятниками, людьми, историей, идеями и может быть понят как своего рода гетерогенный текст, которому приписывается некий общий смысл и на основании которого может быть реконструирована определенная система знаков, реализуемая в тексте. Как некоторые другие значительные города, Петербург имеет и свои мифы, в частности аллегоризирующий миф об основании города и его демипурге» [Топоров 1995].

В. Н. Топоров говорит о Петербурге как о целостном единстве, которое создает столь сильное энергетическое поле, что все «множественно-различное», «пестрое», индивидуально-оценочное вовлекается в это поле, захватывается им и как бы пресуществляется в нем в плоть и дух единого текста: плоть скрепляет и взращивает этот текст, дух же определяет направление его движения и глубину смысла текста» [Топоров 1995].

Здесь важно подчеркнуть, что истоком идеи (феномена) города Петербурга и соответствующей смысловой установки Петербургского текста выступает петербургское городское сознание, аккумулирующее через восприятие города его высший духовный смысл.

Помимо В. Н. Топорова проблемой «петербургского текста» занимались Н. П. Анциферов, Ю. М. Лотман, Р. Д. Тименчик, Т. В. Цивьян, О. А. Клинг, В. М. Пискунов, Е. Ю. Куликова и др.

Еще одним концептом, рассматривающим совокупность культурных представлений о городе, сведения об исторических событиях, людях, сыгравших судьбоносную роль в жизни города, можно назвать «городской миф». Городской миф во многом формирует восприятие города в человеческом сознании, что накладывает отпечаток на образ жизни горожан, их мироощущение, поведенческую мотивацию, отображающиеся в литературном произведении.

Пространство города, отмечает А. Бобраков-Тимошкин, является естественным генератором культурных, в том числе и литературных мифов [Бобраков-Тимошкин 2004]. Городские мифы представляют метафизический уровень бытия города и выступают в качестве той культурной «внеположенной реальности», которая моделируется в литературном тексте о городе и является его цементирующим началом [Бобраков-Тимошкин 2004]. По мнению Н. Меднис, именно наличие метафизического обеспечивает возможность перевода материальной данности в сферу символического означивания, и, следовательно, формирование особого языка описания, без чего немислимо рождение текста [Меднис 2003]. Закладывающийся в основу литературного городского

текста миф о городе на уровне нарративной структуры произведения проявляется в проблематике, поэтике заглавия, композиции (мотивы, расстановка персонажей), пейзаже, определенных константных образов, идентифицирующих тот или иной город, образах персонажей (их сознания), специфике художественной речи и т.д.

В рамках этой традиции города могли иметь репутацию не менее яркую, чем великие люди или мифологические герои. Города персонифицировались, им приписывались устойчивые характеры, типичные свойства, зачастую контрастно противопоставляемые друг другу. Широко известна оппозиция «Москва – Петербург», но не менее выразительной была оппозиция «Рим – Париж», заявленная еще Гоголем в его незаконченной повести «Рим». В Брюсов, несомненно, подхватывает именно эту линию, поскольку стихотворению «Мир» предшествуют в его книге стихотворения «Италия» и «Париж». Внутренняя связь трех текстов акцентируется еще и тем, что в разделе, в котором они помещены, русскому языку сопутствуют вкрапления французской речи и латыни. Три названные стихотворения, несомненно, составляют внутреннее целое, отчетливо соотносящееся с гоголевскими идеями.

Одним из основателей «петербургского текста» русской литературы и главным автором, создателем русской версии мифа о Риме, конечно, является Н. В. Гоголь.

Город в художественном мире Гоголя представлен не столько как историко-географическая реальность, закрепленная в конкретных пространственных границах, сколько как знак или символ особого художественного пространства, содержащего в себе кроме территориально-географических ряд внепространственных признаков. В гоголеведении неоднократно предпринимались попытки осмысления места и значения Рима в жизни и творчестве писателя. [Меднис 2003]. В русской культуре Рим занимает особое место. Вечный город стал моделью при создании Петербурга. Петр I создавал город по образу Рима, поэтому у этих двух городов так много точек пересечения [Меднис 2003]. Значительную часть своей жизни Гоголь провел в Петербурге. Это не могло не отразиться на его произведениях. В очень многих из них присутствует образ Петербурга. Гоголь написал даже целый цикл петербургских повестей. И везде это таинственный волшебный город, полный всякой чертовщины. Здесь легко оживают дома и вещи, люди ходят и разговаривают сами с собой, а обыкновенный нос может запросто убежать от своего хозяина и разъезжать по городу в экипаже, словно чиновник.

Но также, говоря о городском тексте в творчестве Гоголя, мы не можем упомянуть Рим, куда Гоголь, как герой его «Рима» молодой князь, возвращался как на родину. Разочаровавшись в Париже, князь уехал домой, в Рим. Маршрут его повторяет маршрут Гоголя. Возвращение князя описано в отрывке подробно. Чем ближе к Риму, тем больше сливается «живая итальянская природа» князя с воскресшей душой русского поэта. Возвращение князя в Рим превращается в возвращение Гоголя на свою вторую духовную родину [Хлодовский 1984]. Образ Петербурга появляется в повести «Ночь перед Рождеством», где

мы видим город глазами Вакулы, словно в ад прилетевшего сюда на черте. Петербург Вакуле кажется невероятным и предстает через звук и свет. Стук копыт, звук колес, дрожь мостов, свист снега, крики извозчиков, полет карет и саней – просто невероятное мелькание и суета. В этом сказочном мире Вакуле кажется, что оживают даже дома и смотрят на него со всех сторон. Возможно, похожие впечатления испытывал и сам Гоголь, когда впервые приехал в Петербург. О необычайно ярком свете, который исходил от фонарей, Вакула говорит: «Боже ты мой, какой свет! У нас днем не бывает так светло» [Гоголь 1937–1952].

Так и в Гоголевском «Риме» мы увидим город шумным, кричащим, залитым светом, блеском солнца, отражающим его былое величие «... в памяти его восстают колоссальные образы цезарей; криками и плесками древней толпы поражается ухо... как темная грязная улица оканчивалась неожиданно играющей архитектурной декорацией Бернини, или летящим кверху обелиском, или церковью и монастырской стеною, вспыхивавшими блеском солнца на темно-лазурном небе с черными, как уголь, кипарисами» [Гоголь 1937–1952]. Р. Джулиани, итальянский славист и лауреат «Премии им. Гоголя в Италии», внесла огромный вклад в исследование римской темы в творчестве Гоголя. Подсчитав слова по существительным, глаголам, прилагательным и наречиям, становится очевидным, что в целом слова, относящиеся к «свету», встречаются в два раза чаще, чем слова, обозначающие «тьень». Кроме того, общее число слов, описывающих не связанную с цветом освещенность-затемненность, более чем вдвое превышает число названий цветообозначения. Гоголь восхищался светом Италии, ее прозрачным воздухом, глубоким небом и неподобным солнцем [Джулиани 2005].

Другим нам предстает Петербург в комедии «Ревизор». Здесь он уже гораздо более реален. В нем нет той сказочности, которая присутствует в «Ночи перед Рождеством», это уже практически настоящий город, в котором чины и деньги решают все. Несколько иным изображен Петербург в повести «Шинель». Это город, в котором «маленькие люди» пропадают бесследно. В нем одновременно существуют улицы, где и ночью светло, как днем, с живущими на них генералами, и улицы, где помои выливают прямо из окон. Переход от одних улиц к другим Гоголь изобразил через их освещение и шинели чиновников: если на бедняцких улицах освещение «тощее» и воротник на шинели из куницы редкость, то чем ближе к богатым районам, тем ярче становится свет фонарей и тем чаще попадаются бровные воротники. Это словно два мира одного города.

Такое же разделение на роскошный щеголеватый и бедный темный город мы замечаем и в отрывке «Рим», где вернее сказать, не разделение, а именно неожиданное слияние этих двух разных пластов очаровывает писателя: «ему нравилось это чудное слияние в одно, эти признаки людной столицы и пустыни вместе... ему нравились эти непрерывные внезапности, нежданности, поражающие в Риме... когда темная грязная улица оканчивалась неожиданно

играющей архитектурной декорацией Бернини... где римский *pubile* садится иногда рядом с миненте» [Гоголь 1937–1952].

В то время как большинство иностранных путешественников восхищались Римом античности и эпохи Возрождения, с недоверием и не без высокомерия поглядывая на современных римлян, говоря словами С. П. Шевырева, «недостойных потомков» [Шевырев 2003], Гоголь испытывал к римскому народу искреннюю симпатию, восхищался его врожденным чувством личного достоинства и справедливости, неиспорченной набожностью, веселым и живым нравом. «Здесь он *il porolo*, а не чернь» [Гоголь 1937–1952] – утверждает рассказчик «Рима», которого можно считать голосом автора, поскольку в своих письмах Гоголь высказывает о римском народе близкие суждения [Джулиани 2005]. Даже нищита в Риме предстает у Гоголя в светлом виде, именно римский «живой неторопящийся народ», прохаживающийся по узким темным улочкам, писатель считает внутренними сокровищами Рима. После возвращения в Рим именно эта с виду неприглядная сторона города, «так бранимая иностранцами» очаровывала молодого князя, «ему неприятно было бы выйти после всего этого в модную улицу с блестящими магазинами, щеголеватостью людей и экипажей: это было бы чем-то развлекающим, святотатственным. Ему лучше нравилась эта скромная тишина улиц, это особенное выражение римского населения...» [Гоголь 1937–1952].

Возвращаясь к Петербургу, нашему взору предстает нереальный дьявольский Петербург, изображенный в «Мертвых душах». Здесь мосты, словно черти, висят в воздухе, не касаясь земли. Петербург «Мертвых душ» – это странный призрак настоящего города. В нем вещи такие же живые, как и люди. Петербург, необыкновенный город. С одной стороны, это холодный, мрачный каменный город, но, с другой, – это центр культуры. Петербург часто затопляла Нева, словно смывая с него накопившиеся пороки. Внутренний мир Петербурга может видеть не каждый, а только немногие, особенные люди. Одним из таких людей и был Гоголь. Он увидел в этом городе то, что веками не замечали живущие здесь люди.

В данном случае сложно провести параллель с римским текстом, хотя в конце повести «Рим» Гоголь неожиданно вводит сцену сна Пеппе, в котором «сатана потащил его за нос по всем крышам всех домов, начиная от церкви Св. Игнатия, потом по всему Корсу, потом по переулку *tre Ladroni*, потом по *via della stamperia* и остановился наконец у самой *trinita`* на лестнице...» [Гоголь 1937–1952].

Представленная в отрывке антитеза «Рим – Париж» по своей сути является скрытой параллелью антитезы «Москва – Петербург». Не Парижу – столице Европы, и не Петербургу – новой столице России – сулит Гоголь будущность. Благовест обновления слышится ему в «ветхом» Риме и в «ветхой» России. Публикация «Рима» в журнале «Москвитянин» слегка опережала выход первого тома «Мертвых душ». Гоголю очень важно было, чтобы первый том не был воспринят как целое. Читатель должен был помнить, что книга еще не завершена, что изображенной в ней России еще предстоит преобразование. Как

сюжет, так и незавершенная форма «Рима» составляли отчетливую параллель к этому замыслу. В обоих случаях форма оставалась открытой, а продолжение предполагало чудесное преображение ветхой реальности.

Известно, что первоначально Гоголь намеревался написать целый «римский» роман, озаглавленный «Аннунциата». Однако в 1841 г. он меняет название на «Мадонна дей фьори» (Шевырев 2003), а год спустя выходит повесть «Рим». Смена заглавия свидетельствовала о том, что изменилась тема и сместился центр тяжести повествования – рассказ не о женщине, а о городе. Назвав повесть «Рим», Гоголь вновь сосредоточил внимание на точке, за которой стояло определенное пространство, среда, наделенная яркими самобытными характеристиками, и, что отнюдь не маловажно, пространство Рима существенно выходило за рамки городского пространства, поскольку Рим – не только город, но одновременно и государство и целый мир [Джулиани 2005].

Гоголь рисует Рим – могучую некогда столицу древнего мира – как прямую противоположность Парижу – новой столице Европы. В Париже все блистает живостью, остроумием, разнообразием и, главное, каждодневной новизной. Но постепенно те же качества оборачиваются легкомыслием, поверхностностью, суетностью. В Риме же все ветхое – этот эпитет Гоголь настойчиво повторяет. Но в ветхости дремлет могучая некогда сила, готовая вновь пробудиться. В Риме происходит встреча героя с Аннунциатой, самое имя которой указывает на сюжет благовещения. Встреча героя с Аннунциатой означает, что «ветхий» Рим содержит в себе залог обновления, что «благая весть» уже пришла к нему.

Вечный, классический Рим, как бы прародина русского, необычайно русского писателя Гоголя. Чем более русским ощущал себя Гоголь, тем ближе и роднее становился Рим [Хлодовский 1984]. Миргород превращается в Град, в Рим-город.

Когда в отрывке «Рим» Гоголь принимается описывать искусство ренессансно-барочного Рима, окончательно перестаешь понимать, о ком он, собственно, говорит, о молодом итальянском князе или же о себе самом, о русском писателе, дописывающем «Мертвые души», переделывающем «Портрет» и гармонизирующем драматургическую целостность «Ревизора»: «И чем далее вглубь уходили улицы, тем чаще росли дворцы и архитектурные создания Браманта, Борромини, Сангалло, Деллапорта, Виньола, Бонаротти – и понял он, наконец, ясно, что только здесь, только в Италии, слышно присутствие архитектуры и строгое ее величие, как художества» [Хлодовский 1984]. Нельзя представить гоголевский Рим без пейзажа Альбанских гор, которому в отрывке отводится почетное место и «Рим» открывается описанием Аннунциаты, которая поначалу показана на первом плане, а затем на фоне городка Альбано, который Гоголь любил и где нередко бывал.

Р. Джулиани, сравнивая Гоголя в Петербурге и Риме, приходит к выводу, что «всю жизнь он искал себя как человека и художника, именно в Риме его человеческое и творческое «я» проявилось с необычайной гармонией и силой. В Петербурге он был плодовитым писателем, но несчастным и неудовлет-

воренным человеком. Он не чувствовал себя «своим» в северной столице. Петербург существовал для него только в плоскости отчуждения. В Вечном городе Гоголь обрел идеальное созвучие между человеком и окружающей его средой» [Джулиани 2005].

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- АНЦИФЕРОВ, Н. П. (1991): *Душа Петербурга. Быль и миф Петербурга. Петербург Достоевского: Репринтное воспроизведение изданий 1922, 1923, 1924 гг.* – М.: Книга.
- БАХТИН, М. М. (1979): *Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках* // Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство. С. 281–307.
- БОБРАКОВ-ТИМОШКИН, А. Е. (2004): «Пражский текст» в чешской литературе конца XIX – начала XX веков // Дис. канд. филол. наук. – М.
- ВЛАДИМИРОВА, Т. Л. (2006): *Римский текст в творчестве Н. В. Гоголя.* Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Томск.
- ГОГОЛЬ, Н. В. (1937–1952): *Полное собрание сочинений.* Т. I–XIV. М.–Л.
- ДЖУЛИАНИ, Р. (2005): «Рим» Н.В. Гоголя и душа Рима // *Toronto Slavic Quaterly*, No. 14. (2005). – <http://www.utoronto.ca/tsq/14/juliani14.shtml>
- ЛОТМАН, Ю. М. (1992): *Символика Петербурга и проблемы семиотики города* // *Избранные статьи:* в 3 т. Т. 2. Таллин.
- МЕДНИС, Н. Е. (2003): *Сверхтексты в русской литературе.* Новосибирск.
- ТОПОРОВ, В. Н. (1995): *Петербург и «Петербургский текст русской литературы»* // ТОПОРОВ, В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. – М.: Издательская группа «Прогресс» – «Культура». С. 259–367.
- ХЛОДОВСКИЙ, Р. (1984): *Рим в мире Гоголя.* М.: Иностранная литература, № 12.
- ШЕВЫРЕВ, С.П. (2003): *О «Миргороде» Гоголя.* М.: «Литература», № 36/2003.

ЯНА КОСТИНЦОВА

Чехия, Градец Кралове

СУЖИВАЮЩЕЕСЯ ПРОСТРАНСТВО, НАРАСТАЮЩИЙ СТРАХ: ВИЗУАЛИЗАЦИЯ НЕЗРИМОГО В ПОВЕСТИ ГОГОЛЯ «ВИЙ»

ABSTRACT:

Shrinking Space, Increasing Fear: Visualization of the Invisible in N. V. Gogol's "Vii"

The paper attempts to present Gogol's story "Vii" in the context of contemporary research which is focused on visibility in literary texts, on interaction between textual and visual. Attention is paid to the way how space in the story is structured and how the main character's fear is being visualized through spatial imagery.

KEY WORDS:

N. V. Gogol – Vii – visualization – textual – visual – spatial imagery.

Читая и размышляя о взаимоотношениях текста и картины, литературы и изобразительного искусства, текстуального и визуального в истории и в современном контексте, в эпоху ре-медиации, гипермедиального пространства, читатель неизбежно наталкивается на словосочетание «визуализация невидимого» [Suwara 2012: 218, Stafford 2007], на оппозицию видимое – невидимое.

Предлагаемая статья является попыткой прочесть повесть «Вий», обращая внимание именно на визуализацию невидимого, на способ структурирования пространства и на связь изображения пространства с проявлением эмоций главного героя, показать визуализацию страха посредством изображения пространства.

Искусствоведение всегда обращалось к вопросам, связанным с взаимоотношением разных видов искусства, сегодняшние размышления в этой области развивают мысли Горация, Платона, Аристотеля, из более современной европейской истории, безусловно, Лессинга. Изучение взаимовлияний разных видов искусства интенсифицируется в XX веке, в центр внимания теоретиков искусства попадают феномены, показывающие взаимосвязь разных видов искусства, такие как Gesamtkunstwerk, или присутствие «увиденного», выраженного в тексте в виде экфрасиса. Возвращаемся, таким образом к идее Горация

ut pictura poesis, причем, как подчеркивает Б. Суvara, границы между визуальным и текстовым сначала преодолевают художники, только потом теоретики [Suwara 2012: 208–210]. Во второй половине XX века проблематика синтеза искусств значительно расширяется, внимание исследователей постепенно направляется и на область мультимедийного искусства.

Исследования ведутся в двух основных направлениях – составление разного рода энциклопедий и справочных материалов, представляющих конкретные примеры вербально-визуального синтеза в искусстве, и далее следуют работы, которые ставят себе целью посмотреть на отношения текстового и визуального обобщенно, сформулировать теоретические и методологические основы для дальнейшего изучения этой области. Оба подхода представлены в издательской серии НЛО «Очерки визуальности». Отдельные авторы сосредотачиваются на анализе конкретных произведений литературы и изобразительного искусства, прослеживают жанровые изменения, другие обращают внимание на сам феномен визуализации и возможные способы его изучения и осмысления в разных областях искусства. К первому подходу можно отнести исследования Г. Бобилевич, посвященные русской поэзии XX века, от авангарда к началу XXI века; данный период автор обозначает термином «эпоха посткультуры, эпоха переосмысления парадигмы искусства» [Бобилевич 2005: 245–249].

Пример другого подхода находим в статье Б. Сувары о визуальном и текстовом в новых медиа. В своих теоретических построениях автор приводит дефиницию визуальности польского литературоведа Балцерзана. По его определению, визуализация – это коммуникативное событие, процесс, в котором у его участника появляется впечатление, что он был свидетелем превращения невидимого в видимое. Коммуникация осуществляется на уровне публичном (фильм, театр...) и индивидуальном, относящемся к определенному способу видения, восприятия и воображения [Suwara 2012: 214].

Можно было бы, конечно, сказать, что приведенные выше подходы, примеры, теории, не касаются текстов XIX века, гоголевских текстов в частности. Конечно, в большинстве случаев они направлены на новые тенденции в искусстве XX века, связаны с контекстом конца XX века. Но, во-первых, связь гоголевской поэтики с поэтикой авангарда и поставангарда неоспорима, во-вторых, очень важно то, что, анализируя случаи визуализации в мультимедийной среде, исследователи предоставляют нам методологические средства и теоретическую основу для того, чтобы по-новому прочесть классические тексты. Не говоря уже об интердисциплинарных подходах, которые открывают совсем новые горизонты; я имею в виду прежде всего попытки объединить усилия искусствоведения и нейронауки [Stafford 2007]. Кроме того авторы, разрабатывающие первичное отношение текстового и визуального в современном искусстве, одновременно обращают наше внимание на визуальное, которое непосредственно выражено в тексте.

О месте гоголевских произведений в контексте современных размышлений о визуальности в литературе свидетельствуют многие примеры. Среди них можно привести работу М. Ямпольского «О близком», изучающую деформа-

ции и трансформации визуальности в культуре XIX–XX веков, в которой автор обращается к рассказу Гоголя «Нос» [Ямпольский 2001: 9]. В статье «Экфрасис в русской литературе: Опыт классификации» Валерий Лепяхин помещает повесть Гоголя «Портрет» в категорию экфрасиса-психологизации, дополненного мотивом оживания [Лепяхин 2012: 18]. Опираясь на Бахтина, Лавлинский начинает свою статью, посвященную визуальному в литературе, перечислением писателей, «для которых слово было совместимо с самою четкою зримостью», и приводит среди них Гоголя, Белого, Платонова, Набокова [Лавлинский 2005: 60].

Исходя из вышеприведенных работ, посвященных разным аспектам визуальности и разным проявлениям взаимоотношений текстового – визуального, постараюсь на нескольких примерах продемонстрировать, каким образом Гоголь в повести «Вий» конструирует пространство, как он показывает восприятие этого пространства главным героем повествования и какую роль выполняет в этом контексте человеческий глаз как центр всего визуального восприятия.

Пространство повести «Вий» однозначно представлено как суживающееся, постепенно смыкающееся вокруг Хома Брута. Далее приводятся несколько примеров, которые показывают, как воспринимает сам Хома пространство, в котором он старается ориентироваться. Уже первые образы широкого пространства связаны с таинственностью, они вызывают тревогу: «Был уже вечер, когда они своротили с большой дороги. (...) Но уже более часу, как они минули хлебные полосы, а между тем им не попадалось никакого жилья.» [Гоголь 1952: 159]. И следующее описание дороги усугубляет страх и темные предчувствия: «Проколесивши большую половину ночи, беспрестанно сбиваясь с дороги, выученной наизусть, они, наконец, опустились с крутой горы в долину, и философ заметил по сторонам тянувшийся частокол, или плетень» [Гоголь 1952: 163]. Герои опускаются в закрытое пространство долины, ограниченное крутой горой. Следующую границу, еще более суживающую пространство, представляет собой плетень.

Плетень, в виде границы пространства, появляется вновь в эпизоде после второй ночи в церкви, когда Хома пытается бежать. Это вторая его попытка перешагнуть границу, и пространственную, но не только пространственную. Это и граница символическая, граница между жизнью и смертью: «За **плетнем**, служившим **границею** сада (...) когда философ хотел перешагнуть плетень, зубы его стучали и сердце так сильно билось, что он сам испугался (...) когда он переступал плетень, ему казалось, с оглушительным свистом трещал в уши какой-то голос: Куда? Куда?» [Гоголь 1952: 171]

Очевидно, что читатель очень интенсивно воспринимает пространство церкви. Описание событий первой ночи в церкви сопровождается подробным описанием дороги в церковь и описанием внутреннего пространства: «Они вступили, наконец, за ветхую церковную ограду в небольшой дворик, за которым не было ни деревца и открывалось одно пустое поле да поглощенные ночным мраком луга» [Гоголь 1952: 168]. Кажется, что мир исчез: кроме простран-

ства, непосредственно окружающего героев, ничего больше не видно. Автор в очередной раз обращает читательское внимание на границу, в этом случае на ограду и далее – на крыльцо: «Три козака взошли вместе с Хомою по крутой лестнице на крыльцо и вступили в церковь» [Гоголь 1952: 168].

В ночной церкви на формирование пространства влияет свет: «Свечи теплились пред темными образами. Свет от них освещал только иконостас и слегка середину церкви. Отдаленные углы притвора были закутаны мраком» [Гоголь 1952: 168]. В этом описании повторяется схема, по которой построено внешнее пространство, таким образом, интенсифицируется ощущение, что вокруг Хома пространство суживается, закрывается. Кроме того, в этом эпизоде читательское внимание уже сосредоточивается на взгляде самого героя и на объекте, на который он направлен. Сначала этот взгляд выражает страх, обращенный наружу, экстернализированный: «через каждую минуту обращал глаза свои на гроб» [Гоголь 1952: 169]. Вторая ночь приносит с этой точки зрения другую перспективу: «он поспешно стал на крылос, очертил около себя круг, произнес несколько заклинаний и начал читать громко, **решаясь не подымать с книги своих глаз** и не обращать внимания ни на что» [Гоголь 1952: 170]. В этом смысле градацией является момент, когда Хома Брут закрывает глаза: «зажмурив глаза, все читал он заклятья и молитвы» [Гоголь 1952: 170].

Таким образом перед читателем развивается процесс интернализации, обращения к самому себе, погружения в себя. Визуализация страха посредством пространственных образов интенсифицирована именно описанием движения взгляда: взгляда, ищущего сначала дорогу со станции, взгляда, ищущего свечи в церкви, взгляда, постоянно невольно возвращающегося к гробу, потом взгляда, направленного в книгу, ищущего в книге духовной поддержки. Последним шагом должно было быть погружение в себя, обращение к духовному центру, то есть момент, когда герой закрывает глаза. Но этот момент спасения принести не может, внутри оказывается только пустота, только страх. Третья ночь неизбежно приносит смерть героя.

На примере повести «Вий» можно в соответствии с приведенным выше определением визуализации Э. Балцерзана, показать, как в процессе индивидуальной коммуникации читателя с текстом слово воздействует на наше воображение и мы ощущаем, как перед нашим внутренним зрением невидимое превращается в видимое.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- БОБИЛЕВИЧ, Г. (2005): *Арт-поэзо-жанры как интермедиаальный дискурс*. In: К. Ичин – Я. Войводич (eds.), *Визуализация литературы*. Белград, с. 245–265.
- ГОГОЛЬ, Н.В. (1952): *Сочинения*. М.: Государственное издательство художественной литературы.
- ЛАВЛИНСКИЙ, С.П. (2005): *О двух стратегиях художественной репрезентации зримости. К проблеме визуального в литературе*. In: *Дискурсивность и художественность: Сборник научных трудов*. Ипполитова, М., с. 60–70.
- ЛЕПАХИН, В. (2001): *Экфрасис в русской литературе: опыт классификации*. In: К. Ичин – Я. Войводич (eds.), *Визуализация литературы*. Белград, с. 7–31.
- ЯМПОЛЬСКИЙ, М. (2001): *О близком*. НЛЮ, М.
- STAFFORD, B. M. (2007): *Echo Objects. The Cognitive Work of Images*. Chicago.
- SUWARA, B. (2012): *Vzťah vizuálnosti a textu v umení nových médií*. In: B. Suwara – Z. Husárová (eds.), *V sieti strednej Európy: nielen o elektronickej literatúre*. SAP a Ústav svetovej literatúry SAV, Bratislava, s. 205–220.

ГАЛИНА КОСЫХ

Чехия, Градец-Кралове

ГЕНЕЗИС «ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОПОВЕДИ» В ТВОРЧЕСТВЕ Н. С. ЛЕСКОВА

ABSTRACT:

N. S. Leskov's Genesis of "the Art of Preaching"

The article deals with "the art of preaching" of N. S. Leskov which is caused by writer's change of artistic and aesthetic position.

KEY WORDS:

Genesis – artistic and aesthetic position – truth – righteous man – saint.

Начиная с критических статей XIX столетия, в литературоведческих исследованиях безусловным считается, что отличие «литературной физиономии» Н. С. Лескова от других писателей состоит в создании «художественной проповеди». С того же времени, времени прижизненной Лескову критики и до настоящего дня, всеми единодушно признается, что его «художественная проповедь» эволюционировала, знает несколько основных этапов в своем развитии, что обусловлено стадийным художественно-эстетическим сознанием писателя.

Логика периодизации творческой эволюции в лескововедении до недавнего времени в общих чертах повторяла понимание «трудного роста» автора «Соборян» критикой XIX в. Творчество писателя схематически делилось на два периода: до начала 70-х гг. и последующее время. Первый период, ознаменованный печальной известностью Лескова как автора «пожарных статей» и писаревской «аттестацией», определялся антинигилистической направленностью, желчной сатирой, высмеивающей представителей «лагеря Чернышевского». К самому же автору «политических памфлетов» (А. М. Скабичевский) прикладывали мерку «злейшего реакционера», представителя «консервативного лагеря». И лишь с начала 70-х гг., как утверждалось, «наступает вторая, лучшая половина деятельности Лескова, почти свободная от злобы дня»: ««На ножах» («Русский Вестник», 1870–1871) – своего рода кри-

зис, которым разрешился период деятельности Лескова, посвященный сведению счетов с движением 60-х гг.» [Венгеров 1896: 149]. Во второй период литературной деятельности берет верх критическое умонастроение, «с начала 80-х годов Лесков совершенно оставляет «Русский Вестник» и больше всего пишет в нейтральном «Историческом Вестнике», с середины 80-х гг. становится усердным сотрудником «Русской Мысли» и «Недели», а в 90-х гг. появляется на страницах «Вестника Европы»» [Венгеров 1896: 149]. Журнальная градация, выявляющая отход писателя в сторону «либеральной русской партии», служит неоспоримым свидетельством изменения общественно-политических взглядов, а вместе с ними и художественной позиции. Однако неясным остается хронологический рубеж между первым («худшим») и вторым («лучшим») периодами литературной деятельности.

В науке о Лескове длительное время бытовало представление о том, что с начала 70-х гг. в писателе бесповоротно усиливаются критические умонастроения по отношению к господствующим общественно-политическим силам и, в частности, по отношению к русской православной церкви: «...пересмотр Лесковым своего пути, признание своей неправоты перед шестидесятниками совершаются в условиях нового демократического подъема в стране, под его влиянием. В период 70-90-х годов крепнет сатирическая позиция писателя по отношению к российской действительности, особенно к церкви...» [Пруцков 1963: 64]. Последовательность мировоззренческих и художественных изменений бесспорна и не может вызывать вопросов. Вместе с тем временная граница перелома художественно-эстетического сознания нуждается в уточнении.

Общественная позиция Лескова 60-х гг. так сильно отличалась от идеала общественного служения Решетникова, Слепцова, Левитова, Помяловского, критиков, историков литературы того времени, что, благодаря статьям Писарева, Шелгунова, Скабичевского, Михайловского и других, он как бы выпал из этого сложного периода «бури и натиска» (К. Ф. Головин). Историки литературы (С. А. Венгеров, К. Ф. Головин, Евг. Соловьев) поэтому часто находили возможным не упоминать имени писателя в контексте 60-х и самого Лескова не относить к числу писателей-шестидесятников. Ценность Лескова большинством критиков и историков литературы усматривалась в этнографической канве работ более позднего времени, а именно – 70-х гг. Шестидесятые годы оставались за пределами их внимания. Если же и заходила речь о «раннем» Лескове, то всем его работам выносился безапелляционный приговор: «Эти грубо тенденциозные произведения, в которых не было знания и понимания новой среды и новых идеалов... должны быть отброшены и забыты, как явно и грубо тенденциозные, ошибочные, как нехудожественные произведения...» [Львов-Рогачевский 1913: 483].

Таким образом, право на место в литературе за Лесковым признавалось, начиная с 70-х гг., при полном замалчивании десятилетнего периода «вхождения» в писательский мир. Отчасти такое мнение сохранилось до нашего времени в общепринятом утверждении, что «на 70-е гг. приходится расцвет творчества Н. С. Лескова». Действительно, во второй период своей деятель-

ности писатель создает произведения, принесшие ему широкую известность: «Соборяне» (1872), «Очарованный странник» (1873), «Запечатленный ангел» (1873), «На краю света» (1875–1876), «Детские годы...» (1875), многочисленные рассказы, вошедшие в цикл «Праведники» и т.д. Именно эти произведения чаще всего рассматривались критиками, историками литературы XIX в. и до сих пор рассматриваются в литературоведении при изучении творчества писателя. Именно они «утвердили» столь неустойчивые позиции Лескова в литературе второй половины XIX в.

Вместе с тем мы должны учитывать тот факт, что этому времени предшествовал не менее, а скорее даже более в количественном отношении насыщенный период 60-х гг., когда были созданы антинигилистические романы «Некуда» (1864), «На ножах» (1870–1871), рассказ «Овцебык» (1863), романы «Обойденные» (1865), «Островитяне» (1866), хроника «Старые годы в селе Плодомасове» (1868), повести «Житие одной бабы» (1863), «Леди Макбет Мценского уезда» (1865), «Воительница» (1866) и т.д., не говоря уже о многочисленных публицистических статьях. Именно в это время ярко выступают особенности мировоззрения Лескова, укрепляется собственная идейно-эстетическая позиция, начинается «художественная проповедь» в поиске и изображении праведника. Его творчество 60-х гг. представляется как далекая предвозвестница толстовского «непротивления злу» и «христианского ренессанса» конца XIX в.

Несмотря на констатацию факта, что «главная черта лесковских героев... соотносилась автором и самими героями с евангельской проповедью любви и добрых дел» [Видуэцкая 1978: 51], часто встречаемся со смешением родных понятий таких, как «праведник», «правдоискатель».

Исходя из словообразовательного состава слова, «праведность» связывалась с «фактическим обретением литературными персонажами «правды»». Таким образом, слово «праведник» обозначало: «человек, ищущий правду, справедливости, правдоискатель». Более глубокий деривационный анализ слова «праведность» позволяет полнее осознать и восстановить во всей целостности ведущую нравственно-философскую традицию русской духовной культуры в творчестве писателя.

Производящее слово «правда» характеризуется семантической многозначностью. Первое значение обусловлено социально-правовой коннотацией, когда слово «правда» синонимически отождествляется с такими понятиями, как «справедливость», «эмпирия общественного устройства», «честность», «добросовестность» и т.д. Другое значение, наоборот, оторвано от конкретно-бытовой наполненности и погружено в сферу идеальных представлений человека об «истине», о «святой (или чистой) правде», «справедливости как свойстве божественной сущности» [Словарь русского языка XI–XVII вв. 1992: 96]. Семантическую неоднозначность слова в аспекте идеального понимания русским человеком правды-истины тонко почувствовал известный представитель народнической критики Н. К. Михайловский. «Всякий раз, – писал критик, – как мне приходит в голову слово «правда», я не могу не восхищаться его поразительною внутреннею красотой. Такого слова нет, кажется, ни в одном

европейском языке. Кажется, только по-русски истина и справедливость называются одним и тем же словом и как бы сливаются в одно великое целое. Правда в этом огромном смысле слова всегда составляла цель моих исканий. Правда-истина, разлученная с правдой-справедливостью, правда теоретического неба, отрезанная от правды практической земли, всегда оскорбляла меня, а не только не удовлетворяла. И наоборот, благородная житейская практика, самые высокие нравственные и общественные идеалы представлялись мне всегда обидно-бессильными, если они отворачивались от истины, от науки. Я никогда не мог поверить и теперь не верю, чтобы нельзя было найти такую точку зрения, с которой правда-истина и правда-справедливость являлись бы рука об руку, одна другую пополняя... Безбоязненно смотреть в глаза действительности и ее отражению – правде-истине, правде объективной, и, в то же время, охранять и правду-справедливость, правду субъективную, – такова задача всей моей жизни» [Михайловский 1896: V]. В качестве критерия истинности критиком избирается наука, тем самым обуславливаются дифференциальные качества разводимых им понятий.

Лесков своей концепцией праведности по-иному расставляет акценты в понимании «правды». Творческая мысль писателя движется в рамках нравственно-философского традиционного, народного понимания. Для автора праведнического цикла «стать **праведным** значит прийти к источнику **правды**; в этом состоит высшее призвание человека, последнее **оправдание** его, подлинное укоренение в бытии» [Котельников 1996: 21]. Правда-истина и правда-справедливость разводятся писателем, но никогда не противопоставляются друг другу. Первостепенную важность в художественно-эстетическом сознании писателя приобретает правда-истина, или же, по терминологии Н. К. Михайловского, «правда теоретического неба». Герои Лескова стремятся не к социальной справедливости, не к «правде практической земли», а жаждут обрести и воплотить в жизни истину, понимаемую ими как «свет христианского учения». Другими словами, в художественной лаборатории писателя слово «праведник» обозначает не только того, кто в своих действиях руководствуется принципами справедливости, честности, не нарушает правил нравственности, но и того, кто одновременно является носителем «идеи святости» (В. Н. Топоров), кто своим благочестивым житием приближает Царство Небесное на земле. «Святые отличались возвышенными свойствами гораздо более высокого качества, именно – праведностию» [Лесков 1881: 5]. Слова «святой», явленный/неявленный «угодник» и «праведный» в понимании писателя полные синонимы, что объясняет их частую контекстуальную замену: «У меня есть свои святые люди, которые пробудили во мне сознание человеческого родства со всем миром» [Лесков 1958: 301]; «Праведны они, – думаю себе, – или неправедны – все это надо собрать и потом разобрать: «что тут возвышается над чертою простой нравственности» и потому «свято господу»» [Лесков 1956: 643] и т.д.

Лесков в своем творчестве использует религиозно-философскую интерпретацию праведности, исток которой находит в православной церковной письменности. Его герои живут «по правде, по Божьей правде», понимае-

мой ими как соответствие действий и поступков требованиям христианской морали, исполнение божественных заповедей, «ибо Господь праведен, любит правду; лице Его увидят праведники» [Киевопечерский патерик 1991: 87]. Правда-справедливость, «правда практической земли» мыслится героями-праведниками и самим автором в нерасторжимом единстве с правдой-истиной, «правдой теоретического неба». Все их дела и подвиги устремлены к Вышнему Граду, прямо к Новому Иерусалиму. Герои Лескова «взыскуют Града Божьего и, отталкиваясь от внешнего Вавилона, «матери блудницам и мерзостям земным», обращаются к граду внутреннему с его солнечными перезвонами и ангельским пением» [Ильин 1997: 73]. «Праведство» (др. рус.) лесковских героев, следовательно, состоит главным образом не в честной, добросовестной, справедливой жизни на законных основаниях и с отсутствием какой-либо вины, а в христианском благочестии, святости, в непрестанном стремлении «сердце и ум поднимать «горе» – к Вышнему Граду, к новому Иерусалиму» [Ильин 1997: 73]. В этом и состоит «земное житие» праведников Лескова.

Большинство праведников 60-х никак не связаны с концепцией праведности 70-х гг. Однако их номинация «праведными» вполне оправдана. В 60-х гг. героями Лескова и их автором предпочтение отдается «правде практической земли», социальному переустройству общества. И в этом смысле номинация их «праведными» так же правомерна, как и в отношении к героям 70-х. Разница между ними заключается в приоритетах их действия в мире: праведники 70-х стремятся к воплощению на земле евангельских заповедей, праведники 60-х действуют в десакрализованной плоскости общественного переустройства с целью утверждения между людьми большей справедливости, честности и т.д. Путь, выбранный ими в качестве идеала общественного служения, оказывается, по мысли писателя, ложным. Действующие в десакрализованной плоскости, оторванные от непосредственного руководства «правдой-истиной», положительные герои Лескова (Райнер, Лиза Бахарева, Помада, Овцебык и др.) в конце концов понимают, что «идти некуда». Положительная программа писателя заключается в необходимости постоянного личного нравственного усовершенствования каждого человека в отдельности, в первоначальной роли нравственного, а нематериального прогресса.

Таким образом, период 60-х гг. для Лескова стал периодом утверждения идейно-эстетической позиции – «идеалиста христианского типа» и, что представляет особую важность, временем зарождения всестороннего интереса к праведническому характеру в аспекте христианских традиций. Время первоначального возникновения праведников, озаглавленное 60-ми гг., привело к последующему развитию категории праведности в 70-х, а затем 80-90-х.

Позиция Лескова, «идеалиста христианского типа» 60-х гг., еще больше углубляется в последующее десятилетие: праведность осмысливается в нерасторжимом единстве с русской православной церковью, автор ориентируется не на общехристианские основы, не на апокрифические сказания, а главным образом на православную «церковность». Такой близости авторского художественно-эстетического сознания к православной церкви, как в 70-ых

гг., никогда в дальнейшем не суждено было повториться. К этому времени относится создание, по мнению многих исследователей, а также читательской аудитории, «наилучших» творений художника: «Соборяне», «Запечатленный ангел», «Очарованный странник», «На краю света», «Детские годы...». Заметна своеобразная корпоративная обусловленность в выборе Лесковым героя праведнического цикла этого периода. Большинство из них – представители белого и черного духовенства: протопоп Туберозов, о. Захария, дьякон Ахилла («Соборяне»), архиепископ и о. Кириак («На краю света»), Памва («Запечатленный ангел»), о. Гордый («Детские годы»), о. Измаил («Очарованный странник») и т.д. К этой же группе героев-праведных относятся немногочисленные персонажи недуховного звания, но так или иначе связанные с церковью: расписывающий церкви Лаптев («Детские годы...»), изограф Севастьян («Запечатленный ангел»), Никита («О художном муже Никите...»), справляющий ризы «серебряных дел мастер» («Монашеские острова...») и т.д. По прошествии 70-х гг. интерес писателя к православной церкви заметно ослабевает, вследствие чего и происходит «обмирщение» героя-праведника. Если раньше, в 70-ые гг., доминанта праведнической характерологии была непосредственно связана с церковным миром в лице героев из духовного звания, то, начиная с 80-х, указанная черта уходит на периферию праведнической характерологии, и если даже еще и встречаются праведники попы и монахи, то с иной художественной целью («Мелочи архиерейской жизни», «Таинственные предвестия», «Загон», «Заячий ремиз»). «Риза» выступает уже не в качестве главного атрибута лесковского «евангельского человека».

Видение праведности после переломного момента (начало 80-х) в формировании взглядов писателя принципиально ничем не отличается от религиозно-философской интерпретации данной категории 70-х гг. В силу большей критизации позиции писателя по отношению к русской православной церкви им лишь усиливается отдельный смысловой акцент, существовавший в его творческой лаборатории и ранее. В русском языке XI–XVII вв. слово «праведник» являлось полным синонимом слова «святой». Со временем объем понятия «праведник» претерпел изменение. Слово «праведник» выступало часто уже не как обозначение «идеи святости» в целом, а как один из многочисленных ликов святости: «Праведники или праведные, на церковном языке название святых, пребывавших в мире не в отшельничестве или монашестве, а в обычных условиях семейной и общественной жизни...» [Христианство 1995: 379]. Эти качественные характеристики, начиная с 80-х гг., и стали определяющими в изображении героя. Такие святые, находясь в обычных условиях семейной и общественной жизни, отстранены от основного класса прославленных церковью угодников. Однообразное и будничное их существование проходит никем не замеченным, хотя, по мнению автора, «прожить изо дня в день долгую жизнь, не солгав, не обманув, не слукавив, не огорчив ближнего и не осудив пристрастно врага, гораздо труднее» [Лесков 1881: 5], нежели совершать героические подвиги. Как правило, они не канонизируются церковью, а память о некоторых из них передается изустно из поколения в поколение. В луч-

шем случае праведники получают местное почитание. Вот почему синонимом «праведника» для Лескова нередко выступает неканонизированный святой, «неявленный угодник».

С 80-х гг. в «святцы» Лескова попадают «мелкотравчатые» герои, совсем, казалось бы, непредставимые в роли церковного святого. Это уже не святой, а человек в миру, не в «раздоре с собою и с миром», не совершающий всевозможных подвигов на «духовной лестнице добродетелей». «Пристрастие к какому-либо из родственников или из посторонних» для праведных Лескова 80-х гг. весьма велико, и жизнь их вступает в этом отношении в противоречие с иноческой жизнью, когда «невозможно одним глазом смотреть на небо, а другим на землю», когда требуется и мыслями, и телом «устраниться совершенно от всех своих родственников и неродственников» [Лествичник 1996: 56–57].

«Основной чертой всех героев – «праведников» (80-90-х гг. – Г. К.) Лескова является деятельная любовь к ближнему, любовь самоотверженная...» [Сидяков 1987: 11]. Однако необходимо помнить, что такие свойства праведника закреплены писателем за своим героем только с 80-х гг. Именно с этого времени мудрость лесковских героев состоит «не в искании более заметного и достойного положения, а, напротив, в том, чтобы жить праведно, оставшись на своем месте» [Хализев, Майорова 1983: 205]. Черта лесковских героев 80-х гг. заключается в «сугубо практической нравственности: проповеди непритязательно простых и обыденных добрых дел» [Хализев, Майорова 1983: 198].

Таким образом, исходя из отличных смысловых компонентов слова «правда», представляется правомерным стадийное деление концепции праведности Лескова, начиная с 60-х гг., когда предпочтение отдается «правде практической земли», «правде-справедливости» (Райнер, Лиза Бахарева, Помада и т.д.). Во второй период, начиная с 70-х гг., «праведство» лесковских героев заключается, главным образом, в христианском благочестии, святости, в непрестанном стремлении «сердце и ум поднимать «горе» – к Вышнему Граду, к новому Иерусалиму». Начиная с 80-х гг., «риза» уже не является главным атрибутом лесковского «евангельского человека». Праведник Лескова, начиная с 80–90-х гг., по собственному определению писателя, «христианин», вовсе не связанный с какой-либо современной религиозной конфессией. Он, по мысли автора, продолжает куда более древнюю традицию внецерковного существования христианства первых веков его истории.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- ВЕНГЕРОВ, С. А. (1896): *Лесков*. In: Энциклопедический словарь, т. XVIII, с. 147–150. СПб.
 ВИДУЭЦКАЯ, И. П. (1987): Толстой и Лесков. *Нравственно-философские искания (1880–1890-е годы)*. In: Толстой и литература народов СССР, с. 45–52. Ереван.
 ИЛЬИН, В. Н. (1997): *Эссе о русской культуре*. СПб.: «Акрополь».
Киевочерский патерик (1991): Издание Свято-Троицкой Сергиевой Лавры.
 КОТЕЛЬНИКОВ, В. А. (1996): *Праведность и греховность*. In: Канун (Альманах). Полярность в культуре, вып. 2, с. 20–54.
 ЛЬВОВ-РОГАЧЕВСКИЙ, В. (1913): *Лесков*. In: Энциклопедический словарь, т. XXVII, с. 478–484. М.
 ЛЕСКОВ, Н. С. (1956–1958): *Собрание сочинений*: в 11 т. М.
 ЛЕСКОВ, Н. С. (1881): *О героях и праведниках*. In: Церковно-общественный вестник. № 129, с. 3–10.
 ЛЕСТВИЧНИК, И. (1996): *Лествица, возводящая на небо*. Лествица; Правило веры. М.
 МИХАЙЛОВСКИЙ, Н. К. (1896): *Сочинения*, т. I. СПб.

- ПРУЦКОВ, Н. И. (1963): *Литература 60-х годов*. In: История русской литературы XIX века, т. II, с. 3–91. М.
- СИДЯКОВ, Ю. Л. (1987): *Публицистика Н. С. Лескова 1870-х годов*, автореф. дис. канд. филол. наук. Тарту.
- Словарь русского языка XI–XVII вв.* (1992), вып. 18, с. 96, 102–103. «Наука». М.
- ХАЛИЗЕВ, В., МАЙОРОВА, О. (1983): *Лесковская концепция праведничества*. In: В мире Лескова. М. *Христианство* (1995): Энциклопедический словарь: в 2 т., т. II. Большая Российская энциклопедия. М.

МАРГАРИТА МЛЧОХОВА

Чехия, Оломоуц

ТРАДИЦИИ Н. В. ГОГОЛЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В. В. МАЯКОВСКОГО

ABSTRACT:

Traditions of N. V. Gogol in the Works by V. V. Mayakovsky.

The aim of the article is to study the works by native and foreign literary critics, particularly to translate French original sources devoted to the problem of studies of artistic methods in creative work of N. V. Gogol and V. V. Mayakovsky into Russian. The author of the article analyses the researches' works concerning the prominent representatives of Russian literature and introduces them to the readers.

KEY WORDS:

Artistic methods – literary tradition – creative influence – poetic experiment fiction – hyperbole – grotesque – expressionism.

В русской литературе XIX века был великий писатель Н. В. Гоголь, творческому наследию которого посвящена литературоведческая часть нашей сегодняшней конференции. В русской литературе XX века был гениальный поэт В. В. Маяковский, чей 120-летний юбилей мы отмечаем в этом году. Бесспорно, это совершенно разные представители русской культуры. Но в нашем сознании они всегда стоят рядом. Гоголь и Маяковский. Эту тему рассматривали в своих работах Н. Харджиев и В. Тренин, О. Ильин и А. Кузьмин, А. Поликанов и С. Трушевский, французский историк-театровед Беатрис Пикон-Валлен и многие другие, и верно обосновали, что Маяковский являлся последователем гоголевских традиций.

Одним из первых изучение поэтических приемов Н. В. Гоголя начал Андрей Белый, который в своей известной работе «Мастерство Гоголя» [1934: 309] посвятил анализу данной проблемы главу «Гоголь и Маяковский». В результате исследования автор указал на родство системы гиперболических образов Гоголя и Маяковского и сходство некоторых принципов их словотворчества [Харджиев 1958: 401]. По мнению А. Белого, «Маяковский побил никем до него не побитый рекорд гоголевского гиперболизма, сперва ожививши гиперболу Гоголя; потом уже он пустился её возводить в квадраты и в кубы» [Белый 1934: 310].

Позже, в период 1940-х – начала 1960-х гг., появляются работы М. М. Бахтина: «К вопросам об исторической традиции и о народных источниках гоголевского смеха» и «О Маяковском», в которых учёный отмечает черты карнавальности в лирике ярчайшего представителя русского футуризма («фамильяризация мира», «образы телесного низа», оживление древнего гротеска, «отелеснивание», образы «гротескного тела»), сопоставляет его с Рабле и Гоголем [Бахтин 1997: 45–62].

Воздействие гоголевского творчества на выдающегося русского футуриста XX века значительно. «Ни один из русских классиков не упоминался и не цитировался Маяковским так часто, как Гоголь» [Харджиев 1958: 397].

36 произведений Маяковского (в том числе 8 поэм и 18 стихотворений) так или иначе связаны с именем великого прозаика XIX века – поэт очень высоко ценил Гоголя и хорошо знал творческое наследие русского классика. Хотелось бы сделать акцент на одном немаловажном факте: в манифесте русских кубофутуристов, где классиков «бросали с Парохода современности», Н. В. Гоголь не числился.

В творчестве Маяковского упоминается 14 произведений Гоголя. По количеству сочетаний, прямых и скрытых цитат, ремарок на образы – в первом ряду стоит комедия «Ревизор» – более 10 произведений Маяковского связано с этим драматургическим достижением. Затем следуют поэма «Мертвые души», «Вий», «Майская ночь», «Тарас Бульба», «Женитьба», «Записки сумасшедшего», «Игроки» и др. повести, комедии и рассказы, перечисленные в произведениях Маяковского.

Интересную мысль проводит в своей французской работе «Н. В. Гоголь – исходный пункт исследований о гротеске в театре и в кино после русской революции 1917–1932 гг.» исследовательница Б. Пикон-Валлен, утверждая, что «... советские 20-е годы разжигают страсти вокруг творчества Н. В. Гоголя, формалисты анализируют его стиль, ставят его пьесы, экранизируют его повести в театре и кино, и дебаты о стиле вокруг реализма в театре (Станиславский, Мейерхольд) имеют свои основания, начиная с гоголевских материалов и его гротескной специфики. Резкостью контрастов, композицией речи противоположных наслоений и движением, которое создается между этими наслоениями, игрой с реальными элементами и элементами фантастическими, Н. В. Гоголь никогда не даёт описания реальности, но сконцентрированное в действительности место противоречивого напряжения – это то, что полностью соответствует опыту переходной эпохи, пережитой поколением 1917 года. Гротеск в театре утверждается крупной постановкой «Ревизора» Мейерхольдом в 1926 году, он поддерживает исследования ФЕХ, обновления и практику Вахтангова и приводит к понятию «фантастического реализма» (перевод с франц. яз. – мой). [Пикон-Валлен 1980: 333–359].

В другой своей работе «Утопическое построение в театре В. Маяковского» французская исследовательница рассуждает о значении поэзии в театре русского футуриста, о его киносценариях. По мнению известного историка – театроведа, «... утопия В. Маяковского является частью драматургического

построения, предназначенного целиком переделывать отношение зрителя к сцене, изменять его взгляд на настоящее, реальность...» (перевод с франц. яз. – *мой*). На примере анализа произведений В. Маяковского «Мистерия-буфф», «Клоп», «Баня» автор статьи уделяет особое внимание таким важным моментам, как будущее в драматургии Маяковского, в частности, будущее как подлинная величина театрального произведения, инструментализация утопии, прогрессивное усиление (постепенная интенсификация) утопии в структуре драматического произведения [Пикон-Валлен 1996: 201–210].

Необходимо подчеркнуть, что раннему творчеству Маяковского свойственны образные заимствования из Гоголя, а для более позднего периода творчества поэта характерны тематическо-смысловые перефразировки, поскольку гоголевская тематика усложняется. Так, например, уже в первой стихотворной пьесе Маяковского – трагедии «Владимир Маяковский» (1913 г.) – есть отдельные эпизоды, тесно взаимосвязанные с Гоголем. Это можно увидеть в оценке поэта Маяковского, которую нам дает один из персонажей трагедии – тысячелетний старик:

*... вижу в тебе на кресте из смеха
распят замученный крик...*

Данная характеристика представляет собой поэтическую перефразу гоголевского «смеха сквозь слёзы». Ср. в главе VII «Мёртвых душ»:

«И долго ещё определено мне идти об руку с моими странными героями, озирать всю громадно-несущуюся жизнь, озирать ее сквозь видный миру смех и незримые, неведомые ему слёзы» и в финале «Театрального разезда» (монолог Автора): *«Кто льёт часто душевные, глубокие слёзы, тот, кажется, более всех смеется на свете»...*

Как свидетельствует А. Крученых, один из друзей В. Маяковского, представители «Гилеи» нередко цитировали то место из повести Гоголя «Невский проспект», где город «участвует» в потрясении Пискарева: *«Тротуар несся под ним ... мост растягивался и ломался на своей арке, дом стоял крышею вниз, будка валилась ему навстречу и алебарда часового вместе с золотыми словами вывески и нарисованными ножницами блестела, казалось, на самой реснице его глаз».*

Кубофутуристы восторгались этим выразительно-эмоциональным, открытым «свойством» динамики, перемещения, запечатлевшим яркие противоречия фольклорного лубка (т.е. народной картинки). То, что у Гоголя было фрагментом, сущностью, экспрессивной вспышкой, «левые» авангардисты начала XX века изменяли таким образом, что формировалось целое произведение – поэма или картина.

Следует вспомнить раннюю лирику Маяковского, чтобы осознать, что одни из первых стихотворений «сотворены» по Гоголю:

«Город вывернулся вдруг» («В авто», 1913 г.);
«... а сквозь меня на лунном сельде / скакала крашенная буква» («Уличное», 1913 г.);
«... с окон бегущих домов / прыгнули первые кубы» («Из улицы в улицу», 1913 г.);
«... и с каплями ливня на лысине купола / скакал сумасшедший собор» (цикл «Я», 1913 г.);
«... золотые руки / вывеской заломленные у витрин Аванцо...» (цикл «Я», 1913 г.);
«Улица провалилась, как нос сифилитика» («А всё-таки», 1914 г.)

Исследователи нередко обращали внимание на то, что «в отношении к художественным ресурсам разговорной речи», «к форме слова как

художественному средству авторской оценки» Маяковский придерживался гоголевских традиций [Гончаров 1973: 330]. Сравнивая двух видных представителей русской литературы, отметим, что у обоих были схожие взгляды в лексическом окказиональном творчестве. Экспериментируя со словом, Гоголь никогда не забывал о самом важном – его смысле, его реальном значении. В этом плане Маяковский с его новаторством, его поэтическими экспериментами был особенно родственен Гоголю.

А. Субботин, исследуя творчество Маяковского «сквозь призму жанра», приходит к выводу, что «ранняя лирика Маяковского ... оглядывается на прозу – и психологическую (Достоевский), и гротескно-сатирическую. С Гоголем и Щедриным соотносятся не только сатирические ... но и некоторые другие его стихи» [Субботин 1986: 37–38].

Рассмотрим в качестве примера стихотворения Маяковского «О дряни» и «Прозаседавшиеся» – в данных произведениях автором широко использован целый спектр комических приемов для описания бюрократов и мещан, желания которых не распространяются дальше «тихоокеанских галифиц» тенденции «фигурять» в новом платье «на балу в Реввоенсовете». Маяковский применяет в своих поэтических произведениях и блестящие эпитеты, и запоминающиеся сравнения, и внезапные аллегории, но наиболее точно передает суть порока при помощи гиперболы, гротеска, сарказма. [Маяковский 1987: 154].

Проведем параллель между «Прозаседавшимися» и «Ревизором». И стихотворение Маяковского, и пьеса Гоголя – это законченные литературные произведения с завязкой, кульминацией и развязкой. Прежде всего, мы видим гиперболичное начало обоих произведений: в одном это отчаянные попытки чиновников попасть на несколько заседаний одновременно, где обсуждается «покупка склянки чернил», а в другом произведении чиновники от страха признают в Хлестакове ревизора. Кульминация представляет собой гротеск. В «Прозаседавших»:

*И вижу:
сидят людей половины.
О, дьявольщина!
Где же половина другая?*

В нескольких строках Маяковский довёл ситуацию до абсурда. В «Ревизоре» мы наблюдаем плавный переход к кульминации, но по своей нелепости она не уступает «Прозаседавшимся» и характеризуется, к примеру, такой ситуацией, как сама себя высекающая унтер-офицерша. В «Ревизоре» Гоголь выразил свою уверенность в действенности и законности власти имущих, в неизбежности наказания. Развязка «Прозаседавшихся» сатирична – по всей вероятности, Маяковский предугадал жизнестойкость и непотопляемость бюрократизма.

Анализируя стихотворение Маяковского «О дряни», можно обнаружить и гротеск в образе ожившего Маркса, требующего свернуть головы мещанским канарейкам, и гиперболический эпитет «тихоокеанские галифица», и саркастическое выражение «мурло мещанина», и сравнение «зады, крепкие, как умывальники». Поэт бесцеремонно использует эти тропы и стилистические

фигуры, обозревая обывательский быт, который «страшнее Врангеля» [Маяковский 1987: 144]. Данное стихотворение можно сопоставить с патетикой творчества Салтыкова-Щедрина. В произведениях создателя «Дикого помещика», «Повести о том, как один мужик двух генералов прокормил», «Истории одного города» гипербола, гротеск и сарказм сконцентрированы буквально на каждой странице. Маяковский так же, как и Салтыков-Щедрин в своих произведениях, зачастую использовал прием фантастики – особенно ярко это можно наблюдать в его пьесе «Клоп», где Пьер Скрипкин перемещается в будущее.

Асолютно прав А. Субботин, по утверждению которого, общая литературная традиция «свидетельствует, что гротеск, фантастику, разные смещения реальных связей чаще всего использует именно сатира, в которой смех приобретает горький, остро драматический или трагический характер» [Субботин 1986: 40].

И в заключение хотелось бы обратить внимание на один интересный факт: больше всего постановок по произведениям Н. В. Гоголя принадлежит театру В. В. Маяковского.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

<http://ru.wikipedia.org/wiki>

ХАРДЖИЕВ, Н. (1958): *Заметки о Маяковском*. In: Литературное наследство. М. Т. 65, с. 397–410.

ХАРДЖИЕВ, Н., ТРЕНИН, В. (1970): *Поэтическая культура Маяковского*. М. С. 184–243.

ИЛЬИН, О. (1955): *Маяковский и Гоголь: Наблюдения над эстетикой и поэтикой Маяковского в свете гоголевской традиции*. In: Новая Волга. Саратов.

КУЗЬМИН, А. И. (1983): *Маяковский и Гоголь*. In: Русская речь, № 4, с. 18–22.

ПОЛИКАНОВ, А. А. (1956): *О сатирических традициях Гоголя и Щедрина в творчестве Маяковского*. In: Учёные записки Шуйского пед. института. Вып. 3. С. 3–47.

ТРУШЕВСКИЙ, С.Н. (1959): *К вопросу о традициях передовой русской сатиры в творчестве В. Маяковского 1926–1930 годов*. In: Вчені записки Харківського бібліоінституту. Вип. 4. С. 3–20.

PICON-VALLIN, V. (1980): *Gogol, point de depart des recherches sur le grotesque au theatre et au cinema apres la revolution russe, 1917–1932*. In: Cahiers du monde russe et sovietique. Vol. 21, № 3–4, pp. 333–359.

PICON-VALLIN, V. (1996): *Le dispositif utopique dans le theatre de Majakovskij*. In: Revue des etudes slaves, Tome 68, fascicule 2, pp. 201–210.

БЕЛЫЙ, А. (1934): *Мастерство Гоголя*. М.: Л.

БАХТИН, М. М. (1997): *Работы 1940-х – начала 1960-х годов*. In: ПСС в семи томах, т. 5. «Русские словари», М., с. 45–62.

МАЯКОВСКИЙ, В. В. (1987): *Сочинения в двух томах*. «Правда», М.

ГОНЧАРОВ, Б. О. (1973): *О поэтике Маяковского*. М. С. 330.

СУББОТИН, А. (1986): *Маяковский сквозь призму жанра*. М. С. 37–40.

ИРИНА МОКЛЕЦОВА

Россия, Москва

СВОЕОБРАЗИЕ ЖАНРА ИСПОВЕДИ В ТВОРЧЕСТВЕ Н. В. ГОГОЛЯ (1842–1852 ГГ.)

ABSTRACT:

The Genre of Confession in the Works of Nikolai Gogol, 1842–1852

This article deals with the last decade of Nikolai Gogol's works to examine his creative exploration of spiritual life and literary genres. Gogol's religious and spiritual quest made him employ and expand such genres as "confession" and "contemplation", exerting much influence on the development of Russian literature.

KEY WORDS:

Gogol – cultural traditions – confession – literature.

Творческие искания Н. В. Гоголя в духовной и жанровой сферах рассматриваются в докладе на материале его произведений последнего десятилетия жизни в широком литературном контексте. Религиозно-духовные поиски писателя предопределили выбор и разработку таких жанров, как «исповедь», «размышление», и оказали большое влияние на дальнейшее развитие отечественной литературы в целом.

Н. В. Гоголь на протяжении всего своего творчества обращался к проблеме подлинной и мнимой духовности, об этом неопровержимо свидетельствует содержание его произведений, эпистолярное наследие, записные книжки. Наиболее ярко эти поиски проявились в разработке жанровой специфики произведений периода последнего десятилетия его жизни, которые давно стали объектом литературной и религиозно-исторической полемики, периодически актуализирующейся на различных этапах идейно-художественного развития русской литературы.

В русской культуре значение слова «исповедь» восходит к содержанию и формам церковного таинства. В. И. Даль дает современное Гоголю значение слова «исповедовать»: «признавать, веровать, держаться чего-то твердым убеждением»; «исповедание – задушевные убеждения вообще, например, политические» [Даль 1998: 54]. Такое расширение представлений об исповеди

достаточно полно отражает те творческие задачи, которые ставил перед собой Гоголь, который не ограничивается религиозной проблематикой, а стремится соединить с ней вопросы общественного и государственного значения [Флоровский 1991: 260–270; Зеньковский 1991: 185–194]. Творческий поиск обращает его внимание к новому «прочтению» исповедальных жанров – исповеди, ее эпистолярной разновидности, эссе, воспоминанию, размышлению. В этом контексте возникают «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847), «Авторская исповедь» (1847, публ. 1855), «Размышления о Божественной Литургии» (замысел 1843–1845, публ. 1857).

Интерес Гоголя к духовным проблемам обнаруживается во всех его произведениях, в которых непременно присутствует религиозно-нравственная оценка поступков героев («Вечера на хуторе близ Диканьки», «Миргород», «Ревизор», «Мертвые души»). И комедийные герои, например, в «Ревизоре», имеют по-своему понимаемые ими духовные представления. Городничий утверждает: «Нет человека, который бы за собою не имел каких-нибудь грехов. Это уже так Самим Богом устроено, и волтерианцы напрасно против этого говорят». Он обличает в ложной духовности вольнодумного судью, по-своему «исповедуется», признаваясь в своих делишках, но исповедь его фальшива, это оправдание своих поступков, а не покаяние. В комедии все чиновники лишены каких-либо христианских добродетелей: немилосердны к больным и сиротам, чинят «арапное» правосудие. Религиозное понимание авторского замысла пьесы приоткрывает смысл знаменитой «гоголевской паузы»: развязка «Ревизора» представлялась Гоголем наподобие сцены Страшного суда.

Использование оксюморона «мертвые души» в заглавии романа обнаруживает сложную поэтику произведения, в котором писатель высказывается как сатирически опосредованно, так и непосредственно (в лирических отступлениях и вставных эпизодах), обсуждая проблемы духовного выбора, его влияния на общественную жизнь. Писатель характеризует Манилова, почтмейстера Ивана Андреевича как ложных мистиков, а Плюшкина, Коробочку, Ноздрева, Собакевича напрочь лишает каких-либо признаков духовности. Царящие в обществе лицемерие и фальшь, корысть и зависть, нечистые помыслы и дурные поступки являются следствием духовной пустоты, отсюда и ограниченность интересов героев.

Рассуждения автора о природе художественного творчества, в том числе комического, о «значении» отрицательного героя для современной литературы, о необходимости духовного обновления и будущего России нашли признание у многих читателей и критиков. В. Г. Белинский, одно время предпочитая Гоголя А. С. Пушкину, отдавал ему лавры первенства преимущественно за мастерски созданные сатирические картины русской действительности. Между тем, гоголевские произведения с их «горьким смехом» призваны были вырвать читателя из «вещного» мира, в первую очередь поставить его перед серьезными религиозно-философскими проблемами, решение которых помогло бы, по мнению автора, преобразить общественную жизнь. Белинский понимал творческие искания Гоголя по-своему, сквозь призму социально-демократических

воззрений атеистического толка, он не принял эволюцию Гоголя-художника, позволил себе в «Письме к Гоголю» (1847) резко высказаться в адрес автора.

И писатель, и критик проявили удивительную искренность в выражении своих «задушевных» воззрений, исповедальность их переписки (следует вспомнить ответное письмо Гоголя, которое не было им отправлено адресату) поразительна. Гоголь сам называл свой публицистический сборник «исповедью» (в письме к С. П. Шевыреву от 5 окт. н. ст. 1846 г.) [Соколов 2007: 152]. На это указывает и П. А. Вяземский: «Он изливает перед вами сокровеннейшие тайны свои... А вы строго и самопроизвольно судите, разбираете, так ли он плачет, как следует, не притворяется ли он, не малодушничает ли? Вы с жестокой радостью нападаете на него, когда вам кажется, что он... противоречит себе, как будто скорбь может всегда рассчитывать слова свои... Мы чувствуем и толкуем о независимости, о свободе понятий, а в нас нет даже и терпимости» [Вяземский 1982: 193]. За эту защиту Гоголя автора искренне благодарил П. Я. Чаадаев: «На меня находит невыразимая грусть, когда я вижу всю эту злобу, возникшую на любимого писателя, доставившего нам столько слезных радостей, за то только, что перестал нас тешить и, с чувством скорби и убеждения, исповедуется пред нами и старается, по силам, сказать нам доброе и поучительное слово» [Чаадаев 1991: 202–203]. А. А. Григорьев прямо утверждал, что сборник Гоголя – «простодушная, безыскусственная исповедь художника, который дорожит своим делом» [Соколов 2007: с. 184]. После публикации книги Гоголь осуществил свое давнее стремление – паломничество в Палестину (1848), продолжая идти по выбранному им пути. Поездка сыграла важную роль в жизни писателя, ее можно рассматривать как важнейшую часть церковного таинства исповеди – покаяния. Произведение Гоголя получило неоднозначную оценку современников, но творческая интуиция не подвела великого мастера, с ее помощью в литературе Нового времени стал обнаруживать себя целостно им воспринимаемый огромный духовный потенциал, который сохранялся в церковной традиции и внесловной народной религиозности.

Такое частое обращение к исповеди и исповедальности в творческих поисках Гоголя предопределило появление эссе «Авторская исповедь». Утверждая максимальную степень ее открытости и показывая глубину своих переживаний, автор пишет: «Есть такие вещи, которые не подвластны холодному рассуждению, как бы умен не был рассуждающий, которые постигаются только в минуты тех душевных настроений, когда собственная душа наша расположена к исповеди, к обращению на себя, к оуждению себя, а не других» [Гоголь 2001: 227]. Большой интерес представляют включенные в текст ответы Гоголя на задававшиеся ему вопросы, касающиеся прояснения стоящих перед ним творческих задач и его религиозно-философских воззрений. Они показывают стремление писателя уйти от реализма «натуральной школы» к новому для себя изображению действительности, учитывающему многовековой религиозный опыт народа, что делают эти поиски уникальными с разных точек зрения: «... я полжизни думал сам о том, как бы написать истинно полезную книгу для простого народа, и остановился, почувствовав, что нужно быть

очень умну для того, чтобы знать, что прежде нужно подать народу. А покуда нет таких умных книг (курсив наш. – И. М.), мне казалось, что слово устное пастырей Церкви полезней и нужней для мужика всего того, что может сказать ему наш брат писатель» [Гоголь 2001: 225]. Это признание человека, для которого литературный труд всегда представлял не занятие, но служение, показывает, насколько глубоко погружен был Гоголь в решение важных для него новых эстетических задач, под каким углом зрения рассматривал их реализацию. И еще много других – не менее откровенных и многозначительных – признаний ожидало читателя при знакомстве с этой работой Гоголя. Они касаются выбора религиозно-национального пути развития России («выставил ярко на вид наши русские начала»), взаимоотношений с западноевропейской культурой («нужно очень хорошо и очень глубоко узнать свою русскую природу и что только с помощью этого знания можно почувствовать, что именно следует нам брать и заимствовать из Европы»), переосмысления художественных задач («Поверкой разума поверил я то, что другие понимают ясной верой и чему я верил дотоле как-то темно и неясно»), выбора предмета изображения («... я обратил внимание на узнанье тех вечных законов, которым движется человек и человечество вообще»)» [Гоголь 2001: 223–254].

В своем творчестве Гоголь обнаруживает также новый подход к жанру «размышления», который в русской литературе Нового времени восходит к религиозно-философской поэзии М. В. Ломоносова («Вечернее размышление о Божиим величестве при случае великого северного сияния», 1743) и Г. Р. Державина («Фелица», 1782; «Бог», 1784; «Водопад», 1791–1794). Гоголю созвучно в державинской поэзии глубокое постижение жизни и новаторство: «Кто, кроме Державина, осмелился бы соединить такое дело, каково ожидание смерти, с таким ничтожным действием, каково кручение усов?» [Гоголь 2001: 183]. Однако и сам писатель художественно мог раскрыть спрятанный под маской обыденности подлинный смысл и трагизм бытия («Старосветские помещики», «Мертвые души»). В середине 1840-х гг. Гоголь смело восстанавливает распадающуюся у него на глазах духовную «связь времен», не ограничиваясь историческим детерминизмом реализма, а «озирая оком» пространство вечности, как это было у древнерусских книжников: «Несмотря на внешние признаки подражания, в нашей поэзии есть очень много своего. Самородный ключ ее уже бил в груди народа тогда, как само имя еще не было ни на чьих устах... Струи его пробиваются, наконец, в самом слове церковных пастырей – слове простом, некрасноречивом, но замечательном по стремлению стать на высоту того святого бесстрастия, на которую определено взойти христианину, по стремлению направить человека не к увлечению сердечным, но к высшей, умной трезвости духовной (курсив наш. – И. М.)» [Гоголь 2001: 178].

Сложности поставленных им вопросов соответствовала выбранная форма – жанр религиозно-философского размышления. Итогом художественных поисков и достижений Гоголя стало «Размышление о Божественной Литургии», которое вобрало в себя тот духовный опыт, которым располагал писатель, при этом «богословская и художественная сторона органично сочетаются

и взаимно уравнивают друг друга, представляют собой совершенно оригинальное произведение» [Виноградов, Воропаев 2001: 520]. Благодаря этому «работа Гоголя и до наших дней является одним из самых проникновенных и духовных толкований Литургии» [Мочульский 1995: 55]. Писатель создал произведение, которое намеревался бесплатно раздавать среди простого народа, в первую очередь связывая его просвещение с Богослужением.

Спустя полвека поиски Гоголем новых путей в развитии литературы не останутся без внимания представителей «серебряного века» (Д. Мережковский, Вл. Ходасевич и др.). Вл. Ходасевич, исследуя творчество М. Ю. Лермонтова и судьбы русской литературы XIX в. в целом, особое значение придает исповеди как ее содержательному началу и особой жанровой форме: «Лермонтов первый дал толчок тому движению, которое впоследствии, благодаря Гоголю, Достоевскому и Толстому, сделало русскую литературу литературой исповеди, вознесло на высоту недостижимую, сделало искусством подлинно религиозным» [Ходасевич 1996: 447]. Впоследствии религиозные идеи в творчестве Гоголя будут исследовать представители Русской Православной Церкви за рубежом [Флоровский 1991; Зеньковский 1991; Мочульский 1995]. В России лишь с начала 1990-х гг. появилась возможность вернуться к свободному обсуждению художественных текстов Гоголя с учетом авторского видения и многомерности их прочтения [Виноградов, Воропаев 2001: 5–42].

Гоголь часто обращался к толкованиям, объяснениям своих произведений, будучи откровенным сам, взывал к искренности своего читателя, со временем это стало частью его авторского стиля. Сложный путь гоголевской церковно-богословской публицистической прозы, незавершенность некоторых этих произведений, публикация их в редакторской правке, неоднозначность оценок духовно зрелых людей требуют пристального внимания современных ученых. Основанная на попытке литургического осмысления русской культуры, неповторимая гоголевская «исповедь» требует разработки новых методологических и методических подходов.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- ВИНОГРАДОВ, И. А., ВОРОПАЕВ, В. А. (2001): *Духовная проза Н. В. Гоголя*. In: Н. В. Гоголь. Духовная проза. Москва, с. 5–42.
- ВЯЗЕМСКИЙ, П. А. (1982): *Сочинения в 2-х т. Т. 1*. Москва.
- ГОГОЛЬ, Н. В. (2001): *Духовная проза*. Москва.
- ЗЕНЬКОВСКИЙ, В. (1991): *История русской философии: в 2-х т. Т. 1, ч. 1*. Ленинград, с. 185–194.
- МИХАЙЛОВА, М. В. (1997): *Молчание и слово (таинство покаяния и литературная исповедь)*. In: Метафизика исповеди. Пространство исповедального слова. Мат. межд. конф. СПб., с. 9–14.
- МОЧУЛЬСКИЙ, К. (1995): *Духовный путь Гоголя*. In: Гоголь. Соловьев. Достоевский. Москва, с. 7–60.
- СОКОЛОВ, П. В. (2007): *Гоголь. Энциклопедия*. Москва.
- ФЛОРОВСКИЙ, Г. (1991): *Пути русского богословия*. Вильнюс, с. 260–270.
- ХОДАСЕВИЧ, В. Ф. (1996): *Собр. соч.: в 4-х т. Т. 1–2*. Москва.
- ЧААДАЕВ, П. Я. (1991): *Полн. собр. соч. и избр. письма: в 2 т. Т. 2*. Москва.

АЛЕКСАНДРА СЕРГЕЕВНА МУХИНА

Россия, Нижневартовск

ПОЭТИЧЕСКИЕ ДЕФИНИЦИИ М. ЦВЕТАЕВОЙ: ВАРИАЦИИ И ТРАНСФОРМАЦИИ

ABSTRACT:

Poetic Definitions in M. Tsvetaeva's Works: Variations and Transformations

The article deals with the in-depth study of poetic text theory which is developed by the author using the means of genristic poetics. While analyzing the Marina Tsvetaeva's idiostyle different models of poetic definitions were found.

KEY WORDS:

Literary text – linguistic personality – genristic poetics – theory of speech genres.

Природа художественного текста осмысливается учеными сквозь призму различных теорий, концепций, позиций: лингвоцентрической, текстоцентрической, антропоцентрической, когнитивной, психолингвистической, прагматической и др. На наш взгляд, перспективным является коммуникативно-прагматический подход к изучению художественного текста, который позволяет по-новому взглянуть на образ лирического героя и рассмотреть его как специфическую языковую личность [Караулов 2003], представляющую собой многослойную и многокомпонентную парадигму речевых личностей. Этот подход базируется на теории речевых жанров, поскольку она дает возможность проанализировать специфические черты речевого поведения лирического героя в конкретном поэтическом тексте, выявить его отношение к адресату послания, найти «единую плоскость» для систематизации анализа моделей речевого поведения разных персонажей и раскрыть «я-концепцию», представленную в виде сложной модели авторского художественного и языкового мышления, стремящегося постичь скрытые законы мира, чтобы познать бездну его реальности.

Термин «речевое поведение» трактуется нами как реализация языка в поэтической речи с учетом мировоззренческой составляющей и психологических установок самого автора, поскольку на поведение

лирического «Я» они оказывают формирующее воздействие. Мы считаем, что особенности речевого поведения в поэтическом тексте напрямую связаны с репертуаром речевых жанров, используемых лирическим героем, так как именно «теория речевых жанров предполагает – хотя бы в потенции – универсальный подход к речевому поведению человека, механизм порождения и интерпретации речи» [Дементьев 2005: 7]. Данный метод уже помог нам проанализировать наиболее яркие модели речевого поведения лирических героев многих поэтов Серебряного века и позволила сделать определенные выводы по проблеме коммуникативно-речевого сознания автора, его языковой личности и психофизиологическом статусе [Яковлева, Кудрякова 2004].

В рамках статьи мы ограничились рассмотрением речевого жанра определения (РЖО) на материале лирики М. Цветаевой. В художественной (в частности, поэтической) лаборатории РЖО становится предметом «опытной разработки», одной из ключевых констант, демонстрирующих диалектику слова и мысли. РЖО также способствует созданию бесконечной диалогической ситуации как ярчайшей приметы художественного дискурса. Этот тип высказывания, демонстрирующий глубочайшее единство слова и мысли, оформляет авторское видение предмета речи, побуждая читателя разбудить свое сознание в ответ на авторский посыл. В творческом акте именовании запечатлен сложный когнитивный поиск сущности вещи, ее идеи: назвать – значит понять, постигнуть, прикоснуться к божественной сути с помощью слова. Логическая формула – А есть Б, лежащая в основе РЖО, выделяет слово, делая его ключевым в контексте стихотворения.

По данным нашей картотеки, в текстах М. Цветаевой зафиксировано более 200 высказываний, построенных по модели определения. Предлагая свои дефиниции слова («смысловой точки литературной конструкции и центра свернутой эйдетической информации»), М. Цветаева разворачивает в художественной речи «энергетически доступные стороны самих сущностей через предметы их изображения в авторское их понимание и сообщение. Такая черта ее стиля, объясняет синергичную основу словесного творчества, «реалистическую природу поэтической интуиции» и его «бытийственные корни» [Флоренский 2007: 47, 49].

Лирическая героиня М. Цветаевой, используя РЖО, выступает в роли творца, модератора поэтического языка, в котором очень важно обозначить исходные координаты: ключевое слово выступает в новом контекстуальном окружении, обогащенное неожиданными семантическими приращениями. Такая поэтическая стратегия демонстрирует процесс оживления, реабилитации, казалось бы, обычного слова, которое в ситуации эстетической коммуникации раскрывает новые семантические грани и превращается в **ЛОГОС**, «речь самой природы», «скрытой сущности мира», «глагол, растящий самого себя» [Лосев 1964: 246–247]. Совершая речевой акт переименования, лирическая героиня М. Цветаевой включается в когнитивную игру со словом, оценивая его эстетический потенциал, смысловое наполнение, создает авангардные текстовые

обертонны на заданную тему. Каждая ее реплика, построенная по модели определения, – это не повтор, а ответ на поэтический запрос, отстаивание своей авторской позиции, утверждение собственного взгляда на мир.

В фокусе внимания поэта оказываются абстрактные философские категории, законы мироздания, явления, сущности: **бытие, жизнь, смерть, судьба**: – *О, бытие! Глоток / Горячего грога на сон грядущий!* [Цветаева 1997: 12, Т. 1(2)]; *Жизнь – рельсы!//* [Цветаева 1997: 227, Т. 2]; *Мир – это стены. Выход – топор* [Цветаева 1997: 254, Т. 2]. Рассмотрим, как тема смерти изменяется на протяжении творческого пути М. Цветаевой: *Порою смерть – как будто ласка, // Порою жить – почти неловко!//* [Цветаева 1997: 54, Т. 1(1)]. С помощью РЖО лирическая героиня формулирует свое представление о смерти, заимствованное из сказочного дискурса, в котором смерть – это лишь сладкий сон. Ее представление еще не оформилось окончательно, поэтому понятие выражено неточно, приблизительно, об этом свидетельствуют слова «порою», «как будто».

Это одна из первых попыток постичь сущность категории смерти. В дальнейшем размышления над этой темой приобретут более четкие и даже трагические словесные очертания, в определениях будет схвачена сущность понятия, слово как таковое приблизится по значению к мысли и приобретет вид ключевой константы: *Смерть – это так:/ Недостроенный дом,/ Недовозвращенный сын,/ Недовязанный снап,/ Недодышанный вздох,/ Недокрикнуемый крик.//* [Цветаева 1997: 241, Т. 1(2)]. Интерпретируя понятие «смерть», лирическая героиня руководствуется стратегией отрицания, демонстрируя разрушительную, всеуничтожающую силу смерти.

Смысловая спаянность конкретных компонентов, входящих в поэтическую дефиницию, обеспечивается их структурным единством. Каждый элемент определения имеет эпитет, построенный по единой словообразовательной модели с приставкой недо-, выражающей неполноту действия, его незаконченность. Значение внезапности, прерванности, фатальности, неизбежности, которое объединяет эти компоненты в единое целое, суть понятие смерти. В этом эстетически трансформированном определении можно увидеть некое «каталогизирование» возможностей раскрытия и развития основной темы.

Теме осмысления человеческой жизни, берущей свое начало в ранней лирике М. Цветаевой, также способствует использование РЖО. Ее первые формулировки тесно связаны с детскими впечатлениями и построены по модели А есть конкретный образ: *О, дай мне умереть, покуда / Вся жизнь как книга для меня.//* [Цветаева 1997: 32, Т. 1(1)]; – *«Полно! ведь жизнь – не роман»...//* [М.Цветаева 1997: 75, Т. 1(1)]; или психофизическое состояние: *Вся жизнь моя страстная дрожь!* [Цветаева 1997: 33, Т. 1(1)]. Жизнь ассоциируется с увлекательной игрой: *«Шалость – жизнь мне, имя шалость.// Смейся, кто не глуп!»//* [Цветаева 1997: 180, Т. 1(1)]. В позднем творчестве модель определения усложняется за счет реализации нескольких речевых стратегий. Например, определение, построенное на основе аллитеративного и ассонансного

сближения слов (т.н. паронимической аттракции): *Жизнь: двоудушье/ Дружб и удушье уродств.*// [Цветаева 1997: 142, Т 2]. Детально разрабатывая эту тему в своей поэтической лаборатории, М. Цветаева находит формулу совершенной жизни: *Совершенная жизнь:/ Где ни рабств, ни уродств,/ Там, где все во весь рост,/ Там, где правда видней: / По ту сторону дней...* [Цветаева 1997: 144, Т 2].

Любовь – это еще одна магистральная тема, которая пронизывает все творчество поэта и представлена в лаконичных авторских формулах-дефинициях. С самых первых опытов юная поэтесса пытается обозначить словом, схватить сущность этого сложного состояния, преобразить привычное в волшебное. Ранние ее определения конкретны и банальны: *Твоя любовь была такой ошибкой...*// [Цветаева 1997: 64, Т 1(1)]; *Все минуты свои я тобою наполнила, кроме / Самой грустной – любви.*// [М.Цветаева 1997: 85, Т1 (1)]; *Для них любовь – минутный луч в тумане,/ Единый свет немеркнувший – для вас.*// [Цветаева 1997: 97, Т 1(1)].

В зрелом творчестве трактовка этой темы кардинально меняется, определения становятся сжатыми энергетическими сгустками смысла, отражающими губительную страсть, всепоглощающую и испепеляющую силу этого чувства, подчиняющую человека: *Любовь – как огненная пещь...*// [Цветаева 1997: 109, Т 1(2)]; *... любовь – живодерня!*// [Цветаева 1997: 227, Т 2]; *Любовь: озноб до кости! // Любовь: зной до бела!*// [Цветаева 1997: 230, Т 2].

Еще одна тема, которая остается наиболее бережно хранимой М.Цветаевой, – тема детства. Поэт предлагает на суд читателя яркие, эмоционально насыщенные определения этого прекрасного периода человеческой жизни, стремясь поделиться новыми знаниями и впечатлениями: *Ты дал мне детство – лучшие сказки!*// *И дай мне смерть – в семнадцать лет!* [Цветаева 1997: 33, Т 1(1)]. *Дети – это взгляды глазок боязливых,/ Ножек шаловливых по паркету стук,/ Дети – это солнце в пасмурных мотивах,/ Целый мир гипотез радостных наук.*// [Цветаева 1997: 13, Т 1(1)]. Лирическая героиня М. Цветаевой убеждена, что только ребенок обладает уникальным талантом воспринимать мир во всем его удивительном многообразии, подмечать глубинные качества вещей, остро ощущать богатую палитру эмоциональных состояний, испытывать чувство полноты жизни: *Есть дети – как искры: им пламя сродни.* [Цветаева 1997: 88, Т 1(1)]; *Есть, о да, иные дети – тайны, Темный мир глядит из темных глаз.* [М.Цветаева 1997: 101, Т1(1)]; *Дети – безумцы.* [Цветаева 1997: 54, Т1 (1)].

Таким образом, РЖО является достаточно частотным в репертуаре жанров лирической героини М. Цветаевой, становясь яркой приметой идиостиля поэта и передавая неповторимый и индивидуальный способ изображения внутреннего и внешнего мира. Обращение к этому типу высказывания свидетельствует о когнитивной направленности поэтических посланий, о стремлении запечатлеть в слове сложную палитру чувств и представлений, раскрыть эмоциональные и семантические возможности слова за счет сближения со вторым членом художественной дефиниции. Ключевое

слово, логос как центр РЖО, соприкасаясь со второй частью высказывания, «зацветает неожиданными смысловыми оттенками, переливающимися один в другой в зависимости от контекста» [Лосев 2004: 193], транслируя авторское видение бытия, поскольку «только имя прилегает к сущности в качестве ее первообнаружения или проявления и потому оно преимущественно именуется сущность в полноте ее энергий» [Флоренский 2007: 41]. Этот жанр позволяет в свернутом виде представить матрицу прочтения и интерпретации целого стихотворения, повернуть изображаемый предмет к читателю актуальной стороной, демонстрируя свободный творческий процесс рождения нового знания о мире.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- ДЕМЕНТЬЕВ, В. В., ФЕНИНА, В. В. (2005): *Когнитивная генеристика: внутрикультурные речежанровые ценности*. In: *Жанры речи*, N1, Саратов, с. 5–34.
- КАРАУЛОВ, Ю. Н. (2003): *Русский язык и языковая личность*. М.
- ЛОСЕВ, А. Ф. (2004): *Введение в общую теорию языковых моделей*. М.
- ЛОСЕВ, А. Ф. (1964) *Логос*. In: *Философская энциклопедия*. Т. 3. М.
- ФЛОРЕНСКИЙ, П. А. (2007): *Имена*. СПб., с. 336.
- ЦВЕТАЕВА, М. (1997): *Собрание сочинений в 7 томах*. М.
- ЯКОВЛЕВА, Е. А., КУДРЯКОВА, А. С (2004): *Речевой жанр вопроса в ранней лирике А.Ахматовой и М.Цветаевой*. In: *Исследования по семантике: Межвузовский научный сборник*. Вып.22. Взгляд ученых Башкортостана разных поколений. Уфа, с. 124–132.

ЕКАТЕРИНА ВЛАДИМИРОВНА РЕШЕТНИКОВА

Россия, Екатеринбург

ЖАНРОВЫЕ ТРАНСГРЕССИИ В КНИГЕ ЛИНОР ГОРАЛИК «БИБЛЕЙСКИЙ ЗООПАРК»¹

ABSTRACT:

Genre Transgression in the Book “Biblical Zoo” by Linor Goralik

This article deals with the new work by Lenore Goralik – “The Biblical Zoo”. A detailed characteristics of the transition literary text from a blog into a printed version of the book. In this article we try to trace the features of the genre of the work, the main features of the prose by Lenore Goralik and detail basic motives of the book.

KEY WORDS:

Genre – blog – transgression – the Bible – Israel epigraph – illustration – grotesque – non-fiction – humor.

Линор Горалик, писатель, поэт и переводчик, живущая и в России, и в Израиле, но большей частью в виртуальной реальности, всегда удивляет своими произведениями, ломающими привычные представления о жанрах и стилях, о границах литературы как искусства слова. Вспомним хотя бы ее комиксы про Зайца ПЦ и его воображаемых друзей. Большинство произведений Горалик пришли на бумагу из интернета, сначала они были просто заметками в ее живом журнале, блогами на разных сайтах. Так случилось и с ее новой книгой «Библейский зоопарк», вышедшей в 2012 году в серии Чейсовская коллекция. Эта книга была написана в Израиле, где Горалик «провела вторую половину августа и весь сентябрь 2011 года по приглашению фонда Ави Хай <...> чтобы в течение полутора месяцев вести на Booknik.ru блог, который впоследствии стал этой книжкой» [Горалик 2012: 9]. Этот блог существует и по сей день на сайте Booknik.ru. При сопоставлении книги и блога мы обнаружим, что они не равны: многие эпизоды, которых нет в блоге, добавлены в книгу, в некоторых главах текст блоговых записей изменен, записи в блоге сопровождают фото-

¹ Статья подготовлена в рамках научного проекта «Стратегии трансгрессии в современной русской литературе» (Грант Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук МК-79.2013.6).

графии, а в книге появляются авторские иллюстрации. В этом одна из особенностей перехода виртуального текста в бумажный - содержание редактируется под влиянием комментариев читателей блога, желания издателя, взглядов автора.

Произведения Горалик сложны для анализа в силу оригинальной кросс-жанровой природы. Мартын Ганин в своей статье «Внутри пространства ада» пишет: «Линор Горалик – один из самых сложных для прочтения современных авторов. Именно потому, что тексты эти кажутся простыми. Даже не то что кажутся, а притворяются простыми – но и это тоже не совсем так. Они притворяются простыми в процессе чтения, таковыми вовсе не являясь. Кроме всего прочего, ценность этих текстов как раз в том, что они не находят себе клетки в существующей таксономии: это – неведомая зверушка» [Ганин 2012: 20]. «Библейский зоопарк» – это очередная «неведомая зверушка» Линор Горалик: это и путевые заметки, отчасти использующие формы путеводителя и посвященные современному Израилю, это и дневник-блог, и своеобразная лирическая проза, и обобщение сути национальной истории и менталитета. Юлия Идлис в книге «Рунет: Сотворенные кумиры» пишет: «Прозе Горалик свойственна интонация наговаривания трогательных, иногда жутких, иногда смешных впечатлений от повседневности, она очень иронична, но по-доброму, и часто критикует мир, но с любовью. В ее произведениях большая тревога за страну и за людей, которые выбрали, вынуждены или хотят в ней жить» [Идлис 2010: 107–108]. Короткая проза остроумного наблюдателя неизменно хорошо удается Горалик. Еще одна особенность прозы Горалик – открытая ориентированность на читателя-собеседника, активизировать внимание которого можно, сломав традиционные жанровые, сюжетные, нарративные формы.

«Непослушание – вот главная черта прозы Горалик. Текст растет, как трава, не желая знать о ножницах садовника. Горалик – это стихийное общение, активное существование, участие в разговоре обо всем и со всеми» [Ермошина 2003].

Из разговоров о повседневном и привычном вырастает метафизическое, философское понимание жизни и культуры Израиля. Этот уровень подчеркнут названиями глав, эпиграфами из библии, иллюстрациями с ироничными комментариями и финальной главой – описанием израильского зоопарка, становящегося своего рода итогом-аллегорией всей книги.

Рассмотрим подробнее один из 12 рассказов – «Ответственные суслики», третий в книге. Здесь речь идет о самых близких людях, родителях, которые живут в условиях ежедневных бомбежек. Рассказчица слушает сводку новостей по радио, где среди успехов израильских дизайнеров или спортсменов, новостей культуры и социальной жизни обязательно сообщается, что Беэр-Шеву бомбят. Разумеется, рассказчица переживает за родителей, просит их на время приехать к ней в Тель-Авив, но родители отказываются, а чтобы прекратить разговор на эту тему, грозятся, что переедут жить к рассказчице в Москву. Казалось бы, ситуация страшная. Но текст написан с юмором, рассказчица явно любит родителей. «Ответственные суслики» – так называют себя

сами родители, подчеркивая свою смиренность, незлобивость, послушность: они каждый раз по сигналу тревоги уходят в защитную комнату, хотя при этом им приходится прерывать обед или просмотр телесериала «Друзья». Комизм возникает из несоответствия ситуации (обстрел установками ГРАД) и поведения людей, старающихся найти положительные стороны даже в такой ситуации (забыли домашний творог на два дня – он стал еще лучше, чем до бомбежки, сотрудницы на работе каждый день по очереди приносят пирог и все дружно съедают его в бомбоубежище под сирену, родители подшучивают друг над другом и проч.).

Повседневный быт семьи рисуется в преувеличенно-гротескных образах, доводящих еврейское чадолюбие до раблезианских размеров. Главная забота мамы – накормить «деточку»: «Лежишь в пижаме посреди гостиной, вокруг красиво расставлена мамина еда: богатая палитра, крупные мазки – рыбы заливной килограмма три, борща небольшое ведро, поднос жареных кабачков, торт домашний средней пушистости. Два пульта от телевизора – чтобы деточке не наклоняться, если она вдруг один уронит. Вдруг сирена: бомбят, значит, ракетами. По квартире проносится тихий вой: никому не хочется идти в защищенную комнату – отрываться от компьютера, книжки, в случае некоторых – от творожной запеканки, там еще как минимум полтора кило недоеденных. Но все друг другу демонстрируют, что ответственные люди и вообще, – встают, идут. Сирена воет. В защищенной комнате прохладно, все садятся на табуретки. – Деточка, ты водички хочешь?

Водички стоит запас года на три. Еще шоколад, крекеры, консервы, противогазы, ведро, чтобы в него это самое. Нашли время бомбить, суки, – оторвали ребенка от обеда» [Горалик 2012: 36].

Углубляют смысл рассказа «рамочные компоненты», такие, как эпитафия, рисунки. Рисунок к данному рассказу схематично изображает толстенького суслика в фартуке (мама?) и грустного хамелеона (папу?), подписи отсылают к «допотопной» (райской) жизни, поданной как веселый карнавал. Рисунок подчеркивают комическую сторону созданного в рассказе «бестиария», а вот эпитафия из Книги Бытия передает ситуацию после Потопа: «Выйди из ковчега ты и жена твоя, и сыновья твои, и жены сынов твоих с тобою; выведи с собою всех животных <...> И не буду больше поражать всего живущего (Быт. 8:15–8:21)» [Там же: 34]. Тем самым бытовая ситуация помещается в бытийный контекст. Если конец рассказа не снимает тревоги (бомбежки продолжают), то эпитафия выражает надежду на спасение и безопасность в будущем. Таким образом, смешные бытовые хлопоты родителей о том, чтобы ребенок был сыт и здоров, воспринимаются как проявление общей, напророченной в древних священных книгах, оптимистической тенденции – жизнь будет продолжаться, не смотря ни на что.

Л. Горалик рисует в своей книге юмористические типы израильтян, соотнося их с разными животными (кролики, антилопы, верблюды, олени и проч.), раскрывающиеся в очень конкретных, бытовых ситуациях (в кафе, в магазине, на улице...). Но этот «зоопарк», благодаря оформлению обложки, назва-

нию книги, эпитафиям, воспринимается как Ковчег спасения. Спасет людей не защитная комната с противоголозом и запасом воды, а мужество, жизнелюбие, чувство юмора и самоирония, позволяющие с достоинством переносить самые тяжелые испытания.

Первоначально возникшие как записи в блоге, сюжеты, объединенные в книгу, поднимаются к серьезным обобщениям, жанр нон-фикшн, бытовые зарисовки с натуры остраиваются рисунками и приобретают символическое значение благодаря эпитафиям и сквозному сюжету книги.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

ИДЛИС, Ю. (2010): *Рунет: Сотворенные кумиры*. In: М.: Альпина нон-фикшн, с. 586.

ГОРАЛИК, Л. (2012): *Библейский зоопарк*. In: М.: Книжники (чейсовская коллекция), с. 160.

ЕРМОШИНА, Г. (2003): *Рецензия на книгу Линор Горалик «Не местные»*. In: НЛО, № 61, с. 448.

ГАНИН, М. (2012): *Внутри пространства ада*. In: Новый мир, № 3.

ГАНА СТАНЕЛОВА

Чехия, Пардубице

«СОРОЧИНСКАЯ ЯРМАРКА» Н. В. ГОГОЛЯ В ОПЕРЕ М. П. МУСОРСКОГО

ABSTRACT:

“Sorochinsky Fair” by N. V. Gogol in Mussorgsky’s Opera

Mussorgsky, with his indefatigable effort to keep looking for new principles of art for each of his work, is Gogol’s analogy in Russian music. Their principles of art and feelings are very similar and harmonious. Characteristics of Gogol’s story are typical of Mussorgsky’s opera, too. However, Mussorgsky even broadened dimensions of Gogol’s characteristics by adding tender lyric poetry and merciless satire. Mussorgsky’s ability to reveal typical elements and catch the artistic truth makes “Sorochinsky Fair” the masterpiece of Russian comic opera.

KEY WORDS:

Sorochinsky Fair – Gogol – Mussorgsky – comic opera – folk songs – folk dances – Russian – Ukrainian – libretto – characters.

1. История создания оперы

Творчество Гоголя оказало большое влияние на развитие русской и мировой музыкальной культуры. Гоголь был и одним из любимейших писателей Мусоргского. До 1874 г., когда композитор начал писать оперу «Сорочинская ярмарка», он уже работал над оперой «Женитьба» по одноимённой комедии Гоголя. В период поисков темы для новой оперы Мусоргскому особенно понравилась реалистическая картинка из жизни украинского народа – повесть «Сорочинская ярмарка», её искренняя весёлость, остроумие, сочность и своеобразие языка её героев.

Работу над оперой сначала затрудняло слабое знание композитором украинского языка. Мусоргский очень опасался неловкостей в либретто, где требовалось сочетать русский язык с выражениями чисто украинскими. Иначе это уже не был бы Гоголь. Композитор ставил перед собой определённую и ясную задачу: воплотить в музыке образы повести Гоголя и развернуть яркую картину украинской действительности на основе украинского песенного и танцевального фольклора. Художник-реалист, Мусоргский внимательно изучал

украинские мелодии и украинскую речь, и наконец ему удалось проникнуть в суть гоголевского творения и «овладеть музыкальным контуром украинской речи» [Гозенпуд 1952: 907].

Либретто оперы «Сорочинская ярмарка» создавалось композитором при участии А. А. Голенищева-Кутузова. Сценарий и либретто составлены с максимальным приближением к Гоголю. Мусоргский стремился передать не только и не столько фабулу повести, сколько характеры и образы гоголевских героев. Композитор очень уважал Гоголя, и поэтому чрезвычайно стремился, чтобы всё, что мы читаем в речах действующих лиц у Гоголя, передали его действующие лица со сцены в музыкальной речи. Он первый из русских композиторов использовал в опере прозу. Мусоргский с величайшей тщательностью и тонким художественным расчётом переводит повествовательную форму в сценическую. Наряду с гоголевской прозой в либретто использованы украинские песенные тексты (13 подлинных народных напевов). Музыкальный язык оперы близок к украинскому фольклору.

Некоторые сюжетные мотивы повести композитор самостоятельно развил. Так, рассказ о красной свитке, являющийся зерном сюжета и вложенный Гоголем в уста безымянного торговца, Мусоргский передал цыгану. Благодаря этому «хват и плут – цыган», по определению композитора, сделался персонажем, ведущим и направляющим действие.

К сожалению, Мусоргский скончался безвременно в 1881 г., не закончив работу над оперой. Над завершением оперы работали многие композиторы, но лучшая редакция, в которой опера ставится в настоящее время, принадлежит музыковеду П. А. Ламму и композитору В. Я. Щебалину. В редакции Щебалина опера была впервые показана 21 декабря 1931 года в Ленинграде в Малом оперном театре.

2. Истоки комедийной драматургии «Сорочинской ярмарки»

Мусоргский создал истинно народную комическую реалистическую оперу, в которой воплощены национальные черты гоголевских героев, их психологический склад. Но чтобы комедийная сущность зазвучала смехом, нужно было овладеть искусством, «техникой» гоголевского комизма. Мусоргский старался постичь природу этого комизма. Как пишет он в своём письме к Голенищеву-Кутузову: «Гоголевский комизм заключается в том, что ничтожные для нас интересы чумаков да деревенских торговцев воплощены во всей искренней правде. «Сорочинская» – не буффонада, а настоящая комическая опера на почве русской музыки и при том, по нумерации, первая» [Мусоргский 1939: 73].

Опера «Сорочинская ярмарка» – ответная реплика Мусоргского Гоголю.

Её музыка соответствует весёлой повести, так незаметно-тонко переплетающей сочную правду быта, словесной ткани, остроту психологической зарисовки и красоту фантазии, образов природы и авторскую интонацию – то весёлую, тонко-ироничную, то лирическую.

«Сорочинская ярмарка» у Гоголя богаче нюансами, многозначностью грани содержания. Однако всё, чем дышит опера, взято из Гоголя. Мусоргский

перевёл на сцену героев повести Гоголя, не упустив из характера каждого ни единой чёточки. В основе оперы – своеобразие гоголевского комизма, так эстетически чётко осознанное композитором. Мусоргский отвечает Гоголю его же смехом – чистым, открытым, звонким, не отяжёлённым подтекстами.

3. Анализ либретто оперы «Сорочинская ярмарка»

Мусоргский осознал скрытую театральную природу прозы Гоголя и уверенно перевёл косвенную речь (повествование автора) в прямую (драматическое действие), как бы возвращая гоголевскую прозу к её мыслимому истоку – театру. Своеобразная театральность сквозит в необыкновенно наглядной пластике, мимике и жестикеляции гоголевских персонажей. В сущности, Мусоргский своим музыкальным воплощением вернул «Сорочинскую ярмарку» к народному украинскому театру – **вертепу**.

Типаж, свойственный этому виду народного театра, оказывается ярче, «нагляднее» в опере, чем в повести. Главные действующие лица: две пары – Парася и Парубок (лирическая пара) и супружеская (комедийная) пара – злая жена (Хивря) и незадачливый муж (Черевик); а также Попович – жадный и сластолюбивый дьяк и «плут и хват» цыган, устраивающий счастье влюблённых. Представленные схематично, типы и сюжетные ситуации оперы свойственны традициям народной культуры: не только вертепу, но и народной сказке, ярмарочным и балаганным представлениям.

Разнонаправленная в отношении каждого действующего лица, комедийность переливается разными гранями: то она принимает интонацию добродушного юмора (Черевик), то оборачивается весёлым гротеском (Хивря), то сатирически-язвительной карикатурой (Попович), то вкрадывается еле заметной доброй иронией (Парася и Парубок). Многообразные в оттенках музыкально-комедийные приёмы были найдены Мусоргским в тесном контакте с художественным методом гоголевского комизма.

Если посмотреть на весь процесс «перевода» Мусоргским повести Гоголя на сцену и в музыку, то можно заметить, что «Сорочинская ярмарка» поражает удивительной слитностью с каждой деталью своего литературного прообраза. Это проявляется и в стремлении сохранить последовательность эпизодов повести, и во внимании к речам действующих лиц.

Мусоргский проявил большое искусство, уместив в трёхактной композиции почти все эпизоды повести. Оперу он начинает увертюрой-повествованием, где так же, как и у Гоголя, но музыкальными средствами, изображены красота пейзажа и яркость народного быта. Начало первого акта совпадает с началом второй главы повести. В музыке слышится ярмарочная сцена – разноголосица выкриков, разнообразие движений и танцевальных ритмов. «Для Мусоргского ядром всей оперы был второй акт – квинтэссенция комедийного действия. Сцены Хиври и Черевика, Хиври и Поповича, составляют собственно комедийный план оперы.» [Ширинян 1980: 249]

Как и в прозе Гоголя, здесь радуется художественная меткость каждого слова, каждой интонации. Действующие лица контрастны между собой не только образной, но и художественной сущностью. **Партия Хиври в сцене с По-**

повичем – шедевр музыкального комизма. В качестве основного приёма комедийности здесь выступает пародирование церковно-певческого стиля, несовместимого с текстом и сценической ситуацией. Даже в нежных, лирических ариях Параси и Парубка чувствуется наивная балаганная театральность; в лирику проникает доля собственно комедийного, точно так, как это определено в повести Гоголя. В третий акт, в отличие от Гоголя, Мусоргский включил интермеццо – элемент фантастики – «Сонное видение Парубка» (на музыку своей симфонической фантазии «Ночь на Лысой горе»). Финал оперы – гопад – весёлый, массовый, хоровой танец, без которого нельзя себе представить заключение никакой народной украинской комедии.

Заключение

Между Мусоргским, с его непреодолимой жаждой всё время находить новые художественные принципы для каждого своего произведения, и Гоголем существует тесная аналогия. Их художественные принципы и чутьё очень похожи и гармоничны. Отличительные черты повести Гоголя свойственны и опере Мусоргского. Но Мусоргский эти художественные черты Гоголя ещё более увеличил, прибавив к ним нежную лирику и беспощадную сатиру. Способность Мусоргского открыть выразительные черты гоголевского текста и понять его художественную правду – всё это делает из «Сорочинской ярмарки» шедевр русской комической оперы.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- ГОЛОВИНСКИЙ, Г., САБИНИНА, М. (1998): *Модест Петрович Мусоргский*. М., с. 527.
 ГОЗЕНПУД, А. (1952): *Литературное наследство. Пушкин, Лермонтов, Гоголь*. М., с. 894–908.
 ЕФРЕМОВА, Л. (1956): *Мусоргский и Украина. Из истории русско-украинских музыкальных связей*. М., с. 123–181.
 КАРАТЫГИН, В. (1917): О «Сорочинской ярмарке». In: *Музыкальный современник*, N 5/6, с. 169–191.
 МУСОРГСКИЙ, М. (1939): *Письма к А.А. Голенцеву-Кутузову*. М., с. 73.
 ПАНКРАТОВА, В.А. (1981): *Оперные либретто. Краткое изложение содержания опер*. Том 1. Москва, с. 182.
 ШИРИНЯН, Р. (1980): *Оперная драматургия Мусоргского*. М., с. 238–269.
 ШУМСКАЯ, Н. (1952): *Сорочинская ярмарка М. П. Мусоргского*. М., с. 18–40.

НАТАЛЬЯ СУЖАЕФФ

Франция, Париж

«РУКА» В РУССКИХ И ФРАНЦУЗСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ

ABSTRACT:

“Hand“ in Russian and French Phraseological Units

Facts of the general and the different in the system of phraseological units with somatony “hand” in Russian and French are exposed to the analysis in the article. Comparative research of phraseological units allows to develop typology of compliances, having paid special attention to the lexicon lacking equivalents.

KEY WORDS:

Comparative phraseology – somatony “hand” – typology of compliances – Russian and French languages.

I. Соматический код и его место в национальных культурных пространствах

Соматический (телесный) код, являясь универсальным для всех членов человеческого сообщества, во многих национальных культурах занимает центральное положение [Гудков 2007: 72]. Размышления над собственным телом, его строением и границами издавна служили источником для восприятия пространства и времени. О соматичности восприятия мира свидетельствуют старинные меры длины, объема и веса, существовавшие у разных народов (у русских: *пядь*, *аршин*, *локоть*, *сажень*, *горсть*, *пригоршня*, у французов: *un pied* [ступня], *une coude* [локоть], *une poise* [палец]). С конкретными частями человеческого тела связана и локализация определенных человеческих качеств: *голова* в большинстве культур воспринималась как сосредоточие разума, *сердце* – как вместилище «тонких» чувств (любви, тревоги, радости), *ноги и руки* ассоциировались с быстротой и ловкостью. Видение мира через призму антропоцентризма нашло отражение и в языке. С одной стороны, это универсальные метафоры со стершейся к нашему времени образностью (*нос корабля*, *ручка кружки*; *le nez de l'avion* [нос самолета], *les dents du peigne* [зубья расчески], *le bras du fauteuil* [ручка кресла]). С другой, – фразеологизмы, включающие в свой состав соматические компоненты. Относясь к разряду «культурно-

специфичных» явлений [Вежбицкая 1999: 270], соматические фразеологизмы распространены в большинстве языков. В центре нашего анализа – фразеологизмы со словом *рука* в русском и французском языках.

II. Рука: некоторые анатомические и семантические уточнения

В русском языке слово *рука* понимается достаточно широко. Если мы обратимся к словарным определениям, то обнаружим, что *рука* толкуется и как «верхняя конечность человека от плечевого сустава до кончиков пальцев» (*заложить руки за спину, скрестить руки*), и как «конечность от запястья до кончиков пальцев» (*мыть руки перед едой*), т.е. синоним слова *кисть* [Евгеньева 1999 3: 737]. Происходит своего рода «наложение» одного понятия на другое, и *рука* в визуальном употреблении, по сути, вытесняет более точное с терминологической точки зрения слово *кисть*. Во фразеологизмах анатомическое деление (*рука* и *кисть*) также не находит отражения, и слово *рука* является универсальным (*ухватиться обеими руками и поднять руку*), тогда как слово *кисть* в составе фразеологических оборотов не встречается вообще¹. Впрочем, в этом наблюдается четкий параллелизм со словами *нога* и *ступня*: первое является универсальным и входит в состав фразеологических оборотов (*наступить на ногу, бежать со всех ног*), тогда как второе – нет.

Иначе обстоит дело во французском языке. Верхняя конечность от плечевого сустава до запястья обозначается словом *bras*, конечность от запястья до кончиков пальцев – словом *main*. Иначе говоря, понятие *bras* (*рука*) не перекрывает, как в русском языке, понятие *main* (*кисть*), а существует независимо от него, параллельно с ним. Этот принцип сохраняется и на фразеологическом уровне. Фразеологизмы со словом *bras*, хотя и менее частотны, чем фразеологизмы со словом *main* (по нашим подсчетам, основанным на данных словарей, они соотносятся как 1: 4), формируют собственную, автономную систему. Независима от них система фразеологизмов со словом *main*. И лишь в редких случаях они пересекаются, образуя синонимичные параллели типа *main de Dieu – bras de Dieu* [*рука божья, провидение*]. Подобное разграничение распространяется и на обозначения нижних конечностей. С одной стороны, во французском языке имеется слово *jambe* [*нога*], с другой, – *pied* [*ступня*]. Первое соотносимо со словом *bras* [*рука*], второе – со словом *main* [*кисть*]. Об указанном параллелизме, равно как и о сегрегации терминов, свидетельствуют и фразеологизмы типа *couper bras et jambes* [*лишить возможности действовать; привести в отчаяние*], *faire des pieds et des mains* [*использовать все средства*]. На уровне фразеологии, как и в случае с верхними конечностями, каждое из слов *jambe* и *pied* формирует автономные системы.

¹ Заметим, что в русском языке есть также просторечное слово *лапа*. На чисто лексическом уровне применительно к человеку оно может обозначать как *руку*, так и *ногу* большого размера [Евгеньева 1999 4: 163]. Ср.: *протянуть лапу* и *ступать огромными лапами*. На фразеологическом уровне *лапа* выступает исключительно в качестве синонима к стилистически нейтральному слову *рука* в его широком понимании: *дать на лапу, лапу сосать, лапы загибающие, запустить лапу, наложить лапу, понасть (угодить) в лапы, быть в лапах, писать, как курица лапой*.

Учитывая сказанное, настоящее исследование строится на анализе фразеологизмов со словом *рука* в русском языке и со словами *bras* и *main* – во французском. Сопоставительный характер исследования, неоднозначность подходов к термину «фразеологизм» в обоих языках обусловили включение в корпус как фразеологизмов в узком смысле слова (идиом, характеризующихся относительной устойчивостью, воспроизводимостью в готовом виде, целостным значением и экспрессивностью), так и некоторых устойчивых составных терминов, номенклатурных словосочетаний, которые либо в какой-то мере претерпели фразеологизацию, либо стали основой для образования «чистых» фразеологизмов².

III. Фразеологизмы со словом *рука*: типология соответствий

Сопоставительный анализ фразеологических единиц в русском и французском языках позволяет выделить две непропорциональные в количественном отношении группы:

Фразеологические единицы, имеющие фразеологические эквиваленты в другом языке

1. Фразеологические единицы, не имеющие фразеологических эквивалентов в другом языке

Первая группа: Фразеологические единицы, имеющие эквиваленты в другом языке

Эта группа весьма многочисленна и разнообразна. В её составе выделяются:

1.а. Фразеологические тождества

Фразеологические тождества характеризуются одинаковым значением, структурным единообразием, совпадением в стилистической характеристике и сочетаемости форм. Несколько примеров такого рода параллелей: *брать голыми руками* (прост.) – *prendre qqn., qqch. à mains nues* (прост.), *брать себя в руки* – *se prendre en mains*, *быть в плохих (хороших) руках* – *être en mauvaises (bonnes) mains*, *добиться руки* – *obtenir la main*, *золотые руки* – *des mains en or*, *несчастливая рука* (прост.) – *avoir la main malheureuse* (прост.), *опустить руки* – *baisser les bras*, *поднимать руку* – *lever la main*, *подписываться обеими руками* (прост.) – *signer des deux mains* (прост.), *попасть в руки* – *tomber entre les mains de qqn.*, *попасть в плохие (хорошие) руки* – *tomber en de mauvaises (bonnes) mains*, *попасть под руку* – *tomber sous la main de qqn.*, *правая рука* – *le bras droit* и т.д.

1.б. Фразеологические эквиваленты

Фразеологические единицы, входящие в эту группу, разнородны.

С одной стороны, выделяются фразеологические единицы с одинаковым или близким значением, практически эквивалентные по форме. Их различие обусловлено спецификой грамматического строя каждого из языков. Оно про-

² Ограниченные рамками публикации, мы оставили за рамками настоящего исследования целый ряд вопросов, например, выбор моделей при построении фразеологизмов в русском и французском языках, варьирование фразеологических единиц, разграничение синонимов и вариантов и др. Они станут предметом дальнейших публикаций.

является, например, в закреплении в составе фразеологизмов разных форм **числа** (*брать в руки* ^{мн.число} – *prendre en main* ^{ед.число}, <получать, узнавать> *из вторых рук* ^{мн.число} – <*apprendre, recevoir*> *de seconde main* ^{ед.число}, *руки чешутся* ^{мн.число}(прост.) – *la main lui démange* ^{ед.число}(прост.)), **залога** (*умывать* ^{невозврат.глагол} *руки* – *s'en laver* ^{возврат.глагол} *les mains*, *помогать* ^{невозврат.глагол} *руки* – *se froter* ^{возврат.глагол} *les mains*), в различном **синтаксическом управлении** (<приходить, уходить> с *пустыми руками* – <*arriver, partir*> *les mains vides*, *просить руки* – *demander sa main à qqn.*), в использовании **разных способов номинации** (*протягивать руку помощи* ^{сущ.} – *tendre une main secourable* ^{прил.} à *qqn.*, <ждать, сидеть> *сложь* ^{дееприч.} *руки* – <*attendre, rester*> *les bras croisés* ^{прич.}) и т.д.

С другой стороны, эквивалентными в семантическом плане могут быть разноструктурные фразеологические единицы. Различная образная основа закладывается в процессе исторического развития словарного состава каждого из языков. Несколько примеров: *mettre les mains jusqu'au coude* (разг.) [дословно: опустить руки до локтей] – *уйти по уши в какую-либо работу*, *avoir la parole à la main* [дословно: иметь слово на руке] – *язык хорошо подвешен*, *se donner la main* [дословно: взяться за руки] – *два сапога пара*, *avoir des mains de beurre* [дословно: иметь руки в масле] – *руки-крюки*, *avoir les mains gluantes* [дословно: иметь липкие руки] – *иметь рыльце в пушку*, *déménager à la cloche de bois* [дословно: переехать в деревянный колокол] – *сделать ручкой*, *исчезнуть*, *не расплатившись* и т.д.

В отдельную группу могут быть выделены фразеологические единицы с одинаковым значением, образованные по аналогичной или близкой модели, имеющие схожую образную основу, однако отличающиеся лексическим составом. См.: *давать по рукам* – *donner sur les doigts à qqn.* [давать по пальцам], *легкая рука* – *avoir la main heureuse* [счастливая рука], *отбиваться от рук* (прост.) – *glisser des mains de qqn.* (прост.) [выскальзывать из рук], *обагрять руки в крови* – *tremper ses mains dans le sang* [погружать свои руки в кровь], *играть на руку* – *faire le jeu de qqn.* [делать чью-то игру], *мастер на все руки* – *homme à toutes mains* (прост.) [человек на все руки], *твердая рука* – *avoir la main lourde* [тяжелая рука].

Наконец, тождественные или близкие структурно фразеологические единицы могут расходиться в значении. Так, в русском языке выражение *лёгкая рука* используется по отношению к человеку, который удачно ведет какое-либо дело, к тому, кто приносит удачу. Во французском языке то же самое выражение *avoir la main légère* имеет несколько значений «быть снисходительным к подчиненным», «легко и быстро работать», «быть драчливым», ни одно из них не связано с удачей³. Семантическое расхождение обнаруживается и в параллелях *прикладывать руку* (неодобрительно) «быть причастным к чему-то нехорошему» – *mettre la main* [участвовать лично], *под рукой* «рядом, в непосредственной близости» – *en sous-main* [секретно, втайне, тайком],

³ В значении «тот, кто приносит удачу» французы употребляют выражение *avoir la main heureuse* [иметь счастливую руку].

руки опускаются (от отчаяния) – *les mains m'en tombent* [у меня руки опускаются] (от удивления).

Вторая группа: Безэквивалентные фразеологические единицы

Наличие в русском и французском языках фразеологических единиц, не имеющих соответствующих эквивалентов в одном из сопоставляемых языков, – закономерное явление. Значение этих фразеологизмов передается другим языком описательно. См., например, во французском языке: *partir de la main* [быть услужливым, обязательным], *mettre la main au plat* [отведать, попробовать], *perdre la main* [потерять сноровку, навыки], *avoir la haute main sur qqch.* [обладать полной властью], *enfant de la main gauche* [ребенок, рожденный вне брака], *<falloir, mettre> l'huile de bras* [приложить большие физические усилия], *bras cassé* [ничтожество, лентяй]. В русском языке: *как без рук, на живую руку, плыть в руки, не с руки, всплещивать руками, носить на руках*. Подобные фразеологизмы – названия реалий, ритуалов, обрядов, нехарактерных для другой культуры. Уникальность образного материала создается включением в их состав, наряду с нейтральными словами, историзмов, диалектизмов, жаргонизмов, профессионализмов, архаизмов. «Недостаточность» фразеологического уровня может компенсироваться в другом языке наличием нескольких лексических соответствий. См., например: *не с руки – ça me gêne* и *je ne m'en sens pas capable*, *как без рук – sans lui elle n'est capable de rien*, *sans lui elle est perdue*, *sans lui elle ne peut rien faire*. В ряде случаев синонимичные конструкции принадлежат к разным стилям: *плыть в руки – la chance lui sourit* (книж.), *tout lui réussit* (книж.), *tout baigne dans l'huile pour lui* (разг.), *носить на руках – faire tout pour qqn.* (книж.), *se décarcasser pour qqn.* (разг.).

Использованная литература:

- БИРИХ, А. К., МОКИЕНКО, В. М., СТЕПАНОВА, Л. И. (2007): *Русская фразеология. Историко-этимологический словарь*. СПб.: «Астрель».
- ВЕЖБИЦКАЯ, А. (1999): *Семантические универсалии и описание языков*. М.: «Языки русской культуры».
- ГАК, В. Г., МУРАДОВА, Л. А. (2006): *Новый большой французско-русский фразеологический словарь*. М.: «Русский язык – Медиа».
- ГУДКОВ, Д. Б., КОВШОВА, М. Л. (2007): *Телесный код русской культуры: материалы к словарю*. М.: «Гнозис».
- ЕВГЕНЬЕВА, А. П. (1999): *Словарь русского языка: В 4-х т.* М.: «Русский язык».
- KRAVTSOV, S. (2005): *Dictionnaire russe-français des locutions idiomatiques équivalentes*. L'Harmattan.
- REY A., CHANTREAU, S. (2007): *Dictionnaire des expressions et locutions*. Le Robert, Coll. Les Usuels.

МАРГАРИТА ХАБИБУЛЛИНА

Россия, Екатеринбург

«КИТАЙСКИЙ ТЕКСТ» В РОМАНЕ Д. А. ПРИГОВА «КАТЯ КИТАЙСКАЯ»¹

ABSTRACT:

The “Chinese Text” in Prigov’s Novel “The Chinese Kate”

The article deals with the problem of so called “chinese text”. D. A. Prigov’s novel “The Chinese Kate” was chosen as the material for research. The structure and means of representation of “chinese text” are analyzed in the article. Special attention is devoted to monsters as a traditional symbol of Prigov, the artist. In this novel monsters are represented by chinese dragons.

KEY WORDS:

Image – the “chinese text” – China – chinese culture – monster – dragon.

Роман Д. А. Пригова «Катя китайская» завершает трилогию, каждая часть которой посвящена какому-либо топосу. Так, в «Кате китайской» актуализируется образ Китая, в центре автобиографического романа «Живите в Москве» – родная для Пригова столица, о поразившем его путешествии в Японию повествует роман «Только моя Япония».

На страницах последнего из перечисленных романов Пригов в присущей ему поэтично-игровой манере описывает созданные географические образы: «Никакие Японии не могут удовлетворить это страстное и все возрастающее, разгорающееся, самовоспламеняющееся, уничтожающее все и любое как неистинное в яростном порыве, неким образом немогущем реализовать и удовлетворить чистое желание ее. На то способна только, единственно, умопостигаемая Япония, потому что она сразу уже есть даже Япония в квадрате. То есть все, что есть Япония вместе со всем, что и не есть Япония и вовсе есть не Япония, захватывая рядом и нерядом лежащее. То есть она уже не есть Япония. Вернее, есть не Япония, но возможность Японии в любых обстоятельствах

¹ Статья подготовлена в рамках научного проекта «Стратегии трансгрессии в современной русской литературе» (Грант Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук МК-79.2003.6).

и точках пространства» [Пригов 2011: 9]. Данное утверждение, с одной стороны, характеризует свойственное Пригову образно-географическое видение мира; с другой, оно весьма точно и тонко улавливает сущность такого явления, как «сверхтекст». Так, романы Пригова являются ценным материалом для исследования на их основе актуальных в сегодняшнем литературоведении метатекстовых образований.

Следует оговориться, что в нашей работе мы используем то понятие «сверхтекста», которое было разработано В. Н. Топоровым на материале «Петербургского текста» русской литературы. Настоящая статья представляет собой часть обширной работы, где исследуются структура и способы репрезентации «китайского текста» в произведениях самых знаковых фигур современного литературного процесса. в статье разрабатываются основы «китайского текста» на материале романа Д. А. Пригова «Катя китайская».

Роман «Катя китайская», основан на биографическом опыте жены писателя – Надежды Буровой. Это «биография девочки из эмигрантской семьи, полурусской-полуангличанки, выросшей в Китае. Это ее воспоминания, и параллельно им – ее возвращение в постсталинскую Россию, куда она едет на поезде» [Решетников 2005]. Эти воспоминания даны через модус безличного повествования, но в речевой зоне героя-повествователя, параллельно вспоминающего о своем советском детстве, что привносит особую лирическую интонацию в роман, отвечающую медитативности и умиротворенности китайской культурной традиции.

Актуализируя «китайский текст» русской литературы, Д. А. Пригов обращается к самым экзотическим для европейского сознания знакам китайской культуры, быта, верований и мифологии. При вполне реалистичном хронотопе приговский Китай перенаселен мифологическими существами.

Согласно тому, что китайская мифология формировалась на тотемистических представлениях, такими существами становятся животные-покровители. Во-первых, это священные животные Китая – дракон, тигр и черепаха. Во-вторых, в Китае существовал культ животных, широко представленных в народных сказаниях, поэтому на страницах книги появляются змеи, лисицы и обезьяны. Кроме того, в романе Пригова ярко изображен китайский священный пантеон, включающий в себя всевозможных злых и добрых духов, бесов, персонажей «низшей мифологии», культурных героев и т.д.

Перечисленные существа несут на себе печать культуры Китая, т.е. выступают в качестве знаков иной, экзотической для европейцев культурной среды.

Особого внимания среди целого конгломерата китайских маркёров заслуживают традиционные, как для художественного, так и для поэтического творчества Пригова образы монстров.

Если в стихах Пригова монстр чаще всего представлял собой «сухой остаток» идеологии» [Голышко-Вольфсон 2010], то в романах, по мнению Дмитрия Голышко, «фигура приговского монстра может быть прочитана как зловещее выражение Другого» [Голышко-Вольфсон 2010], с чем невозможно не согласиться.

Для романа Пригова принципиально важна категория монстра как культурно Иного, т.е. как «чрезмерное, раздутое «тело культуры» [Голынкин-Вольфсон 2010].

Среди монстров чаще всего на страницах романа появляются драконы. В мифологических воззрениях древних китайцев именно дракон играл центральную роль: «В иерархии китайских божеств дракон занимал третье место после неба и земли... Драконы почитались как олицетворения и покровители водной стихии – рек, источников, озер, дождя и прочего, то есть как «хозяева природы» [Китайская мифология 2007], непосредственно от которых зависел урожай, а следовательно, и благополучие жителей Китая. В современном сознании как европейцев, так и самих китайцев дракон является главным символом Поднебесной.

В «китайском тексте» Пригова дракон также повелитель вод, и героиня романа встречается с ним, упав в реку: «Почти стеклянное застывшее стояние. Состояние случившейся в данный момент вечности. Ничто, вопреки обыденному представлению не текло и не изменялось. Даже присутствие местного чудища из семейства великих драконов обнаруживалось только по мелкому мгновенному перебиранию, перебеганию, пробеганию ряби мельчайшего белого донного речного песка» [Пригов 2007: 30].

Девочка попадает в неизведанный, запредельный мир «неподвижного водяного колокола». «Образ *неведомого*... включает неизбежное столкновение с монстром, нередко предстающим в традиционных символических ипостасях» [Голынкин-Вольфсон 2010], в данном случае в ипостаси дракона.

В представленной сцене всецело реализуется приговская поэтика монструозности. Монстры «вторгаются в реальность в момент обнаружения и обострения непреодолимых базовых различий» [Голынкин-Вольфсон 2010]. Так, девочка, упав в воду, попадает из мира реальности в «мир других мерностей и преломлений» [Пригов 2007: 32], знаком которого является метафизическое существо – дракон. Но девочка, несмотря на свою принадлежность к той, наземной реальности, не ощущает различий между собой и открывшимся ей запредельным подводным космосом: «Страха не было. Девочка сразу же ушла почти под самую середину восьмиметровой речной глубины. Вокруг все светилось и искрилось. Вода была на удивление теплая. Ласковая даже. Почти телесной температуры, так что с трудом пролагалась мысленная, вернее, в первую очередь, чувственная граница, так сказать водораздел воды и тела. Казалось, тело расширяется до размеров и расстояний всей водяной массы реки» [Пригов 2007: 26].

«Проза Пригова постоянно сталкивается с элементами, несущими различие только как мелкую рябь, под которой торжествует стихия сходства, неразличения» [Ямпольский 2010; 208], – утверждает М. Ямпольский. То есть приговская поэтика характеризуется тождественностью сходства и различия, указанием на которую и является монстр: монстры Пригова «указывают на непрерывное стирание границ между человеческим и нечеловеческим, а также на потенциальную невозможность установить сходство и различие между посюсторонним и трансцендентным» [Голынкин-Вольфсон 2010]. Соглас-

но этому, девочка не испытывает страха, как перед чем-то неизвестным, ни перед стихией воды, поглотившей ее, ни перед ее монструозным обитателем «из семейства великих драконов», более того, отмене подвергается сама граница между монстром и человеком. Дракон наделяется человеческими чертами: «томными, темно-малахитовыми, почти девичьими глазами». в человеке обнаруживается сходство с драконом: «Китаец с непомерно длинными тощими усами, кончающимися почти одним-единственным скудным волоском, как в ноздре того самого донного дракона...» [Пригов 2007: 32].

Таким образом, происходит стирание границ между обыденным и трансцендентным, человеческим и монструозным. В рамках «китайского текста» данное положение является аллюзивной отсылкой к восточным религиям, проповедующим всепроникающее единство.

Проницаемыми оказываются не только высшие, онтологические, но и вполне формальные – государственные – границы: путь девочки из Китая в Россию сопровождается новой встречей с монстром. Китайские монстры и монстры российские обладают схожими чертами и несут одну семантику – чужести, ибо являют собой Другого, одинаково ужасного и притягательного.

Таким образом, в художественном мире романа стираются различия между Китаем и Россией, в результате чего создается единое гротескно – фантастическое пространство, в котором смешивается не только два государства, но и то реальное и метафизическое, что в них существует. Несмотря на отмену границ, в любой части этого фантастического мира девочка ощущает себя чужой: в Китае она «неистребимо русская» [Пригов 2007: 159], в России чувствует себя «бесталанным китайским ребенком, безуспешно предлагаемым первому встречному» [Пригов 2007: 232]. И для читателя она тоже оказывается не совсем познанной. Этим объясняется и подзаголовок романа: «Чужое повествование». Во-первых, это «чужое повествование» для героя, поскольку содержание романа – воспоминания Другого – девочки, глубоко личностно окрашенные, словно поведенные некогда самой героиней, а теперь произвольно всплывающие в памяти повествователя. Во-вторых, повествование чужое для героини, поскольку ее личный опыт передан через призму миропонимания героя-повествователя, что подтверждается безличным типом повествования. Однако такое двойное «чужое повествование» здесь вовсе не означает «чуждое», это доказывается проходящими через всю книгу перекличками в воспоминаниях героев.

Биографическая основа романа, а также та особая лирическая тональность, с которой переданы воспоминания героев, отвечают медитативности «китайского текста». Но, несомненно, противоречат привычному образу Пригова-поэта-концептуалиста, разыгрывающего чужие роли и примеряющего всевозможные маски для создания своего героя-симулякра.

По мнению И. Кукулина, первостепенное значение приговских романов заключается в том, что они «выводят на свет» рефлексию и деконструкцию проблематики русского модернизма» [Кукулин 2010: 568]. То есть, следуя логике Кукулина, взгляд Пригова обращен назад, к опыту модернистов, и его рома-

ны представляют собой различные вариации взаимодействия модернистской и постмодернистской парадигм.

Мы, однако, склонны считать, что романом «Катя китайская» Пригов контурно обозначает ближайшие перспективы в развитии русской литературы. При этом автор следует сформированной им стратегии творческого поведения: «Когда я пишу, я предполагаю и полагаю, что некое культурно-стилистическое явление состоялось. Я пишу пост. Иногда приходится моделировать состоявшееся явление» [Пригов, Шаповал 2003: 16]. Таким образом, Пригов создает модель романа, плохо вписывающегося не только в его перформансивное творчество, но и постмодернистскую парадигму в целом, тем самым отождествляя приставки пост- и прото- и намечая начало нового периода русской словесности.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- ГОЛЫНКО-ВОЛЬФСОН, Д. (2010): *Место монстра пусто не бывает (Божественное и чудовищное в теологическом проекте Д.А. Пригова)* [Электронный ресурс] – Режим доступа: magazines.russ.ru/nlo/2010/105/dm23-pr.html (дата обращения: 28.05.2013).
- КИТАЙСКАЯ МИФОЛОГИЯ (2007): энциклопедия [Электронный ресурс] / сост. Кирилл Королев – Режим доступа: <http://lib.rus.ec/b/183485/read> (дата обращения: 13.03.2013).
- КУКУЛИН, И. В. (2010): *Явление русского модерна современному литератору: четыре романа Д. А. Пригова* // Неканонический классик: Дмитрий Александрович Пригов (1940–2007): Сб. статей и материалов / Под ред. Е. Добренко, М. Липовецкого, И. Кукулина, М. Майофис. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – С. 566–611.
- ПРИГОВ, Д.А. (2007): *Катя китайская (Чужое повествование)*. Новое литературное обозрение. М.
- ПРИГОВ, Д. А. (2011): *Только моя Япония (непридуманное)*. Новое литературное обозрение. М.
- ПРИГОВ, Д. А., ШАПОВАЛ С. И. (2003): *Портретная галерея Д.А.П. Новое литературное обозрение*. М.
- РЕШЕТНИКОВ, К. (2005): Д. А. Пригов: «Я живу в еще не существующем времени» [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.peoples.ru/art/literature/poetry/contemporary/prigov/interview1.html> (дата обращения 23.09.2013).
- ЯМПОЛЬКИЙ, М. (2010): *Высокий пародизм* // Неканонический классик: Дмитрий Александрович Пригов (1940–2007): Сб. статей и материалов / Под ред. Е. Добренко, М. Липовецкого, И. Кукулина, М. Майофис. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – С. 181–251.

ЕКАТЕРИНА ВЛАДИСЛАВОВНА ШЕВЕНЛУ

Россия, Екатеринбург

СИТУАЦИЯ ПРЕОДОЛЕНИЯ ГРАНИЦ В ЛИРИЧЕСКОЙ КНИГЕ В. ПАВЛОВОЙ «ВЕЗДЕСЬ»¹

ABSTRACT:

The Situation of Overcoming the Borders in the Lyric book V. Pavlova “Вездесть”

A recurrent theme in the section “Arbatsko-Pokrovskaya line” – search heroine of this Moscow. The image of the metro multilayered, semantically rich. This and the way of movement of the heroine of the city outside the city; this and the projection to the space of the situation of self-identification, this model of the human being, is a metaphor for life.

KEY WORDS:

Metro – search of Moscow – connection of the heterogeneous – multi-layered image.

Вера Павлова – одна из самых ярких представительниц современной поэзии, основная тема которой – любовь. Ее творчество связано с лирической циклизацией, и в первую очередь с созданием лирических книг. На сегодняшний день этих книг у неё 18: «Интимный дневник отличницы», «Совершеннолетие», «Мудрая дура», «Либретто» и др.

Лирическая книга, или книга стихов, – это совокупность произведений, составляющих идейное и художественное единство. Главный принцип книги стихов – это наличие централизующего начала, которое скрепляет отдельные произведения. Необходима определенная последовательность стихотворений, в которой выражается авторская индивидуальность и воплощается особый метасюжет; необходим особый рамочный комплекс, куда, в частности, входит и деление на разделы. Согласно Мирошниковой, «Книга стихов – циклическая метаструктура в лирике – является системным художественным образованием, материально-образным воспроизведением либо одного из основных, либо совокупности доминирующих в определенный период лейтмотивов и темати-

¹ Статья подготовлена в рамках научного проекта «Стратегии трансгрессии в современной русской литературе» (Грант Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук МК-79.2013.6).

ческих комплексов поэта, в которых отражены его концепция мира, специфика миропереживания» [Мирошникова 2002: 25].

Метасюжет книги «Везде» фактически не рассмотрен, это открывает перспективу для дальнейших исследований. Предположим, что в этой книге Павлова пытается осмыслить формулу любви, её основные составляющие. В пользу этого говорят многочисленные мотивы арифметических действий – сложение, вычитание, умножение, деление.

Героиня книги ощущает себя на стыке неба и земли, то есть ощущает свою тесную связь с божественным (отсюда её талант поэта) и земным (любовь к мужу). Её место в книге – между Богом и женщиной. Не случайно и называется книга «Везде».

Книга состоит из 5 разделов, 4-ый раздел «Арбатско-Покровская линия» является полностью прозаическим, что выделяет его среди других и указывает на значимость в контексте книги. Название разделу дала Арбатско-Покровская линия – это самая протяженная линия московского метрополитена. Восточная часть ее («Щёлковская» – «Партизанская») любопытна тем, что одна из станций – «Измайловская» – является наземной, то есть она соединяет земной и подземный топосы, что также поддерживает идею соединения, акцентированную в названии и мотивной структуре книги. В раздел включено 16 четко очерченных фрагментов, которые имеют названия и не совпадают с количеством станций метро данной ветки, общее количество которых равно 22.

Раздел имеет подзаголовок «Стансы». Слово «стансы» и происходит от итальянского stanza – станция, стоянка, комната, остановка. Стансам как жанру свойственны «преобладание раздумья над переживанием», сосредоточенность мысли, завершенность и отточенность ее в конце каждой строфы, переход к следующей строфе как новой ступени раздумья, в итоге – вывод в заключительной строфе, звучащий как выход [Пронин]. Как отмечает Пронин, завершенность каждой строфы выражается в обязательности самостоятельных рифм, не повторяющихся в других строфах и в запрещении смысловых переносов из одной строфы в другую.

Но это черты поэтических стансов, а у Павловой стансы прозаические. Если смотреть формально, то на стансы эти отрывки делает похожим деление на станции-остановки, начиная со станции метро «Щелковская» и заканчивая аэропортом «Шереметьево-2», а также воссоздание процесса размышления. Фрагменты связаны друг с другом по смыслу и деталями (например, в 7 и 8 фрагментах говорится о дверях, во 2 и 4 – о земле), но всё же при чтении возникает ощущение фрагментарности, дискретности: возможно, потому, что по смыслу и ассоциативно связываются далеко стоящие, а не соседние тексты. И, кроме того, в тексте раздела чередуются фрагменты-наблюдения (например, в 4 фрагменте героиня фиксирует, что собака зашла в вагон) и фрагменты-рассуждения (например, размышление о том, почему в Москве все время роют). Всё это диктует специфику стиля – стиль научного рассуждения соединяется со стилем разговора. Итак, и стилиевые особенности, и соотношение текстов внутри раздела поддерживает идею соединения разнородных начал: разговорного и научного стилей; дискретности и связности как черт повествования; наблюдения и рассуждения как типов текста.

Возникает вопрос: можно ли говорить о метасюжете данного раздела, в котором фрагменты пронумерованы, то есть представляют собою цикл? Скорее всего, да. Предположим, что Сквозной сюжет этого раздела – поиски героиней Настоящей Москвы, приобретающие форму игры в шпионов, которая узнается в ситуации выслеживания чужих и своих: *«На первый взгляд кажется, что эти автоматы пропускают всякого, у кого есть жетон или карточка. На самом деле они просвечивают наши внутренности специальным лучом, чтобы задержать генетически чужих <...> А еще чужие выдают себя, сходя с эскалатора: они заранее поднимают ногу и почти перепрыгивают, как со льдины на льдину. А москвичи соскальзывают с эскалатора, как с ледяной горки»* [Павлова 2002: 85]; а также в упоминании о конспирации: *«Рюдигер, немец, по-английски: «Почему в московском метро линии разных цветов, а вагоны – только зеленые?» А для того же, для чего станции переименовывают: для конспирации»* [Павлова 2002: 86].

Поиски Настоящей Москвы начинаются с утверждения во 2 фрагменте, что она под Москвой: *«А где еще искать в Москве Москву, если не под Москвой?»* [Павлова 2002: 85]. Затем в 5 фрагменте говорится о том, что *«... есть Москва и есть город Москва, и мало между ними общего»* [Павлова 2002: 85]. Заглавие раздела – Арбатско-Покровская линия – направляет процесс ассоциаций воспринимающего: мы понимаем «под Москвой» как ниже Москвы, под нею. В 10 фрагменте обращается внимание на то, что даже *«... иностранцы знают, что в метро, где ни снимай, снимешь Москву. А в городе, где ни снимай, обязательно зацепишь какой-нибудь посторонний Москве предмет»* [Павлова 2002: 86]. Т.е. те, кто хочет увидеть и познакомиться с подлинной Москвой, должны спуститься под землю. Границей между наземной и подземной Москвой является турникет, автомат, как он называется в тексте.

Однако, в предпоследнем фрагменте текста оказывается, что Павлова использует языковую игру, своеобразно обыгрывая многозначность выражения *«под Москвой»*, которое, с одной стороны, означает метро, а с другой стороны Подмосковьё.

Что значит Настоящая Москва для лирической героини? С одной стороны, в 15 фрагменте говорится о том, что Москва = Подмосковьё, которое ассоциируется у героини с миром детства, с чем-то прекрасным, добрым, живым, следовательно, это героиня и ищет – *«раньше у нас в Измайлове даже кузнечики были. и зелени столько, что из окон нашего первого этажа не было видно дома напротив, а во дворе можно было без помех играть в ролл»* [Павлова 2002: 88]. Также подтверждением этому может служить упоминавшийся ранее один из элементов счастливого детства – игра в шпионов; с другой стороны, выскажем это в порядке гипотезы – возможно, речь идет о «московском тексте» – то есть образе Москвы, который складывался в литературе на протяжении двух столетий. Согласно диссертационному исследованию Ольги Сергеевны Шуруповой с Москвой связаны сакральные мотивы: в тексте Павловой есть момент, намекающий на родство метро с Ноевым ковчегом: *«Голубь под сводом, библейски свидетельствующий, что земля близко»* [Павлова 2002: 85]. Нужно отметить, что птица – как и метро – часто встречающиеся образы в пределах Московского текста.

В пространстве Московского текста, в отличие от Петербургского, как отмечает в своей работе Шурупов, важную роль играет мотив счастья. В тексте книги «Везде» говорится о том, что метро – место встреч, причем, это мудрое пространство, которое не дает нежелательных встреч: «Случайные встречи в метро бывают, как правило приятными...» [Павлова 2002: 85]; место, где возможна резкая перемена к счастью: «И жизнь повернулась на 180 градусов» [Павлова 2002: 87].

Раз Настоящая Москва в метрополитене, то и Настоящие москвичи тоже там. В метро можно встретить любовника, бывшую учительницу, иностранцев, смердящего бомжа, нищих, пьяных, последних гораздо больше в метро, чем в городе. Здесь бомжи, нищие и пьяницы вплетены в общую жизнь. Это люди, находящиеся на периферии жизненного благополучия, это маргиналы.

В первых разделах книги, как уже говорилось, героиня озабочена проблемой личной самоидентификации: кто она? Жена? Земная женщина? Или, как поэт, принадлежит сфере небесной. По сути дела, Павлова подчеркивает в героине книги её положение на границе – «Везде», и в этом смысле героиню можно отнести к маргиналам. В частности, она сама признается, что иногда «... как-то сразу, обвалью устаешь, что хочется притвориться пьяной, привалиться к соседу и сделать вид, что сплю» [Павлова 2002: 87].

Вернемся еще раз к пространственно-временной организации раздела. Как уже говорилось, образ метро в «Арбатско-Покровской линии» объединяет мир земной и мир подземный, мир Москвы и Подмосковья. Последний же 16 фрагмент имеет название международного аэропорта «Шереметьево-2». Пространство, таким образом, распахивается, преодолевая пределы страны и охватывает и над-земье, небо. Таким образом, подземное, наземное и надземное сливаются в одно, и что всему этому можно дать одно определение – «метро». Примечательно, что ребенок путает названия «экскаватор» (наземная транспортная машина) и «эскалатор» (подземная транспортная машина).

Что касается времени, то в разделе упоминается детство в Измайлово, встреча в метро с одноклассником и бывшей учительницей, материнство – героиня с ребенком едет в метро, развод – встреча с бывшим мужем, новая любовь – встреча с любовником, полет за границу (подразумевается полет в Америку). Таким образом, вся жизнь лирической героини укладывается в поездку.

Итак, образ метро в книге Павловой «Везде» многослоен, семантически насыщен. Это и способ передвижения героини из города за город; это и проекция на пространство ситуации самоидентификации (героиня ощущает собственную маргинальность); это и модель человеческого бытия, метафора жизни: жизнь на земле, смерть и превращение в земной прах (под землей), воскресение (над землей).

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- МИРОШНИКОВА, О. В. (2002): *Определение книги стихов как жанрового и метажанрового образования* // Мирошникова, О. В. Лирическая книга: архитектоника и поэтика (на материале поэзии последней трети XIX века) учебное пособие по спецкурсу для студентов фил. ф-та. – Омск: МО РФ, Омский гос. ун-т.
 ПАВЛОВА, В. (2002): «Везде». ЗАХАРОВ Москва.
 ПРОНИН, В. А.: *Стансы – завидное постоянств* // Теория литературных жанров/Интернет-ресурс: www.gumer.info/.../Literat/Pronin/05.php

Вячеслав Иванович Шульженко

Россия, Пятигорск

ЮЖНАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУГА В ГЕОКУЛЬТУРНОЙ КОНЦЕПЦИИ ГОГОЛЯ

ABSTRACT:

South Orthodox Arc in the Geo-cultural Concept of Gogol

Russian classical literature is extremely rich in deep and original ideas concerned with different problems including Christian ones. Diary of a Madman by Nikolai Gogol is interesting as a highly uncommon attempt of the author to present metaphorically a geocultural concept of religious and spiritual constituent, the main idea of which is a special role of the Slavs in the European world.

KEY WORDS:

Christianization of Russian literature – geoculture – the Balkans – the Caspian Sea – the Caucasus – Pushkin.

Русская классика – неисчерпаемый кладень поражающих своей парадоксальностью глубоких и неоднозначных идей, многие из которых для современников оставались незамеченными и только спустя долгое время «открывались» в восприятии новых поколений читателей своей неожиданно оказавшейся столь очевидной ценностью, становясь нередко основой злободневного диалога или, во всяком случае, ставя перед ними вдруг обретшие социо-культурную значимость вопросы. Когда говорят, что христианизация русской литературы началась с Гоголя, почему-то исключают из списка его произведений, отмеченных этой печатью, дневниковую повесть «Записки сумасшедшего». Она вошла в изданный в 1835 году сборник «Арабески» с заголовком «Ключки из записок сумасшедшего», высоко оцененной тогдашними критиками не только за осмеяние чиновничье-бюрократического мира, но, прежде всего, за «уродливый гротеск», за «странную, прихотливую грезу художника», за «карикатуру, в которой такая бездна поэзии, такая бездна философии», за «эту психическую историю болезни, изложенную в поэтической форме, удивительную по своей истине и глубокости, достойную кисти Шекспира: вы ещё смеетесь над простаком, но уже ваш смех растворен горечью; это смех над сумасшедшим, которого бред и смешит, и возбуждает сострадание» [Гоголь 1938: 656].

В целом, признавая такую оценку вполне объективной и аргументированной, трудно сегодня признать ее исчерпывающей и окончательной, принимая во внимание отмеченный религиозно-духовный аспект творчества Гоголя. Думается, «Записки сумасшедшего» представляют несомненный интерес как весьма необычная попытка художника представить на метафорическом уровне некую геокультурную концепцию той самой религиозно-духовной компоненты. Правда, при этом Гоголя следует воспринимать в этой повести, скорее, мистиком, нежели христианским проповедником, пусть даже прав А. Синявский, он здесь «более религиозен», чем, к примеру, в той же «Божественной литургии».

В «Записках...», еще задолго до отъезда в Италию, где окончательно формируются теолого-мировоззренческие представления Гоголя, предпринята попытка осмысления особой роли славян в европейском континууме. Уже в наше время И. Валлерстайн введет понятие «геокультура», под которой понимался некоторый культурный способ организации мирового пространства с выделением обществ, разделяемых на «своих» и «чужих». Не политических «друзей» и «врагов», как это делал К. Шмитт, а именно культурно своих и культурно чужих, усваивающих определенные ценности и не усваивающих их. Так вот, в повести явно ощущается начало вот этого «прозрения» (другого слова не подберешь) способности славянских геокультур, не входящих в ядро собственно западной цивилизации, предложить ей свой геополитический проект, отстаивающий идею разделения мира на «своих» и «чужих».

Гоголь, естественно, опирается на исторические данные, свидетельствующие о том, что выход славян на европейскую авансцену начинается после того, как пала Гуннская держава Атиллы. Славяне из Прикарпатья, Среднего Подунавья и Приднепровья стремительно заселяют территории Прибалтики и Средиземноморья, а Балканы вообще стали на три четверти славянскими всего лишь за век. Вся область Македонии, примыкавшая к Фессалонике, называлась Славенией. Таким образом, балканская («склавенская») ветвь славян и кавказская, включавшая антов, славянская ветвь – две крайние точки географически маркированной дуги, сегодня включающей в себя страны с большим количеством приверженцев православия. Дуга берет начало на Адриатическом побережье Черногории, а затем, втягивая Грецию и Кипр, через Сербию, Македонию, Румынию, Молдавию, Украину, Грузию заканчивается на европейском Юге России (республика Северная Осетия – Алания, Краснодарский и Ставропольский края, Волгоградская и Астраханская области).

Исторической объективности ради заметим, что в 30–40-ые года XIX века особую актуальность приобретает «славянский вопрос», и русское геокультурное самоопределение перестало воспринимать греков, как это еще имело место быть в конце XVIII века, как нечто для себя органичное.

Гоголь, пожалуй, первым в отечественной литературе осознал самоценность художественного слова, его способность звучать вне смыслового контекста, в море «зауми», первым образцом которой в русской литературе стали «Записки сумасшедшего». Гоголь осознавал феномен дуги как пространства, не-

сущего новую для русского просвещенного сознания социопсихологическую и нравственную нагрузку. Коротко ее смысл заключается в том, что Гоголь оказался чрезвычайно восприимчивым к концептуальным альтернативам, определявшим динамику русской историософской мысли XIX века. Поиск секулярных и рациональных координат русского имперского пространства сделал его восприимчивым к нарождавшимся тогда идеям европейского национализма, замешанного из концептов национального суверенитета, единого национального тела и легитимации власти как воплощения национальной воли. Гоголь – один из первых среди русских писателей, адептов уваровской триады, противопоставляет в «Записках сумасшедшего» испанского короля русскому царю, который становится у него Христом на земле, исполненным деятельной любовью к человечеству и отдающим за него свою душу. Своей мечтой о православном фронтире Гоголь хотел бы картографировать территорию истинной веры, где христианские законы действовали бы во всех областях жизни – от частной до государственной. Не случайно мир видится Поприщину во власти демонических сил, он точен в передаче вторжения дьявола в жизнь человека.

Только на первый взгляд поприщинская онтология без времени и вне пространства не имеет своего хронотопа. Он есть, включая в себя столь пленивший впоследствии Бродского и, казалось бы, нарушающий временные ориентиры, но на самом деле лишь символизирующий вечность окказионализм «мартобря» и страны мира: Китай, Испания, Франция, Англия. Но среди них назван всего лишь один по-настоящему реальный географический объект – Каспийское море. Не менее значима и другая этнографическая деталь – русские избы, что видятся герою на оси между Италией и Каспийским морем. «Дом ли то мой синее вдали? Мать ли моя сидит перед окном?», – вопрошает гоголевский герой, вводя образ оплакивающей сына Богоматери и впервые, возможно, на метафорическом уровне предвосхищая то, что будет уже в наше время определяться как Южная православная дуга. Гоголь прозрел образующие ее причинно-следственные связи, несмотря на разбег, от Италии до родной избы, с сидящей перед окном матерью. Пусть между ними провал, но, несмотря на мифологичность, это все равно пространство, в котором существует герой и которое есть, пока он в нем обретает. Да и все возникающие в тексте явные и метафорические координаты ориентированы на восприятие этой дуги, особенно когда герой вдруг обозначает ее восточную оконечность: «Люди воображают, будто человеческий мозг находится в голове; совсем нет: он приносится с ветром со стороны Каспийского моря» [Гоголь 1990: 149]. «Так отчего ж Каспийского, а не Черного или Балтийского?» – задается вопросом Д. Замятин. Гоголь и сам не знает, но как писатель он тонко чувствует парадокс фразы: потому что именно там, откуда дуют каспийские ветры, никакого «мозга» да и вообще мыслей, которые могли бы образовать некий ветер, быть не может; там только мелководье, тростники, птица да осетры, пустыня, солончак, глина, чужбина и бессмысленный горизонт в расплавленной золотой дали [Замятин 2000: 356].

Гоголь, возвеличивавший всем своим творчеством Днепр как крещенскую купель, так и не смирившийся с «волжским» вектором русской цивилизации, представлял Каспий вырождаком Волги, плещущимся на дне невиданной в мире геологической впадины – территорией безумия. В связи с этим вряд ли стоит определять как трагически бессмысленное финальную фразу «Записок»: «А знаете ли, что у алжирского дея под самым носом шишка?» Здесь же прямая связь со странницей Феклушей из «Грозы» А. Н. Островского, рассказывающей доверчивым жителям Калинова о странах, «где все люди с пёсыми головами», «где и царей-то нет православных, а салтаны землей правят» и «не могут они ни одного дела рассудить праведно», ибо «у нас закон праведный, а у них неправедный» [Островский 1986: 117]. В отличие от Поприщина, Феклуша – стихийный апологет православного мира/дуги, четко очерчивающая ее границы. У Феклуши и железная дорога, которой восторгается Поприщин, уже «огненный змий», которого «стали запрягать», и времена, которое «стало в умалении приходиться». Пьесу Островского сближает с гоголевскими «Записками» и своеобразная народная космогония. Для прогуливающихся в «Грозе» калиновцев Литва «с неба упала», а Поприщина крайне возбудило известие о том, что «завтра в семь часов совершится странное явление: земля сядет на луну».

Есть все основания предполагать, что называющая себя убеждённой христианкой Е. Чудинова, автор написанного с чисто православных позиций романа «Мечётъ Парижской Богоматери», также воспользовалась едва ли не пророческим видением Поприщина о распространении магометанства «по всему свету» и о признании большинством народа Франции ислама.

Поэтому не правы те, кто считает Поприщина не способным к диалогу. Да, к бытовому, на уровне повседневного общения – возможно. Но у героя «Записок» явно наличествует интенция обращенности к некоему Другому, на что столь по-разному отреагировали и православный драматург Островский, и спустя сто пятьдесят лет православная романистка Чудинова. Думается, благодаря оппозиции «Я» – «Другой» герой Гоголя сохраняет себя, оставляя за собой место одного из вымышленных проектировщиков Южной православной дуги.

Отдельно следует сказать о внимании Гоголя к русскому отрезку южной православной дуги, прежде всего, видимо, благодаря крещению князя Владимира в Херсонесе, Ноеву ковчегу, летописным данным о тьмутараканском князе Мстиславе Удалом. Но не только, ибо, перенеся столицу в Петербург, первый русский император символически подчеркнул, что вектор государственных интересов России направлен на Север и Запад. При Екатерине II же Россия завоевывает территории на юге, отнимая тем самым у Турции не только земли, но и ареал восточной страны. Более того, Россия выступает как истинная наследница античной Греции и ее культуры: еще до «греческого проекта» эта тема ясно прослеживается в переписке Вольтера с Екатериной II, в которой великий мыслитель предлагал Императрице перенести столицу на юг, предрекая России роль повелительницы Востока.

Примечательно также, что Гоголь никогда не был на Кавказе, хотя проявлял живейший интерес к тому, что было создано о нем Пушкиным. Восторженный почитатель великого поэта не случайно ищет некое предопределение самого появления русского гения на Кавказе. «Судьба как нарочно забросила его туда, – отмечает Гоголь, – где границы России отличаются резкою, величавою характерностью, где гладкая неизмеримость России перерывается подоблачными горами и обрывается югом. Исполинский, покрытый вечным снегом Кавказ, среди знойных долин, поразил его; он, можно сказать, вызвал силу души его и разорвал последние цепи, которые еще тяготели на свободных мыслях» [Гоголь 1988: 311]. Гоголь особо выделяет стихотворение «Монастырь на Казбеке», в котором монашеская обитель предстает реющим в небесах ковчегом. В другом месте – реакция на державинскую оду «На возвращение графа Зубова из Персии», где впервые возникает образ Каспия, которым впоследствии писатель маркирует конец дуги.

И, наконец, во втором томе «Мертвых душ» (вернее, в том, что от него осталось) есть подтверждающая высказанную выше гипотезу картина Кавказа – природно-эстетической границы православного мира: «На тысячу слишком верст неслись, извиваясь, горные возвышения. Точно как бы исполинский вал какой-то бесконечной крепости, возвышались они над равнинами...»

Русскими равнинами, уточним, которые Кавказский хребет отделяет от другой – «чужой» – геокультуры.

Использованная литература:

- ГОГОЛЬ, Н. В. (1938): *Полное собрание сочинений*: В 14 т. Изд-во АН СССР. Т. 3. М.; Л.
ГОГОЛЬ, Н. В. (1990): *Арабески*. М.
ОСТРОВСКИЙ, А. Н. (1986): *Избранные пьесы*. М.
ЗАМЯТИН, Д. Н. (2000) *Феноменология географических образов*. In: «НЛО», №46, с. 347–365.
ГОГОЛЬ, Н. В. (1988) *Переписка*: в двух томах. Т. 1. М.

АНТОН ЭЛИАШ

Словакия, Братислава

Н. В. ГОГОЛЬ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ А. В. ИСАЧЕНКО ¹

ABSTRACT:

N. V. Gogol in A. V. Isachenko's Interpretation

A. V. Isachenko was deeply interested in N. V. Gogol's literary works of art written in the period of his transition from romantic to realistic literary canon. A. V. Isachenko analysed and interpreted Gogol's story books not only in the article Gogol's Petersburg Tales, published as the afterword to the Slovak translation of this cycle, but also in the course of lectures N. V. Gogol and the Problems of Russian Realism. The article brings the most important conclusions of A. V. Isachenko's interpretation with special attention paid to the methodological principles of his attitude to the analysis of Gogol's works of art.

KEY WORDS:

"Frenetic" romantic literature – literary parody – literary canon – formal school – structuralism.

Полный список работ А. В. Исаченко, опубликованный в сборнике *Studia Linguistica. Alexandro Vasiliu Filio Issatchenko a collegis amicisque oblata* [Birnbau et a. (ed.) 1978: xi–xxv], вышедшем к 65-летию юбилею профессора, содержит 208 библиографических записей, из которых лишь 17 тематически затрагивают область русской литературы. Если учесть сравнительно небольшую долю этих работ в научном наследии А. В. Исаченко, его влияние в области исследования литературы может на первый взгляд показаться маргинальным. Наше решение уделить внимание именно этой сфере научной деятельности А. В. Исаченко вызвали два фактора: во-первых, то, что эта область его работы до сих пор не подвергалась серьезному анализу, и, во-вторых, то обстоятельство, что преобладающее большинство литературоведческих работ А. В. Исаченко возникло в период с 1941 по 1950 год, т. е. в течение первого десятилетия его пребывания в Братиславе.

Вершиной литературно-аналитических и интерпретационных усилий профессора Исаченко являются его работы о творчестве Гоголя, прежде все-

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения проекта VEGA V-11-090-00.

го его статья «*Gogoľove Petrohradské novelty*» [Isačenko 1950: 225–266], которая вышла как послесловие к изданию словацкого перевода этого цикла рассказов в 1950 году, и курс лекций «*Николај Васильевич Гогољ и проблеми руског реализма*» [Исаченко 2003].

В послесловии «*Gogoľove Petrohradské novelty*» А. В. Исаченко на фоне европейской (особенно французской) литературной ситуации тридцатых годов XIX века анализирует оригинальные гоголевские приемы преодоления старого и поиска нового художественного канона. При этом он не только четко определяет особенности позднего, так называемого «неистового» романтизма, который ищет фантастику в большом городе и основывается на сильных эффектах, чтобы заинтересовать читателя, пресыщенного «сильными ощущениями», но и раскрывает самобытность гоголевской пародийной интерпретации самых популярных тем, мотивов и художественных приемов этого течения романтизма.

«*Невский проспект*» трактует А. В. Исаченко как пародизирующую конфронтацию «повторения трафаретной судьбы молодого идеалиста»², в которой «собраны все элементы романтической поэтики, предопределяющие судьбы 'проклятого' художника» (мир Пискарева) с «миром трезвой и очень банальной действительности, в котором даже такие персонажи, как Шиллер или Гофманн не представляют собой ничего больше кроме пьяных ремесленников» (мир поручика Пирогова) [Isačenko 1950: 236–237].

«*Записки сумасшедшего*» – рассказ, написанный в форме дневника незначительного чиновника Поприщина, является также «литературным шаблоном, но без всякого налета сентиментализма». По мнению А. В. Исаченко, интимность дневниковых записок использована Гоголем скорее всего для оправдания определенной небрежности языка и обоснования права автора преступать границы академичности. Вместе с тем она служит доказательством того, что мотив сумасшествия «без всяких сомнений взят из арсенала 'неистовой' литературы» [Isačenko 1950: 240–241].

«*Шинель*» А. В. Исаченко интерпретирует как «превосходный гротеск». Но при интерпретации этой повести он исходит не из манеры комического сказа, звуковых жестов, неповторимых гоголевских каламбуров и особого синтаксиса, т.е. из тех элементов композиции «*Шинели*», которые блестяще проанализировал Б. Эйхенбаум в своей известной статье «*Как сделана 'Шинель' Гоголя*», а обращает внимание прежде всего на тематические и мотивические аспекты построения повести. Он отвергает «социально-сентиментальную интерпретацию повести '*Шинель*' [Ejchenbaum 1971: 353–370], традиции которой восходят к Белинскому» [Isačenko 1950: 245], как неадекватную и посредством убедительного анализа приходит к заключению, что повесть пародирует как романтический мотив губительной страсти (страсть Башмачкина к шинели – на русском языке «шинель» – существительное женского рода), так

² Все цитированные отрывки из послесловия А. В. Исаченко *Gogoľove Petrohradské novelty*, написанного на словацком языке, на русский язык перевел автор статьи.

и бюргеровский балладический мотив возвращения мертвеца из загробного мира с целью унести с собой свою подругу жизни (мертвый Башмачкин как привидение бродит по Петербургу и ищет свою потерянную шинель).

«Нос» – «пародия на романтическую тему раздвоения личности, потери собственного 'я', потери собственной души». По мнению А. В. Исаченко, эстетическое и идейное содержание гоголевской пародии имеет как в этой, так и в других повестях, однозначное назначение: «Пародия убивает старое, смехом уничтожает окостенелые формы, разбивает литературные петрификаты. Пародия добывает умирающий канон» [Isačenko 1950: 262–263].

По мнению А. В. Исаченко, с пародийным характером цикла петербургских повестей связан и целый ряд других художественных особенностей прозы Гоголя: «Тот факт, что героями пародий являются не яркие, незаурядные личности, какими бывают романтические герои, а незначительные людишки периферии городского общества, (...) заставляет Гоголя описывать своих персонажей особенно подробно, почти с протокольной точностью передавать их движения, чтобы читатель не потерял интерес к людям, которые сами по себе в конце концов ничего не значат»; Гоголь, благодаря такому приему, «от необычного переходит к самому обычному» [Isačenko 1950: 262–263].

Заключение статьи является отличным примером восприятия значения гоголевского творчества профессором А. В. Исаченко и убедительно демонстрирует его способность найти, описать, функционально анализировать и интерпретировать доминантные черты поэтики Гоголя, а также определить его место в развитии русской литературы XIX века: «Путь Гоголя к реализму, к созданию литературного канона реалистической поэтики, ведет через преодоление романтических форм. (...) Старый канон часто замаскирован: маскируется мотивация, события (сон, или не сон), маскируется необходимая в романтических повестях фигура черта (или это на самом деле только портной и врач-немец?), маскируется даже самая пародийность. Но сквозь эту маскировку просвечивает уже новый канон, новый реалистический взгляд на безотрадную бюрократическую действительность капитализирующегося Петербурга, который лишает людей не только их физиономий, но и их душ и унифицирует их до такой степени, что все коллежские ассесора похожи друг на друга. (...) Поэтому нужно со всей решительностью отвергнуть любые попытки интерпретировать их как банальные и нелитературные анекдоты. Поэтому нужно отречься от прямолинейной трактовки этих повестей и опровергнуть мнение тех идеалистических литературоведов, которые в конфликте Акакия Акакиевича, сумасшедшего, поручика Пирогова и майора Ковалева видели настоящий человеческий конфликт» [Isačenko 1950: 265–266].

Этот достаточно обширный пассаж текста мы решили процитировать потому, что в нем отчетливо продемонстрированы методологические принципы, которых А. В. Исаченко придерживался в своей литературоведческой и историко-литературной работе и после 1948 года, когда в чехословацких гуманитарных науках начал завоевывать решающие позиции марксизм; однако, вместе с тем здесь уже обнаруживаются первые следы того, что от-

четливее проявляется в его курсе лекций о пути Гоголя к реализму и что издатели этого курса и авторы вступительной статьи О. Ковачичова и А. Элиаш [Ковачичова – Элиаш 2003: 5–11] назвали особым исаченковским вариантом «эзопова языка»: под усиливающимся идеологическим давлением конца 40-х – начала 50-х годов для защиты таких научных заключений, в подлинности которых А. В. Исаченко был уверен, но которые не совсем совпадали с «духом» эпохи, он вынужден был прибегать к аллюзиям и своеобразному использованию риторики и терминологии того времени.

Творчеству Гоголя А. В. Исаченко посвятил также вышеупомянутый курс лекций, который, основываясь на неполном тексте, сохранившемся с начала пятидесятых годов прошлого века, был издан кафедрой русского языка и литературы Философского факультета Университета имени Я. А. Коменского в Братиславе в 2003 году [Исаченко 2003]. В нём, однако, уже чувствуется «отступление» от структуралистских методологических позиций, а до некоторой степени и их замена историко-культурным подходом к интерпретации литературного процесса и литературных фактов. Идеологическое давление эпохи, очевидно, не позволило «выстоять», что проявилось как в использовании вышеупомянутого исаченковского варианта «эзопова языка», так и в нескольких разделах, которые в плехановском духе объясняли эволюцию литературы и искусства, а также в умалчивании эксплицитных ссылок на научные достижения формальной школы, что тем не менее не мешало А. В. Исаченко работать с целым рядом понятий, приемов, методов и техник, в которых косвенно отражались методологические основы формальной школы и структурализма [Дойчманн 2003: 193–207].

Подводя итоги работ А. В. Исаченко, посвященных анализу творчества Н. В. Гоголя, можно его вклад в развитие словацкого гоголеведения и словацкой литературоведческой русистики, по нашему мнению, суммировать в следующих постулатах:

– А. В. Исаченко, будучи прежде всего лингвистом, не уделял особого внимания разработке философско-эстетических вопросов структурализма. Такой подход полностью совпадал с преобладающей в словацком структурализме ориентацией на практический анализ художественного текста (в отличие от чешского литературоведческого структурализма, который, благодаря Я. Мукаржовскому, больше внимания уделял вопросам эстетики). Словацкий литературовед П. Заяц, сравнивая словацкий литературоведческий структурализм с чешским, эксплицитно говорит о его «лирико-формалистском, технологическом характере в сравнении с эстетико-семантической основой структурализма Мукаржовского» [Zajac 2008: 101].

– Акцентирование применения «технологических» достижений формальной школы и структурализма без параллельного развития их философско-эстетической основы вместе с беспощадной идеологической критикой структурализма в первой половине пятидесятых годов прошлого века, по всей вероятности, стали причиной того, что словацкие последователи А. В. Исаченко не смогли в полной мере использовать методологические импульсы

сы его литературоведческих работ. Но этот факт никак не умаляет ценности и инспиративности его научных работ и их значения в процессе формирования словацкой литературоведческой русистики.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- BIRNBAUM, H. (ed.) et a. (1978): *Studia Linguistica. Alexandro Vasílii Filio Issatchenko a collegis amicisque oblata*. Lisse, The Peter de Ridder Press, s. xi–xxv.
- ДОЙЧМАНН, П. (2003): *Послесловие спустя полвека*. In: Исаченко, А.В.: Николай Васильевич Гоголь и проблемы русского реализма. Univerzita Komenského, Bratislava, s. 193–207.
- ЕЈСНЕНВАУМ, В. (1971): *Ako je urobený Gogoľov Plášť*. In: *Teória literatúry. Výber z formálnej metódy*. II. upravené vydanie. Zostavil a preložil dr. M. Bakoš. Nakladateľstvo Pravda, Bratislava, s. 353–370.
- ISACENKO, A. V. (1950): *Gogoľove Petrohradské novely*. In: GOGOL, N. V.: *Petrohradské novely*. Slovenský spisovateľ, Bratislava, s. 225–266.
- ИСАЧЕНКО, А. В. (2003): *Николай Васильевич Гоголь и проблемы русского реализма*. Univerzita Komenského, Bratislava.
- КОВАЧИЧОВА, О. – ЭЛИАШ, А. (2003): *Предисловие. Habent sua fata libelli*. In: Исаченко, А.В.: Николай Васильевич Гоголь и проблемы русского реализма. Univerzita Komenského, Bratislava, s. 5–11.
- ZAJAC, P. (2008): *Teoretické iniciatívy v slovenskej literárnej vede 20. storočia*. In: *Slovak Review of World Literature Research, špeciálne číslo*, s. 99–109.

**ДОКЛАДЫ
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СЕКЦИИ**

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА АРТЕМОВА

Беларуссия, Минск

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ КАРТИНА МИРА БЕЛОРУСОВ И АНГЛИЧАН

ABSTRACT:

The Spatial Picture of the World of the Belarusians and the British

The article presents the results of research of the category of space in Belarusian and English phraseology. Two phraseosemantic microfields such as location and metric are analyzed. Their universal characteristics and national peculiarities are revealed.

KEY WORDS:

Space – location – metric – phraseological unit – phraseosemantic field – phraseological image – equivalence – national specificity.

Категория пространства как фундаментальная категория бытия не раз становилась объектом лингвистического описания. Объектом нашего исследования выступили 217 белорусских и 343 английских пространственные фразеологические единицы (ФЕ), распределенных по 2 микрополям: местонахождение и метрика.

Микрополя местонахождения объединяют белорусские и английские идиомы, которые репрезентируют ориентационные пространственные характеристики с **указанием близости / удаленности** (*близко / далеко, далеко, высоко*) и **без указания близости / удаленности** (*нахождение в одном месте, нахождение в разных местах, нахождение нигде*).

Локализация объекта с **указанием близости / удаленности** описывается трехкомпонентной горизонтальной пространственной моделью *близко – недалеко – далеко*. Значительное количество белорусских и английских ФЕ с семантикой «близко», их употребление с актуальными предикатами *высчит-ся, чернеть* и т.д., наличие в их структуре соматизмов (*вока ў вока [СФ], eyeball to eyeball [LDEI]*), образная связь с предметами и явлениями жизни человека (*плот у плот [МРБСППФ], right next door [ODCIE]*) свидетельствуют о соматоантропоцентричном характере близкого к пространства. ФЕ со значением «не-

далеко» эксплицируют нахождение объекта за пределами тактильного пространства наблюдателя, но не исключают возможности этот объект увидеть или дойти до него за небольшой промежуток времени (*у трох кроках* [ФСМТЯК], *within two steps* [НАРС]). ФЕ с семантикой «далеко», связанные с образами края, границы (*на краі свету* [СФ], *at the end of the earth* [НАРС]), обозначают местоположение объекта за пределами перцептивных возможностей наблюдателя, о чем свидетельствуют отсутствие соматизмов в структуре ФЕ этой подгруппы и их употребление с неактуальными предикатами *быть, жить*.

Как показало исследование, белорусам характерно использование девятично-десятичной системы исчисления (*за трыдзецьць зямель* [СФ], *за дзясятай гарой* [СФ]) и зрительного анализатора при установлении расстояний от объекта (*за вачыма* [СФ]). Носители английского языка определяют отдаленную локализацию объекта наряду со зрением (*in front of someone's eyes* «рядом, близко» [БАРФС]) при помощи слуха (*out of hail* – буквально «за пределами оклика» – «далеко» [НАРС]). Яркие образы белорусского мифологии и фольклора *воран, камар* во фразеологизмах *воран касцей не занясе* [ФС], *дзе камар козы пасе* [БППФ] детерминируют их экспрессивность, отрицательную коннотацию и свидетельствуют о мифологизированном восприятии белорусами отдаленного местонахождения.

Английские ФЕ с указанием удаленности образно связаны с задней частью объекта (*at the back of beyond* [LDEI], где *back* «спина»), лишены коннотации, являются нейтральными и репрезентируют культурно-маркированную структуру личного пространства человека (*keep someone or something at arm's length* «сохранять степень физической или социальной удаленности от кого-либо или чего-либо» [LDEI]). Вертикальное измерение *высоко* (*з вышынi птушынага палёту* [СФ], *from a bird's eye view* [LDEI]) в белорусской и английской фразеологии представлено незначительно.

Местонахождение **без указания близости / удаленности** включает следующие фразеосемантические подгруппы: *нахождение в одном месте, нахождение в разных местах, нахождение нигде*. Пребывание в одном месте представлено трехкомпонентной вертикальной пространственной моделью *доброе, родное, известное место – конкретное месторасположение – плохое, чужое, неизвестное место*. Белорусские и английские ФЕ подгруппы *хорошее / родное / известное место*, ассоциативно связанные с постмифологическими феноменами *Бог, небесное царство*, имеют одобрительно коннотацию и свидетельствуют об осмыслении освоенной, известного и безопасного пространства в христианской культурной традиции (*царства нябеснае* [СФ], *the kingdom of heaven* [НБАРС]). Конституенты подгруппы *конкретное местонахождение* репрезентируют координатно-ориентированную локализацию объекта в поле зрения (*на вiду* [СФ], *in full view* [НБАРС]), на открытом пространстве (*на свежым паветры* [СФ], *in the open air* [НАРС]), справа (*на правую руку* [СФ], *at the right hand side* [НАРС]) или слева (*на левую руку* [СФ], *at the left hand side* [НАРС]). Они являются нейтральными и характеризуются отсутствием в их структуре лексем-топонимов. Вместе с тем английские ФЕ со-

держат культурно-историческую информацию о социальной структуре англоязычного общества. Так, в ФЕ *sit above the salt* и *sit below the salt* [НАРС] отражена давняя традиция: во время приема пищи знатных гостей сажали ближе к солонке (*above the salt*), а безродных гостей, бедных родственников и слуг – подальше от солонки (*below the salt*).

Белорусские и английские ФЕ подгруппы *плохое/чужое/неизвестное место* манифестируют локализацию объекта на границе или за пределами восприятия на максимальном расстоянии от наблюдателя. Образная связь белорусских ФЕ этой подгруппы с дохристианских феноменами *агонь, вятры, грымота, халера* и т.д. обуславливает их негативную коннотацию, принадлежность к просторечные регистру и свидетельствует о мифологическом осмыслении белорусами неизвестной локализации (*халера ведае дзе* [СФ]). Английским ФЕ со значением «плохое, чужое, неизвестное место» не свойственно подобное разнообразие фольклорных феноменов. Здесь образной основой выступают цельные пространственные локусы, находящихся внизу по вертикали (*the lower world* – буквально «нижний мир» – «ад» [НБАРС]) или на противоположной стороне по горизонтали (*on the wrong side of the tracks* – буквально «с той стороны железнодорожных путей» – «с непрестижной части города» [LDEI]). Они характеризуются нейтральностью в плане эмоций. Вместе с мифологическими персонажами в белорусских ФЕ и цельными локусами в английских ФЕ присутствуют феномены постмифологических концепций мира – христианства и мусульманства: *Бог, Аллах, God, devil* (*Бог ведае дзе* [СФ], *God knows where* [BNC]). Постмифологические феномены и фольклорные существа есть наивысшие наадресаты, поэтому белорусские и английские ФЕ этой подгруппы можно считать эвиденциальными средствами с эксплицитным указанием на источник сообщения.

Белорусские и английские ФЕ подгруппы *нахождение в разных местах* репрезентируют локализацию, ограниченную возможностями зрительной перцепции наблюдателя. Она может быть постоянной (*там і тут* [СФ], *here and there* [ODCIE]), периодической (*то там то сям* [СФ], *now here now there* [НАРС]) и осуществляется горизонтально. Семантика локализации такого типа в белорусских и английских ФЕ эксплицируется дейктическими местоимениями *тут, here, there, hither, thither* и лексемами-интенсификаторами *кожны, every*. Кроме того, английские ФЕ этой подгруппы нередко включают лексем-топонимы типа *China* «Китай» и делимитативные предлоги *from* и *to* (*from China to Peru* [ODCIE]). Пространственная локализация в разных местах, представленная белорусскими ФЕ, детерминируется преимущественно полем зрения наблюдателя в горизонтальной плоскости (*куды ні кінеш вокам* [ФСМТЯК]). В английской фразеосистеме нахождение объекта в разных местах может быть не только горизонтальным, но и вертикальным (*high and low* – буквально «вверху и внизу» – «езде» [ODCIE]). Нерепрезентативность типа локализации в месте, которое не существует – *нигде* (*ні тут ні там* [СФ], *neither here nor there* [BNC]) – отражает вещественную, заполненную модель пространства в белорусской и английской фразеосистемах.

Микрополя метрики объединяют белорусские и английские ФЕ, указывающие на метрические пространственные свойства, представленные следующими группами и подгруппами: **размер** (большой, маленький, одинакового размера), **длина** (короткий), **глубина** (неглубокий) и **континуальность** (протяженность, ограниченность).

Большим бывает человек (*вярста коломенская, a long drink of water*), деревья и растения (*гамоніць з небам [СФ], high as the sky [DAIPV]*). Вместе с семой «большой» актуализируются дополнительные семы «сильный» (*хоць в плуг запрагай [СФ], built like a tank* «могучего телосложения, крепкий» [CID]) и «гордый» (*не бачыць ног за пузам, a fat cat* «толстопузый, богатый, гордый» [DAIPV]).

Значение «маленький» создается при помощи зооморфной метафоры на основе сравнения с животными маленького размера. Для белорусов – это воробей (*з вераб'іны нос [СФ]*), лягушка (*жабе па калена [СФ]*), ворона (*ворона в клюве панесці можа [СФ]*), для носителей английского языка – *duck* «утка» (*knee-high to a duck [НАРС]*), *grasshopper* «кузнечик» (*knee-high to a grasshopper [НАРС]*), *jackrabbit* «кролик» (*knee-high to a jackrabbit [DAIPV]*). Нерепрезентативность белорусских и английских ФА подгруппы *одинакового размера* (5 белорусских и 1 английская ФА) (*адзін над адзін [СФ], two of a kind [DAIPV]*) свидетельствует об отражении в исследованных фразеосистемах неэталонных качеств объектов, которые воспринимаются белорусами и англичанами как отклонения от нормативных показателей и сопровождаются неодобрительной или иронической коннотацией. Характеристики *короткий* и *неглубокий* представлены 2 белорусскими ФА и 2 английскими ФА: *на жабін скок [СФ 2]*, *no distance at all* «короткий» [НАРС], *жабе па калена [СФ 2]*, *up to one's knees* «неглубокий» [НАРС].

Установлено, что белорусские и английские ФА с метрической семантикой отражают гендерные стереотипы. Эталоны мужественности – это широкие плечи, высокий рост (*касы сажань у плячах [СФ], built like a brick outhouse* «рослый, плечистый, могучего сложения» [DAIPV]). Высмеиваются отвисший живот, лишний вес (*як кадзь [ФСМТЯК]*, *as big around as a molasses barrel* «полный, толстый» [DAIPV]).

Национально-специфические черты репрезентации параметрических характеристик проявляются в несовпадении 1) объектов для измерения: нос в белорусской фразеосистеме (*на дваіх рос ды аднаму дастаўся [СФ]*) и ягодицы в английской (*broad in the beam* «толстозадый», где *beam* «самая широкая часть корабля» [НБАРС]); 2) стержневых компонентов, связанных с национально-культурными реалиями (*як плаха*, где *плаха* «кусок расколотого вдоль бревна»; *as fat as an alderman* [НБАРС], где *alderman* «член совета района»); 3) метрических прототипов (*ворона, воробей, жаба, собака і duck* «утка», *grasshopper* «кузнечик», *jackrabbit* «кролик», *cat* «кот»).

Континуальность пространства определяется возможностями человека охватить границы объекта зрением (*не бачна канца-краю [СФ], as far as the eye can see [CALD]*) и типом доминантного природного ландшафта. Протяжен-

ность в пространстве ассоциируется со свободой и оценивается положительно. Пространственная ограниченность связана у белорусов с нехваткой земельных ресурсов для хозяйства (*як старой бабе сесці* «мало земли» [СФ]). В английской лингвокультуре она детерминировано пределами личного пространства наблюдателя, нарушение которого оценивается негативно (*sit on the thin edge of nothing* – буквально «сидеть на узком крае ничего» – «с трудом помещаться» [НАРФС]).

Проведенное исследование не исчерпывает всей проблематики фразеологической репрезентации категории пространства в белорусском и английском языках и намечает дальнейшие ракурсы ее изучения с включением в орбиту исследования диалектных фразеологических и паремиологических фондов этих языков.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- БППФ – ЯНКОЎСКІ, Ф. М. (2004): *Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы*.
 БАРФС – КУНИН, А. В. (2005): *Большой англо-русский фразеологический словарь*.
 МРБСППФ – САНЬКО, З. (1991): *Малы расейска-беларускі слоўнік прыказак, прымавак і фразем*.
 НАРС – МЮЛЛЕР, В. К. (1995): *Новый англо-русский словарь*.
 НБАРС – АПРЕСЯН, Ю. Д. (1994): *Новый большой англо-русский словарь*.
 СФ – ЛЕПЕШАЎ, І. Я. (2008): *Слоўнік фразеалагізмаў*.
 ФС – ЯНКОЎСКІ, Ф. М. (1973): *Фразеалагічны слоўнік*.
 ФСМТЯК – АКСАМІТАЎ, А. С. (1993): *Фразеалагічны слоўнік мовы твораў Я. Коласа*.
 CALD – *Cambridge Advanced Learner's Dictionary*.
 CCDI – SINCLAIR, J. (1995): *Collins Cobuild Dictionary of Idioms*.
 CDAI – HEACOCK P. (2010): *Cambridge Dictionary of American Idioms*.
 CDEI – FREEMAN, W. A. (1982): *Concise Dictionary of English Idioms*.
 CID – *Cambridge Idioms Dictionary*.
 DAIPV – SPEARS, R. (2011): *McGraw-Hill Dictionary of American Idioms and Phrasal Verbs*.
 LDCE – *Longman Dictionary of Contemporary English*.
 LDEI – LONG, Th.H. (1987): *Longman Dictionary of English idioms*.
 OALD – *Oxford Advanced Learner's Dictionary*.
 ODCIE – COWIE, A. P. (2000): *Oxford Dictionary of Current Idiomatic English*.
 PDEI – DAPHNIE, M. G. (2001): *The Penguin Dictionary of English Idioms*.

ИННЕСА БАБЕНКО

Россия, Томск

ДИСКУРСИВНЫЕ ФОРМУЛЫ КОНЦЕПТА КАК ЕДИНИЦЫ ЛИНГВОКРЕАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ (НА ПРИМЕРЕ КОНЦЕПТА МАЛАЯ РОДИНА) ¹

ABSTRACT:

Discursive Formulas of Concept as Units of Lingvo-creative Activity of School Students (on the Example of the Concept “small homeland”)

Thematic essay of school students – an ideal material for studying of collective stereotypes of perception of a concept “*small homeland*”. Research showed that in these texts pupils use discursive formulas of the concept, that is reproduce fragments of the most pertinent from the point of view of a communicative plan of speech genres and actualize significant for a regional discourse idioms, stylistic and thematic, composite and emotional stereotypes.

KEY WORDS:

Discourse – concept – lingvo-creative activity – discursive formulas – regional infosfer.

Тематические сочинения школьников рождаются из многоголосого дискурсивного шума: в них слышатся отзвуки патриотической медиа-пропаганды, эхо домашних бесед и обрывки воспоминаний родителей, прочитывается пересказ содержания учебника по краеведению и урока истории России, угадываются фрагменты экскурсий в местный краеведческий музей и цитаты из передовиц местной газеты. Именно дискурсивная вторичность сочинений, способность школьников отражать наиболее значимые и ярко выраженные стереотипы сознания и мировоззрения окружающей социально-культурной среды делает ученический дискурс наглядным и универсальным материалом для рассмотрения не только механизмов лингвокреативной деятельности школьников, но и особенностей региональной инфосферы. Под **региональной инфосферой** понимается актуальное коммуникативное пространство региона, аккумулирующее все разнообразие обладающих социокультурной значимостью мейстримных и миноритарных дис-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект 12-14-70002.

курсивных практик. **Лингвокреативный дискурс** школьников рассматривается нами как миноритарная (периферийная) дискурсивная практика, обслуживающая коммуникативные потребности определенной социовозрастной группы.

Объектом рассмотрения в данной статье является лингвостилистические особенности текстовой деятельности школьников. **Предметом** – дискурсивная формула концепта как единица лингвокреативной деятельности школьников, воплощенная в сочинениях о малой родине. **Материалом** для исследования послужили более 70 тематических сочинений, представленных на томский областной конкурс для учащихся «Моя малая родина. Моя улица. Мой дом» в 2011–2013 гг.

Дискурсивные формулы концепта понимаются нами как стереотипизированные речевые фрагменты, воплощающие дискурсивную практику актуализации концепта. В аспекте изучения механизмов лингвокреативной деятельности школьников **дискурсивная формула** рассматривается как единица письменной текстовой деятельности школьников, характеризующаяся ситуационно-тематической и концептуальной обусловленностью и обладающая свойствами воспроизводимости, узнаваемости, частотности и неидиоматичности, смысловой или формальной неполноты, вариативности или неустойчивости компонентов (ср.: *милая сердцу сторонка, дорогая моему сердцу родина, земля любимая, наш любимый посёлок, лучший дом на земле, самое лучшее местечко на всём белом свете, Для меня моя родина самая лучшая!, сельские просторы, необъятны просторы моей родины, безграничные просторы полей и лесов, велика наша Родина и необъятны её просторы, моя священная земля, моя малая родина находится в глубине сибирских руд* и др.).

Анализ употребления дискурсивных фрагментов позволяет описать механизм освоения школьниками навыков лингвокреативной деятельности как процесс постепенного овладения и автоматического использования шаблонов разных видов: стилистических (тропы и фигуры речи), жанровых (топонимическая легенда, историческая справка, пейзажная зарисовка, портретный и событийный очерк, автобиографическое эссе, краеведческая экскурсия, родословная, энциклопедическая статья, личное письмо, мемуары, беседа и др.), композиционных (эпиграф, лично окрашенные рамочные компоненты, морально-дидактический топос и др.), тематических (любовь к родине, ностальгия, противопоставление малой и большой родины, города и деревни, родины и зарубежья и т.д.), стереотипов проблематизации темы (мнимый и истинный патриотизм; где родился, там и пригодился), клиширования пафоса и эмоциональной тональности высказывания (торжественно-патриотическая, возвышенно-лирическая или интимно-лирическая).

Представляется, что смысловая и формальная инвариантность и клишированность тематических сочинений школьников обусловлена высокой частотностью в них дискурсивных фрагментов концепта «малая родина», актуальных для региональной инфосферы, например, топонимически обусловленных: *красоты сибирской природы, на сибирской земле, сибирские морозы, первозданная тайга, дремучая тайга, необъятные красоты тайги, бескрай-*

няя тайга, среди непроходимой тайги, сибирской тайги, безграничной Сибири, сибирские морозы, традиции «Сибирских Афин», Томск – старинный сибирский город, освоение Сибири. В следующем фрагменте сочинения ярко демонстрируется смешение универсальных и региональных концептуальных, стилистических и риторических стереотипов, идиом фольклорного, сказового, просторечного и официально-патриотического дискурса, очевидны следы речевых жанров экскурсии, топонимической легенды, пейзажной зарисовки, автобиографического эссе, личного письма и др.: «Я хочу рассказать о милой сердцу сторонке, земле любимой – посёлке Победа. Самое дорогое и святое слово для каждого человека – Родина! Родина – это Отечество, страна, где человек родился, живёт со своими родными и близкими. Для нас Родина – Россия. Велика наша Родина, необъятны её просторы. Но начинается она для каждого из нас с родного края. Для меня родной край, моя малая родина – село Победа. Моё село привольно раскинулось на правом берегу великой сибирской реки Оби. Этот маленький уголок нашей страны всегда красив».

«С чего начинается родина» – это самая частотная дискурсивная формула описываемого концепта. Хрестоматийные строки песни на слова М. Матусовского «С чего начинается Родина?» неоднократно звучат в сочинениях школьников: *Велика наша Родина, необъятны её просторы. Но начинается она для каждого из нас с родного края; Вы когда-нибудь задумывались, с чего начинается... нет, не Родина, а город или село?; С чего начинается для Вас родина? Для меня она начинается с той маленькой деревни, в которой я жила; С чего начинается родина для меня? С семьи, родного дома, с песни матери, знакомых и милых сердцу мест, строений, ослепительного снега на деревьях, улиц; Затерянное в болотах моё село Средний Васюган начинается с улицы Рабочей; Так с чего начиналось наше село? Каким оно было? Годом основания нашего села считается 1897 год.* Эта дискурсивная формула является элементом вступления к основной части сочинения или выносится в его название (**С чего начинается родина...**). Она приобрела статус зачина, что объясняется её потенциальной диалогичностью, автор, используя её в различных риторических фигурах, начинает рассказ о малой родине, акцентируя внимание читателя на лично или коллективно значимых и ценностных представлениях.

Также частотны дискурсивные формулы, являющиеся жанровыми маркерами, указывающими на границы определенных речевых жанров внутри сочинения. Например, в следующем фрагменте сочинения дискурсивные формулы последовательно вводят в текст речевые жанры воспоминания (*помню, когда я была маленькой*), беседы (*бабушка говорила мне*), сентенции (*родная земля дается человеку судьбой*), автобиографии (*сейчас мне десять лет*), топонимической легенды (*в маленькую деревушку, затерявшуюся среди болот и могучих деревьев*) пейзажной зарисовки (*это чудесный уголок, богатый полями, озерами, грибами и ягодами*): «Помню, когда я была маленькой, бабушка говорила мне, что родная земля дается человеку судьбой. И надо свято относиться к тому месту, где ты родился и рос. Ее слова запали мне в душу, хотя я не совсем понимала их смысл. Сейчас мне десять. Я живу с родителями в Мельникове. Наше село большое. Но

меня тянет к бабушке, в маленькую деревушку, затерявшуюся среди болот и могучих деревьев. Здесь все по-другому. Это чудесный уголок, богатый полями, озерами, грибами и ягодами. Тишь и благодать». Этот прием нанизывания различных речевых жанров весьма характерен для сочинений о малой родине, что объясняется не только невысоким уровнем сформированности у школьников навыков текстовой деятельности, неспособностью сохранить жанрово-стилевое единообразие текста, но и желанием учащихся выразить как личные, так и коллективные представления о родине, усилить своё высказывание, внося в сочинение элементы официальных или традиционно одобряемых суждений.

Нанизывание жанровых фрагментов, актуализируемых дискурсивными формулами концепта малая родина, может быть в значительной степени мотивировано идейно-тематическим замыслом автора сочинения, а может быть следствием текстовой беспомощности ребенка, создающего вторичный текст, скомпилированный из фрагментов текстов различной жанрово-стилевой природы. Например, сочинение «Прошлое, настоящее и будущее нашего поселка», посвященное поселку Сайга, начинается с фрагмента бэкграундера «Целью создания Сайги стала необходимость развития и освоения лесных ресурсов Верхнекетья», продолжается топонимической легендой «История Сайги берет начало с 1969 года», летописью школы «Первое здание школы было построено строителями-комсомольцами в 1969 году, сооружено было из щитоблоков. Просуществовало здание около трёх месяцев» и заканчивается интервью с главой Сайгинского поселения «Что Вы можете еще сказать по поводу будущего нашего поселка?». В данном случае можно говорить об ущербности текста, в котором смысловая полнота, единство замысла, целостность, связность и др. качества текста не воплощены, т.к. автор не осознал или не смог воплотить стержневое целеполагание лингвокреативной деятельности – написать оригинальный текст, отражающий личностное восприятие темы малой родины.

В рассматриваемых текстах высока частотность композиционно и идейно-тематически обусловленных дискурсивных формул, например, выражающих морально-дидактический топос: *Сайга – малая часть большой страны, имя которой Россия; Моё село навсегда остаётся в сердце человека, который хоть однажды побывал в нём; Здесь мы живём и будем жить. Ведь это родина моя; Все мне до боли близкое и родное, так как это – моя земля; Самое дорогое и святое слово для каждого человека – Родина, – либо определяющих как коллективное, так и личностное отношение к теме: Вот в каком замечательном месте мне посчастливилось родиться и жить; Нет в мире ничего милее и краше родного дома, родного села; Я очень люблю своё село, свою малую родину; Моя жизнь тесно связана с городом Томском, и я горжусь, что я живу в таком замечательном городе и т.п.*

Таким образом, текстовая деятельность школьников, отраженная в тематических сочинениях, является преимущественно вторичной, репродуктивной, с ослабленной творческой составляющей. Учащиеся, используя дискурсивные формулы концепта, лишь воспроизводят доминирующие, наиболее значимые и ярко выраженные стереотипы сознания и мировоззрения, свойственные окружающей социально-культурной среде и воплощенные в традиционных и актуальных дискурсивных практиках региональной инфосферы.

ЕВГЕНИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ БАЖУРА, АЛЛА ГЕННАДЬЕВНА ХОРОШАВИНА

Россия, Казань

ИССЛЕДОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИИ КАК ИСТОЧНИК ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

ABSTRACT:

Study of Phraseology as a Source of Historical Reconstruction: Stating the Problem

In this article the authors examine the issue of using results of phraseology research in order to create a general methodology for historical reconstruction of the fragments related to the worldview of different social strata, in different historical periods.

KEY WORDS:

The study of phraseology – language picture of the world – reconstruction of ideas about the world – methodology.

Современное состояние науки характеризуется активными процессами интеграции: это «многомерное» изучение науками одних и тех же объектов, и использование достижений других наук, и, конечно, попытки приложения методов и процедур смежных наук к исследованию как традиционных для науки объектов, так и новых, ранее не включавшихся в научный оборот. Это в значительной мере расширяет возможности многих наук в решении их традиционных задач и тех проблем, которые обнаруживаются наукой на современном этапе её развития.

Вопросы методологии всегда являются актуальными для любой науки. Часто методы и процедуры, активно применяемые в смежной науке, могут оказаться полезными и вполне применимыми для решения задач другой научной сферы. Такое методологическое «сотрудничество» способно обогатить научную мысль новыми (часто неожиданными) исследовательскими результатами.

Одним из необходимых условий осуществления реконструкции исторических событий является формирование корпуса источников по изучаемой проблематике и подбор научного инструментария для извлечения информации из собранного материала. Основным источником российской исторической на-

уки периода её становления – летописи. Необходимо учитывать, что происхождение и развитие летописания неразрывным образом связано с властью. Возникая по инициативе последней, летописный свод погодно фиксирует её деятельность. Подобный ракурс освещения исторических событий определил проблемную направленность отечественных исторических исследований, воспринимавших исторический процесс России сквозь призму становления и развития самодержавия. Название труда Н. М. Карамзина: «История Государства Российского» наиболее точно отражает основной объект изучения современной автору исторической науки. Параллельно с совершенствованием подходов по изучению летописания происходит формирование исторического метода, как наиболее удобного способа извлечения информации из данного вида источников.

Попытки вникнуть в суть гражданской жизни сводились к отображению развития общества на основе единения царя и народа. В качестве основного связующего звена преподносилась совместная деятельность государства и общества по построению самодержавия [Устрялов 1836: 5–7]. Такой ракурс изучения отечественной истории был результатом политики государства, измеряющего талант историка прямопропорционально его верноподданничеству [Уваров 1864: 33].

Изменения ситуации с проблемной направленностью отечественной исторической науки не наблюдалось и в пореформенной России. Так, П. В. Знаменский в исследовании о приходском духовенстве на Руси подверг критике подход современной ему исторической науки к изучению исторического процесса, отмечая, что светские ученые интересовались лишь историей князей и царей да развитием государственной жизни. Характеризуя проблематику церковной исторической литературы, он отметил ее нацеленность на изучение подвигов «святых мужей и благочестивых иерархов». Те и другие не уделяли внимания народной жизни, не заглядывали «в темные углы церковных приходов, этих единиц, из которых складывается целое – церковь» [Знаменский 1867: 1]. В своих работах он высвечивал пропасть, лежавшую между центральной церковной властью и рядовым церковным приходом. Таким образом, подчеркивалось, что исторические исследования, посвящённые различным сторонам деятельности власти, не отражают реальной жизни социума. Отсюда проистекало и непонимание психологии человека изучаемой эпохи, анализа деятельности исторического лица с позиции современной историку системы ценностей [Знаменский 1884: 162].

Работы казанской профессуры по исследовательской методике начала XX века показывают отсутствие существенного изменения ситуации с основным инструментарием исторической науки, по-прежнему исторический метод занимает одно из ведущих мест в научной «лаборатории» историка [Ивановский 1913: 61–64]. Отмеченная выше проблемная направленность науки прослеживается в различных учебных пособиях по русской истории. Подчеркнём, что в советской исторической науке такие издания классифицировались как дополнительные историографические источники по изучению концепций, соз-

данных их авторами. Основными, всё же считались монографии учёных. Однако необходимо учитывать, что учебник рассчитан на более широкий круг читателей, нежели монографическое исследование. Это инструмент из арсенала преподавателя по подготовке подобного себе специалиста. Именно поэтому в учебном пособии концепция ученого находит свое наиболее четкое и ясное изложение. Ценность данного источника определяет тот факт, что учебник выступает в качестве образца анализа изучаемого студентом явления [Бажура 2006: 120].

В учебной литературе до сих пор наблюдается доминирование проблемы самодержавия, политической и экономической деятельности государства. В изучении культуры основное внимание уделяется культурной жизни политической элиты общества в ту или иную эпоху. Например, применительно к истории XVIII века учебной литературой предлагается изучение достижений культуры, возникших по прямому заказу власти (напр. архитектура) или для удовлетворения её информационных потребностей.

Одним из условий расширения проблемной направленности исторических исследований является привлечение новых типов источников и оригинальные подходы к традиционным для историографии источникам. Традиционные подходы в методологии изучения исторической науки не всегда позволяют расширить источниковый комплекс историографического исследования, поскольку обращают внимание исследователя на изучение уже апробированных наукой типов источников. Но даже в этом случае источниковый комплекс анализируется сквозь призму сформированной под влиянием традиционных методик проблематики исследования, лишая возможности использовать весь информационный потенциал источника. Это ставит на повестку дня поиск методов их обработки. В качестве способа решения проблемы предлагалось обращение к методам других наук. Этот путь доказал свою эффективность: в исторических исследованиях широко применяются статистические и математические методы. Хорошо зарекомендовали себя в исторических исследованиях разработанные при активном участии лингвистов сравнительно-исторический метод [Мелконян 1981: 23] и методы синхронного анализа [Косолапов 1977: 358]. Применение методики компонентного анализа и дистрибутивного метода позволило ввести в научный оборот комплекс источников, отражающий специфические особенности образования в Казанской духовной академии и Императорском казанском университете [Бажура, Хорошавина 2006]. Изучено влияние фактора профильности учебного заведения на подходы к рассмотрению проблемы становления самодержавия. Таким образом, накопленный отечественной наукой опыт применения междисциплинарных связей говорит о возможности расширения её инструментария за счет использования методологических и методических подходов лингвистической науки [Бажура 2006].

Появление в лингвистике гипотезы лингвистической относительности (гипотезы Э. Сепира – Б. Уорфа) позволило сфокусировать исследовательское внимание на изучении языковой картины мира разных этносов. Гипотеза возникла из идеи активной роли языка в процессе познания окружающего мира,

которая появилась еще в философии И. Гердера, а затем была разработана последователями В. фон Гумбольдта. Основными положениями гипотезы стали, во-первых, положение о том, что язык, будучи общественным продуктом, представляет собой систему, в которой мы воспитываемся и мыслим с детства, поэтому мы не можем осмысливать действительность без помощи языка; во-вторых, тезис о том, что в зависимости от условий жизни, культурной и общественной среды различные группы людей могут иметь разные языковые системы. В общем виде гипотезу формулируют по-разному, не искажая при этом смысла гипотезы: каждый язык включает в себе своеобразный взгляд на мир, и различие между картинами мира (представлениями социума о мире) тем больше, чем больше языки различаются между собой. Данная гипотеза оказала серьезное влияние на современную лингвистическую семантику, задав ей новый вектор развития.

В настоящее время лингвистика накопила значительное количество исследований, посвященных воссозданию фрагментов языковой картины мира. Среди них не только описания, но сравнения картин мира, стоящих за разными языками. Контрастивный подход позволяет выявить лингвистические различия, которые рассматриваются как различия, связанные с особенностями культуры и мышления народов, говорящих на сравниваемых языках. Такие исследования, несомненно, дают возможность говорить об универсалиях, связанных с основополагающими чертами человеческой психологии, функциями языка и т.д.

Разумеется, лингвистами исследуются не целиком языковые системы, а их отдельные фрагменты, выбор которых определяется соотносительностью системных явлений языка с реальными культурными или психологическими феноменами и системами. К числу таких явлений относятся фразеологические единицы языка, которые со стороны семантики характеризуются наличием разной степени семантического сдвига, делающего семантическую структуру такой единицы многослойной. Изучение фрагментов языковой картины мира, отраженных в единицах фразеологии, представляется исследователям особенно интересным, поскольку имеет не только теоретическое, но прикладное значение для лингвистики.

С нашей точки зрения, результаты таких исследований могут быть полезны и для исторической науки. Привлечение состоявшихся исследований по фразеологии позволяет расширить проблематику исторических исследований, обогатить их новыми методологическими и методическими подходами. Всё это делает доступным осуществление реконструкции фрагментов общественных представлений о мире того или иного периода жизни социума.

Фразеологические единицы достаточно устойчивы в использовании. Функционируя на протяжении достаточно длительного периода времени, они аккумулируют специфическое видение окружающей действительности носителями языка. Привлечение результатов исследований фразеологии в данном аспекте позволяет исторической науке реконструировать особенности общественных представлений о мире.

Для исторической науки особенный интерес представляет реконструкция общественных представлений о мире в разрезе сравнения этих представлений у разных слоёв общества. Значительную сложность в решении этой проблемы представляет обнаружение того инвентаря фразеологических единиц, которые функционируют в речи тех или иных групп общества, объединённых по принципу профессиональной или сословной принадлежности. Сравнение общественно значимых представлений о мире, принадлежащих различным социальным группам, для выявления специфически уникальных черт является особенно ценным для исторического исследования.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- БАЖУРА, Е.А. (2006): *Вопросы становления самодержавия в Московском государстве в процессе обучения студентов Казанской духовной академии и Казанского императорского университета*. Казань.
- БУЛЫГИНА, Т. В., ШМЕЛЕВ, А. Д. (1977): *Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики)*. М.
- ВЕЖБИЦКАЯ, А. (1996): *Язык. Культура. Познание*. М.
- ЗНАМЕНСКИЙ, П. В. (1867): *Приходское духовенство на Руси*. М.
- ЗНАМЕНСКИЙ, П. В. (1884): *Рецензия профессора казанской академии П. Знаменского на сочинение г. Жмакина: «Митрополит Даниил и его сочинения», представленное на соискание премии митрополита Макария за 1884 год*. In: Церковный вестник. Офиц. ч. – №№. 27–48. С. 142–262.
- ИВАНОВСКИЙ, В. В. (1913): *Учебник государственного права*. Изд. 4-е. Казань.
- КРОНГАУЗ, М. А. (2001): *Семантика*. М.
- МЕЛКОНЯН, Э. Л. (1981): *Проблемы сравнительного метода в историческом знании*. Ереван.
- КОСОЛАПОВ, В. В. (1977): *Методология и логика исторического исследования* / В. В. Косолапов. Киев.
- СЕПИР, Э. (1993): *Избранные труды по языкознанию и культурологии*. М.
- УВАРОВ, С. С. (1864): *Десятилетие министерства народного просвещения. 1833–1843*. СПб.
- УСТРЯЛОВ, Н. Г. (1836): *О системе прагматической русской истории: Рассуждение, написанное на степень доктора философии Николаем Устряловым*. СПб.
- УОРФ, Б. (1960): *Отношение нормы поведения и мышления к языку* // Новое в лингвистике. Вып. 1. М. С. 135–168.
- ХОРОШАВИНА, А. Г. БАЖУРА, Е. А. (2006): *Особенности применения компонентного анализа в историографическом исследовании*. In: *Пространство культуры в междисциплинарных исследованиях: Материалы V научного семинара молодых ученых «Культурологические штудии»*. Киров. С.114–119.

ДАНИЕЛЬ БОРИСОВСКИ

Польша, Ополе

ТЕОРЕТИКО-ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АНАЛИЗА БИТЕКСТА (В РАБОТЕ ЛЕКСИКОГРАФОВ)

ABSTRACT:

Theoretical and Practical Aspects of Bitext Analysis (in the Work of Lexicographers)

The purpose of this article is to outline theoretical and practical issues concerned with the analysis of bitexts. Although often used by translators, translation theorists and lexicographers, bitexts (we do not mean corpus linguistics by it) have not yet received an adequate theoretical base (typology, terminology). The following considerations are meant to describe the main problems related to the bitext-based determination of translational equivalents. This paper also focuses on some aspects of broadly defined phraseology and its relationship to the lexicography.

KEY WORDS:

Bitext – parallel text – translational equivalents – translation studies – lexicography – phraseology.

Несмотря на многовековые переводческие традиции, практика перевода и лексикографии даже в малейшей степени не достигли законченности, совершенства – и, конечно, достичь не могли. С одной стороны, такое положение вещей диктует динамический характер языка; как переводчики, так и лексикографы могут лишь «устремляться к языку», следить за изменениями, происходящими в языке, фиксировать их в определенный момент, а затем с некоторой задержкой доставлять результаты усиленного труда пользователям языка (в виде переводимых ими произведений литературы, словарей, научных или учебных пособий и др.). С другой стороны, жива ведь и наука: каждый теоретический вклад в переводоведение и лексикографию (двуязычную) сохраняет эти практики в постоянном движении.

Как перевод, так и составление словарей заключаются в том, чтобы информацию, содержащуюся в одном языке (исходном), передать при помощи соответствующей информации во втором языке (переводном). Бесспорно отличие обоих этих процессов, а также их многоплановый характер, сложность¹. В.

¹ Больше об эквивалентности и эквивалентах в текстах и словарях см. Chlebdá 2011, с. 21–26.

Хлебда считает, что «оба (...) вида эквивалентности (текстовую и словарную; отмечено нами) следует (...) тщательно различать, и хотя это взаимосвязанные практики, они отнюдь не тождественны» [Chlebda 2011: 23]. Двухязычная лексикография занимается составлением в основном общих переводных словарей², но кроме них немалую группу представляют собой научные, технические, отраслевые, тематические словари (специализированные). Большого внимания стоят также переводные-фразеологические словари, хотя, во-первых, к таким пособиям средний статистический пользователь обращается реже, во-вторых, они зачастую имеют узконаправленный характер. Многие ученые упрекают современную лексикографию в том, что переводные словари в подавляющем большинстве фиксируют отдельные лексемы (фразеология³ в них маргинальна), тогда как живой язык изобилует **устойчивыми** или **устоявшимися сочетаниями**. А. Богуславски предлагает общую трактовку лексики и фразеологии (исключая разницу в их техническом характере) как языковых знаков, называющих конкретный предмет [Bogusławski 1976: 357]. Ведь и слово и словосочетание (а даже предложение) могут быть языковой реализацией конкретного элемента действительности. И по мнению ученого таких языковых единиц значительно больше, чем однокомпонентных, однолексемных. В. Хлебда справедливо констатирует, что однолексемные репродукты «в общей массе языковых форм составляют меньшинство, к тому же такое, которое достаточно хорошо исследовано многими лингвистическими дисциплинами» (перевод наш) [Chlebda 2010: 16]. Из вышесказанного вытекает, что современная лексикография должна сосредоточиться на составлении словарей с учетом большего количества многолексемных репродуктов⁴. «Репродукт – это единица языка, извлеченная из текстов на этом языке в результате установления ее регулярной повторяемости в этих текстах и вербализующей то, ‘что автор имел в виду’» (перевод наш) [Chlebda 2010: 15].

Где найти практический материал для составления таких словарей? Я. Вавжинчик в труде *Teoretyczne i praktyczne aspekty przekładu rosyjsko-polskiego*

² Общие переводные словари служат вспомогательным инструментом каждому желающему перевести текст. В отличие от специализированных словарей их корпус должен состоять из наиболее представительных языковых знаков, позволяющих составлять готовые тексты на языке перевода. Нередко бывает, что эту основную, принципиальную роль они не выполняют. Вопрос полноценного переводного словаря обсуждается Й. Мендельской и Я. Вавжинчиком, см. Mędelska J., Wawrzyńczyk J. 1992.

³ Слово «фразеология» требует введения отдельных пояснений. Под ней подразумевается то, что В. Хлебда в свое время называл **фразематикой** (см. Chlebda 2003) и пытался как в теоретическом, так и в практическом плане охватить совокупность устоявшихся в языке сочетаний одним гипоронимичным термином (**фразема**). Сейчас подобные постулаты реализуются в рамках теории о **репродуктах** ученого, которая восходит к теории **единиц языка** (в польском языкознании ее распространил А. Богуславски). **Репродукт** относится к разным понятиям, которые «функционируют в научной литературе под несколькими, близкими по значению (но не равнозначными), названиями: это прежде всего **многолексемная единица языка, многолексемная воспроизводимая единица, фразема, коллокация**» (перевод наш) [Chlebda 2010: 15].

⁴ Примером такого словаря могут послужить пять тетрадей *Настольного польско-русского идиоматикона*, издаваемого в Опольском университете коллективом лексикографов-любителей, под руководством В. Хлебды.

выдвинул постулат о необходимости использовать в лексикографической работе опыт переводчиков художественной литературы, а точнее опираться на битексты [Wawrzyńczyk 2000: 12–14].

Под термином битекст⁵ понимаем оригинал и перевод любого текста (напр., произведения литературы), которые исследуются как одно целое, как один текст, один объект. В таком плане связующим элементом битекста становится корреляция информации, содержащейся в обоих языках, а сам битекст является основой многопланового сравнительного анализа. С лексикографической точки зрения – это, например, источник минимальных переводных соответствий.

Битекст остается абстрактным понятием до того, пока не подвергнуть его определенному анализу, так сказать, «обработке», пока не сопоставить оригинал с переводом. Трудно считать любую такую пару битекстом лишь из-за самого ее наличия. Структурно-функциональная вариантность подобных сочетаний довольно большая⁶: печатные тексты (литература, журналистика, официально-деловые тексты и т. п.), цифровые тексты (тексты, содержащиеся в корпусах, интернетовские тексты⁷), аудио- и видеотексты (фильмы с субтитрами, закадровым или дублированным переводами) и др. С этой точки зрения битексты отличаются по содержанию, по форме и по назначению.

Это понятие несомненно связано и с теорией текста, главный признак которого – когерентность. В отношении к переводоведению это особенность как исходного текста, так и получившегося в процессе перевода. Все техники, приемы переводчика должны ориентироваться в первую очередь на сохранение логических отношений исходного текста и отражение их в переводном. К тому оба текста связывает сверхязыковая корреляция (вопрос референтности, интерпретации), реализованная в определенном контексте, например, культурном. Контекст всегда субъективирован, поскольку в коммуникативном акте принимают участие автор текста оригинала, переводчик (автор нового текста), адресаты текста оригинала и перевода⁸.

Анализ битекстов влечет за собой не только практический материал. В результате исследования достаточно большого их количества (уделяя немалое внимание вариантности этих особых сочетаний) будут кристаллизоваться и теоретические основы **битекстовой лингвистики** в отношении к разным дисциплинам, напр., к стилистике, фразеологии, критике перевода,

⁵ **Битекст** (польск. **dwutekst**) используем как вариант термина **параллельный текст**, который в свою очередь чаще всего ассоциируется с корпусной лингвистикой. Во избежание некоторых спорных вопросов, предлагаем термин битекст как общий для каждой пары **оригинал + перевод** (в том числе и параллельные корпуса). Мы выбрали этот термин и потому, что **двутекст** (а также польское **dwutekst**) относится к теории текста и подразумевается как «сочетание текста и метатекста в одном речевом произведении» (за А. Вежицкой) [Литвинова 2006: 87].

⁶ И она несомненно имеет влияние на дифференциацию применяемых техник и методов анализа.

⁷ Они отличаются от печатных только формой хранения, т.е. в цифровом виде. Это сказывается на более широких аналитических возможностях, но ведь не изменяет их содержание и структуру. Больше о функционировании текста в Интернете см. Chlebeda 2012.

⁸ А. Пстыга указала сложность этого процесса и его многоплановый характер в масс-медиальном общении, хотя нарисованную ей схему стоит отнести и к переводу как таковому, см. Pstyga 2013, с. 33.

лексикографии. В этом плане безусловно стоит вопрос интертекстуальности. Если «исследование способов преобразования текста в „производный“ текст указывает особенности его строя и вскрывает различные текстообразовательные механизмы» [Dobrzyńska 2012: 301], то изучение оригинала и перевода как одного целого, вероятно, завершится созданием типологии битекстов.

Стоит отметить, что Я. Вавжинчик битекстами считает научные или литературные тексты и их переводы [Wawrzyńczyk 2000: 12–14]. В. Хлебда предлагает более широкий подход, сходный с перечнем, указанным выше. К тому принимает и другой вектор битекстовой корреляции: не только направление **оригинал + перевод**, но также **перевод + оригинал** [Chlebda 2011: 27]. И мы рассматривали данный вопрос в статье *Z problemów ustalania par przekładowych o dwutekst* (в печати). Мы выяснили, что путь от перевода к оригиналу не исключает трактовки объекта анализа как битекста, но в значительной степени нарушает соотношения между его компонентами. Однако характер этой корреляции, по нашему мнению, неизменный – совокупность исходных единиц никогда не будет тождественна совокупности переводных, принимая во внимание как количественный состав, так и качественные признаки.

Как было уже сказано, структурно-семантические свойства битекста в отношении к тексту, заключаются в его межъязыковых и межкультурных особенностях, что непосредственно связано с процессом перевода. Хотя образ переводного текста в значительной степени зависит от идиолекта переводчика, то возможно выделить некоторые общие признаки исходных текстов (нередко исходящие из их жанровых особенностей), которые сказываются на форме перевода⁹. Например, анализируя путеводитель, внимание обращается на его информативный, рекламный характер, на цель заинтересовать читателя, а также другие признаки, которыми обладает любой текст этого типа. В таком плане главное – воспроизвести **устоявшиеся сочетания**, выражения с определенной стилистической окраской, языковые формы, свойственные данному стилю (которыми зачастую являются **многолексемные репродукты**). В свою очередь, выбирая переводческую доминанту для перевода стихотворения, переводчики руководствуются, например, его ритмическими особенностями, звуковой организацией, что сказывается на упущениях в семантическом пласте переводного текста. Л. Грабовски отмечает: «Кажется, что как источники словарных эквивалентов, лучшими текстами являются специализированные тексты, основная функция которых – информативность» [Grabowski 2011: 93] и в этом он совершенно прав. Однако не видим теоретически обоснованную причину вообще не заниматься анализом и других битекстов: даже если они в меньшей степени послужат непосредственным источником переводных соответствий, то могут вскрыть множество других отношений на разных уровнях как языка, так и культуры.

⁹ По словам А. Беднарчик, переводчик определяет переводческую доминанту, то есть «тот элемент структуры переводимого произведения, который надо перевести (воспроизвести) в конечном тексте (...)» [Bednarczyk 2008: 13].

Из вышесказанного вытекает, что вопрос битекстов не дождался веской теоретической разработки. Корпусная лингвистика, занимающаяся, между прочим, параллельными текстами (как одним из видов битекста) изучена довольно глубоко. Подобное внимание стоит уделить и другим видам (не только цифровым) сочетания **оригинала и перевода**.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- ЛИТВИНОВА, В. М. (2006): *Переделка как метатекстуальный жанр в лингвоэстетическом аспекте*. In: Филологические науки, 2006, № 5 (2), с. 87–94.
- BEDNARCZYK, A. (2008): *W poszukiwaniu dominanty translatorskiej*. Warszawa.
- BOGUSŁAWSKI, A. (1976): *O zasadach rejestracji jednostek języka*. In: *Poradnik Językowy*, z. 8, s. 356–364.
- CHLEBDA, W. (2003): *Elementy frazematyki*. Łask.
- CHLEBDA, W. (2011): *Ekwiwalencja i ekwiwalenty: między słownikiem a tekstami*. In: W. Chlebda (ed.), *Na tropach tłumaczeń*, Opole, s. 21–43.
- CHLEBDA, W. (2012): *Фразеолог и Интернет (к теории и практике взаимоотношений)*. In: *Rossica Olomucensia*, vol. LI, Num. 1, Olomouc, s. 75–79.
- DOBRYŃSKA, T. (2001): *Tekst*. In: J. Bartmiński (ed.), *Współczesny język polski*. Wrocław, s. 293–314.
- GRABOWSKI, Ł. (2010): *Korpusy dwu- i wielojęzyczne w służbie tłumacza, leksykografa i badacza*. In: W. Chlebda (ed.), *Na tropach tłumaczeń*, Opole, s. 89–112.
- MEDELSKA, J., WAWRZYŃCZYK, J. (1992): *Między oryginałem a przekładem. Rzecz o słownikach dwujęzycznych*. Kielce.
- PSTYGA, A. (2013): *Przekład w komunikowaniu medialnym*. Gdańsk.
- WAWRZYŃCZYK, J. (2000): *Teoretyczne i praktyczne aspekty przekładu rosyjsko-polskiego*. T. 1, Łódź, s. 12–21.

НАТАЛІЯ ВЕНЖИНОВИЧ

Україна, Ужгород

МОВНА АКТУАЛІЗАЦІЯ КОНЦЕПТУ МАТЕРИНСТВО У ФРАЗЕОЛОГІЗМАХ УКРАЇНСЬКОЇ МОВИ

ABSTRACT:

Language Actualization of the Concept *Motherhood* in Ukrainian Phraseologisms

The article deals with the analysis of concept *Motherhood* in phraseologisms of the Ukrainian language. The author describes various parts of this concept. The main principle of this research is understanding language as the way of organizing and giving knowledge about the world, and the connection world language model with the conceptual world model, extra-linguistic being and society culture, which enables to penetrate into the depth of national way of thinking.

KEY WORDS:

Phraseologism – concept – Motherhood – linguocultural aspect – world language model – conceptual world model.

Незважаючи на важливість материнства для діяльності людини, концепт *материнство* дотепер не був предметом окремого розгляду на фразеологічному матеріалі української мови. Феномен материнства досліджувався лише дотично під час аналізу таких концептів, як *мати*, *жінка*, *жіночість*, *сім'я*, *родинні стосунки* (див. канд. дис. Ю. Абрамової, О. Бондаренка, А. Кисельової, У. Марчук, Н. Соколової тощо) [Алиєва 2013: 1; Алиєва 2011].

Актуальність нашого дослідження визначається загальною спрямованістю сучасних лінгвістичних розвідок на аналіз мовних одиниць із урахуванням структури людського знання, а також посиленням інтересу до вивчення мовної картини світу, опису її окремих частин, зокрема її фразеологічного багатства, що концентрує значний обсяг культурологічної інформації і виражає світоглядні концепти.

Цілком слушними нам видаються міркування В. Д. Ужченка, який зазначає, що «знання змістового обсягу мовного знака залежить від освіченості реципієнта, його життєвого досвіду, обставин самого життя, оскільки мовна семантика пов'язана з мовною картиною світу..., а зміст концепту як основної одиниці

ментальності, ментальної сутності визначається всією розмаїтістю контекстів його вживання й залежить від світоглядних домінант» [Ужченко 2007: 292].

У словнику української мови зазначено: *мати* – 1. Жінка стосовно дитини, яку вона народила [Словник 1973: IV: 647]; *материнство* – 1. Стан жінки-матері під час вагітності, пологів, годування дитини. 2. Почуття жінки-матері до дитини; бажання стати матір'ю [Словник 1973: IV: 645].

Аналіз наукової літератури із проблеми дослідження продемонстрував, що *материнство* як одна із фундаментальних цінностей людства є складним етно-соціо-психо-лінгвокультурним феноменом, що належить до розряду унікальних, оскільки воно відображає стан багатьох аспектів розвитку суспільства, є важливим засобом трансмісії базових цінностей культури нації між поколіннями.

Ми ставимо собі за мету встановити корпус стійких виразів на позначення материнства в сучасній українській мові та розкрити їх потенціал в українському дискурсі. Наша наукова розвідка базується на мовному матеріалі, відібраному з лексикографічних та інших довідкових джерел [Большой 2006; Жайворонок 2006; Кононенко 1996; Словник символів 2005; Словник 2003; Словник 1973: IV тощо]. Розглянемо деякі складники концепту *материнство*, проілюструвавши їх відповідними прикладами з відібраного для аналізу емпіричного матеріалу.

Мати – символ життя, святості, тепла і всеперемагаючої любові. З давніх-давен слов'яни найбільше шанували Матір. Мати виношувала під серцем дитину, викохувала її, зігрівала теплом і ласкою. Пізніше – благословляла на самостійне життя, освячувала на весіллі, виховувала онуків. Богиня роду, перша й наймудріша вихователька – саме Мати. Ось чому народ склав понад двісті прислів'їв на честь Матері.

Народна мудрість твердила: рідну матір ніким не можна замінити – *одна мати вірна порада; нема того краму, щоб купити маму; на світі знайдеш усе, крім рідної матері, матері ні купити, ні заслужити*.

Любов матері до дитини – найсильніша й найдорожча у світі – *сліпе ценя і те до матері лізе; на сонці тепло, а біля матері добре; у дитини заболить пальчик, а у матері – серце* [Словник символів 2005: 184, 185]. Слово-символ *мати* має значне емоційно-експресивне навантаження у своїх словотвірних видозмінах: *матінка, матіночка, матуся, матусенька, матінонька* в поєднанні з постійними супроводжувачами: *рідна, мила, дорога, серденько, голубонька* тощо: *Рідна мати моя, ти ночей не доспала* (А. Малишко) [Кононенко 1996: 164]. *Нема цвіту крацюго від маківочки, нема роду милішого від матіночки; який талан матці, такий і дитяці; без матері і сонце не гріє; без матки нещасливі дітки; у кого є ненька, у того голова гладенька* [Жайворонок 2006: 356].

Як основний член родини мати споконвіку в народі в пошані, бо *мати праведна – опіка й охорона камінна; хто матір забуває, того Бог карає; для кожного найдорожча пісня, з якою мати колисала; це перший порадник і вихователь: чого мама научить, те й дочка знає; що мати навчить, те й батько не перевчить; чого мама не дала, того не купиш і в пана* [Жайво-

ронок 2006: 356]; *дотримуйся батькової заповіді і материної науки, бо вони сторожі твого життя* [Багнюк 2008: 176].

І навіть караючи, мати залишається доброю і близькою: *рідна мати високо замахує, а помалу б'є; мати одною рукою б'є, а другою гладить* [Словник символів 2005: 185]; *материн гнів, як весняний сніг: рясно випаде, та скоро розтане* [Жайворонок 2006: 356].

Народ завжди високо оцінював материнську турботу про своїх дітей і гнівно засуджував тих, хто кидав рідну кровиночку: *мати сама не з'їсть, а дітей нагодує; як ластівка з ластів'ятком, так матінка з дитятком; дитина хоч кривенька, та батькові-матері миленька; погана та мати, що не хоче дітей мати* [Словник символів 2005: 185].

Мати, жінка, господиня особливо споріднена з силами землі, бо з лона матері теж приходять усе живе й повертається назад, щоб прийти звідти знову. Найбільше свято для *Матері-Землі* – коли вона будиться від довгого зимового сну. Предки до останнього подиху боронили рідну *Матір-Землю*, бо то було їхнє життя. Повернувшись із чужих країв, воїн насамперед сховався на високий пагорб, кланявся сторонам світу, з піднятими догори руками промовляв молитву, а потім ставав на коліна і цілував землю. Земля – найвірніший свідок, а тому нею клянуться, бо свято вірять, що *Земля-Мати* не простить того, хто не дотримує слова [Войтович 2005: 190].

Образ *Землі-Матері* належить до тотемів протоукраїнців, які обожнювали землю-годувальницю. Символ *Землі-Матері* відображений також у приповідках: *гріх землю бити – вона наша мати*. Із матір'ю порівнюють рідний край, рідну землю, рідну природу: *гріх землю бити – вона наша: вже що не кажіть: чужина-чужиною, а своя сторона, як мати* (Панас Мирний) [там само].

Різким контрастом до образу матері як втілення любові і добра є образ мачухи – дружини батька стосовно його дітей від іншого шлюбу. В українському менталітеті мачуха – антипод рідної матері, часто уособлення зла й підступності: *мати б'є, то не болить, а мачуха як подивиться, то й на душі холоде; мати голівоньку мие, пригладжує, а мачуха мие, прискубує* [Словник символів 2005: 185]. Байдужість і холодність мачухи порівнюється із зимовим сонцем, місяцем, а сама вона – з хижими тваринами: *мачуха так чужих дітей жаліє, як зимою сонце гріє; мачушине серце, що зимне сонце; мачуха як місяць: світить та не гріє; в лісі ведмідь, а в домі мачуха; скільки ворон білих, стільки мачух добрих; добра мачуха, а все не рідна мати; горілка не дівка, а мати не мачуха; добре тому жити, в кого рідна мати, в мене, молодій, мачуха лихая; хто мачуху має, той горе знає* [Жайворонок 2006: 357].

Божою, Пречистою Матір'ю називають Богородицю, ту, що породила Христа. Культ Богородиці – один із найбільш поширених в українському віровченні: *Хай боронить вас... мати Божя* (О. Довженко). З іншого боку, в українській літературі поширене піднесення звичайної матері до рівня Діви Марії, Богородиці. Таке опоетизоване бачення відповідає освяченому українською традицією поклонінню матері – виразниці самого сенсу життя [Кононенко 1996:164]; *крий Мати Божя, Мати Божя милостива, нехай Мати*

Божя прощає, хай Мати Божя боронить – уживається для вираження побажання кому-небудь добра, безпеки, благополуччя [Словник 2003: 370]. *Мати Божя!* – уживається для вираження позитивних або негативних емоцій: здивування, захоплення, переляку тощо [Словник 2003: 370].

Цікаво простежити відтворення цілої палітри почуттів: захоплення, здивування, радості, незадоволення у таких виразах – *матінко моя!, матінко ж моя рідна!, матінко ти моя!, ой, матінко ж моя!, ох матінко моя рідна!* [Словник 2003: 381]. *Лиха (врагова, вража і т. ін.) мати знає* – 1. Уживається для вираження незадоволення ким-, чим-небудь; 2. Уживається для вираження невпевненості, необізнаності в чомусь; невідомо, незрозуміло [Словник 2003: 370].

Для Тараса Шевченка Україна – це *бідна мати, заплакана мати, стара мати*. Вислів *ненька-Україна* набув широкого політичного звучання і значною мірою фразеологізувався. Основні компоненти символічного значення – «мир», «злагода», «щастя», «родина», «рідний край», «Україна» [Кононенко 1996: 165]. У геніального поета знаходимо цілу низку сполук із складником *мати*, у яких відтворена широка палітра людської моралі: *мати Божя (свята) – Божя мати!* І заступи вас і укрий! [II 270.212]; перед нею помолюся, мов перед образом святим тієї *матері святої*, що в мир наш Бога принесла [II 194.11]; *крий мати Божя (Господня) – при небажанні, запереченні чого-небудь*: Давно, давно ми не бачились, та не знаю, чи й побачимось швидко, а може вже й ніколи – *крий мати Господня!* [VI 57.31]; *бути за матір, матір'ю сидіти* – А Марко аж плакав, Щоб була вона за *матір* [VI 57.31]; ні, Марку, ніяко Мені *матір'ю сидіти*: То багаті люде, а я наймичка [I 381.318]; *матері його (їх) ковінька (хиря)* – прочитаємо вдвох, як приїдете, бо я таки вас зимою сподіваюся, а весело б було, *матері його ковінька* [VI 24.39], Добре сину, *Матері їх хиря!* Мордуй, мордуй: в раю будеш або есаулом [I 114.1355]; *матір'ю ходити* – «бути вагітною»: А вона молилась І жить у Господа просилась, бо буде вже кого любить. Вона вже *матір'ю ходила* [II 11.133]; яка недобра мати понесе кого куди, яка таки недобра *мати понесе* чорноморця в Москву? Чого він там не бачив? [VI 83.23]; *що за недобра мати* – при здивуванні: *Що за недобра мати*, думаю! Чи не вмер він там, думаю [VI 70.11]; *хрещена мати* – «жінка, яка хрестила дитину в церкві»: мені *хрещена мати* лиштву вишивала [II 197.17]; *як мати родила* – «догола»: кати роздягли його [Гонту], *як мати родила*, і посадили на гарячі штаби заліза [I 149]; *у батька, в матір* – лайл.: Саул прочумався, та й ну, Як той москаль, *у батька, в матір* Свою рідненьку волохату і вздовж і впоперек хрестить [II 353.97]; *материні очі*: Доборолась Україна До самого краю. Гірше ляха свої діти Її розпинають. Замість пива праведную кров із ребер точать. Просвітити, кажуть, хочуть *Материні очі* Современними огнями [I 335.201] [Див.: Джерела 1964].

Помічаємо в аналізованих контекстах, що у використанні Т. Г. Шевченком фразеології відбувається подвійний процес. З одного боку, митець черпає з народної мови її лексико-фразеологічні багатства і вводить їх у тканину своїх творів. З іншого боку, піднявшись на висоти словесно-художньої довершеності, він створює такі цінності художнього слова, що думка «окрилюється», стає засобом вираження душевного, емоційного стану людини, найскладніших

нюансів її переживань. Такі вирази збагачують національну літературну мову, підносять її на досі небачений рівень.

Весільна (посаджена, посадна) мати – жінка, яка виконує на весіллі роль матері нареченої або нареченого; *досвітчана мати* – жінка, у хаті якої молодь збиралася на досвітки; *хрещена (духовна) мати* – жінка, яка бере участь в обряді хрещення новонародженого в ролі названої матері [Жайворонок 2006: 357].

Материне молоко на губах не висохло – хтось дуже молодий, неповнолітній, недосвідчений [Словник 2003: 403]; *з молоком матері* – від народження, з перших днів життя [Словник 2003: 403].

У чім мати народила, у чім мати на світ народила, у чім мати на світ породила, у чім мати породила, у чому мати народила, у чому мати на світ народила, як мати на світ народила, як мати на світ породила, як мати породила – зовсім голий, без одягу [Словник 2003: 371].

І рідна мати не впізнає – хтось дуже змінився, на вигляд, зовні [Словник 2003: 370].

Мамин синок – розпещений хлопчик або юнак [Словник 2003: 647]. Фразеологізм походить із найдавніших опозицій *чоловік – жінка, сильний – слабкий, великий – малий*. Компоненти цього фразеологізму співвідносяться з людським кодом культури. Образ фразеологізму створюється метафорою – уподібненням за схожістю дорослого чоловіка до маленької дитини, нездатної на рішучі, незалежні вчинки, знаходиться під чийось впливом. Зменшено-пестливі форми *мамин і синок* створюють ефект подвійного зменшення, яке передбачає ставлення того, хто говорить, не як до маленького, а як до дуже маленького хлопчика, і в образі фразеологізму виражають сарказм – насмішку, що містить дуже низьку оцінку особи. Несамостійність і несамодостатність мужчини як особистості розглядається як відхилення від культурних установок, пов'язаних із розподілом гендерних ролей – набору очікуваних зразків поведінки для чоловіків і жінок. Відсутність в образі фразеологізму традиційно очікуваних від чоловіка якостей – ініціативності, відповідальності, активності, компетентності – зумовлена його повній приналежності матері; *мамин* вказує на стійкий, нерозривний зв'язок між мужчиною і його матір'ю і символічно осмислюється як такий, що знаходиться в материнській волі, постійно потребує її допомоги, підтримки, оскільки звик до контролю з її боку. У цьому стійкому виразі відтворено стереотипне уявлення про слабовольного, безініціативного чоловіка, який перебуває у повному підпорядкуванні і залежності від матері. Фразеологізм у цілому виступає в ролі еталону емоціонально і психологічно незрілого мужчини [Большой 2006: 370].

Ми простежили, що концепт *материнство* має розгалужену структуру, втілену у фраземах на позначення функцій жінки-матері: інстинкт материнства, догляд і виховання дитини, стосунки матері з дітьми, родичами, свояками. Вагомим складником концепту *материнство* є фраземи з компонентом *Мати Божа*. За допомогою цього компонента відтворюється найрізноманітні-

ший спектр людських почуттів і переживань. Відзначаємо особливу роль Тараса Шевченка у творенні неповторних стійких мовних одиниць із компонентом *мати*. Спостерігаємо також стійкі вирази з компонентом *мати* на позначення ролі жінки під час проведення життєво необхідних обрядів. Виокремлюємо фразеологізми з вказаним компонентом на позначення віку людини, її зовнішнього вигляду.

У результаті студіювання відібраного фактичного матеріалу можемо констатувати, що концепт *материнство* постає як макроутворення, багатовимірною ментальна одиниця, багаторівневий динамічний структурно-смісловий конструкт людської свідомості, який зберігає інформацію про виокремлений фрагмент буття жінки-матері, її емоційно-особистісні якості, психофізичні стани, фізіологічні реакції її організму, що яскраво виражено у семантичному просторі мовних засобів, зокрема й фразеологізмів. Аналіз фразеологічних та пареміологічних одиниць, що входять у концепт *материнство*, показав, що в концептуальній картині світу українців наявні певні стереотипні уявлення про материнство. До основних змістових ознак концепту *материнство* відносимо: *дім, тепло, затишок, турбота, домашнє вогнище, родина, узи, безпека, віра, надія, турбота, самопожертва, зовнішність, риси характеру, соціальний статус у суспільстві, емоційність, материнська любов, материнський інстинкт*.

Отримані результати дають можливість стверджувати, що лінгвокультурний концепт *материнство* належить до базових концептів української культури. Він займає вагоме місце в мовній картині світу. Нашою науковою розвідкою зроблено певний внесок у подальше розроблення механізмів дослідження вербалізації концептуальної картини світу, зокрема висвітлення взаємовідношення семантики мовних одиниць і мовної культури, структурної та семантичної організації цієї частини лексичної системи української мови. Вбачаємо перспективними дослідження цього концепту в інших мовах світу (близько- та віддаленоспоріднених) для виявлення універсальних та специфічних його національних фрагментів.

ВИКОРИСТАНА ЛІТЕРАТУРА:

- Алиева, А. Дж. (2011): *Фразеологізми в актуалізації концепту «материнство»: перекладацький аспект*. Ін: Науковий вісник Херсонського державного університету. Херсон. Вип. XV. С. 360–365.
- Алиева, А. Дж. (2013): *Вербалізація концепту материнство в сучасній англійській мові: лексико-семантичний та когнітивний аспекти*. Львів.
- Багнюк, А. (2008): *Символи українства*. Художньо-інформаційний довідник. Тернопіль.
- Большой фразеологический словарь русского языка (2006)*. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. М.
- Войтович, В. (2005): *Українська міфологія*. К.
- Джерела мовної майстерності Т.Г. Шевченка (1964)*. Збірник статей. К.
- Жайворонок, В. В. (2006): *Знаки української етнокультури: Словник-довідник*. К.
- Кононенко, В. І. (1996): *Символи української мови. Івано-Франківськ*.
- Словник символів культури України (2005)*. К.
- Словник фразеологізмів української мови (2003)*. К.
- Словник української мови (1973): в 11 т. Т.4*. К.
- Ужченко, В. Д. (2007): *Фразеологія сучасної української мови: Навчальний посібник*. К.

ИРИНА АНАТОЛЬЕВНА ИВАНЧУК

Россия, Санкт-Петербург

ТРАНСФОРМАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ И ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В СОВРЕМЕННОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПУБЛИЧНЫХ ДИСКУРСОВ НОСИТЕЛЕЙ ВЫСОКОЙ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ)

ABSTRACT:

Transformation of Idioms and Language Play in Today's Socio-Cultural Space of Russia (on the basis of Public Discourse Carriers High Voice Culture).

The transformation of FE in the public discourse of contemporary Russia is regarded as one of the most active processes of literary language, reflecting its *ekspressivizatsiyu* for greater impact on the recipient, and subjection of speech. The study is conducted on a full-featured media discourses material type language culture. Defines a typology of various forms of transformation. Revealed a close relationship transformation of FE and language games, which are the active component of the transformation FE.

KEY WORDS:

Phraseological unit – transformation – speaking – public discourse – full-featured type of speech culture – language game.

Политические, социокультурные, нравственно-идеологические процессы в жизни России конца XX – начала XXI в. определили значительные изменения в русском литературном языке, новые тенденции его развития.

Одним из самых активных процессов становится стремление к усилению воздействия на адресата и в связи с этим поиски новых выразительных средств, субъективация текста, что реализуется расширением влияния разговорной речи на все стили литературного языка. Этот процесс исследователи называют *экспрессивизацией* (В. Г. Костомаров, А. П. Сквородников, Н. А. Купина, И. А. Стернин и др.), *эмоционализацией* (В. И. Шаховский), снижением литературной нормы, которая превращается из «нормы запрета» в «норму выбора» (М. Панов) и т. д.

В ряду средств экспрессивизации и субъективизации публичного дискурса большую активность приобретает трансформация фразеологических единиц, тесная связь мобильности ФЕ с языковой игрой, функциональное многообразие модификаций как способа повышения выразительности речи.

Создано много работ, посвященных этому процессу в СМИ, особенно – в газетных текстах. Тщательному анализу подвергнут богатый материал фразеологических преобразований в русской речи на основе текстов классической и современной русской художественной литературы (А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко, 2005), современного поэтического языка (Н. А. Николина, 2009); разные аспекты текстового функционирования преобразенных ФЕ представлены в сборниках статей (ср.: «Фразеологизм в тексте и текст во фразеологизме», 2009).

В то же время **публичная речь** в названном аспекте изучена явно недостаточно.

Задача настоящей статьи – определить основные тенденции преобразований ФЕ в русском дискурсивном социокультурном пространстве конца XX – начала XXI в. и рассмотреть эти процессы во взаимодействии с языковой игрой, тесно связанной с модификациями ФЕ.

Поставленные задачи решаются на материале публичных дискурсов (ПД) носителей высокого типа речевой культуры: выдающихся писателей, ученых, политических и государственных деятелей, артистов, режиссеров, деятелей культуры. Анализу подвергаются разные жанры публичных выступлений, торжественных речей и интервью носителей т.н. полнофункционального типа речевой культуры (ПРК) [Сиротинина 2003: 5].

I. Многообразие трансформаций ФЕ и их функций в ПД носителей ПРК.

За основу систематизации преобразований ФЕ нами взят принцип их структурирования А. М. Мелерович и В.М. Мокиенко по двум основным признакам: семантической и структурно-семантической трансформации [Мелерович, Мокиенко 2005: 17].

В этих типах нами выделяются наиболее активные подтипы трансформаций в изучаемом публичном дискурсе.

Типы трансформаций ФЕ.

1. Семантическая трансформация.

Активно в дискурсах антитетическое преобразование ФЕ: *голодный сытого не разумеет* (Г. Хазанов) (ср.: *сытый голодного не разумеет*). Форма пословицы, сохраняя свою структуру, переменой мест компонентов приобретает альтернативный смысл.

2. Структурно-семантическая трансформация.

2.1. Антитетическое преобразование с перестановкой компонентов и расширением их состава (для выражения нового смысла и экспрессии): *мы сильно обожглись на этой воде и теперь станем дуть на молоко* (ср.: *обжегшись на молоке, дуть на воду*). (А. Улюканов, депутат Государственной Думы).

2.2. Замена компонента:

а) для изменения смыслового содержания сентенции: *Казалось, свобода есть – ума не надо. Оказалось, это совсем не так.* (Я. Засурский) (ср.: *сила есть – ума не надо*).

б) для изменения эмоциональной оценки действия (смягчения оттенка грубости): *«Что ж, России идти на рожон? Мне кажется, что не надо увлекаться эмоциями»* (С. Рогов, член-корреспондент РАН) (ср.: *лезть, переть на рожон*).

2.3. Распространение одного из компонентов:

– для усиления отрицательной экспрессии при расширении ФЕ «... сумму мы просили небольшую, но нам показали *жирный кукиш*» (Е. Киселев) (ср.: *показать кукиш*).

Большой активностью в изучаемом дискурсивном пространстве обладают и такие подтипы трансформации, как контаминация ФЕ, редукция компонента, привлечение в текст лишь отдельного компонента, изменение расположения компонентов и др.

Активное преобразование ФЕ способствует их органическому слиянию с контекстом, обостряет восприятие образности, оживляет привычный стандарт, уточняет ситуативный смысл ФЕ, создавая ощущение новизны и свежести речи, и тем самым выполняет не только функцию убеждения, но и функцию культурно-обогащающую, а иногда и эстетическую.

II. Динамика ФЕ – коммуникативов как отражение влияния разговорной речи.

Большую роль в ПД играет привлечение ФЕ-коммуникативов, типичного средства разговорной речи, содействующего оптимизации общения.

Наиболее употребительными оказываются коммуникативы – аффективы со словом *черт*, выражающие разнообразные эмоции, разнохарактерные по структуре. Слово *черт* в широком пространстве речевого узуса ассоциируется, как правило, с пейоративными смыслами и воспринимается как бранное. В дискурсе же носителей ПРК происходит модификация эмоциональной окраски разнообразных по структуре ФЕ с этим словом, и ФЕ функционируют как проявление разной эмотивности, но всегда не нарушающей культурно-нравственных норм общения.

Сниженно-разговорное слово *черт*, служащее смысловым центром многих коммуникативов, может представлять ФЕ эллиптически, причем в противовес узואльно пейоративной окраске может приобретать окраску мелиоративную, что представляет собой особый способ фоно-эмотивного преобразования ФЕ.

Ср.: *Черт!* – для выражения восхищения, восторга: «Вот иногда возвращаюсь к книге «Братья и сестры», потому что слышишь какие-то слова и невольно вздрагиваешь: «*Черт*, как хорошо написано!» (А. Смелянский)

– *Черт его знает!* – как выражение удивления, недоумения, раздумий:

*Приходишь назавтра, и все начинает быть сомнительным, все снова перекручиваешь... А зачем перекручиваешь, ведь хорошо же все было? Может, и хорошо – **черт его знает***» (Л. Додин).

Фразеосхемы со словом *черт* встречаются в разных жанрах: интервью, популярных лекциях, беседах. Это одно из проявлений общего процесса эмоционализации публичной речи на основе речи разговорной как типичной тенденции эпохи.

III. Трансформация ФЕ и языковая игра.

Языковая игра не только эмоционально воздействует на адресата, но приносит эстетический эффект, придавая особый артистизм дискурсу, и тем самым сближает публичную речь с художественным текстом.

В языковой игре в зависимости от ее прагматического назначения и соотношения с содержательным планом речи исследователями выделяются два типа, две «стихии» – **балагурство**, не связанное с «передачей содержания речи», и **острословие**, «когда необычная форма выражения связана с более глубоким выражением мысли говорящего и более образной, экспрессивной передачей содержания» [Земская, Китайгородская, Розанова 1983: 175].

Ср. игру значениями слов с корнем – **чувств** – в одном контексте балагурства: *«Предчувствую, что нам с вами предстоит пережить в ближайшие минуты, у меня такое чувство, что вы эти чувства разделяете»*. (Сочетаются в каламбуре семантические ряды: *предчувствовать* и *чувство* – в связи со значением «ощущать – ощущение» и *чувство* – «душевное переживание»)

Острословие отражает глубину интеллекта говорящего, его находчивость, быстроту реакции, умение в яркой, броской форме обобщить проблемные вопросы.

Наиболее актуальные для современного ПД формы острословия – разнообразные виды реализации *иронии*.

Для многих носителей ПРК характерна многоплановость языковой игры на основе ФЕ, объединяющей разные формы смысловой осложненности. Таков, например, контекст речи Андрея Вознесенского в диалоге с его интервьюером:

Журн. – *Вы часто бываете за границей, участвуете в светских тусовках. Говорят: «Вознесенский обуржуазился!» Это правда? Как Вы относитесь к буржуазии?*

А. В. – *Такого мне еще «не шили» никакие «Шариковы» с шариковыми авторучками. Декадентом обзывали, врагом народа, формалистом. В этом смысле вы – новатор...»*

В центре диалога оказывается персонаж М. Булгакова Шариков («Собачье сердце»), фамилия которого превращается в контексте из имени собственного в имя нарицательное. Игра слов делает иронию Вознесенского особенно острой благодаря каламбурному обыгрыванию значения словосочетания «шариковые авторучки» – артефакта – «вид ручек для письма» и подтекстного значения: ФЕ-окказионализма «шариковые ручки» как орудия воплощения всего лживого, беспринципного, умственно и нравственно убогого в писаниях их хозяев.

Проведенный анализ позволяет сделать общие выводы:

– речевой строй публичных дискурсов показывает, что трансформация ФЕ – один из самых активных процессов публицистического стиля современности;

– процесс этот отражает общую экспрессивизацию и стремление авторов к максимальному усилению воздействия на адресата, что успешно осуществляется при активном влиянии на ПД разговорной речи, с одной стороны, и воздействия носителей ПРК как сдерживающей нормализаторской силы – с другой;

– велика когнитивная и эстетическая роль языковой игры в публичной речи носителей ПРК, активным компонентом которой является трансформация ФЕ.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ЗЕМСКАЯ, Е. А., Китайгородская, М. В., Розанова Н. Н. (1983): *Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест.* М.

МЕЛЕРОВИЧ, А. М. (2005): *Фразеологизмы в русской речи: словарь: ок. 1000 единиц.* / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко. – 2-е изд., стер. М.

НИКОЛИНА, Н. А. (2009): *Актуальные процессы в языке современной русской художественной литературы.* М.

Сиротинина, О. Б. (2003): *Характеристика типов речевой культуры в сфере действия литературного языка.* In: Проблемы речевой коммуникации. Саратов. Вып. 2. С. 3–20.

ТЕТЯНА МИКОЛАЇВНА КНЯЗЬ

Україна, Харків

РЕАЛІЗАЦІЯ ПОНЯТТЯ «МАТЕРІАЛЬНИЙ НАДЛИШОК» ЗАСОБАМИ ФРАЗЕОЛОГІЇ УКРАЇНСЬКОЇ МОВИ

ABSTRACT:

The Realization of the Concept of “Excess Material” by Means of Phraseology of the Ukrainian language

The article analyzes the phraseological units of the Ukrainian language which verbalize of the concept of “excess material”. It was found that the concept of “excess material” verbalize FU of the word-component the milk, butter, sour cream, dumpling, cake, cheese, honey.

KEY WORDS:

Phraseological unit – prosperity – excess material – word-component.

Одним із актуальних завдань сучасного мовознавства є виявлення закономірностей розвитку мови та її функціонування в контексті культури. На думку багатьох учених (М. Ф. Алефіренко, М. В. Жуйкова, В. В. Красних, О. П. Левченко, В. А. Маслова, В. М. Мокієнко, Ю. Ф. Прадід, О. О. Селіванова, В. М. Телія, В. Д. Ужченко), власне категоріями і формами мовних, зокрема фразеологічних, одиниць (ФО) виражаються духовні, моральні, інтелектуальні, соціальні якості національного характеру будь-якого народу.

Життя українців з його незмінними традиціями, заняттями та циклічність багатьох соціальних явищ, що увійшли до народного побуту, сформували у людей певні сталі звички та особливості світосприйняття, що й знайшло своє віддзеркалення у фразеології української мови.

Поняття «матеріальний надлишок» є надзвичайно актуальним сьогодні. Реалії життя мотивують розмежування достатку на певні пункти, як-от: відсутність нужди, матеріальна забезпеченість, заможність, доходи, достаток, матеріальний надлишок. Поняття «матеріальний надлишок» розуміємо як кількість чого-небудь (грошей, одягу, їжі тощо), що виходить за межі звичайних потреб.

Отже, метою статті є потреба проаналізувати особливості формування значення ФО що реалізують поняття «матеріальний надлишок»; з'ясувати способи відображення культурологічної інформації в семантиці ФО української мови.

В українській мові фіксуємо фразеологізми (13 одиниць), що мають спільну сему «мати матеріальний надлишок»: **живе як галушка в маслі; пливає як пампук в олії; розкошує як пампук в олії; валяється як почка (нирка) в салі; обріс як почка (нирка) в салі; живе (сидить) як черв'як у яблуці; як вареник у маслі (у сметані)**, *перев. з сл. жити, бути і т. ін.*; **як сир у маслі, зі сл. жити; жити (купатися, плавати) як (мов, немов і т. ін.) сир (вареник, пиріг) у (в) маслі; неначе в молоці дитина; як бобер у салі; як меду пити, зі сл. жити; як (мов, ніби і т. ін.) у меду.**

Усі вищенаведені ФО характеризують життя людини в достатках, у великих розкошах. Це фразеологічні одиниці зі словами-компонентами **сало, молоко, масло, сметана, вареник, галушка, пиріг, сир, мед**. Названі слова є смисловими центрами фразеологізмів, що сигналізують про певний соціальний стан, тому важливим є пояснення, чому саме ці елементи асоціюються з матеріальним надлишком і заможністю і яким чином впливають на реалізацію цілісного значення ФО.

В українській культурі **сало** – «відокремлений від м'яса підшкірний свинячий жир, що зберігається солоним і вживається сирим, смаженим чи вареним» [Жайворонок 2006: 521] – традиційно важливий продукт харчування в раціоні українців; ознака достатку (недарма кажуть: «Якби мені паном бути, то я сало з салом їв»). О. П. Левченко зауважує, що **вареник** – контекстуальний символ (точніше – факультативний знак) доброго життя [Левченко 2005: 276]. Як символ достатку, зауважує В. В. Жайворонок, **пироги** згадували в сутужні дні: «Минулися ті роки, що розпирали пироги боки» [Жайворонок 2006: 450]. Уважаємо, що **пампушки = пампухи** – «невеличкі булочки, виліплені з учиненого тіста; готувалися до свята чи на поминальний обід; пампушки з часником, що подаються до борщу, – традиційна страва української кухні» [Жайворонок 2006: 431] та **галушки** – «традиційна українська страва у вигляді різаних або рваних шматочків прісного тіста, зварених на воді або на молоці» [Жайворонок 2006: 130] у свідомості українців закріпилися як національні страви, що обов'язково повинні бути в кожній оселі, і асоціюються із достатком. О. В. Назаренко відзначає, що **галушки**, як і вареники, також є символом української кухні [Назаренко 2001: 13]. У багатьох культурах **молоко** – це еліксир життя, відродження й безсмертя – метафора доброти, турботи, достатку й родючості. **Сир, масло** – продукти, що виготовляються з молока, а тому і є символом достатку, доброго життя. **Олія** – рідка жирова речовина, вважаємо, символізує наявність такого достатку, в якому можна розкошувати – **розкошує як пампук в олії** [ССНП 1993: 109]. **Мед**, відповідно, через його солодкий смак, асоціюється із добрим життям. Дієслівні слова-компоненти недоконаного виду **купатися, жити, бути, розкошувати, плавати** у внутрішній формі ФО сигналізують про те, що хтось постійно живе, перебуває в надзвичайно-

му достатку. Наводимо ілюстрацію: – *Чого їй [Христі] неостає? – думав він, бродячи самотній по саду. – Як сир у маслі купається, а ще й плаче* (Панас Мирний) [СФУМ 2008, 320]; *Живе як бобер у салі* [ССНП 1993: 16]

Очевидно, якщо людина заможно живе, має все з надлишком, то й харчується вона дуже добре, що і відображується на її організмі. Тож і такий орган, як нирка відчуває всі наслідки, а тому і «валяється в салі», тобто організм пересичений всіма інгредієнтами, а сало, як відомо, знак доброго, заможного життя: **валяється як почка (нирка) в салі; обріс як почка (нирка) в салі** (Житом.) [ССНП 1993: 121]. Заможне життя з надлишком порівнюється із перебуванням черв'яка у «комфортному» місці – яблуці, де можна і жити, і мати надзвичайну кількість їжі: **живе (сидить) як черв'як у яблуці** – «добре, заможно живе» (Харк.) [ССНП 1993: 161].

Звертаємо увагу на діалектну ФО **упливає в гаразді як муха в сметані** – «нешасливий, хоч живе в багатстві» [ССНП 1993: 35], коли надмірна кількість достатку, багатства порівнюється із сметаною – символом доброго життя, в якій плаває муха, біда якої – неможливість вибратися із достатку – сметани.

Зі значенням «повний достаток» зафіксовано 4 ФО, що є синонімами: **тільки (хіба, лиш) пташиного молока нема (немає, не вистачає, бракує і т. ін.); медові[і] та молочні[і] ріки; молочні ріки [і (масляні) береги]; молочні ріки і киселеві береги.**

Компонент **молоко**, на думку О. П. Левченко, поширений у порівнюваних ФО, його прототипні атрибути виявляє контекст: щось принале: **медові [і] та молочні ріки** [Левченко 2005: 278]. Згідно з найдавнішими уявленнями, **молоко** як «генетичний» продукт (материнське) молоко, перша їжа людини наділяється сакральним значенням й осмислюється як живильне джерело, що дає людині здоров'я й життєві сили. **Ріки** з молока в образі фразеологізму з'являються як необмежена кількість цього необхідного для життя продукту, символізуючи невичерпний достаток [БФСРЯ 2006: 386]. Українці завжди споживали бджолиний **мед** – «символ надмірності у чомусь» [Жайворонок 2006: 357] – як цінний вітамінний продукт. **Пташине молоко** у поєднанні із словами-компонентами **тільки (хіба, лиш) (немає, не вистачає, бракує і т. ін.)** сигналізує про наявність абсолютного всього (гроші, одяг, помешкання тощо), тобто не вистачає чогось нереального, неіснуючого. Слова-компоненти тільки, хіба, лиш актуалізують сему «обмеження, граничність».

Ф. П. Медведєв зауважує, що вислів **молочні ріки і киселеві береги** у східнослов'янських народів був зафіксований в казці «За царя Гороха». Цей вислів народної казки, наголошує автор, якоюсь мірою перегукується з поширеним у багатьох мовах світу фразеологізмом, який бере свій початок в усній творчості стародавніх народів Сходу і дещо пізніше знайшов своє відбиття у культовій літературі. Близько трьох тисяч років тому були зафіксовані такі вирази: «Вивести його з землі цієї у землю гарну і обширну, де тече молоко і мед», «Дати ... землю, де тече молоко і мед». Ф. П. Медведєв припускає, що цей вислів є видозміною, певною трансформацією з мов стародавніх народів Сходу [Медведєв 1977: 143]. І. В. Захаренко говорить про те, що сюжет про

молочні ріки та киселеві береги як про втілення достатку є давнім, має аналоги у різних культурах і відображає уявлення про ідеальне щасливе життя. Образ фразеологізму бере свій початок від фольклорних казкових текстів, відповідно до яких **молочні ріки і киселеві береги** знаходяться у царстві мертвих, на тому світі, дуже далеко від «світу своїх». Особливістю того світу є те, що там наявні незліченні скарби (золоті палаци, кришталеві сади), панує достаток, ніколи не закінчується їжа, течуть ріки з молока або пива [БФСРЯ 2006: 386]. Усі компоненти фразеологізму створюють образ ситого, перенасиченого, забезпеченого й безтурботного життя.

В українській мові ФО **пташине (пташаче) молоко** має такі значення: 1) «що-небудь найвишуканіше, найприємніше, найбільш бажане»; 2) з дієсл. забажати, захотіти і т. ін. – «те, чого навіть на світі не існує, зовсім неможливе» [СФУМ 2008: 403]. Оскільки такої речі, як пташине молоко в природі просто немає, так само, як немає, наприклад, напою богів, то слово-компонент **пташине** в поєднанні зі словом **молоко** у внутрішній формі фразеологізму реалізують уявлення про нереальний достаток, благополуччя, про який можна тільки мріяти. Наприклад: *На його весіллі, розповідали гостроязикі, навіть пташине молоко було* (М. Стельмах) [СФУМ 2008: 403].

Значення «казково збагачуватися, бути в достатку» маніфестує ФО **плисти (литися і т. ін.) молоком і медом**. Названа одиниця сигналізує про збільшення прибутків, майна, а отже, віддзеркалює поняття «матеріальний надлишок». Дієслівний компонент **плисти** реалізує семи «надходить у певному напрямі», «швидко надходити», слова-компоненти **молоко і мед** сигналізатори достатку, багатства (в надзвичайній кількості), солодкого життя. Наприклад: *[Тірца:] І зацвіте Сіон весняним крином, і знов полетітья молоком і медом земля обітована* (Леся Українка) [СУМ 1973: Т. 4, 662].

ФО **біситися (казитися, дуріти) з жиру; з жиру** маніфестують значення «вередувати, живучи розкішно» [СФУМ 2008: 285]. Наприклад, *Один біситься з жиру, а другий риється по смітниках за кухонними покидьками* (І. Вільде) [ФСУМ 1993: Т. 1, 33]; *Знаємо ми таких панів! Що їм з жиру робити? Лютували одрадяни страх як!* (Панас Мирний) [ФСУМ 1993: Т. 1, 293-294]. Контексти сигналізують про те, що цей вираз характеризує виключно людину, причому характеризує негативно. В. М. Мокієнко говорить, що слово **жир** досі зберегло широкий діапазон значень: «сало», «корм», і більш конкретні види корму – «буковий горіх, жолудь». На формування переносного значення виразу вплинула й аналогія з собаками, які хворіють на сказ від перегодовування. В. Д. Ужченко звертає увагу на те, що первісно **казитися з жиру** говорили про тварин, зокрема собак [ФСУМ 1998: 57–58]. Як бачимо, традиція народного вживання виразу **біситися (казитися, дуріти) з жиру** зберегла давню семантичну інерцію слова жир. Мова первісно йшла про надлишок кормів для домашніх тварин, точніше – для собаки, надмірне «жирування» якої, дійсно, здатне викликати сказ [Мокиєнко 2004: 168]. Сьогодні вираз переносно називає людину, яка вередує, живучи надзвичайно розкішно.

Здійснений аналіз фразеологізмів української мови дозволяє стверджувати, що поняття «матеріальний надлишок» вербалізують ФО, у лексичному наповненні яких є стрижневі слова-компоненти **молоко, мед, сало, жир, вареник, галушка**. Наявність всього з надлишком або бажання чогось не-реального порівнюється із продуктами харчування, що перебувають у певній речовині. ФО віддзеркалюють особливості звичаїв, культурних уподобань українців.

Проте цим не вичерпується аналіз пропонованої теми, тому напрямок подальших розвідок полягатиме в дослідженні структурно-семантичних особливостей фразеологічних одиниць на позначення заможності.

ВИКОРИСТАНА ЛІТЕРАТУРА:

- БФСРЯ (2006) *Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий* / Отв. ред. В. Н. Телия. – [2-е изд., стер.] – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА. – 784 с.
- ЖАЙВОРОНОК, В. В. (2006): *Знаки української етнокультури: Словник-довідник* / [В. В. Жайворонко] – К.: Довіра. – 703 с.
- ЛЕВЧЕНКО, О. П. (2005): *Фразеологічна символіка: лінгвокультурологічний аспект : монографія* / О. П. Левченко. – Львів: ЛРІДУ НАДУ. – 352 с.
- МЕДВЕДЕВ, Ф. П. (1977): *Українська фразеологія: Чому ми так говоримо?* / Ф. П. Медведєв. – Х.: Вища школа. – 232 с.
- МОКИЕНКО, В. М. (2004): *Почему так говорят? От Авося до Ятя: Историко-этимологический справочник по русской фразеологии* / В. М. Мокиенко. – СПб.: Норинт. – 512 с.
- НАЗАРЕНКО, О. В. (2001): *Українська фразеологія як вираження національного менталітету : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук: спец. 10.02.01 «Українська мова»* / О. В. Назаренко. – Дніпропетровськ. – 24 с.
- СУМ (1973) *Словник української мови* : [у 11 т.] – К.: Наук. думка. – Т.4. І-М. 840 с.
- ССНП (1993) *Словник стійких народних порівнянь* / [О. С. Юрченко, А. О. Івченко]. – Х.: Основа. – 176 с.
- СФУМ (2008) *Словник фразеологізмів української мови* / [укл. В. М. Білоноженко, І. С. Гнатюк, В. В. Дятчук та ін.]. – К.: Наук. думка. – 1104 с.
- ФСУМ (1993) *Фразеологічний словник української мови*: [у 2-х кн.] / [укл. В. М. Білоноженко, В. О. Винник, І. С. Гнатюк та ін.] – К.: Наук. думка. – 984 с.
- ФСУМ (1998) *Фразеологічний словник української мови*: Близько 2500 виразів / [В. Д. Ужченко, Д. В. Ужченко]. – К.: Освіта. – 226 с.

МАЦЕЙ ЛЯБОХА

Польша, Сосновец

ПОТЕРЯННОЕ В ЛЕКСИКОГРАФИИ (?): ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА В ПЕРЕВОДНЫХ СЛОВАРЯХ ОБЩЕГО ТИПА

ABSTRACT:

Lost in Dictionaries (?): Phraseological Image of the World in Translation Dictionaries of General Type.

The author attempts to outline the problem of phraseological image of the world in the context of general Polish-Russian and Russian-Polish dictionaries. Multi-word lexical units typical for everyday communication are given as examples of different complexity in the process of text production.

KEY WORDS:

Lexicography – translation dictionaries – phraseology – image of the world.

Уже почти столетие прошло с того момента, как Эдуард Сепир отметил существенную роль культуры на формирование способов выражения человеческой мысли, своеобразной экспрессии мироощущения, мировидения, свойственной определенной языковой общности.¹ Лексикон такой общности формируется и обогащается по мере перемен, которые происходят относительно условий жизни, наблюдений за природой, отображает антропо- и этноцентризм общности, ее обычаи, систему ценностей, отношение к окружающему миру, общественную жизнь, политические отношения, историю этноса в целом [Bartmiński 2009: 11–21; Lewicki & Pajdzińska 2012: 315–333].

Вопросы культуры, как определителя многих языковых явлений широко обсуждаются лингвистами, в том числе, в плане межкультурной коммуникации,

¹ Сепир в своем главном труде воспользовался очень удачной метафорой данного факта: «A Japanese picture of a hill both differs from and resembles a typical modern European painting of the same kind of hill. Both are suggested by and both “imitate” the same natural feature. Neither the one nor the other is the same thing as, or, in any intelligible sense, a direct outgrowth of, this natural feature. The two modes of representation are not identical because they proceed from differing historical traditions, are executed with differing pictorial techniques» [Sapir 1921: 4].

теории и практики перевода и глоттодидактики [Duszak 1998; Kielar 2000]. Появляются также довольно масштабные проекты связанные с лексикографией, как попытка определить языко-культурную картину мира славян на основании анализа, главным образом, словарных данных.² Такие инициативы не остаются, конечно, без критических комментариев.³ Словари как в лексикографической, так и в переводческой литературе принято считать лишь несовершенным вспомогательным инструментом при «расшифровке» текста или его составлении [Piotrowski 2010: 52–53; Piotrowski 2001: 44–46; Pieńkos 2003: 174].

Особенно интересны для исследователей, как замечает Ежи Бартминьски, фразеологизмы [Bartmiński 2009: 13]. Это и не удивительно, поскольку в разного рода сочетаниях слов довольно ярко выражены именно способы интерпретации окружающего мира. Посредством переноса уже сложившихся основных понятийных структур, значений, новому явлению, новой обстановке дается соответствующая языковая экспрессия. При этом фразеологизмы преимущественно требуют воспроизведения в такой-то и такой-то конкретной форме⁴, что дополнительно стабилизирует их в системе лексики. Такие единицы могут представлять как межкультурные универсалии (в глобальном и в локальном смысле), так и межкультурные отличия.

Что касается одноязычных словарей (толковых), то – пользуясь словами Тадеуша Пиотровского – они представляют собой собрание элементов текста, которые носитель языка умеет выделить интуитивно вместе с интерпретацией их функции в тексте [Piotrowski 2010: 52]. Что же происходит в случае переводных словарей? Речь не идет даже о безэквивалентных единицах, которые требуют, к примеру, отдельных или дополнительных пояснений, а самых основных фразеологических составляющих коммуникации, которые для среднего пользователя представляют особую ценность в продуктивном смысле. Единицы входящие в состав универсальных интерпретаций действительности, т. е. таких, которые совпадают как по семантике, так и по структуре, действительно, возможно построить интуитивно подбирая единицы из словаря одну за одной.⁵ русск. *прийти в голову* –

² В проекте *Językowo-kulturowy obraz świata Słowian na tle porównawczym* заложена «реконструкция и описание фрагмента картины мира славян и сопоставление ее с аналогичным фрагментом картины мира неславян» [Chlebda 2010a: 219]. Аргументы в пользу изучения словарей в контексте языковой картины мира Войцех Хлебда формирует следующим образом: «Dlaczego to właśnie słowniki zostały wybrane jako pierwszy obiekt refleksji i analiz konwersatorium etnolingwistycznego? (...) Są bowiem informacje (i to etnolingwistycznie relewantne) widoczne w słowniku gołym okiem, leżące na powierzchni, gotowe do zebrania – i są też takie (...) które się ujawniają dopiero po przepuszczeniu tekstu słownika przez odpowiednio ustawione filtry» [Chlebda 2010b: 12–13].

³ Критическую позицию занимает Тадеуш Пиотровский: «pymarną funkcją słownika jest pomoc przy przetwarzaniu tekstu, przy czym jego użytkownik odgrywa rolę procesora», «użytkownik zawsze odczytuje, bądź tworzy tekst w szerszym kontekście (...) kultury.» Следовательно, особые культурные значения придают словарным единицам пользователем-интерпретатором [Piotrowski 2010: 52–53].

⁴ Значимость репродуктивности любых, даже не очень типичных для традиционного понимания фразеологии, языковых форм представляет В. Хлебда в статье: *Idiomatykon 4.: gdzie jesteście, dokąd zmierzamy (i parę zdań o tym, skąd przychodzimy)* [Chlebda 2009: 9–38].

⁵ Примеры фразеологизмов отобраны нами по роману Дарьи Донцовой «*Главбух и полцарства в придачу*», как тексту рассчитанному на среднего носителя языка и богатому именно фразеологией среднего коммуникативного типа, как например: *через мой труп, потерять бдительность, нездоровый ин-*

польск. *przyjść do głowy* [возникать в сознании, начинать представляться; подуматься⁶], русск. *путь / дороги разошлись* – польск. *drogi się rozeszły* [утратились общие интересы и прекратились связи с кем-либо, общение между кем-либо], русск. *довести до отчаяния* – польск. *doprowadzić do rozpaczy*, русск. *водить за нос* – польск. *wodzić za nos* [обманывать, вводить в заблуждение, обычно обещая что либо и не выполняя обещанного] и т.д. Небольшое отклонение относительно грамматической конструкции фразеологизма приведет однако к деформации выходной единицы. Примерами таких единиц служат следующие пары: русск. *пропустить мимо ушей* – польск. *puścić mimo uszu* [совершенно не реагировать на то, что говорится, на то, что сказано], русск. *сидеть сложа руки* – польск. *siedzieć z założonymi rękami* [ничего не делать, бездействовать, бездельничать], русск. *закрывать глаза (на что)* – польск. *przymknąć oczy (na co)* [намеренно не обращать внимания на что-либо, не замечать чего-либо (обычно неприятного, нежелательного или предосудительного)] и др. Такими же окажутся и те единицы, в которых часть составляющих их компонентов выражена средствами, не совпадающими по прямому значению: русск. *влияться в толпу* – польск. *wtopić się / wmieszać się w tłum* [присоединиться к безличной группе людей, чтобы стать незаметным], а в наибольшей степени те единицы, которых мотивация не совпадает полностью: русск. *на нет и суда нет* – польск. *<mówi się> trudno; <jak> nie to nie* [примирение с отказом или отсутствием чего-либо], русск. *упереться рогом* – польск. *stanąć okoniem* [заупрямиться, не соглашаться с чем-либо, на что-либо], русск. *без сучка без задоринки* (синоним: *как по маслу*) – польск. *jak po maśle* [безукоризненно, без затруднений; без всяких препятствий и помех (о делах, событиях, работе)].

В новейшем большом польско-русском и русско-польском словаре,⁷ в польско-русской части, т. е. той, которая для польского пользователя является основной (по известным причинам), зафиксирована лишь одна единица в установленной нами паре. В остальных случаях даются другие эквиваленты (что само собой, в переводческом смысле, не следует рассматривать как особенный недостаток) либо выходную пару находим в совсем неожиданном месте. Нескольких единиц нам не удалось найти в словаре вообще⁸. Исходя из прак-

терес, оказаться за бортом, все к лучшему, горько сожалеть, всякое случается, угрызения совести, поворот событий, оказаться меж двух огней, сорваться с цепи, прикусить язык, сохранить хладнокровие, стропить глазки, сваливать на сторону, бегать налево, застрять в горле и многие другие.

⁶ Все толкования, кроме *влияться в толпу* и *на нет и суда нет* приводим по ресурсам сайта Академик (<http://dic/academic.ru>). Остальные толкования по частичным словарным данным и интернет-материалам.

⁷ Имеется в виду *Wielki słownik rosyjski PWN 2.0* (далее по тексту – WSR PWN 2.0.).

⁸ Поиск велся по каждому из слов составляющих фразеологизм. Зафиксированной словарем парой является [статья: *masło*] *jak po maśle* – *без сучка без задоринки* в варианте *ни сучка ни задоринки* (как по маслу отсутствует). Словарь фиксирует также [статья: *przyjść* и *przychodzić*] *przyjść (przychodzić) do głowy / przyjść na myśl* с переводом: *прийти (приходить) на ум / подуматься. Прийти (приходить) в голову* находится зато в статье *nasunąć się (nasuwać się)*, как одно из значений (вероятность поиска именно в этой статье кажется довольно низкой). Для исходного [статья: *nie*] *jak nie to nie* словарь фиксирует лишь один из вариантов перевода: *нет так нет*, для [статья: *stawać*] *stawać okoniem* – *кобениться*, а для заглавного слова *trudno*, которое можем считать синонимом конструкции *mówi się trudno* дается *ничего не поделаешь*. Подытоживая, из двенадцати подобранных нами единиц польского языка в WSP PWN 2.0. мы нашли лишь пять,

тики работы с переводными словарями можно считать этот факт некой тенденцией. Отсутствие предлагаемых нами фразеологизмов затемняет в какой-то степени сравнительный эффект. Кроме того, результаты поиска по интернет-ресурсам подсказывают, что данные единицы из-за своей высокой частотности должны безусловно пополнять словник словарей, по крайней мере самых больших. С другой стороны, результаты поиска по профессиональным корпусам обоих языков указывают на одну из возможных причин неучета некоторых фразеологизмов. Как ни парадоксально, это низкая частотность.⁹ Возможен еще другой вариант: данные единицы словарем фиксируются, но располагаются в словаре в неинтуитивных, не очень удачно составленных парах.

Каким бы не был ответ, факт остается фактом – фразеологическая картина мира в переводных словарях общего типа не представлена в той степени, которая позволила бы пользователям достаточно осознавать ее специфику по отношению к родному языку. Однако, несмотря на их недостатки, растущая содержательность и качество лексикографических источников, которые сегодня обеспечивают новейшие технологии, позволяет надеяться, что мы постепенно входим в лексикографическое будущее, в котором как языковая картина мира, так и продуктивная ценность играют одну из самых главных ролей. Пока WSR PWN 2.0. можем считать лишь одним из первых шагов на пути к переосмыслению польско-русской и русско-польской лексикографии.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- BARTMIŃSKI, J. (2009): *Językowe podstawy obrazu świata*. Wydawnictwo UMCS, Lublin.
 CHLEBDA, W. (2009): *Idiomatykon 4.: gdzie jesteśmy, dokąd zmierzamy (i parę zdań o tym, skąd przychodzimy)*. In: W. Chlebda (ed.), *Podręczny idiomatykon polsko-rosyjski 4*. Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, s. 9–38.

при этом в большинстве словарь предлагает отличающийся от нашего перевод.

⁹ Результаты поиска с помощью поисковых систем Google (<http://www.google.ru> для единиц русского языка и <http://www.google.pl> для единиц польского языка) и Яндекс (<http://yandex.ru>) существенно отличаются от результатов поиска в Национальном корпусе русского языка (<http://ruscorpora.ru>) и Национальном корпусе польского языка (*Narodowy korpus języka polskiego*, <http://www.nkjp.pl> – поисковая система PEPCRA; поиск в сбалансированном подкорпусе): **прійти в голову** – Google (результаты даются «примерно»): 6 580 000 («результатов»), Яндекс: 148 000 («ответов»), НКРЯ: 286 («вхождений»); **przyjść do głowy** – Google: 799 000, НКJP (приводим результаты по «абзацам», результаты по «примерам», по всей вероятности из-за технических причин, не всегда дают возможность правильного подсчета): 107; **пути разошлись** – Google: 212 000, Яндекс: 48 000, НКРЯ: 43; **drogi rozeszły się** – Google: 5 900 000, НКJP: 33; **дове-сти до отчаяния** – Google: 2 510 000, Яндекс: 4 000, НКРЯ: 3; **doprowadzić do rozpacz** – Google: 897 000, НКJP: 9; **водить за нос** – Google: 1 310 000, Яндекс: 33 000, НКРЯ: 24; **wodzić za nos** – Google: 285 000, НКJP: 38; **пропустить мимо ушей** – Google: 911 000, Яндекс: 22 000, НКРЯ: 15; **puścić mimo uszu** – Google: 222 000, НКJP: 3; **сидеть сложа руки** – Google: 10 800 000, Яндекс: 251 000, НКРЯ: 160; **siedzieć z założonymi rękami** – Google: 211 000, НКJP: 33; **закрывать глаза на** – Google: 7 820 000, Яндекс: 215 000, НКРЯ: 68; **przymknąć oczy na** – Google: 620 000, НКJP: 17; **влияться в толпу** – Google: 286 000, Яндекс: 5 000, НКРЯ: 0; **wtopić się w tłum** – Google: 1 840 000, НКJP: 14; **umieszać się w tłum** – Google: 1 280 000, НКJP: 18; **na nim u ciuda nim** – Google: 2 500 000, Яндекс: 50 000, НКРЯ: 94; **mówi się trudno** – Google: 2 280 000, НКJP: 81; **jak nie to nie** – Google: 7 460 000, НКJP: 81; **упереться рогом** – Google: 97 400, Яндекс: 5 000, НКРЯ: 3; **stanąć okoniem** – Google: 13 100, НКJP: 2; **без сучка без задоринки** – Google: 1 150 000, Яндекс: 36 000, НКРЯ: 37; **как по маслу** – Google: 24 700 000, Яндекс: 532 000, НКРЯ: 336; **jak po maśle** – Google: 3 160 000, НКJP: 99. Контексты в которых появляются в Интернете данные единицы – вопрос требующий отдельных исследований.

- CHLEBDA, W. (2010a): *Wstępne założenia analizy słownikowej w projekcie badawczym EUROJOS*. In: W. Chlebda (ed.), *Etnolingwistyka a leksykografia*. Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, s. 219–226.
- CHLEBDA, W. (2010b): *W poszukiwaniu językowo-kulturowego obrazu świata Słowian*. In: W. Chlebda (ed.), *Etnolingwistyka a leksykografia*. Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, s. 12–13.
- DUSZAK, A. (1998): *Tekst, dyskurs, komunikacja międzykulturowa*. Wydawnictwo Naukowe PWN, Warszawa.
- KIELAR, B.Z. (ed.) et.al. (2000): *Problemy komunikacji międzykulturowej: lingwistyka, translatoryka, glottodydaktyka*. Oficyna Wydawnicza Graf-Punkt, Warszawa.
- LEWICKI, A.M. & PAJZIŃSKA, A. (2012): *Frazeologia*. In: J. Bartmiński (ed.), *Współczesny język polski*. Wydawnictwo UMCS, s. 315–333.
- PIEŃKOS, J. (2003): *Podstawy przekładoznawstwa. Od teorii do praktyki*. Kantor Wydawniczy Zakamycze, Kraków.
- PIOTROWSKI, T. (2001): *Zrozumieć leksykografię*. PWN, Warszawa.
- PIOTROWSKI, T. (2010): *Słowniki w badaniach językowego obrazu świata*. In: W. Chlebda (ed.), *Etnolingwistyka a leksykografia*. Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, pp. 52–53.
- SAPIR, E. (1921): *Language. An Introduction to the Study of Speech*. Harcourt, Brace And Company, New York [<https://archive.org/details/languageanintrodoosapi>].

ОЛЬГА ВЯЧЕСЛАВОВНА ОРЛОВА

Россия, Томск

МИФОЛОГЕМА НЕФТИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ¹

ABSTRACT:

Mytheme of Oil in Modern Russian Poetic Discourse

In the last decade oil got the status of a global symbol of the modern era, one bright proof to that the intensive growth of different representations of this image in various poetic practitioners acts: from elite to mass. In the analysis of Russian poetic discourse are accurately isolated social and metaphysical vectors of associative and semantic expansion of this image in the presence of the general for all esthetic decisions of a neomifologizm.

KEY WORDS:

Mytheme of oil – modern Russian poetic discourse – neomifologizm.

Нефть, безусловно, приобрела в последние десятилетие статус глобального символа современной эпохи, ярким доказательством чему выступает интенсивный рост эстетических аббераций этого образа в различных поэтических практиках: от элитарных до масскультных. При пилотном обзоре художественного слова о нефти достаточно четко вычлняются социальный и метафизический векторы ассоциативно-смыслового развертывания концепта в поэтическом дискурсе при априорной условности их межевой границы, заключающейся в общем для всех эстетических решений нефтяной топики неомифологизме.

Осознание тотальности и глобальности нефти как главной детерминанты жизни человечества получает в новейшей поэзии различные манифестации, мифологизируясь за счет контекстуального сближения (за счет контекстной антонимии, синонимии, ассоциативной «привязки» и др.) с традиционными символами культуры и мифологемами.

Смысловая лексическая / семиотическая парадигма *Бог – нефть* приобретает в современном художественно-эстетическом дискурсе статус культурной универсалии. В начале постнищанского XXI столетия место

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект 12-14-70002

умершего Бога занимает нефть: «*Бог умер!*», – *нефть кричит, орет!* Данная строчка, содержащая прямую отсылку к известнейшей фразе Ницше, который в конце XIX в. говорил о духовном упадке европейской цивилизации, принадлежит перу рок-автора С. Шилова (URL: http://lit.lib.ru/s/sergej_e_s/text_0070.shtml). Поэт, солидаризируясь в философских и эстетических интуициях со многими художниками, рисует картину глобальной катастрофы «пришествия нефти»: *Там, где есть нефть, / Нефть всех съест. / Стерта неба весть – / Это цена за нефть! / Времени больше нет – / Это цена за нефть! / Зрения больше нет! – / Это цена за нефть! / Музыки больше нет! / Есть только нефть! / Нефть несет весть: / Бога больше нет, / Есть только нефть, Есть только нефть!*

Данный, не отличающийся большой художественной ценностью текст важен представленностью в нем ведущих элементов образного инвентаря нефтяного поэтического дискурса современности. Произведение изобилует вербально-семантическими признаками деструктивности, нивелирования и опустошения (например, в глагольных формах и модальных словах семантики исчезновения и аннигиляции: *съест, стерта, нет*, в многократных лексических повторах, нагнетающих негативную экспрессию: *Времени больше нет – Зрения больше нет! – Музыки больше нет! – Бога больше нет*), маркерами семантики глобальности и всеохватности (например, в перечислении исчезнувших ключевых символов высшей духовности: *времени, зрения, музыки, Бога*; в «рубленном» категоричном синтаксическом рисунке, состоящем из коротких констатирующих конструкций, построенных на антонимии экзистенциальных предикатов *есть – нет*, в усилителях наречного и иного типа: *только, больше, всех*), архетипической религиозной символикой (*неба весть; Бога больше нет*).

Итак, нефть предстает как новый сакральный символ антимира зловещего черного цвета, и уже не человек, покоряющий природу, отбирая у нее нефть, является теперь вочеловеченным богом, но сама нефть становится инфернальным божеством. Нефтяной ад 2000-х теряет свою игровую условность и предстает в ужасающей милитаристской, экологической и апокалиптической реальности. Катастрофизм, крайне пессимистические раздумья и интуиции о будущем человечества как доминанта мироощущения и стилистической тональности объединяет большинство лирических вариантов развития нефтяной тематики нашего времени.

Исполнена предчувствием неизбежной катастрофы нефтяная атрибутика в поэзии А. Таврова: «Образов нефти и нефтяных танкеров в стихах у Таврова много. Но как более точно передать ощущение надвигающейся громады, пред которой отступает любой человеческий разум» [Черных 2010]. Например: *Когда вокруг миры и танкеры, убийства / и джипы, и в горах идет война, и голосит /на сцене тенор мировой, а нефть пылает («Складка»); ...или танкер и в танке орел?... У сына черной крови по горло, как нефти по край ... то нефть, то жерло («Рыбы»)*. Насыщенность вербальной ткани текстов лексикой семантических сфер войны, социальных и экологических бедствий,

угроз и катаклизмов (*танкеры, танк, война, нефть пылает, крови по горло, жерло*) фокусирует и катализирует символику нефти как причины и источника этих катастроф. А образ пылающей нефти действительно становится универсальным культурным знаком «апокалипсиса сегодня» – например, в известной песне Б. Гребенщикова «Поколение дворников и сторожей» о трагической разобщенности и бессилии рефлексирующего сознания перед лицом движущегося к неминуемой гибели мироздания, *когда горящая нефть хлещет с этажа на этаж*.

Выдающийся поэт нашего времени Инна Лиснянская, родившаяся в Баку, мысль о разрушительной миссии нефти подчеркивает традиционным вербальным партнерством *нефть – кровь – смерть: Кровь запятнала реки, а нефть – моря* («На каждый день творенья ушли века»); *Теперь там – Боже мой! – / Теперь там – Боже правый! / След нефти за кормой, / А на песке – кровавый* (Об армянском погроме в Баку 1990 г. – «А как он был любим»). Экологическая и военная катастрофы переживаются поэтом в единой нефтяной символике, где нефть – однозначный знак разрушения и смерти. Так, в стихотворении 2005 г. «Оглохнув от тишины, ослепнув от света» автор, без вычурного пафоса и с долей светлой иронии размышляя на склоне лет о подлинном смысле бытия в его неотменимой амбивалентности (*Судьба о двух головах сложилась вalletом*), на чаши весов как уравнивающие друг друга даже на уровне рифмы манифестации жизни и смерти кладет *спрос на слово, поправшее смерть, и цену биржевую на нефть*. Цена на нефть, таким образом, приобретает статус антисакрального антислова, профанной псевдожизни, не попирающей, а подтверждающей диктат смерти.

Апокалипсические модуляции темы нефти осмысляются и в такой футурологической перспективе, как истощение, конец нефти как невозобновляемого сырьевого источника. либо живописуют фантазмгорические картины ужасающей гуманитарной деградации: *Мы – нефтяная цивилизация. Когда закончится нефть, начнется голод, каннибализм. Я убью толстую соседку и буду вытапливать из нее жир для освещения. И это не шутка. У меня есть ружье* (Никонов А. Когда закончится нефть... // Огонек. 2002. № 38).

Абсолютное зло как итог конца нефти, конец нефти как конец жизни, как тотальная смерть человека и мира – эти интенции продолжают быть частотными мотивами рок-творчества: *эта очередь никогда не закончится, если однажды все не умрут / когда я был маленьким, мне говорили, что есть за что умереть / сегодня я взрослый, меня тошнит каждый день от участия в этой игре / когда мне говорят кого-то любить, я начинаю ненавидеть вдвойне / я не знаю, кто придет нас убивать, когда закончится нефть* (Максим Демах. URL: http://vk.com/topic-31094955_25510118).

Как видим, вербально-образная триада *любовь – смерть – нефть*, в которой нефть, несущая смерть, является заместительным антиподом любви, средоточием ненависти и убийцей, становится в рок-поэзии, альтернативной и оппозиционной по своему творческому кредо, двигателем мощнейшего экспрессивного протеста героя: *меня тошнит каждый день от участия в этой игре*.

Особенно ярко этот протест прозвучал в песне классика русского социального рока Ю. Шевчука «Когда закончится нефть». По ритмической структуре и стилистической тональности это лирическая, почти пасторальная, миниатюра, по сюжетному строю – шуточная утопия и одновременно пародия на эту утопию. Почти все произведение представляет собой перечисление благотворных признаков и деталей архетипического мотива возвращения в *рай золотого века*: *ты вернешься ко мне весной; Мы посадим леса и устроим рай в шалаше; настанет век золотой; И мы вновь научимся любить; И все русалки и феи / будут молиться за нас.*

Думается, примитивная и клишированная образность произведения далеко не случайна и обусловлена коммуникативным замыслом автора показать посредством травестирования и пародирования нарисованной им же идиллии всю иллюзорность и призрачность надежды на возвращение мира без нефти.

Что касается метафизического вектора ассоциативно-смыслового развертывания концепта *нефть* в отечественном художественном дискурсе, то, как мы уже говорили, речь должна идти прежде всего о произведениях таких выдающихся современных писателей, как А. Парщиков (поэмы «Нефть» и «Долина транзита»), В. Пелевин («Македонская критика французской мысли» и др.), А. Иличевский (романы «Нефть», «Перс»). Именно в этих произведениях концепт *нефть* обретает все признаки концепта художественного, а именно – полноценные эстетические приращения, уже не столь однозначно детерминированные его медийной, социально маркированной природой.

Безусловно, нефть как художественный концепт – тема отдельного серьезного научного исследования. Однако, в частности – из патриотических соображений, обозначим некоторые грани метафизики нефти в современном поэтическом дискурсе на примере анализа стихотворения «Нефть» (2008 г.) незаурядной томской поэтессы, автора и исполнителя Натальи Нелюбовой.

Отметим, что источником философско-эстетического осмысления нефтяной темы в метафизической поэтической парадигме служит геологический (к слову, по образованию Н. Нелюбова – геолог) сюжет происхождения жидких углеводородов из останков доисторических растений и существ. Поэтому залегание нефти в глубоких пластах земной породы метафорически представляется неким состоянием первобытного бессознательного сна под толщами времен, которые сдавили нефтяные вместилища: *Где-то в центре земли, / в маленьких тесных кроватках спит нефть.*

Лирико-философский сюжет стихотворения Н. Нелюбовой – вечное противостояние и взаимопереплетение полярных и разноприродных начал: *белого и черного, реки и нефти, ночи и солнца, голубя белого и ворона черного, жизни и смерти: Белая-белая-белая, белая река. / Черная-черная-черная, черная нефть.* И еще – неизбежность их встречи и движения навстречу друг другу: *Я никогда не бывал там, / где под землей светят ходы, / где черные люди идут через лес. / Я никогда не бывал здесь, где солнце.*

Но именно жизнь (ее символы – *белая река, белый голубь, дерево, костер, свет, мед, золотая нить* и др.) по причине потребности в тепле (*холода, не хватает тепла*) нуждается в нефти, которую нужно вытянуть (*Будто бы их затягивает ночь*), разбудить и привести (*иди ее разбуди и приведи...*). Заслуживает внимания факт регулярной повторяемости в мифопоэтических трактовках образа нефти ее антропоморфного представления: нефть выступает скрытой в глубинах недр плененной девой (см. также в поэме А. Парщикова «Нефть»: *Ты ли выманил девушку-нефть из склепа в сады Гесперид белым наливом?*). Черная дева-нефть пробуждается, идет на зов белого, тем самым служа жизни: *Будто в книгах моих написано «жить»*.

Таким образом, нефть мифологизируется, превращается в символ сложности и неоднозначности мироустройства, амбивалентности бытийных законов жизни и смерти, а также величия и непостижимости высшего замысла.

МИРОСЛАВА НИКОЛАЕВНА ОСАДЧАЯ

Россия, Старый Оскол

ФРАЗЕОСЕМАНТИКА В ПРАГМАТИЧЕСКОМ ФОКУСЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА О. МАНДЕЛЬШТАМА

ABSTRACT:

Phraseological Semantic from Pragmatic Point of View of O. Mandelstam's Artistic Discourse

A cognitive-pragmatic approach of studying of artistic discourse allows describing phraseological allusion as one of the appearances of author's intentions. In pragmatic focus of artistic discourse phraseological units are transformed and explicate communicative potential in the artistic discourse of O. Mandelstam. Conventional phraseological meanings are functioning in the author's discourse as basis for creating of sense.

KEY WORDS:

Artistic discourse – pragmatic focus – discursive intention – phraseological semantic – phraseological allusion – implicitness of artistic discourse.

Прагматический фокус художественного дискурса понимается нами как та установка, которая необходима автору для выражения индивидуальной оценочности посредством знаков, имеющих традиционное прочтение. Знаки косвенно-производной номинации являются эффективным инструментом, так как они изначально представляют собой сложные семантические образования, у которых наряду с конвенциональным значением в смыслообразовании участвует и внутренняя форма, что даёт возможность проецировать имплицитно и «подтекстовый» смысловой слой дискурсивного содержания. Кроме того, прагматическими факторами обусловлены модификации смысловой основы фразеологизма в художественном дискурсе, которые являются результатом сопряжения когнитивных структур языкового сознания и преобразовательного потенциала фразеологических текстов. Речевая востребованность фразеологических номинаций «связана с необходимостью обозначать коннотативные аспекты мыслительного содержания» [Алефиренко 2008: 94], соответственно, фразеологизмы добавляют авторскому образу оценочность, опирающуюся на «авторитетный» опыт типизации событий в общекультурном

языковом сознании, что углубляет потенциал прагматического плана художественного дискурса.

Как правило, читатель воспринимает поэтический текст, ориентируясь на поэтические традиции, и ожидаемая поэтическая форма также входит в план presupпозиции. Непредсказуемые же конструкции плана выражения как «стимул читательской активности» [Чумак-Жунь 2009: 54] обусловлены когнитивными особенностями поэтического сознания автора и репрезентируют своеобразный прагматический «посыл» адресату. В поиске конвенциональных знаков для вербализации внутренне переживаемых смыслов автор «оперирует посредством обозначения их в некотором субъективном коде» [Залевская 1990: 70]. Как раз в поэтическом дискурсе Осипа Мандельштама в период 1930-х годов частотны намеренные отклонения от привычных нарративных схем, нарушения предсказуемости и использование окказиональной сочетаемости. Соответственно, в таких контекстах аллюзивные отсылки к фразеологизмам представляются своеобразной подсказкой, направляющей читателя к расшифровке индивидуального авторского «кода».

Сам окказионально изменённый фразеологический текст, использованный в качестве прецедентной основы, функционирует в художественном пространстве под воздействием «интенциональности дискурса», под которой понимается «влияние событийного фона и прагматики дискурса» [Семененко 2011: 336], чем и обусловлены смысловые приращения готовых фразеологических знаков в конкретных дискурсивных фрагментах. Под влиянием дискурсивной интенции индивидуально-авторские трансформы фразеологизмов могут вскрывать многомерные смыслы. Такая интеллектуальная «игра» с читателем характерна для творчества Мандельштама в целом. Например, в следующих строках видится фразеологическая аллюзия в поэтическом обращении к Богу:

«Заблудился я в небе, что делать?

Тот, кому оно близко, ответь...

...Если ты виночерпий и чашиник ...» [Мандельштам 1994: 129].

В уникальном авторском переосмыслении Бог – это тот, кто «раздаёт» полные чаши, испить которые во фразеологизме библейского происхождения доводилось в переносном смысле как символическое «обозначение тяжёлого испытания» [Бирих 2007: 745]. В дискурсе Мандельштама содержимое чаши является символическим именованием вдохновения, поэтому и приобрело положительные коннотации. Например, в раннем тексте о Бетховене встречается:

«С кем можно глубже и полнее

Всю чашу нежности испить?» [Мандельштам 1993: 109]. В художественном мире Мандельштама символика чаши и её содержимого – вина – перекликается с «дионисийским» пониманием творческого озарения:

«А я пою вино времён –

Источник речи италийской» [Мандельштам 1993: 119]. В художественном дискурсе общезыковые единицы обогащаются тем личностным смыслом, который актуализирует ценностные для авторского мировосприятия концепты.

Для Мандельштама в таком понимании и культура представляет ценность, если она вдохновляет поэта: «*Да, культура **опьяняет***» [Мандельштам 1993: 233]. Тем самым в обращении *виночерпий* вербализовано индивидуально-авторское понимание источника поэтического вдохновения. А фразеологизм *испить чашу* предстаёт и языковым инструментом дискурсивной деятельности, и одновременно «знаком» прагматического плана, своеобразным «ключом» для адресата.

Общезыковое значение фразеологизма можно рассматривать как элемент пресуппозиции, позволяющий в ходе анализа моделировать предполагаемое авторским замыслом сложное смысловое содержание. Так, в тексте стихотворения «День стоял о пяти головах...» дважды повторяется авторское пожелание-мольба «*На вершок бы мне синего моря, на **игольное только ушко***» [Мандельштам 1994: 93]. Вне фразеологизма словосочетание *игольное ушко* воспринимается как эталон минимального количества, особенно в данном контексте параллельно сопоставлению со старинной минимальной мерой длины – *на вершок*. Однако если прочитывается аллюзивная отсылка к фразеологическому тексту, то авторское осмысление собственной изолированности предстаёт более драматичным. Выражением *Легче верблюду пройти сквозь игольное ушко* обозначается безвыходная ситуация, именно фразеологический текст репрезентирует фрейм «Безысходность». У Мандельштама в это время после почти годового перерыва в стихах (арест, ссылка в Чердынь и попытка «самоубийства», переезд в Воронеж) появляется «серия» воронежских стихотворений. Важен тот факт, что, прожив восемь месяцев в Воронеже, Мандельштам стихи начинает писать после посещения концерта московской скрипачки. Обстановка мрачного провинциального города во многих текстах осмыслена Мандельштамом как противоположная самому понятию «Культура», поэтому Воронеж стал символом бездуховности для Поэта. Как раз глубинный смысл евангельского выражения изначально передавал невозможность духовного восхождения. Кроме того, в тексте Мандельштама форма косвенной просьбы репрезентирует авантюрную готовность автора совершить невозможное. А по одной из этимологических версий, рассматриваемых Х. Вальтером, изначально выражение могли понимать дословно, и тогда, вероятно, могло иметь место образное представление заведомо невозможной ситуации – «метафорически осмысленный» парадокс [Вальтер 2012: 21]. Интересно, что Мандельштам спустя неделю пишет стихи, в угоду властям заявляющие: «...*что ленинское-сталинское слово – воздушно-океанская подкова*» [Мандельштам 1994: 91], тем самым поэт всё же решает попытаться «пройти сквозь игольное ушко», и жертву приносит как раз духовно-нравственную. «Сталинские» стихи Мандельштама и есть парадокс, особенно в сравнении с его прежними обличительными произведениями. Именно посредством фразеологической основы смысловое пространство художественного дискурса углубляется в когнитивном плане, а свойственная художественному дискурсу имплицитность проецирует множественность смысловых вариаций.

Имплицитность художественного дискурса актуализируется не только посредством ассоциативных связей. Дискурсивная среда порождает и такие

смысловые преломления, которые актуализированы семантикой внутренней формы фразеологической основы. Так текст, написанный первого января 1924 года, (а в предыдущем году стало явным неприятие Мандельштама как поэта в литературных кругах новой страны), воплощает авторскую рефлексивную оценку, соответственно и образы пустоты, колючего зимнего холода ассоциативно переключаются с образами колючих костей мёрзлой рыбы:

*«Я, рядовой седок, укryвишись **рыбьим мехом,***

Всё силюсь полость застегнуть» [Мандельштам 1993: 51]. В общепринятом значении фразеологизма *на рыбьем меху* содержится ироничная оценка предмета из мира материальной культуры, когда говорится о плохой, абсолютно не согревающей одежде. Однако в общем контексте в образах холода репрезентирован концепт «Одиночество», и концепт «Несправедливость» в образах *щучьей косточки* и *щучьего суда* в соседних строках (аллюзия на предвзятый суд над *щукой* из басни, и фонетическая переключка с «шемякиным судом»). Интересно, что в этот период Мандельштам решает смириться и даже напишет через месяц на смерть Ленина публицистическую статью в идеологически-правильном тоне. Именно парадокс как основа внутренней формы этой фразеологической номинации [Бирих 2007: 745] раскрывает глубинные смыслы, репрезентирующие авторскую рефлексивную самооценку. Таким образом, фразеологическое значение как конвенциональная основа взаимопонимания автора и читателя присутствует в дискурсивном пространстве. Как раз фразеологическая семантика сохраняет культурные коннотации, присущие фраземе.

Номинативная авторская избирательность в выборе конкретного знака косвенно-производной номинации способствует объективации скрытых ценностных установок, поскольку в когнитивно-семантической структуре фраземы кодируется и знание об окружающем мире, и представление о внутреннем переживании человека. В условиях художественного дискурса фразеологические аллюзии являются средством коннотативного осмысления нравственных проблем, тем самым трансформации фразеологического исходного текста отражают динамику индивидуального сознания автора. При этом видоизменённая фразема, сохраняя общекультурную образную составляющую, становится специфической единицей авторского дискурсивного пространства.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- АЛЕФИРЕНКО, Н. Ф. (2008): *Фразеология в свете современных лингвистических парадигм*. «Эллис», М.
 БИРИХ, А. К. (2007): *Русская фразеология: Историко-этимологический словарь*. «Астрель: Хранитель», М.
 ВАЛЬТЕР, Х. (2012): *Как черная овца попала в немецкий словарь, а паршивая в русский (о двух немецких «библейских» животных в немецкой фразеологии)*. In: Национально-культурный и когнитивный аспекты изучения единиц языковой номинации. КГУ им. Н.А. Некрасова, Кострома, С. 18-22.
 ЗАЛЕВСКАЯ, А. А. (1990): *Слово в лексиконе человека: психолингвистическое исследование*. Изд-во Воронежского университета, Воронеж.
 МАНДЕЛЬШТАМ, О. Э. (1993): *Собрание сочинений в 4-х томах*. Т. 2. П. Нерлер, А. Никитаев (ред.). «Арт-Бизнес-Центр», М.
 МАНДЕЛЬШТАМ, О. Э. (1994): *Собрание сочинений в 4-х томах*. Т. 3. П. Нерлер, А. Никитаев (ред.). «Арт-Бизнес-Центр», М.
 СЕМЕНЕНКО, Н. Н. (2011): *Русские паремии: функции, семантика, прагматика*. Изд-во РОСА, Старый Оскол.
 ЧУМАК-ЖУНЬ, И. И. (2009): *Поэтический текст в русском лирическом дискурсе конца XVIII – начала XXI веков*. Издательство БелГУ, Белгород.

МАРКЕТА ПАВЛАСОВА

Чехия, Брно

FRAZEOSEMANTICKÁ SKUPINA „VÝRAZ TVÁŘE“ V RUSKÝCH A V ČESKÝCH BIBLICKÝCH FRAZEOL- GIZMECH S KŘESTNÍMI JMÉNY

ABSTRACT:

Phraseosemantic Group “Physiognomy” in Russian and in Czech Biblical Origin with Proper Names

The objectives of my research are phraseological units of a biblical origin part of which was the first name of a biblical character (or rarely other mythological characters with the first name). Comparisons were divided according to a common seme. Phraseological units were divided into phrase-semantic fields which are further subdivided into phrase-semantic groups. There are presented practical examples of these phrases.

KEY WORDS:

Phraseology – language of the Bible – biblical phraseology – biblical idioms – proper names – Russian and Czech – physiognomy v phrase-semantic Gross.

1.1 Dělení biblické frazeologie

Současná frazeologická terminologie [Mlacek, Ďurčo 1995: 16] označuje soubor frazémů, které pocházejí z Bible nebo jiného knižního církevního pramene termínem *biblická frazeologie*. Vzhledem k rozsahu frazeologického materiálu se nyní užívá kromě termínu *biblická frazeologie* také *náboženská a křesťanská frazeologie*.

Ferencová [2006: 90–91] dělí biblickou frazeologii na několik podskupin:

- **Náboženská frazeologie** – soubor všech frazeologických jednotek, které pocházejí z jakýchkoliv náboženských zdrojů (tj. náboženské spisy, knihy – Bible, Korán, Talmud), rituálů či zvyků – např. *když nechce jít hora k Mohamedovi, musí jít Mohamed k hoře; svatá válka* apod.
- **Křesťanská frazeologie** – souhrn frazeologizmů, které pramení z knižních církevních, ale i světských zdrojů; jejich vznik je spjat s křesťanským náboženstvím, souvisí s církví a církevní hierarchií – např. *šedá eminence; je s ním amen* aj.
- **Biblická frazeologie** – skupina frazémů pocházejících z *Písma svatého* –

z Bible. Jejich výskyt, na rozdíl, od křesťanských frazém, můžeme doložit citací v *Písmu*.¹

1.2 Klasifikace frazeologických jednotek biblického původu s křesťanským jménem

Při klasifikaci frazeologizmů jsme užili vlastní klasifikaci z hlediska obsahové ekvivalence, která je založena na **přítomnosti biblického křesťanského jména** (příp. výjimečně jiného mytologického křesťanského jména z antické či ze slovanské mytologie) v ruském nebo v českém frazeologizmu.

Při excerpci rusko-českých frazeologických jednotek jsme se inspirovali klasifikací podle L. I. Stěpanové a V. M. Mokijenkina [1995], kteří vydělují frazémy s *úplnou ekvivalencí, s částečnou ekvivalencí, poměrné (též relativní) ekvivalenty, frazeologické analogy a bezekvivalentní frazeologizmy*. Podle této koncepce jsme rovněž frazémy rozdělili na *úplné, částečné a na frazeologické analogy*. Vzhledem ke specifickému jazykovému materiálu jsme k tomuto dělení přiřadili další tři vlastní kategorie, a to *specifické ruské frazémy s křesťanským jménem biblické postavy, specifické české frazémy s křesťanským jménem biblické postavy a překladové ekvivalenty*.²

Frazémy jsme rozdělili do *frazeosémantických polí*. Frazémy jednoho pole se odlišují svými specifickými sémy, které jsou sekundární a navazují na jeden referenční pojem. Frazémy jednoho frazeosémantického pole vyjadřují stejný věcný, denotativní význam a seskupují se do významových celků, frazeosémantických makropolí. Frazémy jednoho frazeosémantického pole se navzájem nachází v různě

¹ Ferencová [2006: 90–91] uvádí jejich další členění na **frazémy, které se v Bibli nacházejí v ustálené (neměnné) podobě**, např. *marnotratný syn* Lk 15, 13; 15, 30; *sedm úrodných let* Gn 41, 29; **frazémy, které jsou spojeny s konkrétní událostí z Písma** – např. *posílat někoho od Annáše ke Kaifášovi* Jn 18, 28; *obětní beránek* Iz 53, 7 a na **frazémy, jejichž součástí je jméno osoby z Bible** – často se jedná o frazeologizmy, které pomocí epitet vyjadřují chování, vlastnosti a fyzický vzhled dané osoby – např. *chlupatý jako Ezau* Gn 25, 27; *starý jako Metuzalém* Gn 5, 27.

² **Úplné ekvivalenty s křesťanským jménem biblické postavy** vyjadřují v obou jazycích shodný význam, totožné obsazení lexikálních komponentů, shodnou strukturu i obraznost.

Částečné ekvivalenty s křesťanským jménem biblické postavy mají shodný význam, stejnou nebo velmi podobnou obraznost, ale obsahují gramaticky nebo lexikálně odlišný výraz, formu, což je často determinováno charakterem jazyka, jeho pravidly a zásadami.

Frazeologické analogy s křesťanským jménem biblické postavy se v naší klasifikaci vyznačují shodným významem. Klíčovým komponentem této kategorie je odlišné jméno biblické postavy (nebo jiné mytologické křesťanské jméno) v ruštině nebo v češtině.

Specifické ruské frazémy s křesťanským jménem biblické postavy – *zásadní komponent tvoří křesťanské jméno biblické postavy, které se objevuje pouze v ruštině. V češtině doplníme tvar buď frazeologickým ekvivalentem bez užití biblického křesťanského jména (v některých případech jsme dohledali jiné křesťanské jméno) nebo vlastním překladem, který vyjadřuje význam daného frazeologizmu.*

Specifické české frazémy s křesťanským jménem biblické postavy jsou paralelou k předchozímu. Jedná se o typ frazémů, které se s biblickým křesťanským jménem nacházejí pouze v češtině. V ruštině doplníme tvar buď frazeologickým ekvivalentem bez užití biblického křesťanského jména (v některých případech jsme dohledali jiné křesťanské jméno) nebo vlastním překladem, který vyjadřuje význam daného frazeologizmu.

Překladové ekvivalenty doplňují specifický ruský frazém s křesťanským jménem biblické postavy nebo naopak specifický český frazém s křesťanským jménem biblické postavy. Jejich součástí tedy není křesťanské jméno biblické postavy, protože daný ekvivalent s křesťanským jménem nebyl dohledán. Překladový ekvivalent uvádíme buď jako frazeologický ekvivalent zachovávající si podobnou sémantiku (bez biblického křesťanského jména) nebo jako vlastní překlad.

ných sémantických vztazích. Základním vztahem je synonymie. Frazeosémantická pole tvoří obvykle několik synonymních řad.³ Frazeosémantická pole se dále člení na *frazeosémantické skupiny*, tj. skupiny frazémů vyjadřující společný význam.

Klíčovým komponentem zkoumaných ruských a českých frazeologizmů biblického původu je přítomnost křestního jména biblické postavy (nebo výjimečně jiného křestního jména z antické nebo ze slovanské mytologie). Nejčastěji jsou v našem zkoumání zastoupeny frazeologizmy s křestním jménem biblické postavy, které vyjadřují duševní prožitky člověka. Objevíme i frazémy, které označují vzhled člověka, rodinné a příbuzenské vztahy, fyziologické stavy a procesy člověka, konec lidského života, ale také čas, dobu a pojmání času.

Předmětem zájmu v našem příspěvku jsou frazeologizmy frazeosémantického pole „Zevnějšek člověka“, jež jsou součástí frazeosémantické skupiny vyjadřující „výraz tváře“. Uvedené frazeosémantické pole se skládá z dalších sedmi frazeosémantických skupin („střední a vysoký věk“, „mladý věk“, „nahota těla“, „malý – vysoký vzrůst“, „fyzická síla člověka“, „fyzická krása – ošklivost“, „porost těla – ochlupení – vlasatá část těla“).

1.3 Frazeosémantická skupina „výraz tváře“

Lidská tvář má velice bohatý komunikační potenciál. Je prvořadě důležitým sdělovačem emocionálních stavů. Odráží vzájemné postoje lidí, kteří spolu jednají, poskytuje zpětnou vazbu v rozhovoru, tj. odpověď na to, co jsme druhému člověku řekli. Někteří badatelé se dokonce domnívají, že z hlediska sociální komunikace je tvář vedle slova druhým nejdůležitějším sdělovacím prostředkem v mezilidském styku [Knapp 1978].

Výraz tváře – tj. mimická hra svalů – hraje poměrně důležitou roli také v biblické frazeologii ruštiny a češtiny. Ve frazeosémantické skupině „výraz tváře“ převažují frazémy, které jsou spjaty s prorokem Abakukem. V české frazeologii se uplatnily tvary (zřejmě kvůli výslovnosti) užívající proprium *Habakuk*. Do této frazeosémantické skupiny jsme zařadili i tvary spojené s osobou domnělé hříšnice Marie Magdalény. Své „uplatnění“ zde našly i frazémy spojené s *ježíškem* a označení Panny Marie jako *madony* – konkrétní ukázky frazémů srov. níže.⁴

Úplné ekvivalenty

Магдалина Máří Magdaléna

(*выглядеть*) как кающаяся Магдалина⁵
смотреть как кающаяся Магдалина⁷

выпадать jako Maří Magdaléna⁶
tvářit se jako Maří Magdaléna⁸

³ Srov. MLACEK J., ĎURČO, P. Frazeologická terminológia [online]. [cit. 2012-11-25]. Dostupné z: <www.juls.savba.sk/ediela/frazeologicka_terminologia/>.

⁴ Ne všechny ruské a české frazémy biblického původu s křestními jmény jsou uvedeny v tomto příspěvku. Jedná se pouze o ilustrativní výčet frazémů.

⁵ Jedná se o hovorové přirovnání; srov. podobně české varianty biblických postav s „chovat se (vypadat) jako“ – v. níže.

⁶ Srov. OUŘEDNÍK, P. (1997): *Aniž jest co nového pod sluncem*. Praha: Mladá fronta.

⁷ Jedná se o hovorové přirovnání; srov. podobně české varianty biblických postav s „chovat se (vypadat) jako“ – v. výše.

⁸ Srov. OUŘEDNÍK, P. (1997): *Aniž jest co nového pod sluncem*. Praha: Mladá fronta.

Všechny frazémy této skupiny vyjadřují: vypadat smutně, uplakaně nebo ronit hořké či početné slzy; příp. nasadit zkroušený a pokorný výraz s cílem, aby nás někdo politoval. Frazémy připomínají úryvek z Bible, kdy tři Marie přišly ke Kristovu hrobu.

Částečné ekvivalenty

Мадонна Panna Marie

(*быть*) как мадонна (святая)⁹

tvářit se (být) jako panenka Maria;

tvářit se jako Panenka Marie (bohorodička)¹⁰

Český tvar označuje ženu či dívku, která se projevuje upřímně, popř. zbožně; tváří se mírně, laskavě, povzneseně, někdy i upjatě. V češtině se objevuje zdvořilost *panenka*; v ruštině spojení s Madonou (či se světicí) – srov. podobně: *vypadá jako svatý obrázek*.

Frazeologické analogy

Черт – Сатана Belzebub

(он) злой как черт (как сам сатана);

dívat se (koukat se, tvářit se) jako (B)belzebub; je

смотрит чертом; смотреть сатанинским взглядом¹²

(kouká, hledí) jako belzebub¹¹

**vypadá, jako by se oženil s Belzebubem;*

Belzebubník¹³

Uvedené frazémy označují tvářit se nevrle a zamračeně. České frazémy připomínají Belzebuba – boha dešťů, země a zřejmě i podsvětí.

V ruštině vyjádříme daný frazém ve frazeologickém spojení s postavami čerta a satana – tj. biblickými postavami symbolizujícími peklo, proto jsme uvedené tvary zařadili mezi frazeologické analogy.

Srov. v češtině: *hledí jako Habakuk (habakuk); koukat jako Babinský¹⁴ (Babinskej); hledí jako kakabus¹⁵ (kakabous)*; srov. podobně v ruštině: *смотрит зверем (волком)*.

Specifické ruské frazémy s křestním jménem biblické postavy

Давид

помяни, господи, царя давида и всю

мít široce otevřená ústa, zívát

кротость его¹⁶

**bát se, mít strach z něčeho¹⁷*

Ruský frazém je spjat se starozákonní Knihou Tóbijáš. Kniha Tóbijáš vypráví o zbožném Tóbitovi, který byl se svou rodinou po pádu severní izraelské říše r. 721

⁹ Jedná se o hovorové přirovnání; srov. podobně české varianty biblických postav s „chovat se (vypadat) jako“ – v. výše.

¹⁰ V. tamtéž.

¹¹ Srov. SLOVNÍK ČESKÉ FRAZELOGIE A IDIOMATIKY. Čermák, F. Čert [cit. 2013-08-29]. Dostupné z: <<http://81.31.38.144/strma.net/amd/prirov.pdf>>

¹² Srov. OUŘEDNÍK, P. (1997): *Aniž jest co nového pod sluncem*. Praha: Mladá fronta.

¹³ Srov. české archaické (a dnes nepoužívané) frazémy.

¹⁴ Václav Babinský (1796-1879) byl český loupežník.

¹⁵ Kakabus – tj. (expr.) morous, pesimista. Původně to byl hrnec na vaření vody a ohřívání polévky ve školách.

¹⁶ Srov. БОЛЬШОЙ ТОЛКОВО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ МИХЕЛЬСОНА. Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его [online]. [cit. 2013-08-26]. <http://dic.academic.ru/dic.nsf/michelson_new/8141/%D0%BF%D0%BE%D0%BC%D1%8F%D0%BD%D0%B8>

¹⁷ Srov. jiný možný význam ruského frazému v češtině.

př. n. l. přesídlen do Ninive. Svého syna Tóbijáše pošle do Médie pro svěřené peníze. Tóbijáš ve společnosti anděla Rafaela chytí rybu, jejíž žlučí později uzdraví Tóbitovy oči. V Médii se zamiluje do Sáry a s Rafaelovou pomocí přemůže démona, který ji trápí.

Ruský frazém vychází z příběhu o Tóbitovi o ulovené rybě (Tón 6,3), která široce otevřela ústa a chtěla mladíkovi ukousnout nohu. Mladík začal křičet, ale anděl mu poradil, aby rybu chytil a pevně ji držel. Mladík pronesl větu „Помяни, господи, царя давида и всю кротость его“, aby vzbudil u ryby strach.

Ruský frazém dnes vyjadřuje „vzbudit strach“, „bát se“, ale také výraz tváře při zívání (tj. mít hluboce otevřená ústa jako by chtěl člověk někoho „sníst“). Zajímavé je užití frazému při škytání – podle pověry určitého člověka někdo vzpomíná nebo o něm špatně smýšlí – a toto „zaklínadlo“ by ho mělo „osvobodit“ od všeho zlého, co si o něm myslí okolí.¹⁸

Specifické české frazémy s křestním jménem biblické postavy Abakuk (též častější Habakuk)

*hledí jako Habakuk (habakuk); chodí
jako Habakuk; koukat jako H(h)abakuk¹⁹*

*смотреть волком (зверем);
смотри́т бую́кой (бурю́ком)²⁰;
мрачный, урю́жный как ворон (как демон)²¹*

Podle jména starozákonního proroka Abakuka (Аввакум) české frazémy označují zasmušilého, pochmurného a smutného člověka. O Abakukovi toho mnoho nevíme. Jeho jméno je nejasné. Ozývá se v něm hebrejský kořen *ch-b-q* („objetí“). Někteří badatelé je však odvozují od asyrského jména rostliny *chambaquíqú*. S největší pravděpodobností spadá prorokovo vystoupení do prvních let po smrti Jošijášově (r. 609), jistě před rokem 597 (první zajetí babylónské). *Habakuk* je také hanlivý přídomek Židů.

Frazém je motivován citací z Bible, kdy Abakuk volá k Hospodinu, který nezasahuje – prorokův nářek. „Jak dlouho již volám o pomoc, Hospodine, a ty neslyšíš. Úpím k tobě pro násilí, a ty nezachraňuješ. Proč mi dáváš vidět ničemnosti a mlčky na trápení hledíš?“ (Abk 1, 2–3).

V ruštině se s podobným frazémem s křestním jménem nesetkáme. Sémanticky podobné jsou frazémy *смотреть волком (зверем); смотри́т бую́кой (бурю́ком)* – srov. české ekvivalenty: *kouká jako bubák (kakabus); koukat jako dravec (čert)* apod.

Dnešní uživatelé českého jazyka jen stěží rozpoznají v daném frazému původní význam a křestní jméno biblické postavy. V prostě-sdělovacím funkčním stylu se můžeme setkat se synonymními výrazy: *hledět (koukat) jako kaktus; hledět (koukat) jako čert do báně; kouká jako drak*.

¹⁸ Frazém je aktivní v užívání také v němčině, srov. Tobias sechs, drei – tj. přímá citace z Bible. Němci ji užívají v legraci, když někdo zívá s otevřenou pusou.

¹⁹ Srov. OUŘEDNÍK, P. (1997): *Aniž jest co nového pod sluncem*. Praha: Mladá fronta.

²⁰ Srov. SLOVNÍK ČESKÉ FRAZEOLOGIE A IDIOMATIKY. Čermák, F. Čert [cit. 2013-08-29]. Dostupné z: <<http://81.31.38.144/strma.net/amd/prirov.pdf>>

²¹ Srov. ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА. Пушкин, А.С. Ангел [cit. 2013-08-29]. Dostupné z: <<http://feb-web.ru/feb/pushkin/texts/push17/volo3/v03-059-.htm>>

1.4 Závěrečné shrnutí

Ve frazeosémantické skupině „výraz tváře“ jsme vyexcerpovali v ruštině 5 úplných a částečných ekvivalentů s křesťním jménem biblické postavy, 2 specifické ruské frazémy s křesťním jménem biblické postavy, 4 frazeologické analogy s křesťním jménem biblické postavy (nebo jiné mytologické postavy) a 8 překladových ekvivalentů.

V češtině bylo vyexcerpováno celkem 10 úplných a částečných ekvivalentů s křesťním jménem biblické postavy, 8 specifických českých frazémů s křesťním jménem biblické postavy, 10 frazeologických analogů s křesťním jménem biblické postavy (nebo jiné mytologické postavy) a 2 překladové ekvivalenty.

Dané ruské a české frazeologické komparace mohou účelně využít učitelé i studenti rusistiky (popř. bohemistiky, ale také náboženství, historie nebo základů společenských věd, případně i další zájemci z řad odborné veřejnosti) při objasňování národních reálií, tradic a zvyklostí. Zkoumané komparace mohou ukázat částečnou míru podobnosti kulturního pozadí frazémů, vyplývajícího ze společných slovanských kořenů a internacionální povahy frazeologie evropských jazyků.

POUŽITÁ LITERATURA:

- BIBLE. *Písmo svaté Starého a Nového zákona včetně deuterokanonických knih. Podle ekumenického vydání z roku 1985.* (1991). Praha: Česká biblická společnost, Zvon.
- FERENCOVÁ, M. (2006): *Křesťanské a biblické frazémy a ich miesto vo vyučovacom procese.* In: Zborník Katedry komunikačnej a literárnej výchovy Pedagogickej fakulty Prešovskej univerzity. Prešov: Prešovská univerzita. s. 90–97.
- KNAPP, M. L. (1978): *Nonverbal Communication in Human Interaction.* New York: Holt.
- MLACEK, J., ĎURČO, P. (1995): *Frazeologická terminológia.* Bratislava: Stimul.
- MOKIJENKO, V. M., WURM, A. (1995): *Česko-ruský frazeologický slovník.* Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci.
- OUŘEDNÍK, P. (1997): *Aniž jest co nového pod sluncem.* Praha: Mladá fronta.
- STĚPANOVA, L. I. (2007): *Rusko-český frazeologický slovník.* Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci.
- MLACEK, J., ĎURČO, P. *Frazeologická terminológia* [online]. [cit. 2012-11-25]. Dostupné z: <www.juls.savba.sk/ediela/frazeologicka_terminologia/>
- SLOVNÍK ČESKÉ FRAZELOGIE A IDIOMATIKY. Čermák, F. *Čert* [cit. 2013-08-29]. Dostupné z: <<http://81.31.38.144/strma.net/amd/prirov.pdf>>.
- БОЛЬШОЙ ТОЛКОВО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ МИХЕЛЬСОНА. *Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его* [online]. [cit. 2013-08-26]. Dostupné z: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/michelson_new/8141/%D0%BF%D0%BE%D0%BC%D1%8F%D0%BD%D0%B8>.
- МОКИЕНКО, В. М., СТЕПАНОВА, Л. И., МАЛИНСКИ, Т. (1995): *Русская фразеология для чехов.* Olomouc: Vydavatelství Univerzity Palackého.
- ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА. Пушкин, А. С. *Ангел* [online]. [cit. 2013-08-26]. Dostupné z: <<http://feb-web.ru/feb/pushkin/texts/push17/volo3/y03-059-.htm>>.

АЛЕКСАНДРА ЮРЬЕВНА ПЕТКАУ

Россия, Екатеринбург

О МОДЕЛИРОВАНИИ КОНЦЕПТА ЗДОРОВЬЕ В СОВЕТСКУЮ ЭПОХУ (НА МАТЕРИАЛЕ ПАРЕМИЙ)¹

ABSTRACT:

Modeling of the Concept Health at the Soviet Time (Based on the Paremiological Fund)

The report presents an analysis of the concept *Health* content through the context of the Soviet presentation of this concept. The Soviet time paremiological fund is rich with the ideological maxims describing the components of the Soviet image of a healthy person: first of all healthy man is identified with physically strong person working for the benefit of the Soviet society.

KEY WORDS:

Concept – health – proverbs – cultural meanings – Soviet time.

В советскую эпоху здоровье становится важным компонентом социальной политики партийного правительства, которое ставит задачу «вырастить новое поколение рабочих, здоровых и жизнерадостных, способных поднять могущество советской страны на должную высоту» [Семашко 1936 Т. 35: 411]. Обратимся к пониманию здоровья этого периода российской истории. Под лексемой *здоровье*, ключевым репрезентантом анализируемого концепта, подразумевалось «нормальное состояние правильно функционирующего, неповрежденного организма» [Ушаков 2009: 287]. Акцент на физической целостности организма объясняется тем, что только крепкий (здоровый) человек может полноценно участвовать в строительстве социалистического общества, повышая производительность своего труда, сокращая потери рабочего времени по болезни.

Советская идеология как профессионально сконструированная, «отражающая основные ценностные ориентиры советского общества, тесно связана

¹ Доклад подготовлен при поддержке гранта «Академическая мобильность» фонда им. Михаила Прохорова

с подчиненным ей пропагандистским дискурсом» [Кутенева 2008: 3], идеи которого формировались в сознании людей прежде всего с помощью языка, см. работы [М. А. Кронгауза; А. П. Чудинова и др.].

Фольклор обладал «большой национальной культурной значимостью, что проявлялось в регулярной воспроизводимости» [Романенко 2009: 265] фольклорных текстов, в связи с чем советское время отмечено целенаправленным изобретением паремий в соответствии с государственной идеологией.

Цель нашей работы – рассмотреть процесс моделирования концепта *здоровье* на материале советского паремиологического фонда. Корпус исследования составили манифестирующие концепт *здоровье* 156 паремий, отобранные методом сплошной выборки из 12 лексикографических источников советского времени, см.: [Аникин 1988; Жигулев 1986; 1969; Жигулев, Кузнецов 1974; Жуков 1966 (2000); Кузьмин 1958; Лебедев 1962; Мартынов, Митрофанов 1986; Померанцева 1973; Рыбникова 1961; Соболев 1961; Спиринов 1985]. Нами выделялись культурные смыслы или, в другой терминологии, когнитивные классификационные признаки концепта, см.: [Попова, Стернин 2007: 67–75], проводилось ранжирование яркости по принципу частотности.

Важно подчеркнуть, что часть паремий советского времени перешла из до-революционного периода. Между тем «язык культуры в рамках каждой отдельной традиции «отбирает» одни реалии, наделяя их символическим значением, и оставляет вне поля культуры другие» [Толстая 2011: 73], поэтому все взятые для анализа высказывания рассматриваются нами как актуальные для советской эпохи.

Здоровье во все времена является аксиологически важной реалией, в которой нуждается каждый человек. Особенность советского представления ценностной составляющей здоровья заключается в противопоставлении здорового человека нездоровому, данное положение выглядит естественно, так как главная черта политики советского времени – идея борьбы, заданная как обязательная: в социалистическом обществе всегда имеется враг, которого надо побеждать, см. [Купина 1995: 18]. Болезнь позиционируется как условный враг, поскольку накладывает определенные ограничения на события повседневной жизни: *здоровье необходимо в советских трудовых буднях, важно ценить его: **Здоровье растеряешь – ничем не наверстаешь; Здоровье – самое главное достояние человека; Здоровье не деньги – займы не выпросишь (Здоровье как ценность – 14,7%)***². Правительство с помощью паремий прививало сознанию советского человека причинно-следственную связь между понятиями: *будете здоровы – справитесь с любыми трудностями: **Всякое дело поправимо, если человек здоров; Здоровы будем и хлеба добудем (Здоровье как условие – 5,8 %)***.

Обществу предлагались постулаты правильного и неправильного поведения, в том числе и по отношению к своему здоровью: *Водка бойцу не к лицу;*

² Здесь и далее процент рассчитан как отношение числа упоминания признака к общему числу признаков.

Водочка, как худая лодочка – весь колхоз ко дну тянет; В море водки и богатыри тонут. В данном случае врагом общественного строя выступает алкоголь, потребление которого порицается.

По форме выражения советские паремии в большинстве случаев «однослойны», т.е. буквальны: это прямые наказания, запреты» [Хлебда 1994: 77]. С помощью фольклорных сентенций правительство вносит запрет и на тунеядство, лень: *Кто встал до дня, тот днем здоров; Пьяница, да лодырь давно вышли из моды.* Приоритет труда подтверждают следующие искусственно созданные паремии: *Труд – лучшее лекарство; Человек от лени болеет, а от труда здоровеет; Труд на ноги ставит, а лень валит.* Труд «рассматривается как внутренняя благородная потребность человека» [Чернова 2004: 45]. Для продуктивной работы на благо страны необходимо отменное физическое здоровье, поэтому спортивные нагрузки позиционируются советскими идеологами как неотъемлемая часть здорового (правильного) образа жизни: *Кто спортом занимается, тот силы набирается; Не красен бег, да здоров (Здоровые привычки – 18,6 %).*

Важно отметить, что «впервые в истории человечества Конституция СССР гарантирует советским людям право на охрану здоровья» [Петровский 1978 Т. 8: 356]. Данное положение включает в себя, помимо прочего, обеспечение проведения широких профилактических мероприятий, поскольку «среди социальных задач нет более важной, чем забота о здоровье советских людей» [Там же]. Паремии поддерживают ключевую идею советского правительства: *Здоровье не купишь – его разум дарит; Живи умом, так и лекарство не надо (Забота о здоровье – 7,7 %).* В толковом словаре языка Совдепии можно встретить названия учреждений (например, *Здравница; Дворец здоровья; Дом здоровья; Городок здоровья* и др.), где советский человек мог поправить свое здоровье, см. [Мокиенко, Никитина 1998]. Кроме того, советское правительство с помощью паремий призывало питаться правильно: овощами, гречневой кашей, фруктами, ср. *Лук и капуста болезнь не пустят; Гречневая каша – матушка наша, а хлебец ржаной – отец наш родной (Здоровое питание – 8,3 %).* Так, в советское время «Книга о вкусной и здоровой пище» представляла собой «образец идеологической правильной книги» [Михайлова 2008: 1], основные постулаты которой перекликаются с представленными паремиями – все каналы связи в то время «пропагандируют только одну точку зрения на мир» [Хлебда 1994: 78]. Здоровье воспринималось как необходимая составляющая советского образа жизни. Сон считался роскошью, поэтому *Сон лучше всякого лекарства (Здоровый сон – 0,6 %).*

Между тем, несмотря на то, что профилактические мероприятия одобрялись правительством, чрезмерная забота о здоровье не приветствовалась: *От здоровья не лечатся; Здоровому лечиться – наперед хромать поучиться (Здоровье как объект иронии – 10,9 %).* Советское правительство нуждалось в сильных, увлеченных делом тружениках, а не в ипохондрических личностях, спекулирующих на своем здоровье: *В еде – здоровяк, в труде – калека; От Покрова да Покрова кашлянул одново, да и говорит, что болен (Здоровье*

как объект для уловки – 5,8 %). Паремии с культурным смыслом **Здоровье как отсутствие болезни (нездоровье) (1,9 %)** немногочисленны: *Трудно быть смелым, если слаб телом.*

Пословицы и поговорки прославляли богатырей, у которых *грудь как кибитка, позвонок как скала, силушка по жилушкам огнем бежит.* Пропагандировалось главное для трудовой деятельности качество тела – выносливость: *Не ладно скроен, да крепко сшит; Не будь складен, а будь ладен (Здоровье как физическая составляющая – 10,3 %).* Внедрялась идея о том, что от физического здоровья улучшается и духовное, таким образом, советского человека учили тому, как достигнуть гармоничного идеала: *От ленинской науки крепнут разум и руки; Советский человек не сломится вовек; Набирайся силы у земли – матери, а ума – у ленинской партии (Здоровье как гармоничный идеал – 8,3 %).*

Советские паремии укрепляли веру в социалистические идеалы и поддерживали моральный настрой советского человека: *Партия бодростью заряжает, волей к победе вооружает; Дома болели, в отряде повеселели; Здоровому духом все под силу (Здоровье как духовная составляющая – 7,1 %).* Придуманные пословицы и поговорки были «пропитаны» атеистическими воззрениями: советскому сознанию прививается «примитивный взгляд на Бога как на нарочито выдуманное классовыми врагами мистическое существо, несущее угнетение и дурман» [Купина 1995: 28]. Паремии дореволюционной эпохи с религиозными элементами были вычеркнуты из советского паремиологического фонда.

Подведем итоги нашим наблюдениям. Паремиологический материал стал одной из рабочих площадок для реализации государственной идеологии. Содержательное наполнение концепта *здоровье* моделировалось советскими властями путем создания искусственных паремий, которые внедрялись в словесный обиход, формируя советский новояз тоталитарного общества. Опираясь в целенаправленном изобретении пословичных сентенций на культурный потенциал народной мудрости, советская идеологическая машина умело трансформировала когнитивные признаки концепта в своих пропагандистских целях.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- АНИКИН, В. П. (1988): *Русские пословицы и поговорки.* М.
 ЖИГУЛЕВ, А. М. (1969): *Русские пословицы и поговорки.* М.
 ЖИГУЛЕВ, А. М. (1986): *Русские народные пословицы и поговорки.* Устинов
 ЖИГУЛЕВ, А. М., КУЗНЕЦОВ, Н. П. (1974): *За край свой насмерть стой. Пословицы и поговорки народов СССР.* М.
 ЖУКОВ, В. П. (2000): *Словарь русских пословиц и поговорок.* 7-е изд, стереотип. М.
 КУЗЬМИН, П. П. (1958): *Старинные русские народные пословицы и поговорки.* Пенза.
 КУПИНА, Н. А. (1995): *Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции.* Пермь.
 КУТЕНЕВА, Т. А. (2008): *Проблема трансформации советской ментальности (на материале языковой рефлексии по поводу лексемы идеология)* [online]. Dostupny z: <http://hdl.handle.net/10995/1832>.
 ЛЕБЕДЕВ, П. Ф. (1962): *Пословицы и поговорки Великой Отечественной войны.* М.
 МАРТЫНОВ, В. В. МИТРОФАНОВ, В. В. (1986): *Пословицы. Поговорки. Загадки.* М.
 МИХАЙЛОВА, О. А. (2008): *Советская риторика в кулинарной книге* [online]. Dostupny z: <http://hdl.handle.net/10995/1853>.
 МОКИЕНКО, В. М. НИКИТИНА, Т. Г. (1998): *Толковый словарь языка Совдепии.* Спб.

- ПЕТРОВСКИЙ, Б. Н. (1978): *Большая медицинская энциклопедия*. Изд. 3-е. Т. 8. М.
- ПОМЕРАНЦЕВА, Э. В. (1973): *Русские пословицы и поговорки*. М.
- ПОПОВА, З. Д., СТЕРНИН, И. А. (2007): *Когнитивная лингвистика*. М.
- РОМАНЕНКО, А. П. (2009): *Советская и постсоветская массовая словесная культура: общее и различное*. In: *Советское прошлое и культура настоящего: монография: в 2 т (Т.2)* Екатеринбург. С. 254–264.
- РЫБНИКОВА, М. А. (1961): *Русские пословицы и поговорки*. М.
- СЕМАШКО, Н. А. (1936): *Большая медицинская энциклопедия*. Т. 35. М.
- СОБОЛЕВ, А. И. (1961): *Народные пословицы и поговорки*. М.
- СПИРИН, А. С. (1985): *Русские пословицы: сборник русских народных пословиц и поговорок, присловиц, молвушек, приговорок, присказок*. Ростов на Дону.
- ТОЛСТАЯ, С. М. (2011): *Семантические категории языка и культуры: очерки по славянской этнолингвистике*. Изд. 2-е. М.
- УШАКОВ, Д. Н. (2009): *Большой толковый словарь русского языка*. М.
- ХЛЕБДА, В. (1994): *Пословицы советского народа. Наброски к будущему анализу*. In: *Русистика*. № 1/2, Берлин. С. 74–84.
- ЧЕРНОВА, О. Е. (2004): *Концепт «труд» как объект идеологизации*. Екатеринбург.

Юлия БОРИСОВНА ПИКУЛЕВА

Россия, Екатеринбург

ФРАЗЕОЛОГИЯ В РЕКЛАМЕ: К ПРОБЛЕМЕ МНОГОРЕЧИЯ КОММЕРЧЕСКОГО ДИСКУРСА ¹

ABSTRACT:

Phraseology in Adverts: On the Problem of “Heteroglossia” of Commercial Discourse

The article deals with functioning of idioms from various stylistic layers in commercial texts, the idea of “heteroglossia” of advertising discourse is stated. Special attention is paid to colloquial and Bible idioms that are found in the opposite stylistic context.

KEY WORDS:

Phraseology – advert stylistics – commercial discourse – heteroglossia – colloquial speech – Bible idioms.

В современной рекламной речи активно используются фразеологизмы, т.е. семантически связанные сочетания слов и предложений, которые не производятся в соответствии с общими закономерностями выбора и комбинации слова, а воспроизводятся в речи в фиксированном соотношении семантической структуры и определенного лексико-семантического состава. Копирайтеры пользуются идиомами как знаками экспрессивно окрашенными, соотнесенными с той или иной субъязыковой речевой сферой, для привлечения внимания потенциальных потребителей. Экспрессивность фразеологизма, т.е. «усиление восприятия за счет эмоциональной реакции, вызванной образностью» [Телия 1996: 112], наличием в его значении оценочного и эмотивного компонентов, «нагружает идиому прагматически» [Телия 1996: 152]. Использование фразеологических единиц способствует достижению иллюкутивной цели рекламного послания – привлечению произвольного внимания к тексту, повышению вероятности его запоминания.

В исследованиях рекламного дискурса фразеологизмы обычно описываются как эффективное прагматически заряженное средство. В данном исследо-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ (соглашение № 14.А18.21.0273, проект «Многоречие в социокультурном пространстве современной России»).

вании мы предлагаем порассуждать о фразеологии в коммерческом дискурсе с позиции теории многогочечия. Многогочечие, вслед за Н. А. Купиной, понимается нами как полиглоссия, выделяемая в пространстве коммуникации, осуществляемой на основе кодифицированного литературного языка, сосуществование вербальных знаков отдельных субъязыков, единого литературного языка и некодифицированных стратов [Купина 2013: 70–71].

Нередки случаи, когда целые серии рекламных продуктов той или иной компании строятся на обыгрывании устойчивых оборотов: **Проливает свет на семейные отношения** (реклама светильников ИКЕА), **Поставить классиков на место** (реклама систем хранения ИКЕА), **Хороший подарок стоит свеч** (реклама канделябров ИКЕА), **Решен конфликт отцов и детей** (реклама кресел ИКЕА), **На карту поставлен подарок** (реклама подарочных карт ИКЕА), **Сколько хочешь – в одни руки** (реклама кухонных аксессуаров ИКЕА), **Праздник до краев** (реклама посуды ИКЕА), **За праздник до дна!** (реклама кухонных аксессуаров ИКЕА), **Ваши ноги не железные** (реклама стульев ИКЕА), **На него возлагают одежды** (реклама гардеробов ИКЕА), **Аналитический склад у мамы** (реклама экспедиторов ИКЕА), **Любой стол может стать шведским** (мебель для кухни ИКЕА), **Подарок – мягко сказано** (реклама кресел ИКЕА), **Детства полные шкафы** (реклама шкафов ИКЕА), **Некоторые любят погорячее** (реклама термосов ИКЕА), **Фиксхульт, привет!** (реклама дивана ИКЕА), **У каждого в шкафу своя история** (реклама шкафов ИКЕА), **Прогнись под вас** (реклама кресел ИКЕА), **Свято кресло пусто не бывает** (реклама кресел ИКЕА), **Вот кровать вам, дети мои** (реклама кроватей ИКЕА), **Накорми ближнего своего** (реклама посуды ИКЕА), **Возвращение блудного сна** (реклама постельных принадлежностей ИКЕА), **И обретет человек место обетованное** (реклама диванов ИКЕА), **И будет свет отделен от тьмы. Книга перемен. Новый каталог ИКЕА.**

Стилеобразующим приемом, организующим тексты российских реклам данного иностранного производителя, становятся формальные и семантические трансформации русскоязычных устойчивых оборотов. Наблюдается замена компонентов устойчивых словосочетаний, часто по фонетическому сходству (ср. **возлагают надежды – возлагают одежды, возвращение блудного сына – возвращение блудного сна** и др.), вставка новых компонентов во фразеологическое словосочетание, запускающая процесс реинтерпретации высказывания (**поставить классиков на место**).

Фиксируются случаи семантической трансформации – по сути, буквализации метафоры, заложенной в устойчивом словосочетании. «Основной принцип продуцирования метафоры – принцип семантической двузначности» [Копнина 2009: 294], что делает возможной игру со значением метафорических оборотов речи. Контекст формирует ситуацию «актуальной двузначности» [Скребнев 1975: 117]. Смысл рекламного послания рождается на столкновении, одновременной реализации метафорического значения целого фразеологизма и системного значения отдельных его компонентов. Так, слоган **Хороший подарок стоит свеч** отсылает к экспрессивному устойчи-

всему обороту *Игра стоит свеч* со значением 'дело оправдывает себя, если его довести до результата' [Федоров 2008: электрон. ресурс], а также апеллирует к слову *свеча* в прямом значении. Визуальный ряд рекламного текста с подобной двуплановостью (в данном случае на плакатах изображен канделябр) позволяет точнее интерпретировать контекст.

Приведенный выше список примеров реклам одного магазина показывает, что, несмотря на общность приема, используемого для организации рекламного сообщения в данных текстах, отбираемые копирайтерами языковые единицы, включенные в слоганы, относятся к разным субъязыковым сферам [Скребнев 1975: 32–33]. С одной стороны, в данном ряду оказываются устойчивые выражения книжного характера: *проливать свет* («делать понятным, разъяснять что-либо» [Федоров 2008: электрон. ресурс], *возлагать надежды* («надеяться» [Шведова 2007: электрон. ресурс]). С другой стороны, в данной рекламе используются разговорные устойчивые обороты: *поставить на место* («решительно дать понять кому-либо, что он в действительности стоит, на что способен и как должен поступать» [Федоров 2008: электрон. ресурс], *до дна* («целиком и полностью (понять, испытать, использовать и т. п.)» [Федоров 2008: электрон. ресурс]), *стальные (железные) нервы* («о человеке с сильной волей, с твёрдым характером» [Федоров 2008: электрон. ресурс]), *радости полные штаны* (шутл. ирон. «о человеке, испытывающем большую, неудержимую радость» [Мокиенко, Никитина 2007: 282]). Задействуются единицы просторечного субъязыка: *до краев* («с избытком, с лихвой» [Федоров 2008: электрон. ресурс]), *прогнуться под кого-либо* («идти на унижение ради успеха, подличать, подлизываться, лстить кому-л.» [Елистратов 2002: электрон. ресурс]); устойчивые обороты, связанные с народной фразеологией – пословицами и поговорками: *свято место пусто не бывает* [Мокиенко, Никитина, Николаева 2009: 531]. Рекламная кампания фирмы IKEA сочетает отсылки к фразеологическим оборотам литературного происхождения (*отцы и дети; у каждого свои скелеты в шкафу*) и устойчивым словосочетаниям, характерным для профессиональных субъязыков (*аналитический склад ума, шведский стол*), прецедентным культурным знакам кинематографической природы (*некоторые любят погорячее*). Один и тот же рекламодатель обращается как к социально маркированной «советской» фразеологии: *в одни руки, физкульт-привет!*, так и к высоким устойчивым единицам, извлеченным из религиозного дискурса: *дети мои, возлюби ближнего своего, возвращение блудного сына, места обетованные, отделить свет от тьмы, книга перемен*.

Частный случай (реклама одной компании) показывает общее направление использования идиоматических выражений в коммерческом дискурсе. Функциональный диапазон фразеологии в рекламе широк и может быть охарактеризован с помощью термина «многозначность»: в этих текстах представлены единицы разных субъязыковых подсистем, каждая из которых является вербальным воплощением определенной речевой культуры. Фразеологизмы в этом случае начинают выполнять знаковую функцию, «выступают как язы-

ковые экспоненты культурных знаков» [Телия 1996: 250]. Главный вопрос здесь – знаком какой культуры становится использованный фразеологизм?

Иногда возникает ощущение, что рекламный дискурс – пространство, где царит сниженная фразеология. Мы нередко наблюдаем рекламные сообщения, где в рамках небольшого текста использовано несколько разговорных, просторечных, жаргонных идиом. Так, текст рекламы средства от насморка «Отривин» построен на формальной близости сниженных идиом: *Когда вы сталкиваетесь **нос к носу** с насморком и жизнь становится не в радость, **не вешайте носа**. Отривин. Вот что вам поможет. Отривин легко избавит вас от насморка, и вы легко сможете **утереть нос** насморку.* В русском языке существует много устойчивых словосочетаний с соматическими компонентами, среди которых одни из самых распространенных – фразеологизмы с компонентом *нос*. В приведенном выше тексте использованы следующие: *нос к носу* – «Прост. Экспресс. Непосредственно, вплотную, очень близко» [Федоров 2008: электрон. ресурс]; *нос повесить* – «Ирон. «Огорчаться, приходиться в уныние» [Федоров 2008: электрон. ресурс]; *утереть нос кому-н.* – «Прост. Ирон. Показать, доказать своё превосходство в чём-либо перед кем-либо» [Федоров 2008: электрон. ресурс]; Одновременная реализация в рекламном контексте участка фразеосистемы, содержащего опорное слово *нос*, помогает закрепить в сознании телезрителя прагмему: «‘Отривин’ – лекарственное средство для лечения заболеваний носа». Концентрация сниженных фразеологических единиц в коммерческих текстах влияния становится привычной. Формируется представление о том, что в рамках данного дискурса субстандарт движется в сторону нормативного, привычного, не вызывающего неприятие, рождающего тональность доверительного, неофициального общения с потенциальным потребителем.

Однако, по нашим наблюдениям, в коммерческой рекламе в последнее время все чаще используется фразеология, отмеченная в словарях как высокая, прежде всего – библейская фразеология. Прагматический эффект подобных рекламных сообщений возникает на столкновении дискурса и неспецифического для него языкового средства, которое призвано сформировать особый пафос рекламного послания: *Масло Lurpak. Для тех, у кого **хлеб насыщенный** уже есть.* Использование высокого оборота, отсылающего к христианской молитве, позволяет вывести рекламируемый продукт из сферы повседневного, маркировать его как элитарный. Подобные примеры показывают, что в рамках игрового рекламного дискурса торжественное встает в рамки обыденного, сакральный контекст прагматизируется.

Т.о. современная российская реклама может быть описана как языковая сфера, активно работающая с фразеологическим материалом, вписывающая единицы разных субъязыков в единый дискурсивный контекст. Причем не обнаруживается прямой зависимости между уровнем языковой культуры потенциального потребителя и стилистической маркированностью идиом, используемых копирайтерами в рекламных текстах: очевидно, что сниженное в рекламе может привлечь внимание носителей всех типов речевых культур.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- ЕЛИСТРАТОВ, В. С. (2002): *Словарь русского арго*. М.
- КОПНИНА, Г. А. (2009): *Риторические приемы современного русского литературного языка: опыт системного описания: монография*. М.: Флинта: Наука.
- КУПИНА, Н. А. (2013): *Разноязычие и многозначность в социокультурном пространстве России*. In: *Известия Уральского федерального университета*. Сер. 2 «Гуманитарные науки». № 2 (114), с. 68–75.
- МОКИЕНКО, В. М., НИКИТИНА Т. Г. (2007): *Большой словарь русских поговорок*. Олма Медиа Групп, М.
- МОКИЕНКО, В. М., НИКИТИНА Т. Г., НИКОЛАЕВА Е. К. (2010): *Большой словарь русских пословиц*. М.: Олма Медиа Групп.
- СКРЕБНЕВ, Ю. М. (1975): *Очерк теории стилистики*. Горький.
- ТЕЛИЯ, В. Н. (1996): *Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты*. М.: «Языки русской культуры».
- ФЕДОРОВ, А. И. (2008): *Фразеологический словарь русского литературного языка*. М.: Астрель, АСТ.
- ШВЕДОВА, Н. Ю. (2007): *Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов*. М.: «Азбуковник».

АЛЕКСАНДР ПОЛИЩУК

Украина, Ровно

ИНТЕНСИФИКАЦИЯ ПРИЗНАКА ГЛУПОСТЬ В СИСТЕМЕ РУССКИХ НАРОДНЫХ СРАВНЕНИЙ ИЛИ ПОЧЕМУ ГУСАК ГЛУПЕЕ КУРИЦЫ

ABSTRACT:

The Intensified Linguistic Feature of STUPIDITY in the Russian National Similes or Why a Gander is More Stupid than a Hen

The paper deals with the sign of stupidity and special features of its intensification in the Russian national similes. Modern interpretation of this concept, its connection and interaction with adjacent categories were studied here. Special features of verbalization of the sign of stupidity by the means of Russian national similes were discovered.

KEY WORDS:

Sign of stupidity – national similes – intensification – verbalization.

Рассматривая сравнения как фразеологические единицы компаративно-го типа (КФЕ), ученые обнаружили, что интенсивность в значительной степени влияет на формирование их семантики (Л. А. Лебедева, Е. И. Шейгал, Т. В. Гриднева, Й. В. Бечка, Е. В. Бельская и др.). Им свойственно интенсифицирующее значение, поскольку на уровне опорного смысла они содержат маркер интенсивности «очень», по А. Вежбицкой, один из семантических примитивов. Маркер «очень» обозначает величину признака, который заметно превышает (или наоборот) обычный признак и потому становится существенным для человека в вербальном обозначении им мира и себя в нем [Родионова 2004: 301] (например, *очень умный, очень глупый*). В случае использования иных, нежели *очень*, маркеров количества, например, один, два – точная величина (количество), достаточно – достаточная, чересчур – излишняя, больше – сравнительная, весь – максимально возможная величина (количество), всегда существует более или мене объективный критерий истинности суждения, какая-то внешняя система отсчета, относительно которой определяется величина (количество) признака: установленная система мер, наличие друго-

го сравнительного признака, объективные физические свойства объекта и т.п. При условии использования семантического примитива «очень» точкой отсчета качества и количества данного качества является норма – узаконенный, общепризнанный порядок, состояние вещей, образец, правило. Нормальным при этом признается желаемое состояние вещей [Родионова 2004: 303–308].

Оценочные предикаты чаще всего отмечены интенсифицирующим смыслом. Интенсификация признака позволяет выделить какой-либо объект из класса одноименных. Однако такое выделение базируется не на объективной мере проявления признака, а на субъективном представлении номинатора об этом признаке как таком, который существенно отличается от нормы. Ученые говорят об интенсивности как о «языковом представлении», как семантической категории, которая является интегрирующим фактором в упорядоченном множестве разноуровневых языковых единиц [Бондарко 2001: 31]. Квалифицируя категорию интенсивности как семантическую в узком и широком понимании, исследователи обращались к материалу разных языков, где эту категорию апплицировали на проблемы речи (С. Е. Родионова, А. В. Федорук), проблемы перевода (И. И. Убин, И. И. Сущинский), рассматривали как компонент семантики слова и фразеологизма (Е. И. Шейгал), изучали на материале диалектов (Е. В. Бельская), в т. ч. и ее градуальные характеристики (С. М. Колесникова, И. И. Туранский). Вопрос о статусе категории интенсивности и ее понимании остается одним из самых обсуждаемых в современной лингвистике, но не получивших однозначного решения. Наличие внеязыкового референта придает этой категории статус онтологический (как категории, лежащей в рамках количественных отношений). В тоже время интенсивность переходит на коннотативный уровень языка и речи и взаимодействует с категориями эмотивности, экспрессивности и оценочности.

В широком же смысле под интенсивностью понимается количественное изменение признака: «под термином интенсивность следует понимать все различия, сводящиеся к категориям количества, величины, ценности, силы и т. п., вне зависимости от того, идет ли речь о конкретных представлениях или об абстрактных идеях» [Балли 1961: 202]. В центре такого определения лежат количественные различия. Кроме того, Ш. Балли отмечает, что количественная разница, или разница в интенсивности, является одной из тех обобщающих категорий, в которые мы вводим объекты нашего восприятия или нашей мысли [Балли 1961: 202–203]. Л. Я. Герасимова также соотносит интенсивность и количество, утверждая, что интенсивность является выражением усилительности, то есть одним из видов количественной характеристики признака [Герасимова 1970: 17]. По Е. И. Шейгал, «категория интенсивности, обозначая приближенную количественную оценку качества, является частным проявлением категории количества, а именно с той ее стороны, которая характеризуется как недискретное (неопределенное) количество» [Шейгал 1981: 6]. И. И. Сущинский называет интенсивность потенцированием и определяет его как «семантическую категорию, отражающую определенную часть объективно существующих количественных градаций» [Сущинский 1977: 3]. Подобное на-

ходим у И. И. Туранского, который рассматривает интенсивность как «семантическую категорию языка, в основе которой лежит понятие градации количества широком смысле этого слова» [Туранский 1987: 3]. В то время как исследователи связывают интенсивность с мерой количества и количественной характеристикой признака, интенсивность тесно связана и с категорией меры. Если мера обозначает количественные границы объективной определенности данного качества, то интенсивность указывает на уровень развития признака в рамках данной меры, не изменяющий данного качества [Шейгал 1981: 13].

Проблема выбора интенсификатора видится нам интересной, ведь, используя в своей речи ФЕ, номинатор ставит своей целью дать предельно четкую и яркую характеристику описываемому явлению. Однако здесь возможны случаи некорректного выбора объекта метафорического переноса и, как следствие, – неправильное употребление фразеологизма или сравнения. Например, если англичанин хочет сказать, что кто-то является мудрым, то он скажет что *My grandpa is wise* (букв. Мой дедушка мудрый). В данном высказывании нет выделенности, выдвижения на первый план лексемы *wise*. А в высказывании *My grandpa is wise as an owl* (букв. Мой дедушка мудр как сова) мы наблюдаем интенсификацию признака *мудрость* благодаря сравнению с интенсификатором-совой. В русском языке также есть интенсификаторы *сова/филин*, но они являются объектами диаметрально противоположного значения. В словаре сравнений находим: **как сова** – о мудром, опытным человеке. Однако сравнение с филином несет негативный смысл: **На взгляд что орел, а по уму как филин** – о недалеком человеке. Как видим, выбор интенсификатора является чрезвычайно важным аспектом формирования высказывания, поэтому эта проблема требует более тщательного рассмотрения. В данной статье рассмотрим особенности номинации *глупого* человека средствами русских народных сравнений с компонентом-орнитонимом, выделим интенсификаторы признака *глупость* и попытаемся определить шкалу интенсивности этого признака.

Исследователи считают: как в сознании говорящего, так и в сознании слушающего существует шкала интенсивности, которая строится относительно некоторой величины: ординарного [Туранский 1990] или нормы качества [Шейгал 1981]. Отклонение от ординарного вверх или вниз по шкале интенсивности воспринимается как необычное, то есть интенсифицированное или деинтенсифицированное. Причем количество делений на этой шкале зависит от языковой компетенции и речевого опыта говорящих [Туранский 1990: 32], так как «градуирование качества по интенсивности допускает бесконечную детализацию» [Козлова 1987: 8]. Поэтому шкала интенсивности никогда не обретет свой законченный вид. Она развивается и видоизменяется вместе с самим языком. Некоторые «деления» на этой шкале могут исчезнуть, уступая место новым. Однако мы можем отследить эту шкалу в период времени. Источником материала для данного исследования послужил Большой словарь русских народных сравнений [Мокиенко, Никитина 2008]. В результате сплошной выборки орнитонимов, обозначающих человека *глупого*, обнаружены следующие КФЕ: *как ворон; пустой как ворона; глуп как гусак; глупа как гусыня; прямо клуня; как*

кураца; умница – как попова (пестрая) кураца; глуп как тетерев; рожею хорош, а умом тетерев; молодец что орел, а ума что у тетерева; на взгляд что орел, а по уму как филин; в голове у кого как у петуха заднице; вумный как вутка; умный как утка; (доходит до кого) как до утки [на пятые (седьмые) сутки]. Все эти сравнения в большей или меньшей степени одинаково часто употребляются в языке. Но в стремлении четко обозначить степень глупости возможен и некорректный выбор сравнения. Действительно ли «равноправны» по глупости гусак и гусыня? Кто «глупее»: ворона или филин?

Используя толкования, зафиксированные в словаре, мы составили шкалу интенсификации признака *глупость* в русских народных КФЕ. «Нулевой» отметкой или нормой на этой шкале будет человек умный в его исходном значении, без каких-либо интенсификаторов. Далее в сторону «минуса» по этой шкале находим следующие интенсификаторы глупости: **0 – норма; -1 (УТКА) – медленно соображающий, тугодум** – (доходит до кого) как до утки [на пятые (седьмые) сутки]; **-2 (ТЕТЕРЕВ, ФИЛИН) – недалекий** – молодец что орел, а ума что у тетерева; рожею орел, а умом тетерев; на взгляд что орел, а по уму как филин; **-3 (КЛУНЯ, УТКА) – глуповатый** – прямо клуня; вумный как вутка; умный как утка; **-4 (КУРИЦА) – простовато-глуповатый** – умница – как попова (пестрая) кураца; **-5 (ВОРОНА, ТЕТЕРЕВ) – неумный** – пустой как ворона; рожею орел, а умом тетерев; **-6 (КУРИЦА) – глупый/глупая** – как кураца; **-7 (ВОРОН) – простофиля** – как ворон; **-8 (ГУСЫНЯ) – очень глупая** – глупа как гусыня; **-9 (ТЕТЕРЕВ) – очень глупый, крайне непонятливый** – глуп как тетерев; **-10 (ПЕТУХ) – очень глупый, тупой** – в голове у кого как у петуха в заднице; **-11 (ГУСАК) – крайне глупый** – глуп как гусак. Как видим, в приведенном ряде КФЕ отсутствует четкая граница степени глупости между интенсификаторами. Большинство из них несут на себе несколько признаков. Усиливая медлительность мыслительных процессов, УТКА одновременно может обозначать и некоторую степень глупости именуемого объекта. ТЕТЕРЕВ и ФИЛИН подчеркивают ограниченный кругозор. ВОРОНА и ВОРОН выводят на первый план умственно ограниченного человека, не обладающего достаточным умом, простофилю – глупого и ограниченного человека. КУРИЦА (КЛУНЯ) одновременно интенсифицируют разные степени глупости (глуповатый – простовато-глуповатый – глупый/глупая), а ГУСЫНЯ и ГУСАК обозначают предельные степени глупости.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- БАЛЛИ, Ш. (1961): *Французская стилистика*. М.
 БОНДАРКО, А. В. (2001): *Основы функциональной грамматики*. СПб.
 ГЕРАСИМОВА, Л. Я. (1970): *Усилительные наречия в современном английском языке*. Л.
 КОЗЛОВА, И. А. (1987): *Градуальность качества в разных типах номинации (на материале английских прилагательных)*. М.
 МОКИЕНКО, В. М., НИКИТИНА Т. Г. (2008): *Большой словарь русских народных сравнений*. М.
 РОДИОНОВА, С. Е. (2004): *Интенсивность и её место в ряду других семантических категорий*. In: *Славянский вестник*. М. Вып. 2. С. 303–313.
 СУЩИНСКИЙ, И. И. (1977): *Система средств выражения высокой степени признака (на материале современного немецкого языка)*. М.
 ТУРАНСКИЙ, И. И. (1990): *Семантическая категория интенсивности в английском языке*. М.
 ТУРАНСКИЙ, И. И. (1987): *Средства интенсификации высказывания в английском языке*. Куйбышев.
 ШЕЙГАЛ, Е. И. (1981): *Интенсивность как компонент семантики слова в современном английском языке*. М.

Алиция Пшишляк

Польша, Ополе

НАЦИОНАЛЬНЫЕ И ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЕ КРЫЛАТЫЕ ЕДИНИЦЫ, ВОСХОДЯЩИЕ К КИНЕМАТОГРАФУ, В ПОЛЬСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

ABSTRACT:

National and International Well-known Quotations, Originating in Movies in Polish and Russian

The article deals with well-known quotations of cinematic origin in modern Polish and Russian. The analysed material is based on lexicographical data and consists of subcorpus of the examined units: 1. National Polish/Russian well-known cinematic quotations; 2. two similar intercultural subcorpus. The article aimed at characterization and comparison of the above-mentioned subcorpus from the perspective of their composition and their functioning in the language.

KEY WORDS:

Film as the source of well-known quotations – national and international well-known quotations – modern Polish and Russian.

Крылатые слова, восходящие к кинематографу, составляют один из самых значительных разрядов фонда крылатых слов из области искусства – как в современном польском, так и русском языке. Кинематограф, насчитывающий более чем столетнюю историю, стал поставлять крылатые обороты во все европейские языки уже в начале XX. века. В памяти носителей польского и русского языков живут например крылатые единицы, относящиеся к эпохе немого кино и к начальному периоду звукового кино (ср. поль.: *gorączka złota; Flip i Flap; King Kong; Miłość ci wszystko wybaczy; Ada! To nie wypadła!; Umówilem się z nią na dziewiątą; Seksapil to nasza broń kobieca*; рус.: *золотая лихорадка; Процесс о трёх миллионах; огни большого города; путёвка в жизнь; Тихо, граждане! Чапай думать будет; Кто хочет – тот добьётся*). Однако заметное укрепление позиции фильма как источника крылатых слов тесно связано с появлением телевидения, которое дало совсем новые возможности, прежде

всего: охватывать многомиллионное количество зрителей и многократно повторять полюбившиеся фильмы. В эпоху телевидения (вторая половина XX в.) фонды крылатых слов обоих языков пополнились десятками единиц из отечественных и зарубежных теле- и кинофильмов (напр. поль.: *Jestem kobieta pracująca, żadnej pracy się nie boję; zawartość cukru w cukrze; Nie ze mną te numery, Brunner; Agent 007; dyskretny urok burżuazji; mężczyźni wolą blondynki; pogoda dla bogaczy, wejdźcie smoka* и рус.: *Какая гадость эта ваша заливная рыба; Не виноватая я! <Он сам пришёл!>; Ну, заяц, погоди!; Семнадцать мгновений весны; В джазе только девушки; Джеймс Бонд; Рэмбо*).

Кинематограф конца XX – начала XXI века, который всё больше подвергается влиянию со стороны средств массовой информации и массовой культуры, продолжает порождать новые единицы. (напр. поль.: *Młode wilki; Matrix – Reaktywacja; Życie jest jak pudelko czekoladek; Bo to zła kobieta była; Co ty wiesz o zabijaniu?; No jak nie, jak tak?*; рус.: *Особенности национальной охоты; Богатые тоже плачут; Просто Мария; Старые песни о главном; Не мы такие, жизнь такая*).

Приведённые выше примеры – это только небольшой фрагмент собранного мною материала; но даже если основываться только на этих примерах, становится ясно, что они представляют собой специфические феномены языка и культуры. Одни из них носят **интракультурный** (национальный), другие – **интеркультурный** (интернациональный) характер. К первым относятся крылатые единицы польского / русского языка, порожденные отечественным (польским / русским) кинематографом, которые не вышли за рамки данной национальной культуры. Вторую группу образуют единицы, заимствованные польским / русским языком из какого-то зарубежного фильма-источника, вошедшие также в языковой фонд других народов.

В настоящей статье я попытаюсь изложить результаты проведённого анализа, объектом которого были выделенные мною на основании лексикографических данных четыре корпуса, т. е. национальный и интернациональный корпус исследованных крылатых единиц русского языка и два аналогичных корпуса польского языка¹. Конкретные задачи, которые ставятся в статье: 1) показать некоторые точки пересечения и расхождения в составе выделенных корпусов, 2) охарактеризовать национальные и интернациональные крылатые единицы сопоставляемых языков, с точки зрения особенностей в их происхождении и употреблении.

В качестве основного языкового материала послужили, как **уже** было **упомянуто выше**, условные корпуса крылатых единиц из области кино двух сопоставляемых языков, которые мне удалось установить путём сплошной выборки из словарей. На русской почве это был, регистрирующий более 1000 единиц, «Словарь крылатых выражений из области искусства» С. Г. Шулеж-

¹ Помещение полного списка единиц всех корпусов (всего около 600 единиц) по понятным причинам **выходит за рамки данной статьи**.

ковой (Москва 2003)², на польской – «Skrzydlate słowa. Wielki słownik cytatów polskich i obcych» (Kraków 2005) и «Skrzydlate słowa. Wielki słownik cytatów polskich i obcych. 2» (Kraków 2012) Г. Маркевича и А. Романовского³.

Итак, судя по данным собранных корпусов в современном русском языке используется примерно 340 крылатых единиц, имеющих кинематографическое происхождение. Крылатые слова из отечественных источников насчитывают 290 единиц, причём более, чем половина (около 150) происходит из песен, которые или специально для фильмов были созданы, или благодаря фильмам получили вторую жизнь⁴. Что касается остальных крылатых единиц русского отечественного кинематографа, то стоит назвать картины 1970-х гг., которые уже давно разлетелись на крылатые фразы: «Бриллиантовая рука» (7 единиц), «Белое солнце пустыни» (6), «Ирония судьбы, или С лёгким паром» (5). Несколькими крылатыми единицами представлены также сериалы «Семнадцать мгновений весны» (3), «Следствие ведут Знаатоки» (3), «Тени исчезают в полдень» (3) и «Место встречи изменить нельзя» (3), кинофильм «Кавказская пленница» (3), кинокомедия «Джентльмены удачи» (3), а также мультипликационный фильм «Приключения кота Леопольда» (3).

Среди зарубежных фильмов-источников, породивших 50 крылатых единиц русского языка, стоит обратить внимание прежде всего на киноленты, которых названия окрылились, не только в русском, но и во многих других языках (т.е. носят интернациональный характер): *брак по-итальянски, некоторые любят погорячее / в джазе только девушки*⁵, *великолепная семёрка, вся президентская рать, унесённые ветром, Загнанных лошадей пристреливают, не правда ли?, звёздные войны, крёстный отец, скромное обаяние буржуазии, сладкая жизнь*.

На польской почве общий корпус крылатых единиц из области кино насчитывает около 260 единиц. Что касается польских национальных крылатых единиц из отечественных источников – их 120, причём наиболее объём-

² Существующие русские словари крылатых единиц, восходящих к кинематографу: *Словарь крылатых слов (русский кинематограф)* (В. С. Елистратов, Москва 1999), зафиксировавший около тысячи оборотов из популярных отечественных фильмов и *Крылатые фразы и афоризмы отечественного кино. (Материалы к Словарю отечественной кинокрылатики)* (А. Ю. Кожевников, Москва 2009), где было перечислено около 25 тыс. единиц – не оказались полезными источниками информации для моих исследований, так как в них наряду с крылатыми единицами, было приведено много обыкновенных цитат.

³ В общем обе части фиксируют свыше 20 тысяч единиц из разных источников происхождения. Выбор этого польского справочника объясняется фактом, что в польской лексикографической практике данный класс крылатых единиц вообще не стал ещё объектом специального описания. В принципе книга Маркевича и Романовского до сих пор остаётся единственным польским справочником, который кроме цитат регистрирует крылатые единицы. В качестве вспомогательного материала послужили [Bralczyk 2004; Bralczyk 2005].

⁴ Преобладают здесь песенные фразы из фильмов 1930-х гг.: «Дети капитана Гранта», «Цирк», «Трактористы» и «Весёлые ребята».

⁵ Название этой американской киноленты функционирует в русском обиходе в двух вариантах: 1) эфемизирующем переводе советского времени «В джазе только девушки» 2) и почти дословном по отношению к оригиналу («Some like it hot») – «Некоторые любят погорячее».

ной оказалась группа оборотов из польских кинокомедий: «Секс-миссия»⁶ (4), «Рейс» (5), «Псы» (4), «Киллер» (3). Широкое распространение получили также выражения, вышедшие из сериалов: «Ставка больше, чем жизнь» (3), «Czterdziestolatek»⁷ (2), «Домашняя война» (2).

Польский корпус включающий единицы, восходящие к зарубежным фильмам насчитывает всего 140 единиц. Некоторые из этих единиц (напр.: *małżeństwo po włosku, pół żartem, pół serio, siedmiu wspaniałych, wszyscy ludzie prezydenta, przeminęło z wiatrem, gwiazdne wojny, ojciec chrzestny, dyskretny urok burżuazji, słodkie życie*) имеют свои крылатые соответствия в русском параллельном корпусе (см. выше). Более того, перечисленные выше крылатые названия одинаково пользуются популярностью у носителей многих других языков мира. Это связано с фактом, что их фильмы-источники стали культовыми для многих поколений зрителей и вошли в золотой фонд мирового кинематографа. Отсюда следует, что 10 вышеуказанных единиц представляют собой составляющие интернационального ядра кинокрылатики.

Итак, проанализировав **вышеизложенный материал**, можно сделать следующий вывод: установленные польский и русский корпуса разны не только по объёму, но и по составу. В русском национальном корпусе наиболее продуктивным источником происхождения крылатых слов являются песни из фильмов (их доля превышает 50 % от общего числа национальных крылатых слов), в то время как в польском параллельном корпусе «песенные» крылатые единицы составляют самую малочисленную группу (лишь около 10 единиц). В польском национальном корпусе, в свою очередь, лидирующее положение занимают названия художественных фильмов и сериалов, а также реплики (реже имена) их персонажей. Зато в корпусах обоих языков, включающих единицы заимствованные из зарубежных фильмов мы обнаружили несколько точек пересечения. Я имею в виду прежде всего интернациональное ядро кинокрылатики: названия культовых (чаще всего художественных) фильмов мирового кинематографа.

Что касается особенностей в употреблении крылатых единиц (как национальных, так и интернациональных) сопоставляемых языков (кас. поставленной в начале статьи задачи № 2.) стоит представить следующие, заслуживающие внимания факты: 1) Так вот, наблюдения над собранным материалом позволили обнаружить общеязыковую тенденцию (характерную отнюдь не только польскому и русскому языкам) – показателем популярности данного крылатого выражения является чаще всего факт, что оно используется в рамках схем, типичных моделей. Ср.: *dyskretny X Y-a* (*dyskretny urok burżuazji*), *Ci wspaniali X-i w swych Y-oych Z-ach* (*Ci wspaniali mężczyźni w swych latających maszynach*), *Co ty wiesz o X-ie?* (*Co ty wiesz o zabijaniu?*), скромное обаяние **czego** (скромное обаяние буржуазии), существительное +

⁶ В советском прокате несколько урезанная версия этой кинокомедии выходила под названием «Новые амазонки», позднее демонстрировался и полный вариант с авторским названием.

⁷ Русского соответствия названия этого сериала мне не удалось найти.

неречие с приставкой по- и суффиксом -ски (*брак по-итальянски*), любое числительное + «мгновений» + существительное в род. пад. (*семнадцать мгновений весны*); 2) Иногда крылатые обороты из старых фильмов можем встретить в репликах современных киногероев. Например оригинальную фразу из американского фильма «Таксист» (1976 г.) – *Are you talking to me?* произнёс герой польского фильма «Киллер» (1997 г.) и с той поры она получила широкое распространение в спонтанной речи польской молодёжи.

В заключение, невозможно не высказать предположение, что в последние годы исследуемый разряд крылатых единиц наверное пополнился оборотами из новейших кинолент и телефильмов, которые не нашли отражения в словарях. Хотя проверка текстового корпуса выходит за рамки настоящей статьи, автор отдаёт себе отчёт в диспропорции между лексикографическими данными и текстовым функционированием.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

BRALCZYK, J. (2004): *Leksykon zdań polskich*. Warszawa.

BRALCZYK, J. (2005): *Leksykon nowych zdań polskich*. Warszawa.

MARKIEWICZ, H., ROMANOWSKI, A. (2005): *Skrzydlate słowa. Wielki słownik cytatów polskich i obcych*. Kraków

MARKIEWICZ, H., KOTOWSKA-KACHEL, M., ROMANOWSKI, A.: (2012) *Skrzydlate słowa. Wielki słownik cytatów polskich i obcych*. 2. Kraków.

ШУЛЕЖКОВА, С. Г. (2003): *Словарь крылатых выражений из области искусства*. М.

ОЛЬГА РОМАШИНА

Россия, Белгород

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ ОБЪЕКТИВАЦИЯ СИНЕСТЕТИЧЕСКИХ КОНСТРУКТОВ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

ABSTRACT:

Phraseological Objectivation of Synesthetic Constructs in Russian and English

The paper deals with principals of phraseological objectivation in contemporary Russian and English. The focus of the article is on synesthetic constructs, cognitive structures, representing the knowledge of perceptive integration in the meaning of phraseological units. The main aim of the article is to investigate the common and specific features of phraseological objectivation of such cognitive structures in the Russian and English Phraseology.

KEY WORDS:

Linguistic objectivation – phraseological objectivation – synesthetic constructs – cognitive semantics – representation.

В последнее время большое внимание в лингвистической науке уделяется проблеме представления знаний о внешнем и внутреннем мире человека. Появилось (и продолжает появляться) внушительное количество работ, описывающих различные структуры знаний и их реализацию в содержании языковых единиц. Данные работы вносят несомненный вклад в развитие современных семантических теорий, однако все чаще в них очерчивается проблема некоего отхода от собственно лингвистического объекта исследования к исследованию абстрактных ненаблюдаемых сущностей. Здесь мы разделяем мнение У. Крофта и Д. Сандра о том, что лингвист не обладает компетенцией устанавливать, в какой форме в сознании носителя языка реально репрезентированы языковые факты. Следовательно, задачей лингвиста является рассмотрение наиболее общих ментальных принципов, характеризующих природу языка [Croft 1998: 151, Sandra 1998: 361], а также изучение собственно лингвистических единиц, лишь частично в своих значениях объективирующих те или иные ментальные структуры.

Отсюда, синестетические конструкторы, являющиеся предметом настоящего исследования и отражающие информацию о взаимодействии и пересечении чувств, ощущений и эмоций (о перцептивно-эмотивной интеграции), интерпретируются не как ментальные модели, но как когнитивно-лингвистические феномены, находящие объективацию в языковых и, в частности, фразеологических единицах языка.

Сам процесс объективации в лингвистике изучен, по нашему наблюдению, недостаточно глубоко. Акцент на той или иной характеристике объективации зависит от методологии лингвистического исследования, от того с какой смежной наукой оно находит общие точки пересечения. Так, философская трактовка объективации заключается в понимании данного процесса как процесса опредмечивания, превращения в объект мыслительных сущностей. При данном подходе язык выступает неким преобразователем субъективных состояний в реальное восприятие объекта. Психологический подход к объективации предполагает понимание последней как концептуализации психического опыта в качестве особого рода объекта [Трунов 2010: 71]. Поворот к антропоцентрической парадигме лингвистических исследований обусловил новый подход к исследованию лингвистической объективации как к процессу овеществления в языке неязыковых сущностей, непосредственно связанному не только с некими логическими установками, но и с учетом особенностей языковой личности, человека как носителя, реципиента и пользователя языка.

Изучение подобных «внеязыковых сущностей», синестетических конструкторов, привело к пониманию необходимости выделения фразеологической объективации как особого вида объективации лингвистической. Фразеологическая объективация представляет собой овеществление в языке вторичного (образного) знания, создаваемого путем интеграции в сознании человека, по меньшей мере, двух конструкторов. В подобной трактовке понятие фразеологической объективации близко, но не тождественно понятию метафорической объективации, и отличается от последней большей устойчивостью, закреплённостью в коллективном, а не в индивидуальном сознании. Фразеологическая объективация может проследиваться лишь в значениях высокоустойчивых единиц, прочно укрепившихся в языке и культуре того или иного народа.

Проследим особенности фразеологической объективации синестетических конструкторов в русском и английском языках. Случаи переплетения ощущений между собой, и тем более, переплетения ощущений с эмоциями, на сегодня изучены недостаточно полно из-за их спонтанного проявления и еще более редкого языкового выражения. Однако, несмотря на кажущуюся незначительность объема эмпирического материала, наличие в исследуемых языках примеров устойчивых выражений, объективирующих синестетические конструкторы, вызывает большой лингвистический интерес, который оправдан как сложностью и противоречивостью самого феномена синестезии, так и однозначностью процесса его языкового представления.

Сложность процесса фразеологической объективации обусловлена двойственностью в понимании синестезии: а) как процесса взаимодействия ощущение-

ний, по модели «Перцепт + Перцепт», репрезентируемой конструкторами «Зрение + Вкус», «Зрение + Осязание», «Зрение + Обоняние», «Зрение + Слух», «Вкус + Осязание», «Вкус + Обоняние», «Вкус + Слух», «Осязание + Обоняние», «Осязание + Слух», «Обоняние + Слух»; б) как процесса взаимодействия ощущений и эмоций (чувств) по модели «Перцепт + Эмоция», репрезентируемой конструкторами «Зрение + Эмоция», «Вкус + Эмоция», «Осязание + Эмоция», «Обоняние + Эмоция», «Слух + Эмоция».

Интересно, что в рассматриваемых нами русском и английском языках фразеологическая объективация вышеуказанных конструкторов имеет как ряд сходных, так и различных черт, обусловленных во многом сходством и различием двух ментальных и языковых систем.

Действительно, конструкторы, лежащие в основе семантики большинства фразеологических единиц, имеют интернациональную природу, что и позволяет переводить их с одного языка на другой. Однако, в русском и английском языках языковые средства объективации данных конструкторов специфичны, индивидуальны. Именно индивидуальность средств объективации синестетических конструкторов создает культурное своеобразие фразеологических значений.

В ходе проведения сравнительного анализа русских и английских фразеологических единиц (отобранных методом сплошной выборки из фразеологических словарей русского и английского языков, из произведений русской и английской художественной литературы), объективирующих синестетические конструкторы, выявляются случаи полного, частичного совпадения и несовпадения фразеологической объективации в двух языках.

Наиболее частые случаи полного совпадения средств фразеологической объективации наблюдаются в реализации конструкторов «Зрение + Эмоция» (пример № 1), «Тактильность + Эмоция» (пример № 2), «Вкус + Эмоция» (пример № 3). Обусловлено это, на наш взгляд, едиными физиологическими проявлениями эмоциональных состояний: бледность или покраснение кожных покровов в результате проявления устойчивых эмоциональных состояний; повышение температуры вследствие усиления эмоционального состояния; одинаковая пейоративная (*горький*) и мелиоративная (*сладкий*) оценочность вкусовых ощущений:

1) *Побелеть от гнева* (злости). – *To be white with rage* (anger). В данном случае сохранены все концептуальные признаки конструктора «Зрение + Эмоция», и также изоморфны языковые средства передачи эмоционального состояния субъекта.

2) *Горячая любовь* (чувство). – *Hot love* (feeling); *в холодном поту от страха* – *in a cold sweat* (from fear): сохранен конструктор «Тактильность + Эмоция», изоморфны языковые средства его объективации.

3) *Лить* (проливать) *горькие слезы*. – *To cry bitter tears* (плакать горькими слезами): конструктор «Вкус + Эмоция» находит объективацию в значениях изоморфных фразеологических единиц.

Мелиоративная оценочность прослеживается в объективации конструкта «Звук + Вкус», что также универсально и для русской, и английской лингвокультур:

4) *Говорить (петь) сладким голосом.* – *To say (to sing) in a sweet voice.* В данном случае снова очевидно полное совпадение средств фразеологической объективации.

Частичное совпадение происходит при сохранении синестетического конструкта, но при расхождении языковых средств его объективации в структуре фразеологической единицы:

5 *To feel blue* (чувствовать голубое настроение). – *Печали цвет размыто-голубой. Голубая печаль.* Здесь очевидно сохранение конструкта «Зрение + Эмоция», однако языковые средства, конструирующие данные фразеологические единицы, различны.

6) *Черная зависть (завидовать по-черному).* – *Green envy* (зеленая зависть). Основное значение фразеологизма сохранено (о чем свидетельствуют и случаи сходного употребления данного выражения в похожих ситуативных контекстах), но различаются компоненты, объективирующие зрительный перцептивный компонент конструкта «Зрение + Эмоция».

Частичное совпадение фразеологической объективации заметно и в реализации конструкта «Звук + Эмоция»:

7) *Звонкий поцелуй.* – *Smack (loud) kiss* (шумный, громкий поцелуй).

Несовпадение фразеологической объективации синестетических конструктов можно проследить в следующих фразеологических единицах:

8) *Тихий ужас!* (фразеологическая объективация конструкта «Звук + Эмоция»). – *Horror of horrors!* В аналоге русскому синестетическому фразеологизму наблюдается фразеологическая объективация эмоционального несинестетического конструкта.

Таким образом, анализ примеров показывает, что и в русской, и в английской лингвокультурах существуют как сходные, так и различные механизмы фразеологической объективации синестетических конструктов. Сходство обусловлено тем, что исследуемые конструкты универсальны не только для русской и английской языковых культур, но для всех культур в мире, поскольку в их основу заложена информация о физиологических и эмоциональных состояниях человека, а наличие данных состояний универсально для всего человечества. Различия фразеологических средств объективации обусловлены расхождением в типологическом устройстве двух языков, отражающем способность языковой личности репрезентировать в сознании (а затем объективировать в языке) синестетические конструкты. Именно индивидуальность языковых объективаций создает культурное своеобразие фразеологических значений, «определяя тем самым специфику глубинных ярусов фразеосемантического пространства разных языков» [Алефиренко, Галло 2007: 24]. Даже при наличии в сознании носителей языка одних и тех же синестетических моделей, последние могут не найти вторичной объективации в семантике устойчивых языковых единиц и остаться в одном языке авторской метафорой, либо

одноразовым по употреблению словосочетанием, а в другой частью языковой культуры, закрепленной в коллективном сознании в качестве фразеологической единицы.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

АЛЕФИРЕНКО, Н. Ф., ГАЛЛО, Я. (2007): *Этнокультурная маркированность русской фразематики (на славянском когнитивно-семиологическом фоне)*. In: Мир русского слова и русское слово в мире: материалы XI Конгресса МАПРЯЛ, Т. 2., с. 21–29.

ТРУНОВ, Д. Г. (2010): *Объективация психологического опыта*. In: Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология, № 3(3), с. 71–82.

CROFT, W. (1998): *Linguistic Evidence and mental Representation*. In: *Cognitive Linguistics*, № 9 (2), p. 151–173.

SANDRA, D. (1998): *What Linguists can and Can't Tell You about the Human Mind*. In: *Cognitive Linguistics*, № 9 (4), p. 361–378.

МАРКЕТА СВАШКОВА

Чехия, Оломоуц

«КРАСОТА» И «УРОДЛИВОСТЬ» ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА РУССКИХ, ЧЕХОВ И ИСПАНЦЕВ

ABSTRACT:

Beauty and Ugliness in Phraseological Image of the World of Russians, Czechs and Spaniards

The author of the article tries to describe phraseological image of the world in the three languages: Russian, Czech and Spanish, regarding beauty and ugliness of man. The author tries to find the same and the different in the phraseology of the three named nations. The initial hypothesis of the author is that there is a common European nucleus and than some national differences. This hypothesis seems to be true.

KEY WORDS:

Phraseology – phraseological unit – phraseological image of the world – linguistic image of the world – beauty – ugliness – attractiveness – common European nucleus – national differences.

Красота и уродливость являются одними из наиболее субъективно оцениваемых черт внешнего облика человека. В докладе мы проанализируем русские, чешские и испанские фразеологические единицы (ФЕ) со значением «красота» и «уродливость». В собранном нами материале (286 ФЕ) в каждой из противопоставленных частей можно выделить несколько групп фразеологизмов.

Сначала рассмотрим ФЕ, характеризующие красоту. Интересно, что фразеология выделяет разные единицы для выражения значения женской и мужской красоты. При оценке женской красоты описывается скорее красота лица, ср. *krásná až přechází zrak, hezká jako růžička, hezká jako obrázek, bella como una rosa, guapa como una flor* и др. Фразеологизмы, описывающие красоту фигуры, подчеркивают прежде всего привлекательность фигуры, такую группу ФЕ можно найти главным образом в испанском языке: *estar jamón, estar cachas, estar cañón* (досл. *быть ветчина, быть пушка*).

В отличие от фразеологизмов, описывающих женскую красоту, единицы, касающиеся мужской красоты, сосредоточиваются чаще на описании фигуры, чем лица. В данные группы часто входят обороты, сравнивающие мужчин с бо-

жественными или мифологическими существами: *krásiv jak Adonis, krásiv jak bog, krásný jako bůh, pěkný jako anděl, krásný jako Apollón, ser/parecer un adonis, bello como un ángel, guapo como niño Jesús de Praga*. Интересно, что в чешском языке существует ФЕ, подобная последней испанской единице: *vyradá jako polské jezulátko*.

Далее мы опишем ФЕ в рамках классификации по основе их внутренней формы. В русском и чешском языках можно выделить группу ФЕ, основанную на мотиве картин, росписи: *писаный красавец, kluk jako malovaný, jen ho dát za rámeček*, в испанском подобных фразеологизмов нет.

В чешском языке мы встречаемся также с довольно большой группой подобных единиц, сравнивающих человека с готовыми изделиями разного рода: *jako by ho z vejce vyloupl, je jako ze soustruhu, je jak na zakázku* (букв. как будто его из яйца вынули, он как из токарного станка, он как на заказ).

Образ женской красоты может быть в разных культурах разным, однако связанные с ним образы обычно близки. И здесь можно выделить несколько групп по мотивационной основе. Чаще всего красивую девушку сравнивают с цветами и другими растениями и плодами, причем чаще всего данные цветы-плоды бывают красные, что связано с семантикой красного цвета вообще. В эту группу входят такие фразеологические единицы как, например, *девушка как ягодка, девушка как наливное яблочко, девушка как цветок, holka jako malina, je jako míšeňské jablíčko, jako roupátko, jako růžička, estar hecho un pimpollo, como una manzana, guapa como una flor, guapa como una rosa*.

Вторую группу по мотивационной основе формируют фразеологизмы, включающие в себя наименования сладостей или блюд, напр.: *девушка как конфетка, je jako z cukru, holka jako homolka, ester de dulce, estar como un pan* (быть из сладкого, быть как хлеб).

Так же, как и в группе фразеологизмов, описывающих мужскую красоту, и здесь можно найти единицы, связанные с образом святых или божественных лиц, а также сказочных героев. Например: *девушка как ангелочек, krásná jako bohyně, jako madona, krásná jako andílek, jako princezna z pohádky, bella como una madonna, guapa como una princesa, estar de fábula*.

В обоих славянских языках можно найти образ картины/росписи. В русском языке это такие единицы, как: *девушка как картинка, писаная красавица*, в чешском: *děvče jako malované, jako obrázek*. В испанском языке существуют только единицы, связанные с фильмом: *de película, de cine*. (из фильма, из кино).

Что касается женской красоты, то, как было уже отмечено, существует еще вторая по значению группа ФЕ, а именно единицы со значением «привлекательная». Данная группа фразеологизмов очень активно функционирует в испанском языке, но есть некоторые примеры и в русском и чешском языках.

В русском языке в эту группу можно включить такие примеры, как: *лакомый кусок, просто пальчики оближешь*, в чешском: *je k nakousnutí, je k pomilování, stála by za hřích*. В испанском языке список намного больше: *de chuparse los dedos, estar jamón, tener buenas carnes, estar bien armado, ser una perita en*

dulce, real hembra (быть ветчина, быть специалист по сладкому, быть хорошо вооруженной, настоящая самка), причем сексуальный подтекст здесь очень силен.

Очень большую группу фразеологизмов составляют антонимичные ФЕ со значением «уродливый, некрасивый», так как уродливость является аномалией, отклонением от «нормального» состояния и негативная конотация здесь очень сильна, а известно, что фразеология чаще отражает негативные характеристики, чем позитивные. Здесь мы часто встречаемся с шутливыми или пренебрежительными единицами. Надо еще отметить, что в данной группе фразеологизмов чаще всего описывается не фигура, а лицо.

Общую для всех языков группу составляют единицы с образом животных, например: *безобразный как жаба, противный как змей, уродливый как обезьяна*, в чешском: *škaredý jako ropucha, ohyzdný jako opice, škaredá jak žaba*, в испанском: *tener monos en la cara, más fea que un perro, feo como un piojo* (у нее обезьяны в лице, уродливее чем собака, уродливый как вошь). Во всех языках тогда можно найти образ обезьяны, в славянских языках образ жабы, испанский отличается присутствием компарации с насекомыми.

Во всех исследуемых языках также присутствует группа сравнений со злыми сверхъестественными существами. В русском это, напр., ФЕ: *страшен как ведьма, как баба-яга*, в чешском: *ošklivý jako čert, jako čarodějnice, jako bubák*, в испанском: *fea como una bruja, ser el coco, feo como un demonio* (букв. уродливая как ведьма, быть бука, уродливый как демон).

В чешском языке есть много экспрессивных единиц, сравнивающих человека с обесцененными предметами: *má hubu jak prasklý jelito, má hubu jak rozšlápnutý mejdlo v bazéně, hezká jako od kurníku deska* (букв. у нее рожа как лопнувшая кровяная колбаса, у нее рожа как раздавленное мыло в бассейне, красивая как от курятника доска) и другие ФЕ, выражающие пренебрежение. Очень интересной группой в чешском языке являются шутливые единицы, основанные на образе раздачи красоты Богом: *nekřičela dvakrát „zde“, když Pánbůh krásu rozdával, spala, když Pánbůh rozdával krásu* (букв. она не кричала дважды «я здесь!», когда Бог раздавал красоту, она спала, когда Бог раздавал красоту). В русском отсутствие красоты выражается описательно: *не на что смотреть; ни кожи, ни рожи*.

Очень интересные группы фразеологизмов можно найти в испанском языке. Здесь выделяется группа, сравнивающая уродливость с грехом: *más feo que un pecado mortal*, она есть и в русском – *страшный как смертный грех*, далее *más feo que pegar a un padre (con un calcetín sudado)* и также *más feo que el alma de Judas* (букв. уродливее, чем душа Иуды, уродливее, чем ударить отца потным носком).

Интересной группой являются сравнения с дефектами кожи: *feo como una tiña, ser un callo malayo* (букв. уродливый как струп, как мозоль).

Самой интересной группой испанских фразеологизмов являются те, которые включают в себя наименования реалий народа, и поэтому их нельзя найти в других языках. Это, напр., выражение *más feo que Carracusa*, где *Carra-*

cisa является или придуманным словом, означающим что-либо негативное, или именем придворного шута XVII века. Следующая единица в данной группе – оборот *más feo que un Pício*, Pício – это исторически зафиксированный человек – сапожник из Гранады, живший в XIX веке. Он был несправедливо осужден на смерть и в ожидании казни от страха он потерял все волосы, а его лицо покрыли фурункулы. Наконец его освободили, однако, из-за своей уродливости он должен был дожить свой век в уединенном месте.

Последней группой испанских единиц являются скорее синтаксические конструкции, служащие усилением сказанного, к ним можно добавить любое прилагательное. Это такие примеры, как: *cómo feo si es feo*, *ser de lo más feo que hay*, в чешском языке можно найти частичные эквиваленты: *škaredý až běda*, *ošklivost nejhrubšího zrna*.

Итак, анализ показал, что образы, связанные с человеческой красотой и уродливостью, часто очень похожи во всех исследуемых языках, что подтверждает существование общего европейского ядра, или, можно сказать, общей европейской языковой картины мира, но также можно наблюдать целый ряд национально-специфических фразеологических единиц, часто связанных с реалиями данной страны, которые дают представление о национальном менталитете и культуре и являются драгоценным лингвистическим материалом, свидетельствующим об особенностях каждой национальной культуры. Можно также утверждать, что в обоих славянских языках существует больше сходств, что доказывает близость языковой картины мира Славии.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- БИРИХ, А. К., МОКИЕНКО, В. М., СТЕПАНОВА, Л. И. (1997): *Словарь фразеологических синонимов русского языка*. Ростов-на-Дону (SM).
- ИВАНОВА, Е. В. (2002): *Пословичные картины мира*. ФФ СПбГУ. Санкт-Петербург.
- КОЗЛОВА, Т. В. (2001): *Идеографический словарь русских фразеологизмов с названиями животных*. М.: Дело и сервис.
- КОРНИЛОВ, О. А. (2003): *Языковые картины мира как производные национальных менталитетов*. М.: ЧеР.
- МАСЛОВА, В. А. (2010): *Лингвокультурология*. М.: Academia.
- BUITRAGO, A. (2008): *Diccionario de dichos y frases hechas*. Madrid: Espasa (DDFH).
- ČERMÁK, FR., HRONEK, J., MACHAČ, J. (1983): *Slovník české frazeologie a idiomatiky – Přirovnání*. Praha: Academia (SČFI).
- ČERMÁK, FR., HRONEK, J., MACHAČ, J. (1994): *Slovník české frazeologie a idiomatiky – Výrazy slovesné*. Praha: Academia (SČFI-S).
- ČERMÁK, FR., HRONEK, J., MACHAČ, J. (1988): *Slovník české frazeologie a idiomatiky – Výrazy neslovesné*. Praha: Academia (SČFI-N).
- SECO, M. y col. (2004): *Diccionario fraseológico documentado del español actual*. Madrid: Aguilar (DFEA).
- МОКИЕНКО, В. М., WURM, A. (2007): *Česko-ruský frazeologický slovník*. Olomouc: Univerzita Palackého (ČRFS).
- STĚPANOVA, L. (2007): *Rusko-český frazeologický slovník*. Olomouc: Univerzita Palackého (RČFS).
- VARELA, F., KUBARTH, H. (2004): *Diccionario fraseológico del español moderno*. Madrid: Gredos (DFEM).
- ZAORÁLEK, J. (2009): *Lidová rčení*. Praha: Levné knihy (LR).
- Španělský národní jazykový korpus*: corpus.rae.es (crae).

АЛЛА ГЕННАДЬЕВНА ХОРОШАВИНА

Россия, Казань

РУССКИЕ СЛОЖНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННЫЕ КОНСТРУКЦИИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЦЕННОСТНО-ХАРАКТЕРИЗУЮЩЕГО АСПЕКТА НАЦИОНАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

ABSTRACT:

Russian Complex Phraseology Constructions as a Reflection of Value aspect of the National Picture of the World

The article studies the question of the value aspect of Russian national picture of the world as reflected in several types of complex phraseology constructions in terms of the synchrony approach.

KEY WORDS:

Frasesmodel – language picture of the world – characterization.

Смещение интереса исследователей в сторону изучения homo dicens позволило науке соединить изучение двух колоссальных феноменов: языка и человека. Сложнейшая природа этих объектов привела к возникновению различных научных направлений, которые позволяют взглянуть на изученные ранее явления с новой стороны. Возникли новые теории и гипотезы, большая часть которых находится в зоне пересечения научных сфер – когнитивная лингвистика, лингвокультурология, психосемантика и др. Они охватывают проблематику зоны соприкосновения отдельных областей психологии, языкознания, логики, культурологи и этнологии. Появление этих научных направлений не носит стихийного характера, их рождение было подготовлено научными поисками многих исследователей: В. фон Гумбольдта, Э. Сепира, Б. Уоффа, А. Р. Лурии, П. Я. Гальперина, А. Вежицкой и многих других.

Тезис В. фон Гумбольдта о том, что мышление человека и его представления о мире определяются языком, на котором он говорит, порождает вывод, что категоризацию мира человек осуществляет посредством языка. Как индивидуальный, так и коллективный субъект, таким образом, обладает определенной

картиной мира. Разумеется, картина мира каждого из нас уникальна потому, что состоит из множества причудливо связанных друг с другом пластов. Однако основой ее, несомненно, является национальная картина мира.

При рассмотрении вопроса об отражении средствами языка национальной картины мира интерес представляют языковые единицы не только центральной, но и периферийной зоны, к числу которых относятся синтаксические конструкции, находящиеся на определенной стадии фразеологизации. Они занимают промежуточное положение между свободными структурами и фразеологическими единицами.

Семантика этих единиц отличается многоаспектностью, многослойностью. Например, ФК с семантикой аргументированного несогласия, построенные по модели *не + Nn, чтобы (Я не артист, чтобы играть по правилам.* [К. Кавальджи. Пять точек на карте]): их синтаксическая семантика лежит в зоне прямого причинного обоснования, а в основе их фразеологической семантики – деонтическая модальность и модальность несогласия. Семантика несогласия предполагает свою реализацию преимущественно в текстах диалогического типа. Однако данный тип ФК демонстрирует успешную реализацию и в монологическом тексте, когда в результате применения известного риторического приема говорящий моделирует возможные возражения воображаемого собеседника и выражает свою позицию, свернув аргументацию до наиболее веского положения (облеченного в форму объективной истины). Аргументация осуществляется за счет отрицания некой реалии, которой соответствует неодобряемое действие. Информация о подобных соответствиях хранится в сознании говорящего и включена в его картину мира и картину мира его собеседника(ов).

Наблюдения над семантикой и текстовыми функциями фразеологизированных конструкций некоторых типов позволяют говорить об их выраженном оценочном характере. Аксиологическая шкала является неизменным компонентом любой национальной картины мира, поскольку вмещает этические представления данного социума. Так, в примере *Мы не какие-нибудь нэпманы, чтобы голубцы есть* [А. Рыбаков. Кортик], говорящий негативно оценивает действие (*голубцы есть*) и соотносит его с негативно оцениваемым в определенный период слоем предпринимателей (*нэпманы*). Толковые словари дают следующее толкование лексеме *нэпман*, носившей во времена НЭПа характер неологизма, а теперь отошедшей в область устаревшей лексики: «частный предприниматель, торговец периода НЭПа». Как можно заметить, в значении слова, отраженном в словаре, отсутствует оценочный компонент, однако пример, приведенный выше, свидетельствует об использовании этой лексемы в квалификативно-оценочной функции. Действительно, в разговорной речи слово приобрело оценочный компонент. Это связано с экстралингвистической ситуацией: на общем фоне голодного и обнищавшего после гражданской войны населения России по-дореволюционному уважаемые и довольные частные предприниматели выглядели весьма вызывающе. По этой причине и по причинам идеологического характера подобные люди оценивались обще-

ством крайне негативно. Поэтому лексема, осуществляющая номинацию этого лица, приобретает отрицательную оценочную окраску

Позиция Nn в рамках данной модели есть предикатная позиция. Субстантивная лексема, обслуживающая позицию Nn, становится в ряд семантических предикатов, для которых свойственна функция характеристики субъекта предложения. Именно назначение субстантива в исследуемой модели быть характеризующим именем обуславливает особенности лексического наполнения позиции Nn.

Зафиксированные нами в предикатной позиции субстантивные лексемы мы условно разделили на несколько групп по их значению. Анализ каждой группы позволил нам прийти к заключению, что в значении субстантива (к какой бы группе он не относился) присходит сдвиг в сторону качественности. Благодаря актуализации определенных коннотативных сем, качественные характеристики данного предмета, лица оказываются выдвинутыми на первый план, что позволяет говорящему оценить другое лицо/предмет/явление с точки зрения соответствия/несоответствия этим качественным параметрам.

Семантика фразеомодели не + Nn, чтобы накладывает определенные ограничения на лексическое наполнение позиции Nn: занимать ее способны лишь слова, значение которых может быть переориентировано в сторону качественности.

Конструкция *не + Nn, чтобы* функционирует, как правило, в разговорной речи. В этой связи отметим, что кроме общеупотребительной лексики данную модель может обслуживать и лексика разговорного употребления. Ни у кого из исследователей не вызывает сомнения положение о том, что разговорная речь (РР) имеет свою специфику в сравнении с кодифицированным литературным языком (КЛЯ). Л. А. Капанадзе указывает как особенности лексики РР ее экспрессивность и оценочность: «Многие слова и элементы значений слов приобретают в РР дополнительную экспрессивную окраску; нейтральные в стилистическом отношении значения КЛЯ получают в РР высокую степень интенсивности свойства с становятся оценочными. – и далее, – Оценочные и эмоциональные компоненты значения слова существенно меняют смысловое наполнение лексической единицы» [Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест 1983:171–172].

Следует отметить, что оценочно-характеризующий аспект делает фразеологизированные конструкции весьма привлекательными для использования в тех коммуникативных ситуациях, где воздействующая функция является доминирующей.

Корреляция предиката первой части конструкции и инфинитивного компонента второй базируется на национальных представлениях о соответствии определенного статуса определенному действию, например: *Я не врач, чтобы лечить*; и т.д. Между предикативной лексемой первой части конструкции и инфинитивом второй части устанавливается определенная связь [Хорошавина 1995] – семантическое согласование, или, как считает Э. Косериу, лексические солидарности [Косериу 1969: 97]. Значение инфинитива оказывает

ся ориентированным на семантику субстантива первой части фразеомодели. В стремлении реализовать свою интенцию – отказаться от выполнения навязываемого действия – говорящий опирается на имеющиеся у него или у социума стереотипные или индивидуальные представления о том, какие действия могут быть характерны для того или иного деятеля (объекта). Ассоциативная сеть обеспечивает возникновение семантического согласования типа *батюшка – исповедоваться; герой – сражаться* и т.д. Такие лексические солидарности могут быть обеспечены достаточно устойчивой стереотипной ассоциацией, например, *врач – лечить; школа – учить; вокзал – ждать; ребенок – играть* и т.д., но могут носить и очень индивидуальный, окказиональный характер. В таких случаях мы, несомненно, имеем дело с фактом отражения фрагмента не только национальной, но и индивидуальной картины мира.

Ассоциативно-вербальная сеть является базой для реализации фразеомоделей с семантикой необходимого основания (*надо быть..., чтобы*) и акцентированного назначения (*на то и..., чтобы*). Например, *Надо быть магнатом, чтоб в таком доме селиться* [уст. речь] или *На то она и собака, чтоб лаять и в дом чужих не пускать* [уст. речь]. В этих конструкциях, как и в моделях *не + N, чтобы*, наблюдается явление семантического согласования: *магнат – селиться в дорогом доме; собака – лаять и в дом не пускать*. Говорящий, опираясь на имеющиеся у него или у социума стереотипные или индивидуальные представления о том, какие действия могут быть характерны для того или иного деятеля (объекта), выдвигает определенный статус как основание, необходимое для осуществления действия, обозначенного во второй части конструкции (*надо быть..., чтобы*). При использовании же ФК с семантикой акцентированного назначения (*на то и..., чтобы*) адресант фокусирует внимание на исключительной предназначенности определенного лица, явления, объекта для выполнения указанного действия. Эти ФК обладают скрытой императивностью, предлагая в объективизированном виде взаимосвязь реальности и действия.

Активное функционирование фразеологизированных конструкций в современном литературном языке свидетельствует о специфичности отражения картины мира русскоговорящими. Включение этих конструкций в семантическую ткань диалогических и монологических единств позволяет конденсировать и фокусировать выражаемые смыслы, «включать» их в семантические пространства слушающих.

Действительность, окружающая нас, представляет собой недискретную сущность. Парадоксален тот факт, что человеческое сознание отражает эту сущность в дискретной форме, иначе говоря, осуществляет категоризацию мира. Очевидно, что степень дискретности произвольна для каждого языкового коллектива. Активное функционирование ФК с их многослойной семантикой – это стремление человеческого сознания преодолеть этот парадокс (хотя бы частично), попытка отразить отдельный фрагмент мира, не раздробив его.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

БУЛЫГИНА, Т. В., ШМЕЛЕВ, А. Д. (1997): *Языковая концептуализация мира (на материале рус-*

ской грамматики). М.

ВЕЖБИЦКАЯ, А. (1996): *Язык. Культура. Познание*. М.: Русские словари.

КОСЕРИУ, Э. (1969): *Лексические солидарности* In: Вопросы учебной лексикографии. М. Изд-во МГУ, 1969. С. 93–104.

Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест (1983). М.

СЕПИР, Э. (1993): *Избранные труды по языкознанию и культурологии*. М.

БУХБИНДЕР, В. А. (ред.) (1983): *Текстуальная лингвистика*. Киев.

УОРФ, Б. (1960): *Отношение нормы поведения и мышления к языку*. In: Новое в лингвистике. М. Вып. 1. С. 135–168.

ХОРОШАВИНА, А. Г. (1995): *Сложные фразеологизированные конструкции с семантикой аргументированного несогласия в современном русском языке: Диссертация на соискание ученой степени канд. филол. наук*. Казань.

OKSANA CHAIKA

Ukraine, Kyjiv

LEGAL ENGLISH IDIOMS AND PROBLEMS OF RENDITION INTO UKRAINIAN

РЕЗЮМЕ:

Правовые английские идиомы и проблемы и их передача на украинский язык

Среди многочисленных сложных вопросов, которые на нынешнем этапе развития языкознания находятся под пристальным вниманием лингвистов-современников, лингвистические вопросы кросс-культурной коммуникации, интерконтекстуальности, в разрезе эквивалентного юридического перевода, чрезвычайно актуальны. Идиомы – бизнес и юридические, в частности, – достаточно сложные лингвистические конструкции для перевода на другие языки. Решением данного вопроса может послужить предложенная в расказах данной статьи классификация бизнес и юридических идиом.

Ключевые слова:

Бизнес и юридическое устойчивое выражение – бизнес и юридическая идиома – бизнес и юридический душет и триплет – культурно-маркированные термины – реалия – термин или эксклюзивный термин – эквивалентный перевод – адекватный перевод – юридическая природа термина.

Idioms – business and legal, in particular – are very intricate expressions, which makes so difficult to translate into another language. First of all, for the purpose of this article I would suggest classifying business and legal expressions to further demonstrate the failure to translate them word for word and work out a reasonable approach in translation to cross-cultural business and legal communication. Secondly, I would dwell on peculiarities related to differentiation in a legal set expression and a legal idiom, and finally, I consider it a fine idea to furnish the recommended approach to translation with a number of examples in both the languages, English and Ukrainian.

Dilemma connected with idiom translation roots in the fact that legal idioms in any language, on the one hand, are either business/process-bound or culture-bound items, i.e. peculiar of a particular culture, society, rules, and on the other, the meaning hidden in an idiom is rather metaphorical than literal. Where an interpreter tries to work out the meaning of the idiom is not always to lead to success irrespective of grammatical accuracy and an extensive language vocabulary. The matter here is that

the idiom usually stands for a widely accepted with the speaker notion related to an expression laid out in a combination of understandable words the general meaning of which altogether may make no sense. Thus, to make my point more clearly I would rather break such complicated business and legal items – idioms – into the three main groups: (i) business and legal terms, (ii) set expressions and (iii) phraseological units including the metaphor, metonymy and simile.

Business and legal terms

This group of legal idioms contains the items of obscure legal terminology. What I mean is that in most cases such terms may either be totally unfamiliar to the lay person or the words used have a different meaning in ordinary English, which from the start is quite confusing. For instance, in legal English the term **construction** is often used to mean ‘interpretation’ (**тлумачення** in Ukrainian) but not ‘a building site’ in English compared to **конструкція**, or **будівля**, or **будівництво** in Ukrainian, another English term **to furnish** is used in the meaning of ‘to provide’ in contrast with ‘to assemble pieces of furniture in a room’ (in Ukrainian **забезпечувати**, **надавати** instead of the verb **умебльовувати**), and **consideration** in English would rather refer to the price agreed between the parties to a contract than thinking before making a decision (compare in Ukrainian: **ціна (договору)**, **ціна (позову)** instead of **міркування**, **розгляд**, **обговорення**).

In addition, the language used in legal documents displays certain typical features which as a matter of fact are hardly possible to read in English and in a target language, too. These words include the terms of art – peculiar words which have a precise and defined legal meaning. Firstly, they may not be familiar to the layperson, secondly, such terms of art cannot be substituted with the other words, i.e. rephrasing the term does not apply here. For example, whereas in legal English **lien** stands for ‘the right of one person to retain possession of goods owned by another person until the possessor’s claims against the owner have been satisfied’ (1) and whereas **indemnity** refers to ‘an agreement by one person to pay to another sums that are owed, or may become owed, to him or her by a third person’ (2) [Haigh 2010: 30], the Ukrainian legal terms of art shall correlate as follows: **право накладення арешту на майно боржника** and **гарантія відшкодування збитків**, accordingly. Please note the term in English in the first example contains just one element while the Ukrainian correlate is a multi-component term of art (six elements where five are nouns and one is a preposition). As regards the other example provided the main problem while rendering into Ukrainian goes with a number of potential terms which are other than the given: **компенсація**, **контрибуція**, **відшкодування збитків**, **звільнення від відповідальності** etc. However, the key to accurate translation is with the only one – **гарантія відшкодування збитків** as far as **indemnity** in English is not merely compensation against damages or losses incurred but **an agreement to pay** the discussed and agreed amounts if any, should losses incur in future.

Business and legal set expressions

Idioms are also viewed as well-established expressions that comprise some words (i) recognizable individually, and/or (ii) out-of-date in some cases but still with

a trace of the past meaning in the present form, and/or (iii) from these words only one is translated in a target language and the other(s) just accompanies it. I would rather refer such idioms to business and legal set expressions. They appear fixed in a certain context and never change logical, grammatical and lexical order. In order to demonstrate the way such set expressions function in a legal environment let us regard the following: **null and void** (1), **all and sundry** (2), and such as **to give, devise, and bequeath** (3) in the English language and their Ukrainian correlates **нікчемний** (1), **всі та кожен, всі до одного** (2) and **заповідати** (3). Given the elements in the first instance, in English and Ukrainian **null** stands for 'zero', 'vacuum', 'gap', or 'annihilated' as an adjective, and **void** means 'vacuum', 'emptiness', 'gap' as well. At the same time, speaking of contracts, agreements and deeds, the right way to say about impossibility to perform or enforce such contracts, agreements and deeds in English is to use the legal set expression **null and void**. The Ukrainian term **недійсний** enlists several alternatives: 1) **недійсний**; 2) **такій, що втратив законну силу**; 3) **неукладений (договір)**. However, the biggest problem is that **недійсний** may be translated into English as (i) **void**, (ii) **invalid**, (iii) **no effect**, (iv) **unenforceable**. The difference in the word would designate another legal problem and trigger the consequences of another legal nature, which is not acceptable in law. Here we face the problem where a translator's mistake may lead to essential misunderstanding and grave outcome. For example, a contract may be **valid** but **unenforceable** – a claimant if needed may not enforce performance of such contract even when applied to court. With the second example, two elements duplicate each other: **all** means 'everything altogether' and **sundry** means 'another, different, several', and finally with the third example, the entire set expression in English **to give, devise, and bequeath** means merely 'to give'.

Given the number of elements in the idiom it is reasonable to classify such legal set expressions into so called **douplets** – consisting of two parts, and **triplets** – three elements for one idea. Compare the Ukrainian legal term **умови договору** and the English douplet **the terms and conditions of the agreement**, where **terms and conditions** duplicate each other in the Ukrainian translation, the Ukrainian **укласти угоду** and the English triplicate **to make, enter into and sign the agreement**.

Business and legal phraseological units

Where it comes for translators and interpreters to handle idiomatic expressions of phraseological nature or known as culture-bound items, or realia, I would suggest translating such idioms in one of the three main ways. One of them concerns finding the equivalent expression in the target language (I), another relates to rephrasing such idiomatic term (II), and the other would go for literal translation of such idiomatic term (III). Way I is the most effective method but unfortunately it may not always be used because the business and legal idioms are often culturally derived, thus, which results in imperfect and inaccurate translations. For example, the English **dead duck** does not refer to a dead bird but to 'a failure', in Ukrainian it correlates to **глухар** 'a non-perspective case where once commenced the proceedings would lead to no result' from **глухар** 'a wood grouse', note also a bird; **that's not**

the way the cookie crumbles in English means ‘things do not always turn out the way someone wants’ and its Ukrainian equivalent conveyed by a proverb **людина мислить, а Бог креслить** (literary – ‘a man may think, but the God will cross/change that’).

Way II essentially means avoiding the word in question by rearranging/reworking the surrounding words, which is not always a good way to stay true to the original text: **up in the air** ‘undecided; uncertain’ and its equivalent in Ukrainian **заву-сло (про план, ідею і т.д.)**; the English idiom **to mend (one’s) fences** ‘to restore good relations (with someone)’ and the Ukrainian equivalent **закріпити свої позиції, відновити (дружні) стосунки** – ‘to become friends again’.

Way III where literary translation of the term is provided is the worst way to go. A translator/interpreter should do their best to avoid this way of translation at all costs. For example, the English idiom **caught red-handed**, which means that if some person is caught red-handed, they are caught in an act of doing something wrong, e.g. cheating, stealing, being bribed etc., should not be translated literally – **спійманий з червоними руками** but the translator/interpreter should grasp the real meaning in English and render it into Ukrainian appropriately trying to stay as close to the original as possible – **спійманий на гарячому** ‘caught on the hot’.

A lot of idioms that belong to this group function as metaphors: **at arm’s length** ‘at a distance, avoiding intimacy or familiarity’, **to build a case** ‘to gather the evidence needed to make a legal case against someone’, **to have a brush with the law** ‘to have a brief experience or encounter with the law’, or metonymy: **a slap on the wrist** ‘if someone gives you a slap on the wrist, they give you a mild punishment for making a mistake or doing something wrong’, **in good faith** ‘with good and honest intentions’, or simile: a **leading question** ‘a question to a witness designed to suggest or produce the reply desired by the questioner’, **legal age** ‘the age when a person can do things such as buy alcohol or cigarettes or when they are responsible for their actions and can borrow money etc.’.

Therefore, in business speech and writings idioms can be perilous as their meaning sometimes is not obvious to all participants, and, moreover, changes from time to time. It is quite embarrassing if a potential business partner – buyer, supplier, contractor etc. – says something in an idiom that the other party does not actually catch or absorb.

In addition, translation of idioms requires not only linguistic and translation skills from a translator/interpreter but also good awareness of the subject, a lot of things about culture, sports, customs and traditions, politics, religion and so on in connection with the peoples and language of the original speaker.

LITERATURE:

HAIGH, R. (2010): *Legal Correspondence*. Oxford University Press, UK.

KROIS-LINDNER, A. & TRANSLEGAL (2008): *International Legal English*. Cambridge University Press.

<http://languageaccess.us>.

ИГОРЬ ЧЕКУЛАЙ, ОЛЬГА ПРОХОРОВА

Россия, Белгород

ДЕЯТЕЛЬНОСТНАЯ ОСНОВА В ОБРАЗОВАНИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ «СТИХИЯ» ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ КАРТИНАХ СЛАВЯНСКИХ И ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКОВ

ABSTRACT:

Activity Basis of Creating Phraseological Units with the Component “Element” in the Phraseological of the Slavonic and Germanic Languages

The article deals with the problem of explanation the mechanism of phraseological motivation of the idioms with the basic components denoting the four main elements, namely fire, water, earth and air, the leading mechanisms being of metaphorical origin. The activity approach seems to be a most appropriate methodological basis to explain the reasons for appearing these lexemes within a representative number of set-expressions in different Slavonic and Germanic languages. Different models of using such expressions to perform various semantic functions are described.

KEY WORDS:

Elements – fire – water – earth, air – set-expression – metaphor – activity – functional and activity approach – value – evaluation.

Человек как биологическое существо живёт, несомненно, в физическом мире, мире материальных объектов. В то же время нельзя забывать и о том, что человек – это также существо мыслящее и социальное, живущее тем самым в мире идей и представлений. И очень часто эти представления находят почву для своего существования именно в мире материальных объектов, что реализуется, прежде всего, в таком универсальном феномене мышления, как метафора.

Человечество с данных времён (включая, в том числе, и философские воззрения) ассоциировало материальный мир в целом как соединение в разных пропорциях четырёх основных стихий бытия – огня, воды, земли и воздуха. Тем самым метафора отдельных стихий или их совокупности стала одной из основных форм переосмысления объективных и социальных явлений и процессов в менталитете жителей различных регионов Земли. Это находит вы-

ражение как непосредственно на лексическом (например, приземлённый, вогнистый/полум'яний, *Begründung*, *watery*, туманный и многие другие слова из данной семантической парадигмы), так и на фразеологическом уровне, и тем самым слова и фразеологические единицы с семантикой стихий участвуют в создании общей языковой и частной фразеологической картин мира для данных народов.

В принципе, это понятные и даже расхожие истины. Однако в их научном объяснении как феноменов мышления и языка отсутствует описание непосредственного механизма, который движет данным процессом. В частности, метафоризацию действий и поступков человека в метафорической форме флористических и фаунистических лексико-фразеологических номинаций типа перекасти-поле, грязный как свинья, *wall-flower* и им подобных легко объяснить общей биологической природой человека, животных и растений. Можно также объяснить и метафорические модели, где областью-источником являются неодушевлённые (но конкретные!) предметы природы и артефакты, например, твердокаменный, металевий (блиск), *doll* (о смазливой женщине куколка). Во всех этих случаях метафора объясняется более или менее постоянным признаком, общим для объектов источника и цели метафоры. Но стихии многогранны. Они могут быть спокойными и бурными, полезными и вредными, жизненно необходимыми и опасными, желанными и надоевшими, им можно приписать частный модельный признак (например, земля – это опора, воздух и вода – это то, что нельзя взять в руки, поддержать и т.п.). Поэтому теряются семантические основания для описания структуры фразеологических единиц, где для передачи определённого смысла используются номинации стихий в качестве вершинных компонентов этих фразеологизмов.

Исследование когнитивно-семантических и функционально-прагматических характеристик фразеологических единиц в различных славянских и германских языках позволяет сделать некоторые предварительные выводы. На наш взгляд, семантическим методологическим обоснованием подобных номинаций является функционально-деятельностный подход к изучению значимых единиц языка [Чекулай 2006: 98–109]. Его сущность состоит в том, что практически все значимые для жизни человека явления (существа, предметы, явления, процессы, признаки, отношения и т.п.) связаны с жизнедеятельностью и осмысленной деятельностью человека – носителя определённого языка, – и поэтому они получают языковые номинации. Поскольку указанные явления всегда могут получить аксиологическую (ценностную) интерпретацию в устах человека, то все они фактически являются ценностями разной степени значимости. Изначально ценности (за исключением относительно немногих понятий типа ДОБРО, ЗЛО, УСПЕХ, ЗАВИСТЬ) не имеют определённого оценочного знака, но в различных деятельностных ситуациях они приобретают такой знак, и мы в зависимости от ситуации можем интерпретировать их как положительные и отрицательные. Таким образом, оценка – это всего лишь выражение ценности [Анисимов 2001: 65].

Стихии, несомненно, являются ценностями, поэтому их многогранный ценностный характер получает определённые ситуативные интерпретации, которые фиксируются в метафорических инвариантно-фразеологических моделях. Их ценностный характер в результате оценочного переосмысления может преодолевать не до конца, поэтому ряд фразеологических единиц может обладать как семантикой положительной, так и отрицательной оценки в зависимости от ситуации семиозиса. В частности, фразеологическое сочетание грызть землю в двух приведенных ниже примерах имеют противоположные оценочные знаки: в первом – положительную интенсивную мотивацию к определённой деятельности, а во втором – ироническое отношение к излишнему служебному рвению, в частности:

– ...*Не спи, не пей, **землю грызи**, но подноготную его раскопай*, – сказал я Мерзону (А. И. Г. Вайнеры. Евангелие от палача).

– ... *Я за службу политруков и комиссаров видел – не сосчитаешь. Всякие были, и хорошие и плохие, но такие, как ты, – редкость. Тебе ведь куда надо было идти? В юристы надо! Прокурором. Там бы ты **землю грыз!*** (В. Успенский. Неизвестные солдаты).

Параллельно следует отметить, что в английском языке есть устойчивое словосочетание (относящееся, правда, к другой стихии – огню, – но подтверждающее данное положение нашего исследования) *fire and brimstone*, которое является многозначным. В своём «первичном» фразеологическом значении оно является эквивалентом адского пламени, но очень часто употребляемо и в положительно-оценочной коннотации, где передаётся живой, активный характер человека, в частности:

The minister gave out his text and droned along monotonously through an argument that was so prosy that many a head by and by began to nod-and yet it was an argument that dealt in limitless **fire and brimstone** and thinned the predestined elect down to a company so small as to be hardly worth the saving (M. Twain. The Adventures of Tom Sawyer), но:

But Papa was a man of **brimstone and hot fire**, in his mind and in his fists, and was known all over that (J. Steinback. The Grapes of Wrath).

Несмотря на указанную возможность противоположной оценочной интерпретации, можно, тем не менее, выделить ряд достаточно чётких фразеологических моделей, в состав которых входят компоненты, номинирующие четыре основные стихии, на определённых предметно-семантических основаниях. Так, фразеологизмы с компонентами «стихийной» семантики, особенно с компонентами *огонь* и *вода* как несовместимые агрегатные состояния, достаточно часто употребляются для описания определённой моторики или мимики человека как следствия переживаемых эмоций или состояний в исследуемых языках. В частности, *огонь в глазах* очень часто свидетельствует о переживаемых сильных эмоциях, в частности:

*Ипполит Матвеевич преобразился. Грудь его выгнулась, как Дворцовый мост в Ленинграде, **глаза метнули огонь**, и из ноздрей, как показа-*

лось Остапу, повалил густой дым. Усы медленно стали приподниматься (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев).

*І, може, через те такий дужий в отамана удар – не одна, а три руки опускають на ворожу голову шаблю, може, через те таким непримиренним **вогнем горять** його **очі** – не одна, а три ненависті скипілися в серці* (Ю. Мушкетик. Яса).

*She was small and slight in person; pale, sandy-haired, and with **eyes** habitually cast down: when they looked up they were very large, odd, and attractive; so attractive that the Reverend Mr. Crisp, fresh from Oxford, and curate to the Vicar of Chiswick, the Reverend Mr. Flowerdew, fell in love with Miss Sharp; being shot dead by a **glance of her eyes** which was **fired all the way** across Chiswick Church from the school-pew to the reading-desk* (W. M. Thackeray. Vanity Fair).

Другой важной фразеологической моделью является модель структурно-прагматического характера, состоящая из двух важных антитез. С одной стороны, *огонь* противопоставляется *воде*, а с другой *земля* – *воздуху*, или чаще такой сфере, которая непосредственно связана с воздухом, как *небо*. Антитеза земли и неба чётко вписывается в концепцию, высказанную Дж. Лакоффом и М. Джонсоном об ассоциации более возвышенного с положительными характеристиками, а сниженного – с отрицательными [Lackoff 2003: 14–17]. Метафорическое противопоставление огня и воды связано, прежде всего со сферой эмоциональной. Тем не менее, обе лексемы встречаются в такой универсальной для исследуемых языков модели, как передача различных жизненных обстоятельств, например, *пройти огонь и воду*. Впрочем, в качестве варианта часто используется вариант только с лексемой *огонь*, в частности:

Ротмистр посмотрит, щелкнет хлыстиком по голенищу, скажет: «Славяно!» *Вся даже грудь выпячивает от горделивой радости. С ротмистром Соломиньм **хоть в огонь**. Вся молодежь от него без ума. Храбрый офицер* (Б. Ясенский. Я жгу Париж).

*«Přeji si, abyste mluvil vždy pravdu a vykonával bez reptání všechny mé rozkazy. Jestli řeknu: **Skočte do ohně**, tak do toho ohně musíte skočit, i kdyby se vám nechtělo* (J. Hašek. Osudy dobrého vojáka Švejka za světové války»).

В рамках данной статьи трудно описать все частные модели актуализации номинаций стихий в составе фразеологических единиц. Тем не менее, приведенные факты показывают, что функционально-деятельностный подход может послужить эпистемологической базой не только применительно к фразеологическим единицам с компонентами, передающими семантику четырёх основных стихий, но и к прочим фразеологическим единицам, вершинными компонентами которых являются лексемы с достаточно неоднозначной семантикой. С учётом этого развитие исследовательской процедуры применительно к фразеологическим исследованиям представляется достаточно перспективным.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

АНИСИМОВ, С. Ф. (2001): Введение в аксиологию. М.: «Современные тетради».

ЧЕКУЛАЙ, И. В. (2006): Функционально-деятельностный подход к изучению принципов оценочной категоризации в современном английском языке. Белгород: Изд. БелГУ.

LACKOFF, J., JOHNSON, M. (2003). Metaphors We Live By. Chicago: Univ. of Chicago Press.

СВЕТЛАНА ЮРЬЕВНА ЧУМАКОВА

Венгрия, Будапешт

КОНЦЕПТ «ЦВЕТ» (ЧЕРНЫЙ, БЕЛЫЙ; FEKETE, FENÉR) В РУССКОЙ И ВЕНГЕРСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

ABSTRACT:

The concept of Colour (*black, white; fekete, feher*) in Russian and Hungarian Phraseology

The article provides a comparative analysis of the two concepts of color white/black and fekete/fehér, which showed both quantitative and qualitative coincidence. This is an indication of the universality of these languages.

KEY WORDS:

Concept of color – color in the language – connotations – proverbs.

Языки по-разному организуют цветовое пространство, различаясь не только в количестве наименований цвета, но и в их семантическом наполнении. В этой связи определённый научный интерес представляют наблюдения в области колористической лексики и фразеологии в языках, относящихся к разным языковым семьям. Цель данной публикации состоит в концептуализации наименований цвета в двух генетически неродственных европейских языках: славянском русском и финно-угорском венгерском – одном из немногих неиндоевропейских языков современной Европы, с его мощным славянским германским и тюркским культурно-языковым субстратом. Исследовались номинативные и метафорические единицы с основными и номинативно-производными значениями с учётом того, что в рассматриваемых конструкциях главнейшую роль играет основное – собственно цветовое значение, а все остальные значения прямо или косвенно отражены основному.

Важным представляется тот факт, что эти два, включённые в сферу наших наблюдений языка – русский и венгерский, в процессе своей длительной истории не имели ни взаимных, ни односторонних в территориальном смысле прямых контактов, это практически исключает факты давних языковых взаимовлияний и заимствований среди носителей именно этих

двух языков, которые гипотетически могли бы иметь место в частности в их колористической лексике и фразеологии. Факт отсутствия прямых контактов с венгерским языком характерен именно для русского, в отличие от других славянских языков, территориальных исторических соседей венгров. Предпринимаемый в данной публикации впервые опыт рассмотрения русского и венгерского лексического и фразеологического колористического материала позволяет судить как о случаях совпадений основной смысловой нагрузки концептов *чёрный*, *белый* и *fekete*, *fehér*, так и о представляющих особый интерес различиях в логических представлениях, позволяющих более отчётливо увидеть характерные ментальные черты русского и венгерского этносов. Основные значения цветовых концептов *чёрный*, *белый* и *fekete*, *fehér* выявлялись в соответствии с данными русских и венгерских академических толковых словарей и дополнялись сведениями из иных изданий. Русский толковый академический словарь даёт следующее толковое определение значения прилагательного *чёрный*: «имеющий цвет сажи, угля, самый тёмный из всех цветов» [БАС 1950–1965: 17; 918]. Среди многозначных русских прилагательных, обозначающих цвет, наиболее употребительным является *чёрный*, который относится к ахроматическим цветам, лишенным признака «цветности» (наряду с белым и серым). Учёные подметили, что «чёрный» и «белый» не симметричны в языках мира, что «чёрный» встречается гораздо чаще, чем «белый» [Вежбицкая 1996: 231]. Как в русском, так и в венгерском языке *чёрный* и *fekete* имеет разветвлённую систему значений, многие из которых подверглись процессам фразеологизации. В семантической структуре концепта *чёрный* отчётливо выделяются три группы значений: Первая группа включает номинативное непроизводное значение «цвета угля, смолы, сажи...» и номинативно-производные значения, включающие в свою семантику цветовые характеристики предмета. Значение «тёмный, более тёмный по сравнению с обычным цветом» (*чёрные от загара люди*, *чёрные зубы*, *чёрный как дёготь*) связано с исходным тождесемной связью, только «точкой отсчёта» для второго значения является не цвет угля или сажи, а обычный (*светлый* или *белый*) цвет предмета. Значение «погруженный во мрак, без освещения» (*чёрная зелень деревьев*) реализуется в сочетаниях с названиями предметов и явлений природы. Связь с исходным значением – актуальная тождесемная. Значение «темнокожий» (как признак расы) (*чёрный дед мой Ганнибал*) носит тот же характер, что и предыдущее значение. Вторая группа содержит метафорические переносные значения, включающие сему «грязный, испачканный чем-либо» (*он весь чёрный*, *лица у них чёрные*, *чёрное бельё*). Семантический компонент «грязный» возникает на основе ассоциативного представления о чёрном предмете как о грязном (*чёрные руки*, *чёрная шея*), следовательно это значение связано со значением «тёмный» потенциальной тождесемной связью. Для русского языка характерно значение «предназначенный для каких-либо служебных или бытовых целей» (*чёрный ход*, *чёрная лестница*, *чёрное крыльцо*). Если учесть, что чёрная лестница противопоставляется парадной лестнице, а чёрное крыльцо чистому, то

включённость в значение семы «грязный» становится обоснованной. В значении «физически тяжёлый, грязный и вместе с тем подсобный, не требующий профессиональных знаний и умения» (*чернорабочий, девка-чернавка, чёрная работа по дому, добывать кусок хлеба чёрным трудом*) связь со значением «тёмный» потенциальная, тождесемная. В третью группу входят значения оценочного характера: «отрицательный, плохой» (*чёрные стороны жизни*); «горестный, безрадостный, тяжёлый» (*чёрные мысли, чёрные вести, чёрная тоска, отложить про чёрный день*); «низкий, коварный, злостный» (*чёрная душа, чёрная зависть, чёрные дела*). Все значения третьей группы возникают на основе потенциальной семы «неприятный, плохой, зловещий», которая берёт начало от ассоциативного представления, сопровождающего восприятие чёрного цвета.

Общими компонентами концепта *чёрный* являются реальные семы «цвет» и «тёмный». Набор реальных сем дополняется потенциальными – психологическими ассоциациями с концептом *чёрный*. В русском языке психологическое воздействие чёрного цвета и его символика находят своё отражение в следующих ассоциациях: «дьявол», «смерть», «траур», «грязный», «мрачный», «плохой», «неприятный». Реально существующий в сознании носителей русского языка, этот набор сем должен полностью или частично реализоваться в значениях концепта *чёрный* в качестве лексико-семантических вариантов, закрепляющихся в связанных сочетаниях разного рода. Поскольку механизм восприятия у людей одинаков, одинаковой в основных своих чертах является и языковая номинация как форма отражения действительности. Таким образом, должны быть во многом сходными и пути развития переносных значений как отражение общих законов познания и мышления от конкретных значений к абстрактным, от простой номинации к выражению оценки и экспрессии. Это положение актуально и в отношении современных этносов в языковом плане неродственных индоевропейцам, но которые традиционно принадлежат сфере исторически обусловленного европейского культурно-языкового пространства. К ним относятся венгерский этнос, уже тысячелетие живущий в центре Европы, который, несмотря на оригинальную агглюкативную специфику своего языка, несомненно, является составной частью отмеченного культурно-языкового пространства.

Венгерский академический толковый словарь даёт следующую дефиницию концепта *fekete*: «Az a szín, amely a szén, korom és a kártány színét tartalmazza, a színek közül a legsötétebb» = «Имеющий цвет угля и сажи, дегтя самый темный из всех цветов», аналогично как и в русском академическом словаре. [MNES 1964: 585–586] (здесь и далее перевод с венг. наш – С. Ч.). В семантической структуре концепта *fekete* выделяются следующие группы значений: Первая группа включает значение цвета: *szén/уголь, korom/сажа, gyanta/смола* и номинативно-производные значения, которые включают в состав семантики цветовая характеристика предмета. Значение «тёмный, более тёмный по сравнению с обычным цветом» (*fekete föld/чернозём, fekete kenyér/черный хлеб, feketére sült a nyáron/черные от загара люди*). Значение «погруженный во

мрак, без освещения» *éjfekete/полночь, sötétéjszaka/черная ночь*. Реализуется с названием предметов и явлениями природы. Значение «темнокожий» (признак расы) *néger, fekete ember/негр*. Вторая группа содержит переносные значения, которые включают в себя сему «грязный, испачканный» *fekete (sötét) ügü/черное дело (темное) дело*. Так же как и в русском языке, в венгерском это значение характерно для бытовых нужд, но выражается другим словом *hát-só bejárat/черный ход*. Значение «неприятный, физически тяжелый» *segéd-munka/черная работа, segédmunkás/чернорабочий*. В третью группу входят значения оценочного характера «отрицательный, плохой, низкий, коварный, тяжелый, горестный, смертельный» *mindent sötéten lát / видеть все в черном цвете, fekete barát / черный монах, fekete humor / черный юмор*. Значение «зловещий» *feketen látja a dolgokat / видеть вещи в чёрном цвете, fekete do-boz / черный ящик*.

Концепт *белый* в русском языке антонимичен концепту *чёрный* и второй по частотности после него. У него практически нет значений оценочного типа, которые обнаруживаются у концепта *чёрный*. *Белый* – это нейтральное слово с множеством значений, понятийное содержание которого определяется целым рядом соприкасающихся лексико-семантических вариантов. БАС определяет структуру лексического значения концепта *белый* с помощью следующих значений и в следующей последовательности: Имеющий цвет снега, молока, мела и т.д. или приближающийся к этому цвету (в противопоставление к *чёрному* цвету); Ясный, светлый (о времени суток, о свете); Чистый (устар. и обл.) (о бумаге, избе, горнице и т.д.); Контрреволюционный, действующий против Советской власти или направленный против неё (в противоположность *красному* – революционному). В условном употреблении (белая ворона, белая кость, белая горячка, белый уголь) [БАС 2004: 1, 533]. Болезненный (белокровие/лейкемия, бледность).

Цветовое значение концепта *белый* является главным, доминирующим над всеми отмеченными выше значениями. Это значение наиболее обусловлено парадигматически и наименее синтагматически. В цветовом значении прилагательное *белый* способно сочетаться неограниченно с самыми различными словами, которые обозначают предметы и явления окружающего реального мира.

Анализ ассоциативных норм русского языка обнаруживает разные варианты, психологического воздействия белого цвета и связанную с ними символику. Приведение к одному коэффициенту частотности и устранение дублетных и синонимических обозначений даёт возможность выделить следующий набор ассоциантов концепта *белый*, записываемый как потенциальные семы его значения: 1) цвет, 2) светлый, 3) зимний, холодный, 4) чистый, невинный, 5) контрреволюционный, действующий против Советской власти, 6) ангельский, святой, 7) болезненный, смертельный, 8) хороший, красивый, 9) необычный.

В современном русском языке концепт *белый* входит в состав следующих сочетаний, в том числе имеющих терминологический характер: *белые акулы*,

белый билет, белая ворона, белая гвардия, белая горячка, белый день, белая зависть, Белая книга, белые люди, белая магия, белый негр, белая ночь, белое оружие, белая порода, белая раса, белая работа, белые ручки, белый свет, белый флаг, белый хлеб.

Венгерский академический толковый словарь даёт следующее определение концепта *fehér*: Имеющий цвет снега (снежный, морозный), молока (*fehér, mint a hó/белее чем снег, fehér táj/белый пейзаж*). Чистота, невинность (*fehér, mint a liliom /белее лилии, fehér menyasszonyi ruha/белое свадебное платье*). Значение неизвестность (*fehér folt/белое пятно, mára már alig maradt fehér folt a világ térképén/сейчас на карте мира практически нет белых пятен*). Светлый, бледный, ясный (*fehér kenyér/белый хлеб, fehér az arca, mint a fal, paduon sapadt/белый как стена, очень бледный, fehér éjszakák/белый ночи*). Условное употребление (*delirium tremens/белая горячка, fehér varjú/белая ворона, szabad vers/белые стихи*). Контрреволюционный, коммунистический (*fehér gardista/белогвардеец, a fehérek a vörösök ellen harcoltak/белые воевали против красных*). Болезненный (белокровие, лейкемия / *fehérvérűség*) [MNES 1964: 568–571].

Следует отметить, что в русской языковой традиции, как и в других индоевропейских культурах *белый* и *чёрный* цвета и связанные с ним концепты *свет-тьма*, *день-ночь* и другие рассматриваются традиционно как противоположные сущности, например *белым по чёрному*. В венгерском языке: сема цвет, ясность, конкретная определенность. *Meg van írva fehérre fekete* = *чёрным по белому написано* – совершенно ясно, четко, недвусмысленно. Эта модель свойственная почти всем языкам, *sötetben minden fehér fekete* = *ночью все кошки серы* = *sötetben minden tehát fekete* – в темных, неясных, кризисных ситуациях трудно разобраться, кто прав, кто виноват. В обоих языках, как видим *белый* и *чёрный*, *feke* и *fehér* выступают как противоположные цветовые сущности. Например, в английском: *чёрным по белому* = *black and white*. Негативные оценочные характеристики, невозможность исправить что-либо. *Kívül fehér, belül fekete* = *белый снаружи, чёрный изнутри, fekete tehát nek is fehér teje* = *чёрная корова даёт белое молоко, a fehér kez igen munkát szeret* = *белые ручки чужие труды любят* – говорится о белоручках, то есть говорит о лени человека и нежелании работать. «Чистый опрятный»: *mosakodj fehérre, a vendégek kövel vannak* = *мойся беленько, гости близенько, akár hogy is mosakodsz, a hónap fehérrebb nem lesz* = *мойся хоть кожу сотри, а белее воды не будешь. Kéz lemossa a másikat, és mindkettő fehér él* = *рука руку моет, и обе белы живут*. Сема «честность». *Fekete kéz, fehér pénz (fekete kézzel is keresik a fehér pénz)* = *чёрные руки белые деньги (чёрными руками зарабатывать белые деньги)* – достаток, честно заработанные деньги, чистые деньги. *Fekete az ing viztat a lelismertet fehér* = *рубашка чёрная, да совесть белая*.

В результате компаративного анализа были выявлены значительные качественные и количественные совпадения цветовых концептов *чёрный* и *белый* в русском языке и их лексических соответствий *feke* и *fehér* в венгерском языке. Из множества рассмотренных автором полисемантических

идиом с компонентами *чёрный и белый*, а также *fekete u fehér* (большая часть из которых не была включена в текст данной статьи по соображениям экономии места), доля кардинальных несовпадений или даже частичных расхождений прямых и переносных значений, по предварительной оценке не превышает более 25 процентов. Это подтверждает значительную меру универсальности рассматриваемых цветовых концептов в обоих языках.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

БАС – *Большой академический словарь русского языка* (2004). Т. 1. М. – Спб.

ВЕЖБИЦКАЯ, А. (1996): *Обозначение цвета и универсалии зрительного восприятия*. Ип.: Язык. Культура. Познание.

ДАЛЬ, В. И. (1883–1886): *Толковый словарь живого великорусского языка в 4 томах*. М. – Спб.

Словарь современного русского языка в 17 томах (1950–1965). М. –Л.: Изд. АН СССР.

Фразеологический словарь русского языка (1967). Под ред. Молоткова, А.И.

A magyar nyelv értelmező szótára, 7 kötetes szótár akadémiai kiadó (1960). Budapest.

O. NAGY, G. (1966): *Magyar szólások és közmondások, 7 kiadás*.

ROSSICA OLOMUCENSIA LIII

Sborník příspěvků z mezinárodní konference
XXII. Olomoucké dny rusistů 04.–06.09. 2013

Olomouc 2014

Hlavní redaktor (uspořadatel): PhDr. Ladislav Vobořil, Ph.D.

Výkonný redaktor: doc. Mgr. Jiří Špička, Ph.D.

Odpovědný redaktor: Mgr. Jana Kreiselová

Technická redakce: Mgr. Kateřina Neumannová, PhDr. Ladislav Vobořil, Ph.D.

Návrh obálky: Ivana Perůtková

Publikace neprošla ve vydavatelství jazykovou redakcí.

Vydala a vytiskla Univerzita Palackého v Olomouci

Křížkovského 8, 771 47

e-mail: vup@upol.cz, www.upol.cz/vup

Olomouc 2014

1. vydání

Ediční řada - *Sborník*

ISBN 978-80-244-4077-4

